

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Байкальский государственный университет  
Интеллектуальный деловой клуб «Байкальские стратегии»**

**ИРКУТСКИЙ  
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ  
ЕЖЕГОДНИК**

**2020**

Иркутск  
Издательство Байкальского гос. университета  
2020

УДК 338(571.5)(091)  
ББК 65.01(2Р5)г  
И81

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:  
проф. А.В. Шалак, проф. В.М. Левченко,  
проф. Г.А. Цыкунов, доц. Д.Я. Майдачевский

**И81 Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020.** —  
Иркутск: Изд-во БГУ, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-7253-3017-5

Ежегодник знакомит с результатами исследований истории хозяйственного освоения Сибири. В издании также широко представлены социокультурные и политические факторы экономического развития региона, проблемы историографии, источниковедения и методологии изучения темы. Содержит материалы Всероссийской конференции, посвященной памяти В.Н. Шерстобоева.

УДК 338(571.5)(091)  
ББК 65.01(2 Р5)г

ISBN 978-5-7253-3017-5

© Издательство БГУ, 2020

## К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! В последние годы набирает обороты тенденция, в соответствии с которой научным «весом» обладают статьи, публикуемые в журналах, включенных в перечень научных изданий ВАК, в международную базу данных SCOPUS, либо просто в иностранных изданиях. Чиновники от науки наивно полагают, что таким образом будут решены отечественные проблемы в научной сфере: оформятся актуальные научные направления исследований, будет налажена связь науки с производством, наука будет прирастать молодыми талантливыми кадрами, радикально изменится материально-техническое обеспечение вузов и материальное положение ученых. Данная тенденция неизбежно приводит к тому, что проводимые региональные и Всероссийские конференции все чаще на выходе заканчиваются в лучшем случае публикацией отдельных докладов в индексируемых журналах, издаваемых организаторами конференций. Большинство ученых ориентируются на публикацию своих материалов в соответствующих журналах, чтобы их статьи учитывались в различных рейтингах, эффективных контрактах и т.п.

Редколлегия «Историко-экономического Ежегодника» осознает значение полноценных печатных изданий по итогам конференций для становления молодых исследователей, консолидации научного сообщества региона, представления о новых научных поисках, новых открытиях, новых именах. Поэтому, несмотря на все проблемы, мы продолжаем традицию издания Ежегодника, надеемся на ваше понимание и активное участие в этой работе в дальнейшем.

В формировании двадцать второго выпуска Ежегодника приняли участие 70 авторов из 9 субъектов Российской Федерации, представляющих более 20 образовательных и научных учреждений страны.

Издаваемый выпуск Ежегодника сохраняет в основе традиционные рубрики. Основная часть материалов посвящена исследованию различных аспектов хозяйственного освоения регионов, развитию транспортных коммуникаций, демографических проблем. Наряду с вопросами экономики, широко представлены публикации по различным аспектам социального, культурного, политического и правового развития Сибири, роли природоохранных традиций.

Часть исследователей, особенно из академических научных учреждений, продолжает активно разрабатывать многоаспектную проблему трансграничных связей сибирского региона. В современных условиях изучение этих вопросов приобретает особую практическую значимость. Мы лучше понимаем своих соседей по границе и опираемся в этом на

знание предшествующих экономических, культурных, политических связей. Поэтому материалы по данной теме в двух последних выпусках Ежегодника выделены в отдельную рубрику.

Значительная часть материалов выпуска являются междисциплинарными исследованиями, выполненными в рамках научных грантов. Тенденция роста междисциплинарных исследований отмечается во всех последних выпусках Ежегодника.

Материалы, публикуемые в Ежегоднике, являются наглядным подтверждением плодотворной деятельности авторского коллектива, сложившегося вокруг этого издания и неравнодушных к истории сибирского региона. Редакционная коллегия благодарит авторов, принявших участие в формировании двадцать второго выпуска, и выражает надежду на наше дальнейшее творческое сотрудничество.

***РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ***

---

## РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.01

*Т.А. БОРИСОВА*

УДК 930.1

ББК 63.3

### **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯ «КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛИЗМА» В СИБИРСКИХ РАБОТАХ Н.А. РОЖКОВА (1910–1917)**

В статье рассматривается концепция «культурного капитализма» историка и общественно-политического деятеля Н.А. Рожкова, представленная им на страницах сибирской прессы в 1910–1917 гг. Выделяются этапы развития концепции, дается общая характеристика модели социально-экономического развития России 1910-х гг. в трактовке Н.А. Рожкова.

**Ключевые слова:** Н.А. Рожков, культурный капитализм, социально-экономическое развитие России, меньшевики в Сибири, ликвидаторство, сибирская пресса, история РСДРП.

*Т.А. BORISOVA*

### **SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE CONCEPT OF «CULTURAL CAPITALISM» IN THE SIBERIAN WORKS OF N. A. ROZHKOV (1910–1917)**

The article discusses the concept of «cultural capitalism» of the historian and socio-political figure N.A. Rozhkov, submitted by him on the pages of the Siberian press in 1910–1917. The stages of development of the concept are highlighted, its general description is given and a model of socio-economic development of Russia in the 1910s, proposed in the interpretation of N.A. Rozhkov, is presented.

**Keywords:** N.A. Rozhkov, cultural capitalism, socio-economic development of Russia, the Mensheviks in Siberia, liquidationism, Press of Siberia, the history of the RSDLP.

Цель настоящего исследования — возвращение в научный оборот трудов Н.А. Рожкова периода нахождения в сибирской ссылке (1910–1917) и обращение к его идее «культурного капитализма». Тема «культурного капитализма» появляется в научно-публицистических работах ученого на страницах сибирской периодики уже в первые годы его пребывания в Иркутске (1910–1911). В дальнейшем в работах обозначилось то, что можно

считать своего рода концепцией «культурного капитализма».

Автор данной статьи полагает, что утверждение о формировании концепции именно в период ссылки Рожкова (сделанное прежде) является не вполне корректным [3]. Еще во время пребывания в Бутырской тюрьме он вел исследования, закладывавшие, вероятно, фундамент как для будущей многотомной «Истории России в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)», так и для научно-публицистических работ о состоянии и развитии капитализма России. Полученные же в ссылке наблюдения за хозяйством Сибири, как будто не знавшей «классической» российской модели крепостного права, скорее, лишь убедили его в правильности собственной гипотезы.

В равной степени не совсем корректным было бы утверждать, что данная концепция Рожкова исключительно оригинальна. Ее истоки лежали в работах российских марксистов рубежа XIX–XX вв., представителей различных партий и движений, например, П.Б. Струве [1]\*. В начале же 1910-х гг. особенностям развития капитализма в России уделяли внимание многие деятели социал-демократического движения: помимо В.И. Ленина эта проблематика разрабатывалась А.А. Богдановым, О.Ю. Мартовым, М.С. Ольминским, О.Е. Ерманским и др.

Кроме того, не будет ошибкой предположить, что рядовой, неподготовленный читатель сибирских изданий тех лет вряд ли мог сформировать целостное представление о том, что же такое «культурный капитализм» в понимании «заезжего» социал-демократа Рожкова. Такой неподготовленный читатель, скорее, был поставлен перед необходимостью самостоятельных рассуждений, чтобы из отдельных статей Николая Александровича, содержащихся в них деталей, составить полное и внятное представление о конструируемой автором стадии социально-экономического развития.

Тем не менее, вычленив компоненты концепции Рожкова представляется возможным. Своеобразные признаки «культурного капитализма», описываемые им в сибирских публикациях (1910–1917 гг.), обобщив, можно представить следующим образом:

- 1) демократическая организованность народных масс (одна из основных черт развитого «культурного капитализма»);
- 2) самоуправление широких народных масс;
- 3) процесс «окультуривания» российской буржуазии; появление легальных общественных организаций, которые будут способствовать определению политического курса и осуществлению демократических реформ;

---

\* Эту идеологическую близость к «противнику» не преминули, впоследствии, поставить в вину уже покойному Рожкову [31, с. 158–159].

- 4) развитие кооперации с условием ее монополизации [19; 28];
- 5) увеличение производительных и культурных расходов в противовес расходам непроизводительным (в бюджете) [26].
- 6) появление «утонченно-культурных» приемов эксплуатации [19; 26];
- 7) формулирование задач последовательной демократии в части формирования идеологического базиса «культурного капитализма».

«Культурный капитализм» Рожкова — это техника, технологии, новые идеологические и управленческие концепции развития промышленного и сельскохозяйственного производства и т. п. Ядро данной концепции, по сути — процесс становления гражданского общества, где культурная буржуазия (читай — «средний класс»), обладающая достаточными ресурсами, станет выступать инициатором технических, технологических и иных перемен в производстве, организации труда; инициатором изменений в области культуры производства и социальных гарантий работникам.

Помимо этого, Рожков ожидал от «культурной буржуазии» проявления политической инициативы по усовершенствованию государственного устройства, что должно было стать одним из инструментов легализации политической борьбы. Другим подобным инструментом должны были стать действия самих рабочих (а не только теоретиков-идеологов рабочего движения), а также делегатов «последовательной демократии» в IV Государственной Думе<sup>11</sup>.

Собственно, все вышеперечисленное укладывается в «традиционное» для советской историографии определение Рожкова как «ликвидатора» («меньшевика-ликвидатора»), выступавшего с 1911 г. за легальные формы общественно-политической борьбы [33]. Однако современное прочтение сибирских работ Рожкова дает актуальную пищу для размышлений о месте и значении его идей в контексте исторических, социологических, экономических знаний XX в., которые предвзим, однако, рядом уточнений.

Во-первых, формат сибирских изданий, в которых он мог публиковаться беспрепятственно и систематически — важный фактор, определявший как содержание, так и стилистику, и объем его статей. В большинстве случаев это были еженедельные или ежедневные газеты, предполагавшие размещение довольно ограниченного материала, написанного, к тому же, доступным (для понимания теми же «широкими народными массами») языком.

---

<sup>11</sup> Это подтверждало идею Рожкова о том, что «господствующие классы» вынуждены считаться «с объективными задачами времени» [26].

<sup>12</sup> Рожков не питал иллюзий по поводу такой инициативы, но объяснял ее объективной необходимостью для «культурной буржуазии», вынужденной развивать у себя новое мышление с учетом индустриального развития страны.

Во-вторых, за кадром для непосвященного читателя оставался Рожков — лектор и пропагандист (уже не «столичного» периода, а времени ссылки). А ведь его научная публицистика наверняка дополнялась и публичными выступлениями, благодаря чему указанная концепция приобретала бы более ясные очертания.

В-третьих, за текстами статей о «культурном капитализме» (пусть и подписанными псевдонимами) угадывается Рожков-историк, с преподавательским прошлым и, все же, с некоторой «кабинетностью» и теоретизированием\*.

В-четвертых, оставаться вне контекста времени Рожков не мог: на страницах столичных и провинциальных изданий шли дискуссии о путях развития страны в ходе революционных или эволюционных перемен, которые, в идеологической (теоретической) части, по сути, и продолжали спор о соотношении того, что интерпретировал в марксизме уже упомянутый выше П.Б. Струве: приоритет национального богатства или же народного благосостояния [1, с. 36–37]? В условиях 1910-х гг., когда выбор универсального, удовлетворяющего интересы обеих (и государства, и общества) сторон, варианта развития событий не представлялся возможным. В практической же части речь в подобных спорах шла, например, о преимуществах и недостатках тейлоризма и фордизма (О.А. Ерманский, А.А. Богданов), поднимался вопрос рабочего страхования (В.С. Войтинский) и др.

В-пятых, рассмотрение позиции Рожкова в отношении сибирских проблем, включая становление «культурного капитализма», говорит о том, что он рассматривал Сибирь как регион, имеющий определенную специфику общественно-политического и социально-экономического развития (в том числе, развития замедленного). Более отсталое, по мнению ученого, хозяйство края не позволяло делать выводы о параллельном и одновременном продвижении России и Сибири к стадии «культурного капитализма». При этом замедленность не служила основанием для какой-либо абсолютной исключительности Сибири — социально-экономические процессы в центральной части страны и в Сибири были, по его мнению, в основном, общими, хотя и могли различаться в деталях, и протекать в разное время.

Если говорить об общей характеристике работ Рожкова, опубликованных на страницах сибирских изданий, в которых возможно проследить «культурно-капиталистические» идеи, то, по мнению автора данной работы, они могут быть сгруппированы следующим образом.

**«Установочные» статьи** о периоде становления в России «культурного капитализма» (в противовес «хищническому» крепостническо-

---

\* Прекрасный оратор, но не рабочий, не служащий, не «практик», а, все же, теоретик.



му, господствовавшему до начала 1900-х гг.). Это основополагающая тема работ периода первоначального пребывания Рожкова в Иркутской губернии (1910–1911). «Производительные силы страны для своего развития нуждаются в определенных свободных формах общественной жизни, — писал он. — Этих форм нет, и потому мучительно затягивается депрессия. А это отражается на настроении различных общественных групп — прежде всего торгово-промышленного класса» [24].

Однако уже в начале 1911 г. в статье, посвященной деятельности III Государственной Думы, Рожков склонялся к другому: «Россия перешла уже к стадии накопления капиталистического, к более культурным формам капиталистической эксплуатации...» [15]. Законодательная база для развития культурного капитализма, по его мнению, пополнилась мерами, предоставленными Думой в 1910 г. Эти меры способствовали ликвидации остатков крепостнического хозяйства в выгодной для крупного землевладения (в частности дворянского) форме, и представляли собой законопроекты о насаждении единоличного крестьянского землевладения и понижении пошлин на сельскохозяйственные машины (что покровительствовало бы отечественному машиностроению).

Неясно, что заставило Николая Александровича в столь короткий срок изменить свою линию, однако его взгляды на перспективы правительственной политики и соотношение общественных сил изменились уже в начале 1911 г. Настойчивее проводилось и рельефнее прорисовывалось им именно то, что и можно считать концепцией становления в России «культурного капитализма». К тому же давалась уже несколько иная характеристика его составляющих. Так, говоря о состоянии финансов в России, Рожков резюмировал: «...основная объективная задача времени — полное торжество культурного капитализма над капитализмом грубо-хищническим, полукрепостническим — рисуется совершенно ясно. Между тем русский государственный бюджет есть не что иное, как очень ясное и яркое финансовое отражение как раз этого полукрепостнического капитализма» [26].

Или же, усматривая в расходном бюджете тенденцию в сторону развития производительных и культурных расходов в ущерб непродуцируемым, он подтверждал свою идею: господствующие классы начинают считаться с объективными задачами времени. При этом Рожков отмечал, что «культурная буржуазия» всегда остается буржуазией, согласной лишь на тот минимум уступок трудящимся, который ей выгоден. Следовательно, консолидация с ней может быть чревата негативными последствиями для трудящихся масс [22].

В русле данной концепции разрабатывалась и тема становления профессиональных организаций рабочих и служащих и страхового ра-

бочего законодательства по аналогам европейских стран [14; 16; 29]. Парламентские дебаты вокруг законопроектов о страховании или гражданских свободах, изучение общественного мнения — в Сибири, в частности, — позволяли Рожкову делать в политических обзорах выводы о становлении России как буржуазной страны. «Стоит уйти от либерального идеализирования конституционализма, стоит взглянуть на факты русской жизни глазами историка, — и постепенно перерождение природы государства, совершившееся за последние годы, станет ясно», — писал он в концептуальной статье газеты «Новая Сибирь» от 1 января 1913 г., подводя итоги года минувшего [21].

В русло подобных идей укладывалась и его позиция в части легализации политической борьбы в условиях развивающегося «культурного капитализма».

Стоит отметить, что в отличие от работ, опубликованных в сибирской прессе в 1910 — начале 1911 гг., статьи конца 1911 — начале 1913 г. уже не содержали прямых доказательств вступления страны в стадию «культурного капитализма», а проводили идеи практического осуществления поэтапного государственного реформирования. Одной из форм легальной борьбы была парламентская деятельность, которая, однако, являлась для Рожкова не самоцелью, а дополнительной вехой на пути демократизации государства.

**Статьи о влиянии войны на хозяйство России** и, как следствие этого, на развитие «культурного капитализма», 1914 — начало 1916 гг. Наиболее известной из данной группы является, пожалуй, статья «Война и хозяйство России», что была опубликована Рожковым в «Сибирском журнале» [12]. В общих чертах она перекликалась с другой его статьей, вышедшей в октябре 1915 г. под аналогичным названием на страницах Петербургского журнала «Современный мир» [13]. Значительный интерес представляет и статья «Россия накануне войны», помещенная в «Сибирском обозрении» [23]. Между тем, вырванные из общего контекста его работ, данные публикации могут выглядеть весьма одиозно и двусмысленно.

Так, обе публикации в анти-оборонческих сибирских изданиях, как будто, говорили об очередной «смене вех» у Рожкова. Оценивая позицию российской буржуазии на современном этапе, он замечал, что она значительно отличается от довоенной [4, с. 422]. Оппозиционность крупной буржуазии «старому строю», проявление которой наметилось до войны, с 1914-го начинает стираться из-за усиления ее экономических амбиций. Кризисная ситуация обнажила тот факт, что во многих представителях «прогрессивных» капиталистов, по словам Рожкова «... живут еще старые хищники, что им далеко еще до настоящих капиталистов-предпринимателей культурного типа. А это как раз сближает их с

правлящими сферами, создавая тормоз для свободного развития страны» [23]. Таким образом, война отбросила развитие «культурного капитализма» назад.

Казалось бы, очевидные для сегодняшнего дня вещи; тем не менее, Рожкову в этой части сполна досталось критики, как от лица современников, так и от лица ученых-историков 1930–1980-х гг. Рассуждая о влиянии войны, Рожков замечал, что, в конечном счете, она способна ускорить социально-экономические процессы, в том числе — капиталистическое развитие России и Европы. Можно полагать, что Рожков видел главную задачу ближайших лет в развитии и прогрессировании «культурного капитализма», оформление которого война не уничтожила, но лишь «подчеркнула необходимость планомерной организации народного хозяйства и финансов». Итоги и последствия Первой мировой войны показали, что Рожков не так уж был и неправ в своих умозаключениях и попытке «смены вех».

Группа статей, которая может быть обозначена как **публикации «о новых задачах»** в условиях продолжающегося военного времени. К данной группе можно отнести публикации 1916–1917 гг. на страницах периодических изданий гг. Читы, Ново-Николаевска.

В круг этих задач, по мнению Рожкова, входило усиление общественных организаций и самоуправления для преодоления хозяйственного кризиса и дороговизны жизни, вызванных войной. Одним из инструментов «культурного капитализма» здесь выступает кооперативное движение: «Кооперация — одно из проявлений демократической организованности, а демократическая организованность — одна из основных черт культурного, развитого капитализма» [19].

Эта мысль красной нитью проходила и через другие его работы 1914–1917 гг.: привычка населения к общественной деятельности в кооперативах привела бы к тому, что отдельные их члены и в другой ипостаси действовали бы сообразно общественным интересам. В то же время, рост влияния печатной пропаганды кооперативного движения и просвещения в этой сфере в те годы, например, в Забайкалье был достаточно высок. Особенно значимый практический эффект наблюдался в сельской местности, где кооперативы нередко выступали весомым средством объединения и демократизации народных масс [8, 1915, оп. 245, д. 5, ч. 26, лит. «Б», л. 30]. В то же время, идея Рожкова здесь — это демонополизация (или пресечение попыток монополизации) кооперативов и приоритет социал-демократического направления: «... организации, союзы всякого рода — кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества, общества защиты интересов трудящихся — необходимы *чисто-демократические* (курсив Рожкова. — Т. Б.), без всякого их подчинения организациям буржуазии, хотя бы и культурной. Полная

самостоятельность и самодеятельность — вот наше знамя, вот залог светлого будущего» [11].

Собственно, завершающий этап развития концепции «культурного капитализма» — это публикации Рожкова в канун и в начале 1917 г. Подводя итоги 1916-го, он отмечал, что минувший год стал тем рубежом, когда Россия могла бы уже твердо вступить в стадию культурного капитализма: «Было время — и у нас в России не так еще давно, — когда капитализм отличался грубо-хищническим характером и технически и экономически... Как бы то ни было, если не развитой культурный капитализм, то его зародыши прорубили себе дорогу и в нашем отечестве. Но вот наступила война и во многом повернула обратно колесо истории» [20].

Рожков полагал что потрясения, подобные событиям десятилетней давности, являются для страны пройденным этапом, и Россию ждет мирное развитие «в направлении к росту культурного капитализма в его высших формах». Переход к культурному капитализму от грубо-хищнического, по его мнению, уже осуществляется по итогам минувшей буржуазной революции. Приводимые данные призваны были подтвердить этот факт: за последние 10 лет увеличилось число рабочих, намечился быстрый рост обрабатывающей промышленности. Факторами, свидетельствующими о развитии «культурного капитализма» в сельском хозяйстве, Рожков считал замену общины личной крестьянской земельной собственностью, уменьшение крестьянского малоземелья посредством переселенческой политики, увеличение ввоза сельскохозяйственных машин<sup>\*</sup>. Одной из характерных особенностей «культурного капитализма» он считал и рост кооперации.

Фактически подводя итоги опубликованному за пять лет на страницах сибирских и центральных изданий, Рожков констатировал: «По моему глубокому убеждению, великий перелом уже свершился, и Россия стала на путь развития культурного капитализма. Повторение недавнего потрясения теперь немислимо. Поэтому задача печати сейчас — всячески содействовать мирному культурно-капиталистическому развитию страны и деятельно работать над тем, чтобы процесс культурно-капиталистического развития совершился возможно быстрее и возможно безболезненнее для большинства населения» [18].

Этой третьей группой статей, по сути, и завершается цикл работ о «культурном капитализме» на страницах сибирской прессы.

А что же «культурная буржуазия»? Не секрет, что ряд газет с участием Рожкова издавался на ее средства (издания в Иркутске, Ново-Николаев-

<sup>\*</sup> Так, например, в своих статьях Рожков выступал против сотрудничества кооперативов с биржевыми комитетами — на страницах прессы гг. Читы, Ново-Николаевска.

<sup>\*\*</sup> Однако это не означало, что Рожков безоговорочно поддерживал Столыпинскую аграрную политику, о чем свидетельствует ряд других его статей 1910 — 1915 г.

ске) [8, 1912, оп. 242, д. 5, ч. 27, лит. «Б», л. 111; 1916, оп. 246, д. 5, ч. 81, лит. «Б», л. 5; 7, оп. 1, д. 701, л. 31–32, 121; 30, оп. 2, карт. 25, ед. хр. 3, л. 6]. Так, например, «предвыборную» ежедневную «Молодую Сибирь» финансировали подрядчик И.И. Рункевич и инженер И.И. Шилингер, выставленные «последовательной демократией» (читай — социал-демократией) кандидатами в IV Государственную Думу. Первый из них оказывал изданиям Рожкова (по крайней мере, иркутской «Молодой Сибири») материальную поддержку, однако лишь в том объеме, которого хватало на непосредственный выпуск тиража и наем подставных редакторов. Он же предоставлял свою квартиру для собраний «Литературной группы», состоявшей из представителей иркутской демократической интеллигенции и ссыльных [5; 30, оп. 1, карт. 22, ед. хр. 14; 32].

О взаимодействии «культурной буржуазии» и пролетариата Рожков говорил на страницах ново-николаевской газеты в 1916–1917 гг., развивая идею необходимости формирования плеяды сознательных, квалифицированных рабочих: «Культурно-капиталистические предприятия, — писал он, — заинтересованы в духовном подъеме своих рабочих, тем более в поддержании их физических сил: от этого увеличивается и производительность труда» [17]. И если вновь вспомнить его идею легализации рабочего движения, то, с одной стороны, она объяснялась им усилением в обществе буржуазных начал, «полевением» буржуазии. С другой стороны, сам факт этой легализации и должен был во многом предопределить те основы, на которых произошло бы такое объединение. Предопределяющую роль «дворянского фактора» в 1910-е гг. Рожков отрицал, что стало еще одной из вех, размежевавших его с видными большевистскими деятелями и лично В.И. Лениным.

Сегодня уже иначе, даже в сравнении с периодом 15–20-летней давности, и совсем не утопично выглядит идея Рожкова о необходимости «помощи» со стороны социал-демократов в самоопределении буржуазии. Не сознавая значения этой «помощи», демократия, по мнению Рожкова, могла упустить и момент для собственного самоопределения в обществе. В свою очередь, в прогнозах Рожков пытался учитывать интересы не только известных классов, но и различных социальных групп и подгрупп внутри них. Не отрицая идею гегемонии пролетариата и даже несколько, на наш взгляд, идеализируя его (что прослеживалось в статьях 1912–1917 гг.), в контексте ситуации он исходил из необходимости гегемонии (пусть и временной) «культурной буржуазии» [22; 25].

---

\* Лояльность Рожкова к «культурной буржуазии» Иркутска и сотрудничество с ней вызвали критику на страницах городской прессы со стороны И. Г. Гольдберга (псевдоним «Irridens»). Спор имел не только политическую (эсер Гольдберг и меньшевик Рожков), но и социальную подоплеку: «заезжий» политический деятель против деятелей иркутских [2; 6].

В этом контексте статья 1911 г. «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» [25], вызвавшая в свое время резонанс в кругах российской социал-демократии, выступала, пожалуй, как промежуточное звено оформлявшейся концепции «культурного капитализма»<sup>\*</sup>.

Рожков не единственный для своего времени, но один из немногих исследователей, кто — иногда, как будто, интуитивно — выходил за рамки сложившихся в то время концепций, устаревающих опорных «скелетов». Выходил потому, что они уже не давали ему ни полных объяснений появляющимся «отклонениям» в социально-экономических и политических процессах (происходившим в России в первые десятилетия XX века), ни актуальных моделей для планирования и просчета возможных перспектив.

Что касается идеи «культурного капитализма», то, в тех или иных вариациях, она получила развитие на протяжении XX в. Однако современные ее трактовки еще в большей степени, чем это было у Рожкова, уходят в социологию, в том числе — историческую социологию и социальную философию.

Можно предположить: на протяжении XX века тот феномен, который можно определить как «культурный капитализм», развернулся буквально от сферы интересов производителя — к потребителю. Из сферы противопоставления национального богатства и народного благосостояния (несоответствия прогресса в области производства и прогресса в области потребления [1, с. 36]) «культурный капитализм» перешел в сферу потребителя и развития идей консьюмеризма. Из плоскости материальной, от вопроса о собственности на средства производства он ушел в социокультурную плоскость, не оставляя, при этом споров об «утонченно-культурных» — в терминах Рожкова — приемах эксплуатации [9; 34]<sup>\*\*</sup>.

В то же время, рубеж XX–XXI вв. и современность, как будто возвращают нас в прежнюю, рассматриваемую уже более столетия назад плоскость интересов производителя. Так, «культурный капитализм» С. Жижека — это производство культурных переживаний плюс действительно материальное производство [10, с. 52–63]. При этом «ручной труд» (в

<sup>\*</sup> Более того, программа Рожкова, заявленная к публикации в столичном издании, состояла вовсе не из одной указанной, а из четырех статей, в которых проводилась идея формирования легальной общественной организации (партии), базирующейся на социал-демократических принципах («Необходимый почин», «Борьба за легальность», «Система действий») [3].

<sup>\*\*</sup> Так, «культурный капитализм» у Д. Рифкина — это «актуальная нам стадия овеществления», «постмодернистский капитализм», бесплотные вещи. У Ф. Джеймисона объекты культуры приобретают экономический смысл, становясь пригодным к продаже товаром, и это тоже своего рода «культурный капитализм», капитализм симулякров как области капиталистических инвестиций.

противовес «символической деятельности»), с точки зрения Жижека, становится своего рода постыдным для современного человека занятием. Человека, который не понимает, однако, что категория «символические рабочие» («кибер-рабочие» и пр.) сегодня может быть отнесена к «интеллектуальному пролетариату» [Там же].

Взаимодействие современного «пролетариата» с «культурной буржуазией» в этом контексте становится новым направлением исследований. А, собственно, концепция «культурного капитализма» Рожкова оказывается в актуальной междисциплинарной плоскости, что предполагает еще более разноплановое ее изучение с точки зрения не только историков, но и специалистов в других областях знания.

### Список использованной литературы и источников

1. Беспалов С. П. Б. Струве об экономическом развитии и экономической политике в России на рубеже XIX — XX веков / С. Беспалов // Экономическая политика. — 2010. — № 1. — С. 33–48.
2. Беспардонность или недомыслие? // Новая Сибирь. — 1913. — 8 янв. (Без подп.).
3. Борисова Т. А. Общественно-политическая, журналистская и научная деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке, 1910–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. А. Борисова. — Иркутск, 2003. — 393 с.
4. Борисова Т. А. «Точка опоры» в истории общественной жизни Сибири: к 150-летию Н.А. Рожкова / Т. А. Борисова // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2019. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — С. 416–427.
5. Вельман В. Февральская революция в Сибири / В. Вельман // Пролетарская революция. — 1925. — № 3. — С. 179–180.
6. Гольдберг И. Г. «Энгельсы и Оуэны» / И. Г. Гольдберг // Сибирские вести. — 1913. — 9 янв. (Подп.: Irridens).
7. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 600 (Иркутское губернское жандармское управление).
8. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 102. — ДП ОО.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2019. — 808 с.
10. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек ; [пер. с англ.]. — Москва : Ad Marginem, 2003. — 253 с.
11. Рожков Н. А. Война и текстильная промышленность в России. Общая характеристика хозяйственного влияния войны / Н. А. Рожков // Наше дело. — 1914. — № 29/30. — С. 8. (Подп.: Рожков Н.).
12. Рожков Н. А. Война и хозяйство России / Н. А. Рожков // Сибирский журнал. — 1914. — № 1. — Стб. 21–30. (Подп.: Наров).
13. Рожков Н. А. Война и хозяйство России / Н. А. Рожков // Современный мир. — 1915. — № 10. — Отд. 2. — С. 74–98. (Подп.: Рожков Н.).



14. Рожков Н. А. Врачебная помощь рабочим и закон о страховании / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 17 янв. (Подп.: Ломзин К.).
15. Рожков Н. А. Государственная Дума в 1911 г. / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1911. — 1 янв. (Подп.: Р-в Н. А.).
16. Рожков Н. А. Законопроекты о свободах / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1912. — 20 дек. (Без подп.).
17. Рожков Н. А. Заработная плата в мукомольном производстве / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1916. — 20 окт. (Подп.: Наров).
18. Рожков Н. А. Исповедание веры / Н. А. Рожков // Восточная Сибирь. — 1915. — 11 февр. (Подп.: Рожков Н.).
19. Рожков Н. А. Кооперация и ее опекуны / Н. А. Рожков // Восточная Сибирь. — 1915. — 16 янв. (Подп.: Рожков Н.).
20. Рожков Н. А. Мукомольные рвачи / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1916. — 14 окт. (Подп.: Наров).
21. Рожков Н. А. На рубеже / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 1 янв. (Без подп.).
22. Рожков Н. А. Признаки объединения культурной буржуазии / Н. А. Рожков // Сибирская речь. — 1911. — 24 окт. (Подп.: Р-в Н. А.).
23. Рожков Н. А. Россия накануне войны / Н. А. Рожков // Сибирское обозрение. — 1915. — № 1. — Стб. 23. (Подп.: Наров).
24. Рожков Н. А. Современное положение народного хозяйства в России / Н. А. Рожков // Восточная заря. — 1910. — 16 окт. (Подп.: Р-в Н. А.).
25. Рожков Н. А. Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент / Н. А. Рожков // Наша заря. — 1911. — № 9/10. — С. 31–35 (Подп.: Р-ков Н.).
26. Рожков Н. А. Тенденции в развитии русского бюджета / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 19 марта (Подп.: Р-в Н. А.).
27. Рожков Н. А. Точка опоры / Н. А. Рожков // Звезда. — 1911. — 7 мая. — № 21. — С. 10 (Подп.: Рожков Н.).
28. Рожков Н. А. Что такое кооперация и какова ее основная задача? / Н. А. Рожков // Наше дело. — 1915. — № 10. — С. 5–6 (Подп.: Рожков Н.).
29. Рожков Н. А. Экономическая борьба и внешнее вмешательство / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 10 янв. (Без подп.).
30. Российская государственная библиотека, отдел рукописей. — Ф. 546 (Рожков Н. А.).
31. Спорные вопросы методологии истории : (Дискуссия об обществ. формированиях) / под ред. Г. Зайделя [и др.]; Ленингр. отд-ние Ком. акад. О-во историков-марксистов. — Харьков : Пролетарий, 1930. — 238 с.
32. Чужак Н. Рожков в ссылке: («Статейный список») / Н. Чужак // Каторга и ссылка. — 1927. — № 3. — С. 176–177.
33. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1910–1917) / Н. Н. Щербаков. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1984. — 244 с.
34. Rifkin J. The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, Where all of Life is a Paid-For Experience. — New York : TarcherPerigee, 2001. — 320 p.



### Информация об авторе

*Борисова Татьяна Александровна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра менеджмента и государственного и муниципального управления, ЧОУ ВО Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 190103, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44 А, e-mail: umteborisova@gmail.com.

### Author

*Tatiana A. Borisova* — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Management and State and Municipal Government, St. Petersburg University of Management and Economics Technologies (UMTE), 44 A, Lermontovskii Avenue, St. Petersburg, 190103, e-mail: umteborisova@gmail.com.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.02

*Ю.А. ЗУЛЯР*

УДК 378(571.53)(091)

ББК 74.58(2Р-4И)г

## ВУЗЫ ИРКУТСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрены события и процессы, происходившие в системе высшего образования г. Иркутска. Город, удаленный от фронтов мировой войны стал значимым центром системы тылового обеспечения действующей армии. В статье анализируется один фрагмент этого статуса — участие вузов города в решении задач, важных для страны и сложных для исполнения. Иркутск превратился в вузовский центр, где уже существовавшие вузы нарастили выпуск специалистов высшей квалификации и приняли у себя ряд эвакуированных вузов, предоставив им помещения, оборудования, места для проживания преподавателей и студентов, необходимые ресурсы для работы и жизни. При этом немногочисленные вузовские помещения были переданы так же под госпитали и оборонные предприятия, а студенты и преподаватели взяли на себя значительную часть работы по лечению и обслуживанию раненых бойцов.

**Ключевые слова:** вузы в годы войны, учебный процесс, быт студентов.

*YU.A. ZULYAR*

## IRKUTSK UNIVERSITIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The events and processes that took place in the higher education system of Irkutsk are considered. The city, remote from the world war fronts, became

a significant center of the active army's logistics system. The article analyzes one fragment of this status — the participation of the city's universities in solving tasks that are important for the country and difficult to perform. Irkutsk turned into a University center, where already existing universities increased the output of highly qualified specialists and hosted a number of evacuated universities, providing them with premises, equipment, places to live for teachers and students, and the necessary resources for work and life. At the same time, a small number of University premises were also transferred to hospitals and defense enterprises, and students and teachers took on a significant part of the work on the treatment and maintenance of wounded soldiers.

**Keywords:** universities during the war, educational process, life of students.

В Иркутске накануне войны было шесть вузов: университет (ИГУ), горно-металлургический (ИГМИ), медицинский (ИМИ), педагогический (ИГПИ), сельскохозяйственный (ИСХИ), финансово-экономический (ИФЭИ) [11, л. 38]. Руководство СССР, понимая неотвратимость и близость войны, отменило в 1941 г. летний отпуск преподавателей и каникулы студентов [16, л. 89]. Но, это распоряжение не было выполнено, началась Великая Отечественная война, и 23 июня в вузах страны прошли патриотические митинги.

**Призыв в Красную армию.** Жизнь страны быстро изменилась, выпускники вузов одновременно с дипломом получили повестку в военкомат [3]. Преподаватели и студенты отправлялись в состав Вооруженных сил, и в первой группе призывников ИФЭИ (38 чел.) ушел директор института. В октябре–ноябре на фронт оправались еще порядка 40 человек, а всего, за годы войны из вуза призвали около 1000 чел. [6; 25; 41, с. 90, 97–98.].

В других вузах Иркутска происходило то же самое. В течение лета практически всех военнообязанных ИГПИ призвали в армию [25, с. 55]. Было мобилизовано 400 учащихся и преподавателей горно-металлургического вуза, и прежде всего коммунистов и комсомольцев. В связи с этим, ОК ВКП(б) упразднил бюро вуза и ограничившись парторгом [26, с. 13]. Из ИСХИ ушли 14 педагогических работников, в т. ч. директор и 108 учащихся [276, с. 22]. Студентов старших курсов ИГМИ перевели в Москву в военно-медицинскую академию и на военфак Второго Московского мединститута [42, с. 524].

**Перестройка учебного процесса.** Перестраивался и учебный процесс, в частности, в ИГУ, занятия частично начались с 1 августа, тогда как в пединституте — с 1 октября. В ИГПИ учебный процесс шел днем, а затем проходили двухгодичные курсы учителей иностранных языков и учащихся из Тувы и Монголии [25, с. 26; 13, л. 30]. Студентов-педагогов, перешедших на 4 курс, перевели на сокращенную программу, и в ноябре выдали дипломы. В ФЭИ в конце года дополнительно выпустили 21

специалиста. В университете досрочно приняли выпускные экзамена и направили на химзавод 30 химиков [13, л. 36; 41, с. 99]. Одновременно происходила корректировка, например, в ИГПИ в октябре по распоряжению наркомата возобновились занятия со студентами, призванными в армию с 4 курса. Занятия проводились по сокращенной программе, в январе у них приняли госэкзамены и выдали дипломы [25, с. 57].

По распоряжению наркома высшей школы была сокращена продолжительность подготовки специалистов, пятилетний срок обучения сократили с пяти до трех с половиной лет, с четырех — до трех, в ИГУ с пятилетнего — до трехлетнего. При уменьшении продолжительности пребывания студентов в вузе, учебный план сократился незначительно (5–15 %). Это произошло благодаря удлинению учебного дня до семи академических часов, и росту объема еженедельной учебной нагрузки с 36 до 42 часов; сокращалась производственная и преддипломная практика, но увеличивалась учебная; летние каникулы сократили до одного месяца, а зимние — отменили [1, с. 18; 38, с. 19].

Содержание учебных планов было отредактировано в интересах обороны, было сокращено преподавание ряда общеобразовательных дисциплин и возросли объемы военных предметов, в ИГМИ — хирургии, инфекционных болезней, эпидемиологии и микробиологии. В университете добавили военную геологию, соответствующим образом изменили курсы гидрологии и инженерной геологии. В курсах минералогии и петрографии рассматривалось наличие стратегического сырья в соседних государствах и т.п. Эти занятия посещались в т.ч. сотрудниками геологических структур. Студенты-географы при изучении физической географии подробно изучали пограничную полосу, экономгеографии рассматривали соответствующие ресурсы Советского союза и его союзников. Биологов учили находить аналоги перевязочных средств, физики изучали боевое оборудование, механизмы и комплектующие [24, с. 53].

На историко-филологическом факультете ИГУ и гуманитарных факультетах пединститута изучали военные сюжеты, международную обстановку, вопросы оборонно-патриотического воспитания школьников [25, с. 59]. В 1942 г. во всех вузах ввели изучение политической экономии. В иркутских вузах на естественных, технических и инженерных факультетах изучались самолетостроение, деятельность подразделений ПВО, химзащиты, отравляющие вещества, производство ВВ и БОВ и др. Готовили специалистов по производству искусственного жидкого и газообразного топлива, промышленному использованию шлаков [9, с. 68; 18, с. 149].

В конце лета 1941 г. изменили форму организации физической подготовки. Государственный комитет обороны (17 сен. 1941 г.) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», и в ноябре ввел для студентов 110-часовую военную

подготовку. Ее целью определялось получение ими навыков использования оружия в любых условиях и круглосуточно. В ходе обучения изучался опыт военных действий, была организована военная допризывная подготовка. Проводилась подготовка медсестер и военных связисток [2, с. 197; 30, с. 79]. В развитие этой политики, Правительство страны 13 апреля 1944 г. приняло «Положение о военной и военно-морской подготовке студентов вузов в условиях войны» [40, с. 75]. В нем первоочередное внимание уделялось работе вузовских кафедр военного дела. Многие учащиеся тренировались в лыжных, легкоатлетических, стрелковых кружках, секциях и школах. Результаты работы по формированию у студентов знаний и навыков военного дела были очевидны и пригодились на фронте.

Наряду с необходимыми и понятными обременениями учебного процесса в него вводили и избыточные элементы. Областные руководители для всех вузов, кроме медицинского ввели обязательные сельскохозяйственные повинности во время посевных и уборочных работ. Для их организации ИГУ установили обучение по простым сельхозмашинам и второе — подготовку трактористов, для мужчин. К обучению приступили в декабре 1941 г. Но, учащиеся и педагогические работники саботировали занятия. В учебный процесс в качестве обязательной ввели сельхоз-практику [14, л. 2].

**Материальные и кадровые проблемы войны.** Эвакуация в Сибирь военных производств, учебных заведений, госпиталей и беженцев создали массу проблем для вузов региона. Принадлежавшие им помещения занимались предприятиями и госпиталями. Существенно сократилось финансирование учебных заведений, сливали институты (местные с эвакуированными) [8]. Например, иркутский ГПИ, отдав учебное здание для размещения в нем эвакогоспиталя, не единожды менял места пребывания. При этом, из-за нехватки учебных помещений, оборудование приходилось консервировать в подсобках. Но, уже весной 1943 г. реквизированное здание возвратили пединституту [25, с. 54].

Горный институт предоставил 2 здания, мебель, оборудование и технику патронному заводу, а также ряд комнат в общежитиях для размещения персонала. Значительные объемы оборудования были переданы тресту Востсибуголь, мебель и книги — эвакуированным Ленинградскому и Днепропетровскому институтам, многое из оставшегося, складировал. Бригады преподавателей и лаборантов в авральном порядке за три недели подготовили здания к передаче. В свою очередь институту выделяли помещения учебных заведений, в 1942 г. ему отвели здания ИГПИ. У сельхозинститута забрали его главный учебный корпус под эвакогоспиталь, и он теснился в жилом доме ППС и в общежитиях. У ИФЗ так же забрали корпус под эвакогоспиталь, и коллектив работал в поме-

щении театра музыкальной комедии, а занятия проводились на одном из этажей административного здания. Большинство помещений ИГМИ и большую часть приборов и наглядных пособий отдали Сталинградскому, Ленинградскому и Воронежскому мединститутам. Учебные корпуса были переданы под госпитали [17; 22; 27, с. 22; 42, с. 101].

Преподаватели, учебно-вспомогательный персонал и студенты мединститута сосредоточились на лечении и помощи раненым. В военное время в Иркутске действовало более 25 госпиталей. Главврач факультетских клиник А.А. Попов руководил отделом эвакогоспиталей облздраотдела. Госпитали возглавляли доценты Н. В. Косицин, Г. И. Феоктистов, ассистенты В.П. Капустин, Э.А. Монжиевский и другие. В 1941–1945 гг. в госпиталях областного центра находилось на лечении порядка 100 тыс. раненых [22; 42, с. 188, 472].

Некоторые мероприятия имели дискриминационный характер, например, отлично успевающих студентов ИФЗИ направляли на обучение в другие вузы, в частности, в 1942/43 уч. г. 23 учащихся зачислили в Сибирский металлургический институт [41, с. 93].

Вызванные войной процессы не только затруднили организацию учебного процесса, но и принципиально ухудшили условия жизни работников и учащихся вузов. Снабжение продовольствием производилось по карточкам, иные товары выдавались по ордерам, в квартиры областного центра вернулись керосиновые лампы, так как для промышленности не хватало электричества. Беженцев сначала помещали в дома культуры, спортзалы и т.п., после их заполнения, горожане селили новых приезжавших их у себя в частных домах и квартирах [41, с. 97].

Скудность учащихся в общежитиях превышала гигиенические нормы (менее трех кв. м). Не хватало кроватей, постельных принадлежностей, мебели. Регулярно отключали электричество, комнаты отапливались печами-буржуйками, угля на нее выдавалось по 5 кг в сутки. Уголь хранили в жилых комнатах, загрязняя помещения. Обеды в студенческих столовых были невкусными, в них всегда была теснота, так как они обслуживали огромное количество чужих посетителей, все это вынуждало студентов находится в них по несколько часов. Студентам отпускали по талонам 600 г хлеба и галушки из ржаной муки. Учащиеся с диагнозом «дистрофия» получали карточки на такие же галушки и ягодный морс, и им так же полагался хвойный настой. Помогал рыбий жир, который получаемый в аптеке по рецептам. Им обогащали супы, жарили картошку. Весной учащихся отправляли на сбор черемши, добавляемой в студенческую еду, для предотвращения цинги [42, с. 526, 528; 20, с. 352].

Многим не хватало мест в общежитиях, и им приходилось снимать комнаты в перенаселенном частном секторе. Вначале войны, были частые перебои в финансировании стипендий и дополнительного питания

дистрофиков. Снабжение студентов самым необходимым производилось не регулярно и в недостаточном объеме. Положение стало меняться в 1944/45 уч. г., когда им стали выделять белье, верхнюю одежду и ткани. Учащихся вузов регулярно привлекали к заготовке дров, добыче рыбы, сбору ягод, овощей, чистке железнодорожных путей, добычи угля в шахтах, и его транспортировке, ремонту учебных и жилых помещений. Девушки работали санитарками в госпиталях. Учащихся использовали на уборке улиц, например, весной 1943 г. городская власть обязала коллектив ИГУ отработать на очистке города 500 человеко-дней [15, л. 11; 25, с. 58; 19, с. 49].

Тяжелым бременем была плата за обучение. С 1942 г. от нее освободили инвалидов войны, детей рядовых и младшего командного состава, детей погибших офицеров. Руководство страны искало способы улучшить положение учащихся. В частности, в соответствии с решением Совнаркома (10 февраля 1943 г.) «Об улучшении питания студентов вузов», их стали обеспечивать продуктами по нормам рабочих. В Комиссариате высшей школы был создан отдел материально-бытового обслуживания учащихся [40, с. 83]. СНК СССР 15 сентября 1943 г. определил новый порядок назначения стипендий в вузах, в соответствии с которым стипендии выдавались всем успевающим студентам. Отличники получали повышенные и именные стипендии [35, с. 214].

Но, не все решения были реализованы. В частности, коммунисты университета на собрании в марте 1943 г., высказывали претензии по поводу того, что решение Совнаркома о создании в вузах отделов снабжения, так и осталось на бумаге [15, л. 6]. Администрации вузов создавали подсобные хозяйства и служебные столовые [33, с. 96]. В частности, столовая для работников и учащихся ИФЗИ, за счет своего подсобного хозяйства, считалась образцовой в Иркутске, поэтому горком партии прикреплял к ней учащихся других вузов [41, с. 105].

**Материальная и финансовая помощь фронту.** Трудности быта и ухудшение условий жизни, учебы и труда, дополнялись организацией руководством страны фактически обязательных поборов. В частности, педагогические работники и учащиеся сельхозинститута сдали на организацию танковой колонны — 22 000 р. и на 12 755 р. облигаций госзаймов. За эту помощь в марте 1944 г. Верховный главнокомандующий выразил благодарность коллективу вуза [27, с. 22].

Педагогические работники и учащиеся ИГПИ выделяли средства из заработка и стипендий в фонд обороны, подписывались на военные займы, участвовали в денежно-вещевой лотерее, передавали деньги на военную технику, посылали подарки бойцам действующей армии. В 1941/42 уч. г. сумма на которую были приобретены облигации достигла 120 % месячной зарплаты педагогических работников, выделили одежды 13 000

руб., отослано 2 тыс. подарков бойцам и 42 000 руб. перечислено в фонд обороны [25, с. 58]. Студент ИФЭИ В. Дуфесенко приобрел облигации на всю стипендию за год. В конечном счете, педагогические работники и учащиеся приобрели облигаций стоимостью 203 575 руб., за что коллектив вуза два раза удостоился благодарности И.В. Сталина [41, с. 104, 109].

Педагогические работники и учащиеся ИГУ в октябре 1941 г. перечисли в фонд обороны 21 155 руб. Некоторые преподаватели кроме однократного заработка дополнительно жертвовали крупные, в частности, проф. В.К. Абольд — 1 000 руб. Всего коллектив ИГУ пожертвовал 41 700 руб. и возвратил государству облигаций на сумму 142 200 руб., пошедших на приобретение танка. На имя ректора университета Верховный главнокомандующий адресовал телеграмму с благодарностью [6; 12, л. 111]. Преподаватели и студенты должны были посылать бойцам теплые вещи. Городские органы отправляли задание, которое распределялось администрацией по факультетам. Но, иногда оно было непосильным и не выполнялось, что вызывало нарекания городского начальства. Так, произошло в ИГУ зимой 1941 г., в связи с этим было экстренно созвано партсобрание, обсудившее ситуацию и признавшее ее недопустимой. Далеко не все сотрудники пожертвовали вещи. 13 января 1942 г. новую разнарядку, в количестве 131 вещи (5 полушубков, 6 меховых жилетов, 18 пар валенок и т. п.) распределяли уже на партсобрании [13, л. 32; 14, л. 4]. Интересно, где далеко небогатые сотрудники вуза, их взяли.

Коллективы вузов Иркутска оказывали и другие формы благотворительности, в частности, весной 1943 г. после освобождения Сталинграда, коллектив ИГМИ, откликнувшись на просьбу Наркомздрава об участии в восстановлении в нем медицинского вуза, оперативно собрал 20 с лишним коробок оборудования. Молодой преподаватель Н.А. Рязанова, доставив груз за 10 дней сделала это самой первой [42, с. 523]. Тогда же, преподаватели и сотрудники ИГУ, по просьбе городской школьной комиссии, собрали и отправили оборудование для кабинета естествознания в разрушенной гитлеровцами школе [15, л. 6].

**Руководители вузов.** Успех любого дела, особенно в условиях военного времени, в значительной степени зависит от руководителя. Горно-металлургическим институтом в рассматриваемом периоде руководил доц., канд. тех. наук, металлург Владимир Алексеевич Оглодков [16], выпускник Томского технологического института. Он смог обеспечить эффективную работу института в подготовке высококвалифицированных специалистов. В 1945 г. он был отозван в столицу в Главное управление учебных заведений Наркомата цветной металлургии [23, с. 28].

Иркутским госуниверситетом с ноября 1935 г. по май 1945 г. руководил проф., канд. филос. наук Николай Степанович Шевцов, закончивший Институт красной профессуры и Московский физический институт.



Он возглавлял кафедру теоретической физики на физико-математическом факультете, а во время войны и кафедрой марксизма-ленинизма. В очень сложных условиях, он сумел не только сохранить образовательный и научный потенциал вуза, но и обеспечить его развитие. В 1945 г. его перевели в столицу, на должность начальника Управления преподавания общественных наук МВ и ССО СССР [34; 21, с. 175].

Практически весь военный период ИФЗИ возглавлял подвергавшийся репрессиям Александр Гурьевич Борисов. В октябре 1944 г. его отозвали в Наркомфин. Директор ИСХИ Иван Ермилович Макаров ушел на фронт осенью 1941 г. Новым руководителем, назначенным 22 декабря 1941 г., стал только, что прибывший с эвакуированным из Таганрога институтом механизации сельского хозяйства Г.И. Назаров. Он возглавлял институт практически до Победы, 23 апреля 1945 г. его назначили руководителем в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства [27, с. 22]. Приведенные факты свидетельствуют об эффективности ректорского корпуса иркутских вузов, так как все они были переведены в Москву на руководящие должности.

**Деятельность профессорско-преподавательского состава.** Основная нагрузка по организации учебного процесса лежит на преподавателях. В годы войны, несмотря на уход на фронт большого количества мужчин, иркутский вузовский преподавательский корпус продемонстрировал высокую эффективность и самоотверженность, профессионализм и лучшие человеческие качества. В 1941 г. ситуация с педагогами была катастрофической, проблему кадрового голода в иркутских вузах решали по-разному. В пединституте в связи с переводом на трехлетний срок обучения резко сократилось число студентов, ППС и УВП. Укрепляли кафедры, объединяли факультеты, библиотеки и т. п. Эвакуированные студенты повысили количество обучающихся, его ППС укрепился за счет приезжих ученых. Например, из столицы приехал проф. И.Т. Огородников, правда в сентябре 1943 г. вернулся в Московский областной пединститут [25, с. 54].

Прибытие профессорско-преподавательского состава из оккупированных районов страны позволило укрепить иркутские вузы. Например, в декабре 1941 г. из Таганрога прибыл, уже упоминавшийся институт механизации сельского хозяйства, влившийся в ИСХИ [27, с. 21]. В ИГМИ объединили кафедры металлургии цветных металлов и металлургии легких и благородных металлов влив туда приехавших специалистов. В пединституте после ухода на фронт многих преподавателей на кафедрах осталось по 2–3 работника [42, с. 525]. Коллектив укрепили эвакуированные известные врачи-педагоги: профессора Д.М. Голуб, М.М. Орлов, В.Д. Елин, Р.С. Альтман, А.Ю. Броневицкий. Впоследствии преподавательские должности заняли его выпускники, в т.ч. выдающи-



еся врачи Х.Г. Ходос, С.Н. Синакевич, Т.А. Ларионова. Объединение представителей иркутской медицинской школы, приехавших светил и талантливой энергичной молодежи позволило не только сохранить высокое качество учебного процесса в институте, но и поднять региональный вуз на новый уровень [29, с. 111].

На 1 сентября 1942 г. в ИФЭИ имелось по данным отдела кадров 14 штатных преподавателей и 7 совместителей, но реально работало шестеро. В 1943/44 уч. г. в вузе существовали незанятые преподавательские должности на всех 9 кафедрах, причем в 1940 г. их было 15. Более того на 8 из них отсутствовали заведующие. Из-за нехватки преподавателей, некоторые предметы не преподавались, в связи с чем не был исполнен годовой план. Наиболее неблагоприятно складывалась ситуация на базовых кафедрах. Имевшиеся сотрудники срочно готовили необеспеченные преподавателями дисциплины, проводили несколько предметов в течение рабочего дня. Директор вуза с помощью партийных и советских органов смог вернуть некоторых преподавателей из армии и госорганов, добиться совместительства для педагогов других вузов, и стабилизировать ситуацию [41, с. 103, 109].

7 июля 1941 г. партсобрание сотрудников университета поставило задачу создания преподавательского резерва. Основным способом было совместительство за счет пединститута и эвакуированных [13, л. 29, 31]. В педагогический коллектив ИГУ в начальный период войны влились выдающиеся исследователи, среди них члены-корреспонденты Академии наук С.С. Смирнов и А.Я. Орлов, профессора В.С. Обручев, В.В. Соболев, В.Д. Принада, М.И. Барбас, С.Я. Лурье, И.И. Белякевич, филологи М.С. Альтман и К.А. Копержинский. Вернулись в университет проф. М.К. Азадовский и К.Н. Миротворцев [28].

С 1943 г. ситуация стала улучшаться за счет возвращения преподавателей с фронта, защиты докторских и кандидатских диссертаций. В ИГУ в 1943/44 уч. г. действовало пять факультетов, на которых преподавали 16 проф. и докторов наук, 35 доц. и кандидатов наук. В ИГМИ в 1944 г. преподавали 19 проф. и докторов наук, 24 доц. и кандидатов наук. В совокупности, учебный процесс в институте был организован на трех факультетах, и его обеспечивало 46 кафедр, в составе 159 преподавателей [7; 42, с. 515].

Перераспределение ресурсов страны на нужды обороны, обусловили резкое снижение и до этого не высокого жизненного уровня преподавателей иркутских вузов. На это накладывалось ухудшение условий организации учебного процесса, в частности, научные сотрудники ИГМИ до обеда проводили занятия со студентами, после обеда занимались с больными, а вечером консультировали врачей и раненных, заканчивая зачастую свой рабочий ночью. Из-за систематического отключения

электроэнергии, обычной стала практика чтения лекций в темноте или при слабом освещении керосинных ламп. Преподаватели регулярно совершали профилактические обходы квартир и частных домов горожан, в том числе выявляли завшивленные семьи, помогали им мылом и проводили при необходимости санитарную обработку. Увеличение случаев антисанитарии в городе в значительной степени было спровоцировано большим количеством, приведшим к страшной тесноте. Однако, благодаря самоотверженной работе медиков, в т. ч. преподавателей института, в Иркутске не было эпидемий. Одновременно они активно занимались научными исследованиями [42, с. 533].

**Организация учебного процесса.** В годы войны вузы Иркутска, работали в плановом режиме и не прекращали ведения учебного процесса, обеспечивая страну и сибирский регион высококвалифицированными специалистами. Сверх обычных требований перед ними была поставлена задача компенсировать прекращение подготовки кадров в вузах оккупированных и приграничных областей. Например, ИГУ принял на обучение 400 первокурсников при традиционном наборе на в 240 человек. Организовали две дополнительные группы почвоведов и географов и группу астрономов [5]. В ИГМИ образовали новый фармацевтический факультет. Исходя из потребности момента, уже в конце 1941 г. мединститут произвел ускоренный выпуск медиков, специализированных на работе с ранеными пациентами. Выпускные испытания проходили под наблюдением представителей Наркомздрава, проверявших в первую очередь знания по военно-полевой хирургии, инфекционным болезням и эпидемиологии, особое внимание уделялось их способности действовать в сложных боевых условиях и организовывать медицинское обслуживание в тылу и гражданских стационарах [13, л. 35].

Для обеспечения плана набора в вузы, Правительство предоставило ряд послаблений для выпускников 1940 и 1941 гг., и прежде всего отличников и хорошистов [33, с. 95]. Впрочем, сибирские вузы в 1941–1943 гг. принимали на обучение выпускников школ без вступительных испытаний, и только с 1944 г. была возобновлена практика набора. При университетах создавали курсы для подготовки к поступлению в вуз для молодежи с полным средним образованием, закончивших девятилетку до 1 января 1942 г., и сдавших экстерном экзаменов за 10-й класс [39, с. 87]. Например, в ИГУ летом 1942 г. организовали подобные курсы, и для их наполнения преподаватели и аспиранты командировались в различные регионы Сибири [24, с. 54]. Совнарком 23 апреля 1943 г. потребовал от руководителей заводов и фабрик отпускать с работы юношей и девушек за 10 дней до вступительных испытаний [9, с. 70].

В 1943 г. среди поступающих в вузы, находились инвалиды идущей войны. В частности, ИФЗИ в этом году зачислил на первый курс 11 де-

мобилизованных воинов, в 1945 г. — в институте учился 121 комиссованный с фронта [Там же, с. 55; 41, с. 108]. Но лишь в 1944 г. для этой категории абитуриентов были установлены льготы при поступлении. Благодаря мерам правительства по стимулированию набора в вузы, в РСФСР в 1945/46 уч. г. прием студентов на первый курс очных отделений превысил показатели 1940 г. почти на 18 тыс. человек [32, с. 384].

В связи с призывом сотен тысяч высококвалифицированных специалистов в армию в стране возник кадровый голод. Поэтому от вузов требовалось срочно увеличить выпуск специалистов. В июле 1942 г. в соответствии с ускоренным планом ИГПИ закончили студенты трехгодичного срока обучения [25, с. 58]. В ИГУ в начале лета 1942 г. получили дипломы 152 выпускника, в т. ч. 35 геологов, 31 географ, 31 биолог, 55 химиков [4].

Однако, практика ускоренного обучения показала потерю качества подготовки специалистов. Уменьшение времени учебы не очень сказывалось на старшекурсниках, но не позволяло учащимся 1–2 курсов в достаточной мере освоить математику, теоретическую физику, химию и ряд аналогичных предметов. Учащиеся не успевали разобраться с большими объемами учебного материала, вследствие чего от 30 до 40 % студентов не приходили на экзаменационные испытания. Возрастала доля учащихся демонстрировавших низкий уровень знаний, снижалась глубина и качество ответов [39, с. 71]. Дополнительное негативное воздействие оказывало использование учащихся на сельхоз-работах, покрывавших по продолжительности летние каникулы. Сокращенные учебные планы частично помогли временному смягчению кадрового голода в стране, но привели к снижению уровня овладения теорией естественных дисциплин. Поэтому наркомат 15 мая 1942 г. разрешил вузам вернуться к пятилетнему обучению [36, с. 118].

Практически прекратилось обеспечение вузов расходующимися материалами, реактивами для проведения практических занятий, рабочими инструментами, учебными пособиями и научным оборудованием. Однако, вопреки ожиданиям, перебои в финансировании, имевшие место в начале войны, прекратились, и суммы, выделяемые на высшую школу, стали возрастать. В 1941–1942 гг. количество вузов принципиально сократилось, и финансирование высшей школы было урезано в три раза, сократившись до 821,3 млн руб. С 1943 г. объемы выделяемых средств стали расти, достигнув в 1945 г. 2 856 млн руб., превзойдя на 170 млн руб. показатели 1940 г. [31, с. 126].

Но, организация учебного процесса была экстремальной, продолжительность проводимых аудиторных занятий уменьшалась, они проходили в плохо отапливаемых и недостаточно освещенных, зачастую приспособленных помещениях. Возможности для организации лабора-

торных работ и производственной практики были крайне ограниченными. Для спасения от холода учебные проводились в общежитиях, где было теплее [1, с. 41].

Исходя из сложившейся ситуации предприятиям и учреждениям решили устраивать на работу учащихся вузов по совместительству на неполный рабочий день. Эта практика получила широкое распространение и в той или иной степени улучшила материальные условия порядка 150 тыс. юношей и девушек [2, с. 196, 197]. При этом большинство трудоустроенных столкнулось со многими проблемами при освоении учебного материала и сокращением времени на отдых в условиях 42-часовой аудиторной учебной недели [31, с. 80]. Это спровоцировало массовую практику пропуска занятий и уход из вузов, прежде всего учащихся 1, 2 курсов. Например, ИГМИ в 1941 г. лишился значительной части первокурсников. Низкая посещаемость учебных занятий привела к росту неуспеваемости работавших студентов. Так, большинство случаев отсутствия на занятиях студентов-медиков, объяснялась их занятостью на заводах и фабриках, выполнявших внеплановые оборонные заказы, а также дежурствами в больницах и госпиталях, и участием в частых противоэпидемических мероприятиях, сдачей крови для спасения тяжелораненых. В основном студенты прогуливали занятия во второй половине дня из-за стояния в очередях перегруженной столовой [13, л. 35]. Вместе с тем, отрыв студентов от занятий для работы на заводах, фабриках и в профильных учреждениях, в ряде случаев, стимулировал переход на иные способы организации учебного процесса, неформально связанные с производством, облегчавшими адаптацию выпускникам в трудовых коллективах и дававших им навыки работы на сложном оборудовании, не имевшемся в вузах.

Ситуация в вузах стала нормализоваться после принятия СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановления «О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений» от 5 мая 1942 г. [10, с. 45], которое запрещало органам советской власти изъятие помещений и имущества, принадлежащих вузам. Их педагогические работники и учащиеся не могли привлекаться к любым видам деятельности и службе в Вооруженных силах без санкции Совнаркома СССР. Этот документ был направлен на нормализацию условий проживания и питания учащихся, на улучшение условий организации учебного процесса ППС. Местным органам власти предписывалось предоставить институтам и университетам здания или их отдельные части эквивалентные реквизируемым. Предоставлялась отсрочка всем учащимся выпускных курсов, а в технических вузах и предвыпускных от мобилизации в Вооруженные силы [9, с. 74].

Лекции в рассматриваемый период использовались в качестве базового элемента учебного процесса. Дефицит реактивов и других расходу-

емых материалов существенно снижал качество практических занятий, недостаточные объемы учебной литературы приходили в негодность и не восполнялись. Другой широко распространенной формой организации обучения являлась производственная и педагогическая практика, являвшаяся обязательным элементом, предшествовавшим государственным экзаменам и защите диплома.

Особая роль отводилась самостоятельной работе. Администрация вузов, факультетов и руководство кафедр рассматривали ее в качестве неотъемлемой части учебного процесса. Повсеместно проводились консультации, направленные на повышение ее эффективности. В вузах проводились методические конференции, решавшие задачи создания условий, выработки рекомендаций и учебных методик обеспечения результативности работы учащихся. Внеаудиторная деятельность оценивалась посредством анализа домашних работ, проведения самостоятельных заданий и коллективных собеседований, ставших широко используемым видом анализа индивидуальных знаний. Они организовывались по экзаменационным дисциплинам. Проведению письменных испытаний препятствовал дефицит пригодной для письма бумаги.

В целях оказания помощи работавшим учащимся проводились в вечернее время дополнительные занятия. Возросло число коллективных и одиночных консультаций, в т. ч. по выходным дням. Но, эта форма работы со студентами была не особенно эффективной, так как они приходили на них в основном накануне сессии [37]. Достаточно активно практиковалось проведение обзорных лекций накануне сессии, и прежде всего по дисциплинам преподаваемым более одного семестра.

Практические занятия с будущими медиками зачастую организовывались в пунктах лечения раненных. В связи с нехваткой и большой загруженностью преподавателей, повсеместно проводились потоковые занятия. Зачастую расписания составлялись так, чтобы собрать студентов разных факультетов на лекции выдающихся преподавателей или на общие дисциплины. Укрупняли факультеты, объединяя родственные, например, иркутских студентов-медиков в 1943 г. слили в санитарно-гигиенический факультет [42, с. 183, 529].

Благодаря умению и напряженному труду преподавателей, несмотря на различные трудности и сложности организации учебного процесса, качество образования в вузах Иркутска осталось достаточно высоким и практико-ориентированным. Выпускники-медики, получив прекрасную практику в иркутских госпиталях успешно оказывали скорую помощь, лечили раненых на фронте и в тылу. Многие из них с благодарностью вспоминали своих учителей и наставников, другим объективным свидетельством являются отзывы больных и раненых в годы войны и после ее окончания.

В 1944–1945 г. организация научно-исследовательской работы студентов возвращается в поле зрения преподавательского корпуса, при кафедрах организуют научные кружки, а главное, был восстановлен институт дипломных работ. Положительно сказалось на здоровье недодедавших студентов возобновление практики зимних каникул [31, с. 76]. Эти и другие нормализации условий функционирования высшей школы и учебного процесса обеспечили сокращение отсева студентов, они стали возвращаться в вузы, стабилизировалась их численность, составившая к середине 1945 г. 89,9 % довоенного уровня.

Более того, именно в это время возникла тенденция повышения количества студентов гуманитарного профиля. Число учащихся в технических и сельскохозяйственных вузах практически достигло довоенного уровня, зато педагогов готовили значительно меньше, чем до войны [39, с. 42].

### Список использованной литературы и источников

1. Аврус А. И. История российских университетов: Очерки / А. И. Аврус. — Москва : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — 86 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. — Москва : Сов. энциклопедия, 1985. — 832 с.
3. Вост.-Сиб. правда. — 1941. — 26 июня.
4. Вост.-Сиб. правда. — 1942. — 2 июня.
5. Вост.-Сиб. правда. — 1942. — 2 окт.
6. Вост.-Сиб. правда. — 1944. — 9 июня.
7. Вост.-Сиб. правда. — 1944. — 9 авг.
8. Высшая школа на Востоке России // Энциклопедия Сибири. — URL: <http://russiasib.ru/vyshshaya-shkola-na-vostoke-rossii/> (дата обращения: 01.12.2019).
9. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967) / под ред. В. П. Елютина. — Москва : Высшая школа, 1967. — 272 с.
10. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. : М. И. Мовшович; под ред. : А. М. Ходжаева. — Москва : Сов. наука, 1945. — 410 с.
11. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-71. — Оп. 1. — Д. 406.
12. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. 127. — Оп. 21. — Д. 53.
13. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 42.
14. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 46.
15. ГАНИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 48.
16. ГАНИО. — Ф. 1813. — Оп. 1. — Д. 19.
17. Горно-металлургический: годы войны, восстановления и развития // Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет : офиц. сайт. — URL: <http://www.istu.edu/structure/56/1499/> (дата обращения: 01.06.2019)

18. Зуляр Р. Ю. Деятельность профессорско-преподавательского состава иркутских вузов по реализации политики страны в годы Великой Отечественной войны. Ч. 3 / Р. Ю. Зуляр, Р. Ю. Шпикельман // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2015. — Т. 13. — С. 141–159.
19. Зуляр Ю. А. Проблемы и тренды российского высшего образования и их иркутские интерпретации / Ю. А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 47–57.
20. Зуляр Ю. А. Университетское образование в России: Парадоксы сравнения / Ю. А. Зуляр // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения : материалы 3-й Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Иркутск, 2018. — С. 350–356.
21. Зуляр Ю. А. 80-летняя история кафедры: люди в политике, науке и образовании (К юбилею кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ) / Ю. А. Зуляр, В. Н. Казарин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2013. — № 2–1. — С. 171–190.
22. Иркутский государственный медицинский университет : офиц. сайт. — URL: <http://www.lvkgmu.ru/igmu.html> (дата обращения: 01.05.2013).
23. Иркутский государственный технический университет. 1930–2000 гг. / сост. Н. Я. Хлебкова ; отв. ред. В. М. Салов. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2000. — 400 с.
24. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири : крат. ист. очерк / Ф. А. Кудрявцев [и др.]. — Иркутск : [б. и.], 1978. — 171 с.
25. Иркутский педагогический... — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ин-та, 1966. — 382 с.
26. Иркутский политехнический институт (1930–1980 гг.) / М. К. Косыгин, С. Б. Леонов, А. П. Надольский и др. — Иркутск : ИПИ, 1980. — 115 с.
27. История Иркутской государственной сельскохозяйственной академии в лицах, цифрах и фактах, аргументах и документах (1934–2009 гг.) / В. И. Покорский, В. В. Комин. — Иркутск, 2009. — 128 с.
28. История развития // Иркутский государственный университет : офиц. сайт. — URL: [http://isu.ru/ru/about/history/history\\_development.html](http://isu.ru/ru/about/history/history_development.html) (дата обращения: 01.03.2014).
29. Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х — середина 60-х гг. XX в.) / В. Н. Казарин — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. — 308 с.
30. Комаров Н. Я. Государственный комитет обороны постановляет. Документы. Воспоминания. Комментарии / Н. Я. Комаров. — Москва : Воениздат, 1990. — 430 с.
31. Круглянский М. Р. Высшая школа и подготовка специалистов для фронта и тыла / М. Р. Круглянский // Советская культура в годы Великой Отечественной войны / ред. кол. М. П. Ким и др. — Москва : Наука, 1970. — 286 с.
32. Культурное строительство в РСФСР: Статистический сборник. — Москва : Госстатиздат, 1958. — 481 с.



33. Лутченко А. И. Подготовка инженерно-технических кадров в 1941–1945 гг. / А. И. Лутченко // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. — Москва : Наука, 1976. — С. 81–97.

34. Николай Степанович Шевцов // Галерея ректоров и профессоров ИГУ. — URL: <http://library.isu.ru/ru/escience/rector/rectors/Shevtsov.html> (дата обращения: 01.06.2014).

35. О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. — 1943. № 12. — С. 214–215.

36. Об отмене свободного посещения учебных заведений студентами. Пост. СНК СССР (дек. 1942) // СП СССР. — 1943. — № 7.

37. Писаренко И. С. Законодательное регулирование развития советской высшей школы в годы Великой Отечественной войны / И. С. Писаренко // Образование и общество. — 2003. — № 5 (22). — URL: [http://www.jeducation.ru/5\\_2003/99.html](http://www.jeducation.ru/5_2003/99.html) (дата обращения: 01.09.2013).

38. Пластинин В. В. Очерки по истории развития физико-математического образования в Иркутском государственном университете имени А. А. Жданова (1918–1972 годы) / В. В. Пластинин, Т. А. Шигорова. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1972. — 63 с.

39. Сиверцева Н. Л. Великая Отечественная война и высшая школа / Н. Л. Сиверцева // Социологические исследования. — 1995. — № 5. — С. 35–44.

40. Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны / В. В. Дрыночкин, А. И. Залесский, И. З. Захаров и др.; под ред. Ф. Б. Комала. — Москва : Наука, 1980. — 232 с.

41. Сонич Г. Ф. Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк) / Г. Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. — 288 с.

42. Шантуров А. Г. Иркутский государственный медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / А. Г. Шантуров, Г. М. Гайдаров. — Иркутск : Ирк-я обл. типогр. № 1, 2005. — 588 с.

### Информация об авторе

*Зуляр Юрий Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: [uzulyar@yandex.ru](mailto:uzulyar@yandex.ru).

### Author

*Yu. A. Zulyar* — doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of political science, history and regional studies, faculty of history, Irkutsk state University, 664003, Irkutsk, Ul. K. Marx, 1; e-mail: [uzulyar@yandex.ru](mailto:uzulyar@yandex.ru).



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.03  
УДК 94(571.1)"1938/1941"  
ББК 63.3(253.3)613

В.А. ИЛЬИНЫХ

## ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.\*

В статье осуществлена реконструкция особенностей функционирования колхозной системы в Западной Сибири в конце 1930-х гг. Анализ проводился в контексте аграрной политики Советского государства. Определены динамика и факторы развития сельского хозяйства. Установлено, что основными причинами низких темпов развития сельскохозяйственного производства являлись кампания по ограничению личных приусадебных хозяйств населения и существенное увеличение тяжести налогового-податного обложения колхозов.

**Ключевые слова:** аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, колхозы, личные приусадебные хозяйства, Сибирь

V.A. ILYINIYKH

## THE FUNCTIONING OF THE KOLKHOZ SYSTEM IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE 1930S

The article reconstructs specific features of the kolkhoz system functioning in Western Siberia in 1935–1937. This system has been analyzed within the context of agricultural policies of the Soviet State. The author determines dynamics and factors of organization of agricultural industry. Conclusion of the article is that the main causes of the low rates of agricultural development were campaign to limit personal household farms and significant increase of taxation on collective farms

**Keywords:** agricultural policy of the Soviet state, agricultural industry, kolkhoz, private household farms, Siberia

В 1930-е гг. в СССР сформировалась принципиально новая модель аграрного строя, которую можно определить, как колхозную систему. Ее организационно-производственной основой являлись колхозы. С одной стороны, они находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях неэквивалентного и принудительного обмена. Помимо колхозного уклада в рамках аграрного строя сталинского социализма функционировали госу-

\* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

дарственный (совхозный) и личный приусадебный хозяйственные уклады. Личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) колхозников были интегрированы в колхозную экономику, а совхозы являлись ее вспомогательным придатком. Важным этапом развития колхозной системы явился период с 1938 г. до начала Великой Отечественной войны.

Задачей настоящей статьи является анализ особенностей функционирования колхозной системы в конце 1930-х гг. в Западной Сибири, являвшейся одним из основных сельскохозяйственных районов страны. В территориальные рамки работы входят Алтайский край, Новосибирская и Омская области в предвоенных границах.

Спровоцированный массовой коллективизацией кризис сельского хозяйства в середине 1930-х гг. был в целом преодолен. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, а также меры помощи личным хозяйствам их членов способствовало наращиванию производительных сил сельского хозяйства. Тем не менее, поставленная руководством страны задача за годы второй пятилетки добиться удвоения общего объема производства сельскохозяйственной продукции не была достигнута. В то же время в условиях надвигающейся войны страна нуждалась в более существенном наращивании продовольственных и сырьевых ресурсов.

По мнению руководства страны, основными причинами отставания сельского хозяйства от потребностей страны являлось несовершенство налогово-податной системы, которая не обеспечивала необходимого уровня изъятия земельной ренты и отвлечение значительных трудовых ресурсов деревни в личный сектор аграрной экономики.

Действительно, колхозники предпочитали крайне низко оплачиваемой, а иногда практически неоплачиваемой работе на колхозных полях и фермах труд на своих личных подворьях, который не только являлся более стабильным источником дохода, но и позволял выжить в голодные годы. При этом они далеко не всегда ограничивали свое ЛПХ предельными нормами устава сельхозартеля, превышая их по количеству скота и размерам приусадебного участка. Помимо колхозников личное подсобное вели рабочие и служащие.

Личный сектор аграрной экономики в целом по стране и в большинстве ее регионов, включая Сибирь, отличался гораздо более высокой производительностью и развивался более высокими темпами, чем социалистический. К концу 1930-х г. ЛПХ занимали ведущие позиции в картофелеводстве, овощеводстве и продуктивном животноводстве региона. В начале 1938 г. доля ЛПХ населения Западной Сибири в общем поголовье КРС составляла 46,4 %, коров — 56,7, овец и коз — 47, свиней — 54,6 %; доля колхозов — 41,2, 32,5, 42,8 и 32,2 % соответственно. Удельный вес личных хозяйств в общей площади посева в этом году

составлял 2,8 %, картофеля — 64,7, овощей — 58,5 %; колхозов — 85,2, 27,1 и 25 % [9, с. 153–154].

В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ. 21 января 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали от местных властей в кратчайшие сроки ликвидировать нарушения Устава сельхозартели по приусадебным участкам и количеству скота. «Излишки» скота подлежало «в обязательном порядке» сдать государству или колхозам по государственным, т.е. крайне низким ценам. Лошади, находящиеся в нарушение Устава сельхозартели в личном пользовании колхозников, подлежал безусловному «обобществлению» [12, с. 163–165]. Утвержденное майским (1939 г.) пленумом ЦК постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все «излишки» сверх установленных норм [18]. Кроме того, в конце июля 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, лимитирующее размеры приусадебных участков, проживающих в сельской местности «рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов» 0,15 га, включая площадь, занятую постройками, и так же, как в случае с единоличниками и колхозниками, требующее отрезки выявленных «излишков» [19].

В Новосибирской области в ходе проведенного в течение лета 1939 г. обмера «излишки» были выявлены у 11,5 % хозяйств колхозников, 69,2 % — единоличников и 59,6 % проживающих в сельской местности рабочих и служащих. До 1 ноября было отрезано 12,5 тыс. га в 54,8 тыс. хозяйствах [12, с. 194].

В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по развитию общественного животноводства» от 8 июля 1939 г. [19] указывалось на то, что во многих колхозах поголовье скота в ЛПХ их членов больше, чем на колхозных фермах. Подобное положение необходимо было исправить, значительно увеличив количество скота в колхозах. В качестве одного из способов пополнения колхозного стада в постановлении называлась добровольная продажа своего скота колхозниками по государственным ценам. Однако на деле личные подворья стали основным источником пополнения колхозных ферм, а закуп скота в них фактически приобрел принудительный характер.

Ограничению пределов роста ЛПХ должны были способствовать и изменения в налоговом законодательстве. В новом законе о сельскохозяйственном налоге на колхозников распространялись принципы обложения, ранее применяемые по отношению к единоличникам [1]. Так же, как и у последних, размер налога с личных хозяйств членов колхозов теперь зависел от уровня годового дохода и исчислялся по прогрессивной шкале, тогда как в предшествующий период ставки их обложения

были едиными и не коррелировались уровнем доходности того или иного двора [8, с. 59–61]. Налоговое давление на ЛПХ помимо пополнения казны было призвано привести к сокращению его размеров и вынудить крестьян с большей отдачей работать на колхозных полях и фермах.

Внимание властей не ограничивалось лишь ЛПХ колхозников. С 1939 г. рабочие и служащие, проживающие в деревне и имеющие какое-либо подсобное хозяйство, стали привлекаться к поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и уплате сельхозналога. Согласно ранее действующему законодательству от выполнения этих обязательств большинство из них освобождалось [12, с. 152]. Результатом налоговой реформы стало существенное увеличение средней суммы сельскохозяйственного налога. В Новосибирской области его общая сумма в 1939 г. выросла по сравнению с предшествующим в 2,2 раза [8, с. 61].

В конце 1930-х гг. выросла тяжесть не только денежного, но и натурального обложения ЛПХ. В 1939 г. были увеличены нормативные размеры поставок мяса и молока. В 1940–1941 гг. за счет яиц, кожевенного сырья, сыра из овечьего молока («брынзы-сыра»), табака и махорки был расширен перечень сельхозпродуктов, подлежащих обязательным поставкам личными приусадебными хозяйствами колхозников. К сдаче мяса и молока по нормам колхозных дворов стали привлекаться проживающие в сельской местности члены промысловой кооперации, рабочие и служащие, если у них имелся скот. Ранее их ЛПХ (за исключением работников совхозов) от обязательных поставок указанных продуктов освобождались [8, с. 132, 143].

Давление на ЛПХ помимо пополнения казны было призвано снизить масштабы отвлечения колхозников на работу в своем хозяйстве вынудить крестьян с большей отдачей трудиться на колхозных полях и фермах. С той же целью устанавливался обязательный минимум трудодней для колхозников. Не выработавшие минимума могли быть исключены из колхоза с конфискацией приусадебного участка [19].

Советское руководство достигло целей, которые ставило перед собой, начиная кампанию по ограничению размеров ЛПХ. Рост налогово-податной нагрузки вынуждал колхозников сокращать размеры приусадебного хозяйства. Поступательное развитие личного сектора сельской экономики было фактически остановлено. Так, количество коров в ЛПХ колхозников Новосибирской области на 1 января 1941 г. по сравнению с началом 1938 г. выросло всего на 0,8 % (за 1937 г. оно увеличилось на 5%), а поголовье КРС в целом сократилось на 11 % [11, с. 227].

Отрицательная динамика развития ЛПХ более явно проявилась в конце 1940 и 1941 г., что стало следствием сильного неурожая

1940 г. Острая нехватка кормов вызвала массовый забой скота, в первую очередь молодняка. На 1 января 1941 г. поголовье КРС на подворьях колхозников Алтайского края снизилось по сравнению с 1 января 1940 г. на 21,2 %, овец и коз — на 28,2, свиней — на 78,7 % [3; 4]. В начале 1941 г. численность КРС в ЛПХ колхозников Западной Сибири составляла 71,5 %, коров — 94,3, овец и коз — 95,7, свиней — 53,0 % от уровня 1 января 1938 г. [6, с. 120, 139, 140; 23, с. 187, 189, 191, 193].

Параллельно с наступлением на личный сектор экономики принимались меры по утяжелению налогово-податного обложения колхозов. В 1939 г. изменились нормативы исчисления натуроплаты. Для повышения размеров натуроплаты был пересмотрен порядок определения урожайности колхозной нивы, которая теперь стала устанавливаться непосредственно на поле перед началом уборки (т.н. биологический метод) [17]. При этом потери, зависящие от погодных условий и несовершенства техники и «не используемые в хозяйстве», из определенного таким образом урожая не исключались. «Биологическая» урожайность зерновых приблизительно на 6–8 % превосходила исчисленную по действующему в 1935–1938 гг. «фактическому» методу, что позволило повысить величину натуроплаты, не изменяя ее расценок. «Биологическая» урожайность и исчисленный на ее основе валовой сбор не менее чем на четверть превышали амбарный урожай [5, с. 137–138]. Кроме того, были увеличены расценки натуроплаты для низкоурожайных и высокоурожайных колхозов, а также введена пеня, начисляемая за просрочку ее своевременной сдачи МТС. В итоге в 1939/40 г. в Алтайском крае в условиях более низкого, чем в предыдущем году, урожая удалось увеличить поступление зерна на счет натуроплаты на 22 % [8, с. 118–119].

В конце 1930-х гг. одной из причин низких темпов развития колхозного производства официально были названы недостатки действующей системы госпоставок, основным из которых называлось определение объемов сдачи продуктов полеводства по установленным для колхозов планам посевов, а продуктов животноводства — по плановому (поставки мяса) или наличному поголовью (поставки молока и шерсти). Подобная практика, по мнению ее критиков, «побуждала» руководителей хозяйств добиваться уменьшения планов, «поощряла» сокращение посевов и поголовья скота, не стимулировала введение в сельскохозяйственный оборот всех колхозных земель. Для исправления данного недостатка было решено увязать объемы госпоставок с площадью закрепленной за колхозами земли. Увеличению заготовок также должно было способствовать расширение системы госпоставок за счет новых сельхозпродуктов.

Программа реформирования порядка натурального обложения колхозного производства была реализована в 1940 — начале 1941 г. [8,

с. 129–132, 142–144] Перечень продуктов, подлежащих обязательным поставкам, в который ранее входили зерновые культуры, подсолнечник, картофель, мясо, молоко и шерсть, пополнился яйцами, овощами, сеном, льном, коноплей, кожсырьем, сыром из овечьего молока. Объемы госпоставок колхозами зерна, маслосемян, картофеля и овощей стали определяться по нормам сдачи с каждого гектара закрепленной за ними пашни, включая огороды колхозников, вне зависимости от того, засеяны облагаемые площади или нет.

Объемы обязательств по поставкам мяса, молока, шерсти, «брынзы-сыра» колхозами стали определяться по годовым нормам сдачи с каждого гектара, а кожсырья — с каждых ста гектаров, закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий, включая пашню, луга, пастбища, сады и огороды; по поставкам яиц — с каждого гектара пашни, облагаемой зернопоставками. Поставками облагались не только используемые, но и неиспользуемые сельхоз-угодья. Изменения в порядке заготовок привело к увеличению их размеров. В 1940/41 г. в Омской области валовой сбор зерновых снизился на 5 %, а объем колхозных хлебозаготовок вырос на 25 % [5, с. 149; 13, с. 247].

В конце 1930-х гг. государство не ограничивалось только фискальными методами воздействия на деревню. Предпринимались меры к улучшению агротехники, качества семян, породности скота. В 1937 г. было принято решение о необходимости перехода в большинстве регионов страны, включая Сибирь к травопольной системе земледелия, восстановление плодородия в которой достигается за счет введения в севообороты значительного клина сеяных трав [15]. Травополье должно было заменить ранее внедряемое паропропашное многополье, эффективно функционирующее лишь при условии широкомасштабного применения минеральных удобрений, выпуск которых в СССР был минимален. Широкомасштабное расширение посевов трав также должно было способствовать укреплению кормовой базы животноводства. Компенсировать снижение площади пашни, отводимой для посевов зерновых в старопашотных районах должно было освоение целинных и залежных земель на Востоке страны.

В апреле 1940 г. был принят первый общесоюзный «целинный проект», нормативно оформленный в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» [21]. Планировалось в течение 1940–1942 гг. за счет целинных и залежных земель увеличить площадь

пашни в указанных районах на 4345 тыс. га, засеяв их преимущественно яровой пшеницей. Для обеспечения выполнения плана предусматривалось создание 136 новых МТС. Нехватку рабочей силы решили частично компенсировать за счет расширения масштабов переселения колхозников из трудоизбыточных районов европейской части РСФСР. Сибирские властные структуры приняли директиву Центра к исполнению. В 1940 г. в Западной Сибири освоили 898,6 тыс. га целинных и залежных земель. Значительно медленнее в регионе распространялись травопольные севообороты. В 1941 г. их ввели лишь в каждом шестом колхозе Омской области. В других районах Сибири ситуация была еще хуже [7, с. 111]. Переход к травополью и освоение целины прервала Великая Отечественная война.

В конце 1930-х гг. продолжалась механизация колхозного производства, хотя ее темпы в связи с переключением промышленности на преимущественное производство военной продукции снизились. За 1938–1940 гг. в Западной Сибири было построено 75 новых МТС. Всего в регионе в начале 1941 г. насчитывалось 490 МТС. Они обслуживали более 82 % колхозов. Тракторный парк вырос на 28 %, число комбайнов — в 1,7 раза [5, с. 96–97]. При этом в связи с сокращением поставок новой техники возросла изношенность тракторного и машинного парка МТС.

Относительно низкая заработная плата и неудовлетворительные условия труда являлись причиной высокой текучести механизаторских кадров в МТС. Жесткие преграды их оттоку поставил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [2], действие которого 17 июля было официально распространено на работающих в МТС бригадиров тракторных бригад, трактористов, комбайнеров и их помощников [22]. Указ от 26 июня предусматривал судебную ответственность рабочих и служащих за «прогул без уважительной причины» в виде исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% заработной платы. Наказанием за самовольный уход с работы являлось тюремное заключение сроком от 2-х до 4 месяцев.

Несмотря на предпринимаемые усилия, темпы наращивания сельскохозяйственного производства в конце 1930-х гг. снизились. За 1938–1940 гг. посевные площади во всех категориях хозяйств в Западной Сибири увеличились на 4%, а посевы зерновых культур — лишь на 1% [14, с. 6, 8; 10, с. 166, 168]. В социалистическом секторе не удалось в полной мере компенсировать спад в личном животноводстве. В 1938–1940 гг. поголовье КРС во всех категориях хозяйств уменьшилось на 11 %, свиней — на 27, коров осталось фактически неизменным, а овец



и коз выросло на 22 % [6, с. 120, 139, 140; 10, с. 187, 189, 191, 193]. Позитивные результаты овцеводства явились следствием его меньшей кормозатратностью.

Крайне негативное влияние на динамику развития аграрного сектора экономики Западной Сибири оказал катастрофический недород 1940 г. Несмотря на значительное снижение валового сбора зерна, план хлебозаготовок снижен не был. Его выполнение обеспечивалось возросшим административным и судебным давлением на колхозных функционеров. Многие хозяйства в итоге не смогли сформировать продовольственные, фуражные и семенные фонды. Резко снизилась оплата труда колхозников. В 1940 г. на один трудодень колхозникам Алтайского края выдали по 0,8 кг. зерна (в самом урожайном из предвоенных 1937 г. — 4,3 кг., в 1938 г. — 3,5 кг., в 1939 г. 2,0 кг) [5, с. 167]. Недород трав привел к увеличению падежа скота от бескормицы. Часть скота была сдана в счет выполнения плана хлебозаготовок. Зимой 1940/41 г. в деревнях непродуктивной зоны Алтайского края, Новосибирской и Омской областей начался голод. В итоге колхозы и западносибирская деревня в целом вошли в Великую Отечественную войну с существенно ослабленным «общественным» и личным хозяйством.

### Список использованной литературы и источников

1. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1939. — 23 сент.
2. Ведомости Верховного Совета. — 1940. — 5 июля.
3. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). — Ф. Р-718. — Оп. 18. — Д. 1905. — Л. 25.
4. ГААК. — Ф. Р-718. — Д. 1906. — Л. 8.
5. Гуцин Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941) / Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1975. — 284 с.
6. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : стат. сб. — Москва; Ленинград : Госпланиздат, 1940. — 220 с.
7. Ильиных В. А. *Звезда и смерть сибирского травополя* / В. А. Ильиных // *Крестьяноведение*. — 2016. — № 1. — С. 93–121.
8. Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. / В. А. Ильиных. — Новосибирск : ГУП РПО СО РАС-ХН, 2004. — 167 с.
9. Ильиных В. А. Организационно-хозяйственная структура аграрного сектора экономики Западной Сибири в 1930-е гг.: факторы трансформации, динамика / В. А. Ильиных // *Сибирская деревня: проблемы истории*. — Вып. 2. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2014. — С. 131–164.
10. Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. — Москва : Гос. стат. изд-во, 1957. — 371 с.



11. Новосибирская область в 1939 г.: [стат. сб.]. — Новосибирск: Б.И., 1940. — 131 с.
12. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2000. — Вып. 1 : Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. — 210 с.
13. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2002. — Вып. 2 : Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. — 253 с.
14. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г. Стат. справочник. — Москва; Ленинград : Госпланиздат, 1939. — 332 с.
15. Правда. — 1937 — 30 июня.
16. Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР) — 1939. — № 24. — Ст. 316.
17. СП СССР — 1939. — № 33. — Ст. 231.
18. СП СССР — 1939. — № 34. — Ст. 235.
19. СП СССР — 1939. — № 24. — Ст. 316.
20. СП СССР — 1939. — № 47. — Ст. 362.
21. СП СССР — 1940. — № 10. — Ст. 251.
22. Советская Сибирь — 1940 — 19 июля.
23. Численность скота в СССР : стат. сб. — Москва : Гос. стат. изд-во, 1957. — 619 с.

### Информация об авторе

*Ильиных Владимир Андреевич* — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: [agro\\_iwa@mail.ru](mailto:agro_iwa@mail.ru).

### Author

*Vladimir A. Ilinykh* — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS, 8, Nicolaev str. Novosibirsk, 630090, e-mail: [agro\\_iwa@mail.ru](mailto:agro_iwa@mail.ru).

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.04

Л.В. КАЛЬМИНА

УДК 94(571.5)

ББК 63(2Р54)

## ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ТОРГОВЛИ В УЕЗДНОМ СИБИРСКОМ ГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕУДИНСКА)\*

В статье показаны формы торгового предпринимательства в уездном сибирском городе и процесс их изменения на рубеже XIX–XX вв. Анализируются сущность трансформации городской торговли, роль Транссибирской магистрали как ее главного фактора и причины сохранения «архаичных» форм торговли, примером которых служила ярмарочная.

**Ключевые слова:** Верхнеудинск, торговля, ярмарка, торговые обороты, Транссибирская магистраль

L.V. KALMINA

## TRADING METHODS EVOLUTION IN A PROVINCIAL SIBERIAN TOWN AT THE EDGE OF XIX–XX CENTURIES (VERKHNEUDINSK CITED AS AN EXAMPLE)

The article covers trading enterprise methods in a provincial Siberian town and the process of their development at the edge of XIX–XX centuries, the essence of town trade transformation, Trans-Siberian Railway role as its main factor and reasons for preserving archaic trading forms, a fair as an example, having been analysed.

**Keywords:** Verkhneudinsk, trade, fair, trading circulation, Trans-Siberian Railway.

Для иллюстрации процесса трансформации форм городской торговли в обозначенный хронологический период мы неслучайно выбрали Верхнеудинск. На протяжении долгого времени он играл роль важного торгового центра, своеобразного «перевалочного пункта», откуда шли торговые пути в Нерчинск, Кяхту, Селенгинск [9, с. 53]. Даже на пороге XX в. торговля была главным занятием городского населения: сборы за промыслы и торговые свидетельства в 1899 г. составили 1139 руб. 90 коп., тогда как сборы с патентов на заводы — 846 руб. 75 коп. [10, с. 107]. В справочной литературе Верхнеудинск оценивался как «наиболее торговый» город в Восточной Сибири [22, с. 338].

\* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9)

Доминантой верхнеудинской торговли была зимняя Рождественская ярмарка, вторая по объему продаж в Восточной Сибири после Иркутской. Отсчет ее истории ведется с 1768 г. Проводилась она в конце января — начале февраля в зависимости от сроков установления прочной дороги через Байкал. На ярмарку съезжались купцы из Иркутска, Нерчинска, Читы, Кяхты, Баргузина, из Амурской области. Промежуточное положение между Иркутском и Кяхтой, державшими в своих руках торговлю с Китаем и часть внутренней торговли западного Забайкалья, обрекало Верхнеудинскую ярмарку на вторые роли: некоторые грузы из Кяхты, минувя Верхнеудинск, шли прямо к Байкалу [2, с. 88]. К тому же Верхнеудинская ярмарка фактически торговала товарами, оставшимися нереализованными в декабре на Иркутской ярмарке. Однако Верхнеудинск был одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [19, с. 135–136]. Четыре тракта, связывавшие ярмарку с районами Центральной России, китайско-монгольского пограничья и Забайкалья, были, по сути, питающими ее артериями. Более 70 % товаров, преимущественно мануфактурных, бакалейных и ювелирных, рыба, масло, свечи, мед доставлялись по Иркутскому тракту; Кяхтинско-Селенгинским путем везли чай, овчины, кожи; по Читинскому и Баргузинскому трактам привозили сырье, кожи, пушнину, мясо, рыбу. На ярмарку свозились и товары китайского производства, в т.ч. китайскими купцами, изделия местных кустарей [21, с. 64]. Ко второй половине XIX в., когда произошла специализация ярмарок, определился и профиль Верхнеудинской. Главным предметом торгового оборота стали мануфактурные изделия московских производителей, составлявшие до пятой части всего торгового оборота. Ярмарка была и основным рынком сбыта местной продукции: для торговли продукцией своего хозяйства и покупки товаров фабричного производства на нее съезжались крестьяне Верхнеудинского и Селенгинского округов. В западном Забайкалье она, пожалуй, была единственным местом встречи товарных потоков формирующегося производственного сектора России и промыслового хозяйства коренного населения Сибири.

Сведения о проведении ярмарки входили во Всеподданнейшие отчеты военного губернатора Забайкальской области; ежегодные статистические отчеты Верхнеудинской городской управы, бюджетные отчеты забайкальских городов, где затраты на проведение Верхнеудинской ярмарки и полученные от нее доходы шли отдельной строкой расхода и, соответственно, прихода. Кроме того, составлялись самостоятельные отчеты о проведении ярмарки с полным анализом хода торговли и соблюдения торговых правил. Судя по отчетам, обороты ярмарки были

волнообразными, то снижаясь, то вновь вырастая — в зависимости от ряда обстоятельств. Например, интенсивность ярмарочной торговли в значительной степени зависела от урожайности трав: именно она как одна из главных статей городского дохода в конечном итоге устанавливала торговые объемы и формировала покупательский спрос. В докладе Верхнеудинской городской управы от 11 марта 1885 г. отмечалось, что из-за двухлетних неурожаев трав торговцев на ярмарку с каждым годом приезжает меньше, из-за чего ярмарочные доходы также постоянно уменьшаются [3, л. 55]. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. объемы ярмарочной торговли стали падать и из-за доставки товаров в Амурскую и Приморские области, а также в восточное Забайкалье до селения Средненского морским путем, после чего отпала необходимость их закупки на ярмарке [5, л. 3]. Однако уже в 1895 г. наблюдалось значительное увеличение объемов привезенных на ярмарку товаров, что объяснялось наплывом рабочих и служащих на постройку Забайкальской железной дороги [12, с. 8]. В целом во второй половине XIX в. наблюдалась стойкая тенденция роста ярмарочных оборотов: с 1863 по 1900 гг. они увеличились в пять раз [15, с. 286].

На протяжении многих лет ярмарка формировала торговое лицо города. Именно она была основой его благополучия, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. Судьба ярмарки и неразрывно соединенная с ней судьба города всякий раз выдвигались в качестве решающего аргумента при защите городских интересов [4, л. 2; 6, л. 18].

Транссибирская железнодорожная магистраль внесла существенные коррективы в сибирскую торговлю. В городах, через которые прошла железная дорога, открылись склады и магазины крупнейших российских текстильных фирм. В этих условиях началось падение роли купцов-оптовиков. Торговцы Сибири стали чаще закупать товары в оптовых складах промышленных фирм, а не ярмарках или у посредников, как ранее [14, с. 122]. Забайкалье в целом не выбивалось из контекста сибирской торговой модернизации. Верхнеудинская ярмарка как главная составляющая забайкальской торговли стала резко терять обороты. В 1901 г., через полтора года после проведения через город железной дороги, они едва достигли 580 тыс. руб., хотя ранее превышали 2 млн. Представители крупных фирм приезжали уже не столько для закупки товаров, сколько для окончания расчетов прежних лет. Доходы горожан от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, достигавшие во время ярмарки 50 тыс. руб., после проведения магистрали сократились больше, чем наполовину [18, с. 162–163]. Причина была та же, что и в целом по Сибири: с появлением рельсового пути упростилась схема движения товаров, отпала необходимость закупать их сразу на год. Нижегородская и Ирбитская ярмарки перестали играть главные роли в снабжении

Забайкалья мануфактурой и готовым платьем. Крупные оптовики предпочитали закупать товар в Москве, торговцы с менее значительным капиталом заключали сделки с оптовыми складами, открывшимися вдоль железной дороги, в т.ч. и в Верхнеудинске. Сложившаяся торговая цепь сократилась на одно звено — оптовую ярмарку как посредника между Сибирью и промышленными центрами. Второе звено в этой цепи — городская торговля, распределявшая купленные товары между мелкими населенными пунктами, — стало первым [10, с. 110–111].

Однако Транссибирская магистраль, перераспределив торговые роли, не уничтожила ярмарку. Оправившись от первоначально шока, ярмарка стала работать в прежнем режиме, постепенно наращивая объемы. На зимней ярмарке 1903 г. было продано товаров на 172 817 руб. больше, чем в предыдущем году. Ассортимент заметно изменился: товары первой необходимости стали уступать предметам роскоши. Вторую позицию после мануфактуры, которая традиционно держала первенство по объемам продаж, заняли галантерейные, золотые и бриллиантовые изделия [13, с. 59]. Более того, в этом же году в городе была учреждена летняя ярмарка, проводившаяся с 20 августа до 3 сентября, когда уже были ясны перспективы летнего охотничьего и рыболовного сезонов и виды на урожай. К тому же водный путь доставки товаров из Иркутска оставался более дешевым по сравнению с провозом по железной дороге [8, л. 3–4, 22]. «Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области», изданный в 1914 г., констатировал, что хотя две верхнеудинские «ежегодные ярмарки теряют постепенно свое значение, когда-то до проведения железной дороги стоявшее весьма высоко», они и теперь «стягивают настолько значительный съезд торговцев, что некоторые банки открывают на это время в Верхнеудинске свои отделения» [17, с. 9].

Почему же в то время, как в большинстве сибирских городов с появлением железной дороги «ушли в прошлое ярмарки и купцы-оптовики, посредничавшие между сибирским потребителем и производителями фабричной продукции России», в Верхнеудинске эта, казалось бы, уже ставшая архаичной форма торговли уцелела и даже имела тенденцию к росту? [16, с. 261] Мы видим здесь несколько причин. Первая — уже ставшее привычным соседство ярмарки со стационарной торговлей, бывшей одной из форм городского торгового предпринимательства еще в конце XVIII в. В это время в Верхнеудинске уже было пять провиантских (продовольственных) магазинов, винный подвал, несколько кофейных домов и торговых лавок, которые составляли первый в городе Гостиный двор [18, с. 85]. В первой половине XIX в. круглый год велась лавочная торговля, работали городские базары. А в 1890-х гг., еще до проведения Транссибирской магистрали, в городе появляются большие универсальные магазины. Концентрируя на своих прилавках всевозмож-

ные товары, способные удовлетворить различные вкусы, они могли обеспечивать ими население круглогодично, ликвидируя тем самым ажиотажный спрос, характерный для ярмарочной торговли [21, с. 71]. Только один магазин купца А.Ф. Второва занимал в Верхнеудинске помещение в 200 кв. сажень и имел годовой оборот не менее 1 млн руб. [7, л. 115]. Тем не менее, полного замещения временной торговли (ярмарок в том числе) стационарной не произошло. Крупное производство всегда оставляет достаточное неосвоенное пространство, заполняющееся традиционными формами. Многоукладная сибирская экономика предполагала принцип сосуществования и взаимодополняемости разных форм предпринимательства [1, с. 171]. Вторая причина: у каждой ярмарки были свои функции, выполнение которых оставалось значимым для формирования забайкальского торгового пространства и после проведения железной дороги. Снижение торговых оборотов Иркутской ярмарки из-за установления прямых коммерческих связей с московскими, варшавскими и заграничными купцами сделало ее фактической преемницей Верхнеудинскую, которая сменила ее на «посту» распределителя товарных потоков в Забайкалье. Оказавшись на пересечении всех видов торговых путей — железнодорожного, водного (судоходная Селенга) и трактов на Кяхту и Баргузин, — в центре густонаселенного хлебородного района, Верхнеудинск «отодвинул» и оставшуюся в стороне от железной дороги Кяхту, ранее вместе с Иркутском державшую в своих руках торговлю с Китаем и часть торговли западного Забайкалья, и зимняя ярмарка окончательно закрепила за собой роль распределительного центра среди городов и уездов региона. Летняя ярмарка, выполняя функцию снабжения золотых промыслов перед зимним сезоном, была посредником между крупными и мелкими торговцами Троицкосавского, Селенгинского и Верхнеудинского уездов, получившими возможность приобретать все необходимое без поездки в Иркутск. К тому же именно в это время наблюдается наплыв в Верхнеудинск монгольских товаров, которые обменивались на продукцию европейской фабричной промышленности, удешевленную провозом по железной дороге, в результате чего ярмарка стала связующим звеном между европейской Россией и Монголией.

Активизации торговли с Монголией способствовала и удобная транспортная схема Верхнеудинска: проведенная ветка от вокзала на речную пристань Селенги и пароходное сообщение по Селенге, Байкалу и Ангаре [8, л. 3–4, 7–8]. Обе крупные ярмарки «питали» массу мелких, возникших в уездах: городская торговля из-за своей отдаленности не могла удовлетворить растущий спрос сельского населения. Верхнеудинские ярмарки для сельской местности стали играть те же роли, которые ранее ярмарки, имевшие всероссийское значение, играли для уездного города: концентрация и распределение товара. Третья причина заклю-

чалась в слабом развитии модернизированных форм торговли. Можно спорить о том, насколько они вообще были развиты в Сибири — на этот счет существуют разные мнения: от отрицания широкого распространения биржевых операций в силу развитых традиций непосредственной торговли [1, с. 216] до придания товарным биржам в Сибири значительной роли [16, с. 261]. Но в Забайкалье они действительно распространения не получили. В Верхнеудинске биржевой комитет отсутствовал. Наконец, Верхнеудинская ярмарка, как и все сибирские ярмарки, была своего рода «защитным механизмом» сибирских торговцев против монополии российских купцов для совместной защиты своих интересов, которые были изначально ущемлены неравенством, сложившимся в системе разделения товарных потоков [20, с. 122]. Сибирь была вынуждена закупать дорогую фабричную продукцию европейской части России в обмен на поставку дешевого сельскохозяйственного сырья. В отсутствие иных форм общения торговых людей ярмарка представляла собой что-то вроде делового клуба, в котором формулировались предложения к региональной власти. Это был один из наиболее демократических институтов, где статус человека определялся только деловыми качествами, а не принадлежностью к сословию или конфессии, что было очень близко менталитету сибиряка [11, с. 422–423]. А для приезжих крестьян ярмарка выступала еще и в роли культурно-массового мероприятия [19, с. 134].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. произошла трансформация торговли уездного Верхнеудинска. Главным фактором, способствовавшим изменению форм торгового предпринимательства, стало проведение через город железной дороги. Усилив роль стационарной торговли и снизив значение временной (ярмарочной), она, тем не менее, не уничтожила последнюю, а лишь изменила ее дислокацию, объемы, ассортимент и направление товарных потоков. Иркутск как транзитный торговый центр между Россией и Китаем [19, с. 137] «поделился» этими функциями с Верхнеудинском, чья летняя ярмарка, появившаяся уже после проведения Транссиба, приобрела роль торгового посредника между Россией и Монголией. Ярмарочная сеть стала более ветвистой, включив в себя мелкие сельские ярмарки, поскольку сельские жители таким путем получали доступ к товару, наполнившему оптовые склады вдоль железной дороги. Не исчерпавшая свой потенциал, ярмарочная торговля, даже при росте значения стационарной, продолжала играть роль организатора западно-забайкальского торгового пространства. А после революционных событий и гражданской войны ярмарочная торговля как наиболее привычная и «понятная» способствовала восстановлению разорванных торговых связей.

**Список использованной литературы и источников**

1. Андрющенко Б. К. Сфера обмена Сибири как показатель уровня модернизации / Б. К. Андрющенко // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : Сб. материалов науч. конф. / под ред. В. А. Ламина. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. — С. 170–174.
2. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. — Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1959. — 146 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. 10 (Верхнеудинская городская управа). — Оп. 1. — Д. 433.
4. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 577.
5. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 774.
6. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1038.
7. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1088.
8. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1710.
9. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2007. — 248 с.
10. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас / отв. ред. Б. В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2012. — 300 с.
11. Кальмина Л. В. Верхнеудинская ярмарка как социокультурный феномен / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — С. 420–426.
12. Обзор Забайкальской области за 1895 г. — Чита : Тип. Заб. Обл. правления, 1896.
13. Обзор Забайкальской области за 1903 г. — Чита : Тип. Заб. Обл. правления, 1904. — 126 [90] с.
14. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зинovieв. — Томск : изд-во Том. ун-та, 2019. — 340 с.
15. Санжиев Г. Л. Бурятия. История. XVII–XIX вв. / Г. Л. Санжиев, Е. Г. Санжиева. — Вып. 4. — Улан-Удэ : изд-во Бурят. госуниверситета, 1999. — 354 с.
16. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.
17. Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области на 1914 г. — Чита : Тип. Т-ва Бергут и сын, 1914. — 141 с.
18. Улан-Удэ — 350: история и современность: В 2 т. Т. 1. XVII — начало XX в. — Иркутск : изд-во «Оттиск», 2016. — 372 с.
19. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.
20. Щеглова Т. К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX — начале XX в. / Т. К. Щеглова // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом изме-



рении (XVIII — начало XX в). Сер. «Азиатская Россия» / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. А. Петрушин. — Иркутск : ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2008. — С. 117–128.

21. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. В. Б. Базарова. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 228 с.

22. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — Санкт-Петербург : изд. Хоз. деп-та МВД, 1882. — 442 с.

### Информация об авторе

*Кальмина Лилия Владимировна* — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

### Author

*Lilia V. Kalmina* — Doctor of Sciences (History), Professor Assistance, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, e-mail:kalminal@gmail.com.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.05

М.Д. КУШНАРЕВА

УДК 9(С18)17

ББК 63.3

## ОСВОЕНИЕ РЕСУРСОВ ЗОЛОТА ФИРМОЙ «М.А. КОКОВИН И И.А. БАСОВ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ КУПЕЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

В статье исследованы проблемы освоения ресурсов золота фирмой «М.А. Коковин и И.А. Басов» на основании данных купеческой переписки. Анализ ранее не опубликованной и не введенной в научный оборот купеческой переписки представителей торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» позволяет исследовать особенности организации золото-разведочных работ на отдаленных территориях Северо-Восточной Сибири периода модернизации Российской экономики.

**Ключевые слова:** переписка, Северо-Восточная Сибирь, золото-разведка, торговый дом, купечество.

M.D. KUSHNAREVA

## DEVELOPMENT OF GOLD RESOURCES OF THE FIRM «M.A. KOKOVIN AND I.A. BASOV» IN NORTH-EASTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY ON MATERIALS OF THE MERCHANT CORRESPONDENCE

The article explores the problems of the development of gold resources by «M.A. Kokovin and I.A. Basov» based on data from merchant correspondence. Analysis of previously not published and not put into scientific circulation merchant correspondence of representatives of the trading house «MA. Kokovin and I.A. Basov» allows to explore the features of the organization of gold exploration in remote areas of North-East Siberia during the modernization of the Russian economy.

**Keywords:** correspondence, North-East Siberia, gold exploration, trading house, merchants.

На территории Северо-Восточной Сибири в начале XX в. представители предприятий с крупным капиталом занимались развитием торговли и снабжением населения края товарами потребления в экстремальных условиях Крайнего Севера. В настоящее время эпистолярное наследие, оставленное нам представителями фирм с крупным капиталом, позволяет судить о масштабах их экономической деятельности на северо-востоке страны и решать многие вопросы современной жизни с учетом исторических традиций. Исследование и введение в научный оборот ранее не изученной купеческой переписки позволяет проанализировать процесс освоения фирмами с крупным капиталом ресурсов золота, который тесно сочетался с торговой и другой производительной деятельностью предприятий.

Следует отметить, что эпистолярное наследие ранее уже привлекало внимание российских ученых. В 80-е гг. XX в. была издана переписка Г.Н. Потанина, состоявшая из 662 писем, 630 из которых ранее никогда не публиковались [12, с. 7]. С.Ф. Коваль отметил, что изучение эпистолярного наследия Г.Н. Потанина позволяет исследовать проблемы развития в Сибири политических сил и экономических процессов [2, с. 22]. В 2004 г. сотрудниками Томского государственного университета была осуществлена публикация более, чем 250-ти писем Г.Н. Потанина, хранившихся в научной библиотеке Томского университета [1, с. 3]. Широкий круг источников из цикла сибирской мемуаристики был введен в научный оборот Н.П. Матхановой. В сферу научных интересов автора вошли неопубликованные письма и воспоминания представителей сибирского купечества Н.Н. Пестерева и Прокопия Похолкова [4; 5]. Введение в на-

учный оборот новых источников, относящихся к циклу эпистолярного наследия, позволило Н.П. Матхановой исследовать широкий круг проблем истории Сибири, а также заложить методологические основы анализа источниковых данных и их применения в разработке научных проблем.

Приведенный небольшой анализ работы исследователей с эпистолярным наследием деятелей изучаемой эпохи свидетельствует о значительных информативных возможностях этого вида источников как с точки зрения пониманий поступков и взглядов отдельных личностей, так и с позиции этапов формирования их мировоззрения в целом. В этом смысле думается, что обращение автора к изучению купеческой переписки позволит высветить новые грани деятельности представителей крупного капитала в Северо-Восточной Сибири.

Для изучения проблемы развития золотопромышленной деятельности предприятий с крупным капиталом важную роль играет купеческая переписка делового характера, относящаяся по своему происхождению к эпистолярному наследию. Основная ценность купеческой переписки, как источника по изучению проблемы деятельности фирм с крупным капиталом в золотопромышленности заключается в том, что деловая переписка, во многих случаях, составляла основу коммерческого делопроизводства предприятий. К купеческой переписке относятся деловые письма распорядителей торговых домов и их приказчиков, телеграммы, письма-отчеты и многое другое.

Целью данной публикации является анализ процесса освоения ресурсов золота фирмой «М.А. Коковин и И.А. Басов» в Северо-Восточной Сибири в период модернизации российской экономики на основании материалов купеческой переписки.

Торговый дом «М.А. Коковин и И.А. Басов» был зарегистрирован в 1885 г. в Кяхте и специализировался на торговле чаем и другими колониальными товарами. Одной из сфер применения капитала товарищества была добыча золота и торговля на приисках, главным образом, чаем [15, с. 324]. В 1900 г. главная контора торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» была перенесена в Москву. В 1903 г. было открыто Якутское отделение фирмы для организации торговли в северных округах Якутской области и на Чукотке. Основным капитал торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» в 1905 г. составлял 500 тыс. руб. Товарищеские вклады М.А. Коковина и И.А. Басова составляли 250 тыс. руб. каждый. Главным распорядителем фирмы являлся М. А. Коковин [7, л. 1–21].

По данным Якутского областного статистического комитета, разработка месторождений золота фирмами с крупным капиталом велась в районе р. Алдан с 70-х гг. XIX в. [6, л. 117]. Основные ресурсы золота в Северо-Восточной Сибири были сконцентрированы в районе Ленско-Витимского и Олекминского бассейнов [13, с. 102–114]. В конце XIX в. фир-

ма «М.А. Коковин и И.А. Басов» занималась освоением золотоносных месторождений на р. Витиме в районе Бодайбинской резиденции. Компания владела золотыми приисками в Забайкалье [14, с. 62]. В конце XIX — начале XX вв. на средства торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» начинается разведка и добыча золота в бассейне р. Колымы [8, л. 1–16]. Основные сведения о процессе развития золото-разведки фирмой «М.А. Коковин и И.А. Басов» на северо-востоке Сибири содержатся в переписке якутского купца 2-й гильдии В.И. Фефилова.

Василий Иванович Фефилов являлся уроженцем Якутской области, на службу в фирму «М.А. Коковин и И.А. Басов» поступил в качестве приказчика в 90-х гг. XIX в. В.И. Фефилов ежегодно участвовал в Якутской, Анюйской, Нижегородской ярмарках, прекрасно разбирался в пушной, лесной торговле, горнорудном деле. С 1900 г. В.И. Фефилов был назначен доверенным лицом торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» в Колымское отделение [3, с. 49]. В 1905 г. В.И. Фефилов занимался развитием Охотского отделения фирмы, в 1908–1917 гг. являлся доверенным лицом торгового дома в Аяне и Нелькане. В 1906 г. В.И. Фефилов получил купеческое свидетельство 2-й гильдии [10, л. 34].

В 1908 г. в главную контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» поступило одно из первых писем В.И. Фефилова о золото-разведочных работах, проводимых им в районе р. Алдомы. Приведем некоторые цитаты из письма В.И. Фефилова в главную контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов». Итак, В.И. Фефилов писал: «Милостивые государи! К сведению Вашему сообщаю, что есть еще интересное место недалеко от Аяна и в 15 верстах от Алдомы. Я прилагаю чертеж наскоро, чтобы Вам удобно было понять, где эта местность. Дальше Улкана Богданович заметил проходом из Охотска в одной соседней речке золото, оставил там провизию, но не успел разведать, уехал, а провизия там осталась. Обо всем расскажет Вам Попов А. Ф.В. Фефилов» [11, л. 14 об., 15].

В 1908 г. другим доверенным лицом фирмы «Коковин и Басов» А.Ф. Поповым в Горное Управление были поданы заявки на разработку золотых россыпей, расположенных по течению р. Алдомы [9, л. 14]. Однако в этом году А.Ф. Попову было отказано в открытии разведочных работ, что было связано с ненадлежащим оформлением документов. Об этом В.И. Фефилов написал в своем письме в Якутскую контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» в своем письме от 14 ноября 1908 г. Кроме того, Фефилов в письме достаточно подробно описал ход дел на золотых промыслах в районе реки Алдомы: «Милостивые государи! Относительно заявления приисков А.Ф. Попову отказали, так как он выставил статьи Устава, отмененные новым Уставом 1903 года. Он на несколько площадей подал одно заявление, а по новому Уставу по 20, 23 и 29-й

статье положено на каждую площадь особое заявление. Ему послали Устав 1883 г., который изменен. Остальные площади содержат гнездовое золото, которое для хозяйственных работ невыгодно. Жалеть особенно нечего. Фризерские на приисках оставили караульного бесплатно с правом мыть золото. Этот караульный моет золото на Бутарне, чего до отвода площади не допускается. За это Фризера могут лишить права золотопромышленности и это золото должно поступить в казну. Свободно можно отнять эту площадь от Фризера, он как видно совсем уехал, все продал, так же и Ельцовские. Товары и припас купили Цветков, Филиппов и урядник. Начиная с Алдомы до Аяна ни одного ключика нет свободного, все занято. Стоят столбы, Фризера, Ельцовых, Кушнарера с Филипповым, Поповых Федора и Владимира, Стрелова, Юшманова, Богачевского. По крайней мере, 300 площадей, а заявленных едва ли найдется до 50-ти, остальные все наобум и теперь почти все можно вновь занимать. Есть хорошие площади и занятые Владимиром Поповым. Работают хищники втихомолку, о чем А.Ф. Попов умалчивает, а Владимир Попов больше сюда едва ли явится. Он уехал на прииски на Витим. Обо всем надо бы справиться в Николаевске у инженера. В. Фефилов» [11, л. 15, 15 об.]. В том же 1908 г. В.И. Фефиловым была составлена подробная карта золотоносных площадей в районе р. Алдомы [9, л. 22].

О результатах работ по разведке золота в районе р. Алдомы В.И. Фефилов написал в Якутскую контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» 7 декабря 1908 г. «Милостивые государи! Вчера я возвратился с Алдомы. Дорога сходится с Аянской в 55 верстах от Нелькана на р. Кыра. Тунгус, который меня возил, ездил с Богдановичем, рассказывает, что Богданович дальше Эйкана в одной речке нашел золото. При нем промывал и нашел золото там. Богданович оставил провизию. Но зимой очень трудный путь и ехать нужно летом на конях. Зимой на нартах трудно проехать с Улкана хребет сильно крутой. Зимой с Нелькана по Мае реке близко. С совершенным почтением честь имею быть Вашим покорным слугой В. Фефилов» [11, л. 20 об. — 23].

В конце 1908 г. В.И. Фефилов написал еще одно письмо в Якутскую контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов». В письме от 12 декабря 1908 г. В.И. Фефилов подробно описал обстоятельства, которые появились при организации освоения золотоносных месторождений в долине р. Алдомы. «Милостивые государи! Вчера приходил ко мне Карачев, который путешествует по приискам. В прошлом году он приехал сюда с Ельцовскими и весной выехал во Владивосток, но во Владивостоке его остановил доверенный Фризера, кажется Риф, уговорил его возвратиться обратно в Аян. Этот Карачев приехал обратно осенью на пароходе с товарищем, которого он называет учеником. Он проживает у Фризера на прииске, сюда в Аян приехал он за провизией, которая им

привезена на пароходе. Он привозил с собою золото, но продать не мог, денег ни у кого не оказалось. Мне предлагал 1,5 фунта. Ко мне он зашел с просьбой рекомендовать его к «Ленскому Товариществу». Полез в карман и достал из мешочка самородок в 3,5 золотника и дает в подарок, но я отказался. Я спросил Карачева, если бы я пошел искать золото, то ты пошел бы или нет со мной? Он сказал, мне: «с великим удовольствием, только вместе с товарищем», и уверяет меня, что есть уже золото в пол золотника содержания. Но богатства здесь пока не видно и говорит, что пески только две четверти. Еще знаю, 3 площади должно быть порядочно золота. Но я не разведывал, собираюсь делать разведку. Карачев говорит, что есть золото, только надо искать не в руслах речек, а в горе, то есть в свалах гор и за тем он тоже подтверждает, что где-то хищники татары работали, много золота намыли. Если бы были лошади, да провизии, то можно бы попробовать поискать в 80 верстах отсюда. Карачев тоже советует тут искать. Сейчас места заняты Фризерскими, от них был шурф. Сын Попова А.Ф. нашел самородок в 1,5 фунта, начал бить второй шурф, и не дали окончить, рабочие забастовали, и было уже поздно. Теперь он надежду на Фризера и Ельцова потерял, ужасное желание высказывает мне в поиске золота, главное предупреждает, что дорого не возьму, даже божится, что подводить Вас не буду к крупным расходам. С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой В. Фефилов» [11, л. 23–17].

Следующее письмо В.И. Фефилова в Якутскую контору фирмы «М.А. Коковин и И.А. Басов» было написано 17 января 1909 г. В нем также содержалась информация о проведении разведочных работ. «Милостивые государи! В случае, если будете посылать мне доверенности на поиски золота, наведите справки от Стрелова и от Фризера, будут ли они работать здесь и возможно ли занять некоторые площади (разумеется, не от них лично). Я боюсь, что бы, не застолбить чужую площадь, и не получились бы неприятности. Я теперь знаю две площади, где, безусловно, есть золото. Хищники работают, только вода не допускает и вообще до почвы никто не добывал шурфы. Затем вышлите самый последний Устав золотопромышленности с последними дополнениями и руководство разных заявлений по золотопромышленности. С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой В. Фефилов» [11, л. 30–31 об.].

Ответ на отправленные в Якутскую контору письма В.И. Фефилов получил в марте 1909 г. Распорядители торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» указали на необходимость осваивать золотоносные месторождения в долине р. Алдомы. Весной 1909 г. В.И. Фефилов начал работы по разведке месторождений, о чем написал в Якутскую контору торгового дома 30 марта 1909 г.: «Милостивые государи! Честь имею

уведомить Вас, что письмо с двумя доверенностями и свидетельствами на право поисков золота от имени Михаила и Федора Михайловичей Коковинных и деньги имел честь получить. Теперь я получил доверенности на поиски золота, но вблизи Аяна все кругом занято, везде столбы стоят. Боюсь, как бы ни нарваться на чужие заявки, и затягивать долго нельзя. Как видно, показалось золотишко на 12 саженьях глубины. Бур работает хорошо. Я писал Вам, что Богдановичем найдено золото и была оставлена провизия от Аяна в 250 верстах. Там никто еще не заявлял. Мне крайне желательно посмотреть это место и опытный человек есть у меня, о котором я писал. Он соглашается поехать. Но эта поездка сопряжена будет с расходами не менее 300 руб. нужно спирту и лошадей. Прошу Вас ассигновать мне определенную небольшую сумму на этот предмет. Я зря никуда не поеду, и зря заявок делать не буду. Об этом мне сообщите через Охотск. С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугой В. Фефилов» [11, л. 38–40].

В апреле 1909 г. В.И. Фефилов выехал в Нелькан с целью отправки своей корреспонденции и получения писем-распоряжений из Якутской конторы фирмы. В его письме, отправленном в Якутскую контору торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов» содержались сведения о новой поездке к золотоносным участкам в районе Аяна. Приведем небольшую цитату из его письма: «Милостивые государи! В июне месяце я предполагаю поехать посмотреть место, где Богданович оставил провизию. Надо успеть до Опрокиднева, так как он непременно хочет туда ехать летом и прибудет на пароходе в Аян, а за тем отправится берегом до Охотска и оттуда попадет в верховья Майи до Нелькана. Это я верно знаю. По приезду в Аян я буду подряжать тунгуса на оленях. Опрокиднень меня допытывал об этом, но я отозвался тем, что мне не ассигновано средств на этот предмет. Вы об этом ему ничего пока не сообщайте, так как я и сам сомневаюсь в этой поездке. В крайнем случае, отправлю сына А.Ф. Попова с приискателем Карачевым застолбить эту местность, а осенью могу ехать сам. Желаю оставить столбы на этом месте. По карте Богдановича указано золото. Мне крайне необходимо иметь «Амурские ведомости» за 1909 год, потому, что там печатают какие заявки в Аяне отошли в казну, так как все заявки и ключи застолблены. Вновь занимать опасно, поэтому Опрокиднень хочет поехать в Николаевск, забрать точные справки и приехать в Аян на пароходе, а упоминаемая мною местность по берегу Охотского моря пока ни кем не занята. Туда еще приискатели не проникали и там не одна речка, а несколько. С совершенным почтением имею честь быть Вашим покорным слугою. В. Фефилов» [11, л. 42–43].

Деятельность В.И. Фефилова по поиску и разведке золотоносных месторождений в районе р. Алдомы и Аяна продолжалась в период



1909–1913 гг. Однако других писем, содержащих описание разведочных работ, не сохранилось. Известно, что разведка и добыча золота в районе Колымы торговым домом «М.А. Коковин и И.А. Басов» шла достаточно интенсивными темпами.

В заключении отметим, что исследование купеческой переписки представителей торгового дома «М.А. Коковин и И.А. Басов», позволяет осветить широкий спектр проблем организации золото-разведочной деятельности предприятия в Северо-Восточной Сибири в начале XX в.

Не смотря на тяжелые условия труда и жизни, за период 1908–1909 гг. В.И. Фефиловым было заключено более 20 контрактов с подрядчиками на организацию золото-разведочных работ. При этом, степень достоверности данных купеческой переписки достаточно высока. Для нас было важно рассмотреть эпистолярное наследие сибирских предпринимателей с точки зрения субъективности, сохранить детали, описанные в письмах, передать настроение, стиль и образ мыслей авторов посланий.

#### Список использованной литературы и источников

1. Есипова Н. А. Эпистолярное наследие великого сибиряка / Н. А. Есипова, В. П. Зиновьев, Г. И. Колосова // Потанин Г. Н. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». Переписка. — Томск : Изд-во ТГУ, 2004. — С. 3–10.
2. Коваль С. Ф. Г.Н. Потанин — общественный и политический деятель / С. Ф. Коваль // Письма Г.Н. Потанина : В 5 т. — Т. 1. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1987. — С. 10–35.
3. Кушнарева М. Д. Пушная торговля в Северо-Восточной Сибири в переписке представителей фирм с крупным капиталом во второй половине XIX — начале XX вв. : монография / М. Д. Кушнарева. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. — 173 с.
4. Матханова Н. П. Сибирский купец Н.Н. Пестерев и его воспоминания (60-е гг. XIX в.) / Н. П. Матханова // Известия СО АН СССР. Серия «История, филология, философия». — Вып. 3.— Новосибирск, 1991. — С. 22–27.
5. Матханова Н. П. Купец Прокопий Похолков и его мемуары / Н. П. Матханова // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / Под. ред. М. В. Шиловского. — Новосибирск, 2009. — С. 137–143.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). — Ф. 343 (Якутский областной статистический комитет). — Оп. 1. — Д. 211.
7. НАРС (Я). — Ф. 414 (Торговый дом «М.А. Коковин и И.А. Басов»). — Оп. 1. — Д. 1.
8. НАРС (Я). — Ф. 414. — Оп. 1. — Д. 2.
9. НАРС (Я). — Ф. 414. — Оп. 1. — Д. 6.
10. НАРС (Я). — Ф. 414. — Оп. 1. — Д. 9.
11. НАРС (Я). — Ф. 414. — Оп. 1. — Д. 16.



12. Письма Г. Н. Потанина / Сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский : В 5 т. — Т. 1. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1987. — 280 с.

13. Шиловский М. В. Основные вопросы природоохранной деятельности в до-революционной Сибири / М. В. Шиловский // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX веках / Отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Изд-во Института истории СО РАН, 2001. — С. 102–114.

14. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2-х т. — Т. 1 / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2012. — 450 с.

15. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2-х т. — Т. 2 / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2013. — 464 с.

### Информация об авторе

*Кушнарева Маргарита Дмитриевна* — доктор исторических наук, доцент, кафедра сервиса и сервисных технологий, Иркутский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(9021)705037, e-mail: rita270880@mail.ru.

### Author

*Margarita D. Kushnareva* — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of service and service technologies. Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marks st., phone 8(9021)705037, e-mail: rita270880@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.06

**В.П. МОТРЕВИЧ**

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

## МАШИННО-ТРАКТОРНЫЙ ПАРК СОВХОЗОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (ПО ДАННЫМ СВОДНЫХ ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ)

Исследуются изменения численности и структуры машинно-тракторного парка совхозов Восточной Сибири в 1946–1950-е гг., приведены данные о производительности тракторов и комбайнов и объемах выполняемых ими работ. Показано, что в целом к концу четвертой пятилетки машинно-тракторный парк совхозов соответствовал его уровню накануне войны.

**Ключевые слова:** Восточная Сибирь, Великая Отечественная война, совхоз, трактор, комбайн, грузовая автомашина, сельскохозяйственные машины.

V.P. MOTREVICH

## MACHINE AND TRACTOR PARK OF STATE FARMS EASTERN SIBERIA IN THE FIRST POST-WAR YEARS (ACCORDING TO CONSOLIDATED ANNUAL REPORTS)

Changes in the number and structure of the machine and tractor fleet of state farms in Eastern Siberia in the 1946–1950-ies are investigated data on the productivity of tractors and combines and the volume of work performed by them are given. It is shown that in General, by the end of the fourth five-year plan, the state farm machinery and tractor fleet corresponded to its level on the eve of the war.

**Keywords:** Eastern Siberia, the Great Patriotic war, state farm, tractor, combine, truck, agricultural machinery.

Одним из направлений разработки аграрной истории России советского периода является изучение материально–технической базы сельского хозяйства. Материально–техническая база сельского хозяйства послевоенных лет была достаточно глубоко изучена еще в советской историографии. Результатом этого стало издание ряда крупных работ, посвященных сельскому хозяйству и советскому крестьянству в послевоенные годы [6; 7; 11; 12; 21]. Однако данная проблема рассматривалась, как правило, только по линии деятельности машинно–тракторных станций. Что касается истории совхозов, то ей уделялось гораздо меньше внимания [3; 10]. Причина заключалась в незначительной роли советских хозяйств в сельскохозяйственном производстве. Как известно, после завершения в СССР коллективизации основными производителями сельскохозяйственной продукции стали коллективные хозяйства. В результате в 1946 г. в СССР на долю госхозов (совхозы и подсобные хозяйства предприятий, организаций и учреждений) приходилось всего 9,2 %, а в 1950 г. — 9,4 % валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении. Немаловажную роль в этом сыграли и политические мотивы. Можно согласиться с высказанным в историографии мнением о том, что в 1930–е гг. совхозы не оправдали возлагаемых на них советским руководством надежд, в результате в последующие годы основное внимание власти стали уделять колхозам [1, с. 7]. Аналогичная ситуация при изучении аграрной истории послевоенных лет сложилась и во многих регионах России, в том числе Восточной Сибири, где роль совхозов в сельскохозяйственном производстве края также была незначительной. В 1946 г. на их долю приходилось 12,3 %, а в 1950 г. — 13,5 % валовой продукции сельского хозяйства края в стоимостном выражении [19, д. 1870, л. 36; д. 3752, л. 24]. В результате в настоящее время опу-

бликовано целый ряд работ, посвященных колхозам и МТС края в послевоенные годы [4; 5; 23–25]. Что же касается истории совхозов Восточной Сибири, то она изучена значительно хуже [2; 16].

В 1930–1950-гг. в СССР сложная сельскохозяйственная техника, сосредоточивалась в основном в государственных предприятиях — в МТС, совхозах, а также подсобных хозяйствах промышленных предприятий. Имели ее и те колхозы, которые не обслуживались машинно-тракторными станциями. В сельском хозяйстве применяются самые разнообразные машины, из которых наиболее распространены тракторы, комбайны и грузовые автомобили. В 1930–1940-е гг. применяемые в отрасли тракторы различались по характеру ходовой части, назначению и виду топлива. При анализе численности тракторного парка обычно определялись их списочное количество, наличное число тракторов и их средняя численность. В списочное число входили состоявшие на балансе хозяйств тракторы независимо от их технического состояния.

За годы Великой Отечественной войны число совхозов в Восточной Сибири сократилась со 118 до 105 хозяйств. После окончания войны за счет передачи в совхозную систему части подсобных хозяйств промышленных предприятий число советских стало постепенно возрастать. В 1950 г. в регионе насчитывалось 115 совхозов. В том числе в Красноярском крае — 71, в Иркутской и Читинской областях по 18, в Бурят-Монгольской АССР и Тувинской автономной области — по 4 совхоза. В Якутской АССР на протяжении военных и первых послевоенных лет число советских хозяйств постепенно сокращалось. Если в 1940 г. в республике существовало шесть совхозов, то в 1941 г. их число сократилось до пяти, в 1943 г. — до трех, а в 1947 г. — до двух. В 1950 г. совхозы Якутии в отчетах ЦСУ СССР вообще перестали упоминаться [18, д. 191, л. 35, 38; 19, д. 545, л. 71–73; д. 1257, л. 1; д. 2029, л. 38; д. 3473, л. 30].

К началу Великой Отечественной войны тракторный парк в сельском хозяйстве страны вырос качественно, заметно изменилась его структура. В 1940 г. в совхозах Восточной Сибири насчитывалось 2 529 тракторов, 1 051 комбайн и 641 грузовой автомобиль (табл. 1; 5; 6). С началом войны в совхозах сократился машинно-тракторный парк, ухудшилось снабжение его запчастями и горюче-смазочными материалами, снизилась квалификация механизаторских кадров. Это привело к ухудшению использования техники и уменьшению объема выполняемых в совхозах работ. В результате в 1942 г. во многих совхозах Красноярского края, например, конными машинами и вручную было скошено до 40,0 % уборочных площадей зерновых [10, с. 29]. Коренной перелом в ходе войны создал предпосылки для восстановления материально-технической базы сельского хозяйства. В 1944 г. выпуск машин для села начали Владимирский, Липецкий и Сталинградский тракторные заводы. Новый ди-

зельный гусеничный трактор ЧТЗ-80 с июля 1945 г. стали выпускать на Челябинском заводе. По сравнению с 1943 г., когда тракторы изготовлял один Алтайский завод, их производство в стране заметно возросло. В результате принимаемых мер ситуация с поставками техники, горючего и запасных частей на село стала улучшаться. Однако этого было явно недостаточно. В результате даже на заключительном этапе войны совхозы часто не успевали убирать зерновые, и часть посевов уходила под снег.

В 1945 г. структура тракторного парка совхозов Восточной Сибири выглядела следующим образом. Всего в совхозах имелось 1286 тракторов из них 914, т.е. 71,7 % составляли колесные тракторы. Почти все колесные тракторы были марки СТЗ-ХТЗ, выпущенные на Сталинградском и Харьковском тракторных заводах. В 1930-е гг. СТЗ-ХТЗ составляли основу тракторного парка Союза СССР, однако в 1937 г. их выпуск был прекращен. В дальнейшем СТЗ-ХТЗ работали в тяжелых условиях военного времени, в результате после окончания войны тракторы этой марки были физически изношенными и морально устаревшими. Парк гусеничных тракторов в совхозах Восточной Сибири состоял из различных модификаций трактора «Сталинец». Это были ЧТЗ-60 (лигроиновые), ЧТЗ-60 (газогенераторные) и ЧТЗ-65 (дизельные). Всего в 1945 г. в совхозах имелось 217 тракторов типа «Сталинец», в том числе 152 лигроиновых, 28 дизельных и 37 газогенераторных. Кроме них в совхозах использовались керосиновые тракторы СХТЗ-НАТИ, газогенераторных ХТЗ-Т2Г, а также гусеничные тракторы других марок [19, д. 1257, л. 44–46]. По сравнению с колесными тракторами, гусеничные машины обладали большей экономической эффективностью и производительностью. Однако многие модели были устаревшими и к окончанию войны уже выработавшими свой ресурс. Так производство гусеничных тракторов ЧТЗ-60 было прекращено еще в 1937 г., а в 1941 г. был остановлен и выпуск тракторов ХТЗ-Т2Г [7, с. 17]. В результате многие машины выработали свой ресурс, были неисправны и только числились на балансе хозяйств. По данным за 1945 г. в совхозах из 1286 тракторов в течение года не работали 220 машин [19, д. 1257, л. 44]. Совокупная мощность тракторного парка в совхозах Восточной Сибири уменьшилась за годы войны с 54,6 тыс. л.с. в 1940 г. до 28,3 тыс. в 1945 г. Соответственно объем выполняемых работ в переводе на «мягкую пахоту» сократился с 912,9 до 387,4 тыс. га, т. е. на 57,6 % (табл. 2; 4).

Восстановление материально-технической базы совхозов в первые послевоенные годы происходило, прежде всего, за счет пополнения тракторного парка. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. предусматривал

дальнейший рост механизации полевых сельскохозяйственных работ. Для этого предполагалось поставить сельхозпредприятиям не менее 325,0 тыс. тракторов и сельскохозяйственных машин [9, с. 40]. В постановлении Февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенные годы» также ставилась задача оснастить сельское хозяйство новыми тракторами, сельскохозяйственными машинами и автомашинами [14, с. 102]. Для этого в первые послевоенные годы в кратчайшие сроки были восстановлены Кировский, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы и были построены Владимирский, Липецкий и Минский тракторные заводы. К концу пятилетки в СССР работали 7 тракторных заводов. По мере введения в строй тракторных заводов количество производимых тракторов быстро нарастало. Если в 1940 г. в СССР было выпущено 31,6 тыс. тракторов (без садово-огородных), то в 1945 г. — 13,3 тыс. В последующие годы производство тракторов стремительно нарастало. 1946 г. промышленность выпустила 13,3 тыс., в 1947 г. — 27,8 тыс., в 1948 г. — 56,9 тыс., в 1949 г. — 88,2 тыс. и в 1950 г. — 108,8 тыс. тракторов. Всего за пять послевоенных лет в Союзе ССР произвели 295,0 тыс. тракторов [17, с. 226]. В результате численность тракторного парка в совхозах Восточной Сибири возросла в 1,7 раза (табл. 1).

Однако главное было в изменении не численности, а структуры тракторного парка. После окончания войны часть изношенных тракторов выбраковывали и списывали с балансов хозяйств. Количество колесных тракторов СТЗ-ХТЗ 15/30 уменьшилось с 868 в 1946 г. до 811 в 1950 г., а число газогенераторных тракторов ХТЗ-Т2Г сократилось с 78 до 12. Во второй половине 1940-х гг. на смену списанной техники стали поступать более мощные гусеничные машины с дизельными двигателями. В начале 1946 г. на Челябинском тракторном заводе стали выпускать трактор «Сталинец С-80», его массовое производство продолжалось до 1958 г. С 1947 г. Липецкий тракторный завод стал выпускать трактор «Кировец» 24/35 (КД-35). В 1949 г. на базе трактора СТЗ-НАТИ Сталинградский и Харьковский тракторные заводы запустили в производство трактор ДТ-54, имевший мощный и экономичный двигатель. Новая техника поступала и в Восточную Сибирь. В 1950 г. в совхозах края имелось 174 тракторов С-80, 82 трактора ДТ-54 и один КД-35. Численность гусеничной техники заметно возросла: если в 1946 г. в совхозах Восточной Сибири имелся 501 гусеничный трактор, то в 1950 г. — 1 457. Благодаря списанию части тракторов и поступлению новых машин изменилось соотношение между колесной и гусеничной техникой. Если в 1946 г. в совхозах гусеничные машины составляли 36,6 % всего тракторного парка, то в 1950 г. значительно больше — 62,6 % [19, д. 1672, л. 59; д. 3473, л. 45].

Таблица 1

**Численность тракторов в совхозах всех систем, шт.**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	1741	863	861	1037	1108	1429	1509
Иркутская область	391	164	220	236	244	264	318
Читинская область	264	194	188	221	267	295	353
Бурят-Монг. АССР	85	65	66	71	66	72	89
Якутская АССР	48	–	–	–	–	–	–
Тувинская АО	–	31	34	45	53	55	57
Восточная Сибирь	2529	1286	1369	1610	1738	2115	2326

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 59; д. 2029, л. 59; д. 2468, л. 54; д. 2983, л. 38; д. 3473, л. 36].

Данные табл. 1 показывают, что, несмотря на массовое поступление техники, в 1950 г. по числу физических тракторов довоенная их численность в совхозах достигнута не была. Однако поскольку в первые послевоенные годы в сельское хозяйство направлялись более современные гусеничные машины, то мощность совхозного тракторного парка уже в 1949 г. превысила уровень 1940 г. (табл. 2). Данные табл. 1 и табл. 2 свидетельствуют, что 2/3 тракторного парка приходилась на совхозы Красноярского края. При этом необходимо учитывать, что материально-техническая база совхозов восстанавливалась быстрее, чем закрепленные за ними посевные площади. Если в 1941 г. посевы зерновых культур занимали в совхозах 266,0 тыс. га, в то в 1950 г. — только 262,7 тыс. га [19, д. 59, л. 13; д. 3473, л. 30]. В результате увеличения численности тракторного парка и его мощности нагрузка посевов на имевшуюся технику на протяжении первых послевоенных лет постоянно снижалась.

Таблица 2

**Мощность тракторного парка в совхозах, тыс. л. с.**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	38,6	20,6	21,2	26,8	30,1	43,4	46,1
Иркутская область	8,8	2,4	5,9	5,9	6,2	6,8	8,4
Читинская область	4,8	3,9	3,9	4,8	7,2	8,3	10,5
Бурят-Монг. АССР	1,5	1,4	1,5	1,6	1,6	1,8	2,5
Якутская АССР	0,9	–	–	–	–	–	–
Тувинская АО	–	0,5	0,6	1,0	1,3	1,3	1,4
Восточная Сибирь	54,6	28,3	33,1	40,1	46,4	61,6	68,9

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 59; д. 2029, л. 59; д. 2468, л. 54; д. 2983, л. 38; д. 3473, л. 36].

Важнейший показатель тракторного парка — его использование. Использование техники зависело от многих факторов, в том числе структуры машинно-тракторного парка, уровня материально-технического снабжения, квалификации механизаторских кадров, а также обеспеченности прицепными орудиями. В годы войны производительность тракторного парка значительно снизилась. Так в 1943 г. среднегодовая выработка на 15-сильный трактор в совхозах Читинской области составила всего 167 га, а в совхозах Красноярского края даже 134 га [16, с. 86]. Разумеется, были и исключения. Так в 1943 г. в Читинской области молодежная женская тракторная бригада Марии Загорской из овцеводческого совхоза им. Ворошилова выработала на 15-сильный трактор 862 га [13, с. 27]. Однако отдельные рекорды не определяли общее состояние дел в совхозах. Только начиная с 1944 г. использование тракторного парка стала улучшаться. Этому во многом способствовало укрепление ремонтной базы совхозов. 21 июля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление «О типах ремонтных предприятий и их типовом оборудовании для совхозов Министерства совхозов СССР». В нем устанавливалось, что каждый совхоз должен иметь на своей центральной усадьбе мастерскую капитального или текущего ремонта [10, с. 181]. По данным сводных годовых отчетов совхозов за 1950 г. в регионе насчитывалось 32 тракторных мастерских капитального ремонта, 62 мастерских текущего ремонта и 42 мастерские технического ухода [19, д. 3473, л. 54]. Чтобы обеспечить создаваемые мастерские по ремонту тракторов необходимым оборудованием, существовавший ранее «Совхозреммаштрест» был реорганизован в Управление ремонтно-механических заводов. Его заводы освобождались от производства запчастей и перестраивались на выпуск ремонтного оборудования для совхозов [22, с. 413].

Таблица 3

**Использование тракторов в совхозах  
(в среднем на один 15-сильный трактор, га)**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	262	197	229	208	356	367	271
Иркутская область	234	134	247	279	326	341	272
Читинская область	236	111	118	136	218	242	181
Бурят-Монг. АССР	220	158	138	174	216	271	263
Якутская АССР	239	–	–	–	–	–	–
Тувинская АО	–	305	300	250	241	203	186

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 22; д. 2029, л. 11; д. 2468, л. 55; д. 2983, л. 38; д. 3473, л. 36].

В конце 1940-х гг. в совхозах также обнаружилось несоответствие между наличным тракторным парком и наличием основных сельскохозяйственных машин. Если в 1940 г. на 100 условных тракторов приходилось 67 тракторных плугов, 35 тракторных зерновых сеялок, 26 тракторных культиваторов, 37 тракторных лушильников и 12 тракторных сенокосилок, то в 1950 г. их было соответственно 57; 30; 19; 12 и 9 [18, д. 191, л. 40–42; 19, д. 3473, л. 49–52]. В результате тракторы в необходимом количестве не обеспечивались сельскохозяйственными машинами, что вело к недоиспользованию их мощностей и затягиванию сроков проведения полевых работ.

В первые послевоенные годы в стране не был решен вопрос и с созданием необходимой инфраструктуры для хранения машин. Большинство хозяйств не имели помещений для нахождения техники и хранили ее под открытым небом. По данным за 1950 г. на 115 совхозов приходилось всего 12 сараев для хранения тракторов. В этих сараях имелось всего 173 трактороместа, а это означало, что свыше 90,0 % машин зимовали на улице [19, д. 3473, л. 54]. Такое хранение усиливало физический износ техники. Тем не менее, в первые послевоенные годы использование тракторного парка в совхозах заметно улучшилось, в 1948 г. его производительность превысила довоенный уровень. Исключением стал 1950 г., когда использование тракторного парка в совхозах региона заметно ухудшилось (табл. 3), что было вызвано, по-видимому, неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Большое значение при характеристике материально-технической базы сельского хозяйства имеет анализ объема работ машинно-тракторного парка. Рост численности тракторов и их производительности привели к увеличению объема работ, выполняемых тракторным парком в совхозах. В 1948 г. он превысил довоенный уровень и в 2,5 раза показатель 1945 г. (табл. 4).

Таблица 4

**Выполнено тракторных работ в совхозах  
(в переводе на «мягкую пахоту», тыс. га)**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	668,5	269,2	322,9	479,0	677,0	914,0	803,7
Иркутская область	131,1	73,6	82,0	109,9	134,7	149,1	140,6
Читинская область	75,5	29,4	30,3	43,3	107,4	130,3	121,1
Бурят-Монг. АССР	23,0	15,2	13,3	18,6	23,1	31,2	37,1
Якутская АССР	14,8	–	–	–	–	–	–
Тувинская АО	–	12,2	11,4	11,0	15,2	18,9	16,7
Восточная Сибирь	912,9	387,4	459,9	661,8	957,4	1243,5	1119,2

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 59; д. 2029, л. 59; д. 2468, л. 54; д. 2983, л. 38; д. 3473, л. 36].



Для уборки зерновых основной машиной в совхозах являлся комбайн. Комбайн, выполняя одновременно работу по жатве, обмолоту и очистке зерна, ускорял все процессы производства. В годы войны в совхозах в основном использовали 20-футовый «Сталинец» и 15-футовый «Коммунар». Данные табл. 5 показывают, что в отличие от тракторов, их численность в совхозах уменьшилась незначительно, так как комбайны не отправляли на фронт. При этом использование комбайнов в условиях военного времени заметно и повсеместно ухудшилось.

В отличие от тракторов, и спустя год после окончания войны численность комбайнов в совхозах продолжала сокращаться. В табл. 5 приводятся данные о комбайнах в физических единицах. Однако в литературе часто приводятся данные о численности условных комбайнов. Использование данного показателя было обусловлено тем, что зерновые комбайны в СССР производились разных марок и имели различную мощность, определяемую шириной захвата. Например, 15-футовые комбайны марки «Коммунар» имели ширину захвата режущего аппарата (хедера) 4,6 м, 20-футовые марки «Сталинец» — 6,1 м, 8-футовые комбайны «Северные» — 2,5 м. И для характеристики общих размеров парка их переводили в условные 15-футовые комбайны [8, с. 87, 88].

Таблица 5

**Численность комбайнов в совхозах всех систем, шт.**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	798	528	515	575	674	793	1003
Иркутская область	127	97	93	94	102	98	149
Читинская область	79	152	67	75	97	115	155
Бурят-Монг. АССР	26	29	29	29	29	26	34
Якутская АССР	21	—	—	—	—	—	—
Тувинская АО	—	10	12	12	15	21	22
Восточная Сибирь	1051	816	716	785	917	1053	1363

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 59; д. 2029, л. 59; д. 2468, л. 54; д. 2983, л. 38; д. 3473, л. 36].

В 1946 г. в совхозах насчитывалось 716 комбайнов против 816 в 1945 г. Среди них было 436 комбайнов марки «Сталинец», 160 — марки «Коммунар» и 22 — марки «Северные» [19, д. 1672, л. 59]. В первые послевоенные годы заводы сельскохозяйственного машиностроения освоили производство самоходных комбайнов С-4 и прицепных С-6. К концу четвертой пятилетки комбайны в стране выпускали десять заводов вместо двух до войны. В результате если в 1940 г. в СССР было произведено 12,8 тыс. зерновых комбайнов, а в 1945 г. — 0,3 тыс., то в

1946 — 1,5 тыс., в 1947 — 2,8 тыс., в 1948 г. — 14,5 тыс., в 1949 г. — 29,2 тыс. и в 1950 г. — 46,3 тыс. Всего за первые послевоенные годы в стране было выпущено 94,3 тыс. комбайнов [17, с. 232].

Внедрение самоходных комбайнов изменило баланс тяги в совхозах в период хлебоуборки и освободило тракторный парк для проведения других работ. Появилась новая техника и в Восточной Сибири. В 1950 г. в совхозах Красноярского края имелось 172 самоходных комбайна, в совхозах Читинской области — 30, в совхозах Иркутской области — 9 и в совхозах Тувинской автономной области — один самоходный комбайн [19, д. 3473, л. 45]. Поскольку увеличения числа комбайнов в совхозах Восточной Сибири произошло только в 1947 г., то можно предположить, что в первую очередь их направляли в основные зерновые районы страны, в наибольшей степени пострадавшие в ходе Великой Отечественной войны. Списание выработавшей свой ресурс техники и поступление более современной привели к улучшению ее использования. Если в 1946 г. выработка на один 15-футовый комбайн в совхозах в Красноярском крае составляла 130 га, то в 1950 г. — 205 га, в Иркутской области соответственно 205 и 207 га, в Читинской области — 63 и 155 га, в Бурят — Монгольской АССР — 55 и 230 га. Значительно возросла и убираемая комбайнами площадь посевов сельскохозяйственных культур. Если в 1946 г. комбайнами было убрано 99,7 тыс. га посевов различных культур, то в 1950 г. — 268,2 тыс. га. В 1950 г. выработка комбайнов в совхозах Красноярского края превысила довоенный уровень, в совхозах Иркутской и Читинской областей была несколько ниже. Однако по сравнению с 1940 г. площадь убранных комбайнами зерновых культур в 1950 г. была на 35,1 тыс. га больше [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1672, л. 22; д. 3473, л. 58].

Важное звено в механизации сельского хозяйства — транспорт. Однако с началом войны началась мобилизация транспорта у государственных и общественных организаций, а также у колхозов и физических лиц. Кроме того, с началом войны сократилась, а затем и полностью была прекращена отгрузка грузовых автомобилей для сельского хозяйства. Если в 1940 г. сельское хозяйство получило 17541 грузовых автомобилей, то в 1942–1943 гг. их поставки на село не осуществлялись. Возобновились они только в 1944 г. В этом году сельское хозяйство страны получило 770, а в следующем году — еще 9927 грузовых автомобилей [20, д. 2165, л. 33]. В результате за годы войны количество грузовых автомашин в совхозах в Восточной Сибири сократилось в 2,7 раза. Нехватка автотранспорта ставила сельхозпредприятия в тяжелейшее положение, особенно при проведении уборочных работ. В результате часть уже собранного урожая не успевали вывезти, и он погибал.

Таблица 6

**Численность грузовых автомашин в совхозах всех систем, шт.**

Республика, край, область	Год						
	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Красноярский край	383	148	220	307	333	385	447
Иркутская область	116	43	46	59	65	81	128
Читинская область	88	25	68	88	135	141	159
Бурят — Монг. АССР	40	11	12	19	30	34	29
Якутская АССР	14	—	—	—	—	—	—
Тувинская АО	—	10	7	10	18	19	21
Восточная Сибирь	641	237	353	483	581	660	784

Составлено по: [18, д. 191, л. 35; 19, д. 1257, л. 44–46; д. 1672, л. 59; д. 2029, л. 59; д. 2468, л. 57; д. 2983, л. 51; д. 3473, л. 30].

После войны основную часть автомобильного парка совхозов составляли наиболее массовые для того времени грузовые автомобили Горьковского автозавода грузоподъемностью 1,5 т, известные как «полторки». По данным за 1946 г. «полторок» в совхозах Восточной Сибири было 188 штук, в том числе 167 бензиновой и 21 газогенераторной модификации, использовавшие в качестве топлива деревянные чурки. Кроме них в совхозах имелось 92 грузовых автомобилей ЗИС-5 «трехтонок» (87 бензиновых и 5 газогенераторных) а также 73 грузовых автомобилей других марок, ездивших на бензине. В совхозах также было 8 пикапов и 36 легковых автомобилей всех марок [19, д. 1672, л. 21]. Данные табл. 6 показывают, что после окончания войны количество грузовых автомобилей в совхозах ежегодно увеличивалось.

Анализ данных сводных годовых отчетов свидетельствуют, что в первые послевоенные годы в совхозы Восточной Сибири на смену списываемой техники интенсивно направлялись новые более современные машины. Среди них — дизельные гусеничные тракторы С-80, ДТ-54, КД-35, самоходные комбайны С-4 и прицепные С-6. Довоенный уровень обеспеченности совхозов комбайнами и грузовыми автомашинами был достигнут в 1949 г., а вот численность тракторов и в 1950 г. уступала уровню 1940 г. Но поскольку в сельское хозяйство направлялись более совершенные тракторы, то нагрузка посевов на имевшуюся технику на протяжении первых послевоенных лет постоянно снижалась. Рост численности тракторов и их производительности привели к увеличению объема тракторных работ в совхозах. Его довоенный уровень был превышен уже 1948 г. По сравнению с 1940 г. несколько возросла и площадь убираемых комбайнами зерновых культур. В целом к концу пятилетки машинно-тракторный парк совхозов соответствовал его уровню

накануне войны. Однако в конце 1940-х гг. в совхозах обнаружилось несоответствие между тракторным парком и наличием основных сельскохозяйственных машин. В результате тракторы не обеспечивались в необходимом количестве сельскохозяйственными машинами, что вело к недоиспользованию их мощностей и затягиванию сроков проведения полевых работ.

### Список использованной литературы и источников

1. Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии / С.Н. Андреенков // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 58. — С. 5–11.
2. Андреенков С. Н. Агротехника совхозов Сибири во второй половине 1940–х — начале 1950–х гг. / С. Н. Андреенков // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 47. — С. 81–86.
3. Богденко М. Л. Совхозы СССР: краткий исторический очерк / М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин. — Москва : Политиздат, 1976. — 279 с.
4. Борисенко Е. А. Основные способы решения кадровой проблемы в колхозах Красноярского края в послевоенные годы (1946–1953 гг.) / Е. А. Борисенко // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 421. — С. 80–87.
5. Борисенко Е. А. Основные направления и результаты работы колхозов Красноярского края по выполнению трехлетнего плана развития общественного животноводства в послевоенные годы (1949–1951) / Е. А. Борисенко // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2018. — № 3 (сентябрь). — С. 122–135.
6. Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. / И. М. Волков. — Москва : Мысль, 1972. — 293 с.
7. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.) / М. А. Вылцан. — Москва : Мысль, 1976. — 263 с.
8. Гозулов А. И. Статистика сельского хозяйства / А. И. Гозулов. — Москва : Статистика, 1967. — 359 с.
9. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. — Москва : ОГИЗ, 1946. — 108 с.
10. Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950) / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 1969. — 344 с.
11. История советского крестьянства. 1945 — конец 1950-х гг. — Т. 4. — Москва : Наука, 1988. — 499 с.
12. История социалистической экономики СССР. — Т. 6. — Москва : Наука, 1980. — 589 с.
13. Кантышев И. Е. Совхозы в условиях Великой Отечественной войны / И. Е. Кантышев. — Москва : Сельхозгиз, 1946. — 88 с.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях

съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). — 9-е изд., доп. и испр. — Т. 8. — Москва : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. — 542 с.

15. Мотревич В. П. Валовая продукция сельского хозяйства Восточной Сибири в 1940–1952 гг. / В. П. Мотревич // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : изд-во БГУ, 2016. — С. 92–97.

16. Мотревич В. П. Тракторный парк совхозов Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (по данным годовых отчетов) / В. П. Мотревич // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : изд-во БГУ, 2018. — С. 79–90.

17. Промышленность СССР: сб. ст. — Москва : Статиздат, 1957. — 447 с.

18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. — Оп. 323.

19. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 324.

20. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329.

21. Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950. — Москва : Наука, 1978. — 511 с.

22. Совхозы. — Москва : Сельхозиздат, 1951. — 511 с.

23. Шулбаев О. Н. Условия труда и быта механизаторов МТС Восточной Сибири в 1946–1958 гг. / О. Н. Шулбаев // Манускрипт. — 2019. — Т. 12. — № 10. — С. 92–95.

24. Шулбаев О. Н. МТС Восточной Сибири в 1946–1957 гг.: основные направления и результаты производственной деятельности / О. Н. Шулбаев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : изд-во БГУ, 2013. — С. 305–312.

25. Шулбаев О. Н. Проблемы модернизации сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенные годы // О.Н. Шулбаев / Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск : изд-во БГУ, 2009. — С. 234–237.

### Информация об авторе

*Мотревич Владимир Павлович* — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

### Author

*Vladimir P. Motrevich* — Doctor habil (History), Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University, 21 Komsomolskaya str., 620137, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.07

А.В. ШАЛАК

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253)

## КОЛЧАК И «СОЮЗНИКИ» В СИБИРИ: ОЦЕНКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПОЛИТИКОВ

В статье рассматриваются работы известных политических противников большевиков Н.Д. Авксентьева, В.П. Зензинова, К. Гоппера, А.П. Будберга, К.В. Сахарова, Г.К. Гинса, Д.Ф. Ракова, в которых оценивается деятельность А.В. Колчака и его правительства. Их оценки имеют отношение к таким аспектам, как взаимоотношение Колчака с представителями «союзных» войск, реакция на военный переворот и провозглашение Колчака «Верховным правителем России», оценка его реальных возможностей и способностей, а также внутривнутриполитической ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке. С точки зрения автора, эти оценки не противоречат выводам советской историографии. С учетом предпринимаемых попыток пересмотреть утвердившийся в историографии образ Колчака, предлагается оценивать его деятельность не столько с классовых позиций, сколько с историко-геополитических. С учетом роли иностранных государств в его политической биографии выбор в годы гражданской войны был не между красными и белыми, а между Россией и иностранной интервенцией. Изложенный подход позволяет рассматривать политическую деятельность А.В. Колчака в более широком контексте, оценивать его не столько с классовых позиций, сколько с позиций геополитических. В этом случае, критерием для оценки политика выступает деятельность по сохранению территориальной целостности и суверенитета государства.

**Ключевые слова:** Колчак, Сибирь, союзные войска, транспортные коммуникации, золотой запас.

A. V. SHALAK

## KOLCHAK AND «THE ALLIES» IN SIBERIA: THE EVALUATION BY ANTI-BOLSHEVIK POLITICIANS

In his article, the author considers the works by the famous political opponents of Bolsheviks: N.D. Avksentiev, V.P. Zenzinov, K. Goppers, A. Budberg, K.V. Sakharov, G.K. Guins and D.F. Rakov, in which the activities of A. Kolchak and his government are evaluated. Their evaluation concerns such aspects as the interrelations between Kolchak and the representatives of the «Allies» army, the reaction to the coup and proclaiming him Supreme Governor of Russia, evaluation of his real possibilities and abilities and also of the internal political situation in Siberia and Far East. According to the author, this evaluation does not contradict the conclusions of Soviet historiography. Taking into account the attempts made

to re-examine the image of A. Kolchak consolidated in historiography, the author suggests one should evaluate his activities from the perspective of the historical-geopolitical approach rather than from the perspective of the class theory. Taking into consideration the role of foreign states in his political biography, his choice during the years of the Civil War was not between the Red and the White but between Russia and foreign intervention. The proposed approach allows us to consider the political activities of A. Kolchak in a broader context and to make judgment about him from the geopolitical perspective rather than from the perspective of the class theory. In this case, the criterion for evaluation of the activities of the politician are his actions aimed at the defense of the territorial integrity and sovereignty of the state.

**Keywords:** Kolchak, Siberia, allied troops, transportation lines, gold reserve.

Современные попытки реабилитации Колчака, стремление вернуть его образ в лоно сформированного пропагандистского мифа являются элементом информационной войны. «Верховным правителем» России являлся человек, который перешел на военную службу Великобритании. В пропагандистской брошюре о Колчаке, изданной летом 1919 г., об этом факте его биографии сообщалось почти как о героическом поступке: «Через английского посла в Токио он предложил свою шпагу английскому правительству. Английское правительство немедленно приняло это предложение и назначило его на Месопотамский фронт, куда он и отправился» [2, с. 36]. Позднее Колчак оправдывал свою теснейшую связь с интервентами в Сибири и на Дальнем Востоке тем, что возрождение российской государственности, восстановление вооружённых сил и открытие антибольшевистского фронта можно было осуществить только при содействии союзников.

Исходя из этого, рассматривать деятельность Колчака необходимо в более широком историко-геополитическом контексте, с учетом роли иностранных государств в его политической биографии. В январе 1919 г. для делегации США на Парижской конференции была подготовлена географическая карта «Предлагаемые границы России». Они прочерчены таким образом, что за пределами России оказывались не только Польша, Прибалтика и Финляндия, но и часть территории Кольского полуострова и Карелии, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, вся Средняя Азия, Сибирь, а также ряд других областей. Восточная граница России на этой карте проходила по Уралу [10, с. 6–7]. С историко-геополитического осмысления выбор в годы гражданской войны был не между красными и белыми, а между Россией и иностранной интервенцией.

В рамках такой интерпретации будут понятны современные субъекты, а также их цели и усилия, направленные на политико-правовую реабилитацию «Верховного правителя». Поскольку история есть поли-

тика, обращенная в прошлое, то силы, контролирующие информационное пространство, всегда будут стремиться переписать ее в своих интересах.

При этом вопрос о доверии к советской историографии имеет под собой определенные основания. Интерпретация исторических событий только с классовых событий имеет свои плюсы и минусы. Воссоздав достаточно объективную историю гражданской войны, советские историки затем мало что сделали, чтобы эта история была убедительна и для новых поколений советских граждан. Эта история являлась вполне достоверной для поколения, которое являлось свидетелем и практическим участником событий революции и Гражданской войны. И известная песенка о Колчаке, как носителе интересов иностранных государств, получила широкое распространение неспроста. Требовалось постоянно держать в поле зрения этот исторический контент, чтобы противостоять различным фальсификаторам истории. Односторонняя трактовка событий с позиций исторического материализма, имевшая порой откровенно вульгарный характер, этому не способствовала.

Впрочем, тот образ Колчака, который был сформирован в период его политической деятельности и который в настоящее время пытаются реабилитировать, вряд ли можно признать удачным. Исследователи отмечают, что формирование этого образа началось еще во время службы на КВЖД, и к его формированию приложил руку сам вице-адмирал Колчак. Речь идет о достаточно пространным интервью, которое дал Колчак корреспонденту В.О. Риссу, воспроизведенное затем рядом дальневосточных газет, а также его программной статье в газете «Голос Приморья» под названием «Единоличная власть» [8, с. 51]. Все дальнейшие материалы и листовки о нем развивали сформулированные тезисы в газетных публикациях 1918 г. Это образ человека необычайной судьбы и исторического предназначения. Нет никакого сомнения, что образ формировался не без личного участия Колчака. На сегодня выявлено одиннадцать таких пропагандистских материалов о Колчаке, в которых предпринята попытка оформить определенный иконостас «Верховного Правителя» в глазах населения. Размеры листовок и брошюр о Колчаке существенно различались — от семисот слов до шестидесяти тысяч [Там же, с. 59]. Наиболее объемная и известная 38 страничная брошюра С.А. Ауслендера «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», изданная почти сотысячным тиражом [2]. С одной стороны, образ римских диктаторов, которым, как утверждалось в пропагандистских брошюрах, Колчак соответствовал даже чертами своей внешности, не увязывался с его политической платформой построения «демократической России».

Осенью 2019 г. в Париже родственниками А. Колчака были проданы хранившиеся в семье письма Колчака своей жене Софье и любовнице



А. Тимиревой, которым он писал регулярно. Среди документов сохранилась рукопись прокламации Временного правительства с исправлениями Колчака: «Сибирское правительство приняло на себя задачу ввести воссоединившуюся и возрожденную Россию в круг великий демократий мира» [5, с. 26; 7, с. 7].

Трудно объяснить, как можно спасти российскую демократию через военный переворот и диктатуру. С другой стороны, этот идеализированный и противоречивый образ отдалял Колчака как от населения, так и своего войска. В этом образе было больше трагичного и одинокого, чем того, что было способно воодушевить армию, объединить ее с населением, преодолеть противоречия среди командного состава, наполнить смыслом деятельность гражданской администрации. Это лишь подтверждает, что «величие Колчака» есть пропагандистский миф, а на практике все свелось к роли статиста событий, без способности реально повлиять на их ход. И это убедительно подтверждают документы, представленные антибольшевистскими силами.

Советский период отечественной истории подвергся фундаментальной дискредитации, поэтому для идейных антисоветчиков факты и документы о Колчаке, почерпнутые из советской историографии, не являются серьезным аргументом. Целью данной статьи является частичное воспроизведение исторического контента деятельности колчаковского правительства и образа самого «Верховного правителя» через призму свидетельств антибольшевистских сил, в том числе и тех, кто входил в верхний эшелон его администрации. Самым важным здесь является то, что свои оценки они давали не через 100 лет после окончания Гражданской войны, а непосредственно в ходе событий или спустя год-полтора после их завершения. Поэтому их наблюдения, выводы, суждения должны либо опровергать советскую историографию, либо подтверждать. Нынешние сторонники колчаковщины могут не воспринимать аргументацию современных исследователей, но если они не воспринимают свидетельства входящих в ближайшее окружение Колчака в качестве важного источника, то это к исторической науке никакого отношения уже не имеет.

Процесс консолидации разнородных политических сил для борьбы с взявшими власть большевиками был очень сложным. Только 23 сентября 1918г. на совещании в Уфе, в котором принимали участие делегации областных правительств Урала, Сибири, Поволжья, а также члены Учредительного собрания, представители политических партий и общественных организаций, удалось согласовать позиции и создать Временное Всероссийское правительство. Правительство наделялось всей полнотой власти, являлось коллективным диктатором (Директорией) на освобожденной от большевиков территории. Местом своей дислокации

«по соображениям военно-стратегического характера» оно избрало Омск. Там уже действовало Временное Сибирское правительство, и его работоспособный аппарат можно было использовать в своих целях.

Совершенный 18 ноября 1918 г. военный переворот и переход верховной государственной власти к А.В. Колчаку вызвал в антибольшевистском лагере на востоке России глубочайший кризис. Антибольшевистский лагерь размежевался на сторонников и противников военной диктатуры, меньшевики и правые эсеры оформились в самостоятельную силу, противостоящую не только большевикам, но и колчаковскому режиму. Таким образом вместо консолидации политических сил, объединившихся для борьбы с большевиками, произошел их раскол и заметное уменьшение без того узкой социальной базы контрреволюции на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, располагавших к тому же ограниченными людскими ресурсами [8, с. 824]. Поскольку у Колчака не имелось никаких заслуг в борьбе с большевизмом, а также какой-либо политической силы, на которую он мог бы опираться, то объективно это повышало роль его иностранных союзников, позиции которых на фоне политического кризиса укрепились. Эти события и стали объектом анализа и оценок появившихся оппонентов Колчака.

Писали о Колчаке достаточно известные политические деятели того времени. По крайней мере, они были более искушенными и известными в политике личностями, нежели сам Колчак. Одним из них является Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943), который занимал пост министра внутренних дел во Временном правительстве, а позднее был избран депутатом Учредительного собрания от Пензенской губернии. В сентябре 1918 г он стал во главе Временного Всероссийского правительства. После военного переворота **Колчак** разогнал эту структуру. Авксентьева арестовали, но закончил он свою жизнь благополучно за границей, в США. В сборнике документов «Государственный переворот Колчака в Омске 18 ноября 1919 г.», изданным В. Зензиновым в Париже в 1919 г., содержится интервью Н.Д. Авксентьева корреспонденту газеты «Нью Йорк Геральд». В нем изложена следующая интерпретация переворота Колчака: переворот совершили монархически настроенные офицеры, Колчак является куклой в их руках, и они намерены были заменить его на настоящего монарха. «Верховный правитель», с точки зрения Авксентьева, претендовать на подобную роль не мог [9, с. 9].

Конечно, на такую оценку могли оказать влияние политические пристрастия самого Авксентьева, который являлся членом Центрального комитета партии эсеров. Поэтому поддержать переворот, в результате которого на место Директории пришло правительство Колчака, он не может. При этом, как и Колчак, Авксентьев признает, что победить большевиков и «возродить демократию» можно только с помощью союзников,

поскольку невозможно рассчитывать на собственную армию. Но если Колчак оправдывал свои действия этими соображениями, то Н.Д. Авксентьев утверждает, что действия Колчака, наоборот, лишили антибольшевистские силы поддержки союзников. переворот разрушил единство России. Кому его не признал, Семенов объявил ему открытую войну и препятствовал подвозу военных припасов на фронт. В итоге вопрос о признании российского правительства союзниками, на который строила свои расчеты Директория, оказался отсрочен. Большевики же после колчаковского переворота приобрели статус политической силы, которая борется не с демократией, а с контрреволюцией [9, с. 9–10].

Вряд ли утверждение Авксентьева о влиянии военного переворота на позицию союзников соответствует действительности. Как Всероссийское временное правительство Авксентьева, так и администрация Колчака полностью зависели от «союзников». У «союзников» в отношении России были свои цели и интересы, они являлись основным политическим субъектом на территории Сибири и Дальнего Востока и определяли правила игры. О контактах Колчака с союзниками было хорошо известно. Благодаря их поддержке и прямому участию, он был провозглашен «Верховным правителем». Ближайший соратник Авксентьева по партии В.П. Зензинов, бывший также депутатом Учредительного собрания и членом Всероссийского временного правительства в статье «Правда о неправде» писал, что когда в начале ноября в Омске восстание попытались организовать эсеры и было распространено соответствующее воззвание, то именно к Авксентьеву явился английский генерал Нокс и заявил, что при таких условиях правительство лишается поддержки союзников и посоветовал расстрелять Чернова [9, с. 15]. Но отношение к перевороту Колчака у «союзников», как известно, было совсем иное.

Интересны в этом плане воспоминания полковника русской армии К. Гоппера, активного участника Первой мировой войны, трижды раненного, дважды георгиевского кавалера. Его перу принадлежит книга «Четыре разгрома Колчака». В период Директории он являлся комендантом ее штаба войск в Уфе. В Омск он прибыл в октябре 1919 г., когда уже начиналось бегство колчаковских войск. В составе французских войск К. Гоппер вскоре отбыл во Владивосток.

В публикации Гоппера обращает на себя внимание два обстоятельства. Так называемый военный переворот Колчака являлся хорошо спланированной акцией, в детали которой сам Колчак не был посвящен. Получив должность военного министра четвертого ноября, Колчак выехал из Омска в Екатеринбург и вернулся в канун так называемого переворота. Как только он был провозглашен «Верховным правителем», словно по волшебству полились неудержимыми потоком приветственные телеграммы. Доблесть Колчака превозносилась свыше всякой меры.

«Искусственность этой шумихи чувствовалась в каждой строчке приветствий...» [9, с. 52]. Если военный переворот являлся исключительно импровизацией Колчака, как он сам это объяснял, то в условиях политической неопределенности и острейшего политического противостояния вряд ли бы он его совершил, находясь далеко от места событий, не зная кадров, не имея политического влияния, и получил подобную информационную поддержку. Подобное возможно было спланировать и осуществить, реально контролируя политическое пространство. Такой силой за Уралом в это время были только так называемые «союзные войска». Следует напомнить, что Колчак не принимал до этого реального участия в каких-либо политических событиях. Летом 1918 г. в течение двух с половиной месяцев он спокойно отдыхает в Японии по приглашению помощника начальника Генерального Штаба генерала Г. Танака. Большую часть времени он проводит вместе с возлюбленной А.В. Тимиревой на курортах Атами и Никко. И только 16 сентября 1918 г. А.В. Колчак отплыл из Иокогамы во Владивосток [15, с. 774–776]. А через два месяца он провозглашается «Верховным правителем России». Партия большевиков также фантастически быстро завоевала власть, совершив военный переворот в октябре 1917 г. Но большевики жили в гуще политических событий, имели самую сплоченную партийную организацию, ярких лидеров, понятные для простого народа цели и соответственно широкую социальную опору. Поэтому «триумфальное шествие советской власти» явление не случайное. На кого мог опираться вице-адмирал Колчак, перешедший на военную службу Великобритании, и отдыхающий за два месяца до военного переворота в Омске на курортах Японии со своей возлюбленной? Достаточно напомнить, что из Японии во Владивосток А.В. Колчак добирается в сопровождении Ренью, возглавлявшего французскую «дипломатическую миссию» [1, с. 228]. А в октябре 1918 г. из Владивостока в Омск Колчак прибывает (или его доставляют?) с английским генералом Ноксом, являвшимся главой британской военной миссии на востоке России. После назначения его военным министром Всероссийского временного правительства, 9 ноября Колчак отбывает в Екатеринбург в вагоне, который прицепили к поезду английского полковника Д. Уорда. Это не поездка на фронт для встречи с войсками. В Екатеринбурге Колчак встречается с Р. Гайдой, возглавлявшим чехословацкий корпус, присутствует на устроенном Чехословацким национальным советом банкете. Затем встречается с сотрудником Чехословацкого агитационного отдела по текущим политическим проблемам [15, с. 804]. После этого А.В. Колчак вместе с Д. Уордом выехал в Челябинск, где встречается с начальником штаба Западного фронта и руководством отделения чехословацкого национального совета. После этого отправляется обратно в Омск. До фронта Колчак так и не добрался. Судя по всему,

англичане сделали ставку на Колчака, но им требовалось урегулировать отношения с Р. Гайдой, с чехословаками, являвшимися наиболее реальной военной силой за Уралом. При этом следует напомнить, что орден Георгия 3-й степени, который Колчак постоянно носил на шее, вручил ему чех Гаида. Подобной наградой царского правительства Колчак не был отмечен в годы Первой мировой войны [3, с. 38]. Свое жалование адмирал пересчитывает (или получает?) также на иностранные деньги. В письме к жене «Верховный правитель России» сообщает: «...мое жалование на иностранные деньги составляет 8000 франков в месяц...» [4, с. 9]. В другом письме Софье Федоровне он пишет: «Я перевел тебе 3 000 франков» [5, с. 26].

Поэтому, отмечаемая К. Гоппером «искусственность» возвышения Колчака, являлась хорошо продуманной и организованной союзниками операцией. Это находит подтверждение и в другом обстоятельстве, отмечаемом Гоппером. Было много фактов, свидетельствующих о том, что Колчак совершенно не понимал происходящего вокруг него и смотрел на вещи через ту призму, какую ему подносили его ближайшие сотрудники. Получить же доступ к Колчаку было почти невозможно. «Было много слухов, доказывающих, что адмирал вовсе не знаком с командным составом, вообще он чувствовал себя как в лесу, в который его завели нарочно. Таких фактов было очень много и поэтому я долго пытался объяснить его поведение затруднительным положением, в котором он очутился, так как не мог игнорировать той силы, с помощью которой он сам пришел к власти» [9, с. 56, 57].

Колчак не был самостоятелен в своих действиях и мог действовать только в тех рамках, которые были ему определены теми политическими силами, которые и осуществили данную операцию по устранению Всероссийского временного правительства. При этом на роль «Верховного правителя» они продвигают человека, не имеющих никаких заслуг в борьбе с большевизмом и весьма наивного в политике. Не мог специалист в области минных морских заграждений планировать масштабные сухопутные операции и осуществлять их, совершенно не зная и не разбираясь в военных кадрах.

Наиболее подробная характеристика Колчака содержится в дневнике генерал-лейтенант царской армии А.П. Будберга, управляющего военным министерством, а затем военного министра правительства Колчака. Будберг постоянно докладывал ему о состоянии на фронте, общался по другим вопросам и наблюдал Колчака непосредственно в процессе принятия решений. Он дает такую уничижительную характеристику Колчаку, которой даже не встретишь в работах советских историков 1920-х гг. Она сопровождается такими чертами Колчака как «ничего не понимает в сухопутном деле», «легко поддается советам и уговорам», «никнет и жа-

луется на отсутствие честных помощников», «болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие», «бесхарактерность и отсутствие у него собственного мнения», «мечущийся мечтатель», «непрактичность и неподготовленность по большинству вопросов государственного и военного управления», «большой и больной ребенок», «несомненный неврас-теник», «живет миражами и навязанными идеями», «отсутствие твердых взглядов и твердой воли», «больной идеалист», «военного дела не знает совершенно», «безвольный, бессистемный и беспамятливый»; «непонимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться» и пр. [3, с. 37, 83, 108, 199, 332]. «По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора», — подводит итог барон Будберг [3, с. 110].

Какие цели преследовали «союзники», продвигая Колчака на роль «Верховного правителя России»? С нашей точки зрения, в этом решении геополитические противники России преследовали две основополагающие цели. Через Верховного правителя они контролировали процесс принятия стратегических решений, позволяющих им вести войну «чужими руками». И второе обстоятельство, которое нужно учитывать, объясняя удивительное вознесение Колчака на политический олимп: прибытие в Омск золотого запаса российской империи. Именно это нужно рассматривать в качестве важнейшей причины стремительное продвижение Колчака к вершине власти.

Эшелон с золотом прибывает в Омск в ноябре 1918 г. И по времени это удивительно совпадает со следующими событиями. Примерно, в это же время, созданное в Уфе Временное Всероссийское правительство, местом своей дислокации выбирает Омск.

18 ноября Колчак, не имея никаких заслуг в борьбе с большевизмом, и только что прибывший в Омск, провозглашается «Верховным правителем» России. Утверждать, что переворот совершила кучка монархически настроенных офицеров, до появления Колчака в Омске ничего о нем не знавших, слишком наивно. Такие действия могла осуществить политическая сила с мощными ресурсами в лице «союзников».

Интерес союзников был связан не только с нежеланием иметь сильное консолидированную власть в Сибири и вести войну против России «чужими руками», добываясь ее максимального истощения через разжигание гражданской войны, но и с планами в отношении золотого запаса, оказавшегося в Омске. Еще царское правительство переправило в Лондон 440 т золота, в счет которого были открыты кредиты на приобретение вооружения и обмундирования для действующей армии [14, с. 162–163]. В условиях Гражданской войны обеспечить войска противников большевиков вооружением и обмундированием и отчасти питанием могли только бывшие союзники по Антанте. Временное Всероссийское

правительство в Омске имело основания потребовать пролонгировать выполнение обязательств, взятых перед царским правительством союзниками, что совсем не отвечало интересам последних. Привод к власти Колчака и свержение Всероссийского Временного правительства означало, что возобновить поставки под золото царского правительства в таких условиях было невозможно. Власть диктатора, именуемая «Верховным правителем», не могла претендовать на правопреемственность царского и Временного правительства. В этой ситуации снабжение армии Колчака могло осуществляться только за счет золотого запаса, оказавшегося в Омске. Пока «союзники» контролировали ситуацию через Колчака, 193,049 т (37 %) золотого запаса российской империи, оказавшегося в Омске было переправлено во Францию, Англию, США и Японию [14, с. 170].

Есть еще одно важное свидетельство явной зависимости и несамостоятельности Колчака как «Верховного правителя». Речь идет о контроле за транспортными коммуникациями. Основной транспортной артерией, соединяющей различные регионы Сибири и Дальнего Востока, а также с Владивостоком, через который могли идти потоки помощи для белого движения, являлась транссибирская железная дорога. Только контроль за ней обеспечивал мобильную переброску войск в различных направлениях и минимально эффективную хозяйственную деятельность. Поэтому говорить о реальной власти «Верховного правителя», потенциальных возможностях белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке вне анализа этого аспекта также невозможно.

В 1923 г. в Мюнхене вышла в свет книга генерала К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Отмечая огромное значение железнодорожной магистрали для колчаковских войск от Владивостока до Омска, он пишет: «И вот здесь создалась главная помеха: почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя явочным порядком регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Владивостока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам... Русскому министру сообщения путей приходилось подчиняться» [9, с. 87]. Приводит он и конкретные факты этой зависимости. За чешскими дивизиями (на 50 тыс. чехов) числилось больше 20 000 вагонов, поляки захватили более 5000 вагонов. Были собственные поезда у румын, итальянцев. Железнодорожной администрации приходилось изворачиваться оставшимся количеством вагонов. Поезда Жанена, Нокса, Павлу, разных высоких «комиссаров» поражали своей роскошью. Они были составлены из лучших вагонов, с кухнями, ваннами, электричеством. «Только японцы не имели в бедной России роскошных поездов» [9, с. 88–89]. Интервенты поделили между собой не только товарный



состав, но и контроль за дорогой. От Владивостока до Читы ее контролировали японцы, около Байкала небольшой участок — американцы, далее немного румыны, Иркутск-Омск-Томск — чехи, Алтайская железная дорога находилась под контролем 5-ой польской дивизии. В итоге армия Колчака не получила и не могла получать ни пополнения, ни одежды, ни теплых вещей. Чего после этого стоят все политические декларации «Верховного правителя» о его стремлении поставить Россию в ряд «передовых демократий». Это «суверенная демократия» с английским, американским, чехословацким, японским и французским флагом на окнах штабного вагона Колчака. Как отмечал в своих воспоминаниях голландский военный корреспондент Л. Грондейс, неоднократно лично встречавшийся с адмиралом, «он был верховным правителем только по названию... падение было естественным концом этого режима» [6, с. 392–393].

Управляющий военным министерством А.П. Будберг писал в своем дневнике: «Наши несчастные дороги стонут от экстренных поездов... Гайды, разных чешских начальников, высоких комиссаров и прочих спасателей» [9, с. 127]. «Скудость подвоза усугубляется обращением на линии союзных эшелонов и союзных поездов, при чем своего подвоза союзники ни в коем случае сократить не желают, свою порцию графика выделяют в первую очередь, а нам оставляют огрызки; ясно, что при таких условиях совершенно невозможно образование каких-либо запасов... Хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и в первую очередь идут поезда чешские, польские междусюзные, а восточнее Байкала — японские. Нам же остаются только объезды» [Там же, с. 141, 149]. По сводкам колчаковской ставки на довольствии на конец мая 1919 г. состояло 800 тыс. чел. Наладить снабжение этого огромного войска, не контролируя железную дорогу, было невозможно.

Барон Бунберг очень точно своими формулировками отражает существующую реальность, когда пишет о трагическом бессилии верховной, по названию, власти и верховного, по званию, командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнять свою волю [9, с. 142]. Контроль над основной транспортной коммуникацией позволял разношерстному иностранному войску заниматься основательным грабежом на подконтрольной им территории. Бунберг в дневниковой записи от 14 июня 1919 г. отмечает: «Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженных вагонов, очень тщательно охраняемых... По данным контрразведки эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири» [Там же, с. 147].



Об этом же пишет один из самых влиятельных членов колчаковского правительства Г.К. Гинс в книге «Сибирь, союзники и Колчак», изданной в 1921 г., пекинским издательством «Общество возрождения России»: «Чехи совершенно вышли из роли иностранных войск, охраняющих дорогу, и перешли на роль хозяев транспорта... для своих целей» [Там же, с. 188].

Один из наиболее влиятельных деятелей ставки Колчака генерал-лейтенант К.В. Сахаров подвел итог отношениям с «союзниками» следующим образом: «Только благодаря «союзникам» национальное русское движение потерпело крах; «союзникам» до России не было никакого дела, — более того, — национальное возрождение России для них явилось нежелательным, как что-то враждебное, опасное» [12].

Интересна также точка зрения антибольшевистских политических деятелей на внутреннюю политику Колчака. Основным вопросом российской революции являлся земельный вопрос. Д.Ф. Раков, арестованный вместе с другими деятелями Директории в Омске после переворота 18 ноября, в частном письме, адресованном Роговскому, отмечал, что земельная политика колчаковского правительства свелась к восстановлению полностью без ограничений власти помещиков там, где таковые когда-то были, например, в Уфимской губернии. «Колчаковский режим лишает армию тыла и делает ее недееспособной» [9, с. 43].

В таких условиях армия Колчака лишалась социальной опоры, а рост грабежей выливался в вооруженное сопротивление. Для борьбы с партизанами применялся самый легкий путь. Производилась экзекуция целых деревень и волостей. За непоимку «разбойников-большевиков» сжигались дотла села. «Огромные, растянувшиеся на несколько верст села, представляли сплошные развалины, с торчащими кое-где обуглившимися, полусгорелыми домами. Крестьянское население таких сел разбрехалось и было обречено на нищету, голод и смерть» [9, с. 84]. Как пишет генерал К.В. Сахаров, не оставались в стороне и «союзники» Колчака. Карательные экспедиции против сибирских сел устраивали чехи и поляки [Там же, с. 90]. Один из вождей белого движения монархист Шульгин отмечал впоследствии, что белое движение было начато почти что святыми, а закончили его почти что разбойники [13, с. 110].

В письме супруге Софье от 16 сентября 1919 г. Колчак пишет: «... проклятое пятно большевизма будет стерто как грязь с лица русской земли — я все-таки положил хорошее для этого основание, и десятки тысяч предателей уже не воскреснут» [4, с. 9]. Колчак, который скоро станет уходить со своей свитой на пяти поездах под флагами «союзников», предателями считает тех, кто борется против оккупационных войск и их ставленников. Очевидно, именно это и является основанием для отказа в реабилитации Колчака. Сначала в этом было отказано в 1999 г.,

затем в 2017 г. было принято еще одно подобное решение.

В заключении отметим, что отношение к колчаковскому режиму, которое сложилось по итогам его годового «Верховного правительства» и зафиксированное в исторической литературе, никак не соответствует тому образу, который стремятся навязать в настоящее время. При этом подчеркнем, что об этой стороне действительности свидетельствуют непосредственные участники событий, являющиеся активными политическими противниками большевиков.

### Список использованной литературы и источников

1. Адмирал Колчак. Протоколы допроса. С предисловием Николая Старикова [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января — 6 февраля 1920 г.)]. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 272 с.

2. Ауслендер С. А. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / С. А. Ауслендер. — Омск : [б. и.], 1919. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000548343> (дата обращения 12.01.2020)

3. Будберг А. Дневник белогвардейца / А. Будберг // Военная литература (Дневники и письма). — URL: <http://militera.lib.ru/db/budberg/03.html> (дата обращения 22.01.2020).

4. Ганин А. Вернуть золото Колчака! / А. Ганин // Российская газета. — 2019. — 20 нояб. — С. 9.

5. Гринева М. Возвращение адмирала / М. Гринева // Огонек. — 2019. — № 47. — С. 26–27.

6. Грондейс Л. Война в России и Сибири / Л. Грондейс. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 455 с.

7. Емельяненко В. Лот истории / В. Емельяненко // Российская газета. — 2019. — 25 ноября. — С. 7.

8. Журавлев В. В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака / В. В. Журавлев // Новое прошлое. — 2019. — № 1. — С. 48–69. — URL: <https://newpast.sfedu.ru/archive/geroy-nashego-vremeni-1-2019/geroy-kak-chuzhoj-nekotorye-nablyudeniya-nad-imagografiy-a-v-kolchaka/> (дата обращения 14.02.2020).

9. Колчаковщина. Гражданская война в Сибири / под ред. Г. Вендриха. — Иркутск : Провинция, 1991. — 224 с.

10. Кунина А. Е. Об одной забытой географической карте России / А. Е. Кунина // Европейские исследования в Сибири : Материалы регион. науч. конф. 10–11 дек. 1999 г. — Вып. 2. — Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2000. — С. 3–13.

11. Лapidус М. Судьба золотого запаса царской России / М. Лapidус, Ю. Головин // Вестник. — 1999. — № 23 (230), 24 (231). — URL: <http://www.vestnik.com/issues/1999/1109/win/lapidus.htm> (дата обращения 23.01.2020).

12. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война (1918–1920 г.) / К. В. Сахаров. — Мюнхен, 1923. — 324 с. — URL: <http://white-force.ru/publ/12> (дата обращения 17.02.2020).

13. Свириденко Ю. П. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. / Ю. П. Свириденко, В. Ф. Ершов. — Москва : МГУ, 2000. — 198 с. — URL: <http://leninism.su/lenin-now/4278-sbornik-dokladov.html?start=22> (дата обращения 05.01.2020).

14. Шалак А. В. Иркутская история золота Российской империи / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 2. — С. 155–175.

15. Шишкин В. Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября — 18 ноября 2018 г.) / В. Шишкин // Голоса Сибири: литературный альманах. — 2007. — Вып. 6. — С. 773–824. — URL: [http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp\\_6/043\\_007\\_kov\\_01.html](http://golosasibiri.narod.ru/almanah/vyp_6/043_007_kov_01.html).

### Информация об авторе

*Шалак Александр Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakov@bgu.ru.

### Author

Alexander V. Shalakov — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakov@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.08

**В.П. ШАХЕРОВ**

УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2)613

## ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОЙ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье приводится материал о становлении советской финансовой системы в 1920-х гг. Одной из главных проблем данного периода стал дефицит квалифицированных финансовых и банковских специалистов. Сложившаяся ситуация потребовала реальных изменений в организационной и кадровой работе. Большое внимание уделялось укреплению управляющего звена членами партии и сочувствующими. В статье на примере Иркутской губернии раскрываются попытки советских властей решить кадровый вопрос и оптимизировать работу финансовых и кредитных структур.

**Ключевые слова:** Иркутск, иркутское отделение Государственного банка, кредитная сфера, финансы, кадры, профсоюз.

V.P. SHAKHEROV

## ATTEMPTS TO SOLVE THE PERSONNEL PROBLEM IN THE FIRST YEARS OF CREATION OF THE SOVIET FINANCIAL AND CREDIT SYSTEM IN THE IRKUTSK PROVINCE

The article provides material on the formation of the Soviet financial system in the 1920s. One of the main problems of this period was the shortage of qualified financial and banking specialists. The current situation required real changes in organizational and personnel work. Much attention was paid to strengthening the managerial staff of party members and sympathizers. The article on the example of the Irkutsk province reveals the attempts of the Soviet authorities to solve the personnel issue and optimize the work of financial and credit structures.

**Keywords:** Irkutsk, Irkutsk branch of the State Bank, creditor, finance, personnel, trade union.

Вопросы кадрового обеспечения вновь создаваемой финансово-кредитной системы в Советской России относятся к наиболее малоисследованным в исторической литературе. Между тем, эта одна из наиболее важных проблем становления советских кредитных и финансовых структур. Бурные события Гражданской войны, эвакуации и реэвакуации банков, бегство значительной части специалистов на Восток, чистка банковского аппарата и т.п. привели к заметному дефициту специалистов в сфере финансов и кредита. Это стало сказываться уже в первые годы строительства новой финансовой системы в Сибири. Восстановление банковской системы в стране невозможно было осуществить без привлечения старых специалистов. Найти опытных людей на руководящие должности из числа большевиков или сторонников советской власти, особенно на местах, было практически невозможно. Приходилось опираться на старых банковских чиновников, которые, конечно, не были горячими сторонниками новой власти, но хотя бы отличались преданностью своему делу и чувству корпоративного долга. Ситуация требовала реальных изменений в организационной и кадровой работе. В октябре 1920 г. заведующий финотделом В.И. Литвинов обратился в Иркутский губревком по поводу нехватки профессиональных кадров на местах. При определении штата уездных финансовых органов, учитывая ограниченное количество специалистов и необходимость экономии средств, старались по возможности сокращать кадры на 1/3 или даже 50 %. Но даже в таком ограниченном виде ни один из уездных финотделов не смог подобрать полного комплекта сотрудников [5, л. 262]. В большинстве из них вынуждены были ограничиться половиной или даже

четвертью штатного состава. Кроме того, различные откомандирования по требованию других учреждений и мобилизации еще более сокращали наличный состав. Да и сами сотрудники финотделов по возможности стремились перейти в другие учреждения, «почему-то поставленные в привилегированные условия». Так, заведующий Верхоленского уфинотдела сообщал, что у него осталось только 11 сотрудников из положенных 48 человек. Причиной было то, что они получали пайки значительно позже и в меньшем количестве, чем работники учреждений, занимающихся организацией производства и сельского хозяйства. Поэтому финотдел просил власти принять необходимые меры к выравниванию продовольственного снабжения служащих финансовых учреждений [5, л. 262 об.].

Постоянные сокращения и стремление освободиться от ненадежных элементов отрицательно сказывались на стабильности кадрового состава. В июне 1924 г. штат Губфинотдела был сокращен на 39 человек. По всем финансовым учреждениям происходила чистка персонала. Служащих заставляли заполнять анкеты, в которых они должны были указывать свое социальное происхождение и участие в дореволюционных финансовых учреждениях.

Весной 1924 г. иркутское отделение госбанка возглавил опытный финансист, член ВКП(б) с 1920 г. Иосиф Яковлевич Рабкин. В начале 1920-х гг. он работал в системе Всеукраинской конторы Госбанка в Харькове, пройдя путь от счетовода до инспектора. После обучения в 1925–1926 гг. на курсах при Наркомфине работал управляющим отделения Госбанка в Черкасске и Верхнеудинске. С 1929 г. откомандирован в Москву в распоряжение Правления Госбанка, был членом президиума ЦК Союза финансово-банковских работников, заместителем управляющего Московской областной конторы [9, с. 577].

Одной из важнейших проблем была задача укрепления персонала партийными кадрами. В банке было всего несколько партийцев из числа нижних служащих — курьеры и сторож. Но если прежде качество работы компенсировалось наличием хороших специалистов из числа беспартийных, то постоянные командировки и переводы в другие филиалы банка и увольнения по идеологическим соображениям заметно снизили общий уровень служащих. Один из сотрудников был направлен во вновь открытое отделение Госбанка в Татарске, другой в Бодайбо для ревизии местного отделения, третий был уволен комиссией по чистке совпапратата [4, л. 9]. Кроме того, в июле 1924 г. комиссия по чистке рекомендовала уволить еще 3 служащих. Стремясь усилить партийное звено, управляющий Рабкин обратился в окружной комитет ВКП(б) с просьбой направить в отделение двух коммунистов для ответственной работы, имеющих «хотя бы минимальное знание банковской работы» [4, л. 9] Его заместителями были П.И. Исаев, работавший в банке с момента

его воссоздания в 1922 г., и В.Г. Левицкий, имеющий за плечами юридический факультет Томского университета и направленный на усиление кадрового состава Сибирской краевой конторой. Оба были беспартийными. После упразднения в 1927 г. одной из ставок заместителя П.И. Исаев перешел в Иркутское общество взаимного кредита на должность председателя правления.

Необходимость заново создавать систему государственного кредита неизбежно приводила к тому, что к работе привлекали значительную часть старых специалистов, людей со старыми установками, традициями и методами работы. Партийная прослойка, не говоря уже о рабочей, была мизерна. Все это приводило, по мнению партийного руководства к тому, что в работе аппарата было много косности и консерватизма, и даже случаи вредительства и саботажа. Переписка руководства иркутским отделением с вышестоящими партийными и финансовыми структурами показывает всю обеспокоенность сложившейся ситуацией и стремлением укрепить банковские учреждения представителями партийного звена и проверенными людьми, прежде всего в лице молодежи. Особенное опасение вызывало состояние кадров среднего звена, среди которого большой процент составляли дореволюционные специалисты, люди опытные и знающие, но идеологически не соответствующие новым критериям. Быстро заменить их в центральном аппарате и на местах было невозможно. Оргбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев 27 июля 1927 года вопрос о кадрах банковских работников, констатировало еще большее неблагополучие в этой области и предложило руководству банков принять решительные меры к укреплению аппарата.

Сохранились характеристики И.Я. Рабкина руководящему составу отделения, которые он направлял в Сибирскую краевую контору. Заместитель управляющего П.И. Исаев: как специалист вполне на месте, авторитетен, но недостаточно быстро усваивает темпы работы советского Госбанка. Главный бухгалтер В.М. Николаев: всесторонне развитый человек, авторитетен, выдержан. А вот старший контролер Н.А. Страшевич недостаточно советизирован и не особо стремиться к этому. Старший кассир В.И. Самоделкин обладает профессиональными знаниями, но недостаточно проявляет себя как администратор. Заведующий учетно-ссудным отделом В.И. Ермаков характеризовался как достаточно культурный и развитый человек, но слабым администратором, не проявляющим собственной инициативы [4, л. 8]. В силу крайнего дефицита проверенных специалистов, Рабкин был вынужден искать их на стороне. Так, он ходатайствовал о разрешении выезда из Польши Б.Л. Биренбауму для использования его по бухгалтерской части [Там же, л. 27].

В целом деятельность И.Я. Рабкина на посту управляющего иркутским отделением Госбанка достаточно высоко оценивалась как выше-

стоящим начальством в Новосибирске, так и соответствующими партийными и советскими властями на месте. В июне 1925 г. он принимал участие во 2-м Всесоюзном съезде банковских работников. При нем заметно укрепился кадровый состав банка. В 1928 г. в отделении работало 78 человек, в том числе 57 мужчин и 21 женщина. Выросла партийная прослойка. Если в 1926 г. среди работников банка было 9 коммунистов и 3 комсомольца, то спустя два года членов ВКП(б) насчитывалось уже 12 человек и 5 комсомольцев [6, л. 11]. Необходимо отметить значительную текучесть кадров, связанную с сокращениями, периодическими «чистками» и переводом в другие отделения и конторы. Так, среди персонала банка осталось всего 23 человека (29,5 %), которые работали с момента его воссоздания. Очень слабо менялся социальный состав служащих. Среди них было всего 6 выходцев из рабочих. Из крестьян вообще никого не было.

Заметным подспорьем руководству стала вновь созданная профсоюзная организация. Она охватывала значительное число сотрудников отделения. Вся деятельность профсоюзной организации проходила под контролем немногочисленной партийной организации. На заседаниях парт-ячейки заслушивали отчеты, утверждались руководители, проводилось учеба активистов, прорабатывались директивные документы о роли профсоюзных организаций в период строительства социализма. На общем собрании парт-ячейки 8 марта 1926 г. в повестке дня было обсуждение решений XIV съезда ВКП(б) о профсоюзах. Интересно, что среди вопросов поддержки служащих, улучшению их быта и условий труда обсуждалась тема забастовок как крайней меры борьбы за свои права. Партийные органы тогда еще допускали возможность забастовок в государственной промышленности, но считали их скорее исключением из правил и требовали искать более мирные способы решения проблем. Администрации банка рекомендовалось заключать коллективные договора, в которых прописывать все права и обязанности работников. Но в целом отмечалась слабая активность коллектива в профсоюзной жизни. Необычным с точки зрения сегодняшнего дня кажется активно обсуждаемый вопрос: может ли быть профсоюз при социализме? Многие тогда вполне серьезно считали, что в новом обществе не будет необходимости защищать интересы трудящихся, так как они сами будут управлять государством [7, л. 12 об.].

На одном из заседаний партийной ячейки специально рассматривался отчет о работе местного комитета. Докладывал руководитель профсоюза Ремезов. В это время коллектив отделения насчитывал 76 чел., но к концу июня он уменьшился до 71 человек. В связи с режимом экономии сократили 3 счетных работников, 1 кассира и милиционера охраны. В отчете отмечались недостатки, связанные с невыполнением



плана работы, слабой активностью членов профсоюза, что проявлялось в том числе в задолженности по взносам. Текущая работы состояла в проверке рабочих мест, своевременной выдачи спецодежды, оказание содействию членам профсоюза в отдыхе и улучшении бытовых условий. Отдельно рассматривались случаи сверхурочной работы и ее компенсации. Так разбирались с заявлением кучера, в котором он жаловался на постоянную переработку [7, л. 25].

В отчете приводятся интересные сведения о финансовых возможностях организации. Кроме взносов на нужды профсоюза поступало 2 % отчисление от оборотов Госбанка. К июню все поступления составили 757 руб. 25 коп., в том числе от Госбанка — 737 руб. 88 коп. На обеспечение деятельности профсоюзной организации потратили 553 руб., остаток на 1 июня составил 203 руб. 74 коп. Через местком выписывалась периодическая печать: 5 экземпляров газеты «Власть труда» и 7 экземпляров «Правды». В месткоме был создан фонд улучшения быта сотрудников, составлявший на момент отчета 1400 руб. На эти деньги было приобретено 25 мест в доме отдыха, отправлено на курорты 3 человека, которым выдано двоим по 120 руб., одному — 150 руб. [7, л. 25 об.]. Также была снята дача в деревне Суховская за 60 руб. на лето, но на нее пока никто не поехал. В целом работа месткома была признана удовлетворительной. Руководству профсоюзной организации было порекомендовано принять строгие мера к неаккуратным плательщикам членских взносов вплоть до исключения, обновить работу экономической комиссии и оказывать реальную материальную поддержку нуждающимся.

Укрепление банковских кадров напрямую было связано с улучшением их материального положения и признания важности для государства финансовой деятельности в целом. Особенно актуально это было в начале 1920-х гг. В связи с обесцениванием денег особую роль играло обеспечение работников и служащих пайками, но и их далеко не всем хватало. На 1922 г. в Иркутске из 272 работников Госуниверситета пайки были выделены только на 50 человек. Для работников отдела народного образования выделялось 190 пайков при норме 1 143, не считая 593 городских учителей. Даже Губфинотделу выделили на декабрь 1922 г. 237 пайка при 268 сотрудниках [2, л. 34 об.].

Необходимость борьбы с экономической разрухой поставила вопрос о восстановлении финансовой системы страны в число неотложных задач. X Всероссийский Съезд Советов признал работу Наркомфина и подведомственных ему центральных и местных учреждений «сверхударной». На все советские и партийные органы была возложена задача оказывать финорганам всемерное содействие. Как оказалось, на местах дело обстояло совсем плохо. «Местные органы власти, — отмечали на



съезде, — за весьма незначительными исключениями не изменили еще до сих пор своего прежнего безучастного отношения к финорганам и не только не облегчают последним выполнения лежащих на них трудных задач, но зачастую даже ставят препятствия к их выполнению, что несомненно влечет за собой дезорганизацию в работе» [2, л. 372].

Среди негативных явлений отмечалось ослабление личного состава финорганов в виде отвлечения работников на работы в другие ведомства и сохранение системы безлимитного кредитования. По распоряжению губернских и уездных исполкомов производились выдачи из касс различных ссуд учреждениям. Были случаи, когда поступления от налогов зачислялись в кассы учреждений, а не финорганов, что в корне подрывало финансовую систему и нарушало декрет об единстве кассы. Работники финорганов в материальном и продовольственном отношении были поставлены в более худшее положение, чем сотрудники других учреждений. В связи с этим, ВЦИК Советов предложил принять меры по усилению финансовой сферы. Своей радиотелеграммой от 25 марта 1922 г. им были доведены на места соответствующие требования. Особое внимание уделялось усилению личного состава, возвращению всех ранее командированных специалистов и освобождению сотрудников финорганов от каких-либо трудмобилизаций, за исключением военных. Рекомендовалось улучшить материальное и продовольственное положение финработников, поставив их в одинаковые условия с сотрудниками других важнейших учреждений [2, л. 372 об.].

В связи с этой радиотелеграммой зав. Губфинотделом В.П. Левченко обратился в Губисполком с запиской «О мерах по улучшению положения финорганов губернии и материальному обеспечению сотрудников». В записке он остановился на причинах нехватки квалифицированных специалистов. С укреплением финорганов и воссозданием Госбанка особенно остро стояла нехватка кадров, возвращение их из других учреждений, в которые они были в свое время направлены. «Несмотря на целый ряд мобилизаций, — отмечал он — несмотря на груды переписки, необходимые Губфинотделу финработники до сих пор учреждениями не освобождаются. Даже в том числе, в отношении тех бывших служащих Губфинотдела, которые были откомандированы для исполнения временной работы. Так, Губпродком не отпускает сотрудников губфинотдела Вишнякову и Ковальскую, которых отпустили на продналог, хотя он уже давно закончился» [2, л. 380]. Еще одной проблемой были вопросы нормального обеспечения сотрудников. Большинство квалифицированных специалистов, чтобы прокормить семьи, вынуждены иметь дополнительные заработки. Предлагалось повысить тарификацию сотрудников на 1 разряд по сравнению с сотрудниками прочих учрежде-

ний, сохранив при этом право управляющего повышать тарификацию в отдельных случаях на 2 разряда.

По обращению В.П. Левченко Губисполкомом принял целый ряд постановлений. Был утвержден штат финотдела в составе 330 единиц, при этом оговаривалось, что он не подлежит сокращению. Все структуры и учреждения обязали вернуть в 3-дневный срок специалистов по представлению Губфинотдела. Устанавливался тариф на 1 разряд выше существующей тарификации совработников, сохраняя при этом право заведующего повышать в отдельных случаях на 2 разряда. Сотрудникам Губфинотдела был выделен продовольственный паек в составе: муки — 60 ф., мяса — 11, 5 ф., жиров — 2, 5 ф., соли — 4 ф., сахара — 1,5 ф., кофе j ф., керосина — 3 с ф., спичек — 3 коробка, папирос — 162, 5 штук. Количество пайков соответствовало штатным работникам. Кроме того, губернские власти выделили сотрудникам на апрель — июнь по 165 погонных сажень дров ежемесячно с отнесением их стоимости к местным расходам. А губернскую фондовую комиссию обязали при каждом распределении товаров широкого потребления удовлетворять сотрудников Губфинотдела в первую очередь и в наибольшем количестве [2, л. 383].

Отмеченные меры способствовали укреплению кадровой структуры финансовой сферы, но не смогли решить задач ее оптимизации в силу огромной территории края и слабой образовательной базы. С созданием в 1930 г. Восточно-Сибирского края проблемы количественного и качественного состояния финансовых и банковских кадров вновь потребовали вмешательства региональных властей. Значительное увеличение объемов работ в условиях нехватки квалифицированных специалистов, запущенность кредитной работы на территории Бурятии и Забайкалья особенно сказались на качестве работы краевого отделения Госбанка. Назначенный в 1933 г. его управляющий А.Г. Граник признавался, что принял Контору в крайне запущенном состоянии. К числу негативных факторов он относил нехватку кадров из-за огромной текучести аппарата вследствие крайне сложных бытовых и материальных условий. Настоящей проблемой был крайне низкий уровень подготовки сотрудников и трудовой дисциплины. В результате, в Конторе насчитывалось более 3 тыс. непроверенных документов, отсутствовал баланс, сотни оставшихся без ответа жалоб, запутанные счета. Еще хуже обстояло дело в филиалах, где аппарат был еще более недоукомплектован и не имел специальной банковской подготовки. Помещения филиалов представляли собой полуразвалившиеся избушки с полным отсутствием инвентаря и мебели [1, с. 173].

Власти региона также отмечали недостатки в организации работы банковской сферы. Так, президиум Краевой Контрольной комиссии коллегии КрайРКИ указал в апреле 1931 г. на крайне плохую организацию

учета и оперативной техники во всех подразделениях Госбанка, что привело к грубым ошибкам при составлении годового отчета 1930 г., отсутствию в краевой Конторе с ноября 1930 г. баланса, наличию большого количества необработанных документов, счет-фактур, поручений и рекламаций. Тревогу вызывал недостаточный контроль со стороны бухгалтерий за наличностью касс и полное отсутствие такового за ценностями кладовых. В целом, Президиум отметил слабую подготовку Госбанка к проведению кредитной реформы [3, л. 45]. От конторы потребовали в кратчайшие сроки исправить недочеты и принять меры к повышению квалификации сотрудников. Также было предложено в качестве мер по укреплению кадрового состава направить в систему госбанка специалистов из других учреждений, «обратив особое внимание на качественный состав мобилизуемых». Партийным и профсоюзным организациям Конторы было предписано усилить работу по укреплению трудовой дисциплины, улучшению качества работы, развертыванию соцсоревнования и ударничества.

Таким образом, создание советской финансово-кредитной системы столкнулось с острой кадровой проблемой. Часть специалистов бежала на восток, другая, не являясь сторонником новой власти, хотя бы была преданна своему делу и чувству корпоративного долга. Чистка старого аппарата лишь усугубляла дефицит опытных кадров. В течение всех 1920-х гг. параллельно с мерами по укреплению кадрового состава финансовых и банковских структур советские власти решали задачу замены руководящего и среднего звена партийными работниками и комсомольцами. Заметная роль в улучшении бытовых условий работников и укреплению трудовой и профессиональной дисциплины отводилась профсоюзным организациям.

### Список использованной литературы и источников

1. Гаврилова Н. И. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания / Н. И. Гаврилова, В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — 372 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. Р-43. — Оп. 1. — Д. 1.
3. ГАИО. — Ф. Р-61. — Оп. 1. — Д. 33.
4. ГАИО. — Ф. Р-61. — Оп. 2. — Д. 1.
5. ГАИО. — Ф. Р-260. — Оп. 1. — Д. 18.
6. ГАИО. — Ф. Р-260. — Оп. 2. — Д. 12.
7. Государственный архив новейшей информации Иркутской области. — Ф. 351. — Оп. 1. — Д. 47.
8. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / Гл. ред. Л. М. Дамешек. — Иркутск : Востсибкнига, 2012. — 800 с.

9. Шахеров В. П. Образование Восточно-Сибирского края в 1930 г. и проблемы реорганизации банковской сферы региона / В. П. Шахеров // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 574–600.

10. Янгиров И. И. Сибирское главное управление банка России: исторические очерки становления территориальных учреждений в Сибири / И. И. Янгиров // Деньги и кредит. — 2017. — № 1. — С. 47–52.

### **Информация об авторе**

*Шахеров Вадим Петрович* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского госуниверситета. 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: wodalis@yandex.ru.

### **Author**

*Vadim P. Shaherov* — D.Sc in History, Professor, Department of Russia History, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., e-mail: wodalis@yandex.ru.

---

## ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.09

*С.К. КАНН*

УДК 33:94(571)

ББК 65.03(2)53

### КОМИТЕТ СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ И НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА

В программе работ Комитета Сибирской железной дороги научно-прикладным исследованиям отводилась вспомогательная роль. Они были призваны содействовать прочному заселению территорий на основе изучения природно-климатических условий тайги, урманов и степных местностей, а также проведения гидротехнических и гидрологических работ. Мероприятия входили составной частью в практическую деятельность ведомств. Комитет осуществлял координацию действий ведомств, надзор и контроль, а также распределял финансовые средства, направленные на решение этих задач. В статье анализируются принципы организации научно-прикладных работ, связанных с переселением, основные направления и достигнутые результаты.

**Ключевые слова:** Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905), принципы и задачи деятельности, переселенческая политика, крестьянское переселение в Сибирь, научно-прикладные работы.

*S.K. KANN*

### COMMITTEE OF THE SIBERIAN RAILROAD AND SCIENTIFIC SUPPORT FOR THE RESETTLEMENT IN SIBERIA

In the program of the Committee of the Siberian Railroad, the supporting role was assigned to scientific applied research. They were urged to promote strong settling of territories on the basis of studying of the natural and climatic conditions of a taiga, urman and steppe areas, as well as carrying out hydrotechnical and hydrological work. Events were an integral part of the practical activities of departments. The Committee coordinated the activities of departments, supervision and control, and also distributed financial resources aimed at solving these problems. The article analyzes the principles of organization of scientific and applied work related to resettlement, the main directions and the results achieved.

**Keywords:** Committee of the Siberian railroad (1892–1905), principles and objectives of activities, resettlement policy, resettlement of peasants in Siberia, scientific and applied work.

Создание Транссибирской железнодорожной магистрали более полувека обсуждалось в периодической печати, в разного рода собраниях, промышленных и научно-технических обществах. В итоге длительной дискуссии стало понятно, что успешное достижение целей стратегического проекта невозможно без проведения взаимоувязанного комплекса мероприятий, включавших в себя, в том числе, и широкую постановку переселенческого дела на гигантской территории, открытой для колонизации. Впрочем, представление о «неисчерпаемой кладовой» за Уралом, было крайне смутным. По словам А.Н. Куломзина, земли эти представлялись для столичной власти «совершенной *tabula rasa*» (*чистой доской*), причем это касалось и наличия самих земель, и условий хозяйствования на них, и законодательства по отводу и водворению поселенцев [16, с. 434].

Не хватало картографического материала, а то, что имелось, «страдало неполнотой и недостоверностью», усугублявшейся по мере удаления от главного почтового тракта. Межевание в большинстве казенных округов носило «лоскутный» характер — значительные массивы земель были не только не обмежеваны, но даже не разграничены «в натуре». Так, во всеподданнейшем отчете томского губернатора за 1884 г. констатировалось, что не проведено отмежевание земель к селениям и не сделано разграничения казенных земель, отданных крестьянам в виде оброчных статей. Отсутствие границ, отделявших кабинетские земли от государственных, «составляло вопрос спорный» [6, с. 78]. Максимум, что могли предложить чиновники, это постепенно переводить в Сибирь межевые партии, освобождавшиеся от дел в европейской России.

Вместе с тем, постепенная эволюция взглядов на развитие железных дорог и их роль в экономике страны привела к пониманию того, что только торговыми интересами — перемещением товаров из одной части страны в другую, — значение этих путей не исчерпывается [18, с. 13–14]. В связи с проектировавшейся постройкой железной дороги от Самары на Уфу — Златоуст — Челябинск Д.С. Волков писал, что расселение жителей из центра страны в Предуралье способно обеспечить «поземельное устройство многих миллионов безземельных и малоземельных крестьян внутренней России» и спасти страну от «наиболее грозного вида народной беды — крестьянского пролетариата» [5, с. 17, 38–39].

В конце 1880-х годов план сооружения непрерывной железнодорожной магистрали на Дальний Восток созрел параллельно в нескольких ведомствах. Над этим работали моряки и военные, чиновники путей сообщения, финансов и государственных имуществ. Но вопрос об организации переселений и развитии придорожной полосы повсеместно играл ведущую роль. В записке полковника Н.А. Волошинова, поступившей на рассмотрение А.Я. Гюббенета в мае 1889 г. и ставшей основой

для разработки дальнейшего плана мероприятий, вопрос о переселении крестьян был назван в числе прямых хозяйственных последствий постройки [23, л. 181–209]. В свою очередь, Гюббенет, представляя в Комитет министров принципиально важную записку № 3254 от 4 февраля 1891 г., предварявшую начало железнодорожных работ, отмечал необходимость целенаправленной организации переселений для «уменьшения строительных расходов» и увязывал переселения с установленным направлением магистрали, сроками и последовательностью этапов сооружения [10, с. 22].

Общий план постройки, в комплексе с другими мероприятиями, направленными на активизацию производительных сил, был разработан в недрах финансового ведомства и осенью 1892 г. представлен С.Ю. Витте сначала царю (6 ноября), а затем Особому совещанию под председательством Д.М. Сольского. «Не подлежит сомнению, — подчеркивал Витте, — что дорога даст могущественный толчок экономическому развитию Сибири, всюду оживит и возбудит возможные по местным условиям отрасли производительной деятельности» [4, с. 186]. По мнению министра финансов, одной из самых благодетельных мер как для Сибири, так и для европейской России, могли бы стать крестьянские переселения, направленные на решение проблемы малоземелья в центре страны. Горячим сторонником этого взгляда сразу же стал А.Н. Куломзин, впоследствии отмечавший, что «задачей, ближе всего принимавшейся мной к сердцу и вместе с тем неоспоримо наиболее важной было регулирование переселенческого движения в Сибирь» [16, с. 402]. В дальнейшем оба названных деятеля сыграли ключевую роль в постановке переселенческого дела, придав ему необходимые темпы и качество.

Свою концепцию организации крестьянских переселений Витте изложил в первом же заседании Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) 10 февраля 1893 г., где обсуждалась записка Минфина № 277 «О вспомогательных предприятиях, с постройкой Сибирской железной дороги связанных» [4, с. 230–241]. Под термином «вспомогательные предприятия» Витте подразумевал такие мероприятия правительства, которые могли бы всемерно содействовать ускорению запуска магистрали, а затем наполнить ее грузами, способными окупить эксплуатацию. Сельхозпродукты (зерно, скот, шкуры, масло и пр.) входили в широкий круг товаров, перспективных для перевозки. Таким образом, организация крестьянских переселений мыслилась в ряду ключевых вспомогательных предприятий, наряду с развитием местной горнодобывающей и железодобывающей промышленности и улучшением водных путей Сибири. В записке подчеркивалось, что внимание к вспомогательным предприятиям позволит казне быстрее освободиться от бремени безвозвратных расходов.

По словам Витте, не стоило «пренебрегать ни одним из средств, которые могли бы содействовать увеличению народонаселения и производительности в прорезываемой стране, имеющей все данные для крупных экономических успехов» [17, 1893, т. 1, л. 21об-22]. Колонизация сибирских территорий должна была выполнить роль важнейшего инструмента, а кредиты на нее Витте планировал добыть «из общей суммы, предназначенной для осуществления великого Сибирского пути» [2, с. 441; 3, 1893, с. 24; 17, 1893, т. 1, л. 22]. Понятно, что в этом случае размеры переселенческого движения были бы ограничены суммами ассигнований на постройку, но Витте, на первых порах, совсем не стремился придать процессу переселений значительного размаха. Не случайно, что вплоть до 1894 г. отмежеванные участки вдоль магистрали, отведенные для заселения, в документах министерства финансов назывались не «переселенческими», а «поселенческими» [17, 1893, т. 3, л. 2об, 5об].

В записке № 277 впервые содержался черновой набросок мероприятий, призванных придать переселенчеству рациональные основания и гарантировать прочное водворение переселенцев на «научно обоснованных» местах. Витте предлагал отводить участки, ориентируясь на местоположение будущих станций, делать их «центрами новых поселений», «заблаговременно» производить межевые и съемочные работы, «с соответственными изысканиями в отношении качества земли и воды и других условий, имеющих первостепенное значение для благосостояния поселенцев» [17, 1893, т. 1, л. 24об]. Он совершенно точно знал о проблемах водоснабжения поселков в Ишимской и Барабинской степях, но сознательно умалчивал о трудностях изысканий и организации почвенно-гидрологических работ, преследуя главную цель — довести до внимания августейшего председателя КСЖД назревшие идеи о переселениях. Эта тактическая победа была достигнута, и на полях записки рукою Куломзина была сделана отметка: «NB. Вопрос этот доложен Вашему Императорскому Высочеству» [17, 1893, т. 1, л. 24об].

Финансовое обеспечение вспомогательных предприятий, в том числе и заселение придорожной полосы, ставились в прямую зависимость от хода строительных работ, которые они обслуживали. Со временем расширительная трактовка, которую допускал план Витте, подвергла весь замысел значительной трансформации как с финансовой, так и с содержательной стороны. Скромные намерения сменились курсом на экстенсивное расширение программы в сторону исследовательских и статистических работ, поддержки музеев, организации опытных полей и пастбищ, устройства выставок и пр.

Главную роль в подготовке и проведении вспомогательных предприятий в КСЖД играла Подготовительная комиссия (ПК), созданная в марте 1893 г. на основании ст. 13 «Положения о КСЖД», допускаящей созда-



ние подкомиссий «для подробного изучения того или другого предмета» [17, 1893, т. 1, л. 14; 24, д. 1, л. 109]. Подобная нужда возникла уже в ходе 3-го заседания КСЖД — при обсуждении спорного вопроса о заготовке переселенческих участков силами особых межевых партий Министерства госимуществ (МГИ) [17, 1893, т. 1, л. 174–184 об.]. Куломзин, руководивший ПК с самого начала ее деятельности, постарался придать обсуждению деловой и конструктивный характер. По назначению от «заинтересованных ведомств» в состав комиссии были включены самые компетентные лица, хорошо подготовленные научно и практически. Впоследствии многие из них своим личным трудом уже на просторах Сибири проводили решения ПК в жизнь.

В целом, вся история КСЖД хронологически четко распадается на два этапа, по времени соответствующие царствованию Александра III («начальный этап», 1893–1894) и Николая II («основной этап», 1895–1905). Научно-прикладные работы, сопровождавшие переселенческую деятельность, точно укладываются в эту периодизацию, обусловленную эволюцией самодержавия и самого комитета, координировавшего широкий комплекс мероприятий.

На начальном этапе важное значение имели съемочные и межевые работы, облегчавшие заготовление участков; работы по устройству водоснабжения в переселенческих поселках; картографическая деятельность; составление хозяйственно-статистических описаний и издание книжек для переселенцев. С развитием переселения и истощением фонда свободных казенных земель на первый план стали выходить гидротехнические мероприятия по осушению и обводнению степной полосы, изучение торфяников, урманов и таежных территорий, создание дорожной сети между переселенческими поселками. На завершающем этапе, накануне роспуска КСЖД, усилилась деятельность экспедиции по естественно-историческому и хозяйственно-статистическому изучению Степных областей. В целом, в 42 заседаниях КСЖД с 1893 по 1905 г. было рассмотрено около полусотни дел, непосредственно связанных с научным и прикладным обеспечением переселений. С учетом того, что многие вопросы в КСЖД носили комплексный межведомственный характер, смежный целому ряду отраслей, это число можно смело увеличить втрое. В результате из общего количества в 727 разрешенных комитетом дел каждое пятое в той или иной степени касалось научного сопровождения переселенческого дела.

В 1893 г. спешный характер формирования программы работ КСЖД отразился в ряде стихийно возникших и крайне неподготовленных мероприятий, когда ведомства, задействованные в проекте, стремились не столько реально достичь практических целей, сколько продекларировать их и успеть освоить «свою» долю средств из только что созданного

14-миллионного фонда вспомогательных предприятий (ФВП).

Осенью 1893 г. под руководством А.Н. Петровского в Центральном статистическом комитете МВД была подготовлена рукописная «Карта губерний и областей, по которым пролегает намеченная Высочайшею волею Сибирская железная дорога», через год отпечатанная небольшим тиражом [13; 17, 1893, т. 2, л. 452–453; 17, 1893, т. 3, л. 99об, 209–211, 366об; 21, с. 25; 24, д. 146, л. 37–38, 57–58]. Она имела откровенно сырой вид, грешила грубейшими ошибками и недочетами. Попытки министра И.Н. Дурново убедить членов КСЖД в том, что карта «отличается надлежащей полнотой и подробностью» и может служить пособием для руководства разного рода предприятиями, прежде всего переселенческими, не имели особого успеха. Затратив на эту «подробную карту Азиатской России» свыше 10 тыс. р. из ФВП, ведомство внутренних дел, по сути, реализовало чисто кабинетную затею. По словам Куломзина, интерес к карте очень быстро угас «по невероятной косности» чиновников МВД и за ее переработку «некому было взяться» [20, д. 7, л. 14]. На том все и успокоились.

В таком же ключе действовало и ведомство Витте, которое обратилось к составлению подробного «Описания Амурской области», компилируя материал, как они утверждали, из «множества» литературных источников. Так, например, книга Коржинского (1892), убеждала чиновников в возможности массовой колонизации Приамурья [15]. Инициатива Минфина, с которой Витте связывал далеко идущие планы по продвижению торговых интересов России на Дальнем Востоке [17, 1893, т. 2, л. 486–487; 22, с. 25–26], обсуждалась в 7-м заседании КСЖД 2.06.1893 г. Участники согласились, что несмотря на то, что в Амурской области проживает всего лишь 90 тыс. жителей, но она «по своим природным богатствам может стать источником благосостояния для значительного населения» [17, 1893, т. 2, л. 488]. Используя кредит ФВП в 3 тыс. р., Минфин подготовил и в 1894 г. опубликовал книгу Е.Е. Грум-Гржимайло, где многие главы принадлежали перу П.П. Семенова (Тян-Шанского) [9]. Однако этот труд, как и карта МВД, не достиг своей цели, а сам процесс колонизации Приамурья застопорился из-за отказа от Амурского участка и поворота в Манчжурию. Впрочем, впоследствии высокая ценность данного труда все-таки была отмечена, хотя это и произошло только после начала постройки Амурской железной дороги [7, 1910, вып. 31, с. 5].

Первые мероприятия КСЖД убедили его членов в необходимости перехода от литературных компиляций к более эффективным *экспедиционным* формам исследований. Такой постановки дела энергично добились наиболее прозорливые деятели комитета — вице-председатель Бунге, Витте, Куломзин. Все они отличались широким государственным взглядом на переселения, расположенностью к научным занятиям, со-

стояли членами различных научно-технических обществ. Благодаря их активным усилиям, КСЖД преодолел «рутину порядков Министерства внутренних дел» и смог вывести вопрос о переселениях из бюрократического тупика, где тот находился длительное время [2, с. 441–443; 16, с. 454; 20, д. 6, л. 26–26об; д. 7, л. 1–5об, 15–18об].

Как уже говорилось, первыми в Сибирь отправились межевые партии МГИ, организованные на 3-м заседании комитета (высочайше утвержденное 04.03.1893 г. положение КСЖД). Затем в июне 1893 г. комитет рассмотрел совместное представление ведомств внутренних дел и госимуществ о порядке образования переселенческих и запасных участков. Куломзин убедил своего «давнего приятеля» И.И. Тихеева, межевого инженера по образованию, великолепно знавшего геодезию, «немедленно приняться за изучение постановки этого дела по своему ведомству, подготовить управляющему министерством, выработать схему как образования особых межевых отрядов, так и законодательных правил для изысканий в Сибири удобных для заселения земель» [16, с. 402].

Межевщикам было поручено «тесно взаимодействовать» с партиями военных топографов и железнодорожными управлениями — для размещения станций в местах, наиболее благоприятных для водворения переселенцев [17, 1893, т. 1, л. 38об–39об; 19, л. 172–175]. В целом, различным аспектам деятельности межевых партий и заготовления участков комитет посвятил 23 заседания (38 дел), а после 1896 г. и вплоть до 1903 г. эти вопросы обсуждались почти на каждом заседании (за исключением одного). В течение всего периода деятельности КСЖД масштаб земле-отводных работ непрерывно увеличивался и, вместе с тем, росла численность партий и сотрудников. В 1893 г. в четырех временных партиях работало 100 человек, а к 1900 г. численность сотрудников возросла до 265. Число партий в 1902 г. достигло десяти [1, с. 210].

Начиная с 23-го заседания КСЖД в мае 1895 г. на первый план стали выходить научно-практические работы экспедиции генерала И.И. Жилинского, направленные на осушение («канализацию») Барабинской степи в полосе Западно-Сибирской железной дороги, где заболоченностью страдали именно те участки, которые прилегали к магистрали [24, д. 196, л. 14об, 15–16об]. Избыток «дурной» воды выводил из оборота тысячи десятин плодородной земли, вызывал распространение тифа и других болезней. Куломзин, видевший в осушении Барабы «одну из первостепенных задач Комитета» лично одобрил программу работ гидротехнической экспедиции, многократно встречался с Жилинским и высоко отзывался о его заслугах [12, с. III, 313; 16, с. 402; 17, 1895, т. 8, л. 424–424об; 20, д. 8, л. 8об, 11об, 24об, 44–44об, 48–49]. «Задача Жилинского снабдить около сорока селений водою разрешена блистательно, — писал Куломзин в одном из своих сибирских писем 30.08.1896 г. —

Вода везде найдена, за исключением четырех мест, где ее ищут. Степь, считавшаяся непригодной для заселения, сама по себе плодородная, обводнена» [20, д. 8, л. 49].

Двигаясь на юг от магистрали к удаленным колонизируемым районам пять партий экспедиции создали разветвленную сеть каналов, провели бурение артезианских скважин и «урегулирование» естественных водотоков, выкопали колодцы и водосборные каналы, возвели запруды, построили водохранилища, собирали атмосферные осадки в оврагах и балках, повышали уровень пресных озер, наращивали берега и т. д. В 1899 г. гидротехнические работы охватили Семипалатинский уезд, в 1901 — Кустанайский (Тургайской обл.), Усть-Каменогорский и Зайсанский (Семипалатинской обл.). В 1903–1904 гг. они распространились на Актюбинский (Тургайской обл.) и часть уездов Уральской обл. В итоге, осушительные и обводнительные мероприятия охватили гигантскую площадь более 1 млн кв. верст, примыкавшую на западе к Оренбург-Ташкентской железной дороге, на востоке — к Барнаульскому округу Томской губ. и на юге — к Семиреченской области и Китайской империи.

В 1895–1904 гг. водоснабжение появилось на 722 переселенческих участках, а общая длина каналов достигла 1568 верст, объем вынутого грунта составил 413,5 тыс. куб. саж. Каждая верста каналов в среднем обошлась казне в 548 р.; 1 куб. саж. земляной выемки — в 2 р.; колодец — от 140 до 300 р. Затраты ФВП на гидротехнические работы за 10 лет выросли суммой 2,5 млн руб. [12, с. V–VI, 488, 598–599, 601; 17, 1904, т. 27, л. 1687; 25, с. 321].

В последние годы накануне роспуска КСЖД экспедиция Жилинского, несмотря на высокую эффективность, испытывала нарастающие сложности с финансированием. Пик ее финансирования (230 тыс. р.) пришелся на 1897 г., а к 1904 г. финансирование уменьшилось примерно в три раза. Куломзин с горечью отмечал, что за все время существования КСЖД Жилинскому «ни разу не были даны достаточные средства не только для научной постановки общей задачи проложения триангуляционной сети для изучения орографии степи, но даже и для достижения практических целей обводнения отдельных участков» [16, с. 429].

В конце 1903 г. фактор истощения финансов сыграл решающую роль в приостановке всей программы вспомогательных предприятий, а затем и в роспуске самого КСЖД. Как минимум треть всех вопросов, рассматривавшихся в комитете за все время существования, касались организации переселений. Но распределение кредитов велось крайне неравномерно. Львиную долю (свыше 80% ассигнований) получало ведомство внутренних дел — на выдачу ссуд, врачебную, продовольственную и иную помощь переселенцам. В то же время на научно-прикладную деятельность МГИ и ряда других ведомств приходилось всего лишь

15 % кредитов, а часто и меньше. Тем не менее, следует признать, что именно эти вложения и были наиболее результативными.

Общий размер переселения в 1896–1905 г. вырос в 6,5 раз по сравнению с периодом 1885–1895 г. [11, с. 75], хотя по мнению А.А. Кауфмана, многое было «недоделано, многое несовершенно, многое проведено не с достаточной последовательностью» [14, с. 126]. Основная тяжесть обустройства на местах все равно перекладывалась на плечи самих переселенцев. В условиях низкой агротехники они «оказывались безоружными перед лицом стихийных бедствий и капризов природы» [8, с. 179], в одиночку боролись с солончаками и засухами, обмелением водоемов и заболачиванием почв. Бытовые условия жизни переселенцев и их экономическое положение в первые годы после заселения оставались крайне тяжелыми.

### Список использованной литературы и источников

1. Белянин Д. Н. Проект С.Ю. Витте по колонизации Сибири в связи со строительством Сибирской железной дороги / Д. Н. Белянин // Словесные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — нач. XX в.). — Новосибирск : Параллель, 2014. — С. 202–217.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 1 / С. Ю. Витте. — Москва : Соцэкгиз, 1960. — 636 с.
3. Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на ... год / С. Ю. Витте. — Санкт-Петербург, 1893–1903.
4. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2. Ч. 1 / С. Ю. Витте. — Москва : Наука, 2004. — 647 с.
5. Волков Д. С. О направлении Сибирской железной дороги / Д. С. Волков. — Санкт-Петербург : Тип. Э. Арнольда, 1884. — 50 с.
6. Высочайшие отметки с 1881 по 1890 г. во всеподданнейших отчетах по Сибири и Степному краю... — Санкт-Петербург, 1891. — 171 с.
7. Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. — Санкт-Петербург, 1896–1914. — Вып. 1–32.
8. Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX вв.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1967. — 412 с.
9. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грумм-Гржимайло ; под ред. Семенова П. П. — Санкт-Петербург : Типо-лит. С. М. Николаева, 1894. — 654 с.
10. Гюббенет А. Я. Отчет о деятельности министерства путей сообщения по осуществлению Сибирской железной дороги / А. Я. Гюббенет. — Санкт-Петербург, 1896. — 53 с.
11. Дорофеев М. В. Обратное переселение из Сибири (конец XIX — начало XX в.): природно-климатический аспект проблемы / М. В. Дорофеев // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — Вып. 309. — С. 75–79.

12. Жилинский И. И. Очерк гидротехнических работ в районе Сибирской железной дороги по обводнению переселенческих участков в Ишимской степи и осушению болот в Барабе. 1895–1904 / И. И. Жилинский. — Санкт-Петербург, 1907. — 837 с.
13. Карта губерний и областей, по которым пролегает намеченная Высочайшею волею Сибирская железная дорога. Вып. 1. Масштаб: 15 верст в дюйме (1:630.000). — Санкт-Петербург, 1894. — 65 л. Два комплекта карты хранятся в картографическом отделе РНБ (шифр: К-3-Сиб3-135).
14. Кауфман А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. — Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. — 443 с.
15. Коржинский С. И. Отчет об исследованиях Амурской области как земледельческой колонии / С. И. Коржинский. — Иркутск : Тип. К. И. Витковской, 1892. — 66 с.
16. Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания / А. Н. Куломзин ; сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К. А. Соловьева. — Москва : РОССПЭН, 2016. — 1038 с.
17. Материалы Комитета Сибирской железной дороги / экз. РГБ; шифр: А306-1. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1893–1904. — Т. 1–28.
18. Несколько слов по вопросу о Сибирской железной дороге. — 2-е изд. — Москва : Тип. В. М. Фриш, 1882. — 148 с.
19. Объединенный государственный архив Челябинской области. — Ф. И-221. — Оп. 1. — Д. 5 (Переписка по постройке Западно-Сибирской ж.д.).
20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. — Ф. 178 (Музейное собрание). — М. 9803 (Воспоминания А. Н. Куломзина). — Д. 6–8.
21. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1894. — 59 с.
22. Пролог русско-японской войны: материалы из архива графа С. Ю. Витте / с предисл. и под ред. Б. Б. Глинского. — Петроград : Тип. Акц. о-ва «Брокрауэ-Ефрон», 1916. — 360 с.
23. Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 400. — Оп. 1. — Д. 1110а.
24. Российский государственный исторический архив. — Ф. 1273 (Комитет Сибирской железной дороги). — Оп. 1. — Д. 1–648.
25. Саблер С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1903. — 475 с.

### Информация об авторе

*Канн Сергей Константинович* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирское отделение Российской академии наук, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: skann@yandex.ru.

### Author

*Sergey K. Kann* — PhD in Historical Sciences, Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15, Voskhod st., Novosibirsk, 630200, e-mail: skann@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.10

П.В. КУРГУЗОВ

УДК 336.74(09)

ББК 65.9(2)26-03

## ИЗ ИСТОРИИ РАСКВАРТИРОВАНИЯ 20-ГО ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ПОЛКА В ТРОИЦКОСАВСКЕ В 1908 ГОДУ

В статье на основе архивных и данных отечественной историографии анализируется ход и основные итоги расквартирования 20-го Восточно-Сибирского полка 2-го Армейского корпуса Русской Императорской армии в г. Троицкосавске (ныне г. Кяхта) в 1908–1909 гг. XX в. Анализируются основные проблемы, связанные с размещением данного воинского подразделения, последствия этого события для экономики г. Троицкосавска и одноименного уезда. Впервые вводятся в научный оборот данные о численности расцененных рядовых и офицеров полка на момент исследования (1908–1909 гг.) в Троицкосавске.

**Ключевые слова:** расквартирование воинских частей, Русская Императорская армия, Китайская империя, Монголия, г. Троицкосавск — Кяхта, Сибирские стрелковые полки, «Троицкосавские Красные казармы».

P. V. KURGUZOV

## FROM THE HISTORY OF THE QUARTERING OF THE 20TH EASTERN SIBERIAN REGION IN TROITSKOSAVSK IN 1908

Based on archival and data of Russian historiography, the article analyzes the course and main results of the cantonment of the 20th East Siberian Regiment of the 2nd Army Corps of the Russian Imperial Army in Troitskosavsk (now Kyakhta) in 1908–1909, XX century. The main problems associated with the deployment of this military unit, the consequences of this event for the economy of Troitskosavsk and the county of the same name are analyzed. For the first time, data on the number of rank-and-file and regiment officers placed at the time of the study (1908–1909) in Troitskosavsk are being put into scientific circulation.

**Keywords:** Billeting of military units, Russian Imperial Army, China Empire, Mongolia, Troitskosavsk — Kyakhta, Siberian rifle regiments, «Troitskosavsk Red Barracks».

Начало XX века для Российской империи, как великой континентальной державы, обозначило ряд глобальных геополитических вызовов, как с Востока, так и с Запада. Восточное направление в русской дипломатической и военной повестке, в силу объективных причин (недостаточная заселенность и удаленность от центральных регионов), было долгое время недостаточно эффективным. Резкое усиление им-



ператорской Японии, ее глобальное проецирование военной и экономической возрастающей мощи на соседние государства Азиатско-Тихоокеанского региона и в первую очередь Корею и Китай, неминуемо обострили российско-японские отношения вплоть до прямого военного конфликта.

Боевые действия русской армии в период Русско-Японской войны (1904–1905 гг.), имевшие особенностью растянутость коммуникаций, катастрофические потери русского военно-морского флота, сдачу главной зарубежной военной базы в Порт-Артуре, послужили хорошей возможностью для переосмысления некоторых этапов военной реформы царской России. Помимо военной составляющей переоснащения армии, изменения ее стратегии и тактике в будущих вооруженных конфликтах, подверглась реформированию область тылового обеспечения, изменения в подходах к строительству военных городков, железнодорожной и другой транспортной инфраструктуры.

В ходе проведения реформ в середине XIX в., впервые появляется военно-окружная система управления армии. В 1865 г. возникает Восточно-Сибирский военный округ. В дальнейшем, в 1884 г. в целях оптимизации управления он был разделен на Иркутский и Приамурский военные округа. В 1906 г., именно Приамурский и Иркутский военные округа в силу своей географии стали основной базой для возвращения и расквартирования боевых частей с театра военных действий в период после русско-японской войны 1904–1905 гг.

Одними из наиболее боеспособных частей русской регулярной армии были сибирские стрелковые полки, входящие в армейские корпуса Приамурского военного округа. В годы войны на полях Маньчжурии, в составе гарнизона Порт-Артура они храбро сражались с неприятелем, мужественно перенесли все тяготы и невзгоды русско-японской военной компании. На территории нынешней Бурятии части 2-го корпуса были выведены из Китая и размещены недалеко от г. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), в военном городке Нижняя Березовка (сейчас станция Дивизионная) в феврале 1906 г. В составе 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии находились две бригады из четырех стрелковых полков. Один из этих полков из состава 2-ой бригады, а именно 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, летом 1907 г. был передислоцирован в приграничный Троицкосавск.

Выбор этого города в качестве стоянки полка был определен, не случайно, и имел чрезвычайное военно-политическое значение. Троицкосавск находившейся на границе Монголии, был в то время небольшим городком и, тем не менее, был фактически основным торговым и политическим окном Российской империи в эту азиатскую страну, находящуюся под властью Цинского Китая.



Главным фактором, определявшим положение тогдашней Монголии, было многовековое геополитическое противоборство России и Китая, носившее как историческое, так и общечеловеческое значение. Монголы, как народ оказались в начале XX века разделенными на две части, Внутреннюю и Внешнюю Монголию находившимися под властью Китая. При этом Внутренняя Монголия, более интегрированная, в экономику Поднебесной была гораздо ближе к Китаю, чем Внешняя Монголия, сохранившую свою культурную и политическую самобытность и тяготевшей к России. Кроме этого, Халха (Внешняя) Монголия была связана с соседней Бурятией общей религией (ламаистский буддизм), взаимным паломничеством, скотоводческой экономикой, гуманитарными и культурными потоками. Важным фактором российского проникновения в Монголию был также рост взаимной торговли, в начале XX в. составившей почти 17 млн. р. и увеличившейся по сравнению с серединой XIX в. в 80 раз [3, с. 46].

Поражение России в русско-японской войне стало дополнительным фактором для активного наступления Китая в монгольском направлении. Все это, как и все возрастающая китайская культурно-экономическая экспансия в Монголии, требовала от России быть готовой к защите экономических, политических и гуманитарных интересов двух приграничных (монгольского и российского) народов.

Именно поэтому размещение здесь полноценного воинского регулярного соединения было чрезвычайно своевременно. В подтверждении этого служит мобилизационное предписание от 1910 г. войскам Иркутского военного округа на случай войны с Китаем или Японией, содержащее приказ задействовать для занятия Маньчжурии части 2 и 3-го армейских корпусов и части Забайкальского казачьего войска. В предписании говорилось: «Первоначальные наши задачи на Дальнем Востоке должны состоять в немедленном занятии Северной Маньчжурии и выдвигении отряда в Ургу, для поддержания в населении северных хошунов Монголии тлеющего недовольства к Китаю и занятия Урянхайской земли» [5, с. 81]. В этом случае передовые части 20-го полка, расквартированные в 6 километрах от монгольского Маймачена, несомненно, должны были сыграть роль боевого авангарда при вступлении в пределы Монголии. Артиллерийскую поддержку полку должна была оказывать 2-я Забайкальская артиллерийская батарея, переведенная осенью 1908 г. из Читы и дислоцированная в соседней Усть-Кяхте.

В 1908 г. помимо уже указанного 20 полка и 2 казачьей батареи, в Троицкосавске с его двумя слободами Кяхта и Усть-Кяхта, должен был также разместиться 1-й Верхнеудинский казачий полк.

Дислокация таких крупных воинских подразделений в небольшом городке, каковым был в то время провинциальный Троицкосавск, (вме-

сте с обитателями двух его слобод Кяхты и Усть-Кяхты, население едва составляло 10 000 человек), было огромным событием для его жителей. Ведь начиная с 1903 г., в силу объективных причин (изменением логистике по доставке чая через Суэц и открытия транспортного коридора через порт Одесса, запуском Транссиба), экономика купеческой Кяхты — Троицкосавска стала стремительно деградировать. В воспоминаниях известного русского прозаика и общественного деятеля, зятя кяхтинского купца А.М. Лушникова И.И. Попова, связанных с его приездом летом 1909 г. в Троицкосавск указывалось: «Песчаная Венеция и Троицкосавск утратили свою былую физиономию. Не стало ни чаев, ни караванов... Под самой Кяхтой попались мне воза с бревнами, которые везли монголы на постройку русских казарм. Кяхта из купеческой стала военной. Навстречу то и дело попадались солдаты, слышен был барабанный бой, звуки рожков. На бульваре и в общественном саду разгуливали офицеры с дамами. Многие купеческие дома были обращены под постой солдат. По улицам вместо кяхтинских пролеток, запряженных рысаками, и обоза чаев громыхали солдатские повозки» [4, с. 327].

Поэтому, приток государственных (военных) денег в местный бюджет, несомненно, сыграл положительную роль в экономике Троицкосавского уезда и его центра. Кроме этого, выделенные через год многомиллионные субсидии на постройку военного городка («Троицкосавских Красных казарм»), позволили не только обеспечить работой население Кяхты, да и всего уезда, но и существенно диверсифицировали экономический уклад этого провинциального сибирского городка. В рамках строительства был привлечен трудовой и экономический потенциал всей Восточной Сибири. Известен факт, что под это строительство были специально построены кирпичный завод, производящий свою продукцию в массовом порядке [1, с. 53]. Переформатировали свое дело и многие кяхтинские купцы, открыв многочисленные лавки и магазины с сугубо строительной спецификой товарного фонда (гвозди, краска, железо, олово, свинец, проволока, слесарный и рабочий инструмент, эмалированная посуда, шорные и скобяные изделия и пр.), как это сделал, например известный в Кяхте, чаеоторговец, Я. Н. Барбот-де-Марни [2, ф-261, оп. 1, д. 1171, л. 406].

С другой стороны, данное расквартирование предполагало в силу неподготовленности его квартирного фонда огромные проблемы для местных чиновников и жителей. Положение властей усугубило и то, что уведомление о размещении всего полка и батареи поступило в местную управу за 4 месяца до прихода частей в город, в марте 1908 г. И хотя солдаты 1-го батальона были переведены в Троицкосавск гораздо раньше этого срока, можно предположить, что местные власти были уверены, что этим перемещением дело и закончится.

Вскоре после получения депеши о прибытии полка в августе 1908 г., в Троицкосавске 16 марта этого же года состоялось секретное совещание с участием начальника гарнизона Троицкосавска полковника Трухина, представителей местной администрации, части депутатов и местного купечества. В конце совещания, после жарких споров и дебатов, была принята резолюция, в которой признавалось, что расквартирование полка в слободе Кяхта нежелательно из-за проблем с питьевой водой из местной речки, которая негодна для варки и приготовления пищи. Колодцев же и двух природных ключей едва хватало на жителей слободы, (их на тот момент жило 350 человек), сооружение же новых, не обещало притока достаточного количества воды. Что же касается, непосредственно Троицкосавска, то указывалось, что существующих четырех питьевых ключей, едва хватило бы на жителей города и один батальон полка. При возникновении же эпидемических болезней, в случае закрытия двух из этих ключей, ситуация грозила быть катастрофической.

Интересно, что на этом совещании также рекомендовалось создать будущий военный городок для полка и батареи (будущие «Красные казармы»), не в районе Троицкосавска, а в районе Усть-Кяхты на берегу Селенги, в 23 верстах к северу от города. Кроме этого, большую часть 1-го Верхнеудинского казачьего полка планировалось разместить в деревнях и станицах уезда, на расстоянии 45 верст от города. Основным местом дислокации должна была стать станица Большая Кудара [2, ф-261, оп. 1, д. 1107, л. 3, 3 об.].

На предложение о размещении 2-й казачьей батареи в Усть-Кяхте, большинство из присутствующих отреагировало крайне отрицательно. Соображения их базировались на том, что: «Размещение батареи в слободе Усть-Кяхта нежелательно и является последней крайностью. Помещения (здесь) крайне малы и разбросаны на площади около 3 квадратных верст и батарея в них не разместится — будет мало места. Разбросанные помещения немислимы для батареи. Она нуждается в постоянном неослабном надзоре для восстановления внутреннего порядка, возможном лишь при сосредоточенном ее размещении...» [2, ф-261, оп. 1, д. 1107, л. 1 об.]. Действительно, численность батареи была достаточно внушительна, она включала в себя 184 нижних чина, при штатном числе 210, плюс 5 человек казенной прислуги. Все это перевозилось на 31 повозке интендантского обоза 179 лошадьми [2, ф-261, оп. 1, д. 1145, л. 101].

Для проверки будущего места расквартирования полка, 18 июля 1908 г., в Троицкосавск парохомом «Серафим», прибыла комиссия во главе с командиром 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенантом Алиевым [Там же, д. 1107, л. 18].

19 июля состоялось заседание комиссии, на котором присутствовал указанный выше ее председатель Алиев, командир 20 полка полковник

Левицкий, Троицкосавский Полицеймейстер Титулярный советник Урусов, Городской голова Коллежский советник Шишмарев, от 1 военного отдела Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) есаул Куклин, Кяхтинский пограничный комиссар Статский советник Генке и др.

В итоговом документе заседания комиссии указывалось, что в соответствии с предписаниями командующего округом от 21 мая 1908 г. за № 93, командира 2-го Сибирского Армейского округа от 28 мая 1908 г., за № 2760 и телеграммы Военного губернатора Забайкальской области от 2 июля 1908 г., за № 456, комиссией были осмотрены в Троицкосавске и слободе Кяхта предназначенные для расквартирования 20-го полка здания, как общественные, так и частные. Были определены конкретные места для размещения всех четырех батальонов полка, его команд, нестроевых подразделений, приказано срочно построить конюшни на оставшихся без помещений 288 лошадей и пр. [2, ф-261, оп. 1, д. 1107, л.19].

При анализе документов становится ясно, что основным квартирантом Троицкосавска и Кяхты стал 20-й полк, для 2-й Забайкальской батареи, прибывающей в гарнизон немного позднее, осенью 1908 г., места тут не оставалось. В дальнейшем она была все-таки размещена в слободе Усть-Кяхте. Что касается казаков 1 Верхнеудинского полка, то его первая сотня разместилась в Троицкосавске в доме А.П. Евтюгина [2, ф-261, оп. 1, д. 1171, л. 359], остальные по станицам Троицкосавского уезда (2-я сотня в станице Кударинская, 3-я в слободе Усть-Кяхта [Там же, д. 1107, л. 1].

Как уже указывалось выше, первым, ориентировочно, в декабре 1907 г. — январе 1908 г., в Троицкосавск прибывает 1 батальон 20 полка (командир, подполковник Н.В. Новиков). Размещение батальона первоначально было определено в здании бывшего Воинского Управления. Первое документальное свидетельство о размещении батальона, появилось в форме рапорта командиру полка 21 февраля 1908 г. [2, ф-261, оп. 1, д. 1106, л. 1 об.]. Примерно, в конце мая — начале июня 1908 года в город прибывает конно-охотничья команда, прикрепленная к 1 батальону под командованием поручика Крыжановского А.О. [2, ф-261, оп. 1, д. 1132, л. 25].

По штатам того времени 20-й Восточно-Сибирский полк состоял из 4 батальонов и соответственно 16-ти стрелковых рот, в каждой роте числилось 192 стрелка, всего в одном батальоне 768 человек. В составе полка находилась также нестроевая рота числом 246 человек, пулеметная команда (25 человек), полицейская (23 человека), конно-разведческая (127 разведчиков) и учебная команды. По делопроизводственным документам полковой канцелярии штатный состав полка составлял 3343 человека, в который входила также казенная прислуга в 77 человек [2, ф-216, оп. 1, д. 1145, л. 88].

Лошадей в полку числилось 319. Из них в конно-охотничьей команде 162, обозных лошадей — 100, у конных ординарцев — 13, в пулеметной команде — 10. У командира полка, в оружейной, у полкового адъютанта, казначея, священника, завхоза по одной лошади, у командиров батальонов — 4, у батальонных адъютантов — 4 и у ротных командиров еще 16. Были еще лошади у некоторых младших офицеров [2, ф-261, оп. 1, д. 1107, л. 46–46 об.].

Обозных двуколок за полком числилось 170 шт. [2, ф-216, оп. 1, д. 1145, л. 16]. Здесь надо отметить, что реальная численность полкового состава незначительно колебалась в ту или другую сторону в рамках исследуемого периода (1908–1909 гг.).

Офицерский состав полка был следующим: командир полка (полковник), четыре командира батальона (также подполковники). Младших штаб-офицеров подполковников двое, командиров рот (капитанов) — 16, штабс-капитанов — 2. Должностных офицеров — 8, младших офицеров — 38, врачей — 5 (старших — 1, младших — 4). Делопроизводитель по хозяйственной части — 1, полковой священник — 1.

Сержантский (младшие солдатские командиры) имели следующий состав: строевые нижние чины (фельдфебелей — 17, каптенармусов — 19, старших унтер-офицеров — 65, младших — 226).

Музыкантская команда (хорные музыканты): старших унтер-офицеров — 1, младших — 10, рядовых — 24, полковых горнистов — 1, ротных — 32.

Рядовой состав: стрелков — 2 496 человек, ефрейторов — 256.

Итого: строевых нижних чинов 3 147 человек. Вольноопределяющихся — 16.

В нестроевую часть входили писари, из них один полковой писарь и 9 батальонных (4 старших и 5 младших). В медицинской части 22 фельдшера (1 старший, 4 младших, 1 аптечный, 16 ротных, также был один младший ветеринар, 14 фельдшерских учеников, один больничный надзиратель, лазаретных служителей — 4). Также был один церковный служитель, (помощник полкового священника), один оружейный мастер, два закройщика и снаровщика, 15 мастеровых и 100 обозных рядовых [2, ф-261, оп. 1, д. 1107, л. 43–44, вкл. об.].

Для осуществления бесперебойного питания военнослужащих полка в Троицкосавске и слободах ежегодно устраивались торги на поставку продуктов с октября по август месяц, которые включали в себя: 4 000 пудов квашеной капусты, 800 пудов свеклы, 800 пудов моркови, 1 400 пудов лука, 200 пудов чеснока, 10 000 пудов картофеля, 30 000 огурцов соленых в специальных бочках и др. [2, ф-216, оп. 1, д. 1106, л. 93 об., 94].

Через два года после начала массового обустройства полка в Троицкосавске-Кяхте, местный городской голова И.П. Шишмарев в своей

докладной записке Иркутскому Генерал- губернатору (исх. № 135 от 26 июня 1910 г.) писал: «Назначенный на постоянное квартирование в г. Троицкосавске, согласно Высочайше утвержденной дислокации, 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, прибывший сюда 24 августа 1908 года, размещается казарменным порядком в г. Троицкосавске:

1. В казарменных зданиях (1-й батальон, нестроевая рота), (т.н. «Белые казармы», здания бывшей Таможни).

2. В городских общественных зданиях, как то: в здании амбулаторной лечебницы и в бывшей мастерской Токмакова, в которой помещается пулеметная команда и в частных зданиях (всего 20 домов), специально нанятых Городским Общественным Управлением — в коих расквартирован 2-й батальон; в слободе Кяхте размещаются также еще 2 батальона, из них один батальон — в зданиях ширельного двора, принадлежащих Кяхтинскому Купеческому Обществу и частным лицам и еще один батальон в домах нанятых городом и отведенных принудительным порядком, принадлежащих Купеческому обществу и частным лицам: в домах этих размещены 4 роты 4-го батальона, учебная команда, музыкантская и конно-разведческая команды, лазарет и штаб полка.

Помещения под обоз полка и склады отведены за городом в собственных его зданиях (выстроенные методом самостроя из дерева, прим. автора). О приходе полка город был оповещен поздно, только за 4 месяца до прибытия его и был, поэтому за краткостью времени не подготовлен к расквартированию его. Особые условия города, его небольшие размеры, малочисленность крупных зданий особенно затрудняли расквартирование, и только принятие энергичных мер по отношению к домовладельцам дало возможность расквартировать полк на первый год. Относительно удобные, нанятые и отведенные городом, здания при всем желании Городского Общественного Управления приспособить их в специальные казарменные помещения, не смогли достигнуть цели, так как устройство зданий не позволяло подобного приспособления.

Главное неудобство расквартирования полка в г. Троицкосавске заключается в разбросанности зданий друг от друга, в коих размещены части полка. Пойти и нанять несколько крупных зданий, в каком-либо участке города, чтобы сконцентрировать в них одну крупную часть полка положительно невозможно, так как в Троицкосавске преобладают постройки небольшого типа. В заречной части города, например, только 10 зданий из 200, которые могут назваться сравнительно большими, остальные же построены по одному деревянному типу и представляют собой небольшие, не более 4-х комнат, низкие дома, в коих размещение нижних чинов казарменным порядком немыслимо. В слободе Кяхта расквартирование войск является еще более затруднительным, благодаря малочисленности зданий. Если в данное время полк в составе 2-х батальонов со штабом и лазаретом раз-

мещается с некоторыми стеснениями, то в последующие годы, впредь до вывода полка в собственные казармы, размещение квартирующих в Кяхте частей будет еще затруднительным, так как домовладельцы, по отбыванию годовой очереди, будут отказываться в отдаче помещений, а если и будут отдавать их в наем городу, то на условиях повышенной арендной платы, вследствие чего может, быть придется некоторые части вывести из Кяхты разместив их в Троицкосавске. Дело улучшения расквартирования возможно при условии, если Правительство придет на помощь с материальной помощью, благодаря коей явилась бы возможность выстроить на время, особые помещения хотя бы для размещения первого батальона. Одновременно необходимо также повышение г. Троицкосавска из разряда местностей по платежу квартирных окладов за наем помещений нижних чинов и окладов за отопление, освещение, а также окладов по платежу квартирных денег офицерам, из разряда в коим он находится (с 1 января 1908 г.) на разряд выше, так как при дороговизне квартир и обстоятельствах вытекающих из особенностей местных бытовых условий существующий оклад, получаемый за нижних чинов, очень недостаточен.

В заключение сего доклада позволяю себе высказать надежду, что г. Троицкосавск при возбуждении им в виду исключительности его положения, в установленном порядке ходатайства о переводе его в высший разряд местностей по платежу квартирных окладов за нижних воинских чинов, а также о повышении окладов по платежу квартирных офицерским чинам и при испрошении материальной помощи на постройку временных казарм, встретить в особе Вашего Высокопревосходительства защитника его интересов и нужд в столь тяжелое переживаемое им время упадка материального положения и вообще благосостояния — и многозначашее содействие и поддержку к разрешению его ходатайства в желаемом им смысле» [2, ф-261, оп. 1, д. 1132, л. 4–6, вкл. об.].

Немного ранее, 23 сентября 1909 г., отвечая на запрос из Читы, с жалобами на условия размещения полка, тот же Городской голова Троицкосавска отвечал: «Господину Военному Губернатору Забайкальской области. Промедление ремонта вышло частью из-за того, что в г. Троицкосавске и слободе Кяхта частями войск занимают городские казармы и около 50 общественных и частновладельческих домов, не считая слободы Усть-Кяхты, в которых требовался крупный ремонт, произвести который за короткий трех месячный летний период произвести было невозможно, из-за недостаточности в городе рабочих рук. Кроме того, почти целый июль и часть августа непрерывно лил дождь. В настоящее время ремонт закончен» [2, ф-261, оп. 1, д. 1171 «а», л. 381].

Таким образом, как это видно из ведомственной переписки и многочисленных обращений (жалоб) со стороны полковых подразделений в местную городскую администрацию, размещение полка сопровожда-



лось непродуманностью (нужно признать объективной, так как отсутствовали собственные казармы, а размещаться было необходимо) и огромными неудобствами для всех сторон.

Конфликтные ситуации продолжались на протяжении всего срока пребывания полка в Троицкосавске, до переезда его подразделений в новые «Красные казармы» — военного городка, построенного на окраине Троицкосавска в 1910–1912 гг. Это и поныне сохранившийся комплекс зданий из красного кирпича, расположенных по обеим сторонам пограничного тракта, направлением на монгольский Маймачен (ныне г. Алтан–Булаг), числом порядка 20-ти, в том числе имевшихся нескольких больших двухэтажных и одноэтажных казарм, с отдельным зданием офицерского собрания, полковой церкви Михаила Архангела, электростанцией, баней, хлебопекарней, большим количеством складских помещений, колодцев, каменных капустников и прочими строениями. Возведенные в рекордно короткие сроки эти казармы, окончательно разрешили все проблемы квартирования воинских частей полка, вплоть до его ухода в 1914 г. на фронт Первой мировой войны.

### Список использованной литературы и источников

1. Авилов Р. С. «Комиссии предстоит возвести...». Опыт организации работы войсковых строительных комиссий в Иркутском военном округе в 1908–1910 гг. / Р. С. Авилов // Известия лаборатории древних технологий. — 2016. — № 1 (18). — С. 42–62.
2. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 216. — Оп. 1; Ф. 261. — Оп. 1.
3. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — Москва : Изд-во «Огни», 2003. — 320 с.
4. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. — 384 с.
5. Рощупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX — начале XX веков: формирование, специфика и деятельность / Ю. М. Рощупкин. — Иркутск : изд-во ВСИ МВД России, 2003. — 208 с.

### Информация об авторе

*Кургузов Павел Владимирович* — независимый исследователь, 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, абонентный ящик 3904, e-mail: bpnf1968@bk.ru. Тел. 89025641582.

### Author

*Pavel V. Kurguzov* — Independent Researcher, 670047, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, PO Box 3904, e-mail: bpnf1968@bk.ru. Tel. 89025641582.



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.11

*А.М. КУРЫШОВ*

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

## **К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА ЭВЕНКОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Статья посвящена процессам изменения традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в XVII – начале XX вв. Рассматриваются предварительные условия объективного по отношению к системе традиционного хозяйства характера, которые сделали возможной такую ее трансформацию, которая привела на рубеже XIX–XX вв. к угрозе ассимиляции эвенков соседними народами. Делается вывод о том, что такими условиями стали влияние хозяйственных традиций русских и бурят, незаконченность этногенеза эвенков, колониальная политика российского правительства и развитие капиталистических отношений в Сибири (в XIX – начале XX вв.).

**Ключевые слова:** Прибайкалье, эвенки, традиционное хозяйство, присоединение Сибири к России, трансформация традиционного хозяйства.

*A.M. KURYSHOV*

## **TO THE QUESTION OF FACTORS OF TRANSFORMATION OF TRADITIONAL ECONOMY'S SYSTEM OF THE PRYBAYKAL EVENKS IN THE XVII — EARLY XX CENTURIES**

The article is devoted to the processes of changing the traditional economy of the Evenks Pribaikalye in the XVII – early XX centuries. Objective preconditions are considered which made possible the transformation of the traditional economy, which led to the threat of assimilation of Evenks by neighboring peoples at the turn of the XIX–XX centuries. It is concluded that the conditions were influenced by the economic traditions of the Russians and the Buryats, the incompleteness of the Evenk ethnogenesis, the colonial policy of the Russian government and the development of capitalist relations in Siberia (in the XIX – early XX centuries).

**Keywords:** Pribaikalye, Evenks, traditional economy, Russian conquest of Siberia, transformation of traditional economy.

Вопрос о трансформации традиционного хозяйства эвенков (тунгусов) Прибайкалья, наблюдаемой в XVII — начале XX вв., тесно связан с проблемой физического сохранения этого этноса. Впрочем, как и любого другого, — мы исходим из той позиции, что традиционное хозяйство является важным признаком идентификации этноса, а его эволюция

есть одна из важнейших детерминант этногенеза. Это справедливо по меньшей мере для того этапа развития человеческих общностей, когда они, находясь на относительно невысоком уровне технологического развития, не могли серьезно влиять на окружающую среду, а вынуждены были сами приспосабливаться к ней. В связи с этим изучение механизма трансформации традиционного хозяйства представляет собой большое значение для осмысления процессов развития этноса.

Здесь необходимо немного отвлечься от основной темы и определить некоторые термины, используемые автором, и методологические принципы, ставшие базисом настоящей работы. Во-первых, под *традиционным хозяйством* мы понимаем не простую совокупность хозяйственных традиций, например, технологий добывания и приготовления пищи, пошива одежды, использования тех или иных орудий труда и т.п., которая характеризует ту или иную «историко-культурную область», и даже не т.н. «хозяйственно-культурный тип», т.е. комплекс особенностей материальной и духовной культуры, исторически сложившийся под влиянием естественно-географических условий (т.е., по сути, ту же совокупность хозяйственных традиций, но «освященной» особым «способом производства»), как принято в этнографии. Не близко нам и понимание «традиционной экономики» как этапа хозяйственной эволюции или «отсталой» формы хозяйства в трактовке многих экономистов.

В обоих случаях традиционное хозяйство рассматривается как статическая модель, вне контекста одновременно эпохи и общества, частью которых оно является. Мы предлагаем рассматривать традиционное общество как систему, т.е. динамическую модель, элементами которой выступают хозяйственные традиции населения, а системообразующим фактором — зависимость способа природопользования от окружающей среды. Способ природопользования в данном случае — это комплекс методов извлечения из природы тех материальных ресурсов, которые используются для поддержания физического существования общности: различные виды собирательства, охоты, животноводства и растениеводства. Структуру системы, т.е. связи между элементами, определяют следующие общественные отношения: приспособление хозяйственной деятельности под окружающие природные условия (цель — удовлетворение потребностей, а не потребление благ само по себе); натуральный характер хозяйства (цель — воспроизводство населения, а не перманентный рост благосостояния сам по себе); примат общественных экономических интересов над индивидуальными (цель — ограничение проявления индивидуализма, поскольку он противостоит интересам общества в целом); комплекс экологических традиций (цель — разумное использование природных ресурсов в интересах физического сохранения общности). Во-вторых, под *трансформацией традиционного хозяйства* мы

понимаем не революцию, не смену «способа производства», не переход его на новый, более «высокий» уровень, не превращение его в некую новую систему, а эволюцию (не обязательно связанную с технологическим прогрессом) имеющейся системы. При смене внешних условий (изменение окружающей среды (в результате природных катаклизмов или смены ландшафта в ходе массовых миграций), критические колебания численности популяции (в результате эпидемий или вооруженных конфликтов), влияние соседей и т.п.) система традиционного хозяйства также изменяется, эволюционирует, — трансформируется способ природопользования, но сохраняется структура (т.е. выше перечисленные типы связей). Однако если рядом с этнической группой оказываются гораздо более многочисленные соседи с таким же способом природопользования, это может повлечь за собой ассимиляцию искомой этнической общности. Именно так некоторые территориальные группы прибайкальских эвенков исчезли на глазах исследователей на рубеже XIX–XX столетий, смешавшись с бурятами, якутами и русскими. При трансформации внутренней структуры (что обязательно связано с изменением целеполагания экономической деятельности) система некоторое время может существовать, но только до тех пор, пока сохраняется зависимость способа природопользования от окружающей среды. Затем она неизменно разрушается, а этнос — ее носитель — теряет важнейший фактор своей самоидентификации. Именно это грозило эвенкам в связи с переходом их территориальных групп на товарное хозяйство.

Возвращаясь к предмету нашей работы необходимо заметить, что вопросы, связанные с изменениями хозяйственных традиций прибайкальских эвенков, не раз и не два освещались как в специальных, так и в обобщенных трудах специалистов-исследователей (имеются в виду не сугубо описательные работы — таких довольно много, — а те, в которых получают развитие и теоретические идеи) — С.К. Патканов [21; 22; 23], С.М. Широкогоров [40], Б.О. Долгих [12], Г.М. Василевич [3], В.А. Туголукова [36], М. Г. Турова [38], А. С. Шубина [41], М.В. Рагулиной [25], А.А. Сириной [33; 34] и многих других, подробно рассмотревших направления, масштабы, территориальную специфику, причины и последствия этих изменений. Однако, во-первых, исходя из предложенной модели, мы должны рассматривать не развитие (варианты — появление, исчезновение) тех или иных хозяйственных традиций самих по себе, а трансформацию традиционного хозяйства в контексте *изменения системы*, т.е. — либо изменения способа (способов) природопользования, либо — изменения структуры традиционного хозяйства. Во-вторых, нас интересуют *предпосылки* таких изменений, т.е. предварительные условия, которые и сделали возможной трансформацию традиционного хозяйства, повлияли на ее начало самим фактом своего наличия (в отличие от

причин, которые сделали такую трансформацию неизбежной). Выявление этих предпосылок относительно традиционного хозяйства прибайкальских эвенков, несмотря на их немногочисленность (в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. проживало лишь 3,04 % российских тунгусов [рассчитано по: 31, с. 29–30]), может быть одной из основ для научного анализа подобных процессов, наблюдаемых в других группах эвенкийского (и не только) населения, поскольку прибайкальские территориальные группы эвенков сильно отличались друг от друга по способам природопользования, которые могут рассматриваться в качестве типичных для коренного населения Сибири.

Эвенки в момент появления русских в Восточной Сибири (начало XVII в.) занимали обширные пространства, являясь самым широко расселившимся по Сибири народом. В частности, в Прибайкалье (территория современной Иркутской области) они жили на среднем течении Верхней Тунгуски (Ангары), в верховьях Лены, Нижней Тунгуски и Подкаменной Тунгуски, на побережье Байкала, в Тункинской долине и по восточным предгорьям Саян. Буряты в это время только начинали заселять этой край, занимая вкраплениями степные и лесостепные районы вдоль Ангары и между верхней Ангарой и верхней Леной, на севере доходя до современного Братска [11, с. 80–81 (карта)]. Уже тогда отдельные группы эвенков (тунгусов), имея четко очерченные территориальные границы «родов» (насколько тунгусский «род» соответствует укоренившемуся в науке пониманию этого термина — отдельный вопрос), сильно отличались друг от друга хозяйственным укладом [19, с. 256–257]. Лишь часть из них были таежными охотниками-оленоводами («оленные» тунгусы), — у отдельных групп был распространен пушной промысел (с использованием оленя как ездового животного), разведение лошадей и крупного рогатого скота (у «конных» и «скотных» тунгусов на верхней Лене), рыболовство и звероловство (у «пеших» ангарских тунгусов, живущих по соседству с бурятами) [Там же, с. 257–258].

Таким образом, уже для XVII в. мы отмечаем два важных факта: 1) территориальные группы прибайкальских эвенков различались по способу природопользования; 2) пушной промысел, не имеющий отношения к традиционному хозяйству как к таковому (поскольку прямо не связан с необходимостью физического сохранения этноса и является признаком товарного хозяйства), уже получил распространение у эвенков. Пушной промысел был обусловлен торговыми связями эвенков с бурятами — те предоставляли тунгусам за соболя просо и гречиху [19, с. 265]. Скорее всего, это было характерно для тунгусских групп, постепенно ассимилируемых бурятами на юге Предбайкалья и не было широко распространенным явлением. Что касается наличия у тунгусов скотоводства, то этот факт, по-видимому, следует признать следствием

приспособления территориальных групп к конкретным условиям окружающей среды (они это в Прибайкалье позволяли — здесь наблюдается большое разнообразие ландшафтных зон) под влиянием либо соседей-бурят, к XVII в. прочно закрепившихся в Приангарье и на верхней Лене и составивших сформировавшийся народ, либо древних хозяйственных традиций, сохранившихся у эвенков от их предков (если принять к сведению гипотезу о происхождении тунгусов с Приамурья или из Забайкалья). Дискуссионным остается вопрос о том, насколько у прибайкальских групп эвенков было развито оленеводство. Среди исследователей XIX — начала XX вв. бытовало мнение, оленеводство — это характерная черта эвенков (в том числе — прибайкальских), а безоленные тунгусы — это обедневшие представители эвенкийских родов. А.П. Окладников, вслед за С.К. Паткановым, подверг этот тезис критике, считая, что «пешие» тунгусы — это не деградировавшие оленеводы, а носители иной, более древней, чем оленеводческая, хозяйственной традиции [19, с. 258]. Г.М. Василевич, как нам представляется, убедительно доказала, что у западных тунгусов (и прибайкальских — в частности) оленеводство («эвенкийский» его тип, по терминологии Г.М. Василевич) распространилось уже после того, как они, будучи пешими охотниками и рыбаками, заселили тайгу [2, с. 7]. Таким образом, русские, познакомившись в Прибайкалье с тунгусами в XVII в., застали тот момент, когда у них происходила смена способа природопользования — из преимущественно пеших охотников и рыбаков (помнящих еще коневодческую и скотоводческую традицию своих то ли забайкальских, то ли приамурских предков), они превращались в оленеводов. Под чьим влиянием произошла эта трансформация — восточных соседей и родственников ороченов или саянских самодийцев, как доказывал С.И. Вайнштейн [1] — это уже другой вопрос. Важно, что освоение тунгусами огромных таежных пространств вряд ли было бы возможно, если бы они оставались пешими охотниками и рыбаками.

Предварительные условия перехода западных эвенков к оленеводству в тайге и коневодству и скотоводству в степных и лесостепных зонах Прибайкалья, наблюдаемого в XVII в., сводятся к двум моментам. Первый момент — это влияние соседних этнических групп: в плане оленеводства — восточных эвенков, которые некоторыми исследователями для XVII–XVIII столетий, когда эвенкийский народ еще не сложился окончательно, идентифицируются как отдельный этнос [см., напр., 20] и/или самодийских саянских этнических общностей, в плане скотоводства и коневодства — бурят. При этом нельзя исключить, что новоявленными оленеводами становились не собственно тунгусы, а некие местные коренные группы, постепенно перенявшие язык и хозяйственные традиции пришельцев; пока невозможно установить, являлись ли «тунгусы»,

известные русским в XVII столетии, «тунгусами» несколькими десятилетиями ранее (в этом смысле показателен пример кетов-асанов, которые были поглощены тунгусами на глазах первых русских землепроходцев [35, с. 131]). Второй момент — это аморфность эвенкийской общности вообще и той ее части, которая населяла Прибайкалье. Отмечается, что русские, осваивавшие Восточную Сибирь, не называли всех жителей тайги, ныне именуемых эвенками, «тунгусами», предпочитая использовать «родовые» именованья (налягиры, шилиагиры, шамагиры и т.п.), при этом различия хозяйственного уклада увязывались с различиями этническими [19, с. 258]. Уже в XX столетии у эвенков еще не было ни общего самоназвания, ни общего языка (три наречия, 15 диалектов, 50 говоров) [13, с. 99]. По мнению авторитетного ученого, специалиста по истории и хозяйству эвенков М.Г. Турова говорить о сложившемся эвенкийском народе можно лишь для 90-х гг. XX столетия [37, с. 255–256]. Слабая степень этнической консолидации эвенков, на наш взгляд, в том числе была следствием отсутствия характерного хозяйственного уклада, что облегчало трансформацию традиционного хозяйства.

В XVIII столетии прибайкальские эвенки фиксируются в целом в тех же районах, что и ранее, однако значительную часть их прежних земель уже занята бурятами (почти вся Тункинская долина, восточные предгорья Саян, западный берег Байкала), а к концу этого столетия тунгусские земли стали уже островками среди земель русских и бурятских, лишь на севере региона охватывая значительные и очень малонаселенные территории. И.Г. Георги, исследовавший эвенков во второй половине XVIII в., отмечает достаточно условное разделение тунгусов по роду их занятий на «степных» и «лесных», а «лесных» — на «оленоводствующих», «звероловствующих» и «рыбную ловлю производящих», замечая, что также они могут быть разделены на «конных» (надо думать — соответствующих «степным» в предыдущей классификации), «оленьих» и «собачьих» (к последним относятся звероловы и рыболовы) [4, с. 39], при этом замечает, что тунгусы-звероловы и тунгусы-рыболовы — суть одни и те же люди: летом они ловят рыбу, а зимой бьют зверя. Определяя места проживания «оленьих» тунгусов, И.Г. Георги не называет Приангарье, верхнюю Лену или западный берег Байкала, помещая их восточнее этого района, о «конных» сообщает, что они живут в забайкальских степях, считая, видимо, таким образом приангарских и верхнеленских тунгусов звероловами и рыболовами. Впрочем, такие тунгусы могли иметь и небольшое число оленей: если зверолов-тунгус богател, то он заводил оленей, а обедневший оленевод, наоборот, становился исключительно звероловом и рыболовом [4, с. 40, 42]. Такой тип оленеводства Г.М. Василевич назвала «эвенкийским», он характеризовался использованием оленя почти исключительно как вьючного

животного и небольшими оленьими стадами (при этом на зиму оленя отпускали в тайгу), оленеводство в этом случае подчинялось нуждам охоты [2, с. 4]. Однако оленеводами «эвенкийского» типа, надо думать, становились не все тунгусы. Уже в это время какая-то часть приангарских и верхнеленских тунгусов по-видимому начинает оседать в русских селениях [36, с. 138], заводит коров и лошадей и переходит на пушную специализацию — пушшиной платился ясак. Некоторые тунгусы вовсе забрасывают охоту, занимаясь земледелием и скотоводством [39, с. 637] и предпочитая выменивать пушнину у своих охотящихся соплеменников [36, с. 138–139]. Не последнюю роль в процессе хозяйственной, а потом и этнической ассимиляции прибайкальских эвенков соседями-бурятами играла, судя по всему, ясачная политика русских властей, — стремясь уйти от тяжелого ясака, тунгусы причисляли сами себя к бурятам, для которых ясак был в пять раз меньшим [Там же, с. 130].

Таким образом, для XVIII столетия мы отмечаем следующие факты: 1) сохраняется дифференциация различных этнических групп прибайкальских эвенков по способу природопользования, но теперь она, во-первых, носит более или менее четкий «географический» характер — северные прибайкальские группы (верховья Нижней Тунгуски, течение Лены севернее Усть-Кута) занимаются охотой и оленеводством (имеющим второстепенный характер), а южные (верховья Лены, Прилимье), переходят на характерное для соседей (русских и бурят) хозяйство, во-вторых — характеризуется распространением у некоторых групп эвенков нового способа природопользования — земледелия (в принципе, для эвенков вообще знакомого — еще в XVII столетии земледелием занимались некоторые «роды» «сидячих» тунгусов на Дальнем Востоке [19, с. 257]); 2) активизируется пушной промысел, что связано с систематизацией процесса сбора ясака, причем фиксируется формирующаяся тенденция специализации отдельных эвенкийских хозяйств только на охоте на пушного зверя.

Предпосылки новых черт трансформации традиционного хозяйства эвенков — переходе некоторых групп к земледелию и специализации на пушном промысле — следует искать во все более заметном влиянии хозяйства русского населения и ясачной политике российского правительства. К началу XVIII в. один из двух прибайкальских уездов — Илимский (включавший большую часть территории современной Иркутской области — вплоть до Верхоленска и Балаганска) — стал первым уездом в Восточной Сибири, в котором преобладало русское население [39, с. 609], растет русское население и на юге Приангарья, государственная власть берет под контроль пушную торговлю, косвенно способствуя самоликвидации у тунгусов коллективных форм организации труда и ори-



ентируя их на индивидуальную охоту на пушного зверя, — все это стало комплексом условий, способствующих дальнейшей трансформации системы эвенкийского традиционного хозяйства.

В течение XIX — начала XX столетий территория расселения тунгусов в Прибайкалье, как и их численность, неизменно сокращается, причинами чего стали не только распространение неведомых ранее туземцам болезней [14, с. 88], но и перекочевки тунгусов в более северные районы (территории современных Республики Якутия (Саха) и Красноярского края) [36, с. 140]. Иногда, впрочем, лица, подсчитывающие количество тунгусов, не могли этого сделать по факту, поскольку значительная часть их подопечных бродила по лесам в поисках зверя [27, л. 14]. К концу XIX в. тунгусы проживали во всех округах Иркутской губернии — Киренском, Верхоленском, Иркутском, Нижнеудинском и Балаганском, но расселение их имело дисперсный характер, некоторые группы — очеульская, тутурская, голоустинская, малобельская, тункинская, ольхонская — были очень малочисленны [9, л. 218; 17, л. 29; 16, с. 96–97]. По данным переписи 1897 г., на территории Иркутской губернии проживало всего 2017 тунгусов (0,39 % численности населения губернии, 3,04 % тунгусского населения Российской империи), из них в Киренском округе — 1289 человек, Верхоленском — 578, Иркутском — 141, Балаганском — 7 и Нижнеудинском — 2 [24, с. 59]. По данным С. Патканова в Иркутской губернии проживал 2191 тунгус [21, с. 114].

Трансформация традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в этот период выражалась в развитии ранее наметившихся тенденций с той разницей, что она приобрела угрожающие для этноса масштабы. Исследователи XIX столетия отмечают, что основным занятием прибайкальских (ангарских, илимских, верхнеленских) эвенков была охота, но помимо нее большую роль играли собирательство и рыболовство (то есть хозяйство имело комплексный характер), при этом большую роль в хозяйстве играли олени, используемые как транспортное средство при передвижении в поисках промыслового зверя. Эта усредненная характеристика эвенкийского хозяйства, однако, приобретает несколько иные черты при знакомстве со статистическим материалом. Так, в 1816 г. (тогда губерния состояла только из двух уездов — Иркутского и Киренского (в который вошла большая часть бывшего Илимского уезда)) из 1098 тунгусов мужского пола Иркутского уезда 120 (тункинские и тутурские) занимались земледелием, а все 1054 тунгуса мужского пола Киренского уезда сочетали занятия скотоводством и звероловством [28, л. 123] (впрочем, под «скотоводством» последних скорее всего понималось оленеводство). С 1822 г. согласно «Уставу об управлении инородцами» все «инородцы» делились на «оседлых» (земледельцев), «кочующих» (скотоводов) и «бродячих» (охотников и рыболовов), эти специализа-



ции получили официальные характеристики. Среди тунгусов в статистических сведениях упоминаются и «бродячие», и «кочующие», причем «бродячие» тунгусы имели оленей, поскольку охота требовала их использование. «Кочующие» же тунгусы также продолжали заниматься охотой, но жили полуседло, занимались немного земледелием, немного скотоводством, в отличие от своих «бродячих» соплеменников, охотились исключительно на пушного зверя. В 1827 г. у «кочующих» ангарских тунгусов засеяно 3 десятины на 36 душ, у тунгусов «верхнеилимских» — 2,5 десятины на 31 душу [29, л. 163–164]. Немного, но показательно. В 1831 г. у очеульских тунгусов, считавшихся звероловами, 50 юрт из 170 были деревянными [6, л. 162а], а в 1867 г. они имели уже 158 деревянных юрт и 27 жилых деревянных домов [8, л. 16] и вообще, как и их соседи тутурцы, вели полуседлый образ жизни, занимаясь, помимо охоты (с использованием оленей) и разведением коров и лошадей [7, л. 10; 8, л. 17; 14, с. 89]. В середине XIX в. фиксируются факты разведения лошадей тунгусами северной киренско-хандинской группы — в 1865 г. «бродячие» тунгусы здесь имели 675 оленей и 10 лошадей [5, л. 410–411]. В 1880 г. на 279 тунгусов другой северной — кондогирской — группы приходилось 668 оленей, 8 лошадей и 11 голов крупного рогатого скота [33, с. 47]. В 1882 г. у илимских тунгусов было 108 десятин пашни [10, л. 4], хотя жили они, конечно, не хлебопашеством, а теми продуктами, которые покупали у крестьян Нижнеилимской и Киренской волостей, рассчитываясь с ними пушниной и звериными шкурами [10, л. 11]. «Кочующие» илимские тунгусы разводили коров, лошадей, овец, свиней, а «бродячие» держали оленей, причем «кочующих» было больше, чем «бродячих» — 60 % [рассчитано по: 10, л. 13–14]. Вообще, на протяжении всего XIX столетия удельный вес «кочевых» тунгусов на юге Прибайкалья увеличивается, а «бродячих» — сокращается. К концу XIX в. в Киренском (самом северном) уезде Иркутской губернии оседлые тунгусы были даже в самых отдаленных курейской и кондогирской группах [30, л. 133]. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. в Иркутской губернии земледелием занимались 227 тунгусов (12,4 %), животноводством — 122 (6,67 %), рыболовством и охотой — 1481 (80,93 %) [рассчитано по: 31, с. 34], однако, как мы помним, даже «охотники и рыболовы» на самом деле вели комплексное хозяйство. К концу XIX столетия очеульские и тутурские звенки, ранее не занимавшиеся хлебопашеством, начинают приобщаться к земледелию [35, с. 16]. Занимались земледелием даже отдельные хозяйства курейских тунгусов [33, с. 48]. В 1901 г. тунгусы Зогинского стойбища Кудинского (бурятского) ведомства — 32 мужчины и 34 женщины — занимаясь «зверопромышленностью», держали 17 голов крупного рогатого скота, 10 голов мелкого рогатого скота и 20 лошадей, а их соседи из Кочергинского стойбища Чинканова рода на 8 мужчин и

9 женщин — 4 коровы и 3 лошади [18, л. 79 об. — 80, 82 об.]. Интересно, что в этом случае не упоминаются среди скота олени, и это показательно: кудинские тунгусы — это одна из тех южных прибайкальских групп, которая вскоре исчезнет, растворившись среди бурятского населения. Такая же судьба постигла и тунгусов Илгинской волости (верхняя Лена), только они растворились среди русских (как и илимские тунгусы). О них в 1908 сообщается, что среди них «бродячих» нет (все — «кочующие»), оленей не имеют, держат лошадей и коров, живут оседло [26, л. 36].

Таким образом, в течение XIX — начала XX вв. мы наблюдаем: 1) в южных группах прибайкальских эвенков (тункинской, малобельской, кудинской, очеульской, тутурской, голоустинской, китойской) — интенсификацию скотоводства (что приведет к слиянию местных тунгусов с окружающими их бурятами, хотя тенденция эта наметилась уже в XIX в. [16, с. 57]); у илимских тунгусов — развитие земледелия и скотоводства (что приведет к их слиянию с русским населением); в северных группах (курейской, кандогирской, киренско-хандинской) у «кочующих» тунгусов — распространение полуоседлого и оседлого образа жизни в связи с началом распространения практики разведения лошадей и крупного рогатого скота; 2) в северных группах и у илимских тунгусов — поголовное распространение пушной охоты в ущерб промысловой (причем с этим связано, как доказал М.Г. Туров, возрастание роли транспортного оленеводства и, соответственно, распространение «бродяжничества» [38, с. 162]). Подробно о трансформации традиционного хозяйства эвенков в этот период автор этих строк уже писал [15], сейчас же нас больше интересуют предпосылки такой трансформации.

Главным предварительным ее условием, помимо уже названных влияния хозяйственных традиций бурятского и русского населения, государственной политики, опосредованно подталкивающей эвенков к интенсификации пушного промысла, и аморфность эвенков как этнической общности, стало, по-видимому, распространение в Российской империи капиталистических отношений. Именно эти отношения, проникшие и в Сибирь, в тело традиционного хозяйства, создавали почву для того, чтобы эвенки, выросшие в тайге, забрасывали продовольственную охоту и, переходя на пушной промысел, подчистую выбивали соболя, белку, горностаю, чтобы потом, в силу оскудения тайги, расширять территории систематических перекочевок или переходить к хозяйственной деятельности, характерной для соседей — русских и бурят. Именно эти отношения приводили к тому, что значительная часть тунгусов оказалась в заложниках у «покрутчиков» и готова была душу продать за бутылку «огненной воды», что катастрофично сказывалось на численности тунгусского населения. Именно эти отношения приводили к тому, что природный ареал расселения тунгусов неуклонно сокращался из-за хозяйственной

деятельности как Российского государства, так и русского и бурятского населения, смотревшего на тунгусов и их земли исключительно как на источник прибыли. В этом смысле показательна такая иллюстрация начала XX в. На ежегодную Ербогаченскую ярмарку (Преображенская волость Киренского уезда, север Иркутской губернии, один из немногих в губернии районов, где тунгусы еще составляли значительную долю населения) прибыл пристав и запретил продажу водки. В результате упали продажи пушного зверя (тунгусы не хотели продавать шкурки даже по цене выше средней, поскольку не могли купить водку). В этой же волости власти пытались склонить местное население к постройке школы. «Иностранцы» выступили «за», а русские крестьяне — против (они боялись, что став грамотными, тунгусы не позволят обманывать себя на торгах) [32]. Вот такой капитализм по-сибирски.

Подводя итог сказанному, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Трансформация традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья была перманентным процессом, а рубеж XIX–XX вв., озаменованный зафиксированным исследователями кризисом традиционного эвенкийского хозяйственного уклада был лишь началом ее завершающей стадии.

2. Важнейшие предпосылки трансформации традиционного хозяйства эвенков сводятся к влиянию хозяйственных традиций пришлого по отношению к эвенкам бурятского и русского населения, более многочисленного и этнически консолидированного, в то время как эвенки, напротив, были далеки от финальной стадии этногенеза, и экономической политике Российского государства, подчинявшегося объективным законам социально-экономического развития (в силу чего оно относилось к Сибири как к колонии и не могло препятствовать проникновению в туземную среду капиталистических отношений).

3. Означенные условия создали почву для трансформации традиционного хозяйства не только в сторону изменения способов природопользования, но и в направлении слома внутренней структуры системы, что сделало угрозу ассимиляции еще не сложившегося этноса неизбежной.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) / С. И. Вайнштейн // Советская этнография. — 1975. — № 5. — С. 37–52.

2. Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) / Г. М. Василевич / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, август 1964 г. — Москва : Наука, 1964. — 12 с.

3. Василевич Г. М. Эвенки : Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в) / Г. М. Василевич. — Ленинград : Наука, 1969. — 304 с.
4. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3: Семоядские, Манджурские и Восточно-Сибирские народы / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург, 1777. — 116 с.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири). — Оп. 9. — Д. 187.
6. ГАИО. Ф. 148 (Очеульская тунгусская инородная управа). — Оп. 1. — Д. 5.
7. ГАИО. — Ф. 148. — Оп. 1. — Д. 20.
8. ГАИО. — Ф. 148. — Оп. 1. — Д. 41.
9. ГАИО. — Ф. 171 (Заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии). — Оп. 1. — Д. 7.
10. ГАИО. — Ф. 461 (Нижнеилимская инородная управа). — Оп. 2. — Д. 13.
11. Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих // Советская этнография. — 1952. — № 3. — С. 76–84.
12. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — 622 с.
13. Ермолова Н. В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп / Н. В. Ермолова // Этносы и этнические процессы. — Москва : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1993. — С. 97–106.
14. Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе / П. Кларк // Записки Сибирского отдела РГО. Кн. VI. — Иркутск : Тип. штаба войск, 1863. — С. 87–96.
15. Курышов А. М. Изменение способа природопользования у эвенков Иркутской губернии на рубеже XIX–XX столетий как направление модернизации традиционного хозяйства / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. — С. 134–144.
16. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. — Т. II. — Вып. II. — Москва: Тип. В.В. Исленьева, 1890. — 343 с. — С. 96–97.
17. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). — Ф. 4 (Верхоленская степная дума). — Оп. 1. — Д. 1908.
18. НАРБ. — Ф. 13 (Кудинская инородная управа). — Оп. 1. — Д. 359.
19. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. — Ленинград : Соцэкгиз. Ленингр. отд.-ние, 1937. — 424 с.
20. Павлинская Л. Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия / Л. Р. Павлинская // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). — Санкт-Петербург, 1999. — С. 165–271
21. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — Вып. 1. — 175 с.
22. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на

основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I: Тунгусы собственно / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — Вып. 2. — 283 с.

23. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. II: Прочие тунгусские племена / С. К. Патканов. — Санкт-Петербург, 1906. — 206 с.

24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXV: Иркутская губерния. — СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. — 171 с. — С. 59.

25. Рагулина М. В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области) / М. В. Рагулина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. — 164 с.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1110.

27. РГИА. — Ф. 573 (Департамент окладных сборов Министерства финансов). — Оп. 1. — Д. 1155.

28. РГИА. — Ф. 1264 (Первый Сибирский комитет). — Оп. 1. — Д. 265.

29. РГИА. — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 715.

30. РГИА. — Ф. 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел). — Оп. 84. — Д. 15в.

31. Серебренников И. И. Иногородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк) / И. И. Серебренников. — Иркутск, 1913. — 48 с.

32. Сибирь. — 1911. — № 294 (30 декабря). — С. 2. — (Без подп.).

33. Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке : Расселение, организация среды жизнедеятельности / А. А. Сирина. — Москва : Наука, 1995. — 200 с.

34. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире : Самосознание, природопользование, мировоззрение / А. А. Сирина. — Москва : Восточная литература, 2012. — 604 с.

35. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. — Москва : Наука, 1985. — 284 с.

36. Туголуков В. А. Эвенки / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. — Москва : Наука, 1982. — С. 129–154.

37. Туров М. Г. Проблемы исторической прародины северных тунгусов и этногенеза эвенков / М. Г. Туров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2013. — № 1 (2). — С. 244–258.

38. Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (Принципы освоения угодий) / М. Г. Туров. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 176 с.

39. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. II: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 673 с.

40. Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров. — Москва : Наука — Восточная литература, 2017. — 710 с.

41. Шубин А. С. Эвенки Прибайкалья / А. С. Шубин. — Улан-Удэ : Бэлиг, 2001. — 116 с.

### Информация об авторе

*Курышов Андрей Михайлович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

### Author

*Andrey M. Kuryshov* — Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.12

*Е.В. ПЛОТНИКОВА*

УДК 94 (571.5)

ББК 63.32

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКО-КИТАЙСКОГО БАНКА В 1898–1910 ГГ.

В статье содержится характеристика работы Иркутского отделения Русско-Китайского банка с момента его образования до последующей реорганизации (1898–1910 гг.). Приводятся финансовые показатели результативности работы кредитного института в период с 1901 г. по 1907 г., отраженные в инспекции отделения в ноябре 1908 г. Исследуются причины убыточности отделения, связанные с общим упадком торгово-промышленного сектора экономики региона. В статье отмечается момент смены руководства банковского отделения. Описываются перспективы развития отделения в связи со взятым курсом на кредитование углепромышленных предприятий Иркутской губернии. Приводятся некоторые количественные расчеты, демонстрирующие возможности роста финансовых показателей учреждения. Фиксируется озабоченность конкурирующих кредитных институтов перспективой развития местного отделения Русско-Китайского банка. В заключение приводятся обстоятельства, воспрепятствовавшие перспективам развития отделения, в связи с состоявшимся в 1910 г. слиянием Русско-Китайского и Северного банков, в результате чего происходит образование нового кредитного института — Русско-Азиатского банка.

**Ключевые слова:** Иркутская губерния, кредитно-финансовая сфера, частные банки, Иркутское отделение Русско-Китайского банка, Иркутское отделение Волжско-Камского Коммерческого банка, Иркутское общество взаимного кредита.

## OPERATION OF THE IRKUTSK BRANCH OF THE RUSSIAN-CHINESE BANK IN 1898–1910

The article describes the work of the Irkutsk branch of the Russian-Chinese Bank from the moment of its formation to the further reorganization (1898–1910). The financial performance indicators of credit institution in the period from 1901 till 1907, as reflected in the inspection in November, 1908, are given. Examines the reasons for loss of the branch related to the General decline of the business sector of the regional economy. The article notes the moment when the Bank branch management changed. The article describes the prospects for the development of the Department in connection with the course taken for lending to coal-producing enterprises of the Irkutsk province. Some quantitative calculations are given that demonstrate the possibility of growth of financial indicators of the institution. The article records the concern of competing credit institutions about the development of the local branch of the Russian-Chinese Bank. In conclusion, the circumstances that hindered the prospects for the development of the Department, in connection with the event held in 1910, are given. Russian-Chinese and Northern banks merge, resulting in the formation of a new credit institution—the Russian-Asian Bank.

**Keywords:** Irkutsk province, credit and financial sphere, private banks, Irkutsk branch of the Russian-Chinese Bank, Irkutsk branch of the Volga-Kama Commercial Bank, Irkutsk mutual credit society.

Целью настоящей статьи является отражение результативности работы Иркутского отделения Русско-Китайского банка в начале XX в. Работа основана, в основном, на источниках Российского государственного исторического архива, в том числе на ряде документов, составленных на французском языке, впервые вводимых в научный оборот, что обуславливает научную актуальность данного исследования.

Русско-Китайский банк был основан в рамках одного из направлений экономической политики Российского государства на рубеже веков, связанной с проникновением России на рынки Дальнего Востока [3, с. 47–51]. Иркутское отделение Русско-Китайского банка открылось в 1898 г., через три года после основания своего головного отделения в г. Санкт-Петербурге [2, с. 307]. В Иркутске банк располагался в доме Тышковского по улице Большой [6, л. 42]. Местное отделение банка занималось кредитованием промышленных и торговых кругов на региональном уровне. Среди его клиентов отмечен ряд видных предпринимателей и торговых предприятий того времени: «Товарищество Братьев Полутовых», «Восточно-Сибирское углепромышленное товарищество», Торговый дом Штанбок сыновья с отцом и Ко», Акционерное общество

«Компания Промышленности», Я.Г. и Б.Г. Патушинские, А.Л. Шепшелевич и др. [6, д. 285, л. 1; 10, л. 1, 14, 32, 36 об., 211].

В первый же год после своего открытия в Иркутское отделение банка обратилось «Ленское золотопромышленное товарищество» с предложением перевести сюда свой двухмиллионный кредит из Государственного банка, ссылаясь на ряд неудобств, возникших при работе с последним [6, д. 280, л. 15]. Незадолго до этого в г. Витиме было открыто агентство Русско-Китайского банка, что создавало дополнительные возможности для обслуживания финансовых интересов золотопромышленной компании. Однако правлению, размещавшемуся в г. Санкт-Петербурге, размер запрошенного «Ленским золотопромышленным товариществом» кредита показался слишком значительным, и оно отказало Иркутскому отделению банка в кредитовании компании [Там же, л. 17].

В 1901–1907 гг. результативность отделения не была устойчивой. Если в начале своей работы банк показывал положительную динамику, то начиная с 1903 г., финансовые показатели деятельности отделения значительно понизились, и пять последующих лет оно терпело убытки (см. табл. 1 [сост. по: 5, д. 366, л. 2, 2 об.]).

Таблица 1

**Результативность деятельности Иркутского отделения  
Русско-Китайского банка в 1901–1907 гг.**

Годы	Прибыль (тыс. руб)	Убыток (тыс. руб)
1901	55,4	
1902	86,3	
1903		13
1904		83
1905		120
1906		102
1907		17

Как видно из приведенных данных, наиболее значительные потери банковское отделение понесло в период с 1904 по 1906 гг. Вероятно, на ходе банковских операций отразилось общее ухудшение экономического положения региона в период Русско-японской войны, это обстоятельство нашло отражение и в отчетах по результатам ревизии отделения, имевшей место в ноябре 1908 г. [6, д. 283, л. 150].

Инспектор Г.М. Левин, проводивший ревизию отделения, в своем отчете правлению банка в декабре 1908 г., не найдя значительных нарушений в операционной деятельности, указывал на ухудшение качества принимаемых к учету векселей, связывая это обстоятельство с проведением Сибирской железной дороги и Русско-японской войной. По его



мнению, векселя с двумя надежными подписями стали дефицитом на региональном рынке, и все большее распространение приобрели векселя лишь с одной «хорошей» подписью. Неискоренимым злом инспектор считал векселя, принимаемые к учету в силу дружеских отношений руководства банка с заемщиками, указывая на ряд предпринимателей, которым банку следовало бы отказать в кредите. К последним, в частности, относились Залесов, Шишлянников и Рейхбаум, предъявившие к учету векселя Дубникова в период с августа по ноябрь 1908 г., в то время, когда материальное положение последнего оставляло уже желать лучшего. Неблагонадежными Левин считал и предъявленные к учету С.И. Белицким в августе месяце 1908 г. векселя Шепшелевича, непрочное материальное положение которого к этому времени было таково, что последний уже не был в состоянии оплачивать свои долговые обязательства [6, д. 283, л. 142]. В отделении банка инспектор обнаружил ряд кредитов, открытых лицам, не ведущим торговых операций. Такие кредиты банки, в целом, считали нежелательными, так же как и векселя за подписью лиц, не имевших торговых операций. Среди подобных неблагонадежных заемщиков инспектор выделили домовладельцев Д.А. Бергель и К.П. Ларина, нотариуса А.А. Горбунова, инспектора страхового общества И.Р. Дубинского, доверенного «Товарищества Нобель» В.Г. Ламехова, мелких подрядчиков Н.И. Огладина, Г.Л. Сахарова, В.Н. Середкина, ростовщика М.И. Самсонова и присяжного поверенного А.И. Туманова [Там же, л. 147, 148]. К дружеским кредитам Левин относил кредиты, выданные владельцам парикмахерских Г.К. Вейсе, Ш.Л. и Г.Л. Гутманам и М.С. Орух, хоть и имевшим по факту торговлю парфюмерией и туалетными принадлежностями, но в силу незначительности ее объема, носившей скорее формальный характер. На конец 1908 г. инспектор отмечал снижение оборотов отделения практически по всем главным операциям актива и пассива, отмечая практическую неизбежность убыточности текущего года, так же, как и пяти предшествующих лет. Опасения инспектора, действительно, подтвердились: в мартовском отчете по итогам истекшего года нашла свое отражение сумма убытка отделения в 36 978, 32 руб. [Там же, л. 205].

Несмотря на отрицательные показатели работы отделения, инспектор испытывал надежду на улучшение положения банка в дальнейшем, отмечая, что, несмотря на продолжавшийся в Иркутской губернии экономический кризис, там наблюдалось некоторое улучшение коммерческой и промышленной жизни. Среди положительных факторов Левин указывал на увеличение добычи золота в Якутском крае, что должно было привести к увеличению капиталов в районе реки Лены, тесно связанной с Иркутским районом. Он также предполагал оживление торговой жизни в Иркутске по мере приближения к городу работ по строительству

вторых транссибирских и забайкальских путей. Заключение, вследствие этого, длительных контрактов владельцами угольных шахт Черемховского района на поставку необходимого каменного угля железным дорогам, должно было повлечь за собой приобретение предпринимателями необходимых материалов, товаров и рабочей силы в г. Иркутске. Сосредоточение в Иркутске и его окрестностях военных частей также, по мнению инспектора, должно было положительно сказаться на местной торговле.

Вину за плачевные финансовые показатели отделения, помимо объективного фактора — общего ухудшения торговли и промышленности в регионе, в особенности, после русско-японской войны, — Левин возлагал на руководителя банковского отделения, виной которого считал отток наиболее значимой клиентуры и свободных капиталов к конкурирующему с ним Иркутскому отделению Сибирского Торгового банка [Там же, л. 150].

Новым управляющим отделения банка стал Б.П. Шостакович, пользующийся, по заверению инспектора, популярностью и уважением в местных кругах. В марте 1909 г. на документах уже стоит его подпись. Сразу после назначения на должность Б.П. Шостакович обратился в правление с проектом по кредитованию углепромышленных предприятий Черемховского района. Первоначально, весной 1909 г., правление ответило отказом на инициативу нового управляющего, однако, затем, следующей зимой, оно само предложило ему войти по этому вопросу с представлением, которое получило утверждение в январе 1910 г. [4, л. 7]. В рамках нового проекта кредит открывался каждому углепромышленному предприятию, имеющему контракт на поставку угля с железной дорогой. Размер кредита определялся суммой, причитающейся предприятию за весь уголь, который должен был быть поставлен в рамках контракта, за вычетом расходов на его себестоимость. Предприятие имело право выбирать размер кредита частями либо получить полную сумму сразу в счет будущих платежей. Обеспечение кредита производилось: 1) соло-векселями — на сумму открытого кредита; 2) платежами железной дороги, передаваемыми банку на все время контракта (причем предприятию возвращалась сумма себестоимости поставленного угля, которую определял сам банк на основании выписок из бухгалтерских книг предприятия); 3) закладной на копи и их имущество. Процентная ставка по данному виду кредитования определялась в 8 % годовых [4, л. 7 об.].

О новом направлении в кредитной политике банка практически сразу стало известно одному из его конкурентов Иркутскому отделению Волжско-Камского Коммерческого банка, управляющий которого забил тревогу, отправив срочную телеграмму своему руководству. В ней он детально изложил свои опасения по поводу усиления позиции Русско-Китайско-

го банка в регионе и оттока углепромышленников, состоящих в числе клиентов его отделения. По его убеждению, новая операция Русско-Китайского банка должна была в самом непродолжительном времени значительно увеличить обороты последнего, принеся тому значительную ежегодную доходность.

Всего в Черемховском районе насчитывалось десять углепромышленных предприятий, из которых на тот момент восемь являлись работающими. Шесть из них имели контракты с Сибирской железной дорогой на поставку угля на 1910 и 1911 гг. Согласно этим контрактам пять предприятий должны были поставлять ежегодно по 3,3 млн. пудов угля по цене 7,35 коп., а одно — копи Мильнера — 1,5 млн. пудов по цене 7,48 коп. за пуд.

По расчетам управляющего Волжско-Камского Коммерческого банка в г. Иркутске выходило, что если эти 6 предприятий пожелают кредитоваться в Русско-Китайском банке на указанных выше основаниях, то общий размер всех открытых им кредитов должен будет выразиться в сумме 1 080 000 руб. При условии, что углепромышленники заберут весь этот кредит сразу, и что платежи за поставляемый дороге уголь 2 раза в месяц будут поступать аккуратно ежемесячно, то в первый же год пользования этим капиталом углепромышленники уплатят банку свыше 66 тыс. руб. процентов. Прибыль эта могла еще больше увеличиться в виду происходящих зачастую задержек платежа со стороны дороги. Кроме того, операция должна была еще более расшириться после заключения Забайкальской железной дорогой с углепромышленниками Забайкалья трехлетних контрактов, на привлечение которых по имеющейся у Волжско-Камского Коммерческого банка информации Русско-Китайский банк уже получил согласие от своего правления.

Руководство конкурирующего банка опасалось, что выгодные условия кредитования, при которых углепромышленному предприятию предлагалась возможность располагать оборотными средствами на добычу и поставку продукции задолго до момента ее сбыта в условиях постоянных задержек платежей железными дорогами, неминуемо повлечет за собой переход в этот банк всех каменноугольных предприятий района. Между тем, некоторые из этих фирм кредитовались в местном отделении Волжско-Камского Коммерческого банка, и их уход означал бы для последнего потерю верной и крупной ежегодной прибыли.

Перспективой развития новой программы кредитования углепромышленников в Русско-Китайском банке озаботилось и Иркутское общество взаимного кредита, которое, получая по доверенности некоторых углепромышленных фирм (Гришевского общества и Маркевича) платежи с железной дороги и выдавая им ссуды под акты приемки угля, также опасалось лишиться выгодной статьи дохода. Правление этого обще-

ства решило рассмотреть возможность кредитования своих клиентов на тех же условиях, что предлагало Иркутское отделение Русско-Китайского банка.

Несмотря на все перспективы своего развития, Иркутское отделение Русско-Китайского банка не успело воспользоваться их плодами в связи с предстоящей реорганизацией.

В связи с непрерывно ухудшающимся финансовым положением банка, на которое заметное влияние оказал хлопковый кризис в России, Русско-Китайский банк в 1910 г. слился с Северным банком, в результате чего возник самый крупный акционерный банк в Российской Империи — Русско-Азиатский банк. Все ранее существующие отделения Русско-Китайского банка, включая Иркутское, продолжили свои действия в качестве отделений Русско-Азиатского банка [1]. Первые три года своего существования Иркутское отделение Русско-Азиатского банка было убыточным, выйдя на показатели прибыльности лишь к 1914 г. [5, д. 365, л. 25, 49, 67, 95, 120 об., 146].

Таким образом, деятельность Иркутского отделения Русско-Китайского банка протекала в условиях конкурентной борьбы и экономического спада региона. Зайдя на рынок Иркутской губернии сравнительно поздно, когда здесь уже успели укорениться Сибирский Торговый и Медведниковский банки, а также развернуться во всю мощь Государственный банк, кредитовавший местные крупные предпринимательские круги, Русско-Китайский банк не успел развить своей деятельности в полном масштабе, выстроить и успеть воплотить свою политику привлечения вкладов и кредитования, уступив бразды своего развития новоявленному кредитному институту Русско-Азиатскому банку.

### Список использованной литературы и источников

1. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров № 33788 от 14 июня 1910 г. «Об учреждении акционерного коммерческого банка, под наименованием: «Русско-Азиатский банк»» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXX. Отд. 1. — URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10035/#page/789/mode/1up> (дата обращения 20.02.2020).
2. Казухико Я. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / Я. Казухико // Экономическая история: ежегодник 2011/2012. — Москва : РОСПЭН, 2012. — С. 293–314.
3. Петров Ю. А. Российские банки в Китае в конце XIX — начале XX века (к 110-летию основания Русско-Китайского банка) / Ю. А. Петров // Вестник Банка России. — 2006. — № 18. — С. 47–54.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 595. — Оп. 2. — Д. 172.
5. РГИА. — Ф. 630. — Оп. 1.
6. РГИА. — Ф. 632. — Оп. 1.

### Информация об авторе

*Плотникова Елена Владиславовна* — аспирант очной формы 2 года обучения кафедры истории России Иркутского государственного университета, e-mail: Elena-angarsk@yandex.ru, т. 89149533763. Научный руководитель д.и.н., зав. кафедрой истории России Дамешек Лев Михайлович.

### Author

*Elena V. Plotnikova* — full-time postgraduate student 2 years of study, e-mail: Elena-angarsk@yandex.ru, 89149533763, scientific supervisor, doctor of science, head of the Department of History of Russia Dameshek Lev Mihailovich.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.13

М.А. РОГАЧЕВСКАЯ

УДК 330.83

ББК65.02(2)53

## НИКОЛАЙ ХРИСТИАНОВИЧ БУНГЕ О ПРЕОДОЛЕНИИ ИЗОЛЯЦИОНИЗМА СИБИРИ

Рассматривается деятельность председателя Комитета министров Н.Х. Бунге, направленная на обеспечение социально-экономического развития России, в котором важная роль принадлежит Сибири. Особое значение уделяется переселенческому делу и строительству Транссибирской магистрали.

**Ключевые слова:** завершение Крестьянской реформы, крестьянское землевладение, переселенческое дело, Транссибирская магистраль, Сибирь.

М.А. ROGACHEVSKAYA

## NIKOLAY KRISTIANOVICH BUNGE ON OVERCOMING THE ISOLATION OF SIBERIA

The article considers the activity of N. Kh. Bunge as the chairperson of the Committee of Ministers, directed at providing social and economic development of Russia, in which an important role belonged to Siberia. Special significance was attached to resettlement policy and the construction of Trans-Siberian railway.

**Keywords:** completion of Peasants' reform, peasant land ownership, resettlement policy, Trans-Siberian railway, Siberia.

Вошедшая в XVI веке в состав Российского государства Сибирь, долгое время находилась в состоянии соседства, не будучи участницей

России в ее гражданских и экономических делах. Осваивалась Сибирь стихийно, более чем медленно, по «причине малолюдства», значительной удаленности от центральной России, трудности сообщения. Она ожидала устройства, но даже в XIX в. не была устроена. В основном, Сибирь служила источником мягкого богатства, поставщиком пушнины, используемой в качестве важнейшего товара для внешней торговли, а также для даров иностранным властителям. Правительство смотрело на Сибирь как на кладовую, из которой можно было брать столько, сколько требуется, не оказывая ей надлежащего внимания и не развивая ее. На многие тысячи верст с XVII в. протянулся Московский тракт, надежно соединивший европейскую часть страны с Сибирью. По нему из Сибири вывозились ценные меха, позже к этим традиционным сибирским товарам добавились драгоценные камни, золото, серебро, медь. В конце XIX в. стали вывозить производимые сибирскими крестьянами пшеницу, сливочное масло. В Сибирь везли необходимые сибирякам товары. В Сибирь посылались воинские команды, вслед за ними направлялись чиновники, «ставившие» города и остроги, а также «таможни» для сбора ясака и скупки у местного населения пушнины для пополнения царской казны. Тракт служил дорогой для добровольных и вынужденных переселенцев [5, стб. 565–566]. Постепенно создавалась и развивалась притрактовая инфраструктура: почтовые станции, постоянные дворы для ямщиков и лошадей, этапные помещения, в которых отдыхали ссыльные. Вблизи станций селились крестьяне, в той или иной степени, обслуживавшая проезжавших.

В центральной России постепенно стал распространяться слух о богатых, не мерянных землях в Сибири, и после отмены крепостного права предприимчивые люди потянулись за Урал. Появление сведений о рудных богатствах Сибири привлекли к себе внимание и промышленников.

Сибирь переставала быть *terra incognita*. Становилось очевидным, что она имеет большое экономическое и политическое значение. Заслуга в изменении статуса Сибири и ее роли в укреплении российского государства принадлежала Николаю Христиановичу Бунге.

Своей деятельностью на посту министра финансов и председателя Кабинета министров (1881–1895) Н.Х. Бунге заложил основы преобразований Сибири, которые будут осуществлены его преемниками и единомышленниками — С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным.

Формировался новый регион России, не окраина, не колония, а неотъемлемая ее часть — **СИБИРЬ**. Находясь еще в начале пути к обретению рыночной и индустриальной экономики, она сама оказалась способной придать ускорение экономическому, политическому и куль-

турному возвышению России. Смелое предсказание М.В. Ломоносова, что «могущество Российское будет прирастать Сибирью» становилось реальностью.

До привлечения к государственной деятельности, Н.Х. Бунге, будучи разносторонним экономистом-теоретиком, профессором, ректором Киевского университета, неоднократно обращался к рассмотрению проблем народного хозяйства России. Он доказывал на страницах своих научных и публицистических работ, что Россия обладает потенциальными ресурсами, необходимыми для развития тяжелой промышленности, надеясь привлечь к этому выводу внимание прогрессивно настроенной части общества. Сопоставив экономическое состояние России с наиболее развитыми государствами, он получил поразивший его результат: Россия неотвратимо утрачивала экономический авторитет. Если в начале XIX в. по объему промышленного производства она находилась на 3-м месте в Европе и в мире после Великобритании и Франции, то к концу XIX в. картина изменилась: Германия оттеснила ее на 4-е место в Европе, а Северо-Американские Соединенные Штаты отодвинули Россию на 5-е место в мире [3, с. 112].

Вводя в 1880 г. профессора Бунге в правительство, император Александр II дал ему поручение составить программную записку о задачах экономической политики России. Выполняя его, Бунге разработал программу, нацеленную на достижение Россией более высоких темпов экономического роста. Для этого следовало создать независимую от иностранного влияния прочную национальную систему народного хозяйства, обеспечить развитие промышленности путем целесообразно построенного покровительства, совершенствования кредита, укрепления денежной системы, переведа ее на основу золотого монометаллизма.

Став императором, Александр III в мае 1881 г. назначил Н.Х. Бунге министром финансов. В течение шести лет пребывания на посту министра финансов, Бунге осуществит ряд важнейших мероприятий, имеющих государственное значение, завершая Великие реформы. Важно было довести до конца положения Крестьянской реформы, дать возможность крестьянам самим решать свою судьбу, выбирать место жительства и характер работы. Будучи наставником цесаревича (1886–1889), Бунге старался привить наследнику либеральные идеалы, и разъяснить «благодетельное» значение для России реформ 1860-х гг. Этим он заслужил симпатию и уважение своего ученика. На занятиях с цесаревичем он говорил, что решающее значение в подъеме сельского хозяйства принадлежит крестьянскому землевладению. Бунге был уверен, что наследственное владение землей, под охраной общих и обязательных для

всего населения гражданских законов, будет способствовать интенсификации земледелия, тогда как зависимость крестьян от сельской общины при постоянных переделах земли, неминуемо приводит к упадку многих крестьянских хозяйств. Будучи противником общины, Бунге очень осторожно подходил к практическому решению вопроса о дальнейшем ее существовании.

Александр III доверял мнению Бунге, ратовавшему за частное крестьянское землепользование. Это означало, что Особое совещание министров, проводившееся под председательством императора, выскажется за расширение помощи крестьянам со стороны Крестьянского банка в покупке ими земли в малонаселенных территориях Европейской России. За период 1883–1885 гг. 18 тыс. крестьян-переселенцев приобрели землю через Банк [6, с. 258].

Бунге был противником набравшего силу стихийного переселения, считая его неэффективным. Не имеющие ни поддержки, ни защиты со стороны государства такие переселенцы часто терпели крах. Необходимо было, не откладывая, приступить к выработке общегосударственного законодательства, регулирующего перемещение крестьян из одних губерний в другие. Бунге полагал, что начинать следует с отвода наиболее благоприятных мест для устройства на них поселений, предоставляя переселенцам льготы и пособия от казны. Одновременно, он предостерегал и от излишней торопливости, понимая, что передвижение массы малообеспеченных людей и поселение их в новых необжитых местах, сопряжено с большими трудностями. Особенно это относилось к Сибири.

Николай Христианович обращает внимание императора и ответственности на необжитый огромный регион, лежащий к востоку от Урала, составлявший почти две трети территории государства. Освоение Сибири, продолжавшееся уже более трехсот лет, к концу XIX в. достигло весьма незначительных результатов по сравнению с ее возможностями. Надежда правительства на заселение Сибири при помощи ссыльнопоселенцев оказалась преувеличенной. Кабинетские\* земли Алтайского горного округа, ранее принадлежавшие царской семье и предназначенные для обеспечения рудников рабочей силой, а также для производства сельскохозяйственных продуктов, в которых нуждалось промышленное население, теперь обращались для устройства переселенцев, едущих в Сибирь. Создавались реальные условия, способствовавшие экономическому и культурному преобразованию этого региона.

---

\* Земли (около 67,8 млн га), принадлежавшие на правах частной собственности членам царской фамилии и управлявшиеся Кабинетом его величества.



Сибирские земельные отношения отличались от тех, что были характерны для европейской части России. В Сибири отсутствовало помещичье землевладение и крепостное право; существовало «кабинетское» землевладение; господствовало общинное землепользование освоенных старожилами земель; сохранялась обширная зона земель, пригодных для переселения. Земли традиционного проживания сибирских народов, потесненных переселенцами, соседствовали с землями освоенными выходцами из России [4, стб. 107–108].

Политика землепользования, проводившаяся в XIX в. в Сибири, характеризовалась отсутствием твердой и постоянной земельной нормы, а также поддержанием общинного землепользования без «утеснения заимочной»<sup>\*</sup> предприимчивости крепких хозяев. Вместе с тем, заимки раздражали власти как своим многоземельем, так и тем, что были основаны на единоличной форме землевладения, несмотря на то, что экономический и социальный эффект от их хозяйствования был выше, чем достигавшийся основной массой крестьянских дворов.

Огромные и разнообразные природные богатства этого региона почти не были вовлечены в экономический оборот страны. Внимание казны и промышленников в XVIII в. привлекала лишь находка месторождений золота и серебра. Некоторое оживление в Сибири наступило в середине XIX в. после открытия достаточно богатых месторождений благородных металлов, привлечших к себе внимание не только промышленников, но и искателей быстрого обогащения. Несмотря на трудности и опасности пути энергичные люди отправлялись в Сибирь.

Поэтому рассмотрение промышленного развития Сибири и приходится начинать с золотодобывающей промышленности.

Сибирское золото впервые получили на Колывано-Воскресенском заводе А. Демидова в 1745 г. при плавке серебряноцинковых руд Змеиногорского месторождения на Алтае. В 30-е годы XIX в. золото стали добывать в Томском, Нерчинском, Ачинском, Енисейском округах, а в конце века — в Бодайбинском, Ленском и др. [4, стб. 170–171].

Добычей золота, наряду с промышленниками, занимались старатели на свой страх и риск, имевшие примитивное снаряжение и надеявшиеся на слепую удачу — «фарт». Сами того не ведая, они играли очень важную для золотопромышленников роль разведчиков-первопроходцев, экономия компаниям затраты на проведение поисковых работ. Старательский фарт привлекал к себе множество готовых рисковать людей. Многие переселенцы, особенно молодые и одинокие, не доезжая до места своего водворения, сразу направлялись на поиски золота в тайгу.

---

<sup>\*</sup> Заимкой назывался дополнительный промысловый или охотничий участок богатого крестьянина.

Даже на крупных приисках условия труда и быта рабочих были очень тяжелыми. Это беспокоило Бунге, стремившегося к созданию в России цивилизованного капитализма.

Став министром финансов, он заинтересовался положением фабричных рабочих, пришедших в города из бывших крестьян. С этой целью им была организована фабричная инспекция, к работе в которой он привлек и профессора Московского университета И.И. Янжула. Получив от него и других инспекторов сообщение о тяжелых условиях труда и отсутствии нормальных бытовых условий промышленных тружеников, Бунге способствовал принятию фабричных законов, которыми ограничивалась эксплуатация рабочих, и предусматривалось создание для них нормальных жилищных условий.

В «Загробных заметках» (своего рода завещании, предназначенном для императора) он напишет, что плохие условия труда и быта на некоторых фабриках или заводах вынуждают рабочих в поиске лучших, переходить с одних предприятий на другие. «Образование оседлого фабричного населения невозможно без постройки домов для семейных рабочих, желающих приобретать их в собственность или в постоянное пользование. Необходимо водворение семейного быта между рабочими и обеспечение им жилища, примененного к истинному человеческому существованию. <...> обеспечению домашнего комфорта, удовлетворяющего реальные потребности рабочего класса. Необходимо предусмотреть общественные учреждения для рабочих, улучшающих их материальный быт (прачечные, бани, столовые для холостых, читальни и пр.), а затем подумать об установлении более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов» [1, с. 237]

Бунге думал не только о развитии промышленности в европейских губерниях России, но еще в большей степени о неосвоенных территориях Сибири. Он отмечал: нужды народные здесь так разнообразны, что нельзя познать их, совершенно не разобравшись по существу. Промышленники же стремились к получению возможно большей прибыли, экономя на создании приемлемых условий для работы на предприятиях, и тем более на строительстве рабочих поселков.

В конце XIX в. усилилось движение по Московскому или Сибирскому тракту. Его состояние уже не удовлетворяло требованиям ни путешественников, направлявшихся в Сибирь, ни едущих из Сибири: долго, сложно и дорого. Мысль о соединении Европейской России и Сибири удобным транспортным путем высказывалась еще в середине XIX в. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским, представителями промышленных и торговых кругов. Не последнее слово принадлежало и военным, которые исходили из стратегических со-

ображений, что дорога необходима для защиты русских владений на Дальнем Востоке.

В 1887 г. начались изыскательские работы по трассе будущей дороги, которые велись с большими, подчас неоправданными трудностями, но к 1892 г. значительная часть подготовительной работы была закончена. Став министром транспорта, С.Ю. Витте, прежде всего, разработал идейное обоснование Сибирского проекта. По его предложению император Александр III учредил Комитет Сибирской железной дороги, которому вменялось в обязанность обеспечение координации деятельности многих ведомств. Председателем Комитета он назначил цесаревича Николая, а вице-председателем — Н.Х. Бунге, сосредоточившего в своих руках руководство Комитетом и строительством магистрали, положившей начало подлинного освоения Сибири [2, с. 295].

Н.Х. Бунге подчеркнул также актуальность заселения неосвоенных окраин империи с точки зрения их колонизации, поскольку это «в особенности бывает необходимо по политическим соображениям на границах отдаленных территорий для противодействия наплыву иностранцев». Следовательно, казна должна была оказать переселенцам помощь, необходимую для их закрепления на новом месте. Его идеи легли в основание всей деятельности Комитета.

В 1889 г. был принят Переселенческий закон, утвердивший и облегчивший возможность переселения крестьян в Сибирь.

Кардинальное изменение в переселенческом деле произошло с началом строительства Сибирской железной дороги. Чтобы успешно организовать переселение людей, необходимо было прежде построить дорогу. Поскольку рабочих рук в Сибири для ее строительства не было, то переселение приняло широкий прогрессивный целенаправленный характер. Оно стало возможным и успешным благодаря решительной деятельности Н.Х. Бунге\*. С декабря 1892 г. Бунге оказывал непосредственное влияние на переселенческую политику, как вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги, поддерживаемую цесаревичем Николаем Александровичем, разделявшим взгляды своего наставника на переселенческое дело. «Вопрос о переселении, — говорил ему Бунге на занятиях, — был поднят еще в 1881 г., но с тех пор он мало подвинулся. Земли, предназначаемые для переселения, не приведены в достаточную известность, а для приобретения их нет установленных правил» [6, с. 259]. Управляющий делами Комитета А.Н. Куломзин поз-

\* В правительственных документах отмечалось, что дорога экономически могла оправдать себя, только при условии достаточного заселения и развития прилегающих к ней районов.

же заметил, что в лице Бунге переселенческое дело нашло «наиболее энергического защитника».=

Переселенцы направлялись из трудоизбыточных черноземных губерний России и Украины, Поволжья, Белоруссии и Балтийского края, способствуя хозяйственному освоению новых территорий, развитию их производительных сил, решению ряда социальных и культурных проблем.

В то же время железная дорога и переселенчество послужили катализатором для развития рыночных отношений в Сибири. Рынок труда возрастал по мере повышения темпов переселения, приводя к росту спроса на потребительские товары. Среди пришлого населения, многие, не сумев приспособиться к сибирским условиям, становились источником наемного труда для сельского хозяйства, развивающейся промышленности, ремесла, торговли, транспорта, строительства.

Промышленники центральной России постепенно изменяли точку зрения на экономическое значение Сибири. Они стали понимать, что индустриализация России объективно испытывает потребность в экономическом взаимодействии обеих частей страны. Ввоз сибирского хлеба и других продовольственных товаров удешевлял рабочие руки в европейских губерниях России; развитие сельского хозяйства в Сибири открыло огромный рынок для сельскохозяйственного машиностроения и разного рода промышленных товаров. Сибирь вовлекалась в общероссийский поток капиталистического развития, становясь обширным полем приложения капитала.

Однако, традиционно правительство продолжало проводить в отношении Сибири колониальную политику, рассматривая ее как сырьевой придаток промышленности европейской части России и рынок сбыта своих товаров.

Сибирь манила крестьян слухами о богатых землях, вызывая усиленное переселение. Бунге, сторонник частного крестьянского землевладения, рекомендовал предоставить переселенцам твердую гарантию в возможности приобретения наделов за определенную плату в рассрочку, выдавая им документы на владение землей. Он подчеркивал, что без издания соответствующих законов задача освоения окраин империи остается невыполнимой. «Мы не допускаем распространения частной земельной собственности в Сибири (там ее вовсе нет) и удивляемся, что Сибирь медленно заселяется, что Соединенные Штаты Северной Америки и Канада в течение одного столетия довели колонизацию и железные дороги до Тихого океана, тогда как у нас, несмотря на отправленные массы лиц на поселение в Сибирь в течение 2-х столетий, Сибирь

остается Сибирью, страной дикой и недоступной, куда поселенцы идут и откуда возвращаются, потому что нет твердого порядка и правил относительно приобретения земель» [1, с. 232].

«В странах, обладающих громадным пространством земли, где применяется трехпольная система земледелия даже при ничтожном удобрении, хозяйствование приводит к хорошим результатам», — пытался доказать он [Там же].

Сибирское зерновое поле не только обеспечивало сибиряков, строителей Транссибирской магистрали, но и позволило экспортировать зерно в достаточно большом объеме. Сибирский хлеб был высокого качества и дешевле, чем производившийся в европейской части России.

Сибирское пастбище позволило развить многоотраслевое скотоводство молочного, мясного, шерстяного, овчинно-шубного направления, ставшего основой для развития соответствующего перерабатывающего производства.

Особое место принадлежало сибирскому маслоделию. Земельные просторы, хорошие естественные кормовые угодья и наличие водопоев оказались весьма благоприятными для развития в Сибири молочного скотоводства. По Московскому тракту ежегодно вывозилось до 5–6 тыс. тонн топленого масла. Масло изготавливалось ручным, весьма трудоемким способом. Количества его было явно недостаточно для завоевания рынка, да и отдаленные рынки для маслоторговцев, использовавших гужевой транспорт, были недоступны. За полстолетия вывоз масла возрос, но достиг к 1894 г. только 8 тыс. тонн. Сибирское масло подавалось к императорскому столу. Чтобы ускорить доставку масла к европейским и иностранным потребителям, маслоделам тоже была нужна железная дорога. После завершения ее строительства масло будет широко поставляться в губернские города центральной России. Сибирское масло, как самое сухое, займет к 1910 г. первые позиции в международной торговле.

Бунге обращает внимание на взаимопонимание «ведущей нации, осваивающей окраину с населением окраины», необходимости овладения коренным русским населением языком и обычаями окраин, а не насаждения там своих, чтобы исключить препятствия к слиянию народностей.

Для объединения коренной России с ее окраинами в области гражданских отношений, следует, прежде всего, «изучить народный быт и обычаи страны. Даже самые лучшие исследования отстают от реальной жизни» [1, с. 211]. Это было важно потому, что в Сибири живет много племен, с которыми необходимо жить в уважении и дружбе.

Можно согласиться с выводом, сделанным французским экономическим обозревателем Эдмоном Тэри: «...Сибирь, добрая половина которой, не говоря о минеральных богатствах, представляет первоклассные сельскохозяйственные угодья, которые, чтобы сделаться центрами крупного производства, ожидают лишь путей сообщения... и обитателей!» [7, с. 5]. Он многого не знал, но с позиции своего времени оценил ситуацию справедливо.

В Сибирь, пришли и приехали люди разных национальностей, говорящие на разных языках. Здесь, вместе с сибирскими народами, они образовали новую общность, став сибиряками, крепкими, мужественными, стойкими, способными выдержать любые трудности во имя России.

### Список использованной литературы и источников

1. Бунге Н. Х. Загробные заметки / Н. Х. Бунге // Река времен : книга истории и культуры. — Кн. 1. — Москва : Эллис Лак : Река Времен, 1995. — С. 198-254.
2. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. : в 2 т. / С. Ю. Витте. — Т. 1. — Москва : ТЕРРА, 1997. — 352 с.
3. Рогачевская М. А. Вклад Николая Христиановича Бунге в социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. / М. А. Рогачевская // Сибирская Финансовая школа. — 2019. — № 3. — С. 108–118.
4. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — Т. 2. — Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1931. — 1152 стб. — 582 с.
5. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. — Т. 3. — Новосибирск : Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. — 804 стб. — 443 с.
6. Степанов В. Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора / В. Л. Степанов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 398 с.
7. Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор / Перевод Н. Круглого / Э. Тэри. — Paris, 1914. — Репринт. — Париж : УМСА-press, 1986. — 158 с.

### Информация об авторе

*Рогачевская Майя Антоновна* — кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Сибирский институт управления, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: mrogachevskaya@mail.ru.

### Author

*Maya A. Rogachevskaya* — Candidate of economic sciences, Associate Professor, Senior lecturer of the Department of finances and credit, Siberian institute of management — Branch of RANEPa, 630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya Str., 6, e-mail: mrogachevskaya@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.14

УДК 33:930

ББК 65

*В.В. СИННИЧЕНКО**Г.С. ТОКАРЕВА*

## **РОСТ КОНТРАБАНДЫ АКЦИЗНЫХ ТОВАРОВ НА ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

В статье говорится о том, что после введения таможи на русском Дальнем Востоке в конце XIX в. начался рост контрабанды по сухопутной и морской границе на русском Дальнем Востоке. Основным контрабандным товаром был спирт. Для производства и последующей контрабанды спирта на территории Северо-Восточного Китая — Маньчжурии были созданы заводы, которые производили алкогольную продукцию, поставляемую как в Забайкалье, так и Приамурье, и Приморье. Большую роль в противодействии контрабанды выполняли чины корчемной стражи, которые не только выявляли мелких проносителей контрабанды — китайцев и казаков, но и вместе с сотрудниками российской полиции задержали представителей маньчжурских спиртовых заводов.

**Ключевые слова:** маньчжурский спирт, российско-китайская граница, китайцы, контрабанда, казаки, прииски, корчемная стража.

*V. V. SINICHENKO**G. S. TOKAREVA*

## **THE GROWTH OF SMUGGLING OF EXCISE GOODS IN THE EASTERN RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY**

The article states that after the introduction of customs in the Russian Far East in the late XIX century the growth of smuggling along the land and sea border in the Russian Far East began. Alcohol was the main smuggling commodity. For the production and subsequent smuggling of alcohol in the territory of North-East China — Manchuria, factories were created, which produced alcoholic products supplied both in Transbaikalia, and Priamurye and Primorye. A major role in countering smuggling was played by the ranks of the Korchem guards, who not only identified small smugglers — Chinese and Kazacks, but also detained representatives of Manchurian alcohol factories together with Russian police officers.

**Keywords:** manchurian alcohol, Russian-Chinese border, Chinese, smuggling, Cossacks, minions, guard.

В период с 1906 г. по 1908 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке произошло сокращение доходов от акцизного сбора.

В 1906 г. государство от реализации алкогольной продукции в регионе получило доход в размере 5 934 тыс. руб.; 1907 г. — 5 498 тыс. руб.; 1908 г. — всего 5 025 тыс. руб. Таким образом, только за два года продажи казенной водки упали на сумму в 900 000 руб. [5, с. 724].

В 1907 и 1908 гг. китайцы ежегодно ввозили в Забайкалье, Приамурье и Приморье нелегального спирта на сумму в 2 млн. руб. в год [2, с. 128].

Главные таможи Забайкалья — Сретенская и Маньчжурская, не могли справиться с контрабандой спирта.

Акцизным контролем в 1907–1911 гг. в Забайкалье было произведено 141 задержание вино-водочных изделий на сумму 4572 руб. 19 коп. Борьба с контрабандой, несмотря на материальные стимулы в виде отчисления участникам определенного процента от стоимости задержанного товара, была слабой из-за межведомственных противоречий. Поэтому военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров призвал консолидировать усилия таможенников, акцизных контролеров и корчемных стражников [14, с. 120].

По подсчетам контролеров Забайкальского акцизного управления, ежегодно в Забайкалье контрабандой ввозилось более 101 тыс. ведер вина в 40° (т.е. водки) из г. Хайлар и почти 128 тыс. ведер из Маньчжурии [3, л. 244–244 об.].

Спирт расходился по мелким китайским лавкам. Значительная часть контрабандного алкоголя вывозилась в те населенные пункты, где шло строительство казенных объектов, на прииски и в Нерчинский завод.

16 января 1909 г. был утвержден закон «О закрытии порто-франко» по морской границе России на Дальнем Востоке. Однако, так как таможенники, по положению Санкт-Петербургского договора 1881 г., могли действовать только за пределами 50-верстной пограничной полосы российско-китайской границы, по сухопутной границе рост контрабанды в 1909–1913 гг. продолжался.

В структуре же сухопутной контрабанды как по числу случаев, так и стоимости, доминировал спирт [10, л. 104].

Благовещенская таможня в 1909–1912 гг. фиксировала увеличение объемов русско-китайской торговли по Амуру на 30 % и рост задержанной контрабанды на 25 % в количественном и на 20 % в стоимостном выражении [10, л. 11].

Контрабандный маньчжурский спирт и китайская водка-ханшин ввозились в Приамурье и Приморье и были задержаны таможенниками и корчемниками в 1909–1912 гг. на сумму в 487 540 руб. 54 коп. Контрабанда провозилась в телегах под сеном в бутылках или переносились в карманах [9, л. 2].

Первоначально контрабандистами были казаки. В 1909 г. было в Приморье — 26 случаев задержания казаков со спиртом, в 1910 г. — уже 39, в 1911 г. — 95. Поэтому 23 февраля 1909 г. последовал при-



каз по Уссурийскому казачьему войску, согласно которому казакам под страхом жесткого дисциплинарного преследования запрещалось перевозить спирт из-за границы. В случае задержания казака должны были привязать к позорному столбу, повесить табличку-контрабандист и подвергать унижению со стороны местного общества. Вводились ограничения на пользование казенными лошадьми для казаков-контрабандистов [8, л. 31].

Тем не менее, как отмечено выше казаки продолжали попадаться с контрабандным спиртом и нести не только дополнительную, но и предусмотренную законом ответственность. Так, в отношении 26 казаков Уссурийского казачьего войска (Приморская область) в 1910 г. суд вынес наказание об административном аресте в три или шесть (за повторное нарушение) месяцев или приговорил их к штрафу. Сумма штрафа обычно составляла от 80 до 160 руб. Самый крупный штраф, наложенный на контрабандиста Иваненко, составлял 713 руб. [7, л. 2–10].

В 1911 г. привлечено за контрабанду было 95 казаков. Самый крупный штраф составил в этот год 2 838 руб. с казака Барановского поселка Н.Н. Дарьина. В 1912 г. количество задержаний уменьшилось и составило 75 казаков. В 1913 г. количество привлеченных к суду пограничных жителей Приморской области значительно сократилось до 12 человек. Скорее всего, это было связано с тем, что к 1913 г. основным направлением контрабандных грузов стал Благовещенск и Амурская область. В 1914 г. таможенные и корчемные службы Приморья задержали с контрабандой 93 казаков, а в 1915 г. — 47 человек [7, л. 10–12].

Как мы видим, в 1912–1913 гг., стремясь избежать ответственности, казаки стали использовать для контрабандного провоза товаров через границу китайское и корейское население. Начальник Приамурского таможенного округа уже 23 июля 1909 г. фиксировал, что казачьи станичные и поселковые власти выдают поддельные документы китайским торговцам, провозящим в Россию спирт из Маньчжурии [8, л. 273].

Корчемная стража в ноябре 1912 г. получила сведения, что в станице Игнашиной проживает 150 китайцев-контрабандистов, которые разместились в 23 домах. Пятьдесят китайцев специализировались на продаже опиума, а 100 человек промышляло реализацией маньчжурского спирта и ханшина [6, л. 62].

Вообще действия корчемной стражи в 1911–1915 гг. говорят о незначительности ее успехов в Приморской области. Так, за указанный период было всего 115 случаев задержания контрабанды на сумму 4 490 руб. [11, д. 150. л. 53]. В основном контрабанда шла по сухопутной, а не морской границе. Так, в мае 1915 г. в Приморье были три случая задержания корчемной стражей спирта (30 руб. штрафа) по сухопутной границе и только один случай задержания спирта (16 руб. штрафа) по морю [11, д. 150, л. 19].

В организации контрабанды, по мнению корчемников, главными лицами были казаки, которые действовали весьма осторожно, организуя контрабандные сообщества из китайцев и корейцев. В Приморье корейцы и китайцы — несуну контрабанды — доставляли ее в село Раздольное, а оттуда по тракту на Барабаш и далее во Владивосток.

Рост контрабанды спирта наблюдался и в Забайкалье. Особенностью контрабандных операций в регионе стало то, что дополнительно к монгольскому спирту московские промышленники стали вывозить спирт в Китай, а оттуда контрабандно ввозили его в дальневосточные пределы России.

Ввозимая из Китая в Россию контрабандная водка разгружалась на приграничных станциях железной дороги — Могочи, Борзя и пр., границу контрабанда пересекала на подводах. Часть контрабанды ввозилась в Россию сотрудниками министерства путей сообщения в подвижном составе и укромных местах паровозов. Борьба с контрабандой спирта по железной дороге была усложнена тем, что акцизные же чиновники были ограничены в праве досматривать поезда [4, л. 12–13].

В целом, в 1915 г. емкость нелегального рынка бутлегерства в Маньчжурии, в направлении Приморья, Приамурья и Забайкалья составляла 5 млн руб.

Тем не менее спирт водворялся в громадных размерах ввиду его дешевизны в Монголии (около 3 р. 50 к. за ведро). Самой прибыльной статьей контрабанды был русский спирт, обратный безакцизный ввоз которого стал настоящим бедствием Забайкалья. Так согласно проведенному к 14 декабря 1910 г. оперативному расследованию Департамента полиции стало известно, что спирт отправлялся по Сунгари доверенным предпринимателя Найдича С.И. Фридом. В Маньчжурии были созданы спиртовые склады, расположенные напротив казачьих станиц Дымегой, Чернявки, Джалинда, Игнашиной. Руководитель контрабандного ввоза в Забайкалье местный предприниматель — Абрам Окунь. Спирт сначала вывозился за границу московскими предпринимателями из Харьковской губернии (заводы Штейнера), а оттуда после получения вывозной пошлины тайно ввозился обратно в Россию и реализовывался на рынках Восточной Сибири и Дальнего Востока [12, л. 2].

Кроме российского спирта в Приамурье нелегально ввозили в Россию и китайскую водку — ханшин в 60 градусов крепости. Местное производство в Маньчжурии было организовано в годы русско-японской войны и ханшин сплавляли в Россию по рекам Амуру, Аргуни и Уссури. Центром отправки ханшина служил Харбин. Во время речной навигации — с 10 апреля по 15 октября водку отправляли по Сунгари на пароходах, в зимнее же время ханшин ввозился в Россию гужевым транспортом из Харбина в Сахалин, и из Цицикара через Мерген в Айгун. Затем спирт из пограничных китайских городов Сахалина уходил в Хабаровск, а из Аргуна в Благовещенск.

Кроме того, в Маньчжурии существовали спиртовые заводы, которые производили чистый спирт по русской технологии. Этими предприятиями владели россияне Врублевский (Харбин), Попов (Фулярди), Шильников и братья Кузнецовы (Нингута).

С 1906 г. завод Шильникова прекратил работу из-за введения местными китайскими властями налога на производство спирта. Попов уплатил китайским властям налог в размере повышенной на 1 200 руб. в год платы за землю и 40 коп. с пуда каждого произведенного спирта. Маньчжурские фабриканты образовали особый «водочный синдикат», подняв цену водки с 4 до 7 руб. за ящик [12, л. 7–8].

С началом Первой мировой войны 16 августа 1914 г. был издан закон «О воспрещении продажи спирта, вина, водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени».

12 сентября 1914 г. был наложен запрет на провоз спиртных напитков и по линии Китайской восточной железной дороги (далее КВЖД), находившейся под российским управлением. За ввоз спирта и его продажу на расстоянии 250 сажень (около 400 метров) от железнодорожного полотна промышленника ждал штраф на сумму до 500 руб. или заключение в тюрьму на срок до трех месяцев [1, д. 1751, л. 17].

Предложение о заключении соглашения по борьбе с бутлегерством и опио-торговлей было передано китайской стороне 29 декабря 1914 г. 14 апреля 1915 г. китайское правительство издало распоряжение всем своим таможням в Маньчжурии, запрещающее с 1 мая 1915 г. ввоз и вывоз спирта в приграничную зону Маньчжурии под угрозой уголовной ответственности [1, д. 1751, л. 91].

Несмотря на принятые меры объемы контрабанды спирта в Приамурье возросла. Так, если в 1913 и 1914 гг. российские таможенники и корчемники на Амуре задержали 7 ведер контрабандного ханшина, то в 1915 г. уже 79 ведер. Контрабандного же спирта с маньчжурских заводов было задержано в 1913 г. — 40 678 ведер, 1914 г. — 21 992, 1915 г. — 27 137 ведер [13, л. 148–149].

Договор России и Китая был по борьбе с бутлегерством был заключен 8 (21) мая 1916 г. Юридическое действие договора начиналось с 9 сентября 1916 г. Однако правовую ценность этого соглашения снижало то, что некоторые иностранные подданные обладали правом экстерриториальности на всей территории Китая. Этим воспользовались китайские и российские контрабандисты, которые передали свои фирмы под фиктивное управление японских и французских подданных. В ответ на последовавший запрос российского МИДа иностранные консулы заявили, что можно запретить продажу спирта подданным России, но не вообще его производства и потребления иностранцами [1, д. 1756, л.97].

Несмотря на реакцию консулов, на состоявшемся 28 июля 1916 г. межведомственном совещании при Министерстве финансов было решено рекомендовать МИД заключить соглашения с другими державами по запрещению оборота спирта в Маньчжурию. Однако присоединялась к соглашению только Монголия [1, д. 1754, л. 356].

Монголия играла особую роль в контрабанде спирта из Маньчжурии в Россию. В 1913 г. из Монголии в Россию был привезен спирт в количестве 3 500 ведер, из такого количество спирта получалось 157 500 бутылок водки, продаваемых в среднем по 50 коп. за бутылку, итого алкогольная продукция реализовывалась на сумму в 78 700 руб. Во главе производителей спирта в Монголии стоял Шильников, уехавший из Китая и Гейнрих [4, л. 7 об.].

В 1914 г. привоз спирта в Монголию увеличился в семь раз. Поэтому МИД России воздействовал на монгольское правительство в ноте от 30 декабря 1914 г., в котором требовалось ввести запрет на китайскую алкогольную продукцию, беспощинно ввозившуюся в Монголию. Монгольское правительство первоначально согласилось запретить покупку водки только русским подданным в Монголии.

Поэтому был поставлен вопрос о запрещении ввоза в русские поселения в Монголии дешевого маньчжурского спирта русского производства, также как и ханшина, путем заключения с монгольским правительством особого соглашения. К сожалению, монгольское правительство, получая большой доход от привоза спирта (10 % бюджета), уклонилось первоначально от заключения подобного соглашения. Однако под давлением российских властей в ноябре 1916 г. им удалось добиться от монгольского правительства присоединения Монголии к русско-китайскому соглашению о борьбе со спиртом [4, л. 29, 30].

Тем не менее, фактических результатов это соглашение не достигло из-за революционных событий 1917 г. Так, в зону отчуждения КВЖД за первые месяцы 1917 г. было ввезено 500 тыс. ведер маньчжурского спирта. Примерно пятая часть была отправлена в Монголию [4, л. 56].

Таким образом, можно сказать, что с 1909–1910 гг., согласно данным официальной статистики, контрабандные потоки увеличились по сухопутной границе между Россией и Китаем. На русско-китайской границе основным контрабандным грузом был спирт. Именно поэтому акцизный надзор в 1911 г. был дополнен корчемной стражей. Российские власти решили сосредоточить усилия на борьбе со спиртом, производимым на заводах в Маньчжурии, принадлежащих русским подданным, проникающим затем в российские пределы и наносящегося вред местному населению. Они добились соглашения с Китаем (1915 г.), а потом и с Монголией (1916 г.) о совместной борьбе с контрабандой спирта. Однако несмотря на это ввоз спирта через российско-китайскую границу в Забайкалье и Приморье резко усилился в годы Первой мировой войны.

В то же время из-за призыва казаков Амурского казачьего войска в действующую армию сократился контрабандный ввоз алкоголя в Амурскую область.

### Список использованной литературы и источников

1. Архив внешней политики Российской империи. — Ф. (Китайский стол). — Оп. 491. — Д. 1751; Д. 1754; Д. 1756.
2. Глуздовский В. Е. Приморско-Амурская окраина / В. Е. Глуздовский. — Владивосток : Дальняя окраина, 1914. — 179 с.
3. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. 107. — Оп. 1. — Д. 92.
4. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 25. — Оп. 11. — Д. 103.
5. Приложения к стенографическим отчетам. Государственная дума. III-й созыв. Сессия четвертая. 1910 г. — Т. 1. (№ 1–143). — Санкт-Петербург, 1910. — № 51. — 1131 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 1558. — Оп. 3. — Д. 22.
7. РГВИА. — Ф. 1582. — Оп. 2. — Д. 689.
8. РГВИА. — Ф. 1573. — Оп. 2. — Д. 650.
9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 66. — Оп. 2. — Д. 4.
10. РГИА ДВ. — Ф. 396. — Оп. 1. — Д. 23.
11. РГИА ДВ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 150; Д. 194.
12. РГИА ДВ. — Ф. 702. — Оп. 2. — Д. 263.
13. РГИА ДВ. — Ф. 702. — Оп. 3. — Д. 151.
14. Таможня на Тихом океане: документы и материалы. Вып. 5. Таможня в Забайкалье. 1862–1926 гг. / сост. Н. А. Беляева. — Владивосток : ВФ РТА, 2008. — 212 с.

### Информация об авторах

*Синиченко Владимир Викторович* — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России. 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Тел. 89647334929, эл. почта: v.v.sinichenko@bk.ru.

*Токарева Галина Сергеевна* — преподаватель кафедры общеправовой подготовки ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Тел. 89144011210, эл. почта: khb.jasmine@mail.ru.

### Authors

*Vladimir V. Sinichenko* — doctor of historical sciences, professor, chief of department civil law disciplines, ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664071, Irkutsk, Lermontov street, 110.89647334929, v.v.sinichenko@bk.ru

*Galina S. Tokareva* — Lecturer of the Department of General Legal Training of ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664071, Irkutsk, Lermontova Str., 110. 89144011210, khb.jasmine@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.15

К.А. СОСНЕРЖ

УДК 332(=512.31) (091)

ББК 65.9(2)32-5г

## **ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА КАК СРЕДСТВО ИНКОРПОРАЦИИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

В статье рассматривается комплекс мероприятий, направленный на упрочение единства Европейской и Азиатской частей России в рамках империи. Анализируется роль распространения земледелия среди коренного населения в процессе экономической интеграции сибирского региона. Также, показана роль христианства как дополнительного и не менее важного инструмента по привлечению кочевников-бурят к оседлости.

**Ключевые слова:** землеустройство бурятского населения, Сибирь, модели инкорпорации, унификация.

К.А. SOSNERZH

## **LAND REFORM AS A MEANS OF INCORPORATION OF THE BURYAT PEOPLE INTO THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

The article considers a set of measures aimed at strengthening the unity of the European and Asian parts of Russia within the Empire. The article analyzes the role of the spread of agriculture among the indigenous population in the process of economic integration of the Siberian region. It also shows the role of Christianity as an additional and no less important tool for attracting nomadic Buryats to settle.

**Keywords:** land management of the Buryat population, Siberia, incorporation models, unification.

Методы включения окраинных территорий в состав Российской империи менялись на протяжении всего существования государства. Присоединение каждой новой территории с ее иноязычным населением ставило перед правительством проблему инкорпорации этих территорий в экономическое, административно-правовое и культурно-бытовое пространство Российской империи.

Присоединенные территории на Востоке существенно отличались от Европейской части России природно-климатическими условиями, уровнем своего экономического развития, этно-конфессиональным составом

населения. В частности, в отношении сибирских окраин правительство Российской империи действовало с учетом социально-экономической отсталости региона, поэтому отдавало себе отчет в том, что на начальном этапе регион невозможно полностью подчинить российскому законодательству. Тем не менее, для правительства было важно создать такие условия в регионе, которые соответствовали бы потребностям федерального государства.

В XIX в. с началом развития горной промышленности, золотодобычи, урбанизации, а также с ростом численности русского населения в целом поднялся спрос на продукты земледелия и животноводства. Это заставило правительство задуматься о развитии надежной продовольственной базы на Востоке, а также взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев.

Во второй половине XIX в. проходил процесс совершенствования модели управления окраинами. Во внутренней политике правительства наблюдались тенденции к хозяйственной, административной и финансовой унификации с целью обеспечить единство Европейской и Азиатской частей России.

Весь комплекс мероприятий, разработанный в данный период, был направлен на ликвидацию старого административно-территориального устройства. После этого планировалось установить на территориях коренного населения Сибири единую для всей России волостную организацию. Очевидно, что для достижения этой цели необходимо было не только унифицировать землепользование коренного населения с русским, но и в целом реформировать административное устройство края.

Одной из главных особенностей аграрного строя в Сибири явилось отсутствие генерального размежевания. Земельные угодья не были юридически разграничены. Как отмечает исследователь И.А. Асалханов, местное коренное и русское население привыкло самостоятельно распоряжаться землями и лесами [2, с. 82].

Кроме этого, к концу XIX в. темпы переселения русского населения в Сибирь значительно возросли. По данным исследователя Л.М. Горюшкина, в период с 1861 г. по 1885 г. в Сибирь ежегодно переселялось около 12 тыс. человек, а в 1886–1895 гг. — свыше 39 тыс. человек [3, с. 116].

Таким образом, необходимо было как можно скорее решить аграрный вопрос в регионе, потому что именно он являлся тем стержнем, на котором основывались дальнейшие мероприятия правительства в отношении сибирского населения. Землеустроительные работы в Забайкальской области начались лишь в 1908 г. — на 9 лет позже, чем в Иркутской губернии. Прежде всего, это было связано с крайней запутанностью местных поземельных отношений, значительно высоким количеством кочевого «инородческого» населения, а также с целой серией на-



циональных движений против земельной реформы. Важно отметить, что на аграрную политику самодержавия на территории области влияли как внешнеполитические обстоятельства — близость границ к Тихому океану, так и внутривнутриполитические — решение переселенческого вопроса.

В связи с перечисленными обстоятельствами, 23 мая 1896 г. был принят закон «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», в котором российское правительство объявлялось собственником земли [9, л. 503]. В июне 1898 г. были утверждены «Правила о порядке определения земельных наделов...» [11, л. 454]. Согласно п. 3 Правил, кочевые «инородцы», на территории которых землеустроительные работы были завершены, перечислялись в разряд «оседлых» и уравнивались в правах и обязанностях с русским крестьянским населением. По замечанию исследователя Л.М. Дамешенка, переход на «оседлость» подразумевал выплату налогового оклада государственных крестьян, который являлся существенно выше, чем оклад кочевого населения [6, с. 200].

По данным переписи 1897 г. в Иркутской губернии числилось 514 267 чел. (об. п.) наличного населения. Из них 308 626 чел. или 60 % приходилось на крестьянское сословие и 115 843 чел. или 22,5 % на сословие «инородцев». Почти все инородческое население Иркутской губернии составляли буряты 108 887 чел. или 94 %. Согласно материалам переписи, 98 944 чел. или 91 % из числа бурятского населения назвали земледелие в качестве своего основного занятия. Животноводство — 6 449 чел. или 6 % [14, с. 115].

Эти цифры говорят о том, что на территории Иркутской губернии к концу XIX в. практически все «инородческое» население было занято земледелием. Также, по мнению исследователя А.М. Курышова, бурятское хозяйство на данном этапе уже было земледельческим, однако обладало специфическими чертами, связанными со все еще значительной ролью скотоводства. На данном этапе, скотоводство среди бурят Иркутской губернии, по мнению автора, стояло на одном уровне с животноводством русских крестьян. А также, являлось оптимальной формой хозяйственной жизни в данных географических и социальных условиях [7, с. 160–161].

Для сравнения приведем данные переписи 1897 г. по Забайкальской области, где классическое кочевое скотоводство было изначально распространено шире, чем среди бурят Иркутской губернии. В Забайкальской области на момент переписи числилось 672 037 чел. (об. п.) наличного населения. Из них 239 011 чел. (35,6 %) относились к крестьянскому сословию, 184 046 чел. (27,3 %) — к «инородческому». Земледелие в качестве основного занятия назвали 36 115 чел.



(19,6 %) бурятского населения, животноводство — 138 581 чел. (75,3 %) [13, с. 120–121].

Распространение пашенного земледелия среди коренного населения Сибири имело целью не только экономическую, но и социокультурную их инкорпорацию в состав Российской империи. На данном этапе главная роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски [5, с. 38].

Дополнительным и не менее важным инструментом по привлечению кочевников-бурят к оседлости послужило распространение христианства. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют о том, что для большинства крестившихся «инородцев» следующим шагом был переход на оседлое производство, повлекшее за собой более интенсивное развитие земледелия в регионе. В ходе этого процесса, на разных территориях Сибири образовывались целые деревни крещеных оседлых «инородцев», которые уже практически ничем не отличались от крестьянских сел [6, с. 306]. По мнению исследователя Б.З. Нанзатова, как правило, христианство принимали люди, находившиеся в конфликтной ситуации с обществом, с его зажиточной верхушкой, родоначальником. Такой раскол подкреплялся административными изменениями — смена сословия и место жительства. Принявшие христианство буряты переселялись в крестьянскую волость, либо образовывали отдельное поселение, разрывая связи с сородичами [8, с. 105].

Анализ статистических данных материалов переписи 1897 г. говорит о довольно широком распространении православия среди бурятского населения в конце XIX в. В Иркутской губернии из числа наличного населения 514 267 чел. (об. п.) относили себя к православному вероисповеданию 428 301 чел. (об. п.) или 83 % населения. К числу жителей губернии, исповедовавших «буддистскую и ламаитскую» веру, а также различные языческие культы, относилось 63 648 чел. (об. п.) или 12 % населения [14, с. 52–53]. В Забайкальской области из числа наличного населения 672 037 чел. (об. п.) исповедовали православную веру 443 009 чел. (об. п.), что составляет 66 % населения. «Буддизм и ламаизм» и языческие культы исповедовали 178 628 чел. (об. п.) или 27 % населения [13, с. 60–61].

Таким образом, в результате целого комплекса экономических, административных и культурных преобразований происходило более интенсивное проникновение русской культуры в среду коренного населения. Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири,

допуск к получению образования детей только крещеных «инородцев», успешное продвижение по службе должностных лиц, принявших христианство. Так, в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам, все остальные исповедовали православие. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц из числа бурят и тофаларов, занимавших выборные должности, причисляли себя к православным [6, с. 232–233]. Такое положение полностью отвечало идеям правительства, которое стремилось транслировать свои интересы в регионе с помощью потомственной родовой знати — опоры самодержавия на Восточной окраине.

В период 1880–1890-х гг. среди местной администрации главным явился вопрос о ликвидации сословных привилегий «инородцев» по сравнению с русским населением и полное их подчинение крестьянским учреждениям и установлениям. На данном этапе предлагалось ликвидировать старое административное устройство, распространить действие паспортной системы на коренных жителей, привлечь их к воинской повинности. Эти мероприятия были направлены непосредственно на упразднение сословия «инородцев», которое перестало существовать уже в начале XX в.

В 1892 г. генерал-лейтенант А.Д. Горемыкин направил в Министерство внутренних дел свой проект, в котором предложил распространить на Сибирь Закон о земских начальниках, обеспечив их более расширенными функциями — контроль как крестьянского, так и коренного населения. Причем, в отношении «инородцев» А.Д. Горемыкин предлагал возложить на земских начальников обязанности надзора за деятельностью местного управления, а также наделить их полицейскими и судебными функциями.

Предложения Горемыкина легли в основу закона 2 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках» [10, л. 403–404]. Несколько позже, крестьянским начальникам, на подведомственных территориях которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников» [12, л. 876]. Согласно проекту Горемыкина, местное управление коренным населением таким образом было подчинено ведомству государственной администрации.

Новый штат чиновников, состоявший в основном из числа разночинцев, зачастую не имевших образования, в отличие от земских начальников Европейской части России, состоявших из числа образованных дворян, был призван обеспечить на территории Сибири продвижение и защиту интересов российского правительства [4, с. 24]. Крестьянские начальники имели большое влияние и на ход землеустроительных ра-

бот среди коренного населения. Это проявлялось в спорных вопросах относительно поземельного устройства — при разрешении конфликтных ситуаций чиновники руководствовались интересами, проводимой в этот период, переселенческой политики, а не интересами коренного населения. В целом, принятые проекты хотя и реформировали местное управление, но не отменяли, учрежденную Уставом 1822 г., поразрядную систему управления коренным населением, считавшуюся уже неактуальной и тормозящей экономическое развитие региона.

В результате, накануне первой русской революции 1899–1902 гг. делопроизводителю земского отдела И.И. Крафту было поручено разработать проект волостной административной реформы. Итогом работы стал документ под названием «Правила об управлении инородцами в местностях, на которых распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках», явившийся наиболее полным законопроектом правительства со времен «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

Согласно проекту Крафта, вместо родовых управлений и инородных управ вводились волостные управления по русскому образцу, а все наследственные должности заменялась новым штатом волостных старшин и сельских старост из числа зажиточных «инородцев». Стоит отметить, что изначально планируемое проведение волостной реформы одновременно с землеустроительными работами оказалось невозможным из-за медленного темпа землеустроительных работ на территории Сибири.

В 1908 г. министерские чиновники разного уровня потребовали от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевого населения в разряд оседлых. Особую активность на данном этапе проявил П.А. Столыпин. В январе 1909 г. по предписанию П.А. Столыпина сибирским губернаторам вменялось незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех кочевников, получивших земельные наделы. Столыпин подчеркивал, что это перечисление «ныне возможно в любой момент», не дожидаясь окончания переписи [6, с. 276].

Выделенные наделы земли в ходе землеустроительных работ имели размеры 15 дес. на наличную муж. п. душу в Иркутской губернии и 30 дес. — в Забайкальской области. Вопрос о научном обосновании размеров, в зависимости от уровня хозяйствования населения, как правило, не ставился. По мнению исследователя Ч.Г. Андреева, такой подход не отвечал целям аграрной политики Российской империи [1, с. 109].

В ходе проведения волостной реформы, принявшей к этому моменту более агрессивные формы, кочевые «инородцы» незамедлительно были переведены в разряд оседлых. По данным материалов РГИА, к 1914 г. из 350 тыс. кочевников Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разря-

де кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло около 33 % всего коренного населения [15, с. 242].

Таким образом, проводимая политика Российской империи на Востоке была направлена на упрочение единства Европейской и Азиатской частей России в рамках империи. В распространении земледелия правительство усматривало способ инкорпорации коренного населения не только в экономическое, хозяйственное, но и в социокультурное пространство государства, что подкреплялось административными изменениями. Именно поэтому при включении сибирской территории в состав государства правительство и церковь выступали с единой позиции. Однако, в последующем, проведение волостной реформы более агрессивными методами спровоцировало целую волну недовольств и сопротивления нерусских народов.

### Список использованной литературы и источников

1. Андреев Ч. Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX — начале XX вв. / Ч. Г. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2011. — № 1 (1). — С. 102–115.
2. Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX века / И. А. Асалханов // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. Серия историческая. — 1968. — № 5. — С. 82–98.
3. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 243 с.
4. Дамешек Л. М. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) / Л. М. Дамешек, Г. В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1988. — С. 21–35.
5. Дамешек Л. М. Крайняя политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII — начала XX вв. / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2016. — Т. 17. — С. 35–47.
6. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.) / Л. М. Дамешек — Иркутск : Оттиск, 2018. — 456 с.
7. Курышов А. М. Экономические предпосылки реформирования землепользования бурят Иркутской губернии в конце XIX — начале XX века / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 154–165.
8. Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. — начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. — 2017. — № 5 (33). — С. 102–110.
9. ПСЗ-III. — Т. 16. — № 12998.
10. ПСЗ-III. — Т. 18. — Ч. 1. — № 15503.
11. ПСЗ-III. — Т. 18. — Ч. 1. — № 15539.
12. ПСЗ-III. — Т. 23. — Ч. 1. — № 23320.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXIV : Забайкальская область. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комитета МВД, 1904. — 184 с.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXV : Иркутская губерния. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комитета МВД, 1904. — 171 с.

15. Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.

### **Информация об авторе:**

*Соснерж Кристина Александровна* — магистрант исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail:ksosnerzh@gmail.com.

### **Author**

*Kristina A. Sosnerzh* — of the Master's Degree at the Faculty of History of Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, K. Marx Str., 1, e-mail: ksosnerzh@gmail.com.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.16

*В.А. КУДАШКИН*

УДК 93/94

ББК 63

## СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1985–1991 ГГ.

В статье рассматривается национальная политика в отношении коренных малочисленных народов Восточной Сибири и практика советского государства по решению социальных проблем изучаемых народов в перестроечный период Российского государства.

**Ключевые слова:** коренные малочисленные народы СССР, Восточная Сибирь, перестроечный период

*V.A. KUDASHKIN*

## THE SOCIAL SITUATION OF INDIGENOUS PEOPLES IN EASTERN SIBERIA IN 1985–1991

The article deals with the national policy towards the small indigenous peoples of Eastern Siberia and the practice of the Soviet state in solving the social problems of the studied peoples during the perestroika period of the Russian state.

**Keywords:** indigenous peoples of the USSR, Eastern Siberia, perestroika period.

Коренные изменения, проходящие в нашей стране в середине 1980-х гг. и получившие название «Перестройка», коснулись всех сфер государственного и общественного механизма Советского Союза. Необходимость Перестройки были обусловлены кризисными явлениями. Такие явления наблюдались и в отношении и малочисленных народов. В статье автор рассмотрел итоги национальной политики в 1985–1991 гг. по решению кризисных явлений в отношении у коренных малочисленных народов, проживающих в Восточной Сибири, на примере их социального положения.

К коренным малочисленным народам принято относить небольшие по численности этносы, имеющие слабый демографический потенциал, не позволяющий им вырасти до многочисленных народов и создавать свои государственные структуры. В целом малочисленные народы от-

личаются от многочисленных своими традиционными промыслами, самобытной культурой, часто отсутствием письменности на родном языке, слабо развитым этническим самосознанием, неразвитостью межэтнических контактов, низкой миграционной подвижностью и другими особенностями. В силу этих обстоятельств малочисленные народы нуждались в особой социальной, экономической и правовой защите.

Практически во всех областях жизнедеятельности малочисленных народов сложилась к перестроечному периоду кризисная или предкризисная ситуация. Главными причинами возникшего кризиса являлись наступление промышленности на территории проживания малочисленных этносов, появление городов и рабочих поселков, быстрое увеличение пришлого населения, ошибочная ассимиляционная политика. Все это в совокупности оказало негативное воздействие на некоторые стороны жизнедеятельности изучаемых народов:

- в социально-демографическом плане — рост этнически смешанных браков и метисации населения, повышение уровня смертности, увеличение безработицы;
- в социально-культурном отношении — утрата знания родного языка, культурного устного наследия и элементов материальной культуры, накопленных предыдущими поколениями [1, с. 59].

Глубокий кризис охватил одну из главных отраслей традиционного хозяйства — оленеводство. Оленеводство стимулировало развитие охотничьего промысла, поставляло сырье для кожевенных заводов, корма для звероферм и др. Сокращалось поголовье северных оленей на севере Красноярского края, прежде всего в таежной зоне, что негативно сказалось на жизни селькупов, эвенков и эвенов.

Причины кризиса в оленеводстве были разнообразны, но решение всех проблем упиралось в ограниченные финансовые возможности совхозов. Без целевого финансирования ситуацию исправить было невозможно.

Одной из важнейших отраслей традиционного сектора хозяйства являлся охотничий промысел, который, как и другие отрасли у малочисленных народов, испытывал значительные трудности. Причинами этого явились лесные пожары, вырубка лесов, загрязнение обширных территорий выбросами промышленных отходов, поражение лесов шелкопрядом, а также нерациональный (хищнический) промысел и браконьерство, вторжение приезжих охотников-сезонников. Не последнюю роль здесь сыграло и сокращение численности охотников-профессионалов из числа коренного населения из-за недостаточного снабжения их припасами и отсутствия экономической заинтересованности в охотничьем промысле. Следует отметить негативную роль государственной монополии на пушнину, ограничивающую для коренных народов ее добычу, использование и реализацию.

Как и другие отрасли традиционного природопользования, охотничий промысел играл не столько экономическую, сколько социальную роль в деле сохранения коренных малочисленных народов. Поэтому он, как и оленеводство, нуждался в государственной поддержке.

Не лучше дела обстояли в клеточном звероводстве и в развитии традиционных художественных промыслов, также незаслуженно малую роль в хозяйстве играло огородничество. Глубокий кризис наблюдался во всех отраслях традиционного природопользования.

Неблагополучие в традиционных отраслях хозяйства в значительной степени является причиной возникновения серьезных социальных проблем малочисленных народов Восточной Сибири. Одна из наиболее значимых и больных из них — это постоянная и высокая безработица среди коренного населения трудоспособного возраста.

Ситуация в сфере занятости коренного населения повсеместно характеризовалась следующим и положениями:

- сужением сферы приложения труда в традиционных сферах занятости в связи с нарастающим отчуждением территорий обыденного природопользования;
- ростом маргинальных групп коренного населения разных возрастов, полностью утративших интерес к труду.

Одной из наиболее страшных угроз этносу малочисленных народов являлась проблема алкоголизма. С этим связана высокая смертность населения от несчастных случаев, самоубийств и убийств (уровень самоубийств и убийств на почве алкогольного опьянения у малочисленных народов в 3–4 раза выше среднего по стране) [2, с. 61]. Вызывал серьезные опасения вопрос здоровья народов Восточной Сибири. «Это связано как с проблемами медицинского и санитарно-эпидемиологического обеспечения, так и с условиями жизни населения, здоровье которого, по справедливому утверждению специалистов только на 15 % зависит от медицинского обслуживания, а в остальном — от общих условий жизнедеятельности» [3, с. 77]. Сохранившие себя на протяжении тысячелетий малочисленные народы Восточной Сибири подверглись в перестроечное время испытаниям за всю историю своего существования. Для многих так и не был решен вопрос жилья, что обусловило не достойный коренным малочисленным народом перешедших на оседлый образ жизни. В 1989 г. более половины автохтонов Восточной Сибири уже проживало в городах и поселках городского типа в ветхих и не приспособленных для жилья зданиях [4, с. 95].

Общепризнанной была низкая эффективность системы образования малочисленных народов Восточной Сибири. Основная причина всех проблем, что система образования не была адаптирована ко всем специфическим отличительным чертам и психофизическим особенно-



стям коренного населения. В основном школы-интернаты решали социальные вопросы для достойного проживания детей автохтонов, а педагогический состав не мог быть полностью сформирован, особенно в отдаленных регионах. Таким образом, недифференцированный подход приводил к тому, что неадаптированная школьная программа не усваивалась детьми, что делало невозможным получение высшего образования для большинства из них. Те, кто его получал (подавляющее большинство были выходцами из смешанных ассимилированных семей), отрывались от этноса, поскольку имели усредненное образование, ориентирующее на функционирование в народном хозяйстве страны, а не в традиционных отраслях хозяйствования.

На государственном уровне были приняты специализированные программы [4], но это только некоторые попытки повернуть подготовку специалистов из числа коренного населения к насущным нуждам этноса. Сами программы были ограниченными и не могли полностью решить социальную ответственность государства перед коренными малочисленными народами особенно в самосохранении народов и в то же время в переходе их к новому качеству бытия в новом мире, самоизоляция от которого не спасет, а скорее приведет к обратному результату — постепенному исчезновению.

Таким образом, несмотря на главные цели перестроечного периода, направленные на модернизацию всех сфер жизнедеятельности социалистического общества в отношении малочисленных народов Восточной Сибири ситуация не изменилась. Более того, все кризисные явления только обострились из-за отсутствия целенаправленных мер в социально-экономических сферах общества, так как плановая экономика не могла себе позволить признать собственные просчеты. Выход из кризиса не был найден что спровоцировало еще больше социально-экономических проблем в период становления новой российской государственности.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Кудашкин В. А. Сохранение языковой памяти у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. / В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2013. — № 4 (14). — С. 58–60.
2. Кудашкин В. А. Влияние межкультурного взаимодействия на условия проживания и быт коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. / В. А. Кудашкин, С. А. Янюшкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2010. — № 1 (1). — С. 59–64.
3. Кудашкин В. А. Вовлечение женщин из среды коренных малочисленных народов Севера в хозяйственную деятельность во второй половине XX в. / В. А. Кудашкин, Л. А. Шевченко // Проблемы социально-экономического развития Сиби-

ри. — 2016. — № 4 (26). — С. 116–120.

4. Кудашкин В. А. Социально-политическое и социокультурное развитие коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985–2004 гг. / В. А. Кудашкин, О. В. Кудашкина, М. М. Бояринова // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — Т. 1. — С. 119–122.

### Информация об авторе

*Кудашкин Вячеслав Александрович* — к.и.н., доцент базовой кафедры истории, педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Братский государственный университет», +7914-001-64-81, Kudashkinslava@rambler.ru, 665709, г. Братск ул. Макаренко д. 40.

### Author

*Vyacheslav A. Kudashkin* — Ph. D., associate Professor of the basic Department of history, pedagogy and psychology, Bratsk state University, +7914-001-64-81, Kudashkinslava@rambler.ru, 665709 Bratsk St. Makarenko h. 40.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.17

**В.Б. ЛАПЕРДИН**

УДК 94(571)«1930/37»

ББК 63/3(253)614-2

## ХЛЕБОЗАГОТОВКИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1930-Е ГГ.\*

В статье рассматриваются изменения хлебозаготовительной системы в 1930-е годы и связанная с этим проблема продовольственной безопасности сельского населения на примере Западно-Сибирского края. Показано, каким образом осуществлялась продовольственная и семенная помощь недородным районам. Вследствие неурожаев, ежегодно поражавших отдельные районы региона, а также сверхнормативного изъятия зерна из деревни, на протяжении всего десятилетия сохранялась тяжелая продовольственная ситуация. Существовавшая система продовольственной безопасности должна была помочь избежать повторения массового голода 1931–1933 гг.

**Ключевые слова:** аграрная политика, хлебозаготовки, продовольственная безопасность, голод, Сибирь.

---

\* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

## GRAIN COLLECTION AND FOOD SITUATION IN WEST SIBERIAN RURAL IN 1930S

The article discusses changes in grain collection system in 1930s and related problem of food security of rural population using the example of West Siberian region. Author shows how food and seed assistance was provided to regions. Due to crop failures annually affecting certain regions, as well as excessive grain exemptions, difficult food situation continued throughout the decade. The existing food security system was supposed to help avoid a recurrence of massive famine of 1931–1933.

**Keywords:** agricultural policy, grain collection, food security, famine, Siberia.

Проблема продовольственной безопасности в 1930-е гг. остро проявилась как в Западной Сибири, так и в других регионах СССР. Под продовольственной безопасностью подразумевается наличие и доступность для населения пищи, достаточной в количественном отношении для ведения активного образа жизни. Определяющее значение при этом имеет политика государства. Советский Союз в этом плане не был исключением. В январе 1927 г. с целью обеспечения населения хлебом в случае неурожая Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял постановление об образовании государственного хлебного фонда. Однако затруднения на «хлебном фронте» конца 1920-х гг. привели к иссяканию госфонда и острому дефициту наличного зерна. С целью исправления ситуации в июне 1929 г. был создан неприкосновенный хлебный фонд. Кроме того, существовали резервный фонд и госсортфонд. Их функционирование в 1930-е гг. как на территории СССР, так и отдельных регионов, в настоящее время не изучено, во многом по причине засекреченности архивных материалов [4, с. 96–99]. Несмотря на отсутствие сведений о работе фондов, само их наличие указывает на серьезную обеспокоенность со стороны властей продовольственным положением населения. Резервы пополнялись в ходе отчуждения зерна из деревни в пользу государства. Хлебозаготовки являлись основным каналом его получения. Поэтому именно хлебозаготовительные кампании будут в центре внимания данной статьи.

В Западно-Сибирском крае проблема продовольственной безопасности обострилась вследствие не только сверхнормативного изъятия зерна из деревни, но и сложных климатических условий региона. Особенно остро данная проблема стояла для юго-западной части края, в частности, — в районах Кулундинской степи. Так, за семилетний период с 1930 по 1937 г. здесь только дважды удалось собрать нормальный урожай — в 1930 и 1934 г. В остальное время засуха не позволяла вырастить тре-

буемый для удовлетворения продовольственных запросов населения хлеб. Кроме того, государство стремилось изъять имевшиеся скудные зерновые ресурсы. В 1931 г. засуха приняла форму широкомасштабного бедствия. По данным Западно-Сибирского крайземуправления в той или иной степени от непогоды пострадало 55 районов, расположенных в западной части региона. Всего же в результате засухи недобор зерновой продукции составлял минимум 1245,5 тыс. тонн [3, оп. 2, д. 352, л. 132]. Как следствие, регион поразил самый сильный за всю историю голод. Он начался в конце 1931 г. и в наибольшей степени проявился весной 1932 г. С наступлением лета продовольственное положение улучшилось, но невысокий урожай 1932 г. (удалось собрать порядка 7 ц/га, против 4,5 ц/га в 1931 г.) и государственные хлебозаготовки, вновь привели к катастрофе. В последующие годы даже при условии хороших сборов в целом по краю, оставались недородные районы. В 1933 г. первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе в адресованной И.В. Сталину записке утверждал: «Урожай в этом году в целом лучше прошлогоднего, и по определению райЗО, в среднем по краю получается почти 9 ц с га, но южная часть, прилегающая к Казахстану, в этом году также имеет низкий урожай. В районах: Рубцовском, Шипуновском, Волчихинском и некоторых других значительное количество колхозов будет иметь урожай 2–4 ц с га. В некоторых колхозах положение, по общению с мест, такое, что даже не соберут семян, в связи с чем есть отдельные случаи развала колхозов. <...> Кроме того, как и каждый год, во многих районах есть отдельные колхозы, пострадавшие от градобитья, вредителей и т.д.» [2, с. 97–99].

В 1934 г. засуха обошла юго-западные районы, но поразила центральную и восточную часть региона. По информации крайземуправления, в 1934 г. в 12 наиболее пострадавших от неурожая районах из 718 колхозов 166 (23 %) распределили на трудодень менее килограмма зерна, 197 (27 %) — от 1 до 2 кг [1, с. 246–247]. Голодающие крестьяне выходили из колхозов и бежали из деревни. Секретарь Солонешенского райкома ВКП(б) сообщал в крайком, что в 1934/35 г. из района выбыло 1 610 дворов колхозников и единоличников. «Около 100 человек умерло от септической ангины. Из-за бескормицы район имел исключительно плохое состояние тягловой силы и потерял 888 рабочих лошадей» [1, с. 233].

Таким образом, проблема продовольственной безопасности ежегодно обострялась в связи с неурожаем в различных районах региона. Сверхнормативное изъятие зерна в ходе государственных хлебозаготовок утяжеляло ситуацию. Продовольственная безопасность зависела от хлебозаготовительной системы, изменявшейся на протяжении 1930-х годов.

Основным способом заготовок в 1930 г. стала контрактация сельскохозяйственной продукции, в том числе зерновых. В роли поставщиков

выступали не только ликвидировавшиеся в ходе коллективизации земельные общества, но и неформальные «группы посевищников», состоявшие из бедняцко-средняцких хозяйств или единоличные хозяйства. Договоры с земельными обществами утверждались на общем собрании бедняцко-средняцкого большинства, затем распределялись между дворами и утверждались сельсоветами, что влекло за собой возможность привлечь не уложившихся в срок сдачи нарушителей по ст. 61 УК РСФСР. Колхозы также охватывались контрактационной системой, они в «добровольном» порядке сдавали товарные излишки по установленным районными властями нормам. Расположенные в зоне действия МТС артели расплачивались с ними деньгами и натуральной продукцией за произведенные с использованием технических средств работы. Не заключавшие договора единоличные хозяйства обязывались принимать «самообязательства» по поставкам зерна, по нормам не ниже чем у колхозов в соответствующих районах. Вне контрактационной системы оставались «кулацко-зажиточные» хозяйства. Сельсоветы вручали им «твердые задания», отличавшиеся более жесткими сроками сдачи и их повышенными объемами. Немногочисленные на тот момент совхозы имели собственный план поставок государству и должны были сдавать все товарные излишки.

В 1930 г. были определены основные черты хлебозаготовительной системы. Она характеризовалась сверхнормативным изъятием зерна и административно-репрессивным нажимом на деревню. Заготовительные планы устанавливались в ходе сложных переговоров между Центром и региональными властями, при этом окончательное решение оставалось за Москвой. Широкое распространение приобрели «встречные» планы, вошедшие в практику работы как центрального руководства, так и регионов. Поэтому декларируемые государством нормы, согласно которым в основных зернопроизводящих районах у колхозов изымалось от  $\frac{1}{4}$  до  $\frac{1}{3}$  валового сбора, повсеместно нарушались. При распределении между районами заготовительных планов, региональное руководство делало надбавку с целью подстраховаться от возможного невыполнения плана рядом районов. Такие страховые надбавки стали нормой и играли важную роль в последующие годы.

С незначительными изменениями контрактационная система хлебозаготовок продолжала существовать до хлебозаготовительной кампании 1933/34 г. Она практически не предусматривала обеспечения продовольственной безопасности сельского населения. Государственная помощь выдавалась из зерновых резервов только после многочисленных просьб с мест. Так, с целью не допустить срыва предстоящих весенних посевных работ, Центр в связи с засухой и неурожаем предоставил Западной Сибири весной 1932 г. зерновую ссуду в размере 7,7 млн пуд.

и еще 3 млн пуд. продовольственной. На помощь могли рассчитывать только занятые в посевной кампании колхозники и рабочие совхозов. Остальная часть сельских жителей оставалась без господдержки.

Нововведением в 1932 г. стало разрешение выдачи натуральных авансов колхозникам в размере 10–15 % намолоченного хлеба. Таким образом государство стремилось с одной стороны материально заинтересовать колхозников, с другой — снизить степень продовольственного кризиса в начале хлебозаготовительной кампании.

Практика «встречного планирования» была широко распространена в начале 1930-х гг. В конце декабря 1932 г. краевому комитету партии пришлось временно запретить райкомам налагать на выполнившие свои планы колхозы встречные планы — это грозило срывом формирования семенных фондов [3, оп. 1, д. 4126, л. 80, 88]. Тогда же Западно-Сибирский крайком решил использовать страховую надбавку, разрешавшуюся Центром при распределении заготовительных заданий с целью их снижения для неблагополучных районов.

В начале 1933 г. перед центральными властями встала задача преодоления сельскохозяйственного кризиса и восстановления аграрной экономики. Одним из основных факторов, негативно сказывавшихся на развитии сельского хозяйства, была признана существовавшая заготовительная (контракционная) система. Ее отличительной чертой была нестабильность планов заготовок сельхозпродуктов, которые в течение года могли меняться в сторону повышения. В худшем положении находились колхозы, получившие относительно высокий урожай и выполнившие план хлебосдачи. На них незамедлительно налагалось дополнительное задание, и в итоге зерна для распределения на трудодни могло остаться меньше, чем в неурожайных хозяйствах. Такой порядок организации хлебозаготовок подрывал экономику колхозов и лишал их стимула для расширения зернового производства.

Поэтому было решено перейти от контрактационной схемы к форме обязательных поставок. Теперь размеры обязательных поставок исчислялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Выдвижение встречных планов категорически запрещалось как на центральном, так и местном уровне. Средние региональные нормы определялись правительственным постановлением. На их основе региональные власти устанавливали порайонные нормы, затем утверждавшиеся СНК СССР. Вся работа по установлению и утверждению планов проводилась весной. Таким образом хлебосдатчики узнавали о своих заготовительных заданиях задолго до начала кампании.

В отличие от контрактации, новая система заготовок имела ряд преимуществ в продовольственном обеспечении сельского населения. Кро-

ме отсутствия встречных планов и более рационального распределения заданий она предусматривала некоторую помощь неурожайным районам. Сохранялась выдача авансов колхозникам, занятым на уборочных работах, в виде 10–15 % от намолоченного хлеба. «Страховка ЦК», утверждавшаяся Комитетом по заготовкам (Комзагом) СНК и включавшая в региональные обязательства по поставкам страховую надбавку, а также краевой/областной хлебный фонд, существовавший в предыдущие годы и формировавшийся за счет разницы между центральным планом (с учетом «страховки ЦК») и распределявшимися краевыми властями районными заданиями, могли быть использованы с целью оказания поддержки неурожайным хозяйствам (в виде предоставления ссуд или скидок по зернопоставкам). Разбронировать данные фонды мог только Центр. После чего крайком выделял зерно, но не в распоряжение районных властей, опасаясь, что оно может быть использовано не по назначению, а конечным получателям (колхозам, совхозам, единоличникам). Списки хозяйств составлялись специальной комиссией, формировавшейся из членов крайкома, по ходатайствам с мест. Районные власти являлись передаточным звеном — они просили о помощи от лица колхозов или единоличников и распределяли между ними зерновые ссуды и скидки по хлебопоставкам строго в соответствии с предписаниями крайкома. Любые отступления от этой схемы незамедлительно карались региональными властями. Так, 25 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило руководству Западно-Сибирского края право по собственному усмотрению выдавать скидки с обязательств по хлебопоставкам в размере 1 млн пуд. 15 ноября того же года Политбюро ЦК ВКП(б) предоставило «дополнительный фонд скидок в размере 3 700 тыс. пуд., из коих 2 200 тыс. пуд. — по единоличным хозяйствам за счет резерва врученных обязательств и 1500 тыс. пуд. — по колхозам за счет страховки ЦК» [2, с. 211]. В кампанию 1934 г. региональным властям вновь пришлось обращаться в Центр с целью использования страховых фондов. Их размер для единоличников на 17 декабря 1934 г. составлял 1 720 тыс. пуд. По колхозам в новых границах края (после выделения Омской области) — 4 802 тыс. пуд. за всю кампанию [3, оп. 2, д. 598, л. 127, 129; оп. 2, д. 690б, л. 29].

Предоставленные скидки по зернопоставкам и выданные зерновые и продовольственные ссуды подлежали возврату в следующем году. В результате многие экономически слабые хозяйства оказались должниками государства, без перспективы на возвращение долга. Ситуация осложнялась повторяющимися недородами, а также завышенными заготовительными планами. На это обстоятельство обратили внимание верховной власти первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский. В письме в



адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова они указали, что «по целому ряду районов в целом и по отдельным группам колхозов внутри многих районов сумма зернопоставки из урожая 1935 г., недоимок 1934 г., ссуды прошедших лет и 1935 года, настолько велика, что даже при благоприятном среднем урожае в этих районах в этом году ее не представляется возможным взыскать, так как норма сдачи с 1 га, не принимая при данных расчетах натуроплату за работы МТС, в колхозах будет составлять до 240 % нормы сдачи, установленной по зернопоставке 1935 г.» [3, оп. 2, д. 690б, л. 29–29а]. В связи с этим они просили списать с края всю задолженность по хлебопоставкам 1934 г., а возврат натуральных ссуд рассрочить на три года.

14 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение списать с колхозов региона недоимки в размере 4,6 млн пуд., задолженность по зерновым ссудам, выданным колхозам Западно-Сибирского края в 1934–1935 гг., рассрочить на два года и взыскать равными частями из урожая 1935 и 1936 гг., а задолженность по ссудам предыдущих лет полностью взыскать из урожая 1935 года [6, с. 534].

Ситуация обострилась в 1935 г. в связи с засухой. По мнению Р.И. Эйхе, неурожай был сильнее, чем в 1931 г. Однако, возможно, первый секретарь крайкома преувеличивал масштабы бедствия, стремясь получить из Центра необходимую помощь. Когда все имевшиеся в краевом распоряжении фонды были исчерпаны, Р.И. Эйхе отправился в Москву для встречи с Л.М. Кагановичем и В.М. Молотовым, с целью доложить им «о большом недороде во всей юго-западной части края», который затронул 42 района с посевной площадью более 2 млн га, что составляло 45 % об общей площади посева колхозов края. В результате этого, а также изъятия значительной части зерна в ходе заготовок в недородных районах у 1600 сельхозартелей отсутствовал хлеб для выдачи колхозникам по трудодням, а 1800 колхозов не имели зерна для засыпки семян. Для исправления ситуации региону требовалось оказать помощь: сократить план хлебозаготовок на 2 млн пуд., перенести взимание ссуд в размере 2 млн пуд. на следующий год, а также предоставить продовольственную и семенную ссуды в размере 15 млн пуд. Ходатайство удовлетворили практически в полном объеме [6, с. 613]. К тому времени были созданы достаточные хлебные резервы, а успешный ход хлебозаготовок в других регионах страны компенсировал недополученное в Западной Сибири зерно. Образовавшуюся таким образом огромную внутри-краевую задолженность правительству пришлось списать — выполнение хлебозаготовительных заданий и погашение ссуд превышали валовые сборы пострадавших от недорода колхозов.

Беспрецедентная государственная помощь позволила не допустить нового массового голода в крае. Тем не менее, полностью исключить



локальных голодовок не удалось. Так, в конце зимы — начале весны 1936 г. голодание многих колхозных семей было зафиксировано в Ребрихинском районе, где имели место «неоднократные случаи употребления в пищу мяса павших животных». В это время на ст. Топчиха (90–130 км от мест доставки) находился выделенный для района хлеб (2,4 тыс. пуд. продовольственного и 3 тыс. пуд. семенного зерна), однако для его доставки не хватало автотранспорта, горючего для наличных автомобилей, а лошади были сильно истощены [3, оп. 1, д. 701, л. 179, 181].

В последующие годы недородным колхозам вновь приходилось просить помощь у краевых властей. Образовавшиеся задолженности юридически списывали, но ситуация кардинально не изменялась. В 1940 г. колхозы Новосибирской области должны были государству досдать за предыдущие годы 2,8 млн пуд. по обязательным поставкам и 10,5 млн пуд. по натуроплате МТС. Кроме того, колхозы задолжали 1 552 тыс. пуд. в счет погашения пени за невыполнение задолженности по натуроплате прошлых лет [5, с. 244–245].

В конце 1930-х гг. хлебозаготовительная система вновь изменилась. В 1937 г. были упразднены региональные хлебные фонды, из которых выдавались зерновые и продовольственные ссуды.

В 1940 г. руководители советского государства утвердились во мнении, что основной причиной низких темпов развития колхозного производства являются недостатки заготовительной системы. Главным изъяном порядка госпоставок называлось определение объемов сдачи продуктов полеводства по установленным для колхозов планам посевов. Подобная практика, по мнению критиков, «побуждала» руководителей хозяйств добиваться уменьшения планов, «поощряла» сокращение посевов, не стимулировала введение в сельскохозяйственный оборот всех колхозных земель. Для исправления данного недостатка было решено увязать объемы поставок с площадью земли, закрепленной за хозяйствами. С площадью сельхозугодий следовало соотносить и планы государственных закупок продукции растениеводства. Следствием такой политики стало увеличение доли изъятия зерновой продукции, рост задолженности сельскохозяйственных артелей перед государством и локальный голод, начавшийся вследствие новой засухи, охватившей юго-западную часть региона [5, с. 136].

Таким образом, система продовольственной безопасности имела множество изъянов. После преодоления кризиса начала 1930-х гг. ее целью являлось поддержание стабильной хозяйственно-политической обстановки в сельской местности и недопущение нового массового голода. При этом продовольственные затруднения, как и локальный голод, которые не вели к серьезному осложнению ситуации в деревне, оставались регулярным явлением и стали следствием сверхнормативного изъятия

зерна, а также несовершенства заготовительной системы, в рамках которой не удалось создать нормального механизма обеспечения продовольственной безопасности сельских жителей.

### Список использованной литературы и источников

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2011. — 608 с.
2. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т.: сб. документов. — Т. 3: Лето 1933–1934. — Москва : МФД, 2013. — 955 с.
3. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. П–3.
4. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 91–101.
5. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2002. — 253 с.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Т. 4: Конец 1934–1936. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 1053 с.

### Информация об авторе

*Лапердин Вячеслав Борисович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирское отделение Российской академии наук, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: laperdin2011@mail.ru.

### Author

*Viacheslav B. Laperdin* — PhD in History, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8 Nikolaev St., 630090, Novosibirsk, Russia; e-mail: laperdin2011@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.18

**Т.Е. САНЖИЕВА**

УДК 94(571.54) «1941/45»

ББК 63.3(2По.Бур)62

## КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРЕСТА «БУРМОНГОЛЛЕСА» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена кадровым проблемам в лесной промышленности Бурятии в годы Великой Отечественной войны. В условиях военного времени на смену опытным работникам лесной отрасли, ушедшим на фронт, пришли

женщины, пенсионеры и инвалиды войны, не имеющие специальной подготовки. В этой связи военные производственные задания не всегда выполнялись. В условиях военного времени подобная ситуация была недопустимой, поэтому проводились мероприятия по устранению возникших недостатков.

**Ключевые слова:** лесная промышленность, трест «Бурмонголлес», дефицит кадров.

*T.E. SANZHIEVA*

## **PERSONNEL PROBLEMS OF THE «BURMONGOLLES» TRUST IN THE YEARS OF THE GREAT REPORTING WAR**

The article is devoted to personnel problems in the forest industry of Buryatia during the Great Patriotic War. In wartime conditions, experienced forestry workers who went to the front were replaced by women, retirees, and war invalids with no special training. In this regard, military production tasks were not always carried out. In wartime conditions, such a situation was unacceptable, therefore, measures were taken to eliminate the shortcomings that arose.

**Keywords:** forest industry, «Burmongolles» trust, staff shortage.

Трудовой подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны высоко оценен в историографии, в том числе есть работы, посвященные тресту «Бурмонголлес». Для выполнения основной задачи, стоявшей перед тылом: «Все для фронта! Все для победы!», были необходимы не только производственный энтузиазм работников, но и определенные управленческие решения. В дни войны обширные лесные массивы республики стали разрабатываться быстрее, чем до войны. В условиях военного времени лесная промышленность Бурятии ежегодно не выполняла план. Основными причинами невыполнения возрастного плана, как отмечает исследователь В.Б. Базаржапов, являлись нехватка рабочих кадров, механизированного и гужевого транспорта, инструментов, неудовлетворительная организация быта и питания лесорубов [1, с. 48]. Для того, чтобы увеличить объемы лесозаготовок ГКО в 1942 г. принял решение объявить трудовую мобилизацию сельских жителей на заготовку и вывозку леса в осенне-зимний период.

Предприятие общесоюзного значения трест «Бурмонголлес» был создан в 1936 г. В его состав входили Отдел лесного хозяйства (г. Улан-Удэ), девять лесхозов: Ангарский, Витимский, Илькинский, Кабанский, Кяхтинский, Мухор-Шибирский, Тункинский, Улан-Удэнский, Хоринский; два мехлесопункта (МЛП): Удинский и Хандагатайский; пять леспромхозов (ЛПХ): Байкальский, Курбинский, Селенгинский, Хоринский и Челутаевский); две сплавконторы: Удинская и Усть-Хилокская; Улан-Удэнский и Селенгинский лесозаводы. Трест занимался заготовкой, вывозкой

и сплавом лесоматериалов, охраной лесного фонда, а также переработкой древесины и ее сбытом. Предприятия треста «Бурмонголлес» быстро перевели работу на военный лад, поскольку им не пришлось, как заводам, переориентировать производственный цикл на выпуск военной продукции. Перестройка для них означала увеличение объемов добываемой продукции, мобилизацию внутренних резервов, выполнение государственных заданий в условиях острой нехватки сырья и механизмов [3, с. 188].

В статье рассматривается штатный кадровый состав предприятий треста, в него входили специалисты лесного отдела, леспромхозов, мехлесопунктов, техноруки, мастера лесоучастков, бригадиры, лесники, объездчики и др. По штатному расписанию эти работники должны иметь подготовку, умения, навыки и знание лесо-эксплуатации и в целом лесного хозяйства. В статье не рассматриваются занятые на валке леса, поскольку их основное большинство составляли колхозники, привлеченные по трудовой мобилизации.

В сложных условиях военного времени дефицита финансовых и кадровых ресурсов приходилось трудиться работникам лесного хозяйства, по этим причинам не всегда справлялись с поставленными перед ними задачами. Наиболее ценные работники, особенно из числа объездчиков и лесников, были мобилизованы на фронт. Исходя из решения ГКО о трудовой мобилизации сельских жителей, на предприятиях треста в 1942 г. работали 3 756 рабочих, из них 1 667 чел. работали на постоянной основе, 2 089 чел. привлеченные; в 1943 г. было 3 090 рабочих, из них 1 267 чел. постоянные, 2 400 чел. привлеченные [2, оп. 1, д. 33, л. 7]. Эти данные говорят о сокращении численности рабочих в целом и возрастании мобилизации крестьян на лесозаготовки.

Правительство СССР считало охрану леса от пожаров и хищений оборонным мероприятием и требовало укомплектованности кадров, в первую очередь лесников, объездчиков и в пожароопасный период временных пожарных сторожей. В условиях военного времени из-за отсутствия специалистов лесной отрасли некоторые предприятия треста не могли выполнить производственные задания.

Таблица 1

**Численность лесной охраны треста «Бурмонголлес»**

Лесная охрана	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
объездчики	19	41	45	46
лесники	153	158	170	168

Статистические данные показывают относительно стабильную численность лесной охраны (табл. 1 [сост. по: 2, оп. 16, д. 2, л. 29; д. 5,

л. 27об.; д. 6, л. 24 об.]). Однако объездчики и лесники на 80 % состояли из инвалидов войны и труда и стариков [4, с. 26]. Большинство из них составляли работники, имевшие стаж работы в отрасли менее 3 лет: в 1943 г. их доля составляла 78,4 %, в 1944 г. — 66,4 %, в 1945 г. — 61,9 % [2, оп. 16, д. 4, л. 24; д. 5, л. 27 об.; д. 6, л. 24]. К окончанию войны численность новых работников постепенно сокращалась.

На 1942 г. отдел лесного хозяйства треста «Бурмонголлес» получили следующие лимиты по труду и заработной плате: 35 рабочих со средней зарплатой в 2 460 руб., 40 ИТР 6 510 руб., 20 служащих 3 800 руб., 11 МОП 1 650 руб., 43 объездчика 2 900 руб., 165 лесников 2 080 руб., 15 временных пожарных сторожа 1 870 руб. Итого 329 чел. с фондом заработной платы в 937 200 руб. [2, оп. 1, д. 816, л. 35].

На 1 января 1943 г. на предприятиях треста работали 255 чел., из них имели стаж свыше 10 лет — 11 чел. (5 %), от 5 до 10 лет — 24 чел. (10 %), от 3 до 5 лет — 40 чел. (16 %), от 1 до 3 лет — 76 чел. (29 %), до 1 года — 104 чел. (40 %). 104 чел. или 40 % наличного состава работников пришли работать в 1942 г., из них 57 женщин [2, оп. 16, д. 2, л. 111]. После прохождения обучения по техминимуму они приступили к работе.

Образовательный уровень на 1 января 1943 г. выглядел следующим образом: с высшим образованием 6 чел., средним специальным — 13, высшим непрофильным образованием — 1, средним — 14, начальным — 183, домашним — 32, неграмотные — 3 чел. Штат ИТР по тресту установлен в 40 специалистов, в наличии было только 30 чел., из них четверо имели высшее образование, 12 среднее специальное, 1 непрофильное высшее, 5 среднее и 5 начальное. Таким образом, из 30 ИТР только 14 чел имели специальное лесное образование. Из 16 служащих шесть имели среднее и 10 начальное образование. Из 153 лесников 125 чел. имели начальное, 22 чел. домашнее образование и шестеро были неграмотными. Из 41 лесообъездчика двое имели среднее образование, 35 — начальное и 4 — домашнее [Там же]. Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют кадровый голод в лесной отрасли.

Сложной была проблема с кадрами в охране лесов. На 12 участках работали только 8 инспекторов охраны, ни один из них не имел специального образования, а на курсах инспекторов не обучался. В числе инспекторов 2 женщины, одна из них работала директором лесного хозяйства. Из-за отсутствия специальной подготовки с работой справлялась плохо [2, оп. 1, д. 469, л. 35].

Правовое положение инспекторов лесной охраны надлежащим образом не узаконено. Районные организации и сельсоветы, пользуясь этим, мобилизуют лесников и объездчиков и их лошадей на сельскохозяйственные работы и для выполнения трудгужповинности. Ссылаясь на это, лесники и объездчики оправдывают невыполнение своих прямых

обязанностей по объезду и охране лесов [2, оп. 16, д. 2, л. 15].

Отсутствие специалистов сказалось на выполнении плана. Так, в приказе по тресту «Бурмонголлес» от 21 апреля 1942 г. записано: «В результате преступной халатности и несоветского отношения некоторых руководителей предприятий, техноруков и начальников мехтранспорта выполнение плана 1 квартала по механизированной вывозке и подвозке леса по тресту сорвано. По состоянию на 25 марта с.г. план по вывозке леса механизмами выполнен всего лишь на 66,6 %, по подвозке на 20,0 %» [2, оп. 1, д. 469, л. 34]. План был сорван по ряду причин. В Хандагатайском мехлесопункте в январе из пяти исправных тракторов работали только два, в феврале и марте тракторы не использовались вообще. Из 16 стажеров-трактористов половина работали лесорубами, продавцами и т.д. Отсутствие контроля за новичками привело к поломке 8 электропил. Сходные ситуации сложились в Эрийском и Барун-Тарбагайском МЛП, Челутаевском ЛПХ: неполная загрузка автотранспорта, нерациональное использование работников и т.д. Все нарекания в конечном итоге сводились к непрофессионализму руководящего состава: не смотрит, не следит, пустил на самотек, не контролирует выполнение ежедневных заданий работниками, выпускает на линию неисправный транспорт. Для улучшения ситуации по тресту «Бурмонголлес» были разработаны следующие мероприятия: «За всеми машинами и тракторами закрепить водительский состав, организовать бригадный метод работы на вывозке, подвозке леса механизмами. Из числа опытных водителей выделить бригадиров, закрепить за ними по 2–3 ходовые машины с молодыми водителями. Из числа опытных водителей выделить линейных механиков для обслуживания ходовых машин на линии. Установить в гаражах ночные дежурства из ответственных работников предприятий для контроля работы машин на линии, их ремонта. Внедрить на всех механизированных предприятиях прогрессивную оплату труда слесарям. Механикам по ремонту в зависимости от выполнения плана вывозки, подвозки закрепленными за ними тракторами и автомашинами. Работать на каждый трактор, автомашину, паровоз, электропилу ежесуточное задание исходя из установленного плана вывозки, подвозки, валки, погрузки леса, вручить задание каждому шоферу, трактористу, машинисту, вальщику и потребовать от них безоговорочное выполнение» [2, оп. 1, д. 469, л. 35]. Категорически запретить прекращать работу, не выполнив дневное задание. В случае невыполнения задания механизмами относить за счет лиц прикрепленных и работающих с этими механизмами. Лица систематически невыполняющих дневное задание без уважительных причин привлекать к судебной ответственности за саботаж и срыв выполнения государственного плана в военное время [Там же].

С 10 апреля 1942 г. срочно организовать работу бригады из женщин

и подростков к проведению профилактического ремонта машин. Запретить использование молодых водителей на других специальностях.

Отсутствие квалифицированных специалистов сказывалось и на уровне техники безопасности и охраны труда. В конце 1942 г. на предприятиях треста была проведена проверка, показавшая неблагоприятное состояние. Приказ Наркомлеса СССР от 10 июля 1942 г. техноруками ЛПХ и МЛП, мастерами лесозаготовок полностью не выполнялся. Технорукам предприятий предписывалось проводить семинары с мастерами, учетчиками, бригадирами по обучению правилам техники безопасности. Те, в свою очередь, были обязаны проводить учебу с рабочими, особенно с мобилизованными. На деле мастера лесозаготовок выпускали на заготовку леса прибывших колхозников в большинстве случаев без инструкций по безопасным методам работы или допускали их к работе недостаточно подготовленными. По инструкции должна была проводиться проверка знаний сезонных рабочих квалификационной комиссией. Однако знания не проверялись, только формально собирались подписи рабочих о прослушивании инструктажа. В результате на лесозаготовках происходили несчастные случаи, главным образом с сезонными рабочими. Так, в Селенгинском ЛПХ произошел один тяжелый случай с летальным исходом. В связи с этим мастер лесозаготовок и начальник лесозаготовительного участка были переданы суду [2, оп. 1, д. 470, л. 9].

В приказе треста указывалось: «Всем технорукам ЛПХ и МЛП лично проверять все деляны, лесовозные дороги, трелевочные волока на вывозке и трелевке и принять решительные меры к созданию безопасных условий работы на лесозаготовках. За невыполнение приказов и указаний треста и Наркомлеса СССР по технике безопасности, техноруки предприятий персонально несут ответственность в судебном порядке» [Там же].

Несмотря на принятые меры, предприятия треста не справлялись с выполнением производственных заданий. Поэтому в приказе треста от 12 марта 1943 г. было решено перевести 8 чел. из аппарата предприятий на производство в качестве рабочих. В первую очередь молодежь и лица, ранее работавшие на производстве с учетом их специальности и квалификации. Не подлежали переводу работники, имеющие высшее и среднее специальное образование, не достигшие 16 лет, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, беременные женщины, начиная с 5-го месяца беременности [2, оп. 1, д. 470, л. 40].

Сложным было финансовое обеспечение лесной промышленности. Деньги на заработную плату поступали с опозданием на 1½ – 2 месяца. «Эта финансовая недисциплинированность со стороны Главвостсибдальлеса и Главлесупра ведет к подрыву работы на местах и текучести аппарата» [2, оп. 16, д. 2, л. 15].

Таблица 2

**Фонд заработной платы треста «Бурмонголлес» (тыс. руб.)**

Категории работников	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Рабочие	36692,4	17422,4	13454,0	10810,0
Ученики	30,7	32,4	16,2	14,8
ИТР	3032,3	2236,6	1847,5	1889,4
Служащие	3426	2332,7	1677,8	1474,9
МОП	376,9	346,2	231,0	253,2
Пожарные и пожарно-сторожевая охрана	529,0	479,7	394,5	327,8
<b>ИТОГО</b>	<b>44086,9</b>	<b>22850,0</b>	<b>17621,0</b>	<b>14770,1</b>

По приведенным данным видно неуклонное снижение фонда заработной платы по тресту, который сократился три года в 2,9 раз (табл. 2 [сост. по: 2, оп.1, д. 30, л. 41: д. 39, л. 27]. Сокращение фонда было связано не только с финансовыми трудностями, но и с нехваткой кадров.

С 1941 г. лесная охрана перестала получать обмундирование. Компенсация за не выданное обмундирование не выплачивалось, на жалобы и письма вышестоящие организации не отвечают [2, оп. 16, д. 2, л. 15].

Из года в год качественный состав работников лесного хозяйства и лесоохраны ухудшался. В 1945 г. не осталось ни одного специалиста с высшим образованием. В Отчете треста написано: «В 11 крупных лесных хозяйствах треста «Бурмонголлес», в ведении которых находятся миллионы гектаров леса, имелось только три специалиста со средним профессиональным лесным образованием. Большинство инженерно-технического состава, за некоторым исключением, случайные люди, чувствующие себя временными работниками» [2, оп. 16, д. 6, л. 25]. Далее приводится текст, зачеркнутый, писавшим отчет: «Пришли работать в лесхоз на время до отыскания лучшего места, или, что еще хуже, до освобождения от работы как не справившихся с работой. Привлечь на работу в лесхозы лучший контингент работников из-за отсутствия надлежащего снабжения промтоварами и продуктами питания невозможно. Частая смена ИТР и лесной охраны обычное явление. Она будет продолжаться и прогрессировать до изменения условий работы» [Там же].

Подобрать лучший состав ИТР в данных условиях было невозможно. Лесная охрана на 80 % заполнена инвалидами войны и труда, стариками и женщинами (слово женщинами зачеркнуто). В момент напряжен-



ной работы (при лесных пожарах, заготовке семян, отводе лесосек и пр.) очень часты случаи невыхода на работу по причинам инвалидности и болезням, отсутствия обуви и прочее. Все это ведет к текучести лесной охраны, недисциплинированности. Ежегодно отсеивается не менее 30 % ее состава. Заинтересованности в службе нет, нет и надлежащей трудовой дисциплины» [Там же].

На предприятиях треста «Бурмонголлес», на которых работали специалисты лесного дела ситуация была иной. Так, Байкальский и Челутаевский ЛПХ успешно справлялись с заданиями. В 1942 г. они дали сверх плана более 20 тыс. м<sup>3</sup> высококачественной древесины [1, с. 48].

Таким образом, основной причиной невыполнения плановых заданий на ряде предприятий было отсутствие управленцев, имеющих специальное образование и квалифицированных рабочих. Если учитывать, что до Великой Отечественной войны специалистов с высшим и средним специальным образованием по профилю отрасли было мало, то после начала войны их стало еще меньше. Управленческие ошибки некоторых руководителей стали основным фактором срыва производственных задач в условиях военного времени. Приведенные архивные документы об этом ярко свидетельствуют. Но положением в лесном хозяйстве Бурят-Монголии было бы еще хуже, если бы не трудовой энтузиазм населения.

### Список использованной литературы и источников

1. Базаржапов В. Б. Трудовой подвиг тыла / В. Б. Базаржапов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 2000. — 160 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. Р-767 (Трест «Бурмонголлес»).
3. История Бурятии: в 3-х т. Т. 3. XX–XXI вв. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — 464 с.
4. Санжиева Т. Е. Лесное хозяйство Бурятии в годы Великой Отечественной войны / Т. Е. Санжиева // Великая Победа Великого Народа: материалы II межрегион. науч.-практич. конф., посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Улан-Удэ, 30 апреля 2010 г.). — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2010. — С. 25-27.

### Информация об авторе

*Санжиева Татьяна Ефремовна* — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Бурятии, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, e-mail: sanj\_te@mail.ru.

### Author

*Tatiana E. Sanzhieva* — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Buryat History, Buryat State University, 24a Smolin St., 670000, e-mail: sanj\_te@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.19

С.А. СЕМИНА

УДК 334.713

ББК 63.3(2)613

## НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Освещаются тенденции в развитии кустарного производства в условиях признания рыночных отношений, механизмы социально-экономического стимулирования к кооперативным формам объединения, трудности перехода кустарной промышленности в кооперацию, итоги и результаты социально-экономического развития кустарного производства к концу 1920-х гг.

**Ключевые слова:** кустарная промышленность, промысловая кооперация, кустарная артель, промысловый союз.

S.A. SEMINA

## NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HANDICRAFT INDUSTRY in IRKUTSK PROVINCE IN the SECOND HALF of the 1920s

The article highlights trends in the development of handicraft production in the conditions of recognition of market relations, mechanisms of socio-economic incentives to cooperative forms of Association, difficulties of transition of handicraft industry to cooperation, results and results of socio-economic development of handicraft production by the end of the 1920s.

**Keywords:** handicraft industry, trade cooperation, handicraft artel, trade Union.

Середина 1920-х гг. ознаменовалась признанием рыночных отношений, которые неизбежно влекли за собой сложную сеть взаимоотношений между отдельными кустарями, кооперативными артелями и государственными организациями. В этих условиях формировались новые тенденции в развитии кустарной промышленности.

Первая тенденция связана с созданием экономических стимулов для кооперативного объединения кустарей. Выражалось это в предоставлении преимуществ в налоговой политике. Декретом ВЦИК и СНК от 7 декабря 1923 г. «О промысловом налоге» от уплаты промыслового налога освобождались члены артелей, работающих в общей мастерской, а также артели с полугодовым оборотом менее 10 тыс. руб. [7, с. 404–405.] Размер промыслового налога снижался на 50 %, если артель сбывала изделия только своего производства, и на 25 % — изделия посторонних

лиц, некооперированных кустарей. Большие налоговые льготы были для артелей, входящих в кооперативные союзы, они либо освобождались от налога, либо оплачивали только патент, избавляясь от уравнительного сбора. То есть налоговое законодательство стало в целом работать в направлении создания для промысловых кооперативов реальных преимуществ по сравнению с частным сектором экономики.

Стимулирование к кооперативному объединению выражалось и в подборе помещений, выгоды совместной заготовки сырья и сбыта продукции, а также в авансировании при выдаче государственных заказов. На региональном уровне в 1925 г. возникло Иркутское объединение кустарей и ремесленников, которое подготовило создание в 1926 г. кооперативного кустарно-промыслового союза.

Со второй половины 1920-х гг. в связи с правительственной программой по усилению промышленного развития производственный характер кооперативных артелей становится преобладающим. В союз не входили объединения, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, а кооперация в области охотоведения и рыболовства была выделена в самостоятельные промысловые союзы.

Однако на начальном этапе своей работы (до 1928 г.) Иркутский кооперативный кустарно-промысловый союз столкнулся с рядом трудностей: организационная слабость, плохо налаженное снабжение кустарей сырьем и сбытом их изделий, тяжелое финансовое положение и др. Долгое время артели действовали самостоятельно, снабжение сырьем и сбыт готовой продукции производили бессистемно. Финансовая слабость промысловых кооперативов на первых порах приводила к зависимости от частного скупщика и вынуждала прибегать к его посредничеству. В этом заключается вторая тенденция.

Основной базой для приобретения сырья многих кустарно-промысловых артелей являлся местный рынок, то есть сырье приобреталось не по генеральным договорам с заготовителями, а по сделкам с частными торговцами. Так, артель «Первый Иркутский шапочник-кустарь», созданная в апреле 1926 г. в составе 5 человек, сырье и материалы для производства получала у частных лиц, им же сбывала свою продукцию, практически не имея связей с госучреждениями [2, оп. 1, д. 782, л. 2].

Поскольку вся розничная торговая сеть в губернии обслуживалась частными торговцами, то их доля в торговых операциях мелкой и кустарной промышленности также была преобладающей. Чаще всего частник-скупщик выступал посредником между кустарем и рынком, являлся организатором производства и сбыта изделий кустарей. Кустарно-промысловые предприятия Иркутского, Тулуновского и Киренского округов в массе своей работали на заказ — 92,2 % кустарной продукции поступало заказчику и лишь 7,8 % оставалось у кустаря [10, с. 94]. Отсюда

следует, что продукция кустарного производства в очень незначительном количестве выходила на рынок через самого кустаря. В некоторых отраслях цена изделия на 100 % определялась заказчиком, например, в кожевенном, пимокатном и других производствах [3, оп. 1, д. 201, л. 181 об.]. В таких случаях организация сбыта принимала весьма сложные формы.

Таблица 1

**Товарное значение кустарной продукции бывшей  
Иркутской губернии в 1927 г.**

Наименование промысла	Стоимость продукции в руб.	% стоимости заказчика
Кожевенный	243 422	56,2
Кузнечный	190 799	94,6
Мебельный	2 357	87,1
Овчинный	26 700	100
Пимокатный	37 130	89,4
Столярный	18 994	81,6
Слесарный	40 582	88,2
Сапожный	97 833	68,6
Чирочный	33 010	95,3
Шорный	6 424	95,6
Кошмо-валяльный	26 511	99,3

Приведенные в табл. 1 [3, оп. 1, д. 201, л. 181 об.] материалы говорят о том, что отрасли по обработке материалов животного происхождения и деревообработка Иркутской губернии почти полностью находились в зависимости от поставляемого заказчиком сырья, т. е. заготовительные операции губернии находились в руках частных лиц, что осложняло объединение промысловиков, зависимых от поставок необходимого сырья.

Из-за хозяйственной и организационной слабости, недостатка средств и сырья кооперативные артели не могли привлечь большие массы кустарей. Эти обстоятельства сформировали третью тенденцию.

Для сравнения: за период с 1924 по 1927 гг. количество кооперированных артелей Сибири возросло в 15 раз (по стране в 1,9 раза), а численность занятых в них лиц — в 10 раз (по стране в 3 раза). Однако оставался большой процент некооперированных кустарей. По Сибири он составил 80,3 % общего количества занятых в кустарно-ремесленной промышленности (80524 человека). Как обстояло дело с процессом кооперирования на территории Иркутской губернии, можно проследить по материалам табл. 2 [2, оп. 1, д. 41, л. 132 об.].

Таблица 2

**Процент кооперирования мелкой промышленности  
Иркутской губернии по отраслям производства на 1928–1929 гг.**

Группа производств	Количество кустарей и ремесленников	Из них кооперировано (человек)	%
Одежда и туалет	2989	495	16,5
Деревообработка	2219	197	8,8
Металлообработка	1143	45	3,9
Пищевое	1139	413	36,2
Добыча и обработка камня и глины	698	448	64
Кожевенно-овчинное	509	28	5,5
Химическое	111	88	79,3
Шорное	54	22	40,7
Веревочное	48	26	54,1
Прочие	934	439	47
<b>Всего</b>	<b>9844</b>	<b>2201</b>	<b>22,4</b>

Всего в губернии насчитывалось около 10 тыс. кустарей и ремесленников, из них кооперировано было 22,4 %. Наибольшим количеством кооперированных кустарей и ремесленников отличались пищевкусовая отрасль, производство одежды и туалета, а также добыча и обработка камня и глины. Первые две — отрасли, являющиеся поставщиками предметов массового потребления населения, широкое развитие они получили в городах. Такие имеющие перспективу отрасли, как деревообработка и металлообработка, слабо кооперированы по причине специфики работы. Данным производствам более подходила организация работы в форме закупочно-сбытовых товариществ.

Четвертая тенденция связана с социальной политикой государства в отношении зажиточных хозяйств. Во второй половине 1920-х гг. решающим направлением становится постепенное изживание этой социальной верхушки. В первую очередь власти решили ущемить их положение в области налогового законодательства. Так, налоговая политика Иркутской губернии в 1925–1926 гг. была направлена на сокращение зажиточных хозяйств. Размер сельскохозяйственного налога для кулаков был в 17,5 раза выше, чем у бедняков.

В отношении частного кустарного производства правительство также шло на всевозможные поборы. Причиной этого являлось увеличение за период 1925–1926 гг. оборотов частной предпринимательской промышленности в Иркутске на 160 тыс. руб. В 1925–1926 гг. в обложе-

нии уравнительным сбором состояло 69 частных промышленных предприятий губернии, а в 1927–1928 г. их осталось 33 [1, оп. 1, д. 781, л. 35.]. Причиной сокращения их количества было резкое усиление в 1926–1927 г. изъятий нетрудовых доходов в частных предприятиях — с 30 до 45 %. Несколько ранее был увеличен промысловый налог, который в среднем был в 2–2,4 раза выше для частных предприятий по сравнению с государственными и кооперативными. Так с оборота государственных промышленных заведений в виде налога взимались 0,5 %, с кооперативных — 0,7 %, с частных — 1,3 % общего оборота предприятий.

Обратной стороной этих мероприятий стала маскировка владельцев частных кустарных предприятий под кооперативную деятельность. Личное участие таких предпринимателей состояло в осуществлении функций руководителей и администраторов промысловых артелей. Появляются так называемые «лжекооперативы» или «дикие» артели, деятельность которых прикрывалась кооперативной вывеской для использования социальных льгот и налоговых преимуществ.

Систематические проверки социального состава артелей способствовали постепенному вытеснению частного производителя из мелкой и кустарно-ремесленной промышленности.

Пятая тенденция определялась созданием приоритетных условий для привлечения в промысловые артели безработных и бедноты. В конце октября 1923 г. Наркомтруд издал положение «О трудколлективах из безработных», согласно которому безработные, зарегистрированные на биржах труда, имели право создавать артели на льготных условиях, получать кредиты на закупку сырья и материалов и освобождались в течение 6 месяцев от уплаты промыслового и проходного налогов. Это положение способствовало снятию напряженности с безработицей.

Деятельность безработных коллективов Иркутской губернии на 18 августа 1925 г. заключалась в работе сапожно-чирочной, портновско-пошивочной мастерской, хлебопекарне, столовой, объединении металлистов и музыкантов [5, оп. 1, д. 24, л. 252].

Особенностью многих из них являлось наличие большого количества членов, среди которых было немало женщин. Заработная плата у них была ниже, чем у мужчин, но сам факт возможности заработка снимал социальную напряженность. Помимо этого, в отношении налогообложения безработных коллективов и малообеспеченных слоев населения, входящих в промысловый союз, была предусмотрена система льгот. Так 30 % хозяйств Иркутской губернии, в основном бедняцкие, были освобождены от налога и до 40 % имели льготные условия [8, с. 52, 56]. Создание приоритетных условий для участия в промысловых артелях бедноты привело к их численному превалированию. В Иркутский про-

мысловый союз в 1926 г. входило 65 % бедняков, 30 % середняков и 5 % зажиточных слоев [3, оп. 1, д. 201, л. 41 об.].

Общий итог социально-экономического развития кустарного производства на 1929 г. представлен в табл. 3 [4, оп. 1, д. 1072, л. 54]. Если за 1927–1928 гг. было кооперировано почти 25 % кустарей, то в следующий год эта цифра возросла на 10 %. Достижение такого результата объяснялось «гонениями» на частное производство и зажиточные хозяйства, а также системой мер, направленных на стимулирование именно кооперативной, легальной деятельности. Небольшой процент удельного веса «диких» артелей объясняется тем, что выявить доходность и валовой оборот таких объединений не представлялось возможным. Единственным выходом в таком случае могла быть ликвидация артелей, что и происходило в результате проводившихся обследований. Основная их часть в 1927–1928 гг. на основе постановления ЦК РКП(б) от 29 июня 1925 г. была вовлечена в промысловые союзы [9, с. 57–59]. Удельный вес «диких» артелей губернии к общему числу кустарных объединений сократился в октябре 1928 г. до 22,6 %, а количество занятых в них лиц уменьшилось почти в 11 раз (с 636 до 50 человек) [3, оп. 1, д. 201, л. 173.].

Таблица 3

**Кооперирование кустарной промышленности  
Иркутской губернии в 1927–1929 гг.**

	1927–1928 гг.			1928–1929 гг.		
	Занято лиц	Валовая продукция, тыс. руб.	Удель- ный вес, %	Занято лиц	Валовая продукция, тыс. руб.	Удель- ный вес, %
Кооперировано	2837	4250	24,7	6000	6600	35,6
В «диких» артелях	636	380	2,3	50	110	0,6
Не кооперировано	8480	12450	73	5600	11850	63,8
Всего	11953	170802	100	11650	18560	100

Одновременно с этим произошло сокращение не входивших в кооперацию кустарей — с 8 480 до 5 600 человек. Однако удельный вес последней категории снизился не намного — на 9 %, и он по-прежнему был значителен. Одна из основных причин того, что многие кооперативы оставались вне кооперативной системы, заключалась в чрезвычайной сложности охвата их деятельности. Однако к 1930 г. влияние промыслового союза распространялось на 40,8 % некооперированных предприятий кустарей, работающих на заказ и на сырье скупщиков. Все они оказались связанными с промысловой кооперацией [6, с. 13].

В целом организационная система и финансовое положение кооперации к концу 1920-х гг. были неустойчивыми. Несмотря на правительственные меры, которые делали частное производство менее конкурентоспособным, основная масса кустарей все же продолжала вести самостоятельную производственную деятельность. К 1928 г. лишь треть мелких промышленников Иркутской губернии входила в промысловую кооперацию.

С 1928 г. усиливается вмешательство государства во внутренние дела кооперативов. На основе анкетных биографических данных решался вопрос о включении отдельных граждан в состав кустарно-промыслового союза. Также практически перестал существовать принцип паевого участия в кооперации и его стимулирования через оплату дивиденда. На замену ему были установлены методы определения дифференцированного пая, направленные на массовое привлечение малообеспеченных слоев населения. Весь комплекс этих мероприятий привел к ликвидации самостоятельной деятельности кооперативов и замене опытных кадров, заинтересованных в кооперативной организации труда. Кооперативная деятельность и кустарное производство лишались экономических стимулов, необходимых для развития нормальных производственных и торгово-рыночных отношений.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-312 (Фонд Иркутского окружного отдела местного хозяйства. 1926–1930 гг.). — Оп. 1. — Д. 191. — Л. 122.
2. ГАИО. — Ф. р-11 (Фонд Иркутской губернской рабоче-крестьянской инспекции и ее уполномоченных по уездам. 1920–1926 гг.).
3. ГАИО. — Ф. р-836 (Фонд Иркутского окружного отделения Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. 1927–1930 гг.) — Оп. 1. — Д. 201.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. р-16 (Фонд Иркутского окружного комитета ВКП(б). 1926–1930 гг.)
5. ГАНИО. — Ф. р-521 (Фонд Иркутского отдела швейников. 1920–1927 гг.)
6. Вильрат В. Г. Мелкая промышленность 13 районов Восточно-Сибирского края / В. Г. Вильрат, Г. Н. Дробышева. — Иркутск, 1930. — 104 с.
7. Законы о кооперации / Сост. М. А. Долматовский. — Москва, 1924. — 403 с.
8. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. — Новосибирск : Наука, 1965. — 58 с.
9. Об организационной работе кооперативов всех видов: Постановление ЦК РКП(б) от 29 июня 1925 г. // Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности. — Москва, 1932. — С. 57–59.
10. Соколов М. П. Сельские кустари Восточно-Сибирских округов (по обследованию 1925 г.) / М. П. Соколов, А. Т. Самохин. — Иркутск, 1927. — 122 с.



### **Информация об авторе**

*Семина Снежана Александровна* — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, e-mail: snezhkaSem@yandex.ru.

### **Author**

*Shezhana A. Semina* — Ph.D in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a, Baikalskaya str., Irkutsk, 664057, e-mail: snezhkaSem@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.20

УДК 94(47).083

ББК 63.3

*В.В. СИННИЧЕНКО*

*Г.С. ТОКАРЕВА*

## **«ТВЕРДЫЕ ЦЕНЫ» НА САХАР НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

В статье говорится о том, что в условиях войны сначала царское, затем Временное правительство перешли к введению фиксированных цен на продовольствие. Введение «твердых цен» на продовольственные товары вызвал их дефицит. Дефицит товаров приводил с одной стороны к гиперинфляции и обесцениванию денег, с другой стороны к росту контрабандных операций и насыщению рынка Дальнего Востока контрабандно ввезенным продовольствием из-за границы.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Гражданская война, твердые цены, монополия, сахар.

*V.V. SINICHENKO*

*G.S. TOKAREVA*

## **«FIRM PRICES» FOR SUGAR IN EASTERN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND CIVIL WAR**

The article states that in the conditions of war, first the royal government, then the provisional government, moved to impose fixed food prices. The introduction of «firm prices» for food products has caused shortages. The shortage of goods led on the one hand to hyperinflation and depreciation of money, on the other hand to the growth of smuggling operations and saturation of the Far East market with smuggled food from abroad.

**Keywords:** World War I, Civil War, hard prices, monopoly, sugar.

В годы Первой мировой войны Россия испытывала нарастающие проблемы со снабжением армии и тыла продовольствием. Отметим, что с 1913 по 1917 г. в России сократилась на 7 % запашка и на 23 % сбор хлеба.

В апреле 1916 года проблема снабжения начала резко меняться, например, армейская суточная норма по хлебу стала 1 260 граммов, а мяса — 205 граммов.

Остро продовольственный вопрос в России встал на третьем году войны. К июлю–августу 1916 года по сравнению с довоенным уровнем оптовые цены выросли по: хлебу на 91 %, сахару — 48 %, мясу — 138 %, маслу — 145 %, соли — 256 %.

В начале 1917 г. Россия, единственная из воюющих стран, не имеющая недостатка в хлебе, испытывала продовольственный кризис, который возрос на завершающем этапе войны.

Особенно это ощущалось в тылу. Так, из-за снижения курса рубля проблема нарастала и уже 4 мая 1916 г. Иркутское краевое совещание о практических мерах осуществления в Сибири закона о твердых ценах предлагало:

- 1) Воспретить вывоз скота из края.
- 2) Установить твердую цену на него внутри Восточной Сибири и Дальнего Востока [1, л. 16].

Сначала в июне-июле 1916 г. были введены таксированные цены, а в декабре 1916 г. обязательная сдача мяса и хлеба государству. Летом 1916 г. были введены нормы продажи продовольствия. По карточкам стали выдавать сахар, мясо, хлеб.

Первые годы после Октябрьской революции 1917 года стали тяжелым испытанием для городского населения России. Волнения на продовольственной почве возникали на крупных предприятиях. Неумение большевиков урегулировать возникающие конфликты порой приводило к вооруженным столкновениям. Большевики решили стабилизировать ситуацию, введя монополию на продажу хлеба. Белые армии также пошли на введение твердых цен на отдельные виды продовольствия, в результате чего с 1919 г. гиперинфляция и перманентный рост зарплаты в тылу армии Колчака стали привычными явлениями. Все это привело к тому, что нехватку хлеба, который становился с каждым днем дороже, население стало компенсировать большим потреблением картофеля. Цены менялись чуть ли не ежедневно. Данная ситуация коснулась не только картофеля, но и других продуктов питания.

Приведем пример с таксированными ценами на сахар.

Так, о введении монополии на сахар было объявлено еще 30 сентября 1917 г. председателем Временного правительства А.Ф. Керенским [2, л. 18].

Это вызвало активную контрабанду, в которую были вовлечены не только широкие слои проживавшего вдоль границы населения, но и даже почтовые служащие [2, л. 15]. Так, начальник почтово-телеграфной конторы Владивостока 2 декабря 1918 г. в сообщении № 15302 начальнику Приамурского почтово-телеграфного округа представил переписку и дознание на 39 листах по поводу обнаруженной тайной пересылки чинами вверенной ему и Шанхайской контор недозволенных предметов под видом почты.

Как видно из следственного дела, при вскрытии 25 сентября 1918 г. полученной из Шанхая почты, в отдельном мешке оказались четыре частных посылки, из которых первая была адресована на имя чиновника 11 разряда Судакова и три на имя чиновника Чернецкого. Посылки следовали без оплаты установленного почтовым сбором и без приписки по документам, под видом простой корреспонденции.

Посылки чиновника Судакова, как видно из порванной оболочки, заключала в себе игральные карты. По объяснению Судакова, он просил чинов Шанхайской почтовой конторы выслать карты ему, как заведующему собранием почтово-телеграфных служащих для нужд собрания, за невозможностью покупки их в России. Чиновник Чернецкий объяснил, что в его посылках было белье для личных нужд.

По распоряжению почтмейстера вещи были отосланы в Шанхайскую почтовую контору за границу.

Между тем с обратной почтой начальник почтово-телеграфной конторы получил известие от начальника Шанхайской конторы за № 33361 о том, что отправленная из Владивостока льготная посылка в Шанхае не получена.

Установленное за сотрудниками почты милицейское наблюдение и дознание выявило, что в июле и августе 1918 г. во Владивосток приезжал в отпуск чиновник Шанхайской конторы Папир, для организации тайной пересылки недозволенных предметов с целью наживы. Здесь он привлек нескольких служащих к соглашению с ним.

По имеющимся в дознании данным было организована отправка посылками сахара и табака 31 августа вслед за выездом в Шанхай чиновника Папира и 14 и 28 сентября, а также 10 октября. Последняя посылка с сахаром из Шанхая от 25 октября была с двойным днем и бельем, с целью скрыть от глаз других служащих почты факт деяния контрабанды такого вида товара [2, л. 16].

Как мы видим, введение твердых средств вызвало дефицит и завоз товара контрабандой из-за границы.

Однако на политику государственных образований, образовавшихся на территории бывшей Российской империи после Октябрьской революции 1917 г., это не повлияло.

Так, управляющий акцизными сборами Амурской и Приморской области 29 октября 1918 г. за № 3984 сообщил надзирателю 3-го акцизного округа, что постановлением Временного Сибирского правительства от 24 октября 1917 г. продажная цена на сахар была установлена: пуд песка 20 руб. и за пуд рафинада 40 руб. В связи с этим управляющий предложил немедленно сделать распоряжение об установлении контроля за продажей сахара, новая цена на который вводилась с 1 ноября 1918 г.

Однако уже 9 ноября 1918 г. Сибирское правительство из-за массового укрывания сахара предпринимателями было вынуждено поднять «твердую цену» на сахар — новым распоряжением — цена за пуд песка устанавливалась в 128 руб. и за пуд рафинада — 160 руб. [2, л. 18, 20].

Но многие предприниматели отказывались от реализации товара даже по новым продажным ценам. Поэтому надзиратель 3-го округа Приамурского акцизного управления в циркуляре от 16 мая 1919 г. предупредил инспекторов, что сахар песок должен продаваться по цене 3 руб. 20 коп за фунт, за продажу выше этой цены чиновники обязаны были составлять протокол и взимать штраф. Кроме того пеня взималась с продавцов сахара, если они не имели специального разрешения на продажу сахара от администрации округа.

С 20 августа 1919 г. новые казенные цены на сахар песок составили 200 руб. за пуд и 240 за пуд рафинада [2, л. 21].

В связи с этим, администрация с 16 по 20 августа 1919 г. проводила ревизию запаса сахара в торговых заведениях, кондитерских фабриках, складах, кондитерских и начисляла на предпринимателей штрафы за неисполнение постановления [Там же].

Тем не менее, вплоть до прихода 5-й Красной Армии на восток России проблема с продажей сахара по «твердым ценам» сохранялась. Спекулянты повсеместно не выполняли постановления колчаковского правительства.

Таким образом, в годы Гражданской войны временное Сибирское, а потом колчаковское правительство неоднократно публиковали «твердые цены» на сахар и пыталась регулировать рынок потребления этого продовольственного товара. Однако инфляция приводила к тому, что «твердые цены» постоянно росли, и на практике предприниматели постоянно нарушали постановления местных властей.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 20.
2. РГИА ДВ. — Ф. 137 — Оп. 1. — Д. 42.
3. РГИА ДВ. — Ф. 520. — Оп. 1. — Д. 231.

### Информация об авторах

*Синиченко Владимир Викторович* — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России. 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Тел. 89647334929, эл. почта: v.v.sinichenko@bk.ru

*Токарева Галина Сергеевна* — преподаватель кафедры общеправовой подготовки ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110. Тел. 89144011210, эл. почта: khb.jasmine@mail.ru

### Authors

*Vladimir V. Sinichenko* — doctor of historical sciences, professor, chief of department civil law disciplines, ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664071, Irkutsk, Lermontov street, 110.89647334929, v.v.sinichenko@bk.ru.

*Galina S. Tokareva* — Lecturer of the Department of General Legal Training of ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 664071, Irkutsk, Lermontova Str., 110. 89144011210, khb.jasmine@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.21

Ю.А. ФОМИНА

УДК 33:930

ББК 65.02

## О МЕРОПРИЯТИЯХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УЛУЧШЕНИЕ РАБОТЫ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена мероприятиям, направленным на развитие местной промышленности накануне Великой Отечественной войны. Анализируются проблемы, имеющиеся на местных предприятиях, и попытки их решения. Рассмотрены основные постановления центральных и местных органов власти и результаты их выполнения предприятиями местной промышленности.

**Ключевые слова:** Иркутская область, промышленные предприятия, местная промышленность, Великая Отечественная война, управление, промышленное производство, Наркомместпром.

Y. A. FOMINA

## ABOUT THE LOCAL AND CENTRAL AUTHORITIES ACTIVITIES AIMED TO IMPROVE THE WORKABILITY OF LOCAL INDUSTRY IN THE IRKUTSK REGION ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is aimed to illustrate the activities to develop the local industry on the eve of the Great Patriotic War. Under the analyses there are problematic situations at local industries and the ways to overcome those. The main local statutes are observed and the reports on their enforcement by local industrial enterprises.

**Keywords:** the Irkutsk Region, industrial enterprises, local industry, Great Patriotic War, management, industrial-scale production, Narcommestprom.

Промышленность местного подчинения Иркутской области в предвоенные годы находилась еще в стадии становления. Формирование органов управления промышленностью в регионе проходило в основном, в 1937–1939 гг. В 1937 г. при облисполкоме Иркутской области были образованы следующие отделы — Иркутский областной отдел местной промышленности, Иркутский областной отдел пищевой промышленности, Иркутский областной отдел легкой промышленности. В 1939 г. были организованы Иркутское областное управление местной топливной промышленности, Иркутское областное управление промышленности стройматериалов и Иркутский рыбопромышленный трест. Местной районной промышленности до 1937 г. в Иркутской области практически не существовало. В 1937 г. начинают строиться первые предприятия, которые находились тогда в ведении райгоркомхозов и обслуживали главным образом нужды коммунального хозяйства

Осуществлявшие руководство областной и районной промышленностью отделы при исполкомах Советов являлись органами исполкомов и одновременно подчинялись соответствующим наркоматам.

Несмотря на активное строительство новых предприятий, в развитии местной промышленности было много нерешенных вопросов. На работе местных предприятий региона отрицательно сказывались отсутствие грамотного контроля и помощи со стороны местных советских органов. Размещение предприятий и отдельных производств в отдаленных от центра местностях затрудняло руководство ими областными отделами местной промышленности. Сложившаяся административно-хозяйственная система не могла не отразиться на работе предприятий.

В довоенный период местная и кооперативная промышленность испытывала потребность в сырье, рабочей силе, слабо использовала

отходы предприятий союзной и республиканской промышленности, почти совсем не занималась реставрацией и переработкой изделий, плохо проводила обучение новых кадров [3, д. 626, л. 11, 12].

Органы власти Иркутской области возлагали на местную промышленность большие надежды в области производства товаров широкого потребления которых так не хватало населению области. В целях стимулирования этих отраслей органами власти до войны был принят ряд постановлений, направленных на развитие местной промышленности: «О производстве предметов широкого потребления», «О выпуске продукции ширпотреба заводом им. Куйбышева и другими местными предприятиями», «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» и другие [1, л. 18–19].

Однако постановление от 5 марта 1939 г. «О производстве предметов широкого потребления» большинством организаций не было выполнено. План шести месяцев 1939 г. производства предметов широкого потребления по основным промышленным организациям области был выполнен плохо. В целях увеличения производства ширпотреба, внедрения новых видов изделий, максимального использования местных сырьевых ресурсов, бюро Иркутского обкома ВКП(б) в июле 1939 г. обязало руководителей отраслей местной промышленности и промысловой кооперации перестроить свою работу в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК о выпуске товаров широкого потребления [3, д. 179, л. 19].

29–31 июля 1939 г. было проведено заседание Иркутского областного комитета ВКП(б) «О производстве предметов широкого потребления промышленными предприятиями области». Эти решения имели большое значение вследствие отдаленности региона от промышленных центров, необходимости разгрузки единственной железнодорожной магистрали, наличия колоссальных сырьевых ресурсов и отсталости местной промышленности в сравнении с другими краями и областями. В результате существенно возросли инвестиции в этот сектор народного хозяйства области. Например, для Иркутской области были отпущены средства в 1939 г. — 8 923,4 тыс. руб., в 1940 г. — 11 830,0 тыс. руб., что на 32,5 % превышало вложения прошлого года. Кроме того, на развитие производства товаров ширпотреба могла быть использована банковская ссуда в неограниченном размере [3, д. 439, л. 4].

В 1940 г. принимается целый ряд постановлений, имеющих целью обеспечить производство отдельных товаров. Например, «О производстве игрушек в системе Наркомместпрома РСФСР в 1940 г.»; «О выполнении плана по изготовлению ульев»; «О производстве крестьянского обоза». Последнее постановление было особенно актуально

вследствие острой нехватки обзоров в колхозах региона [2, д. 19, л. 191, 192, 200].

Большое внимание уделялось такому важному направлению в деятельности местной промышленности, как бытовое обслуживание населения. Так, например, 21 марта 1940 г. был принят приказ «О мероприятиях по увеличению в 1940 г. производства товаров широкого потребления промышленностью Наркомместпрома РСФСР». Особое внимание в приказе уделялось производству предметов широкого потребления и бытовому обслуживанию населения. На местах необходимо было принять меры по созданию лучших условий по бытовому обслуживанию населения, по улучшению работы мастерских по индивидуальному пошиву одежды, ремонту одежды и обуви, мебели, предметов домашнего обихода и др. Со второго квартала 1940 г. предприятия бытового обслуживания населения должны были перейти на двухсменную работу. Было принято постановление СНК от 11 сентября 1940 г. «О выпуске продукции из отходов производства, утиля и некондиционного сырья». В соответствии с этим решением действующие общесоюзные стандарты не распространялись на продукцию, вырабатываемую из отходов производства и утиля. Технические условия и образцы на данную продукцию, вырабатываемую областными и районными предприятиями, должны были утверждаться промышленными отделами облисполкомов по согласованию с областными торговыми отделами [Там же, л. 65].

В конце 1940 г. было принято постановление коллегии Наркомместпрома РСФСР и принят соответствующий приказ «О работе предприятий местной промышленности по бытовому обслуживанию населения». В соответствии с постановлением необходимо было наметить конкретные мероприятия по улучшению работы и организации новых мастерских бытового обслуживания. Надо было составить план мероприятий по использованию старых вещей (галoши, тряпье и т.д.) для каждого района, организовать контроль за работой мастерских и качеством оказываемых ими услуг, в том числе за качеством ремонта и сроками исполнения заказов, устанавливался учет имеющегося брака за каждой мастерской [Там же, л. 1, 3].

Принятые нормативные акты оказывали значительное влияние на планирование работы местных предприятий. В предвоенный период, когда местная промышленность еще только создавалась, было много новых проектов по созданию предприятий, работающих на ранее никогда не использовавшихся местных ресурсах. Одним из таких проектов было производство изделий из гагата. Гагат (от греч. *gagates* — черный янтарь) — это разновидность каменного угля, которая хорошо обрабатывается и полируется, приобретая красивый блеск, и широко применяется для мелких поделок, пуговиц, бус, четок и других изделий.



Готовилось открытие в 1940 г. Тулунской гагатовой фабрики, было выделено помещение, установлен производственный план. Планировалось открытие в 1941 г. и мастерской по обработке гагата в Иргор-промтресте, имелось обоснование к проекту организации этой мастерской и возможная номенклатура изделий [5, л. 13, 17].

Одним из перспективных направлений решения вопросов развития местной промышленности в предвоенные годы было кредитование местных предприятий, выпускающих товары широкого потребления.

Государственному банку разрешалось кредитовать предприятия, выпускающие ширпотреб сроком на один год. Районные банки раньше могли выдавать кредиты до 25 тыс. руб., а областной банк до 50 тыс. руб. Позже кредиты были значительно расширены [3, д. 439, л. 14, 15]. Реализация решения правительства о кредитовании местной промышленности и промкооперации проходила в 1940 г. очень медленно. За первое полугодие 1940 г. на организацию новых производств кредит получили только 15 организаций на сумму 238,0 тыс. руб.; на расширение действующих 21 предприятие на 236,0 тыс. руб. Всего банковская сумма была использована в размере 474,0 тыс. руб. По этим предприятиям предполагалось получить дополнительно товаров ширпотреба на сумму 2,9 млн. руб., фактически же было выпущено дополнительной продукции только на 900,0 тыс. руб. Кредит выдавался только в 16 районах области. Не было получено ни одной ссуды в районах: Боханском, Нижне-Удинском, Шиткинском, Братском, Усть-Удинском, Балаганском, Киренском. Во втором полугодии положение с выдачей ссуд не улучшилось. Если на первое июля 1940 г. задолженность банку по ссудам составляла 372,0 тыс. руб., то на первое октября 296,0 тыс. руб. и на первое января 1941 г. — 263,0 тыс. руб. В том числе по промкооперации 135 тыс. руб.; по местной промышленности 21 тыс. руб.; по пищевой промышленности 69 тыс. руб. [Там же, л. 8]. Из этих данных видно, в каких незначительных размерах использовалась банковская ссуда для местной промышленности. Напрашивается вывод: кредиты не были популярны, напротив, использование шло к снижению

Большое влияние перед Великой Отечественной войной на планирование работы местной промышленности оказало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья». Этим постановлением была отменена существующая практика централизованного планирования производства и использования товаров ширпотреба и продовольствия, вырабатываемых местной промышленностью и промкооперацией, как тормозящая развитие местной промышленности и порождающая нерациональные межобластные перевозки товаров. С января 1941 г. вся продукция

предприятий районной, областной промышленности и промкооперации, вырабатываемая из отходов и местного сырья полностью, а из недефицитного сырья на 50 % оставалась в распоряжении района, области, республики. Накопления районной и городской промышленности должны были оставаться в ведении исполкомов местных советов и идти на расширение местной промышленности. Государство выделяло большие средства для развития местной промышленности. Вновь организованные предприятия в течение двух лет освобождались от налоговых отчислений [7, с. 665–673].

Состоявшиеся в январе–феврале 1941 г. пленумы обкомов и горкомов ВКП(б), сессии областных и городских Советов обсудили меры по перестройке работы местных предприятий в соответствии с этим постановлением. В ходе выполнения принятых ими решений многие предприятия улучшили свою работу, освоили производство новых изделий.

25 января 1941 г. состоялся четвертый пленум Иркутского областного комитета ВКП(б), принявший решение об увеличении производства ширпотреба в соответствии с постановлением от 7 января 1941 г. и решением XVIII партсъезда. Бюро обкома обязало руководителей отраслей местной промышленности и кооперации перестроить свою работу соответственно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК о выпуске ширпотреба. Положительным результатом этих постановлений в первом квартале 1941 г. стала организация двух промартелей в Нукутском и Боханском аймаках. В 1941 г. на территории Усть-Ордынского округа было намечено строительство кирпичных, алебастровых, лесопильных и известковых заводов. Также планировалось возведение пищекомбината и шахты в Усть-Орде [6, л. 9–11, 27].

Помимо постановления направленных на увеличение производства товаров ширпотреба принимались решения, повышающие дисциплину труда. 26 июня 1940 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [7, с. 637].

Теперь на всех предприятиях должна была быть установлена строжайшая дисциплина. На матрацно-щеточной фабрике за выход на работу в пьяном виде был уволен заведующий складом. Ввиду того, что теперь в подобных случаях дело должно передаваться в суд, директор фабрики Башарин был привлечен к ответственности, осужден и снят с работы. После проведенной проверки предприятий Иркутского Облместпрома было установлено, что наиболее частые случаи нарушения указа были на Хайтинском фарфоровом заводе, где они приняли форму скрытых прогулов. Таких прогулов было на заводе в период с 01.07.1940 г. по 01.01.1941 г. 2 201 человеко-день [2, д. 60, л. 47].

Одной из причин негативных тенденций в развитии местной промышленности являлась низкая квалификация управленческого персонала. Руководящие кадры местной промышленности, как правило, не имели соответствующего образования и опыта работы.

По состоянию на ноябрь 1940 г. из 18 руководящих работников местной и кооперативной промышленности, входящих в номенклатуру обкома ВКП(б), ни один не имел высшего образования, 10 имели среднее, восемь — низшее. Из 18 руководителей восемь были приняты на работу в 1940 г., семь — в 1938–1939 гг., 12 руководящих работников были в возрасте от 30 до 40 лет, четверо старше 40 лет, один — старше 50. Из 93 руководящих работников Облпищепрома в апреле 1941 г. с высшим образованием было двое, столько же — со средне-специальным, имеющих среднее образование было 24. Остальные имели низшее образование [4, л. 24].

Для решения этой проблемы Наркомместпром РСФСР в апреле 1941 г. издает несколько приказов о повышении квалификации некоторых категорий работников. На трехмесячные курсы отправлялись руководящие работники районной промышленности, бухгалтеры предприятий областного и районного подчинения, мастера по ремонту весоизмерительных приборов. Планировалось обучить 550 человек в Московском и Свердловском учебно-курсовых комбинатах. От Иркутского Облместпрома и от Наркомместпрома Бурят-Монгольской АССР должно было быть направлено по пять руководящих работников в Свердловский комбинат. Бухгалтеров от Иркутской области — пять, от Бурятии — шесть; мастеров от Иркутской области — семь, от Бурятии — пять. Основным требованием к работникам было наличие опыта работы и не менее четырех классов образования [Там же, л. 60–61, 65–66, 68–69].

Объективными причинами невыполнения плановых заданий являлись изношенность оборудования, финансовые затруднения, недостаток сырья и материалов и т.д. Чтобы изменить существующее положение с качеством товаров, был принят целый ряд постановлений. Например, приказ Наркомместпрома РСФСР от 04.02.1940 г. «О мероприятиях по снижению потерь от боя и брака на предприятиях Наркомместпрома РСФСР» [2, д. 20, л. 38].

Особо необходимо выделить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г., устанавливающий ответственность за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов. В сентябре 1940 г. в Иркутской области была проведена проверка выполнения этого постановления и проведено совещание руководителей торговых и производственных организаций. Следует отметить, что указ имел неоднозначные результаты. С одной стороны, эти меры должны были остановить поток недоброкачественной продукции, кото-

рая поступала на прилавки магазинов в большом количестве. С другой, руководители предприятий, боясь ответственности, задерживали на складах готовую продукцию или сворачивали производство продукции, которая чаще всего выпускалась с браком. В результате этого потребительский спрос на товары широкого потребления не удовлетворялся, средства замораживались, а производственные планы не выполнялись [2, д. 19, л. 62–64].

Таким образом, в работе местных предприятий имелись такие недостатки как дефицит рабочей силы и сырья, преобладание ручного труда, слабое оснащение техникой, невысокое качество и небольшой ассортимент изделий, частое невыполнение плановых заданий и другие. В то же время предвоенный период характеризовался стремлением органов власти организовать работу местной промышленности на качественно новой основе, использовать местное сырье для производства товаров широкого потребления, в которых население региона испытывало острую нужду, и тем самым устранить дальние перевозки сырья и товаров по железной дороге. Во многом такая политика диктовалась надвигающейся военной опасностью. В 1941 г. планировалось увеличение капиталовложений и создание значительного количества новых предприятий. Однако этим планам не суждено было осуществиться. С началом войны пришлось срочно перестраивать работу промышленности и ориентировать ее на решение иных задач.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 1933. — Оп. 7. — Д. 30.
2. ГАИО. — Ф. р-1292. — Оп. 1.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 127 — Оп. 1.
4. ГАНИИО. — ф. 127. — Оп. 18. — Д. 50.
5. ГАНИИО. — ф. 159. — Оп. 6. — Д. 291.
6. ГАНИИО. — ф. 447. — Оп. 1. — Д. 231.
7. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам 1917–1957 гг. — Т. 2. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 887 с.

### Информация об авторе

*Фомина Юлия Анатольевна* – кандидат исторических наук, преподаватель, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: fomina.y@mail.ru.

### Author

*Yulia A. Fomina* – Ph.D. in History, Instructor Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: fomina.y@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.22  
УДК 341.33(571.13)(091)  
ББК Х916.702.8(2Р-4Ом)г

*В. А. ШАЛАМОВ*

## **ЭВАКУАЦИЯ ВРЕМЕННОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ИЗ ОМСКА В ИРКУТСК ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА**

К осени 1919 г. стало ясно, что армия адмирала Колчака не сможет защитить свою столицу — Омск. Начинается эвакуация правительственных учреждений. Временное главное управление Российского общества Красного Креста выезжает из Омска на восток одним из последних. В ходе эвакуации обозначилось место прибытия — Иркутск. Однако развернуться в полную силу управлению не удалось, и сразу после декабрьских событий 1919 г. оно было расформировано.

**Ключевые слова:** история здравоохранения, история медицины, Временное главное управление Российского общества Красного Креста, гражданская война в Сибири.

*V. A. SHALAMOV*

## **EVACUATION OF THE TEMPORARY MAIN DEPARTMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE RED CROSS FROM OMSK TO IRKUTSK IN AUTUMN 1919**

By the fall of 1919, it became clear that the army of Admiral Kolchak could not defend his capital, Omsk. The evacuation of government agencies begins. The interim headquarters of the Russian Red Cross Society is leaving East from Omsk one of the last. During the evacuation, the place of arrival was designated — Irkutsk. However, the management failed to fully deploy and immediately after the December events of 1919 it was disbanded.

**Keywords:** history of healthcare, history of medicine, Temporary General Directorate of the Russian Red Cross Society, civil war in Siberia.

Октябрьскую революцию Российское общество Красного Креста (РОКК) не приняло. Большевиков деятели Красного Креста называли узурпаторами власти и участвовали в общественном саботаже всех решений большевистского правительства. В ответ были арестованы и доставлены в петроградскую ЧК начальник канцелярии Главного управления РОКК А.Д. Чаманский и член управления Б.Н. Ордин [2, с. 239]. Декретом от 4 января (по другим данным 6 января) 1918 г. Совет народных комиссаров объявил о передаче имущества и капиталов РОКК в государственную собственность [6, с. 57–58]. Главное управление было

расформировано, а учреждения были переданы в распоряжение Комитета по реорганизации, который начал роспуск учреждений и увольнение персонала. Бывшие члены Главного управления стали разъезжаться по стране, боясь репрессий [1, с. 15–16].

5 (18) декабря 1918 г. в Омске беженцами из Самары при поддержке местных сибирских учреждений было учреждено Временное главное управление Российского общества Красного Креста (ВГУ РОКК) под председательством сенатора А.Н. Шелашникова, а после его смерти — М.Л. Киндякова, бывшего члена Госдумы IV созыва. Часть членов нового комитета уже имела опыт работы в учреждениях Красного Креста. Члены образовали из своего состава Исполком, которому подчинялись отделы: медико-санитарный, снабжения, мобилизационный, инспекторский, местных учреждений, учетно-финансовый, контрольный и общая канцелярия. Вскоре ВГУ РОКК подчинило себе 3 окружных управления, 17 местных управлений, 30 комитетов, 9 комитетов общин сестер милосердия, 16 общин сестер милосердия и 15 больниц и амбулаторий. При каждой армии был выделен особо-уполномоченный РОКК. Были налажены контакты с Международным Комитетом Красного Креста в Женеве и национальными отделениями Красного Креста некоторых стран (США, Великобритания, Канада, Голландия, Дания, Швеция). На фронтах стали организовываться под эгидой Красного Креста госпитальные учреждения, аптеки, санитарные поезда, дезинфекционные станции и т.д. К осени 1919 г. под флаг Красного Креста встал еще ряд общественных организаций (Центральный комитет о военнопленных, Комитет помощи больным и раненым воинам, Союз городов и др.) [4, с. 57–62].

В начале лета 1919 г. войска адмирала А.В. Колчака стали оставлять одну позицию за другой. Западные союзники начали выводить свои воинские контингенты, сворачивать торговые учреждения и отказывать в поддержке правительству. Заведующий отделом формирований РОКК Н.Н. Волков в своих воспоминаниях относит начало разговоров об эвакуации к середине сентября 1919 г. [5, с. 70]. Вероятно, он ошибался. Упомянутая им межведомственная комиссия под председательством министра путей сообщения (МПС) Л.А. Устругова, в которую его ввели как представителя от Красного Креста, работала уже в августе месяце. Так, 12 августа 1919 г. при ВГУ РОКК заслушивался доклад члена комитета Е.И. Запесошного, доложившего, что на межведомственной комиссии при МПС было решено для разгрузки Омска предложить семьям членов ВГУ РОКК выехать на станцию Иннокентьевскую. При этом предупреждалось, что в последующем подобных гарантий они на себя не берут. Через день ВГУ постановило расширить функции своего уполномоченного доктора М.Г. Кушнира, работавшего в это время в Иркутске. Ему поручалось устроить Центральный склад Красного Кре-

ста и подыскать помещения для размещения Главкреста и служащих [3, д. 12, л. 90, 93]. Для размещения 10 отделов ВГУ и 200 членов семей служащих Кушниру в помощь был выделен чиновник особых поручений В.А. Дмитриев [Там же, д. 45, л. 46].

«С каждым днем все очевиднее, что провести эвакуацию планомерно не представится возможным, и различные ведомства стали отдельно принимать шаги для обеспечения своих служащих вагонами. Разумеется, при такой бессистемности началась форменная борьба между ними, и кто был сильнее и имел заручку у [Верховного] правителя, тот захватывал в свое распоряжение целые составы с лучшими вагонами I и II класса, и самые исправные паровозы. Не брезговали никакими средствами, чтобы вырвать друг у друга лакомый кусочек... То, чего не могло добиться Управление Красного Креста для санитарных поездов, того достигли эти авантюристы...», — писал в своих воспоминаниях Н.Н. Волков [5, с. 71].

26 октября 1919 г. (в приказе 26 ноября, что, вероятно, является ошибкой) главный начальник по разгрузке Омска и Сибирской магистрали генерал-майор П.А. Белов передал ВГУ приказ Колчака: «...отправить немедленно из Омска состав членов Главного управления Красного Креста, служащих и канцелярию» [3, д. 54, л. 16]. Всем членам Исполнительной Комиссии ВГУ РОКК было объявлено следующее: «Начальником эвакуации назначается ротмистр Борис Константинович Иванов... Вещи служащих могут быть доставлены в Главное управление в воскресенье, а оттуда в понедельник с рассветом доставлены на вокзал средствами Красного Креста, желающие могут доставить за свой счет прямо на вокзал, но не позднее 11 часов утра в понедельник 3-го ноября, когда будет производиться посадка. Опоздавшим размещение в вагонах не гарантируется... Эшелон Красного Креста будет находиться на товарном дворе близ Карлушки на пути. Заботы о питании Красный Крест на себя не берет...» [Там же, л. 1].

Головка Красного Креста поступила также, как и руководство всех ведомств колчаковской администрации — просто свалила всю работу по организации эвакуации на нескольких лиц, а сами предпочли покинуть город, которому угрожали войска Красной армии. Особо-уполномоченному РОКК князю А.И. Куракину, который отличался деятельной, кипучей натурой поручили сильно разросшийся внутренний район деятельности Красного Креста (от Новониколаевска до станции Иннокентьевской под Иркутском). Именно Куракин, располагавшийся в Новониколаевске, и должен был решать все вопросы эвакуации, размещения персонала, обеспечения и развертывания лечебных заведений. В Иннокентьевскую и в Харбин были отправлены телеграммы с приказами задерживать грузы, направленные в Омск [Там же, д. 45, л. 11, 13].



Исполком ВГУ РОКК воспользовался подвернувшейся возможностью. Дело в том, что во второй половине октября в Омск прибыла японская миссия в составе представителей Комитета экономической помощи Сибири Хашигучи, Японского Красного Креста Накамура и Фуйта, Министерства иностранных дел Японии Судзуки и капитана Мацумура и Вено. В 11 вагонах они привезли 3 243 ящика медицинских товаров, которые они желали передать нашим войскам на передовых позициях [5, л. 20–22]. Поскольку японцы, как официальные представители иностранного государства, обладали определенным приоритетом в продвижении по железной дороге, то руководство Красным Крестом этим и воспользовалось. Члены исполкома ВГУ разместились в вагоне IV класса и вагоне-теплушке. Отдельный вагон содержал груз. Эти три вагона присоединили к 11 вагонам японского груза медикаментов и вагону II класса с членами миссии [Там же, д. 5, л. 17]. Отправились они лишь 8 ноября. Даже в этих условиях литерный поезд едва пробирался через запруженные другими составами железнодорожные пути Сибирской магистрали. Только 22 ноября они достигли Новониколаевска. К сожалению, из-за того, что часть телеграмм и записок не имеют дат, нет возможности точно датировать время прибытия в Иркутск членов исполкома. Думается, что это произошло в первых числах декабря [Там же, л. 37]. По всей видимости, члены исполкома в пути по какой-то причине разошлись с японской миссией, которую позднее искали по всей линии железной дороги и обнаружили вместе с Американским Красным Крестом и французской дипмиссией в Красноярске [Там же, д. 45, л. 149]. Дальнейшая судьба этих медикаментов не известна. Возможно, что их передали в склады Красного Креста на станции Иннокентьевской.

Что касается эвакуации рядовых служащих ВГУ РОКК, то она прошла не так безоблачно. На каждый отдел был выделен вагон, куда размещалось от 19 до 23 человек. Любопытно, что среди служащих Красного Креста эвакуировались два будущих профессора медицинского факультета Иркутского университета — А.А. Мелких и Н.Д. Бушмакин [Там же, д. 54, л. 3–9]. Сохранилась записка, адресованная начальнику Омского железнодорожного узла, от 10 ноября, в которой значилось, что «Эшелон Главного управления Российского общества Красного Креста и Управления главно-уполномоченного Красного Креста внутреннего района в составе 27 вагонов готов к отправлению и стоит на 6-м санитарном пути вместе с эшелоном Министерства земледелия тоже готовом к отправлению...» [Там же, л. 17, 22]. Вероятно, составы отбыли из Омска только 11 ноября.

Ко времени эвакуации на железной дороге образовались многочисленные заторы, провозы за недостатком топлива размораживались, пассажиры вынуждены были искать другой способ передвижения, а по-



следующие составы — опрокидывать стоящие у них на пути вагоны. Уже на подходе к первой крупной станции после Омска — Татарске Киндяков писал совместно с временным управляющим Министерства земледелия Ярмашем и помощником главного уполномоченного по делам беженцев Покровским представителю Красного Креста в Татарске Скворцову, чтобы он посодействовал высылке дополнительного паровоза, поскольку их старый больной паровоз за два дня не смог вытащить состав. У пассажиров вскоре стали возникать проблемы с продовольствием, которого и так было недостаточно. Киндяков стал слать распоряжения руководителям учреждений РОКК, расположенных в попутных станциях, чтобы они приобретали все необходимое и доставляли в эшелон. 13 ноября Киндяков обратился к представителям Американского Красного Креста с просьбой выдать теплую одежду членам Красного Креста и их семьям, поскольку большинство состояло из беженцев с Поволжья и Урала. 17 ноября члены ВГУ Е.И. Запесошный и Н.К. Иванов обратились к чиновнику особых поручений Н.А. Самойлову с просьбой перевести их состав на нечетный путь, поскольку за шесть суток они проехали всего 200 верст, а должны были быть уже в Иркутске [Там же, л. 24, 25, 32, 41]. В конечном счете, второй состав оказался зажат недалеко от станции Тайга.

«В Омске было несколько складов Красного Креста обильно снабженных дорожными лекарствами, теплым бельем, полушубками и тулупами. Белье и полушубки были, разумеется, заблаговременно разобраны для «нужд» эвакуированных ведомств, но оставались очень ценные медикаменты, в том числе масса патентованных средств и несколько десятков полных наборов дорожных хирургических инструментов, полученных из Америки и Японии. В первых числах ноября Управление Красного Креста вдруг спохватилось и предложило мне организовать транспорт, чтобы вывезти самое ценное имущество из этих складов на станцию Иннокентьевскую», — писал уже знакомый нам Н.Н. Волков [5, с. 71]. Действуя не столько из желания, сколько из-за угроз репрессий со стороны ВГУ РОКК, он собрал обоз в 40 подвод, на которые погрузил самое ценное имущество Красного Креста. Для охраны ему был придан отряд в 22 бойца. Вероятно, Управление отдавало себе отчет, что по железной дороге этот груз уже не дойдет. Обоз покинул Омск 14 ноября за сутки до прибытия войск Красной Армии.

По пути, в Канске, подводы едва не были реквизированы военным ведомством. В Новониколаевск прибыли в самом конце ноября. Далее Волков вспоминает: «Приехав в Новониколаевск я, прежде всего, разыскал главного уполномоченного тыла Красного Креста князя Куракина и попросил его указать мне кому и куда мне сдать имущество Красного Креста, так как намерен был расформировать транспорт и дальше не

эвакуировать... Когда князь Куракин меня увидел, то страшно обрадовался. Бедняга решительно сбился с ног. Нужно было эвакуировать из Новониколаевска значительные продовольственные запасы, и ему одному приходилось обо всем заботиться. Я с удовольствием помог ему, и мы занялись перевозкой и погрузкой запасов в вагоны, куда я погрузил и имущество Красного Креста» [5, с. 77]. Однако расформировать транспорт Куракин запретил. Более того, из всех имеющихся в городе транспортов Красного Креста был сформирован один сводный. Во главе этого обоза Волков и отправился 14 декабря в направлении станции Тайга, а 15 декабря город был занят красными. Вместе с транспортом, сложив с себя все обязанности, пустились в путь семейства князя А.И. Куракина и главно-уполномоченного фронта князя Л.Л. Голицына. По дороге они видели картины грабежа санитарных вагонов: «...Мне приходилось наблюдать, как целая банда местных крестьян разбивала один из вагонов, где как раз были погружены медикаменты Красного Креста. Они выкидывали из вагона на полотно все лекарства, предварительно ломая их, очевидно, в поисках чего-нибудь спиртного... Они отлично сознавали, что истребляют очень ценные и нужные вещи, но раз они им негодились, то пусть и никто ими и не воспользуется», — с горечью сообщал Волков [Там же, с. 78–82]. У станции Тайга произошла развязка событий. Н.Н. Волков бросился на спасение своей семьи, застрявшей в эшелоне. Здесь же осталась часть служащих, которые отказались ехать дальше. Для них эвакуация закончилась.

Что произошло с составом, в котором передвигались служащие ВГУ РОКК, не ясно. В архивных делах имеется несколько телеграмм, которые слегка приоткрывают завесу неизвестности. Так, перед своим отъездом из Новониколаевска 13 декабря 1919 г. князь Куракин телеграфировал в Иркутск: «Выезжаем в Тайгу транспортом, адрес коменданту. Эшелон 882: Надеждин и Голицын также выгружаются подводы» [3, д. 21, л. 72]. Сутки спустя из Томска была направлена телеграмма члена ВГУ РОКК Н.К. Иванова: «Эшелон 882: Надеждин Миллер и объявившийся Голицын под Новониколаевском выгружаются в подводы, склад брошен, вероятно, и документы, что можно возьмут собою. Едут в Тайгу туда же сегодня лошадьми вместе ними выезжает Куракин...» [3, д. 21, л. 73]. 17 декабря тот же Иванов из Томска сообщал: «По изменившимся обстоятельствам выезжаю гужом в Мариинск, далее Соколов сегодня выехал Тайгу...» [Там же, л. 82]. Из этих разрозненных сведений можно сделать некоторые выводы. Эшелон 882 — это поезд, в котором передвигались служащие РОКК. Вероятно, состав не смог пробиться через пробку, и пассажиры вынуждены были пересесть на гужевой транспорт, бросив большую часть грузов. В документах Красного Креста эти лица больше не упоминались, хотя известно, что князь Куракин смог выбрать-

ся, а князь Голицын умер от тифа в тюрьме в Красноярске в мае 1920 г. Можно предположить, что они оказались в потоке отступающих колчаковских войск. Часть из них могла на рубеже 1919–1920 г. сдать ся под Красноярском, а наиболее стойкие — стали участниками Великого Сибирского Ледяного похода.

По прибытии в Иркутск исполнительная комиссия ВГУ РОКК добилась отведения под канцелярию половины аптечного магазина Жарникова по Большой улице [Там же, д. 54, л. 51]. Первоначально было решено укорениться в Иркутске, чему способствовало несколько обстоятельств: за Байкалом практически не было крупных городов с достаточным количеством жилых площадей для развертывания госпиталей, Иркутск был центром администрации всей Восточной Сибири, здесь имелись склады РОКК со значительными запасами медицинских товаров. Учитывая масштабы катастрофы на Сибирской магистрали от Омска до Красноярска, члены ВГУ стали готовиться к приему большого числа больных и раненых. Был поставлен вопрос о расширении существующих госпиталей и открытия новых для чего требовались свободные помещения. На междуведомственном совещании Красный Крест заявил о реквизиции ряда зданий в городе, в том числе кадетского корпуса, женских гимназий и духовной семинарии, но управляющий губернией П.Д. Яковлев был против. Образуется эвако-распределительный комитет, куда от Красног Креста были назначены Е.И. Запесошный и Н.Д. Бушмакин [Там же, л. 54, 54 об., 60].

Под впечатлением проезда мимо Красноярска председатель Главкреста Киндяков 4 декабря поручил князю Куракину выделить помощника представителю Красного Креста в Красноярске Гудовичу, видимо, предполагая, что здесь будет ближайший тыл армии. Для организации госпиталей ему выделяется авансом 200 тыс. руб. Такие же меры были приняты в Тайшете, Зиме, Нижнеудинске, Усолье [Там же, д. 45, л. 106]. Киндяков в телеграмме от 7 декабря потребовал, чтобы санитарные поезда ни в коем случае не двигались дальше Иркутска. Некоторые поезда пришлось вернуть [Там же, л. 107]. Однако уже спустя неделю атаману Г.М. Семенову и управляющему Забайкальской областью С.А. Таскину были направлены телеграммы следующего содержания: «В Читу направляются 3 госпиталя Красного Креста с больными и ранеными. Имея в виду Ваше благожелательное и сочувственное отношение к деятельности Красного Креста, Главное управление глубоко верит, что Ваше Превосходительство окажете мощное содействие... и не откажете в распоряжении по обеспечению отправляемых госпиталей соответствующими помещениями» [Там же, д. 54, л. 61].

24 декабря 1919 г. в Иркутске началось восстание, в городе завязалась перестрелка. Исполнительная комиссия ВГУ РОКК вновь мало-

душно поспешила ретироваться. Внутренний район от Красноярска до Иркутска теперь подчинили М.Г. Кушниру, а учреждения РОКК в городе доктору И.П. Михайловскому. Им передали все функции вплоть до эвакуации. Управление поспешило перебраться в Читу, в последующем — в Харбин [3, д. 45, л. 165, 168].

Оставшиеся в Иркутске и окрестностях учреждения Красного Креста приняли горячее участие в приеме больных и раненых в ходе декабрьских событий 1919 г. После утверждения власти Политцентра военно-гражданский медицинский комиссариат постановил ликвидировать ВГУ РОКК, а учреждения передать по принадлежности, что и выполнялось в течение января-февраля 1920 г. К моменту вступления Красной армии в Иркутск Главкредст уже прекратил свое существование. Работники Красного Креста сыграли важную роль в становлении медицинского факультета Иркутского университета.

### Список использованной литературы и источников

1. Бюньон Ф. Международный Комитет Красного Креста и Советский Союз (1917–1991) / Ф. Бюньон / Пер. с фр. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Международный Комитет Красного Креста, 2000. — 96 с.
2. Голотик С. И. Российское общество Красного Креста (1917–1930-е гг.) / С. И. Голотик, С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. — 2001. — № 2 (4). — С. 237–250.
3. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 1845. — Оп. 1.
4. Ипполитов С. С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1918–1920 гг.) / С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. — 2013. — № 1 (35). — С. 56–68.
5. Петин Д. И. Эвакуация из Омска (1919 г.): мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова / Д. И. Петин // Северные архивы и экспедиции. — 2019. — Т. 3, № 4. — С. 63–84.
6. Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти (1917–1924 гг.) : сборник документов / ред. кол. М. И. Барсуков, А. С. Дремов, А. П. Куропатов. — Москва : Изд-во «Медицина», 1966. — 544 с.

### Информация об авторе

*Шаламов Владимир Александрович* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

### Author

*Vladimir A. Shalakov* — PhD in Historical Sciences, Associate Professor Department of history of Russia, Irkutsk state University, 664025 Irkutsk, Chkalov str., 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

---

# СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.23

*Д.М. ЖУРАВЛЕВ*

УДК 338.24

ББК 65.054

## МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

В статье рассматриваются вопросы решения ряда задач планирования и прогнозирования управлением социально-экономическим развитием. Изложенный материал основан на общих принципах регионального стратегирования и отражает положения, сформированные с учетом международного опыта и на основе отечественной истории развития систем управления макроэкономическими процессами с использованием современных информационных технологий. Разработана экономико-математическая модель двух ключевых процессов социально-экономической системы региона «базовое образование, здравоохранение, социальная защита» и «транспортная инфраструктура». Результаты расчетов проиллюстрированы на примере Иркутской области. Использование на практике разработанных методологические подходов позволит обособанно решать задачи стратегирования опережающего развития регионов.

**Ключевые слова:** анализ данных, региональная экономика, системный процесс, стратегирование, управление развитием.

*D.M. ZHURAVLEV*

## MODEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT)

The article addresses the issues of solving a number of planning and forecasting problems of managing socio-economic development. The material presented is based on the general principles of regional planning and reflects the provisions formed taking into account international experience and on the basis of the domestic history of the development of macroeconomic process control systems using modern information technologies. An economic-mathematical model of two key processes of the region's socio-economic system «basic education, health care, social protection» and «transport infrastructure» has been developed. The results of the calculations are illustrated by the example of the

Irkutsk region. The practical use of the developed methodological approaches will make it possible to justifiably solve the tasks of strategizing the rapid development of the regions.

**Keywords:** data analysis, development management, regional economy, strategy, system process.

Российская экономика представляет собой сложный мульти-региональный организм, функционирующий на основе многочисленных, одновременно быстро меняющихся взаимодействий и взаимосвязей системе общественного разделения труда, который обеспечивает развитие экономики каждого региона и страны в целом только при реализации эффективной федеральной и региональной социально-экономической политики.

Перед субъектами Российской Федерации стоит задача модернизации и опережающего развития приоритетных направлений экономики, а также предотвращение различных негативных кризисных явлений. Формирование региональной экономики определяется: уровнем развития промышленного потенциала, возможностями формирования полюсов роста на основе инноваций, развитием транспортной инфраструктуры, повышением уровня образования экономически активного населения и пр. В совокупности, все это задает особенности и тенденции развития региональной экономики [7; 8].

Современный регион — это регион, четко осознающий свои цели и имеющий стратегию развития, которая позволит их достичь. В связи с этим вопросы стратегического развития и актуализация основных направлений устойчивого развития регионов являются одними из наиболее актуальных в деятельности региональных органов власти. Эффективная стратегия, отвечающая на вызовы, стоящие перед регионом, и содержащая проекты и мероприятия, направленные на устойчивое социально-экономическое развитие и повышение благосостояния жителей, — неотъемлемый инструмент регионального управления [3; 4].

Необходимость постоянного совершенствования процедур регионального стратегирования, в том числе путем привнесения новых технологий в управленческие процессы на уровне высшего коллегиального органа государственного управления субъекта Российской Федерации промышленного определяется:

1. Потребностями системы стратегирования (прогнозирования и планирования) в обоснованных рекомендациях, сформулированных на основе результатов аналитических исследований.
2. Эволюционированием методов управления, разработанных с учетом наилучших зарубежных и отечественных практик, отличных от применяемых на региональном уровне.

3. Появлением новых технологий, продуктов и услуг при их внедрении дающих эффект мультипликации и обеспечивающих заданные темпы роста региональной экономики, в соответствии с целями и задачами, определенными региональным менеджментом.
4. Наличием возможности оперативного применения нововведений в процессах управления.

Использование на более качественном уровне современных информационных технологий для поддержки функций оценки, разработки, обоснования, мониторинга и корректировки управленческих воздействий обеспечивает стратегический менеджмент региона необходимым аналитическим и операционным материалом для выработки результативных и адекватных многокритериальных решений в режиме реального времени [2; 5].

Соответственно, успешность и эффективность привнесения новых технологий в управленческие процессы региона определяется готовностью руководителей высшего административного уровня к их принятию, четкостью формулировок при определении целей и постановке задач, определении исполнителей, адекватным методическим инструментарием оценки и контроля [6; 9; 10].

Инструментом, обеспечивающим проведение адекватной оценки текущего состояния социально-экономической системы региона и на этой основе реализующим процедуры формирования возможных сценариев развития, должна стать информационная система поддержки принятия решений по стратегированию, как совокупности средств управления развитием, реализуемым в триединстве: «средства управления — процесс — результат». Основой подобной системы должна быть модель региональной экономической системы (цифровой двойник) наиболее полно воспроизводящая ее функционирование, в том числе в разрезе основных процессов.

В экономической науке с помощью моделирования достигаются многие управленческие цели, например, оценка и прогнозирование развития становятся менее затруднительным и дорогостоящим способом в сравнении с другими методами [1]. На вход сформированной модели подается информация, характеризующая состояние реального объекта (региональной экономической системы), которая проходит обработку по сформированному алгоритму. На выходе получают данные, сравнив которые с фактическими показателями можно сделать вывод о точности и адекватности построенной модели. Таким образом, возможности моделирования в стратегическом менеджменте состоят в оптимизации управленческого процесса как инструмента, позволяющего снижать внешние и внутренние риски, детально и объективно исследовать особенности и факторы, формирующие конкурентную окружающую среду

[4; 5; 6].

В рамках данной работы планирование мероприятий по достижению заданных целей развития основывается на разработке экономико-математической модели системных процессов социально-экономической системы региона.

**Базовое образование, здравоохранение, социальная защита**

Уровень регионального финансирования «социального блока» (образование, здравоохранение, социальная защита) является фактором, который существенно влияет на экономические показатели. В данной категории эти затраты трактуются, как основной показатель, управляемый на уровне региональной власти.

*Фактор\** ( $X$ ) — индекс расходов регионального бюджета на социальный блок ( $PCB\_ФН$ ), от. ед.

$$PCB\_ФН = \frac{PCB\_B \times 1000}{OЧНКГ \times ФН \times 12}$$

где: –  $PCB\_B$  — годовые расходы регионального бюджета субъекта Российской Федерации по статье «социально-культурные мероприятия», млн. руб.;

–  $1000$  — числовая нормировка, млн. руб. → тыс. руб., а также умножение на 10 для числовой сопоставимости фактора и индикатора;

–  $OЧНКГ$  — оценка численности населения региона на конец года, тыс. чел.;

–  $12$  — количество месяцев в году;

–  $ФН^{**}$  — нормирующий показатель, стоимость фиксированного набора товаров и услуг в текущих (среднегодовых) ценах, руб./чел./мес.

*Индикатор\*\*\** ( $Y$ ) — удельный (на одного жителя региона) индекс валового регионального продукта ( $ИВРП\_НКГ$ ), от. ед.

\* Управляемый показатель, изменение которого ведет к изменению состояния индикатора.

\*\* Согласно методике Росстата, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения и исчисленная по субъектам Российской Федерации), является показателем, который может быть использован как вспомогательный инструмент при оценке уровня материального благосостояния населения, отражая сложившийся уровень цен на товары и услуги.

\*\*\* Показатель, отражающий результирующее состояние процесса.



$$ИВРП\_НКГ = \frac{ВРП \times 1000}{ОЧНКГ \times \Phi H \times 12}$$

- где: – *ВРП* — валовый региональный продукт, млн. руб.;
- *1000* — числовая нормировка, млн. руб. → тыс. руб.;
- *ОЧНКГ* — оценка численности населения региона на конец года, тыс. чел.;
- *12* — количество месяцев в году;
- *ΦH* — нормирующий показатель, руб./чел./мес.

### **Транспортная инфраструктура**

Уровень развития транспортной инфраструктуры рассматривается как один из основных факторов при описании экономического потенциала развития региональной экономической системы.

*Фактор (X)* — плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (*ПАД*), км/10 км<sup>2</sup>.

$$ПАД = (ПАД\_РС)/100$$

- где: – *ПАД\_РС* — плотность автомобильных дорог в км на 1000 тыс. км<sup>2</sup>;
- *100* — переводной коэффициент (1000 в 10 км), применяется для количественной сопоставимости значений фактора и индикатора.

*Индикатор (Y)* — нормированный индекс валового регионального продукта (*НВРП\_ΦH*), от. ед.

$$НВРП\_ΦH = \frac{ВРП \times 1000}{\Phi H \times СГЧЗ \times 12}$$

- где: – *ВРП* — валовый региональный продукт, млн. руб.;
- *1000* — числовая нормировка, млн. руб. → тыс. руб.;
- *СГЧЗ* — среднегодовая численность занятых в регионе, тыс. чел.;
- *12* — количество месяцев в году;
- *ΦH* — нормирующий показатель, руб./чел./мес.

Для целей экономического анализа, имея в распоряжении статистические данные за период 2007–2017 гг., наиболее целесообразным представляется метод парной линейной регрессии, позволяющей находить статистически обоснованную взаимосвязь между значениями одной входной независимой (*Y* — индикатор) и одной выходной зависимой переменной (*X* — фактор) при помощи линейной модели.

Метод парной линейной регрессии находится на одном из первых мест среди других эконометрических методов изучения степени тесноты и направления взаимосвязей социально-экономических процессов. Кроме того, регрессионный анализ применяется не только для анализа текущего состояния исследуемого экономического процесса или объекта, но и для решения задач прогнозирования. Количественные характеристики качества (статистическая значимость, сила и теснота связи, и т.п.) построенной аппроксимации в целом и по отдельным параметрам оцениваются на основе стандартного набора показателей корреляционно-регрессионного анализа, применяемых для случая построения парной линейной регрессии на основе выборочной реализации факторов и индикаторов [11].

Расчетные показатели модели для регионов Сибирского федерального округа приведены в табл. № 1.

Таблица 1

### Расчетные показатели корреляционно-регрессионного анализа

Наименование региона	Базовое образование, социальная защита, здравоохранение					Транспортная инфраструктура				
	Итого	$r_{xy}$	$R^2$	$F$	$df$	Итого	$r_{xy}$	$R^2$	$F$	$df$
Республика Алтай	✓	0,81	0,65	11,11	6	✓	0,76	0,58	9,65	7
Республика Тыва	✓	0,72	0,52	8,56	8	✓	0,78	0,61	7,94	5
Республика Хакасия	✓	0,80	0,65	16,49	9	✓	0,90	0,81	39,06	9
Алтайский край	✓	0,75	0,56	11,39	9	✓	0,75	0,57	10,46	8
Красноярский край	∅	0,40	0,16	1,13	6	✓	0,77	0,60	11,92	8
Иркутская область	✓	0,72	0,52	9,72	9	✓	0,97	0,94	117,19	8
Кемеровская область	✓	0,70	0,50	7,87	8	✓	0,72	0,52	8,72	8
Новосибирская область	✓	0,81	0,66	11,52	6	✓	0,94	0,88	59,02	8
Омская область	✓	0,88	0,77	30,35	9	✓	0,78	0,60	7,64	5
Томская область	✓	0,93	0,86	44,38	7	✓	0,73	0,53	6,76	6

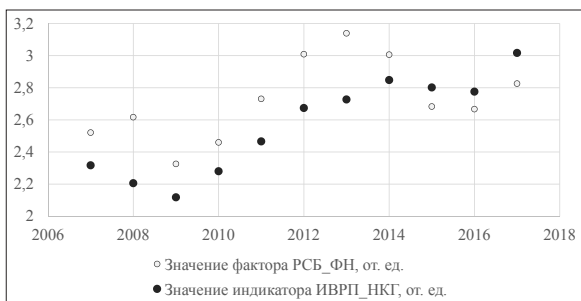
В табл. № 2 представлены характеристики эконометрических моделей для Иркутской области, рассчитанные с применением условий Гаусса-Маркова о случайном характере регрессионных остатков с целью исключения из расчетов случайных составляющих, появление которых обусловлено качеством исходных статистических данных [12].

Таблица 2

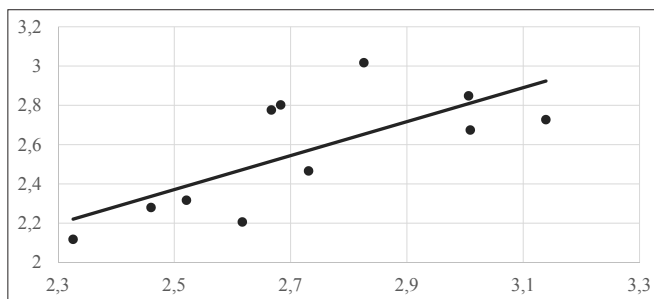
**Характеристики эконометрических моделей  
для Иркутской области**

Показатели анализа	Базовое образование, социальная защита, здравоохранение	Транспортная инфраструктура
Число наблюдений, $n$	11	10
Число степеней свободы, $df$	9	8
Коэффициент детерминации, $R^2$	0,52	0,94
Коэффициент корреляции, $r_{xy}$	0,72	0,97
Критерий Фишера, $F$	9,72	117,19
Коэффициент, $a$	0,21	3,29
Коэффициент, $b$	0,86	8,75
t-фактор $a$ (2.2622)	0,28	17,05
t-фактор $b$ (2.2622)	3,12	10,83
Средний коэффициент эластичности, $E$	0,92	0,38
Дисперсия, $X$	0,057	0,004
Среднеквадратичное отклонение, $X$	0,239	0,063
Дисперсия, $Y$	0,082	0,327
Среднеквадратичное отклонение, $Y$	0,287	0,572
Случайная ошибка, $a$	0,758	0,193
Предельная ошибка, $a$	1,715	0,444
Случайная ошибка, $b$	0,277	0,808
Предельная ошибка, $b$	0,627	1,863
Случайная ошибка, $R_{xy}$	0,231	0,089
Случайная ошибка, $Y$	0,220	0,162

На рис. № 1, 2 представлены модельные характеристики процесса «Базовое образование, социальная защита, здравоохранение» для Иркутской области.

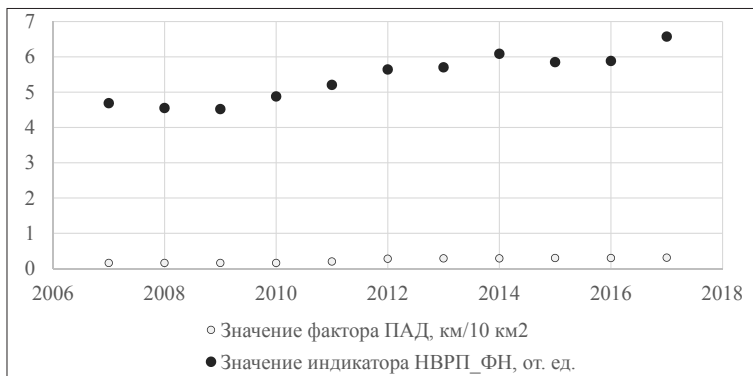


**Рис. 1. Числовые значения фактора  $X$  и индикатора  $Y$  в динамике**

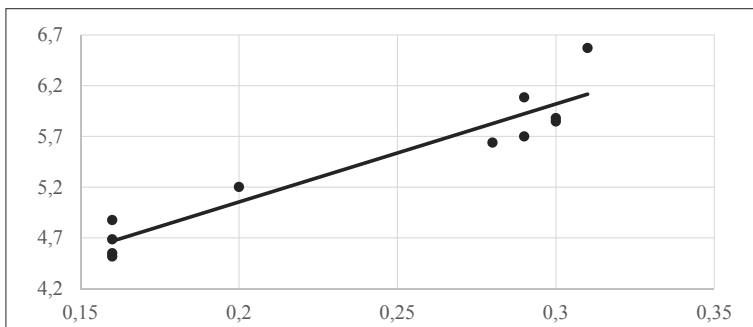


**Рис. 2. Эконометрическая модель процесса «Базовое образование, социальная защита, здравоохранение»**

На рис. № 3, 4 представлены модельные характеристики процесса «Транспортная инфраструктура» для Иркутской области.



**Рис. 3. Числовые значения фактора X и индикатора Y в динамике**



**Рис. 4. Эконометрическая модель процесса**

Предложенные прикладные экономико-математические модели предназначены для проведения системного анализа макроэкономических показателей и выработке рекомендаций по достижению целей устойчивого развития региона. Практическое использование возможно, в интересах государственных органов, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в качестве:

- оценки регионального социально-экономического фона в политических процессах федерального уровня;
- универсальной модели прогнозирования развития и стратегического управления социально-экономической сферой субъектов Российской Федерации.

Для обеспечения автоматизации аналитических процессов разработана прикладная инструментарий (база данных и программное обеспечение).

### Список использованной литературы и источников

1. Барашкова О. В. Сравнительный анализ экономического развития регионов: от теоретических дискуссий к управлению региональным развитием / О. В. Барашкова // Проблемы теории и практики управления. — 2019. — № 2. — С. 78–91.
2. Димов Э. М. Имитационное моделирование сложных экономических систем / Э. М. Димов, О. Н. Маслов, А. Б. Скворцов, В. К. Чаадаев // Электро-связь. — 2002. — № 8. — С. 44.
3. Журавлев Д. М. Принципы создания и функционирования системы управления развитием региона / Д. М. Журавлев // Проблемы современной экономики. — 2019. — № 4. — С. 159–166.
4. Журавлев Д. М. Цифровая экономика и рост экономической активности / Д. М. Журавлев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2018. — № 9. — С. 19–22.
5. Отабоев Ш. Х. Методические вопросы оценки эффективности деятельности местных органов власти / Ш. Х. Отабоев // Региональная экономика: теория и практика. — 2019. — Т. 16, № 8 (455). — С. 1415–1428.
6. Пискун Е. И. Методологические аспекты управления развитием регионов в условиях цифровизации / Е. И. Пискун, В. В. Хохлов, К. И. Каруна // Региональная экономика: теория и практика. — 2019. — Т. 17, № 1 (460). — С. 4–15.
7. Правительство Российской Федерации. Отраслевые документы стратегического планирования // Правительство России : офиц. сайт. — URL: <http://government.ru/docs/> (дата обращения: 03.02.2020).
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс»

9. Федорова Е. А. Оценка эффективности регионального управления / Е. А. Федорова, Л. И. Черникова, С. О. Мусиенко // Региональная экономика. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 350–362.

10. Чаадаев В. К. Особенности реинжиниринга бизнес–процессов как метода проведения изменений / В. К. Чаадаев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 10. — С. 149–156.

11. Яковлев В. П. Эконометрика / В. П. Яковлев. — Москва : Дашков и К°, 2017. — 383 с.

12. Cook R. D. Residuals and Influence in Regression / R. D. Cook, S. Weisberg. — New York : Chapman and Hall, 1982. — 230 p.

### Информация об авторе

*Журавлев Денис Максимович* — кандидат экономических наук, ведущий специалист, Управление информации и медиа-коммуникаций, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, Главное здание, А-161, e-mail: molnet2025@gmail.com.

### Author

*Denis M. Zhuravlev* — Ph.D. (Economy), Leading Specialist of the Information and Media Communications Department, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, Moscow State University, Main Building, A-161, 119991, Moscow, Russian Federation, e-mail: molnet2025@gmail.com.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.24

УДК 316.324(571.53)

ББК С550(2Р-4Ир)

**И.В. ОЛЕЙНИКОВ**

## ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье представлена периодизация и общая характеристика международного взаимодействия региона сквозь призму концепции глобализации. Автор приходит к выводу, что для международного сотрудничества региона характерно причудливое сочетание противоположных процессов глобализации и деглобализации.

**Ключевые слова:** глобализация, деглобализация, Иркутская область, политика, международное сотрудничество.

## THE GLOBALISATION AND DEGLOBALIZATION PROCESSES IN INTERNATIONAL COOPERATION OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK OBLAST)

The article presents the periodization and general characteristics of the region's international interaction through the prism of the globalization concept. The author concludes that regional international cooperation is characterized by a bizarre combination of opposite processes of globalization and deglobalisation.

**Keywords:** globalization, deglobalization, Irkutsk region, politics, international cooperation.

Изучение истории участия регионов Российской Федерации в процессах международного сотрудничества представляется важной задачей, в рамках которой особое внимание следует обратить на их вовлеченность в общемировые процессы глобализации и деглобализации, охватывающие современную мировую систему. В начале XXI в. вышли работы, анализирующие схожие проблемы в отношении ряда российских и зарубежных регионов [2; 6], в связи с чем представляется необходимым предпринять подобный обзор применительно и к Иркутской области.

Историю международного сотрудничества Иркутской области РФ можно разделить на три этапа:

Первый этап (1990–1999 гг.) во многом являлся переходным. С позиции макро-анализа, интенсивность глобализации как явления стала проявляться после 1991 г., окончания «холодной войны» и распада одного из центров биполярной системы международных отношений — Советского Союза. Значительные области мира, ранее находившиеся вне капиталистической системы, глобальной коммуникации и культуры, оказались включенными в эту систему взаимосвязей. Завершение «холодной войны» разрушило барьеры, сдерживающие западную модель глобализации, и различные регионы мира стали активно включаться в систему мирохозяйственных связей. Не стали исключением и российские регионы, руководство которых активно стремилось развивать международное сотрудничество, искать на внешних рынках новых партнеров, привлекать иностранные инвестиции для развития экономики в условиях сложной экономической ситуации. Крупный зарубежный бизнес стремился освоить новые рынки сбыта, товаров, услуг и технологий, ему требовались минерально-сырьевые ресурсы, в изобилии имевшиеся на территории российских регионов. В Иркутской области в этот период происходила постепенная либерализация внешних контактов,

ставшая возможной в условиях ослабления контактов с федеральным центром и отсутствия согласованного взаимодействия с соседними регионами. Одним из факторов, способствовавших развитию взаимодействия с иностранными контрагентами, являлось то, что регион был богат природными ресурсами, имел достаточно высокий уровень развития и активный уровень экономического обмена с внешним миром, так как на территории области находился ряд крупных производств, производящих продукцию первого передела (алюминий, целлюлозу и т.п.). Помимо этого, область обладала значительным туристическим потенциалом, а региональные власти во главе с губернатором Ю.А. Ножиковым были заинтересованы в расширении и интенсификации международных контактов. К концу 1990-х гг. у Иркутской области были все возможности для того, чтобы стать одним из «островов глобализации» на территории России, но реализация внешнеэкономических проектов была хаотичной, на взаимодействие с внешними акторами негативно повлиял азиатский экономический кризис 1998 г.

На втором этапе — с 1999 по 2014 гг. — ситуация начинает меняться. Внешние контакты российских регионов постепенно начинает контролировать государство, опасаясь расширения несогласованных контактов с зарубежными контрагентами и действуя в логике построения «вертикали власти». Происходит модернизация законодательства, были приняты Федеральные законы РФ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (1999 г.), «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (2003 г.) [1, с. 13]. На федеральном и региональном уровне предпринимались попытки создания структур и институтов развития. Так, на протяжении первого десятилетия XXI в., с 2000 по 2011 гг. действовал Байкальский экономический форум, способствовавший активизации международных контактов Иркутской области, привлечению инвестиций, учреждению новых консульств иностранных государств, было открыто Представительство МИД России (2004 г.), в задачи которого входила работа по согласованию договоров о сотрудничестве с территориями иностранных государств, взаимодействие с зарубежными делегациями [3, с. 294–295]. Уже в этот период в Иркутской области закрепляется негативная модель нестабильности региональной исполнительной власти: за последние двадцать лет в регионе сменилось шесть губернаторов, не считая нынешнего временно исполняющего обязанности губернатора И. И. Кобзева. Указанная модель отрицательно влияла на развитие Иркутской области, приводя к постоянной смене экономических приоритетов, оказывая деструктивное воздействие на динамику внешних контактов и отсутствие долгосрочной стратегии развития.

Под воздействием вышеуказанных тенденций вовлеченность Иркутской области в процессы глобализации претерпела изменения.



Происходило постепенное сокращение интенсивности инвестиционного взаимодействия с внешними акторами, в 2011 г. прекратилась работа Байкальского экономического форума, но в то же время в Иркутске были открыты Генеральные консульства Республики Корея и Китайской Народной Республики, стали развиваться внешнеэкономические проекты с государствами Восточной Азии, часть из которых, прежде всего с компаниями из Республики Корея была свернута после 2015 г.

Третий этап международного сотрудничества региона — с 2014 г. по настоящее время — характеризуется сочетанием влияния на международное взаимодействие внешних и внутренних факторов. К внешним следует отнести влияние украинского кризиса 2014 г. и санкционное давление со стороны государств Запада, активизировавшие политику федерального центра по «повороту на Восток», реализовывавшуюся с 2007–2008 гг. в рамках подготовки к проведению саммита АТЭС 2012 в г. Владивостоке [5, с. 55]. Продолжается усиление «вертикали власти», асимметричный характер взаимодействия по линии «центр — регионы» отрицательно воздействует на осуществление международных контактов Иркутской области. На внутреннем уровне формируются устойчивые тенденции государственного патернализма. Так, к примеру, региональная политика федерального центра была направлена на реализацию «больших проектов» (наподобие строительства газопровода «Сила Сибири»), непосредственную экономическую отдачу от которых в рамках развития Иркутской области сложно оценить, ведь они носят, в основном, политический характер. Происходит дистанцирование от перспектив активизации внешних связей на региональном уровне, основное внимание уделяется интересам государственных или сырьевых корпораций, отсутствует поддержка внешнеэкономических инициатив, генерируемых средним или малым бизнесом.

С 2014 г. характер участия Иркутской области в процессах международного сотрудничества видоизменяется. Тенденции глобализации, активно воздействовавшие на российские регионы в 1990–2000-е гг., трансформируются. Санкционная политика стран Запада негативно влияет на интенсивность торговли товарами, услугами и инвестициями. Расширяется сотрудничество с восточными партнерами, в частности, с Китайской Народной Республикой, идут дискуссии о подключении восточных регионов Российской Федерации к инициативе «Экономического пояса Шелкового пути», выдвинутой Китайской Народной Республикой, представляющей собой иной, незападный, вариант глобализации. Региональные власти Иркутской области и бизнес в целом нейтральны по отношению к интенсивному развитию проектов с участием иностранных инвесторов, но активно развивается сфера услуг, в особенности туристический сектор, фактором роста выступает рекреационный потенциал оз. Байкал.

В отношении Иркутской области, как и для регионов российского Дальнего Востока, актуален тезис авторов коллективной монографии «Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века» относительно того, что за прошедшие тридцать лет не удалось «...устранить инфраструктурные и демографические ограничители, сформировать среду крупных и конкурентоспособных предпринимателей в регионе, разорвать тесную, а иногда и полукриминальную связь региональных политических элит с местным бизнесом. Следствием этого стали неэффективная организация и сопровождение экономических связей региональными бюрократическими и политическими элитами, их хаотичность и нестабильность, крайняя осторожность соседей по региону при налаживании взаимодействия с Россией» [4, с. 383].

В отличие от регионов Дальнего Востока, в Восточной Сибири отсутствовали масштабные вложения федеральной власти в развитие инфраструктуры, не делались попытки развития производств, которые могли бы опираться на создание продукции с высокой добавленной стоимостью. Формирование кластеров, способных создавать новые технологии или инновационные продукты, тоже затягивалось — региональные власти были не способны развивать проекты такого рода самостоятельно, а крупный бизнес в них был не заинтересован. Федеральный центр вмешался и во внутреннюю логику взаимодействия между регионами Восточной Сибири, к которым относится и Иркутская область, после того, как Республика Бурятия и Забайкальский край в ноябре 2018 г. указом Президента РФ были отнесены к Дальневосточному федеральному округу, в административном контексте они перестали относиться к Сибири. Это приводит к стагнации уже наработанных межрегиональных связей, соседние регионы не объединяют усилия для повышения инвестиционной привлекательности и позиционирования во внешнем пространстве.

Сочетание указанных факторов привело к тому, что богатый природными ресурсами, но удаленный от транспортных путей регион — Иркутская область, оказался вне проектов развития, что способствовало консервации и воспроизводству периферийного статуса, в том числе и в отношении связей с внешними контрагентами, интенсивному оттоку человеческих ресурсов («западный дрейф»). На сегодняшний день отсутствуют тщательно разработанные программы и стратегии развития региона, а те из них, которые были приняты, не были полноценно реализованы. Экономические элиты Иркутской области устойчивы, но не консолидированы, они зависят от федеральных трансфертов и негативно воспринимают иностранные компании, пытающиеся реализовать собственные проекты на территории региона, рассматривая их в качестве конкурентов.

Следует согласиться с мнением, что «... российский проект интеграции в АТР оказался, по сути, бессодержательным. Он фактически был сведен к развитию экономических и политических связей России с несколькими ключевыми азиатскими партнерами и расширению ее формального участия в региональных организациях» [4, с. 381].

Таким образом, следует констатировать, что для международного сотрудничества региона характерно причудливое сочетание противоположных трендов глобализации и деглобализации, в последние годы происходит усиление последней тенденции — инвестиционная привлекательность Иркутской области для зарубежных инвесторов снижается, проекты развития, в рамках которых возможна кооперация с иностранными партнерами остаются нереализованными.

### Список использованной литературы и источников

1. Бусыгина Е. М. Субъекты федерации в международном сотрудничестве / Е. М. Бусыгина, Е. Б. Лебедева // Аналитические записки НКСМИ МГИМО(У) МИД России. — 2008. — Вып. 3 (32). — 28 с.
2. Международная интеграция российских регионов / отв. ред. И. И. Курилла. — Москва : Логос, 2007. — 304 с.
3. Олейников И. В. Иркутская область: сотрудничество со странами АТР в начале XXI в. / И. В. Олейников // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). — Владивосток : Дальнаука, 2013. — С. 293–298.
4. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В. Л. Ларина. — Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. — 386 с.
5. Чечевишников А. Л. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока и Сибири / А. Л. Чечевишников // Международные процессы. — 2014. — Т. 12, № 1–2. — С. 51–75.
6. Kuznetsov A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs / A. S. Kuznetsov. — London–New York : Routledge, 2015. — 174 p.

### Информация об авторе

*Олейников Илья Васильевич* — канд. ист. наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: oleynikov@isu.ru.

### Author

*Ilya V. Oleynikov* — PhD in History, associate professor, Chair of Political Science, History and Regional Studies, History Faculty, Irkutsk State University, Chkalov str. 2, Irkutsk, 664003, e-mail: oleynikov@isu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.25  
УДК 339.1:338.49(571.53)  
ББК 65.42-112(253.5)

*А.Н. ФЕДОТОВ*  
*С.В. ЩЕПИНА*

## **РОЛЬ ТОРГОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Одним из основополагающих показателей, которые характеризуют состояние социально-экономического положения региона, является качество жизни населения. С этой целью необходимо анализировать и оценивать объем потребления товаров на душу населения, а также логистическую составляющую развития потребительского рынка. В статье рассмотрено влияние торговой инфраструктуры потребительского рынка и составляющих его элементов на качество жизни населения Иркутской области. Дан анализ основных факторов, влияющих на уровень жизни населения. Предложены пути повышения качества жизни в регионе.

**Ключевые слова:** Торговая инфраструктура; потребительский рынок; объекты социальной инфраструктуры; рынок продовольствия; качество жизни населения; оценка конкурентоспособности региона; уровень жизни населения региона.

*A.N. FEDOTOV*  
*S.V. SCHEPINA*

## **THE ROLE OF TRADE INFRASTRUCTURE OF THE CONSUMER MARKET IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE IRKUTSK REGION**

One of the fundamental indicators that characterize the state of the socio-economic situation in the region is the quality of life of the population. To this end, it is necessary to analyze and evaluate the volume of consumption of goods per capita, as well as the logistics component of the development of the consumer market. The article considers the impact of the trade infrastructure of the consumer market and its constituent elements on the quality of life of the population of the Irkutsk region. The analysis of the main factors affecting the standard of living of the population is given. Ways to improve the quality of life in the region are proposed.

**Keywords:** Trade infrastructure; consumer market; objects of social infrastructure; food market; quality of life of the population; assessment of the competitiveness of the region; living standards of the population of the region.

Состояние торговой инфраструктуры потребительского рынка Иркутской области за последние 4–6 лет можно характеризовать как стабильное, с положительной динамикой и ростом насыщенности товарами и услугами. К положительным тенденциям, закрепившимся на потребительском рынке области, относятся: рост товарооборота, увеличение количества торговых организаций, развитие новых форматов предприятий розничной торговли, общественного питания и бытовых услуг.

Торговля занимает одно из ведущих мест в экономике Иркутской области. Доля торговой отрасли в ВРП (валовом региональном продукте) составляет около 21 %. Отрасль формирует около 11 % налоговых платежей, поступающих в консолидированный бюджет Российской Федерации, обеспечивает занятость 28 % в экономике области [1].

Потребительский рынок объединяет три сегмента сферы обслуживания населения: торговлю, общественное питание и бытовое обслуживание.

Торговая площадь предприятий торговли за 2019 год возросла на 6,1 % и составила около 2 млн. кв. м. В результате обеспеченность населения площадью торговых объектов в Иркутской области в 2019 г. превысила минимальный норматив на 74,1 % и достигла 814,8 кв. м. в расчете на 1 тысячу жителей области [1].

В 2019 г. оборот розничной торговли в Иркутской области по оперативным данным составил 358 697,3 млн. руб., индекс физического объема оборота розничной торговли по сравнению с предыдущим годом — 101,3 %.

В структуре оборота розничной торговли удельный вес продовольственных товаров составил 43,1 %, непродовольственных товаров — 56,9 % [5].

В расчете на душу населения Иркутской области оборот розничной торговли за отчетный период составил 9,9 тыс. руб. в месяц (в январе–декабре 2018 г. — 9,2 тыс. руб.).

В структуре потребления населения сохраняется превышение доли расходов на приобретение непродовольственных товаров над долей расходов на покупку продовольственных товаров, при этом в отчетном периоде зафиксировано увеличение доли расходов на продовольствие.

В результате в структуре оборота розничной торговли удельный вес непродовольственных товаров составил 56,9 %, продовольственных товаров — 43,1 % (в январе–декабре 2018 г. — 57,5 % и 42,5 % соответственно) [5]. В отчетном периоде оборот розничной торговли на 96,2 % формировался торговыми организациями, доля продаж товаров на рынках продолжила снижение и составила 3,8 % (в январе–декабре 2018 г. — 95,3 % и 4,7 % соответственно).

По данным Иркутскстата, сводный индекс потребительских цен на продовольственные товары (включая алкогольные напитки) в Иркутской области в декабре 2019 г. по отношению к декабрю 2018 г. составил 114,8 %, что ниже, чем в среднем по России (115,4 %) и в 4 субъектах Сибирского федерального округа (Кемеровской области, Алтайском крае, Хакасии, Алтае).

Более умеренная инфляция на продовольственном рынке позволила Иркутской области улучшить свои позиции по стоимости минимального набора из 33 продуктов питания. В декабре 2019 г. стоимость минимального набора составила 5 573,7 руб., что соответствует 5 месту в рейтинге 10 субъектов Сибирского федерального округа (декабрь 2018 г. — 5 194,6 руб., 8 место) [5].

Потребительский рынок имеет высокую социальную значимость. Сбалансированный по ценам, товаро-потокам, количеству и качеству товаров потребительский рынок не только необходимая составляющая эффективно работающей экономики, но и основа роста уровня жизни населения, поскольку служит одним из источников пополнения местного бюджета [7, с. 6].

Одной из «вечных» проблем потребительского рынка является непрозрачность деловой среды, связанная, с одной стороны, с тем, что доля 90 % всех трансакций происходят здесь в наличной денежной форме, а с другой — что «серый» сектор, значимость которого в целом в экономике на уровне 30 % не отрицается даже официальными лицами, в торговле, общепите и услугах достигает порой 60 % [7].

Согласно «Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года», основные проблемы потребительского рынка Иркутской области следующие:

1. Существует проблема отсутствия конкуренции на некоторых территориях, в силу неравномерности развития потребительского рынка, в частности на северных территориях. Предприятия потребительского рынка, работающие в районах крайнего севера и приравненных к ним, являются убыточными.

2. Частичное или полное отсутствие необходимой торговой инфраструктуры потребительского рынка. Нет желаемого соответствия деятельности розничных рынков и в целом торговой деятельности с действующим законодательством [2].

Существует необходимость развития конкуренции в сфере розничной торговли. Одна из особенностей Иркутской области состоит в том, что распределение предприятий розничной торговли в регионе вследствие недостаточного развития отдельных территорий осуществляется неравномерно. Наличие отдаленных, труднодоступных и малочисленных населенных пунктов, низкий уровень развития дорожно-транспорт-

ной инфраструктуры, отсутствие дорожной связи между отдельными территориями, убыточность услуг по доставке товаров в малонаселенные пункты не вызывают привлекательность для развития торговли в сельских населенных пунктах. Все это вызвало недостаточное развитие торговой инфраструктуры в сельских населенных пунктах области.

Еще одна проблема — недостаточное развитие инфраструктуры сбыта сельскохозяйственной продукции. Она возникла вследствие:

- недостаточного развития прямых каналов сбыта продукции, произведенной местными товаропроизводителями;
- присутствие значительного количества посреднических структур между сельхозпроизводителями и предприятиями розничной торговли.

Это ограничивает дальнейшее развития конкурентной среды в сфере розничной торговли.

В 2019 г. прокуратурой области была проведена проверка исполнения органами государственной власти, местного самоуправления законодательства о защите прав субъектов предпринимательства в сельском хозяйстве, эффективности реализации государственных программ в агропромышленном комплексе.

Выявлено более тысячи нарушений закона, в том числе при выделении и использовании средств государственной поддержки.

Исходя из природно-климатических и других особенностей региона, федеральным бюджетом выделяются миллиардные суммы на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства. Однако, согласно актам территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, эти средства в полном объеме не были использованы по назначению. Из более, чем 7 миллиардов рублей, предусмотренных бюджетами всех уровней и внебюджетными источниками по программе «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», на 01.05.2018 г. было освоено только 252,3 млн. руб. [5]

Министерством сельского хозяйства области допускаются нарушения при рассмотрении документов, представляемых сельхозпроизводителями в целях получения субсидий и грантов в рамках государственных программ, недостоверность которых должна служить основанием для отказа в предоставлении бюджетных средств. Факты нецелевого расходования средств и невозврата неиспользованных остатков бюджетополучателями свидетельствуют об отсутствии контроля со стороны соответствующих региональных министерств.

О неэффективности механизма господдержки свидетельствуют и факты длительной разработки и принятия нормативно-правовых актов,

необходимых для реализации на территории Иркутской области мероприятий подпрограммы «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Иркутской области на 2019–2024 годы» [2].

Все вышеперечисленные обстоятельства негативно сказываются на развитии приоритетных отраслей экономики региона.

При оценке конкурентоспособности регионов рассматривается один из показателей — качество жизни населения, проживающего на территории. Для этого проводится анализ 61 показателя, которые характеризуют основные аспекты качества жизни. Среди них уровень доходов, жилищные условия, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, здоровье населения, уровень образования и экономического развития и т.д. [3].

Если говорить о ситуации в Иркутском регионе, то в настоящий момент в «Топ-100» городов России по уровню качества жизни Иркутск занимает 23 место. Ангарск в списке на 17 позиции, а Братск на 53 месте. Интегральный рейтинг составлен Институтом территориального планирования «Урбаника». При расчете рейтинга проводился анализ 72 показателей, которые объединены в 11 групп, характеризующих основные аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры [6].

Позиции субъектов РФ в итоговом рейтинге определялись на основании интегрального рейтингового балла, который рассчитывался путем агрегирования рейтинговых баллов регионов РФ по всем анализируемым группам. Рейтинговый балл группы определялся путем агрегирования рейтинговых баллов показателей, входящих в группу.

При составлении Рейтинга регионов по качеству жизни, использовались последние доступные на момент составления рейтинга данные: частично показатели по итогам 2018 г. и частично — по итогам 2019 г.

Согласно аналитическим данным другого авторитетного рейтингового агентства РИА «Рейтинг», Иркутская область поднялась на три позиции в рейтинге российских регионов по уровню жизни по итогам 2019 г. Так 25 февраля 2019 г., наша область занимала 70 строчку рейтинга в 2017 г., а по итогам 2018 года поднялось на 67 позицию из 85-ти. Лидерами рейтинга традиционно стали Москва и Санкт-Петербург. Замкнули позиции рейтинга республики Ингушетия и Тыва. Кроме того, в последнюю десятку вошел Забайкальский край, заняв 81 место. Бурятия покинула



десятку аутсайдеров, разместившись на 75 месте. Красноярский край занял 43 место, а годом ранее был на 33-м.

По доле населения с доходами ниже прожиточного минимума Иркутская область занимает 75 место, в то время как Забайкальский край — 74-е. По уровню безработицы в прошлом году Приангарье занимает 71 место; Забайкальский край — 79 место. По доле ветхого и аварийного жилья в общей площади жилищного фонда наш регион находится на 76 месте; Забайкальский край — на 70.

По смертности населения в трудоспособном возрасте Приангарье занимает 81 место; по младенческой смертности — 52 место. Забайкальский край по этим показателям занимает 73 и 66 места. Кроме того, регион по общей заболеваемости всего населения расположилась на 66 позиции, по доле населения в возрасте от 15 до 72 лет, имеющего высшее профессиональное образование — на 54 месте; по доле населения в этом же возрасте, не имеющего основного общего образования — на 74. Забайкальский край по этим позициям расположился на 37, 82 и 81 местах [4].

По обеспеченности детей местами в школах Иркутская область занимает 61 место, по доле обучающихся в муниципальных школах, которые работают в одну смену — 75 место; по доле школ, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капремонта — 59 место. Кроме того, Иркутская область находится на 42 месте по численности врачей на 100 тыс. человек; на 40 месте по численности среднего медицинского персонала на 100 тыс. человек; на 26 месте по нагрузке на врачей, количество посещений на одного врача; на 9 месте по мощности амбулаторно-поликлинических учреждений на 100 тыс. человек [4].

Иркутская область отстает от других регионов по плотности автомобильных дорог общего пользования, заняв 72 место; по доле автомобильных дорог общего пользования регионального, межмуниципального и местного значения, отвечающих нормативным требованиям — 73 место; по плотности железнодорожных — на 70. Забайкальский край по этим показателям занимает — 67, 70 и 64 места; Бурятия — 71, 61 и 68 места [4].

Для достижения высокого уровня качества жизни с точки зрения совершенствования торговой сферы и разнообразия торговых форматов и формирования нормальной конкурентной среды в г. Иркутске и Иркутской области важными направлениями развития являются:

- 1) Развитие саморегулирования, взаимодействия саморегулируемых организаций, объединяющих ключевых представителей сфер бизнеса, связанных с производством и реализацией потребительских товаров, которое не только включает механизм ослабления административного давления на рыночные процессы, но и позволяет более эффективно и с

меньшими затратами регулировать эти процессы.

2) Развитие малого торгового, в том числе семейного, бизнеса, основанного на «твердых» правах (собственность либо долгосрочная аренда), прежде всего в стационарных помещениях, в том числе со специализацией, позволяющей предоставлять эксклюзивные услуги (булочные, кондитерские, мясные лавки, рыбные магазины и пр.).

3) Организация современных сельскохозяйственных рынков, преимущественно с максимальной их шаговой доступностью для населения. Достаточное количество рынков даст возможность легально торговать всем желающим без исключения за адекватную арендную плату. Увеличение количества современных капитальных сельскохозяйственных и продовольственных розничных рынков даст толчок развитию конкуренции и снизит существующую проблему недоступности или дороговизны торговых мест и точек.

4) Для нормального взаимодействия розничной торговли и производителей сельскохозяйственной продукции и продуктов питания необходимо современное оптовое звено, включающее в себя, наряду с оптовыми торговыми организациями, систему крупных оптовых продовольственных рынков (оптово-распределительных, оптово-логистических центров или терминалов) и систему распределительных центров крупных торговых сетей.

5) В целях создания условий для развития инфраструктуры торговли меры государственной политики должны быть ориентированы на увеличение доступности торговых площадей и земельных участков для развития торговых и логистических организаций, опережающее наращивание коммунальных, генерирующих и распределительных мощностей, развитие сферы телекоммуникаций и электронных платежей.

6) Мировой опыт развития торговли свидетельствует, что увеличение доли крупных торговых сетей и крупных торговых операторов отрицательно сказывается на состоянии малого и среднего предпринимательства, использующего традиционные формы ведения торговой деятельности: переход покупателей в крупные торговые объекты из автономных предприятий малых и средних форматов часто ведет к прекращению деятельности последних. Необходимо учитывать, что с экономической точки зрения малые форматы, как правило, по объективным причинам менее эффективны, чем крупный ритейл, их затраты как на аренду торговых площадей, так и на закупку товаров значительно выше. Эффективность использования трудовых ресурсов в крупной сетевой торговле также значительно выше малых форматов торговли и сферы услуг.

В целях оптимального размещения крупных торговых объектов, магазинов шаговой доступности, супермаркетов и мини-маркетов, объектов мелкорозничной торговли, оптовых и розничных рынков, построения

много-форматной торговой инфраструктуры на федеральном и региональном уровнях должны быть определены критерии размещения крупных торговых объектов, в том числе критерии принятия органами власти решений о выделении земельных участков под строительство (реконструкцию) торговых объектов, как элементов инфраструктуры, оказывающих наиболее сильное, в том числе и отрицательное, влияние на конкурентную и предпринимательскую среду.

7) Современный зарубежный и отечественный опыт развития торговли в малых и отдаленных населенных пунктах основывается на применении различных инструментов, основными из которых являются предоставление налоговых льгот и кредитов хозяйствующим субъектам, осуществляющим торговое обслуживание на таких территориях.

Участниками программ поддержки являются в основном малые предприятия и индивидуальные предприниматели, для которых сложность участия в административных процедурах (подготовка документации, учет и отчетность) со временем снижают привлекательность ведения торговой деятельности в таких населенных пунктах, несмотря на поддержку органов местной власти.

По состоянию на 1 марта 2019 г. в области в социальных проектах участвует 1 190 социально-ориентированных организаций торговли во всех 42 муниципальных образованиях. На предприятиях розничной торговли в настоящее время функционируют такие социальные проекты, как «Социальная цена», «Социальная политика», «Покупай местное», «Социальный товар для каждого жителя», «Социальный хлеб», «Социальная полка», «Социальный товар» и др.

География социальных проектов расширяется за счет работы муниципалитетов с местными торговыми организациями и социально ответственной позиции руководителей большинства организаций торговли, расположенных на территории области.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Иневатова О. А. Региональные рынки : учеб. пособие / О. А. Иневатова, С. А. Дадеева, Ю. А. Макарова. — Оренбург : ОГУ, 2018. — 204 с. — URL: <http://biblioclub.ru/yandex.php?page=book&id=439003> (дата обращения 05.01.2020).

2. Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года» : Решение Думы города Иркутска от 22.02.2018 г. № 006-20-440662/8 // Кодекс : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/446665507> (дата обращения 02.02.2020).

3. Статистика рынка товаров и услуг : учеб.-практ. пособие / И. К. Беляевский, А. В. Коротков, Л. А. Данченко, Н. В. Татаркова. — Москва : Евразийский открытый институт, 2019. — 207 с. — URL: <http://biblioclub.ru/yandex.php?page=book&id=93218> (дата обращения 01.02.2020).

4. Тезисы об экономике. 2018 год. Итоги // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. — Вып. 7. — URL: C:/Users/пользователь / Downloads /research\_193.pdf (дата обращения 03.02.2020).

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Среднедушевой денежный доход населения Иркутской области // Иркутскстат. — URL: [http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_ts/irkutskstat/ru/statistics/standards\\_of\\_life/](http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/standards_of_life/) (дата обращения 09.01.2020).

6. Тультаев Т. А. Маркетинг товаров и услуг : учеб.-практ. пособие / Т. А. Тультаев. — Москва : Евразийский открытый институт, 2011. — 318 с. — URL: <http://biblioclub.ru/yandex.php?page=book&id=91071> (дата обращения 05.01.2020).

7. Шемякина Л. В. Рынок товаров и услуг в экономике региона : учеб. пособие [для бакалавриата] / Л. В. Шемякина. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 155 с.

### Информация об авторах

*Федотов Андрей Николаевич* — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: [fedotov\\_an@rambler.ru](mailto:fedotov_an@rambler.ru).

*Щепина Светлана Владиславовна* — старший преподаватель, кафедра менеджмента, маркетинга и сервиса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: [sepina@mail.ru](mailto:sepina@mail.ru).

### Authors

*Andrey N. Fedotov* — PhD in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: [fedotov\\_an@rambler.ru](mailto:fedotov_an@rambler.ru).

*Svetlana V. Schepina* — senior lecturer, Department of Management, Marketing and Service, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: [sepina@mail.ru](mailto:sepina@mail.ru).

---

# ГОСУДАРСТВО И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИДЕИ БОЛЬШИХ ПРОЕКТОВ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.61  
УДК 94(571.5)  
ББК 63.3(253)

*Р.В. ИЩЕНКО*  
*А.В. АНУФРИЕВ*  
*А.В. ПЕТРОВ*

## ПЕРВИЧНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ НА УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА\*

В статье исследуются основные этапы частно-государственного партнерства в процессе хозяйственного освоения Сибири. Обращается внимание на взаимодополняемость и в то же время противоречивость государственных и частных субъектов хозяйственной жизни огромного сибирского региона. Подчеркивается, что данное партнерство было свернуто в процессе ликвидации новой экономической политики в 1920-е гг.

**Ключевые слова:** Сибирь, частно-государственное партнерство, хозяйственное освоение.

*R. V. ISCHENKO,*  
*A. V. ANUFRIEV,*  
*A. V. PETROV*

## PRIMARY DEVELOPMENT OF SIBERIA ON THE CONDITIONS STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

The article explores the main stages of public-private partnership in the process of economic development of Siberia. Attention is drawn to the complementarity and at the same time the inconsistency of state and private economic entities of the vast Siberian region. This partnership was terminated in the process of eliminating the new economic policy in the 1920s.

**Keywords:** Siberia, public-private partnership, economic development.

Данное исследование основывается на подходе «большое видится на расстоянии». Пока мы варимся в собственных проблемах внутри региона, мы не видим «лес за деревьями», не видим целого и не понимаем, как оно устроено. Именно поэтому нам необходимо сменить по-

---

\* Статья подготовлена Межрегиональным фондом поддержки стратегических инициатив «Байкальские стратегии» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

зицию, выйти из текучки и подняться на историческую высоту. Второй фокус заключается в тезисе о том, что управлять реально только тем, что движется. Можно сколько угодно крутить руль стоящего на месте автомобиля, но никакого управления из этого не получится. Поэтому есть смысл рассматривать регион в динамике. Только учитывая логику процесса, структуру и особенности, можно понять, какие действия приведут к тому, чтобы этот процесс поменял свою направленность или иные характеристики. Другими словами: необходимо понять и почувствовать пульсацию исторического процесса. И почувствовать его можно, анализируя, что происходило на предыдущих этапах, как развивался регион, какие проекты и идеи становились системообразующими, как принимались решения и при каких условиях возникали наиболее качественные сдвиги в развитии.

И третье: для движения вперед нужна сила духа и вера в себя. Мы надеемся, что данный проект позволит молодому поколению почувствовать дух Большого Действия. А старшее поколение выделит часть своих ресурсов и времени, чтобы помочь молодым взяться за эти задачи.

Если говорить о предмете исследования, то хотелось бы сделать один важный акцент — помимо информации о достижениях социально-экономического развития региона очень важно разобраться с теми процессами, которые привели к этим достижениям. Кем и как зародились идеи больших проектов, как эти идеи пробивали себе дорогу, кто поднимал их на флаг и реализовывал? Важно понять, в каких условиях разворачивались те или иные стратегические для региона инициативы, что являлось предпосылками для их реализации? Какие управленческие силы: люди, сообщества, социальные сети, стояли за этими достижениями?

И последнее: мы попытаемся разобраться, является ли идея технологических революций и складывающихся по их результатам технологических платформ, обсуждаемая Э. Тоффлером, Дж. Рифкиным, в России П. Щедровицким, значимым фактором, задающим формат социально-экономических отношений региона и страны и, следовательно, определяющим периодизацию рассмотрения исторических этапов и исторического анализа.

С середины XVI в. Российская империя все настойчивее стремится за пределы своих восточных границ. Эта экспансия происходит на условиях, выражаясь современным языком, государственно-частного партнерства.

Сочетание частной энергии казаков, промысловых людей и торговцев с государственными ресурсами: кадровыми, военными, институциональными давало впечатляющие результаты.

Государство, которое функционирует, как правило, в границах понятных, проработанных регламентов и нормативов, менее эффективно там, где этих границ нет, где царит хаос и господствуют инородцы. И в этом смысле авантюрист и предприниматель гораздо более эффективен в незнакомой и неуправляемой среде. Но и наоборот, в столкновении с сильным противником — другим государством или прото-государственными формами правления других народов, — военной и административной силы государства никакой казак, купец или промышленник не сможет вести дела и быть экономически эффективным. «Частник» использовался государством как таран, разведчик, первопроходец, принимающий на себя основные риски.

Иногда можно удивиться переплетению этих функций, когда частник берет на себя бремя вооруженного противостояния, а государство, наоборот, берет на себя роль предпринимателя. И такие формы тоже порой показывали эффективность, но при этом не выдерживали проверку временем, работали только на коротких дистанциях по историческим меркам.

В дореволюционной российской историографии считалось, что покорение Сибири началось только благодаря усилиям и государственной мудрости Строгановых, умело использовавших казачью дружину Ермака. По мнению других, наоборот, только благодаря отваге Ермака Тимофеевича и его сподвижников, а Строгановы для этого лишь предоставили материальные ресурсы. Наконец, советские историки утверждали, что покорение Сибири — дело одной только казачьей дружины, без всякого участия в нем Строгановых. Сегодня имя Ермака знает каждый сибиряк, а чем занимались и кто такие купцы Строгановы, известно только историкам.

Как бы то ни было, первый этап освоения Сибири продолжался до конца XVII в. и дал целую плеяду первопроходцев и храбрых военачальников — это Пантелей Пянда и Максим Перфильев, Василий Бугор и Петр Бекетов, Семен Дежнев и Ерофей Хабаров. И можно с очевидностью констатировать, что этот этап — дело частной инициативы, санкционированной государством, и опирающейся на государство в военном и административном ключе. Следом за казаками и промышленниками государство приходило в лице уездных воевод и различных элементов государственного хозяйства, включая вооруженные регулярные формирования. Государство подкрепляло своими ресурсами активность первопроходцев, организовывая и поощряя их движение вглубь.

Русские приносили на территорию новые технологии — «элементы новой технологической платформы», как бы мы сказали сегодня. Одним

---

\* Промышленник в XVII-м веке — человек, который промышлял добычей пушнины.

из таких элементов являлись крепости-остроги (предвестники будущих городов), сеть которых, размещенных в ключевых транспортных узлах, позволяла контролировать занятую территорию. Другим — огнестрельное оружие «плюющееся огнем», с которым сложно было спорить в боевых столкновениях.

Эти преимущества во многом определили эффективность походов, в т. ч. с точки зрения соотношения количества участников и результата. По отношению к аборигенному населению русские экспедиции были крайне малочисленны: несколько десятков, редко — сотен. Все войско Ермака не превышало 800 человек, Якутский острог заложен отрядом в 20 человек, численность отрядов Хабарова, с которыми он прошел вдоль Амура до Усури, составляла 150-300 человек.

Анализируя факторы, определяющие успех первичного покорения Сибири, можно выделить два момента: военно-технологический и институциональный.

Белый царь (так назывался русский царь у народов Сибири) предлагал более «оптимальные» и стабильные условия налогообложения (ясака) для местных племен и народностей и одновременно предоставлял более надежную защиту. Учитывая технологическое превосходство, зачастую русские становились единственной гарантией выживания местных в рамках их собственных междоусобных войн. В том числе, несмотря на вечную проблему с управленческими кадрами и перегибами на местах, государство проводило довольно взвешенную политику, как по отношению к инородцам, так и по отношению к своим соотечественникам, обеспечивая стабильность правил игры и соответствующую защиту.

Промыслово-военный этап хозяйственного освоения Сибири завершился в XVII в. К концу такого «освоения» сибирскую тайгу промышленники опустошили, выбив бобра и соболя. Промысел начинает регулироваться государством. На первое место выступает аграрное освоение: распаиваются новые земли, вместе с традиционным для России земледельческим укладом в Сибирь приходят и более традиционные отношения. Время вольных «охочих людей» закончилось, растет влияние государственного регулирования. С формированием внутреннего рынка и, главное, с налаживанием международных связей появляется новое направление для приложения инициативы — торговля. Наступает время сибирского купечества.

Из Иркутска стартуют промысловые экспедиции на Дальний Восток и Аляску, в Иркутске формируется центр русско-китайской торговли. Ярчайший пример торжества частной инициативы, опиравшейся на государственную инфраструктуру, дали нам XVIII и XIX вв. В этот период произошли создание, расцвет и упадок двух торговых площадок: Кяхтинского торгового пункта и Русско-американской компании.



Освоение Сибири в XVI-XVII вв. проходило в сложной международной обстановке. Грозный китайский сосед на юге Сибири одновременно являлся источником угроз и потенциальным источником больших возможностей.

Уровень технологического развития двух государств был сопоставим. Безусловно, частные казацкие ватаги не могли соперничать с технологической мощью регулярной армии империи Цин, что и показала первая сдача Албазина. И только государство могло обеспечить условия и инфраструктуры безопасности, позволив расцвести частной инициативе. Нерчинский договор был заключен в военных условиях. Он обеспечил относительный мир, создал исходные предпосылки для расцвета торговли с Китаем. Но этого было недостаточно. Государство должно было обеспечить набор экономических условий и договоренностей, что и было сделано позже — к 1727 г.

Интересен факт того, что, обеспечив инфраструктуру безопасности и международный режим торговли, государство на первых шагах монополизировало торговлю, тем самым сдерживая энергию частной инициативы. Это привело к экономическому застою и убыткам. И только после демонополизации Кяхтинская торговля начала развиваться рекордными темпами.

Государство отдает вопросы институционального устройства торговли (говоря проще, вопросы правил торговли) на откуп самим купцам, на самоорганизацию. И как показывает практика, данная самоорганизация складывается более 50 лет, и государство в итоге все равно, с опорой на практику и позицию крупного купечества, берет на себя эту функцию.

В XIX в. баланс торгового ассортимента сместился в пользу китайского чая. Со стороны Сибири продолжала доминировать пушнина, что сохраняло и закрепляло сырьевой статус региона в международных делах. Высокотехнологичные товары начинают поставляться в Китай только к середине XIX в., в момент, когда Россия осуществляет очередную догоняющую индустриализацию, обеспечив в стране расцвет ткацкой промышленности.

В определенный момент развития российские капиталы вышли за пределы страны на территорию Китая, что характеризовало уровень зрелости и эффективности российских предпринимателей.

При этом важно рассматривать феномен кяхтинской торговли в рамках геоэкономического и геополитического масштаба. В мире развивался морской транспорт, основное конкурентное преимущество океанических держав. Следом в рамках второй промышленной революции появлялась сеть железных дорог. Менялись планетарные логистические схемы. Это в свою очередь трансформировало глобальные товарные потоки и субъектный состав, контролирующий эти потоки как на уровне государства, так и на уровне конкретных частных компаний.

Кяхтинская торговля — яркий пример, когда продуманная государственная политика открывает простор для частной инициативы. Если в период XVII в. купечество само реализовывало свои интересы, опираясь на собственную инфраструктуру и даже на нанятую на свои средства военную силу, а государство шло вслед за промысловиками и купцами, то к XVIII в. ситуация в корне изменилась. Государство своей дипломатической, а иногда и военной мощью обеспечивало пространство для реализации частной инициативы.

История освоения Русской Америки и Российско-американская компания являются безусловным примером и образцом человеческого духа и масштаба мышления предпринимателей и государственных деятелей.

Начало освоения Русской Америки положила экспедиция Михаила Гвоздева, который в 1732 г. открыл Аляску, но нанес на карты лишь ее небольшую часть. Развитие успехов Гвоздева обеспечил знаменитый мореплаватель Витус Беринг, который открыл Командорские и Курильские острова.

Иркутское купечество начало покорение Аляски без каких-либо государственных привилегий, на свой страх и риск. Купцы заинтересовались богатством новых земель. Ехали сюда за мехом бобров, песцов и лисиц. До начала XIX в. было совершено более 100 плаваний, а общая стоимость привезенной пушнины составляла около 8 млн руб. Экспедиции хоть и были коммерчески успешны, тем не менее оставались весьма дорогим и опасным делом. Для снижения рисков и увеличения масштабов экспедиций обычно купцы вскладчину создавали небольшую компанию, а после получения товара делили его и расходились.

Суровые условия, военные и климатические риски сформировали как особые традиции и практики самоорганизации купеческо-предпринимательского сословия, так и особые практики государственно-частного партнерства, обеспечивавшие эффективность начинаемых проектов и предприятий. Купеческие дома, с одной стороны, довольно жестко конкурировали между собой на осваиваемых территориях, а с другой стороны, вынуждены были создавать временные объединения и консорциумы. И при этом, учитывая необходимость обустройства новых территорий и осуществления государственных функций, коммерческие компании действовали в тесных связках с государственными институтами и с опорой на них.

Уникальной по своей структуре и истории возникновения стала деятельность Российско-американской компании.

К концу XVIII в. одной из крупнейших купеческих компаний региона, оперирующей на территории Русской Америки, стала компания партнеров Григория Шелихова и Ивана Голикова. Уже в то время Григорий Шелихов задумался о создании постоянной компании, которая получи-

ла бы монополию на торговлю в новом регионе и основала бы здесь поселения.

В 1791 г. Григорий Шелихов с компаньоном Голиковым основали новую Северо-Восточную компанию. Через несколько лет, в 1795 г., Шелихов умер. К тому времени он оставил устойчивую компанию, столицей которой была колония на острове Кадьяк. В 1796 г. купец Дудников вместе с несколькими компаньонами основал Иркутскую Коммерческую компанию. А в 1797 г. две фирмы объединились и создали единую «Американскую Мыльникову, Шелихова и Голикова компанию». Через год название сменилось на «Соединенную Американскую компанию». В нее вошли 20 сибирских купеческих фамилий. Кроме Мыльниковых и Шелиховых среди них были известные иркутские предприниматели Мичурины, Дудоровские, Литвинцовы, Зубовы, Останины, Ивановы. Общий капитал составлял 724 тыс. руб., поделенных на 724 акции, стоимостью 1 000 руб. каждая. Главная контора находилась в Иркутске.

Однако обеспечить полную привилегию русским купцам и запрет иностранцам действовать на территории Русской Америки было невозможно без государственной поддержки. Кроме того, успешная деятельность компании заинтересовала центральную власть. В 1799 г. был обнародован указ императора Павла о создании Российско-американской компании, которая получала право монопольной торговли на Тихоокеанском Севере. Был изменен ее устав, прописано, что на больших собраниях голосуют только владельцы десяти и более акций. Совет директоров составляли те, у кого было больше 25 акций.

Главное управление РАК было переведено в 1801 г. из Иркутска в Санкт-Петербург, а сама компания обрела черты полугосударственной монополии. В состав ее акционеров вступил сам император, члены царствующей фамилии и ряд крупных сановников. Должность первого директора компании занял купец Булдаков.

Здесь важно отметить, что дихотомия государственной инициативы и частной региональной инициативы породила результат, который стал историческим феноменом для всей Российской империи и до сих пор является одним из важнейших прецедентов в истории страны.

Российско-американская компания стала ключевым игроком на территории от Иркутска до Аляски и заняла доминирующее положение на рынках пушнины того времени. По поручению государства исследовала новые территории. Стала одним из крупнейших операторов Кяхтинского торгового дела. А Иркутск на некоторое время превратился в штаб промыслового освоения Азиатско-Тихоокеанского региона.

Российско-американская компания создавалась, в первую очередь, как предпринимательская корпорация, по инициативе предпринимателей и на их деньги. Но по мере наращивания присутствия в ней государе-

вых людей (как в акционерном капитале, так и в управлении), компания все больше начинает приобретать черты государственного учреждения. Постепенно РАК из предпринимательской корпорации превращается в своего рода государственный департамент по управлению заморскими территориями при Морском министерстве, с особыми коммерческими функциями.

В процессе существования состав Главного правления компании постепенно стал меняться. Первыми директорами компании были купцы М.М. Булдаков (первенствующий директор), Я.Н. и Д.Н. Мыльниковы и С.А. Старцов. Все они были выбраны на собрании акционеров и приведены к присяге в сентябре 1799 г. В конце 1830-х гг. заметную роль в Главном правлении стал играть контр-адмирал Ф.П. Врангель. В 1830-1835 гг. он был Главным правителем русских колоний в Америке, в 1838 г. стал советником по колониальным делам при Главном правлении, а потом и первым директором-чиновником. В дальнейшем в число директоров стали выбирать исключительно чиновников высшего ранга. Директорами компании были генерал-майор В.Г. Политковский, генерал-лейтенант В.Ф. Ключфель, контр-адмирал А.К. Этолин, действительный статский советник В.Е. Врангель, контр-адмиралы М.Д. Тебеньков, В.С. Завойко и др.

Государство вытесняет предпринимательское начало. К 1860-м гг. компания испытывает финансовые трудности. Осознание невозможности управления регионом, столь оторванным от метрополии, при слабом развитии морской и сухопутной транспортной инфраструктуры привело к принятию политического решения: продажи в 1867 г. Русской Америки США. Это событие и стало концом для деятельности Русско-американской компании.

Порой, борясь за свои интересы, купечество было вынуждено противостоять государству, вернее, чиновничьему произволу на местах, отстаивая свое право на самоуправление. Нередко в таком противостоянии приходилось рисковать не только капиталом, но и самой свободой, поскольку даже высокое положение в обществе не служило надежной защитой от начальственного самодурства.

Показательно в этом отношении дело о следствии по делам винных откупов 1758-1760 гг., получившее в Иркутске название «крыловского погрома». В XVIII веке «откупом» называлась система сбора государственных доходов, при которой государство за определенную плату передавало право их сбора частным лицам.

В России «хлебным вином» или «водкой», как известно, назывался крепкий спиртной напиток, который приготавливался методом дистилляции («выкуривался») из зерновой браги, в отличие от нынешней водки, которую готовят из этилового спирта, смешанного с водой. Право торго-

вать водкой на определенный срок сдавалось государством с торгов: кто больше давал на торгах за право торговли в определенной местности, тот и становился откупщиком. Откупщик платил в казну установленную сумму и вел торговлю с тем расчетом, чтобы получить доход. Откупы в России сулили громадные прибыли, однако получить их без связей было практически невозможно. Департамент податей и сборов, ведавший откупами в Министерстве финансов, прозвали «департаментом подлостей и споров». Связанная с откупами система взяток, подкупов и дарений пронизывала всю власть снизу доверху и носила почти легальный характер. Многие царские сановники, находясь на государственной службе, искали побочные источники обогащения.

В 1758 г. в Иркутск во главе казачьего конвоя из 77 казаков прибыл следователь по винокурным делам, коллежский асессор Петр Никифорович Крылов с указом Сената о назначении его следователем по винокурным делам. Одновременно Крылов являлся поверенным откупщика Александра Глебова, обер-прокурора Правительствующего Сената.

Петр Крылов арестовал иркутского бургомистра Бречалова, который под пытками показал, что хлебное вино, стоившее в выкурке от 50 до 60 коп., иркутские купцы продавали за рубль, а излишки денег делили между собой. Наделенный чрезвычайными полномочиями следователь стремился любыми средствами доказать виновность иркутских купцов. Крылов в течение двух лет (с 1758 по 1760 г.) арестовал 125 иркутских купцов, которые под пыткой были вынуждены оговаривать себя.

У арестованных Крылов вымогал средства, которые они якобы задолжали казне. С иркутских купцов им была выбита огромная сумма, более 155 тыс. руб., однако это были только официальные сборы, еще примерно столько же было получено им лично в виде взяток. Историки пишут, что Крылов наводил на иркутян страх не только пытками, но и своей развратной разгульной жизнью.

Внезапно проснувшийся интерес сенатского следователя к злоупотреблениям, якобы учиненными иркутскими купцами, скоро получил объяснение. В 1759 г. обер-прокурора Правительствующего Сената Александр Глебов, влиятельный вельможа, патрон Петра Крылова, взял в откупное содержание продажу вина в Иркутской провинции на семь лет. Откупное обошлось ему в 58 тыс. руб. в год и, чтобы увеличить свои доходы, Глебов через посредников обратился к иркутскому купечеству продать или сдать ему в аренду принадлежащие купцам винокурные заводы — и получил отказ. «Крыловщина» развернулась с новой силой.

Более всех пострадал богатейший иркутский купец Иван Бечевин, владевший откупом на «питейное дело» в Илимском уезде Иркутской провинции. У Бечевина в откупе было 48 кабаков, дававших казне бо-

лее 6 000 руб. дохода. Личностью Иван Бечевин был незаурядной. Выходец из казаков, свои капиталы он добыл, торгуя пушниной, добытой на островах Тихого океана. Пушнину он продавал купцам, торгующим с китайцами, потом и сам начал торговать в Кяхте. О богатстве Бечевина иркутяне говорили так: «У него золотые и серебряные деньги в бочонках, а медные — в бочках». Будучи одним из богатейших людей Иркутска, он выделял средства на постройку Тихвинской, Знаменской и Благовещенской церквей. На средства Бечевина была снаряжена экспедиция к Анадырю и устью Лены для организации пушного промысла. Корабль «Св. Гавриил» за два года совершил плавание от Камчатки к Алеутским островам и Аляске. Петр Крылов арестовал пятидесятипятилетнего Ивана Бечевина и приказал его пытать. Не выдержав допросов, Бечевин умер и был похоронен в 1759 г. в отстроенной на его же деньги Тихвинской церкви.

Это переполнило чашу терпения епископа Иркутского и Нерчинского Софрония. Преосвященный по церковным каналам отправил в Петербург донесение императрице. Хитрость удалась: в ответ курьер привез распоряжение арестовать Крылова и скованным отправить в Санкт-Петербург, что и было исполнено 20 ноября 1761 г.

Безусловно, подобные ситуации, с одной стороны, отражают извечную проблему государства с кадрами на местах, с другой стороны, показывают дихотомию отношений, как мы сказали бы сегодня, региональных сообществ с федеральным центром.

Иркутск формировался как крупный центр предпринимательства и торговли со своими традициями самоуправления, что накладывало особый отпечаток и выделяло город и регион из состава других регионов страны.

М.М. Сперанский, 1820 г.: «Сибирь есть настоящая отчизна Дон Кихотов. В Иркутске есть сотни людей, бывших в Камчатке, на Алеутских островах, в Америке с женами их и детьми, и они все сие рассказывают, как дела обыкновенные»<sup>\*</sup>.

Существенная доля населения города занималась предпринимательством в том или ином виде. Для страны это был и остается особенный факт.

В 1820 г. по справке, предоставленной в Иркутскую градскую думу из земских дел, значилось купцов, мещан и цеховых 6 259 чел. Также в губернском Иркутске проживали другие социальные группы — духовенство, чиновники, военные, казаки, мастеровые, дворовые люди и крестьяне. Всего в городе в 1823 г. проживало 15 644 чел.

---

\* Из письма М. М. Сперанского к дочери Елизавете от 22 июня 1820 г.

Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше средне-сибирской: в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень». В 1823 г. насчитывалось 306 человек купцов, а к 1916 г. — уже 4 870 человек.

Влияние купечества на местных жителей и формирование общественного мнения было чрезвычайно сильно, особенно по сравнению с Центральной Россией. Образованная часть купечества в Иркутске играла роль, принадлежащую обычно дворянской аристократии.

Иркутское купечество выступило в поддержку создания университета, что по тем временам являлось серьезной новацией для таких удаленных территорий. Существовало осознанное понимание необходимости формирования на территории центра знаний, который мог бы выполнить системообразующую функцию для становления региона, не только как сырьевого придатка метрополии, но как полноценного субъекта развития страны.

Инициатором идеи создания университета в Иркутске в 60-х гг. XIX в. были известные сибирские писатели, ученые и политические деятели: Михаил Загоскин, Афанасий Щапов, Николай Ядринцев, Григорий Потанин.

Эту идею поддерживал и министр народного просвещения России Авраам Норов. Сохранилась его переписка с генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым-Амурским, который на предложение об открытии университета в Иркутске ответил категорическим отказом. Мотив веский: с открытием университета в Иркутске увеличится «поток ябеды в правительство» о злоупотреблениях местной власти.

Против открытия, в конце концов, выступило и правительство Российской империи, рассудив, что в Иркутске слишком много политических ссыльных, и открытие университета как комплота вольнодумцев только усилит «смутьянов». В результате, как известно, первым университетом в Сибири стал Императорский Томский университет, открытый в 1878 г. Интересно, что крупнейшими жертвователями в пользу Томского университета стали иркутский купец Александр Сибиряков, представлявший седьмое поколение купцов Сибиряковых, который внес 100 тыс. руб., и иркутский купец Александр Трапезников, внесший 10 тыс.

Надо отдать должное царскому правительству: в Санкт-Петербурге понимали, что особенности Сибири как глобального и удаленного территориального элемента империи требуют от центральной власти особых подходов и форм управления. Это нашло отражение и в создании Российско-американской компании с ее особыми функциями и новаторскими по тем временам управленческими механизмами акционерного общества, и в уникальной работе по формированию нового свода зако-



нов, определяющих особый порядок управления в Сибири, проделанной Михаилом Сперанским. Существовавшая на тот момент модель управления на местном уровне была не просто неэффективна, но и порождала чудовищные злоупотребления.

Проект Сперанского стал самой успешной попыткой усовершенствования административного механизма за счет расширения полномочий местного самоуправления.

Реформа предполагала административное разделение Сибири по Енисею на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, с административными центрами в Тобольске и Иркутске. В соответствии с «Учреждением» губернии и области делились на округа, а те на волости и инородные управы. Инородцами в Российской империи называли неславянское население, устав разделял инородцев на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Получилась четырехуровневая система управления: губернское, городское, волостное и инородное.

При всех уровнях власти учреждались Советы, которые должны были послужить ограничением власти губернатора. В Совет Главного управления под председательством генерал-губернатора входили шесть советников, половина из которых назначались по рекомендации генерал-губернатора, а другая половина утверждалась императором по представлению министерства внутренних дел, юстиции и финансов.

Губернское управление разделялось на «общее» и «частное». Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и совет под его председательством, в который входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор. В полномочиях губернатора оставалось назначение и увольнение чиновников, утверждение членов дум, городского суда, ратуш, волостных голов, а также представление к наградам и пересмотр уголовных дел.

Частное губернское управление состояло из губернского правления, казенной палаты, губернского суда и прокурора. Губернатору подчинялись также Приказ общественного призрения, врачебная управа, строительная часть и типография, а также губернский статистический комитет, рекрутское присутствие (позже рекрутский комитет), комиссия народного продовольствия, дорожной и строительной комиссии.

«Сибирское учреждение» разделяло города на многолюдные, средние и малолюдные. В многолюдных городах (например, в Иркутске) городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. Управление средних городов (Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска) заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа — городничий, и квартальные надзиратели, и медицинская часть. В малолюдных городах (Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске и Баргузинске) управление осу-



ществляли только городничий (полиция), а также городские старосты и словесный суд (хозяйственное управление и суд).

Необходимо отметить, что часть разделов реформы Сперанского были сформированы по результатам анализа сложившихся практик местного самоуправления Иркутска.

Как отмечают исследователи, сибирское законодательство, сформулированное Михаилом Сперанским в 1822 г. в Иркутске, не просто стало первым опытом регионального законодательства, но и просуществовало без существенных изменений вплоть до конца XIX в. И это — безусловная заслуга талантливого, системно мыслящего человека, которым он и являлся.

Историческая реконструкция данного этапа развития региона в очередной раз подтверждает принцип, что правильный баланс партнерства между государством и частной инициативой, где государство берет на себя безопасность, инфраструктурные и институциональные функции, а частник оставляет за собой предпринимательскую инициативу и обеспечение экономического развития, оборачиваются успехом и приносят необходимые результаты в соответствии с требованиями времени.

### **Информация об авторах**

*Ищенко Роман Владимирович* — соучредитель и член Совета общественной организации «Интеллектуальный деловой клуб «Байкальские стратегии»», Председатель Иркутского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

*Ануфриев Александр Валерьевич* — старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета, секретарь Иркутского регионального отделения Российского военно-исторического общества

*Петров Алексей Викторович* — кандидат политических наук, доцент, президент клуба молодых учёных «Альянс»

### **Authors**

*Roman V. Ischenko* — co-founder and member of the Council of the public organization «Intellectual business club “Baikal strategies”», Chairman of the Irkutsk regional branch of the all-Russian public organization «Business Russia»

*Alexander V. Anufriev* — senior lecturer At the Department of Russian history at Irkutsk state University, Secretary of the Irkutsk regional branch of the Russian military historical society

*Alexey V. Petrov* — candidate of political science, associate Professor, President of the Alliance of young scientists.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.62

УДК94(571.5)

ББК 63.3(253)

*Р.В. ИЩЕНКО**В.В. СКРАЩУК**Д.Г. ЛЮСТРИЦКИЙ*

## **ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СИБИРИ: ЗАМЫСЕЛ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ\***

Анализируются основные этапы промышленного освоения Сибири. Указывается на роль больших проектов, формируемых научным сообществом. Содержится обобщающая информация об индустриальном потенциале Иркутской области с конца XIX века.

**Ключевые слова:** промышленное развитие, наука, индустриальные центры.

*R. V. ISCHENKO**V. V. SKRASCHUK,**D. G. LYUSTRITSKY,*

## **INDUSTRIALIZATION OF SIBERIA: DESIGN, IMPLEMENTATION, CONSEQUENCES**

The main stages of the industrial development of Siberia are analyzed. The role of large projects formed by the scientific community is indicated. It contains general information about the industrial potential of the Irkutsk region since the end of the 19th century.

**Keywords:** industrial development, science, industrial centers.

Индустриализация восточных районов началась на рубеже XIX-XX вв. В Сибири эти процессы стали возможны с началом железнодорожного строительства, которое обеспечило дешевые перевозки между Сибирью и европейской Россией, привлекло частный и государственный капитал. Транссибирская магистраль дала импульс промышленному развитию регионов (например, в Иркутской губернии добыча угля выросла в 35 раз).

Строительство Транссиба имело и другие последствия. С 1901 по 1905 г. в Сибири ежегодно засеивали хлебом по 3 660 тыс. дес., а в 1913 г. — уже 7105 тыс., валовые сборы зерна к 1909 г. выросли до 300 млн п. Этот избыток хлеба по железной дороге хлынул через Урал и вызвал панику на хлебном рынке России. Царское правительство ввело в

---

\* Статья подготовлена Межрегиональным фондом поддержки стратегических инициатив «Байкальские стратегии» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

качестве предохранительной меры «челябинский тарифный перелом»: оплата за провоз сибирского хлеба производилась по сумме платы за провоз от станции отправления до Челябинска и от Челябинска до станции назначения. Эта мера нанесла удар хлебной торговле Сибири, но хлебный поток продолжал расти. Проблемы с вывозом хлеба сильнее всего ударили по мелким производителям в отдаленных районах: крестьяне в Забайкалье отказывались засеивать землю, когда после особенно урожайных лет цена муки падала до 10-20 коп. за пуд.

Фабрично-заводская промышленность Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. была представлена небольшими предприятиями различного плана. Индустриальные предприятия существовали в очень небольшом количестве. Они обслуживали нужды железнодорожного и водного транспорта, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства. В Восточной Сибири традиционно сохранялись кустарные районы с центром в Иркутске, за ним шли Красноярский, Минусинский и Ачинский округа Енисейской губернии. В годы Первой мировой войны в связи с ухудшением обеспечения товарного рынка промышленными изделиями еще более стали востребованы кустарно-ремесленные промыслы. Предпринимались попытки создать комплексы индустриальных производств военно-оборонного характера в годы империалистической войны, но не получили предполагаемого развития — например, несмотря на все усилия, так и не начал работу Николаевский металлургический завод.

В ситуации появления железной дороги необходимо отметить, что государство взяло на себя реализацию масштабного инфраструктурного проекта, тем самым открыв новые коридоры для предпринимательской энергии.

Удивительно щадящим образом по экономике Иркутской губернии прошла революция. Производственная база, за исключением железнодорожных инфраструктур, сильно не пострадала. Предприятия, остановившись во время гражданской войны, после довольно быстро развернули деятельность — в первую очередь благодаря Новой экономической политике (НЭП). Энергия частной инициативы вновь позволила быстро добиться результатов восстановления.

За время Гражданской войны промышленность Иркутской губернии резко сократила объем выпускаемой продукции. Разрушения производственных связей, нехватка топлива, перебои с продовольствием, военные действия, миграция управленческих и рабочих кадров привели к полной остановке в 1920 г. до 10 % предприятий.

Восстановление экономического потенциала тесно связано с введением Советами «Новой экономической политики». Бездействующие предприятия сдавались в аренду кооперативам, артелям и даже частным лицам. По данным промышленной переписи 1923 г., частному сек-

тору в Иркутской губернии принадлежало 76 % всех предприятий. Преимущественно это были мелкие предприятия кустарно-ремесленного типа, ориентированные на местный рынок.

Уже к середине 1923 г. — началу 1924 г. промышленность Приангарья перешла от спада и сокращения к медленному оживлению и росту, пусть и за счет текущего ремонта оборудования путем изъятия механизмов с бездействующих производств. К середине 1923 г. в Иркутской губернии действовало 64 ценовых предприятия и местная промышленность достигла 30-40 % от показателей 1917 г., а в отдельных отраслях — кожаной, солеварении, спичечном производстве — был достигнут уровень 90 % от 1917 г. Дольше всего продолжался спад в угольной промышленности, но и там положение к 1925-1926 гг. начало улучшаться.

С 1922 г. большевики начинают шаг за шагом восстанавливать роль государства в экономике. Государственные предприятия объединяются в производственные тресты, в области сбыта создаются синдикаты, подчиненные Высшему совету народного хозяйства РСФСР. К 1924 г. отношение государства к частной торговле меняется кардинально, буквально по всем направлениям начинается давление на нее, политика НЭПа сворачивается. К 1929 г. частная промышленность Приангарья практически полностью ликвидируется.

В XX веке особую роль в развитии Сибири и Байкальского региона сыграла Академия наук. В частности, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданная в 1915 г. по инициативе академика В.И. Вернадского. КЕПС становится одним из ключевых органов, исследовавших новые возможности, открывающиеся в связи с появлением технологий нового поколения. В разные регионы страны (в том числе, в Сибирь) начали снаряжаться научные экспедиции, изучавшие условия для разворачивания промышленной базы новой технологической платформы.

После Октябрьской революции значимость этого органа стратегического планирования сразу же признали большевики. Комиссии дали зеленый свет, финансирование и расширили объем полномочий.

Заметим, что научная и организационная деятельность КЕПС имела исключительно большое значение для исследования минеральных ресурсов СССР, разработки научных основ решения проблем прикладного характера, выявления месторождений и использования минерального сырья. Впоследствии на ее базе был организован Совет по изучению производительных сил СССР (1930 г.), который осуществлял общее научно-организационное руководство деятельностью учреждений Академии Наук СССР в области изучения производительных сил, организовывал экспедиционные исследования, конференции и совещания,

посвященные развитию отдельных территорий и отраслей народного хозяйства.

В Иркутской губернии органы советской власти уже в течение 1920 г. провели полную национализацию промышленности, железнодорожного и водного транспорта, торговых заведений и коммунального хозяйства. Предприятия были разделены на три группы: на государственном снабжении, на «самоснабжении» и переданные в аренду.

Первый пятилетний план, принятый в 1925 г., включал всего 9 предприятий, в том числе рост добычи угля в Черемхово и увеличение производства на Иркутском и Ангарском лесозаводах на 300 %. В 1931 г. состоялась первая научно-практическая конференция по изучению производительных сил региона. Одной из самых важных стала тема переработки черемховского угля, в том числе в искусственное горючее. Место для строительства комбината между Иркутском и Тельмой, в центре будущего промышленного района, было определено уже тогда, но название Ангарск придумано в 1951 г. Вторым перспективным районом стал Илимский железорудный, для его освоения нужна была железная дорога до Братска и далее на север.

В 1929 г. в Иркутске на базе мелких обозных мастерских началось сооружение машиностроительного завода им. В.В. Куйбышева по производству машин и оборудования для золотодобывающей промышленности. Развивалась добыча угля, слюды и золота; вторым по объему производства металлургическим предприятием стал механический завод областного отдела местной промышленности, выпускавший запасные части для сельхозмашин и мельниц, чугунное литье. В 1930 г. начала работать швейная фабрика; легкая промышленность была представлена механической обувной фабрикой, трикотажной и валяльно-войлочными фабриками. В 1932 г. вышло постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», по которому было создано Управление строительства БАМ, развернуты проектно-изыскательские работы и началось строительство. Во время второй пятилетки (1933–1937) основное внимание было направлено на механизацию и электрификацию производства, а также на развитие пищевой промышленности — начали работать мельничный и мясной комбинаты, механизированный хлебозавод, макаронная и чаепрессовочная фабрики.

В 1934 г. XVII съезд ВКП(б) принял решение о создании на Урале и в Сибири базовых отраслей индустрии — угольной, металлургической и тяжелого машиностроения. 31 января 1938 г. при Комитете обороны СССР создана военно-промышленная комиссия, которая должна была мобилизовать всю промышленность страны на производство новейшего

вооружения и средств обеспечения армии. Многие предприятия создавались как дублеры заводов, работавших в европейской части страны.

Показательна история Ангарского металлургического завода (1934–1958 гг.), построенного в Свирске. Завод производил сырье для химического оружия на основе мышьяка, руду возили из Забайкалья по железной дороге, чистый мышьяк отправляли в Нижний Новгород (Дзержинск), а огарки, содержавшие золото и медь, — в город Ревда (Свердловская область). Оборонный завод строили в спешке, с нарушениями всех норм, а в 1958 г. бросили без консервации.

За 1928-1941 гг. в Иркутской области построено более 40 крупных и средних предприятий, предприятий местной промышленности и промкооперации. Построены авиационный завод (1934) в Иркутске, машиностроительные заводы в Черемхове и Усолье-Сибирском. Запущены слюдяные рудники на берегах рек Витим и Мама. Появились новые мощные шахты и угольные разрезы в Черембассе. Строительство новых предприятий, как и жилищное строительство, создало огромный спрос на строительные материалы — с 1931 по 1939 гг. в Иркутске были построены 7 механизированных кирпичных и один шлакобетонный заводов.

Население Иркутска со 108 тыс. в 1926 г. выросло до 243 тыс. человек в 1940 г.; 59 % населения представляли работники промышленных предприятий. Первый централизованный водопровод начал работать в 1926 г. в предместье Свердловлово (Свердловский район), в 1941 г. заработал водопровод в центре города и предместье Марата. В 1935-1936 гг. был построен первый постоянный мост через Ангару.

Валовая продукция крупных промышленных предприятий за годы предвоенных пятилеток выросла в 11 раз, выработка электроэнергии увеличилась в 10 раз. В рамках Ангаро-Енисейского проекта выполнен большой объем научных исследований и проектных работ по комплексному освоению природных ресурсов. В 1937 г. организован БАМ-проектстрой в г. Иркутск, где в 1937-1942 гг. были составлены проектные задания и технические проекты по четырем участкам от Тайшета до Советской Гавани (порт Ванино). В 1938 г. началось строительство западного участка, а в 1939 г. — подготовительные работы на восточном участке.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в процессы развития региона, с одной стороны, отодвинув многие начинания и инициативы на более поздние периоды, а с другой стороны, став фактором резкого наращивания промышленных мощностей в регионе за счет эвакуированных предприятий.

В годы Великой Отечественной войны Иркутская область приняла около 10 эвакуированных строительных трестов и 22 крупных промышлен-

ленных предприятия, в т. ч. Старо-Краматорский и Ново-Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Московский авиационный завод. Эвакуация и восстановление производства на новом месте продолжалась до осени 1942 г.; за это время на Урал прибыли 830 предприятий, в Сибирь — более 400. В области было налажено производство свыше 50 различных изделий оборонного назначения (самолеты, танки, трактора, станки, приборы и другая высокотехнологичная продукция).

В довоенный период промышленный потенциал региона значительно возрос, можно говорить об индустриальном прорыве Сибири и переходе к развитому машиностроению.

Советское руководство прекрасно осознавало, что для проектирования сложных систем деятельности и разворачивания, как бы мы сегодня сказали, «национальных проектов», необходимо инвестировать серьезные средства и время в интеллектуальную работу, связанную с исследованиями, замысливанием и проектированием будущего результата. Первый научно-исследовательский съезд по изучению производительных сил региона прошел в Иркутске в 1931 г. и его следствием стали огромные перемены: за 16 лет в области были открыты 8 вузов, 26 техникумов, около 2 тыс. школ. Помимо уже известных месторождений угля, соли, золота и слюды были открыты десятки месторождений огнеупорных и керамических глин, гипса, стекольного песка, сырья для изготовления цемента, мрамора.

Иркутский облисполком в конце июля 1947 г. подвел итоги работы за семь лет. Государственная промышленность едва справилась с планом и дала в 1946 г. лишь 1,5 % роста. Местная топливная промышленность сдерживала рост всех других отраслей. Не выполняли поставленные задачи и предприятия, выпускавшие строительные материалы. В послевоенные годы в Иркутской области многие колхозы не проводили прополку картофельных полей и не вносили удобрения. Масличные культуры, которые выращивали в области, на месте не перерабатывали, а вывозили сырье в соседние регионы.

Более половины жилого фонда требовало немедленного капитального ремонта. За семь лет было введено 234 новых школы и всего их насчитывалось 1801, но в 1946 г. более 6 тыс. детей не посещали занятия. По распределению в школы отправляли по 450 учителей в год, но жить им было зачастую негде.

Безусловно, поворотным моментом в развитии Иркутской области в XX веке стала конференция по изучению производительных сил, на которой были собраны и спроектированы ключевые решения по развитию региона на следующие как минимум 40 лет.

С 4 по 11 августа 1947 г. в Иркутске состоялась вторая в истории СССР конференция по изучению производительных сил конкретного региона. Ключом ко всему будущему развитию представлялось возобнов-

ляемая энергия Ангары: река обещала промышленности десятки миллиардов кВт\*ч электроэнергии. На базе уже известных месторождений область получала три промышленных направления: основная химия (на базе каменной соли Усоля-Сибирского), черная металлургия (на базе Илимского железорудного района) и строительные материалы. Допускалось создание предприятий по выпуску алюминия, магнезия, цинка, свинца и их сплавов.

Геологов, подходивших ко всем проблемам с мерилom государственной необходимости (обусловленной задачами обороны), не заботили никакие соображения экологического характера. О месторождениях нефти на Байкале, как и месторождениях молибдена, олова, вольфрама, цинка и свинца в Забайкалье, говорили лишь в одном ключе — насколько выгодно их немедленное освоение и строительство крупных предприятий. Список сырья, которым область должна была снабжать как минимум соседние регионы, выглядел так: слюда, соль, нефрит, железо, уголь, асбест, различные сорта глины.

Горно-геологическая секция начала работу с подготовки плана исследований, охватывающих пять районов, все более удаляющихся от железной дороги: Восточные Саяны, Тунгусский бассейн, Лено-Бодайбинский район, Байкальская и Витимо-Олекминская горные области. Академик Владимир Обручев, которого признавали «первым сибирским геологом», представил секции программную статью с готовыми задачами для Восточно-Сибирского геологического управления, геологических факультетов горного института и университета, а затем и для филиала Академии наук.

Измененная транспортная сеть требовала новые виды топлива и новую энергетическую схему, связанную со строительством ГЭС. Иркутская область с ее запасами источников энергии самой природой создана для размещения таких производств, в которых на рубль продукции требуется 3-5 киловатт энергии; только создание энергоемких производств позволит компенсировать малочисленность населения. Наличие энергии, себестоимость которой по предварительным расчетам должна была составить доли копейки за киловатт, оправдывало практически все остальные решения, включая транспортировку сырья за тысячи километров.

Опираясь на новую энергетику, за три пятилетки в области планировали создать предприятия органического синтеза, электрохимической и основной химической промышленности, наладить производство минеральных удобрений, пластмасс и синтетического волокна. Транспортная секция ориентировалась на речной транспорт и три имеющихся в области пароходства — Ангарское, Ленское и Байкало-Селенгинское. Первым же следствием строительства Байкальской ГЭС (получившей в



итоге название Иркутской) стала проблема переноса участка железной дороги Иркутск-Слюдянка с затопливаемого участка от Иркутска до Пор-та Байкал. Байкал рассматривался как главная транспортная артерия: береговая линия озера превышает 2000 км, а судоходство, захватывающее часть Ангары и Селенги, возможно на протяжении семи месяцев. Северную часть области предполагалось осваивать с использованием автотранспорта. Руководству области было предложено изучить передовой опыт организации автотранспорта Колымы.

В лесной отрасли было занято самое большое количество работников, а прибыли она давала меньше всех, да и использовалось в конечных изделиях всего 35-40 % кубометра. В химической промышленности лесное сырье практически не использовалось. К концу конференции ее участники пришли к мысли о строительстве нескольких целлюлозно-бумажных комбинатов, что и было выполнено в намеченные именно в 1947 г. сроки.

Участники сельскохозяйственной секции призывали областные власти не увлекаться выращиванием зерновых культур — для этого в СССР были более благополучные по климату регионы, а сосредоточиться на мясомолочном скотоводстве. Это было оправдано: на получение продукции стоимостью 1 млн руб. в растениеводстве области требовалось 400 дней, а в скотоводстве — всего 100.

Академик Л. Шевяков в итоговом выступлении выстроил задачи в четкой последовательности: ГЭС, топливо на основе местных углей (с переходом к открытым работам), транспорт. Параллельно — геологоразведка с применением аэрофотосъемки, машиностроение (шахтное оборудование), лесная промышленность и строительные материалы.

Конференция стала уникальным событием в исторической судьбе региона, заложившим основной импульс развития на вторую половину XX века.

Началась эпоха больших строек. Амбициозность замысленного оказалась настолько высока, что существующая система управления была не в состоянии качественно «переварить» все поставленные задачи. Реализация сопровождалась постоянными перекосами в ту или иную сторону. Что-то строилось и вводилось с рекордной скоростью, и ценой за это, как правило, становились грубейшие нарушения технологии, несоизмеримые затраты, перенапряжение людей. А что-то, наоборот, затягивалось, выходило за границы нормативных сроков, что так же приводило к сбоям в общей системе разворачивания всего проекта освоения. Также в ситуации погони за результатом были проигнорированы экологическая и социальная рамки, что через шаг стало причиной возникновения серьезных проблем.

Через 11 лет, в 1958 г., была собрана вторая конференция по развитию производительных сил. Первые годы реализации замысленного дали объемный материал для анализа. На практике начали проверяться и корректироваться многие гипотезы и решения. Полученный опыт требовал осмысления и проработки.

Вторая конференция по развитию производительных сил прошла 18-27 августа 1958 г. Накануне областные власти организовали 11-15 августа региональное совещание на ту же тему. Первый секретарь обкома КПСС С. Щетинин констатировал успехи гидростроителей и отставание других отраслей — лесное хозяйство теряло на вывозе круглого леса более 650 млн руб. в год. Ситуация могла быть лучше, если бы железная дорога вывозила все заготовленное, но железнодорожники не справлялись со своими задачами. Тема производства пластмасс и развития химии на базе переработки лесного сырья, нефти и соли также считалась запущенной.

Не справлялась с поставленными задачами геологоразведка, заводы по производству строительных материалов (выпускали в 3 раза меньше, чем требовалось, кирпича и сборного железобетона), медленно продвигалось проектирование железной дороги Тайшет-Лена. Ни один из заявленных планов не был реализован собственными кадрами — региону постоянно требовался приток рабочих рук, а его тормозило отсутствие жилья и даже перспектив его строительства.

Несмотря на участие в работе конференции 2,8 тыс. человек, никаких прорывных решений она не приняла. Предложения и проекты московских ученых все чаще наталкивались на возражения строителей и руководителей, получивших практический опыт на строительстве Иркутской и Братской ГЭС. ВСФ АН за 11 лет развернул множество исследовательских программ, однако результаты не удовлетворяли ни ученых, ни практиков. Заявления об открытии месторождений, пригодных для производства алюминия, титана, вольфрама и других металлов, все чаще не оправдывались. Заявленные учеными «огромные месторождения железных руд, общие запасы которых исчисляются в 15 миллиардов тонн», на Байкале никогда не осваивались.

Темпы и масштабы строительства и ввода предприятий были бы невозможны без тщательно выстроенной системы обеспечения кадрами. Во второй половине XX в. население Иркутской области выросло более чем на 1,5 млн человек, более чем в два раза. Государство обеспечило привлекательные материальные условия, мотивирующие молодежь со всей страны переезжать жить и работать в Сибирь. Так называемый «длинный рубль» и романтика освоения срывали с насиженных мест людей из разных регионов центральной России. Система вузовского распределения также вносила свой вклад в рост численности населения и обеспечения кадрами проекта освоения территории.

Существенный процент трудовых ресурсов обеспечивался за счет мощной системы спецучреждений (колоний и тюрем), специально организованных при основных площадках строительства и освоения. С конца 1940-х по начало 1960-х гг. заключенные Исправительно-трудовых лагерей принимали непосредственное участие в освоении и промышленном развитии Иркутской области.

Строительство в 1960-1970-х гг. наращивало масштаб, заложенный в решениях 1958 и 1974 гг. К началу 1980-х гг. разворачивание промышленной экспансии на территории области практически прекратилось. С одной стороны, были исчерпаны ресурсы экстенсивного развития, а с другой стороны, стали рельефно проявляться диспропорции, заложенные в исходных замыслах. Социальная неустроенность и тяжелые условия труда уже в 1970-х запустили процессы оттока населения. Запор комсомольских строек стал сменяться раздражением и недовольством.

Братский алюминиевый завод (начало строительства в 1961 г., первый алюминий в 1966 г.) был построен еще в темпах военного времени: за рекордно короткие сроки и даже при соблюдении сроков поставки оборудования. Высокий спрос на алюминий привел к тому, что корпуса второй и следующих очередей вводились за 6 месяцев вместо нормативных 36. Братский лесопромышленный комплекс (первая очередь 1958-1965 гг.) был построен с откровенными нарушениями технологии и долгое время не мог обеспечить достойное качество продукции. Но даже возведенные мощности не были обеспечены сырьем на протяжении 20 лет. Тем не менее, в СССР с 1974 года именно БЛПК выпускал 10 % целлюлозы, 70 % корда, 8 % картона для тары, более 26 % древесноволокнистых плит для строительства.

Новую жизнь в Ангарский нефтехимический комбинат вдохнуло строительство в 1956-1960 гг. нефтепровода Омск-Ангарск. До этого момента комбинат производил всего 5 видов продукции на привозном сырье, к 1985 г. ассортимент вырос до 255 видов. Просьбы Иркутского обкома КПСС по строительству продолжения нефтепровода до Иркутска и далее на восток страны остались неудовлетворенными.

Параллельно с переработкой увеличивалась энергетическая база (ТЭЦ-1, самая большая в Иркутской области по тепловой мощности ТЭЦ-9 и самая большая по электрической мощности ТЭЦ-10) и параллельные производства – выпуск кормовых белков на основе парафинов нефти. На военную мощь страны работал и Ангарский электролизно-химический комбинат, который занимался обогащением урана. Нужды строительства АНХК, АЭХК и других предприятий области обеспечивал Ангарский цементно-горный комбинат. Все производства так или иначе были связаны с обороноспособностью страны. Почти все произведенное ими являлось полуфабрикатами, не имеющими рынка сбыта за пределами СССР.

«Большую химию» Ангарска дополняли химические заводы и комбинаты Усоля-Сибирского: объединение «Химпром» (ввод в эксплуатацию первых установок — 1961 г.), химико-фармацевтический комбинат (начало строительства — 1966 г., первая продукция — 1970 г.), фанерно-спичечный комбинат. В Зиминском районе на базе местного месторождения соли и этилена из Ангарска построен химический комбинат «Саянскимпром» и город Саянск (начало строительства 1970 г., статус города — 1985). Саянск вырос с 10 до 40 тыс. жителей, из которых более 5 тыс. человек работали на одном предприятии, всего за 10 лет.

Иркутск оставался крупным промышленным центром за счет модернизации Иркутского авиационного завода и завода тяжелого машиностроения, строительства Ново-Иркутской ТЭЦ, радиозавода, завода «Эталон», предприятий пищевой и легкой промышленности. Благодаря формированию Иркутского научного центра СО РАН и расширению уже имевшихся с 1930-х гг. вузов, город сохранял свое значение как крупного регионального научного и образовательного центра.

Уже в начале XX века проектировщики рассматривали возможность строительства в Сибири и на Дальнем Востоке второй железнодорожной линии, параллельной Транссибу. После того, как большинство ГЭС в Сибири были построены без шлюзов, пригодных для перевалки речного транспорта, значение железной дороги выросло еще больше. Изыскательские работы на трассе заняли еще семь лет (1967-1974), а в апреле 1974 г. БАМ был объявлен ударной комсомольской стройкой. Общая протяженность на участке от Усть-Кута до Советской гавани составляла 4300 км, что на 500 км короче Транссиба, однако строительство велось в необжитых местах и по разным технологиям. На западном участке БАМа были высажены девять десантов, которые строили поселки и размечали будущую трассу; восточный участок строили военные железнодорожники министерства обороны СССР.

Отличия в подходах сказались сразу: западный участок в районе Северобайкальска был построен на год раньше срока и с экономией в 35 млн руб., восточный участок продвигался по старым методикам — постепенно, от станции к станции. Все участники стройки отмечали, что в отличие от строительства ГЭС или крупных промышленных комплексов (Братского или Усть-Илимского), БАМ изначально не предусматривал долгосрочное проживание людей. Не выделялись средства на строительство школ и больниц, благоустройство поселков и даже городов. Многие начальники участков строительства и трестов шли на нарушения и строили необходимое для нормального проживания на экономные средства.

Считается, что именно на БАМе произошел окончательный отказ от традиционного для Сибири стиля «волевого управления»: инициатив-

ные руководители не получали повышения, их постепенно заменили осторожные, пусть и не принимавшие непосредственного участия в работе кабинетные начальники. Окончательно новый стиль воцарился в 1983-1984 гг., что привело к значительному затягиванию сроков строительства и снижению качества.

Суммарно БАМ оценивают в 17-19 млрд руб., что считается рекордным вложением СССР в один инфраструктурный проект. Формально оба участка магистрали соединились 1 октября 1984 г., когда было уложено «золотое звено».

Уникальным мероприятием, продолжающим серию конференций по развитию производительных сил (другими словами, конференций, проектирующих процессы освоения Прибайкалья), стала Байкальская экспертиза, проведенная в 1988 г. Организацию содержательной работы обеспечила группа представителей системо-мыследеятельностной методологии Георгия Петровича Щедровицкого — движения интеллектуалов, использующих инновационные методы организации интеллектуальной работы, разработанные в Советском Союзе и существенно опережающие аналогичные разработки в других странах мира. На переломе эпох, в ситуации, когда уже в полной мере проявились «дефекты» проектирования предыдущего этапа, в первую очередь социальные и экологические, в течение 17 дней более 300 человек — руководителей, ученых, общественных деятелей и специалистов различных сфер из Иркутской области и Бурятии, — обсуждали результаты реализации проектов освоения второй половины XX века, а также наиболее острые проблемы, сформировавшиеся к тому времени. Но последующая, буквально следом, катастрофа в виде распада Советского Союза обнулила все планы и инициативы.

Если первый, дореволюционный этап индустриального освоения разворачивался в логике взаимодействия государства и предпринимателя, то, как мы видим, с приходом Советской власти предпринимательские функции полностью сконцентрировались в руках государства. Государство стало главным актором развития, определяющим его логику и темп. С одной стороны, это позволило сконцентрировать беспрецедентные ресурсы и проинвестировать их в развитие Приангарья, добившись масштабных результатов. С другой стороны, государство — это актор, который хорошо видит «большое» с расстояния своего масштаба, но плохо видит детали на местах, допуская немало ошибок, сыгравших впоследствии печальную роль.

Другим немаловажным фактором, определяющим логику освоения, являлась административная централизация. В отношениях «регион—центр» управленческая воля была сконцентрирована в Москве. Несмотря на участие региональных руководителей и специалистов в проек-

тировании замысла большого ПРОЕКТА, ключевые управленческие решения принимались в Москве.

Например, на рубеже 1960-1970-х гг. при формировании плана девятой пятилетки началась подготовка к освоению нефтегазовых месторождений Западной Сибири, что привело к радикальному изменению структуры топливно-энергетического баланса в пользу нефти и газа. Иркутская область в этой концепции ушла на второй план, объем внимания и ресурсов от центра резко сместился в пользу Западной Сибири. Еще одна попытка вернуться к комплексному освоению природных ресурсов области была предпринята 13 октября 1983 г. в письме Иркутского обкома КПСС на имя председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова. Обком предлагал вернуться к вопросам о строительстве на территории области в 1986-1990 гг. Усть-Илимского алюминиевого завода, Тайшетского электрометаллургического завода, железнодорожных линий Усть-Кут–Киренск–Непа и Усть-Илимск–Нерюнда. В итоге был получен отказ со ссылкой на отсутствие средств на новое строительство.

Руководство области постоянно сталкивалось с недовольством населения качеством одежды и обуви, дефицитом продуктов питания, низкой обеспеченностью жильем и любыми товарами народного потребления. «Временные» решения, принятые в период экстенсивного развития области, продолжают сказываться и в XXI в.: до сих пор не построен автомобильный и железнодорожный мост в Братске; значительную часть жилого фонда составляет временное жилье, не ликвидирован накопленный экологический ущерб.

Сельское хозяйство Иркутской области в последние десятилетия советской власти хотя и выросло до максимальных размеров, все-таки оставалось второстепенным явлением на фоне промышленности. Растущие города создавали огромный спрос на любую продукцию, но в то же время работали как «демографический насос», вытягивающий из сельской местности значительную часть молодежи. Население области с конца 1940 до 1985 гг. увеличилось в 2,5-2,7 раза (до 2,7 млн человек), но на 81 % это было городское население. Значительная часть этого населения была сибиряками в первом поколении, приехавшими на различные стройки «в погоне за длинным рублем», жильем и другими благами. Как только завершились крупные проекты и связанные с ними бонусы, сократился и миграционный приток, который тут же обернулся оттоком.

В заключение можно сказать, что индустриализация в Сибири носила догоняющий характер, преследовала оборонные цели и цели первичного освоения природных ресурсов. Эпоха индустриализации породила небывалые изменения в социальной организации, культуре и быте сибиряков, вытаскив регион на фронт мирного развития. Но за это была заплачена высокая цена в виде социальных и экологических проблем,

разрушенных традиции местного самоуправления, потери накопленной в XVIII-XIX вв. субъектности. Все это вылилось в сегодняшние риски опустынивания территорий.

400 лет освоения Сибири и Байкальского региона открывают перед нами уникальную историческую картину, демонстрирующую поразительный масштаб деятельности наших соотечественников, включая высокий уровень эффективности и конкурентоспособности, позволивший заселить и освоить такую гигантскую территорию.

Все этапы пройденного пути прошиты особой логикой взаимодействия духа авантюризма и предпринимательства с фундаментом государственной машины, обеспечивающей ключевые «коридоры» и условия для движения вперед. Очевидно, что правильно построенное разделение труда между государством и тем, кто идет вперед, открывая «новые земли», является принципиальным условием успеха в этом сложном и рисковом деле.

При этом необходимо отметить, что относительно мировых процессов, особенно технологического развития и складывания новых технологических платформ, Сибирь во многом была и пока остается сугубо отстающим, иногда догоняющим регионом. И инициатором этого развития, как правило, является центральная власть. Вопросы развития региона невозможно ставить вне контекста повестки всей страны и без обеспечения центром необходимого уровня институциональных, инфраструктурных и интеллектуальных инвестиций. Сам по себе регион вряд ли может являться самостоятельным Субъектом мировых процессов и адекватно отвечать на вызовы современности. Но и с другой стороны, как показывает историческая практика, центр не всегда в состоянии учитывать тонкости региональных ситуаций и возможных перспектив развития. И наличие на местах сильных коллективных субъектов, способных совместно с центром формировать и реализовывать стратегическую повестку, значимо повышает качество управления и стратегической эффективности. Как показывают исторические примеры, тот же Михаил Сперанский, являвшийся представителем воли центра, во многом сформировал проект новой системы управления Сибирью, в том числе, на основе практик самоорганизации, наработанных иркутским купечеством в делах управления Иркутском.

Возможно, сегодня приходит время, когда региону необходимо становиться не просто технической площадкой реализации замысленных центром проектов развития, но и полноценным партнером в этой работе.

Здесь не менее важна роль интеллектуальных инвестиций, продемонстрированная на историческом материале. Например, исследования и промысливание ПРОЕКТА 1947 г. началось за 30 лет до его сборки, с началом основания КЕПСа. Да и в более ранние эпохи предприниматели проводили большую работу по подготовке к своим экспедициям и



иным проектам. И сам русский язык нам намекает, что без Мысли «промысловика» или «промышленника» не бывает. Это всегда человек с Мышлением, поскольку, только промыслив и качественно спроектировав будущее предприятие (читай и как глагол, и как существительное) можно добиться необходимого результата.

Интересна и еще одна особенность. В каждой эпохе с начала освоения были свои вызовы и свои ПРОЕКТЫ как ответы на эти вызовы. Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби говорил о том, что именно вызов и сформированный на него ответ являются приводными механизмами развития цивилизации.

В XVII-XVIII вв. ответом стал ПРОЕКТ присоединения новых земель. В XVIII-XIX вв. — ПРОЕКТ межконтинентальной торговли и лучший в Сибири европейский город — Иркутск. В XIX-XX вв. — ПРОЕКТ индустриализации. Во многом проекты символически и не только совпадают с эпохами становления соответствующих мировых технологических платформ. И на всех этапах они зачерпывали энергию всей страны, привлекая население и особенно молодежь. Исторический вызов вел миллионы людей, определяя их жизненный выбор.

Каким может быть этот шаг? Страна и регион могут сказать себе, что на Байкале должен появиться новый ПРОЕКТ, новая «стройка века», куда захотят поехать люди со всего мира. Но не стройка в смысле строительства зданий или заводов, точнее, не только строительства зданий или заводов, а стройка в смысле строительства новой жизни, вступающей в новый технологический уклад. Должна быть построена «новая реальность» с новыми экологическими технологиями, внедренными на нашей «чувствительной» природной территории, университетами нового типа, искусственным интеллектом, блокчейном и новыми формами организации на его основе, биотехнологиями и высококлассным инжинирингом, уникальными историческими кварталами и ультрасовременными городскими технологическими решениями. Россия должна продемонстрировать миру способность создавать принципиально новые форматы жизни.

И, наверное, уже пора отказаться от слова «освоение». Нужно перестать регион осваивать, нужно начать в нем жить.

### Список использованной литературы

1. Агеев А. Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома / А. Д. Агеев // Американский и сибирский фронт. — Вып. 2. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. — С. 30–36.
2. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов / А. Д. Агеев // Библиотека РСМД. — URL: <http://www.twirpx.com/file/220273> (дата обращения: 20.02.2020)



3. Афанасьев О. В. Принудительный труд в индустриальном освоении Иркутской области в конце 1940 — начале 1960-х гг. / О. В. Афанасьев // Историко-экономические исследования. — 2009. — Т. 10, № 1. — С. 53–60.
4. Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.
5. Единархова Н. Е. О чае и чайной торговле / Н. Е. Единархова // Земля Иркутская. — 1996. — № 5. — С. 16–18.
6. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, В. П. Шахеров и др. / гл. ред. проф. Л. М. Дамешек. — Иркутск : Востсибкнига, 2012. — 880 с.
7. Окунь С. Б. Российско-американская компания / С. Б. Окунь. — Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1939. — 259 с.
8. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии / Д. Я. Резун // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное : сб. ст. — Новосибирск : Изд-во НИИ дискретной математики и информатики, 2001. — С. 29–53.
9. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI — начало XX в.: фронт в контексте этно-социальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2005. — URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/frontier/> (дата обращения: 23.01.2020)
10. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков / А. В. Ремнев. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. — 552 с.
11. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 215 с.
12. Урожаева Т. П. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970–1980-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. П. Урожаева. — Иркутск, 2013. — 295 с.
13. Фильшин Г. И. Диалоги о Сибири: Публицистический сборник: Разговор о проблемах экологии, нравственности, экономики, социальной жизни сибиряков / Г. И. Фильшин, Р. К. Салаяев, В. Г. Распутин и др. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. — 208 с.
14. Чехов А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889–1895. — Москва : Наука, 1976. — 372 с.
15. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. — Хабаровск : Приамурские ведомости, 2006. — 176 с.
16. Шинкарев Л. И. Второй Транссиб: Новый этап освоения восточных районов СССР / Л. И. Шинкарев. — 2-е изд., доп. — Москва : Политиздат, 1979. — 287 с.
17. Щедровицкий П. Г. Три индустриализации России / П. Г. Щедровицкий. — Москва : Terra Fantastica, 2018. — 152 с.

### Информация об авторах

*Ищенко Роман Владимирович* — соучредитель и член Совета общественной организации «Интеллектуальный деловой клуб “Байкальские стратегии”», Председатель Иркутского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия».

*Скращук Владимир Владимирович* — журналист, редактор альманаха «Прогулки по старому Иркутску», автор работ по истории иркутского самиздата.

*Люстрицкий Дмитрий Георгиевич* — журналист, доцент кафедры журналистики и медиа-менеджмента Иркутского государственного университета.

### Authors

*Roman V. Ischenko* — co-founder and member of the Council of the public organization «Intellectual business club “Baikal strategies”», Chairman of the Irkutsk regional branch of the all-Russian public organization «Business Russia».

*Vladimir V. Skraschuk* — journalist, editor of the almanac «Walking in old Irkutsk», author of works on the history of Irkutsk samizdat.

*Dmitry G. Lyustritsky* — journalist, associate Professor of the Department of journalism and media management of Irkutsk state University.

---

# ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.26

*С.М. БЕЛОЗЕРЦЕВ*

УДК 343.98:94

ББК 67.629.4+63.3(2)

## ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ НА ГОРНЫХ ПРИИСКАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В конце XIX – начале XX вв. на горных золотых приисках Сибири и Дальнего Востока трудились китайские подданные. По историческим свидетельствам, часть добываемого китайскими рабочими золота похищалось, переплавлялось и контрабандой направлялось в Китай. Контрабанда золота через русско-китайскую границу провоцировала рост тяжких и особо тяжких преступлений. На китайских старателей охотились китайские и русские бандиты, которые грабили и убивали рабочих.

**Ключевые слова:** горные прииски, китайские рабочие, золото, контрабанда.

*S.M. BELOZERCEV*

## CRIMES OF THE CHINESE IN THE MOUNTAIN MINES OF EASTERN SIBERIA AND THE FAR EAST AT THE TURN OF THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES

In the late nineteenth and early twentieth centuries. Chinese subjects worked in the mountain gold mines of Siberia and the Far East. According to historical evidence, part of the gold mined by Chinese workers was stolen, smelted, and smuggled to China. The smuggling of gold across the Russian-Chinese border provoked the growth of serious and especially serious crimes. Chinese miners were hunted by Chinese and Russian bandits who robbed and killed workers.

**Keywords:** mountain mines, Chinese workers, gold, smuggling.

Контрабанда золота через русско-китайскую границу и хищение его с рудников Восточной Сибири и Дальнего Востока на рубеже XIX – начале XX в. превратилось в настоящее национальное бедствие [17, с. 193].

Так, в 1889 г. в Приморской области официально было намыто золота лишь 7 пудов 13 фунтов, а в 1897 г., с открытием богатейших россыпей, количество это увеличилось до 132 пудов 8 фунтов. Но неофициально по данным полиции добыли 15 пудов и 200 пудов в указанный период

[Там же, с. 190]. Таким образом, распространенными стали такие явления как сокрытие подъемного золота и продажа его скупщикам краденного. Скупщиками краденного и перевозчиками его контрабандным путем через границу в Китай чаще всего являлись китайские рабочие. В среднем от 20–30 % всей добычи золота в области ежегодно тайно переправлялось за границу [Там же, с. 193].

Хищение золота происходило повсеместно. Так, в Забайкальской области на границе китайцы, живущие в Маймачене, скупали шлиховое золото, которое поступало с ближайших приисков. Не ограничиваясь золотом, они не брезговали и российскими серебряными рублями, давая за серебряную рублевую монету 1 руб. 20 коп., золото же расценивалось 10 с четвертью за золотник [17, с. 193].

Поэтому в Забайкальской области китайцы, жившие в Маймачене — приграничном с Кяхтой городе скупали шлиховое золото. 10,25 грамм золотника стоил 1 рубль. Не ограничиваясь золотом, они приобретали и серебряные рубли, давая за серебряную рублевую монету 1 руб. 20 коп. [2, л. 39].

Хищение золота сопровождалось ростом общеуголовных преступлений. Так, в ночь на 22 марта 1903 г. около 40 разбойников хунхузов, вооруженных винтовками, совершили нападение на дом старосты старателей Као Юнбу похитив золото на сумму 2 100 руб. Был убит сын старосты Као Юнбу и ранены четыре китайца, находящиеся в доме, последний спасся бегством. На поиски хунхузов направился отряд казаков, но на след разбойников напасть не удалось [3, л. 28].

Чаще всего преступления совершались в приисковых районах и крупных городах, где скученность китайского населения была значительной. Наибольшее их число за пять лет, с 1905 по 1910 гг., наблюдалось в золотопромышленных районах (Зейский и Буреинский горные округа) — всего 66 [4, л. 43].

По мнению историка, профессора В.В. Синиченко, китайские разбойники — хунхузы — устраивали охоту на старателей, убивая их на лесных тропах в надежде обнаружить при убитом ранее похищенное золото [15, с. 120–121]. Кроме того, они регулярно обирали приисковых рабочих Приморья. Пострадавшие, только изредка обращались за помощью к горной полиции [11, с. 56].

Так, в Иркутской губернии в золотопромышленном городе Бодайбо китайские подданные У Чин Линь и Ко Лю Фо были задержаны горной полицией по обвинению в убийстве с целью ограбления китайца-золотодобытчика Тай Цзы в начале января 1909 г. Однако, даже находясь под стражей обвиняемый Ко Лю Фо скрылся и объявлен в розыск, а У Чин Линь приговором Иркутского окружного суда от 6 февраля 1910 г. осужден на восемь лет каторги.

Очень часто в средствах массовой информации того времени встречались сообщения о преступных действиях китайских разбойников. Так, Владивостокская газета «Дальний Восток» поместила сведения о том, что 2 июня 1910 г. было совершено нападение пятнадцати хунхузов на фанзу подрядчика Подгороднинского рудника китайского подданного Чжан Жи. Сам он в момент нападения отсутствовал, поэтому хунхузы ограбили только рабочих. Когда к фанзе, осажденной разбойниками, подошел караульный рудника индус Джаджат Синги, в него был произведен выстрел из револьвера. Пуля попала в левую руку. Пока о нападении сообщали администрации рудников, хунхузы сели на шаланду и скрылись [4, л. 44–45].

По данным прокурорского надзора Читинского окружного суда в пределах Забайкальской области в период с 1 января 1905 г. по 1 января 1910 г. по делам уголовной подсудности (кражи, грабежи) было осуждено 165 китайцев, по делам мировой подсудности (контрабанда золота) — 394 китайца, 9 японцев и 16 корейцев [6, л. 8].

С 1907 по 1909 гг. хунхузы совершили 1 823 преступления в Приамурье из которых 689 были связаны с незаконной добычей золота. Вопросы о борьбе с китайским бандитизмом и неспособности местной власти и правоохранительных органов обеспечить безопасность российских подданных дважды выносились на обсуждение Государственной Думы [16, с. 88].

В работе авторского коллектива В.В. Синиченко, И.С. Полянского и К.С. Миклошевич «МВД России и межведомственное взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности в начале XX в.» в главе 2 — «Межведомственные противоречия сотрудников полиции на востоке Российской империи: борьба с контрабандой золота, опиума, алкоголя» делается вывод, что силовые или оперативно-полицейские меры российских властей были малоэффективны [16, с. 48].

Так, осенью 1910 г. по инициативе региональной администрации появилось распоряжение, обязывавшее китайцев сдавать свои визированные национальные паспорта в полицейские участки, без чего они не допускались к золотничным работам. Но горная полиция, находясь в материальной зависимости от приисковой администрации, остро нуждавшейся в рабочих руках, плохо проверяла вид на жительство и не боролась должным образом с нелегальными рабочими. Нелегальный же рабочий, получая маленькую заработную плату, похищал золото с приисков [10, с. 23].

В результате по данным разведки Заамурского отдельного корпуса пограничной стражи в русском приграничье находилось в 1911 г. более 200 «хунхузов» (китайских бандитов), которые охотились на «горбунов» — китайцев, похищавших золото с российских приисков и доставлявших их в Китай [12, л. 2–4; 6, л. 17].

5 сентября 1911 г. прокуратура объявила о завершении следственных дело по четырем эпизодам по обвинению китайцев в организации банд, занимавшихся грабежами и разбоем на горных приисках Приамурского горного округа:

1) По обвинению китайцев Мын Сяншена, Хо Деюня, Тяо Зуня, Чан Выя, Фу Лазяня, Ли Суня, Теу Выня, Лю Фунсуня, Сун Ечуна, Янь Дошаня, Ли Фуньгуня, Ли Чаня, Ли Шиня, Ван Ютиня в организации преступного сообщества, направленного для грабежей и разбоев, а китайца Ван Хэ — подрядчика Шкотовской строительной комиссии, в укрывательстве этой шайки, в сообщничестве ей, в том числе и по попыткам группы китайцев золотодобытчиков 10 августа 1911 г. [14, л. 2].

2) По обвинению китайца Джан Холина в ограблении с применением жестокой пытки китайца Лиу Чена в сентябре 1910 г.

3) По обвинению того же китайца Джан Холина в ограблении китайца Ван Шикоу, в соучастии с тремя, оставшимися нераскрытыми хунхузами.

4) По обвинению китайца Лю Юшаня в ограблении, в составе шайки из 6 хунхузов, китайца Сюй Тинхо с применением жесткой пытки. По обвинению китайца Лен Цуня — подрядчика Шкотовской строительной комиссии в укрывательстве этого хунхуза и пособничества их шайке.

На основании п. 6 ст. 19 приложения к ст. 23 Общих губернских учреждений эти дела были переданы на рассмотрение Приамурского военно-окружного суда, который и приговорил хунхузов к каторжным работам [12, л. 10].

Отметим, что правонарушения, связанные с контрабандой драгоценных металлов, долгое время являлись административными, а не уголовно наказуемыми. За скупку, продажу, контрабанду золота грозило наказание в виде штрафа. Так, в октябре 1910 г. при обыске квартиры троих китайцев были найдены следующие предметы: у китайца по фамилии Тайдзы — 52 золотника золота и золотое кольцо, у Тайшина — золотые самородки, у Чей Чуа — маленькие весы, магнит, ртуть и золотой браслет.

В суде дело слушалось без присутствия прокурорского надзора и без защитника. Чей Чуа был оправдан судом, а два других китайца Тайшин и Тайдзы приговорены к взысканию штрафа в сумме вдвое больше стоимости найденного у них золота [1, с. 7].

Но с 15 ноября 1914 г. был издан запрет на вывоз золота из России.

Так, в январе 1915 г. горная полиция завела протоколы на китайских подданных Джау Тайгу и других с золотом и серебряными изделиями. Против них было возбуждено уголовное преследование за тайный вывоз золота из Российской империи за границу, несмотря на то, что китайские подданные были задержаны уже после перехода государственной границы, но до выпуска их русской таможней в пределы Китая. На основании ст. 208 Устава уголовного судопроизводства дело для рассмотре-

ния было передано прокурору Читинского окружного суда, в подсудность которого оно входило. Дело завершилось тюремным сроком для китайцев-контрабандистов [5, л. 2].

В октябре 1915 г. на станции Маньчжурия Забайкальской железной дороги был задержан китайский подданный Зунь Тяньлиня у которого были найдены скрытые в одежде русские кредитные билеты в сумме 2 тыс. руб., а в обуви — слиток золота весом 18,5 золотников. Кредитные билеты на сумму 11 150 руб. также были обнаружены в куртке у китайца Бу Финюаня. Китайцев арестовали и отправили в полицейский участок, а затем в тюрьму. Драгоценности были конфискованы [7, л. 13–14].

Тем не менее, в одном из своих циркуляров декабря 1915 г. инспектор Хабаровского таможенного участка указывает, что по имеющимся у него сведениям из Благовещенска в Харбин и во Владивосток шла систематическая отправка золота, в основном китайскими гражданами. Далее с Владивостока золото пароходами или по КВЖД следовало до Тяньцзиня, а оттуда в Шанхай. Это вытекало из того, что в адрес китайских фирм и частных лиц китайского происхождения переводились крупные денежные средства, или письмами высылались вложения кредитных билетов на огромные суммы, что не делалось до войны. Фигурировали суммы от 2 500 до 65 000 руб. За период с 20 июля 1914 по 1 апреля 1915 г. таким образом было перемещено китайцами в русские банки 138 500 руб. и 1 565 777 швейцарских франков.

Скупкой похищаемого золота занимался старшина Хабаровской китайской колонии Сунь Цзоде, который отправлял золото за границу в Шанхай. В Благовещенске скупал золото китаец Лю Бочинь, в Николаевске — Кун Шеньсе.

В Хабаровске контора, которая скупала золото — «Тасункай», размещалась на Поповской улице, дом № 40, и заведовал ею китаец Юй Кинле. Перевозчиком товара из Хабаровска во Владивосток был китаец Юй Шеенси. Владивостокскую контору возглавлял двоюродный брат Сунь Чзоде — китаец Ван Инлин. В Шанхай золото небольшими партиями по несколько фунтов доставлялось родному брату Ван Ин Лина, а далее передавалось немцам.

Контора «Тасункай» состояла из одной комнаты, в которой имелся прилавок и книги: копировальная для писем (одновременно, посылая китайца с золотом, почтой направлялось письмо для контроля) и книга для записи прихода-расхода. В конторе золото не задерживалось, а сразу пересылалось по назначению [8, л. 92].

Отметим, что хищение золота китайцами и вывоз его в Китай было вызвано тем, что курс российского рубля в годы Первой мировой войны упал вдвое по отношению к фунту стерлингов уже к 1916 г. [9, л. 39].

Продажа золота и серебра стала очень выгодна за границей.

Итак, на рубеже XIX–XX вв. на горных приисках русского востока трудились китайские рабочие — золотники. По некоторым свидетельствам современников, треть добываемого китайскими старателями золота похищалось и переправлялось в Китай. Контрабанда золота через русско-китайскую границу сопровождалась ростом уголовной преступности. На китайских старателей охотились китайские и русские бандиты, которые грабили и убивали рабочих.

### Список использованной литературы и источников

1. Благовещенск на Амуре // Сибирь. — 1887. — № 7. — С. 5–17.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 996.
3. ГАИО — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 254.
4. ГАИО — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 611.
5. ГАИО. — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 1078.
6. ГАИО. — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 919.
7. ГАИО. — Ф. 25. — Оп. 11. — Д. 117.
8. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 894.
9. ГАИО. — Ф. 600. — Оп. 1. — Д. 996.
10. Денисов В. И. Россия на Дальнем Востоке / В. И. Денисов. — Санкт-Петербург : Тип. Римана, 1913. — 151 с.
11. Обыватели и полиция // Сибирские Вопросы. — 1912 — № 20. — С. 52–66.
12. Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 2000. — Оп. 1. — Т. 3. — Д. 4193.
13. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. — Ф. 520. — Оп. 1. — Д. 53.
14. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX-начале XX веков / В. В. Синиченко. — Иркутск : ВСИ МВД России, 2003. — 150 с.
15. Синиченко В. В. МВД России и межведомственное взаимодействие в сфере правоохранительной деятельности в начале XX в. / В. В. Синиченко, И. С. Полянский, К. С. Миклошевич. — Иркутск : ВСИ МВД России, 2019. — 48 с.
16. Соловьев В. Ф. Китайские отходники на Дальнем Востоке / В. Ф. Соловьев. — Москва : Наука, 1989. — 188 с.
17. Унтербергер П. Ф. Приморская область / П. Ф. Унтербергер. — Санкт-Петербург, 1900. — 367 с.

### Информация об авторе

*Белозерцев Сергей Михайлович* — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, аспирант заочной формы обучения ФГБОУ ВО «БГУ», почтовый адрес: 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, электронный адрес: zuyn03@mail.ru.

### Author

*Sergey M. Belozercev* — teacher East-Siberian institute of the Ministry of internal affairs, postgraduate student Baikal State University, e-mail: zuyn03@mail.ru.



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.27

*В.В. КУДРЯШОВ*

УДК 94(57)

ББК 63.3

**ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ВОПРОСЫ» О ВЫБОРАХ  
В III И IV ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ В СИБИРИ  
(1907–1912 ГГ.)**

Статья посвящена анализу материалов журнала «Сибирские вопросы» по вопросам организации и проведения выборов депутатов в третью и четвертую Государственную думу России в начале XX века.

**Ключевые слова:** первая русская революция, периодическая печать, политические партии, выборы, Государственная дума, Сибирь.

*V. V. KUDRYASHOV*

**THE JOURNAL «SIBERIAN QUESTIONS»  
ABOUT THE ELECTIONS  
IN THE STATE DUMA IN THE SIBERIA (1907–1912)**

The article dedicates to analyse of materials the journal «Siberian questions» about the elections in the State Duma in the Siberia (1907–1912).

**Keywords:** the Russian revolution, periodical press, elections, the State Duma, political parties, Siberia.

История Государственной думы как высшего представительного органа дореволюционной России очень непродолжительна, насчитывает всего 11 лет с момента объявления выборов в первую думу и до роспуска четвертой. Но этот период был чрезвычайно насыщен важными событиями, ставшими судьбоносными для России. Первая русская революция дала начало народному представительству, сделала Думу законодательной. В этот период произошло становление политических партий, они приобрели первый опыт предвыборной борьбы и парламентской деятельности. В те же годы на революционные и либеральные силы обрушились репрессии, усилилась цензура и полицейский произвол.

Сибирь в Государственной думе была представлена в ограниченном виде по сравнению с европейской частью страны. Как первый закон о выборах 1906 г., так и более реакционный второй от 3 июня 1907 г. существенно сужал представительство сибирских губерний и областей в Думе. На этот факт указывали не только революционные партии, но и либералы. В этой связи интерес представляет журнал «Сибирские во-

просы», основателем которого был В.П. Сукачев, стоявший на позициях областничества. Редакторами издания в разные годы были известные либеральные деятели П.М. Головачев и А.И. Иванчин-Писарев. Хотя «Сибирские вопросы» выходили в столице, основное содержание материалов было связано с Сибирью, авторами статей были сами сибиряки, стремившиеся обратить внимание центральных властей на положение дел в Сибири. Автор данной статьи обращался к журналу «Сибирские вопросы», анализировал его материалы по выборам в первую и вторую Думы [1]. Но материалы о выборах в следующие Думы также представляют несомненный интерес: изменились условия проведения выборов, обострилась борьба различных партий. Как на эти вопросы откликнулась редакция одного из популярных в Сибири изданий?

Сразу после роспуска II Думы и опубликования нового избирательного закона П. Головачев в июньском номере журнала подробно проанализировал закон применительно к Сибири. Он указал, что закон принять с нарушением Основных законов империи, что фактически это свидетельствует о перевороте в стране [2, № 12, с. 1]. Головачев сразу отметил, что новый закон ставит Сибирь в еще более худшее положение, чем раньше: ее представительство в Думе сократилось на 14 человек (включая Степной край). Иркутск как город лишился своего представительства, Томская губерния потеряла двух депутатов, Енисейская и Тобольская губернии — по одному. Самым существенным был удар по Якутской области — она полностью утратила свое представительство в Думе. Буряты, «наиболее многочисленное и наиболее культурное инородческое племя Восточной Сибири», практически не получали такой возможности: среди 42 выборщиков от Забайкальской области буряты имели всего 15 голосов [Там же, с. 3]. Эти нормы закона вступали в противоречие с Манифестом, в котором было зафиксировано, что «иные народности, входящие в состав Державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих» [Там же, с. 2].

П. Головачев привел достаточно много цифр для сравнения населения Сибири и других губерний и областей страны, чтобы доказать абсурдность нового закона. Он пришел к выводу о предстоящем росте общественной активности инородческого населения Сибири в борьбе за «восстановление несправедливо утраченных гражданских прав». Редактор «Сибирских вопросов» справедливо указывал на необходимость равного представительства от горожан и крестьянского населения, что имело место во II Думе, но по новому закону было отменено. Он объективно оценивал возможности крестьянских депутатов, «не имеющих достаточной образовательной подготовки», что еще больше, по его мнению, затруднит постановку в Думе вопросов развития Сибири, выработки законопроектов и решение проблем.

Для П. Головачева важным и принципиальным был вопрос о тех представителях, которые будут отстаивать интересы Сибири и сибирского населения в Думе. Либеральные деятели Сибири осознавали необходимость распространения на территорию земской реформы, введения суда присяжных, разрешения переселенческого вопроса с учетом интересов местного населения. Главным инструментом достижения поставленных целей они видели Государственную думу. Поэтому еще со времен выборов во II Думу для них важнейшим лозунгом был «Беречь Думу!». Поэтому П. Головачев считал, интересы Сибири и цели крайне левых политических партий (социал-демократов и социалистов-революционеров) не совпадают. Он, как все областники, не видел развития капитализма в Сибири и отвергал наличие классовых противоречий в городе и деревне. Головачев не соглашался с позицией левых о необходимости первоначального решения главной задачи (свержения самодержавия — автор), а уже затем и местных проблем. Опыт II Думы, в которой были представлены эсдеки и эсеры, говорил, что те не стремились сберечь Думу. Поэтому Головачев рекомендовал сибирякам «уклониться от выбора в Думу подобных представителей своих нужд и интересов» [2, № 17, с. 5].

Категорически отвергал П. Головачев представителей правых реакционных сил, которые «не могут явиться сколько-нибудь полезными кандидатами... сибиряки никогда не остановят на них своего выбора» [2, № 1, с. 5]. Наилучшими представителями действительных интересов Сибири, по мысли П. Головачева, могли бы быть местные сибирские интеллигенты прогрессивного направления, хорошо разбирающиеся в проблемах Сибири, имеющие богатый опыт практической и общественной деятельности [Там же, № 17, с. 6]. Их парламентская тактика должна быть нацелена на сохранение Думы как важнейшего средства достижения местных реформ. Своей статьей П. Головачев фактически дал старт предвыборной кампании в III Государственную думу.

Выборы 1907 г. проходили в условиях репрессий к участникам революции. Депутаты социал-демократической фракции II Государственной думы были арестованы и находились под следствием. Говорить о равных возможностях участия в выборах различных политических сил было невозможно. Этим во многом можно объяснить победы правых и октябристов на выборах в III Думу. Некоторые бывшие депутаты II Государственной думы, разочаровавшись в ее возможностях, отказались баллотировать вновь. Среди них были Н.Н. Розин и П.В. Вологодский из Томска. Особые сожаления журнал высказал, что среди кандидатов в новую Думу не оказалось Г.Н. Потанина, «носителя и выразителя идей сибирского областничества» [2, № 31, с. 25].

Власти использовали разнообразные методы противодействия демократическим и прогрессивным выборщикам и кандидатам. Следовали

разъяснения спорных моментов избирательного законодательства против негодных кандидатов, снятие выборщиков, опоздания с доставкой извещений о сроках и месте проведения избирательных собраний. Но, несмотря на противодействия официальных властей, в Сибири победили кандидаты от прогрессистов, преимущественно кадетов, как отмечали «Сибирские вопросы». Некоторые из вновь избранных депутатов участвовали в революционных событиях 1905–1906 гг. и подвергались арестам. Среди них были А.А. Войлошников и Н.К. Волков — второй — от Забайкальской области.

Выборы в Сибири в III Государственную думу вновь, как и в первые Думы, затянулись. Большинство депутатов приступили к работе с 1 ноября 1907 г., шло формирование комиссий Думы, а в ряде сибирских губерний процедура выборов продолжалась. Объяснение этому факту лежало в правительственных указах по ограничению нежелательных элементов в рядах парламента. Так, в Иркутской губернии единственного депутата утверждали путем многочисленных дополнительных собраний, в т.ч. на общем заседании Думы. Только в феврале 1908 г. Т.О. Белоусов стал полноправным депутатом. В Думе он, будучи меньшевиком, вошел в состав социал-демократической фракции, был одним из самых активных депутатов. Но в 1912 г. вышел из фракции и примкнул к беспартийным. Журнал «Сибирские вопросы» предоставлял депутату Т.О. Белоусову свою трибуну, а после его демарша осудил поведение иркутского депутата.

П.М. Головачев активно пропагандировал идею сибирской парламентской группы. Эта позиция сформировалась еще в период существования первой Думы, и после начала работы третьей получила логическое продолжение. Редакция полагала, что данная группа, невзирая на свою малочисленность, сможет поставить в повестку дня острые вопросы реформирования в Сибири, на чем настаивали областники [2, № 36].

На страницах журнала часто можно встретить материалы о собраниях сибирской группы. На них присутствовал П. Головачев. Депутаты от сибирских губерний и областей стремились выработать единую позицию по вынесенным на пленарные заседания Думы вопросам. Здесь же обсуждали законопроекты, вносили предложения по их совершенствованию в интересах Сибири. Значительное место в работе депутатов было уделено текущим проблемам жизни Сибири, что выразилось в запросах правительству, участии в правительственных комиссиях в качестве экспертов.

III Государственная дума оказалась единственной, которая проработала весь отведенный ей срок. Осенью 1912 г. в России развернулась острая предвыборная борьба за место в IV Думе. Политические партии уже обладали определенным опытом, имели в своем распоряжении пе-

риодические издания, способные быть коллективными организаторами и пропагандистами. Партии располагали сетью низовых организаций, которые были связаны с рядовыми избирателями.

Избирательная борьба в IV Государственную думу получилась ярче и разнообразнее по сравнению с 1906–1907 гг. Журнал «Сибирские вопросы» продолжал достаточно подробно информировать своих читателей о сути предвыборной кампании в уездах, губерниях и областях Сибири. Информация с мест поступала из первых рук, от непосредственных участников событий. Предвыборная кампания разворачивалась вопреки действиям «полицейского государства» [3, № 22, с. 28–29].

Вновь журнал обратил внимание на необходимость создания сибирской парламентской группы. На его страницах редакция повела заочную дискуссию с М. Ветошкиным, который опубликовал в журнале «Современный мир» статью «Местные нужды и сибирская парламентская группа». В ней будущий известный советский историк с позиции социал-демократа высказался о безуспешности работы сибирской группы в Думе и предложил сосредоточить усилия всех оппозиционных сил в борьбе против правительства. В уничтожении самодержавия М. Ветошкин видел успех реформ в Сибири. Но редакция «Сибирских вопросов» категорически отвергала такой подход и ратовала за объединение депутатов окраин России, представленных в Думе. Региональная парламентская группа должна существовать и служить барьером для «вредных законопроектов», вносимых правительством, считал депутат III Думы от Тобольской губернии Н.Л. Скалозубов [3, № 23, с. 12–13].

Накануне выборов на страницах журнала была поднята тема инородческого представительства в Думе. Особую активность проявляли буряты и якуты. Они настаивали на возвращении нормы представительства, существовавшей по законодательству 1906 г. Но правительство проигнорировало данные обращения и запросы.

Публикации о предвыборной кампании на страницах «Сибирских вопросов» носили достаточно объективный характер. Хотя редакция поддерживала либеральных кандидатов, но порой критиковала и их за невыразительные и бесцветные программы и выступления на предвыборных собраниях. В то же время она отдавала должное ярким и живым выступлениям кандидатов «последовательной демократии» — так называли себя в ходе кампании 1912 г. социал-демократы. Подобная картина сложилась в Красноярске, где кандидат крайне левых Н.П. Патлых имел прекрасные шансы пройти в Думу, но власти сделали все возможное, чтобы снять его с выборной гонки [3, № 25, с. 66–69, № 26, с. 41–43].

Власти сибирских губерний и областей констатировали, что «Сибирь в третьей Думе представляла из себя печальное исключение. Ее избранные были все левые». Отсюда вытекала задача — «этот грех

необходимо исправить на выборах в четвертую Думу» [3, № 27, с. 24]. Ставка была сделана на представителей духовенства и местных чиновников высокого ранга. Местные газеты призваны были обеспечить продвижение и избрание официальных кандидатов в депутаты. Подбор выборщиков также осуществлялся властями, крестьянскими начальниками. Лиц с оппозиционными взглядами пытались всячески отстранить от выборных процедур. Но на собраниях выборщиков даже полуграмотные крестьяне умели разглядеть хитросплетения политической борьбы и интриг, отдавали предпочтение реальным защитникам своих интересов. Например, в Иркутске губернская комиссия отстранила 9 выборщиков из 20, среди которых были реальные кандидаты в депутаты Думы, но оставшиеся все-таки избрали депутатом социал-демократа (меньшевика) И.Н. Манькова. Важную роль на заключительном этапе кампании сыграли иркутские газеты «последовательной демократии», которые редактировал известный историк и член РСДРП Н.А. Рожков.

Подводя итоги, можно констатировать, что журнал «Сибирские вопросы» стремился глубоко и всесторонне разрабатывать вопросы политической и общественной жизни региона. Особое место на страницах издания уделялось выборам в Государственную думу. Редакция и ее корреспонденты с мест критически относились к действиям правительства, к законодательству, существенно ограничившему права и свободы граждан России. Отстаивая в целом либеральную модель развития Сибири, журнал активно сотрудничал с сибирской депутатской группой, в отдельных вопросах поддерживал социал-демократов.

### Список использованной литературы и источников

1. Кудряшов В. В. Журнал «Сибирские вопросы» о выборах в Государственную думу в Сибири (1906–1907) / В. В. Кудряшов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. — Иркутск : изд-во БГУ, 2019. — С. 320–326.
2. Сибирские вопросы. — 1907.
3. Сибирские вопросы. — 1912.

### Информация об авторе

*Кудряшов Василий Васильевич* — к.ист.н., доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40. e-mail: vas60kud@mail.ru.

### Author

*Vasily V. Kudryashov* — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709. e-mail: vas60kud@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.28

*Н.Н. ЛЕБЕДЕВА*

УДК: 37.01

ББК: 74.03(2)

## **СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ВПИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Статья посвящена анализу причин низкой эффективности системы «инородческого» образования ведомства православного исповедания на территории Восточной Сибири в 1880–1900-е гг.

**Ключевые слова:** миссионерские церковноприходские школы, Иркутская и Енисейская губернии, метод Н.И. Ильминского.

*N.N. LEBEDEVA*

## **THE SYSTEM OF NATIVE SCHOOLS DEPARTMENT OF ORTHODOX CONFESSION EASTERN SIBERIA AT THE TURN OF THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES**

The article is devoted to the analysis of the reasons for the low efficiency of the system of native education of the Orthodox confession department in Eastern Siberia in the 1880–1900s.

**Keywords:** missionary parochial schools, Irkutsk and Yenisei provinces, method N.I. Ilminsky.

Восточная Сибирь вошла в поликультурное образовательное пространство России еще до исследуемого периода, однако некоторые проблемы этой интеграции так и не были решены. Часть из них обусловлена исторически сложившимися особенностями, с которыми в свое время столкнулось еще духовное ведомство.

К тому же в настоящее время происходит смена приоритетов в оценке деятельности Русской православной церкви в дореволюционный период. Одной из ярких страниц ее деятельности в Восточной Сибири была христианизация и просвещение коренных народов. Однозначно негативную оценку миссионерства, характерную для советской историографии, на современном этапе постепенно сменяет более корректное отношение к деятельности РПЦ на ниве народного просвещения, восстанавливающее историческую справедливость.

Начальные школы для детей коренных народностей Восточной Сибири начали появляться с 70-х гг. XIX века. Население инородческих приходов иногда сознательно сопротивлялись открытию в них школ из

боязни, что «с распространением среди инородцев грамотности их приравняют к крестьянам».

В восточносибирский округ входили две губернии — Иркутская и Енисейская. Нерусское население региона составляло 33,1 %: бурят — 14,28 %, якутов — 11,18 %, эвенков — 2,32 % и т.д. Прибайкальские буряты были в значительной степени русифицированы, они частично освоили уклад жизни русского населения и понимали русский язык. Несмотря на исключительное стремление бурят к знаниям, подчеркивавшееся в рапортах священниками-миссионерами, лишь ничтожная часть бурятских детей имела возможность посещать школу.

В Енисейской епархии сагайские и качинские татары, как и иркутские буряты Балаганского округа, проявляли большое стремление к грамотности, в то время как представители нерусских народностей Туруханского края уклонялись от открытия школ до такой степени, что разрешали брать детей в училище только за большую плату. Это объяснялось тем, что представители коренных народов Ачинского и Минусинского округов уже в значительной степени обрусели, тогда как ханты-мансийские народности вели кочевой образ жизни и находились на низком уровне развития. Для привлечения детей коренных народностей в Туруханскую миссионерскую школу благочинный округа совершал поездки по кочевьям.

С 1884 г., после издания «Правил о церковноприходских школах», миссионерские школы становятся подвидом церковных школ: с этого момента им задавались общие цели и задачи, программы и рамки деятельности. Учебный процесс миссионерских школ был постепенно переориентирован на систему преподавания церковноприходских. Различались они только спецификой контингента учащихся.

Иркутскими миссионерами отмечались большие способности и исключительное стремление к знаниям бурятских детей: выучив за первые год или два русский язык, они зачастую обгоняли русских сверстников. Преподавателями школ для коренного населения была подмечена высокая эффективность совместного обучения детей разных национальностей, т. к. в этом случае они очень быстро выучивали языки друг друга. В Иркутской епархии основной контингент учащихся миссионерских школ составляли буряты. Енисейская епархия имела татарские школы — Усть-Фыркальскую, Верхне-Усинскую, Усть-Эсинскую (Минусинский округ), Божиезерскую, Покровскую (Ачинский округ); в северных Верхне-Имбатской, Тазовской (в 1900 г. открытой дьяконом Григорием Мелетовым) и двух Туруханских школах обучались долганы, остяки, тунгусы, якуты.

Иркутский миссионерский комитет намного щедрее, чем аналогичный Енисейский, финансировал училища, к тому же иркутские купцы делали крупные пожертвования «на просвещение инородцев». В то же время школы, например, Туруханского края поражали своим жалким состоя-



нием. Нехватка интернатов, именованными в те времена «ночлежными приютами», являлась серьезной проблемой, затруднявшей комплектование школ в обеих епархиях.

В Енисейской епархии дело обучения грамоте детей коренных национальностей обстояло в целом несравненно хуже, чем в Иркутской. Денежные средства Енисейского комитета православного миссионерского общества, спонсировавшего школьное дело, были весьма скромны, что и объясняло неравномерность развития сети школ в соседних епархиях. Так, в период 1885–1899 г. в Иркутской епархии количество миссионерских школ увеличилось с 13 до 42, а численность учащихся возросла с 240 до 838 человек; в то время как в соседней губернии число школ повысилось с 3 до 12, а количество учащихся — с 73 до 220. Можно сделать вывод, что за временной промежуток в 14 лет миссионеры Енисейской епархии пришли к тому уровню, с которого начинали просветители коренных народностей Иркутской губерний.

Епархиальная администрация настаивала на личном ведении учебных занятий в «инородческих» школах священниками-миссионерами. Однако практически это было нереально для миссионера, имевшего в своем ведении до 10 тыс. и более христианизированных и некрещеных «инородцев», поэтому преподаванием в миссионерских школах занимались или псаломщики, или жены миссионеров.

В 1885 г. церковные школы в Иркутской епархии существовали уже при 10 станах, в них обучалось 344 мальчика и 131 девочка. В 1884 г. в Енисейской епархии имелось 12 миссионерских приходов двух миссий — Минусинской и Туруханской, в каждом из которых состояло по одному священнику и псаломщику; миссионерские школы появились здесь только в 1889 г.

Для такого выдающегося церковного деятеля Восточной Сибири как архиепископ Иркутский Вениамин «правильно поставленное просвещение необходимо... к обрусению инородцев», причем «главным условием такого образования должно быть то, чтобы оно было общее для всего русского народа... особое образование с исключительными льготами и почетительными отношениями к инородцам, поведет только к развитию в них национального самомнения и еще большему отчуждению от русских» [3, с. 342]. Многие миссионеры-просветители действовали с позиций так называемого культуртрегерства, настаивая на русификации коренного населения. В 1885 г. в Иркутске на собрании сибирских архиереев (Иркутского, Енисейского, Томского и Камчатского) среди прочего были приняты постановления об обязательности употребления русского языка в школе и официальной переписке среди сибирских инородцев, а также об усилении миссионерской деятельности, в том числе распространением просвещения.

Особенностью миссионерских школ на всем протяжении их существования было несоответствие возрастов учащихся классам, в которых

они обучались. В младших группах дети изучали русский язык (чтение и письмо), молитвы и начатки христианского учения, а в старших к этому добавлялись катехизис, Священная история, церковный устав, церковное пение, арифметика и общие сведения из русской грамматики, истории, географии.

Школы православной миссии в Иркутской епархии в основном помещались в домах священников и псаломщиков, а в Енисейской епархии — в наемных и приспособленных помещениях. В миссионерские школы принимали преимущественно крещеных детей, но в случае наличия места в интернатах принимались и дети-язычники. Некоторые миссионеры прилагали старания подготовить учителей для улусных школ грамоты из учеников своих школ, но эти попытки не увенчивались успехом, так как родители почти никогда не давали детям возможности пройти полный курс обучения. По мнению священников-миссионеров, распространение грамотности должно было избавить коренное население от пьянства, картежной игры, воровства, лени и других пороков.

Если в Иркутской епархии уже довольно давно велась работа по переводу литературы на бурят-монгольское и иные наречия бурятского языка, то в Енисейской епархии при большем разнообразии народностей, а также серьезных диалектных отличиях внутри одного и того же нерусского языка, эта работа велась очень медленно. Наиболее заметными являлись переводческие работы енисейских миссионеров о. С. Чисмочакова, о. М. Сулова, о. В. Кузьмина.

В отличие от Иркутской епархии Енисейская не имела прочных миссионерских традиций. Отсутствовали и опытные священники-миссионеры, знающие остяцкий, вогульский, татарский и прочие языки. Епархиальное начальство дозволило прием в Красноярское духовное училище: в 1890 г. уже обучалось 4 юношей из туруханских остяков и минусинских татар. Ставился также вопрос об организации центральной миссионерской школы в Туруханске или при Троицком монастыре (в Иркутской епархии подобная школа действовала при Иркутском Вознесенском мужском монастыре) для будущих миссионеров из числа «инородцев»-прозелитов. Лучших из них предполагалось направлять в Бийскую катехизаторскую школу, а затем в качестве псаломщиков-учителей — в причты инородческих приходов. Делались попытки вызова в Туруханский край якутов, окончивших курс в Якутской духовной семинарии. Аналогичная проблема подготовки миссионерских кадров стояла, хотя и не так остро, в Иркутской епархии: в церковных школах детям коренных национальностей давались стипендии с условием обязательной дальнейшей работы выпускников в качестве катехизаторов и учителей в миссиях Иркутской епархии и Забайкалья.

Обучение в «инородческих» школах могло вестись двумя методами. «Натуральный» метод сводился к механическому заучиванию наизусть

русских слов, молитв, целых рассказов. От детей требовалось серьезное напряжение всех душевных сил и особенно памяти. Коренные народности Сибири неохотно посылали детей в такие школы, которые усиливали их враждебность к русским, затрудняя их русификацию, делая невозможной ассимиляцию с русским населением.

Метод Н.И. Ильминского, применявшийся только в 6 школах Иркутской епархии, был основан на обучении на языках аборигенного населения. Исследования подтверждали, что система Ильминского пробуждала в детях коренных национальностей живой интерес к школе, уважение к учителям и склонность к ассимиляции с русским населением. Особое совещание по вопросам просвещения восточных инородцев, состоявшееся в 1905 г., пришло к выводу о необходимости перевода всей системы «инородческого» просвещения на метод Ильминского. От учителей в такой школе требовалось широкое знакомство с живым языком, бытом и нравами иной народности. Школы подобного типа должны были быть организованы в обеих восточносибирских епархиях.

В тундровой зоне Туруханского края от православной миссии работали специальные катехизаторы — светские лица, попутно с огласительными беседами занимавшиеся обучением детей.

Обучение детей кочующих народов происходило в дымном чуме, у костра, сидя на земле на оленьих шкурах. Ученики осваивали русскую грамоту и краткие молитвы, письму было обучать невозможно. Низкую эффективность деятельности Туруханской миссии объяснялась нерациональным способом ее организации: созданием обычных приходов, возглавляемых белым духовенством, в то время как работа по христианизации и просвещению кочевников была под силу только монашествующим миссионерам.

Обследование миссионерских станов Иркутской епархии, проводившееся в 1909 г., показало отход всех крещеных представителей коренных национальностей обратно в ламаизм и снижение эффективности работы миссионеров. Так, если в 1873–1884 гг. в Иркутской епархии было крещено 31 212 чел., а в Енисейской — также более 30 тыс., то в 1911–1914 гг. количество новокрещеных измерялось десятками [6, с. 289]. Это объяснялось сокращением в 1907 г. средств, отпускаемых на содержание инородческих училищ православным миссионерским обществом, вследствие чего началось «культурное отступление» русского влияния.

В 1901 г. в Иркутской епархии существовало 46 школ с 907 учащимися, а 1915 г. — всего 12 школ. Согласно переписи населения 1897 г., процент грамотных среди населения Сибири в целом составлял для мужчин и женщин 19,2 и 5,1 % соответственно, а для национального населения Сибири эти показатели составляли 8,1 и 1,6 % соответственно [1, с. 192]. Учительский съезд, прошедший после октября 1917 г., постановил за-

крыть все инородческие школы ведомства православного исповедания, «так как церковноприходские и миссионерские школы являлись орудием русификаторской и реакционной политики павшего самодержавия».

Сравнительно высокую эффективность работы Иркутской миссии косвенно подтверждается свидетельством известного сибиреведа И.И. Серебренникова: «Иркутские буряты больше грамотны по-русски, чем по-монгольски, забайкальские — наоборот... Они обнаруживают большую склонность к просвещению и образованию и не жалеют на это средств» [4, с. 210]. Не вызывает сомнения тот факт, что, несмотря на все трудности и стремление к русификации коренных народностей Севера и Сибири в ущерб их национальной самобытности, миссионерские церковные школы способствовали распространению грамотности среди инородческого населения и, в конечном итоге, — формированию национальной интеллигенции и росту самосознания у коренных народностей Восточной Сибири.

### Список использованной литературы и источников

1. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР / И. М. Богданов. — Москва : Статистика, 1964. — 199 с.
2. Вениамин (Благодравов), архиеп. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. — Санкт-Петербург : Синодальная тип-я, 1885. — 45 с.
3. Вениамин (Благодравов), архиеп. Обязанности русского государства по обращению иноверцев к Русской православной церкви // Труды православных миссий Иркутской епархии (1878–1883 гг.). — Т. 4. — Иркутск : Тип-я Е. Синицына, 1886. — 678 с.
4. Серебренников И. Сибиреведение / И. Серебренников. — Харбин, 1920. — 256 с.
5. Серебренников В. Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 года / В. Серебренников // Сибирские вопросы. — 1907. — № 17. — С. 15–22; № 18. — С. 15–21
6. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.) / Отв. ред. Н. Л. Смирнов. — Москва : Наука, 1967. — 289 с.

### Информация об авторе

*Лебедева Надежда Николаевна* — доцент, кандидат исторических наук, кафедра истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, Иркутская область, г. Братск, ул. Макаренко 40, e-mail: [naukova\\_bratsk@mail.ru](mailto:naukova_bratsk@mail.ru).

### Author

*Nadezhda N. Lebedeva* — Ph.D. in History, Chair of History, Pedagogy and Psychology, Bratsk National University, 40, Makarenko str., Bratsk, 665709, e-mail: [naukova\\_bratsk@mail.ru](mailto:naukova_bratsk@mail.ru).

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.29  
УДК 903  
ББК 63.3(2)6

Т.А. ЛЯХ

## СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В Г. БРАТСКЕ В 1955–1991 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОКУРАТУРЫ

В статье приведены и проанализированы данные о динамике преступности, представлены общие направления преступной деятельности в городе Братске в 1955–1991 гг. Также рассмотрены причины роста преступлений. Исследование региональных показателей динамики преступности в Иркутской области на современном этапе является значимым этапом в формировании представления о распространении социальных аномалий в советский период. В научный оборот введены не использованные ранее в публикациях архивные материалы прокуратуры.

**Ключевые слова:** преступность, Братск, убийства, грабежи, хулиганство, история повседневности, распространение преступности, СССР.

Т.А. ЛЯХ

## THE STATE OF CRIME IN BRATSK IN 1955–1991 ACCORDING TO THE PROSECUTORS

This article presents and analyzes data on the dynamics of crime, presents the General directions of criminal activity in the city of Bratsk in 1955–1991. Also, the causes of the growth of crimes are considered. The study of regional indicators of crime dynamics in the Irkutsk region at the present stage is a significant step in the formation of ideas about the spread of social anomalies in the Soviet period. The archival materials of the Prosecutor's office not previously used in publications have been introduced into scientific circulation.

**Keywords:** crime, Bratsk, murder, robbery, hooliganism, history of everyday life, the spread of crime, USSR.

Проблема девиантного поведения в повседневности сама по себе является актуальной во все времена и во всех обществах. Общество пыталось устранять нежелательные для него проявления человеческой жизнедеятельности, отклоняющиеся от принятых в данном обществе правил (норм), путем воздействия на носителей этих проявлений. Методы и средства воздействия определялись социально-экономическими отношениями, общественным сознанием, идеологией господствующих в обществе сил (государства, классов, церкви), обычаями и традициями.

Извечным вопросом остается дихотомия «норма-аномалия», и она пронизывает все сферы повседневной жизни. В любом обществе существуют правила, формально нигде не закрепленные. Это нормы морали, обычаев, традиций. Они связаны с господствующим в обществе представлением о добре и зле, складываются в результате их многократного повторения, исполняются в силу привычки, ставшей естественной жизненной потребностью человека. Правила такого рода составляют основу ментальности населения, в свою очередь тесно связанной со стилем его повседневной жизни. Поведенческие стереотипы личности в значительной мере формируются под влиянием быта. И в то же время особенности и формы быденной жизни человека являются выражением присущих ему социально-культурных ориентиров, восходящих к историческим устоям общества.

В последнее время в средствах массовой информации очень часто можно услышать об «идеализации» советского общества. Однако девиация имела место и в то время, что очень часто замалчивается.

Обращение к региональным показателям уровня преступности в Иркутской области на современном этапе является значимым этапом в формировании представления о распространении преступности в советский период.

В 1950–1970-х гг. происходит освоение лесных, энергетических, минерально-сырьевых и водных ресурсов на территории Восточной Сибири, в том числе и в Иркутской области, что в свою очередь способствовало формированию ряда индустриальных городов. Одним из таких является Братск, получивший статус города в 1955 г.

Этап интенсивной модернизации накладывал определенный опечаток на повседневную жизнь населения нового города, а также на структуру и развитие различных форм преступности.

Уголовном кодексе СССР от 1960 г. дано следующее определение преступления: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» [1, ст. 7].

В 1959 г. население г. Братска составляло 51 тыс. человек. К 1967 г. этот показатель возрос до 122 тыс., а в 1970-м г. население города составляло 155 тыс. [7]. Такой рост численности объясняется началом строительства города и Братской ГЭС, что нашло свое отражение в динамике преступности. В связи со строительством Усть-Илимской ГЭС, г. Братск стал перевалочным пунктом, из-за чего количество преступлений существенно увеличилось [6, л. 37].

Для начала стоит обратиться к статистике. За 9 месяцев 1965 г. было совершено много уголовных преступлений, в результате 116 человек были привлечены к ответственности. Среди арестованных 13 человек нигде не работали. Из числа переданных суду за совершенные преступления каждый 4 был уже ранее судим. 89 % преступлений были совершены в состоянии алкогольного опьянения [9].

По отчетам прокуратуры за 9 месяцев 1967 г. было совершено 502 преступления. За этот же период 1968 г. было совершено 575 преступлений [6, л. 33].

Таблица 1

**Динамика видов преступлений за 1967–1971 годы**

Виды преступлений	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.
Умышленные убийства	8	25	6	3	4
Изнасилования	12	19	–	3	4
Тяжкие телесные повреждения	–	–	8	13	20
Разбой	–	–	26	8	7
Грабежи	–	–	57	43	92
Хулиганство	–	–	20	51	

С 1970 г. уровень преступности к 1971 г. возрос на 48 % [6, л. 30].

Таким образом, несмотря на абсолютный рост преступлений, нельзя сделать вывод, что в городе возросла преступность как антисоциальное явление, поскольку население за период с 1959–1970 гг. существенно увеличилось.

Ухудшению криминальной обстановки в г. Братске способствовали также условно-освобожденные.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятия народного хозяйства» на Братскгэсстрой прибыло 3 047 человек [6, л. 7]. Также по этому указу запрещалось увольнять условно-осужденных, однако такие случаи неоднократно были зафиксированы на предприятиях г. Братска [Там же, л. 2].

Из прибывших в 1964 г. 558 человек было осуждено за тяжкие, а 428 за особые тяжкие преступления. Например, гр. С жестоко избил и утопил своего отца, а гр. Р. под угрозой ножа в извращенной форме изнасиловал гр. Г. Гр. А. был директором школы в г. Владивостоке. Он создал группировку из несовершеннолетних мальчиков, с которыми вступал в акты мужеложества [Там же, л. 34]. Условно освобожденный К., ранее осужденный за хулиганство на 3 года, 20 декабря 1964 г. в состоянии

алкогольного опьянения нанес телесные повреждения С., ударив его табуреткой по голове [Там же, л. 4].

С момента прибытия условно освобожденных в г. Братск до 20 декабря 1964 г. было совершено 730 различных правонарушений, из них 98 уголовных, 316 случаев доставки в медвытрезвитель, 216 хулиганств. Однако стоит отметить, что по данным прокуратуры на путь исправления встали 1 440 человек и говорить о совершении преступлений только условно-освобожденными нельзя [Там же, л. 23].

В 1972 г. по сравнению с 1971 г. уровень преступности увеличился на 54 %. В 1973 г. уровень преступности возрос еще на 28 % [Там же, л. 3].

Материальное положение граждан и желание поживиться накладывало свой отпечаток на уголовную статистику.

В статье газеты «Красное Знамя» за 1974 г. отмечалась усиленная работа органов внутренних дел по профилактике преступлений. Однако, не смотря на значительную деятельность суда и прокуратуры, тенденция по совершению таких преступлений как кража личного имущества граждан, угон автотранспорта оставалась довольно высокой. Зачастую квартирные кражи совершались из-за нерадивости самих хозяев жилплощади [9].

Кражи совершались не только из-за их безалаберности. В 1974 г. гражданин К. оставил свою машину на улице, он не предпринял никаких мер, предотвращающих доступ в кабину посторонним лицам. В результате этим воспользовался рабочий Вихоревского лесокомбината С. Он увидел машину, стоящую на обочине и не думая о последствиях сел в нее, включил передачу и поехал, но был задержан [Там же].

Очень часто в отчетах прокуратуры и на страницах периодической печати можно было встретить сообщения о хулиганстве.

11 апреля 1966 г. в пос. Порожский гр. Н. из хулиганских побуждений выстрелом ружья убил тов. Я. Расследованием было установлено, что Н. и ранее проявлял хулиганские действия, связанные со стрельбой из ружья. Против него было возбуждено уголовное дело, но по неизвестным причинам оно было прекращено, что позволило Н. совершить более тяжкое преступление.

В 1966 г. гр. Г — рабочий Чекановского ДОКа и гр. Д. — шофер АТУ — вышли пьяные из подъезда дома № 11-б по ул. Подбельского. Оба безобразничали, сквернословили. На замечание гр. К. гнусно обругали женщину. Прозвучала пощечина — плата за незаслуженное оскорбление. Тогда двое хулиганов напали на супругов К. [Там же].

В отчетах прокуратуры за первое полугодие 1967 г. была приведена следующая статистика по количеству доставленных в случае совершения хулиганских действий рабочими предприятий г. Братска: ДБЛПК — 49; УСБЛПК — 29; УСГБ — 22; ДБРАЗ — 49 [л. 27].



Дорожно-транспортные происшествия были еще одной составляющей преступлений в городе. Так, за 4 месяца 1966 г. ГАИ было оштрафовано 98 человек, за 4 месяца 1967 г. — 93 человека [Там же, л. 189]. За 8 месяцев 1966 г. нарушения ПДД привели к 4 случаям летального исхода, тогда как в 1967 г. количество смертей на дороге составило 8 случаев. За 8 месяцев 1967 г. ГАИ было привлечено к ответственности за нарушение ПДД 1248 человек и более половины из них находились в состоянии алкогольного опьянения. В результате прав было лишено 104 человека [Там же, л. 74].

Значительная часть преступлений и правонарушений совершалась в общежитиях и в квартирах. Основной причиной хулиганских проявлений на бытовой почве являлось пьянство.

В конце августа 1975 г. гражданин Д. выехала на вверенном ему катере на отдых в компании своих родственников. В пути следования, в открытом море, он передал штурвал несовершеннолетнему подростку Д. В результате произошло столкновения катера и дрейфующей самоходной баржи. На борту баржи образовалась пробоина, но вместо того, чтобы помочь Д. скрылся. Преступление вскрылось только тогда, когда труп механика баржи П. принесло в речной порт БЛПК. Помимо П. на барже находилось еще 4 человека.

В городе Вихоревка трое мужчин совершили ограбление магазина, угрожая ножом и обрезом, взяли из кассы тысячу рублей, зарезали продавщицу и нанесли тяжкие телесные повреждения уборщице.

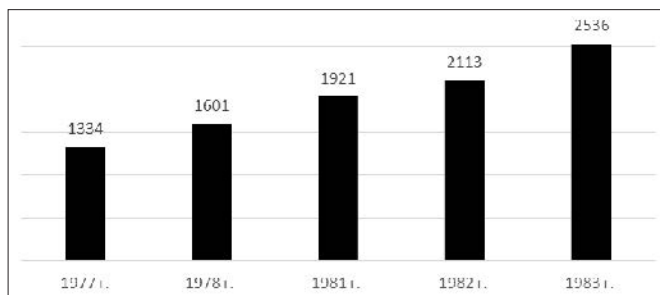
Подобный инцидент случился в магазине № 10 в пос. Чекановский. Двое неизвестных попытались украсть выручку, которую готовили для сдачи инкассатору. Однако благодаря самоотверженности продавца и подошедших ей на помощь мужчин, преступников удалось задержать [9].

В 1976 г. рабочая РМЗ БЛПК гр. В. имела 2 судимости и была условно-досрочно освобождена, но систематически употребляла спиртное, вела аморальный образ жизни, однако никакой воспитательной работы коллектив завода не проводил. В феврале 1976 г., находясь под действием спиртосодержащей жидкости, она убила своего сожителя топором [6, л. 38].

В одной из статей газеты «Красное Знамя» за 1977 г. отмечалось, что люди, совершающие хулиганство, не считают это правонарушением. Зачастую общественность равнодушно относилось к подобным проделкам. Можно привести в пример следующий случай. В автобусе компания парней разговаривала на повышенных тонах и допускала в своей речи нецензурную брань. Возмущился лишь гр. Б, на что получил удар кулаком в лицо. Молодые люди не вели бы себя так нагло, если бы гр. Б. поддержали все пассажиры автобуса [9].

Как отмечает в своей книге Я.Г. Глинский, «имеется много традиционных и современных форм девиантного поведения, которые иногда могут быть квалифицированы как противоправные (хулиганство, или вандализм, или самоуправство), но чаще всего заслуживают общественного удивления, порицания, возмущения, снисхождения и иных неформальных реакций» [8, с. 56].

### Средний рост количества преступлений с 1977 по 1983 г.



В 1978 г. слесарь БЛПК в помещении завода в рабочее время устроил пьянку, в результате между собутыльниками случилась ссора и во время пьяной драки произошло убийство [6, л. 38].

К 1979 г. население г. Братска возросло до 244 тыс. человек, что тоже нашло отражение в росте количества преступлений [7].

Статистические данные за 6 месяцев 1989 г. свидетельствовали о том, что темпы роста преступности в городе оставались высокими. По линии уголовного розыска было зарегистрировано 2 005 преступлений, что на 554 больше, чем за аналогичный период 1988 г.

Если сравнивать показатели преступности в г. Братске с областными, то в Иркутской области в 1988 г. было зарегистрировано 36 693 преступления, а в 1989 г. уже 42 904 [10].

В 1991 г. наибольший рост по видам преступлений составили кражи авто-мото-транспорта. За 1990 г. и за 4 месяца 1991 г. было зарегистрировано 440 краж автотранспорта и 244 угона. Кражи и угоняли практически отовсюду [9].

Советским законодательством была предусмотрена уголовная ответственность не только за тяжкие преступления, но и за подделку документов. Тенденция, связанная с незаконной пропиской, для получения дополнительной жилой площади, являлась очень распространенной в городе.

Проанализировав отчеты прокуратуры, можно сделать вывод, что в г. Братске особое распространение получили такие формы преступного поведения, как хулиганство, кражи, угоны автотранспорта, зачастую подобные действия совершались в состоянии алкогольного опьянения.

Что касается предупредительных действий в отношении роста преступности, то прокуратурой отмечалось, что учреждения, которые должны заниматься предупреждением подобной деятельности, проявляли халатность, а в работе по надзору работники спецкомендатуры не согласовывали свои действия с милицией и не занимались воспитательной работой.

Отдельные работники административных органов с целью создания мнимого благополучия на своих участках, а зачастую и с целью прикрытия своей бездеятельности, нежелания заниматься расследованием дел о хулиганстве, допускали грубые извращения в применении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за хулиганство» [9].

В отдельные периоды прокуратурой предпринимались мероприятия в виде отработки по месту жительства. В Центральном районе в ходе мероприятий были выявлены многие сотни различных нарушений, десятки лиц, ведущих паразитическое существование, сотни злостных алкоголиков, много неработающих подростков, десятки неблагополучных семей, масса нарушений паспортных правил. Все это было выявлено путем простого обхода квартир, домов. Однако учреждения, которые должны заниматься предупреждением подобной деятельности, проявляли халатность.

Говоря о преступности в городе, следует назвать предприятия и организации с высоким уровнем антиобщественных проявлений.

Часто правонарушения совершали лица, работающие на некоторых заводах лесопромышленного комплекса, на предприятиях «Востокэ-нергомонтаж», УС БЛПК, «Востоксиблесосплав», УСГБ, «Капремонт», в подразделениях УРСа, в леспромхозах и т.д. В названных коллективах воспитательная работа не велась на должном уровне [9].

Существует определение: «причиной конкретного преступления является взаимодействие негативных нравственно-психологических свойств личности, сложившихся под влиянием неблагоприятных условий нравственного формирования индивида, с внешними объективными обстоятельствами (конкретной ситуацией), порождающими намерение и решимость совершить данное преступление, либо способствующими этому» [5, с. 3].

Можно сделать вывод, что наличие у индивида негативных нравственно-психологических свойств и качеств, приобретенных под влиянием неблагоприятных условий нравственного формирования способствует совершению преступлений.

Во многих случаях именно слабое правовое воспитание граждан влияло на динамику преступлений. 23 июля 1966 г. Советом Министров СССР было принято постановление № 571 «О мерах по усилению борь-

бы с преступностью», которое предписывало всем партийным, советским органам, руководителям органов народного образования и др. обратить внимание «...на необходимость решительного улучшения воспитательной и культурно-массовой работы среди населения и прежде всего с молодежью на предприятиях, стройках, в учебных заведениях, учреждениях и по месту жительства» [2].

Стоит отметить общее отставание Сибири по уровню социально-экономического и культурного развития и специфику состава населения Сибири, в котором более значительную долю занимали криминальные элементы, что сыграло существенную роль в увеличении количества преступлений.

### Список использованной литературы и источников

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс». — Документ утратил силу.
2. О мерах по усилению борьбы с преступностью : Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 23.07.1966 № 571 // СПС «КонсультантПлюс». — Документ утратил силу.
3. Об ответственности за хулиганство: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 г. // СПС «КонсультантПлюс». — Документ утратил силу.
4. Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.03.1964 г. // СЗ СССР. — 1964. — № 6. — Документ утратил силу.
5. Алексеев А. И. Причины преступлений и их устранение органами внутренних дел / А. И. Алексеев, А. Б. Сахаров. — Москва : МВШМ МВД СССР, 1982. — 47 с.
6. Архивный отдел организационно-контрольного управления администрации г. Братска. — Ф. 131 (Прокуратура г. Братска, г. Братск, Иркутской области). — Оп. 1. — Д. 4, 8, 10, 14, 15, 16, 20, 22, 26, 28, 30, 32, 33, 34, 35.
7. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских населений, сел-райцентров и сельских поселений с населением свыше 5000 человек // ДемоскопWeekly. — URL: [http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70\\_reg2.php](http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php) (дата обращения: 13.02.2019)
8. Гилинский Я. Г. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Г. Гилинский. — Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. — 520 с.
9. Красное Знамя. — 1955–1991.
10. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. — Москва : Финансы и статистика, 1992. — 176 с.

### Информация об авторе

Лях Татьяна Анатольевна — магистрант, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1, e-mail: [tan-ya.liax@yandex.ru](mailto:tan-ya.liax@yandex.ru).

### **Author**

*Tatiana A. Lyakh* — master's degree, Department of Russian history, Irkutsk state University, Irkutsk, Karl Marx street, 1, e-mail: tanya.liax@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.30

УДК 355.134(477.6)

ББК 68.424.37(4Укр)

*А.Е. МЕНЬШАГИН*

*Е.В. МЕНЬШАГИН*

*В.Ю. ПЕРЕВОЗНИКОВ*

## **К ВОПРОСУ О НАГРАДАХ И НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ ДНР И ЛНР В 2014–2019 ГГ.**

Начиная с 2014 г. ситуация на Украине напоминает тот период, когда Россия была ввергнута в пучину Гражданской войны 1917–1922 гг. Изучение проблемы становления и развития наградной системы непризнанных республик ДНР и ЛНР позволяет глубже понять реалии Гражданской войны 1917–1922 гг. в России.

**Ключевые слова:** Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, наградная система, награды.

*A.E. MENSHAGIN*

*E.V. MENSHAGIN*

*V.YU. PEREVOZNIKOV*

## **TO THE QUESTION OF DPR AND LPR STATE AWARD SYSTEM IN 2014–2019**

Since 2014 the Ukrainian political situation has been reminiscent of the period when Russia was ravaged by the Civil War of 1917–1922. Studying the problems of the establishing and development of the award system of the unrecognized republics of Donetsk and Lugansk allows us to understand more clearly the realities of the Civil War of 1917–1922 in Russia.

**Keywords:** Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, award system, awards.

Государство с момента своего возникновения в решении ряда экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических вопросов привлекает различные слои и категории граждан, поощряя их в материальном отношении. Но для достижения большего эффекта государство вынуждено использовать различные дополнительные рычаги, в том числе и определенные моральные стимулы, к числу которых относятся знаки отличия, являющиеся обязательными к ношению атрибутами, подчер-

квивающими заслуги награжденного перед государством. Однако же одновременно перед государственными органами в полной мере встают проблемы награждения за определенный вклад, который внес отмеченный наградой гражданин, и в какой сфере он внес вклад, а значит, дифференцирования награды, развития определенной иерархии, и, как итог, — создание и развитие наградной системы. Эта ситуация является закономерностью в развитии любого государства и прослеживается практически в любой период существования человеческой цивилизации.

В 2014 г. следствием развития кризиса на Украине явилось появление двух государств — Донецкой и Луганской Народных Республик. Донецкая Народная Республика была провозглашена в пределах территории Донецкой области Украины 7 апреля 2014 года, в ходе массовых протестов против нового руководства страны, пришедшего к власти в результате Евромайдана. 12 мая, после состоявшегося днем ранее референдума о самоопределении и на основании декларации о суверенитете от 7 апреля, была провозглашена независимость ДНР. Луганская Народная Республика была провозглашена в пределах территории Луганской области Украины 27 апреля 2014 года, в ходе массовых протестов против нового руководства страны, пришедшего к власти в результате Евромайдана. 12 мая, после состоявшегося днем ранее референдума о самоопределении Луганской Народной Республики, власти ЛНР объявили независимость, а также подписали договор с Донецкой Народной Республикой о создании Новороссии (в 2015 году союз был заморожен ради реализации Минских соглашений). Отношения вновь провозглашенных республик с центром происходили только в военной плоскости. В этот период выработывалась идеология, а вместе с ней и символика непризнанных государств.

Появились и развивались государственные институты. И не последнюю роль в создании государственности республик сыграла наградная система как система мотивирования и поощрения граждан в трудовой и военной сферах [9, с. 128].

Вопрос о наградах для милиции во вновь провозглашенных республиках встал остро в связи с необходимостью мотивации бойцов и командиров, ведущих борьбу против частей и подразделений Вооруженных Сил Украины, участвующих в антитеррористической операции, направленной на подавление какого-либо сопротивления граждан ЛНР и ДНР. Причем, по замыслу создателей наградной системы, наградные знаки в основе своей должны были демонстрировать преемственность с наградами Российской империи и СССР.

Среди источников по рассматриваемой теме — собрание документов фалеристического содержания (наградные документы, представления на награды, отрывочные данные с сайта «Миротворец»), без изучения

которых невозможно в полной мере представить процесс становления и развития наградной системы республик ДНР и ЛНР. Немаловажная роль фалеристики также в исследовании общественной, социальной и индивидуальной психологии.

Несмотря на большой интерес к наградным и отличительным знакам, в научный оборот не введена до сих пор большая часть этих источников. В процессе работы было рассмотрено более 90 наград, наградных и отличительных знаков и значков различных организаций.

При анализе наградной системы республик Новороссии (ДНР, ЛНР) прослеживается четкая градация наград.

Награды ДНР и ЛНР подразделены на:

1. Индивидуальные, за конкретный подвиг (ордена, медали, наградное оружие).
2. Коллективные памятные (медали, знаки).
3. Наградные знаки.
4. Знаки принадлежности к воинским формированиям (знаки, медали).
5. Общественные наградные знаки.

Таблица 1

Награды	Индивидуальные за конкретный подвиг			Коллективные памятные	Знаки принадлежности к воинским формированиям	Общественные наградные знаки	Пробники
	Ордена	Георгиевские кресты	Медали				
Количество изученных	9	10	14	14	8	24	2

Первые награды появились уже в 2014 г., после начала военных действий. Изначально военное разрешение противостояния республик с центром не рассматривался, в связи с чем наградной аспект предусмотрен не был, но в ходе первых боестолкновений появилась необходимость выделить отличившихся бойцов. Выход из создавшейся ситуации был найден. Были учреждены первые награды. Это явление было необходимым, но стихийным. Одним из таковых за подвиги стал Георгиевский крест, разделенный на четыре степени, аналогично Георгиевским крестам Российской империи [10, с. 395] и Российской Федерации [8, с. 535]. Система награждения также не отличалась от прототипа: награждение отличившегося в боях начиналось с низшей, четвертой степени. Методика изготовления первых знаков нам представляется достаточно

примитивной — был найден образец, с которого изготавливались литейные формы — на реверсе одного из Георгиевских крестов непризнанных республик просматриваются фрагменты следов номера, который был нанесен на оригинал. Ну а высшей наградой в это же время утверждается медаль Героя Новороссии (в дальнейшем, с 2015 г., — Герой ДНР, Герой ЛНР).

Несмотря на принятие первых наград, вопрос о наградной системе республик продолжал стоять достаточно остро — необходимо было создание иерархии наград, где должны были быть означены их статус и статут. Кроме этого, произошли события, участие в которых необходимо было отметить памятными массовыми наградами.

В течение достаточно короткого времени были учреждены ряд наград, которые отвечали требованиям времени, помогали решить вышеозначенную проблему и могли вручаться по значимости совершенного подвига. В их внешнем виде, как мы отмечали ранее, просматривается стремление авторов продолжать традиции, которые подчеркивают близость республик ДНР и ЛНР к России и российскому менталитету. Как правило, основу наградного знака (будь то орден или нагрудный отличительный знак) составлял равноконечный крест российского образца, к которому в зависимости от предназначения крепились различные соответствующие элементы. Крепление знака к одежде осуществлялось в двух вариантах: либо при помощи ушка на кресте и промежуточного кольца знак крепился к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой, либо при помощи нарезного штифта и гайки крепился непосредственно к одежде. И тот, и другой тип, включая специфическую пятиугольную колодку (являющуюся полным аналогом колодки к советским орденам и медалям обр. 1943 г.), являются показателем российского (и советского) способа ношения наград. Также была перенесена еще одна деталь, характерная советским и российским наградам: на вновь учрежденные наградные знаки на оборотной их стороне наносился номер, который указывал кому, когда и за что выдавалась награда.

Учрежденные медали делятся на три вида:

- медали за конкретный подвиг на поле боя;
- коллективные памятные медали за участие в знаковых боях;
- ведомственные (корпоративные) медали, врученные отличившемуся за определенный вклад в означенном ведомстве.

Высшая медаль республик — медаль Героя Новороссии (ДНР, ЛНР) является почти полной копией золотой звезды Героя Советского Союза [8, с. 417], медаль «За боевые заслуги» также в основном повторяет советскую медаль «За боевые заслуги» [4, с. 66] и отличается только в деталях — в верхней части вместо букв СССР нанесено ДНР, в нижней части медали — вместо скрещенных винтовки и шашки отчеканены



скрещенные автомат Калашникова и гранатомет РПГ-7. На оборотной стороне наград обязательно наносится порядковый номер.

За участие в боях за ряд населенных пунктов и районов, где военные ВСУ понесли особо тяжелые потери, были учреждены наградные памятные медали, которые вручались всем активным участникам этих событий. Это медали:

- За оборону Славянска
- За оборону Шахтерска;
- Сражение за Саур-Могилу;
- За оборону Иловайска;
- За освобождение Дебальцево.

Медали по своему внешнему виду (за исключением медали Героя Новороссии (ДНР, ЛНР)) — пятиугольной колодке, муаровой ленте определенного набора цветов, способу крепления, диаметру медали — идентичны медалям советского периода [9, с. 153].

Нагрудные знаки имеют более разнообразный внешний вид, но их недостаточно, чтобы сделать определенные выводы.

В коллекции находятся знаки принадлежности к воинским формированиям. Традиция принадлежности подчерпнута из истории последних десятилетий Российской империи, когда каждый полк считал за честь иметь собственный знак, на котором в символах и цифрах отражена история части [7, с. 215]. В этот период такое решение было правомерно (наряду с определенными деталями униформы служило для поддержания либо поднятия престижа части), поскольку в российской армии существовало единоначалие. В Вооруженных силах ДНР и ЛНР при отсутствии жесткой подчиненности знаки лишь подчеркивают обособленность частей и подразделений. При отсутствии жестких требований к знакам, они зачастую не выдерживают определенного единообразия и очень сложно понять легенду знака по его элементам.

То, что было сказано в отношении знаков принадлежности к воинским формированиям, в полной мере относится и к общественным наградным знакам.

Суммируя вышесказанное, мы предлагаем некоторые выводы:

1. Наградная система Новороссии (ДНР, ЛНР) создавалась на протяжении ряда лет, опираясь на традиции наградной системы Российской империи, СССР, Российской Федерации, в некоторых случаях копируя награды, заменяя устаревшие элементы на современные.
2. Наградные знаки развивались от первых грубовато исполненных до последних, достаточно продуманных, добротнo изготовленных образцов.
3. Многие наградные знаки являются персонифицированными, поскольку имеют индивидуальные номера, согласно которым мож-

но определить их владельца, когда и за какие заслуги они были вручены.

4. На настоящий момент система еще полностью не сложилась, но отражает психологический портрет государственности ДНР и ЛНР.
5. Так или иначе, появление наградных знаков является закономерным отражением сути гражданской войны, происходящей в любом государстве. И ДНР, и ЛНР в данном контексте не являются чем-то особенным.

### Список использованной литературы и источников

1. Булычев К. Полное собрание сочинений. Историческая серия / К. Булычев. — Т. 5. Награды. — Москва: «Хронос», 1998. — 464 с.
2. Дуров В. А. Ордена России / В. А. Дуров. — Москва: «Воскресенье», 1993. — 160 с.
3. Дуров В. А. Русские награды XVIII — начала XX вв. / В. А. Дуров. — Москва: Просвещение, 1997. — 160 с.
4. Кузнецов А. А. Наградная медаль. В 2-х т. / А. А. Кузнецов. — Т. 2. 1917–1988. — Москва: Патриот, 1992. — 239 с.
5. Кузнецов А. А. Награды Российской империи / А. А. Кузнецов. — Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 208 с.
6. Кузнецов А. А. Награды: Энциклопедический путеводитель по истории российских наград / А. А. Кузнецов. — Москва: Современник, 1999. — 478 с.
7. Мурашев Г. А. Титулы, чины, награды / Г. А. Мурашев. — Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон», 2003. — 375 с.
8. Символы и награды Российской державы / В. Н. Балязин, А. А. Кузнецов, Н. А. Соболева. — Москва: ОЛМА-ПРЕСС, ПФ «Красный пролетарий», 2005. — 592 с.
9. Смыслов О. С. История советских наград / О. С. Смыслов. — Москва: Вече, 2007. — 400 с.
10. Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского. Энциклопедическое иллюстрированное издание / Н. И. Чепурнов. — Москва: Русский миръ, 2000. — 768 с.

### Информация об авторах

*Меньшагин Александр Евгеньевич* — эксперт Министерства культуры РФ по наградам, холодному и огнестрельному оружию. e-mail: menshagin\_86@mail.ru.

*Меньшагин Евгений Витальевич* — заведующий Отделом истории МБУК «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова», эксперт Министерства культуры РФ по холодному и огнестрельному оружию, наградам и монетам. 664007, г. Иркутск, ул. Франк-Каменецкого, 16-а. shilka58@mail.ru.

*Перевозников Вадим Юрьевич* — директор книготорговой группы «ПродаЛитЪ». 664043, г. Иркутск, ул. Ракитная, 12 а/1, e-mail: chef@prodalit.ru.

### Authors

*Alexander E. Menshagin* — Ministry of Culture of the Russian Federation: awards, weapons and firearms expert.

*Evgeny V. Menshagin* — Head of the History Department of Irkutsk Municipal Historical Museum named after A. M. Sibiryakov, Ministry of Culture of the Russian Federation: awards, weapons, firearms and coins expert.

*Vadim Yu. Perevoznikov* — director of the «Prodalit» bookselling group.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.31

УДК 94(47) +908«1914/1917»

ББК 63.3(2)53

*Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА*

## **ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗРЕНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СЕЛЕНГИНСКОМ УЕЗДЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ**

Рассматривается реализация в Селенгинском уезде Забайкальской области государственной политики призрения семейств, мобилизованных из запаса, и организация благотворительной помощи. Выявлены инициаторы, формы и темпы организации городских и сельских попечительств; способы помощи в селениях. Рассмотрено создание и основные формы благотворительной деятельности Селенгинской уездной комиссии областного Забайкальского отдела Комитета Елизаветы Федоровны. Определено общее количество благотворительных и попечительных объединений в уезде. Определены основные тенденции социального попечения после Февраля 1917 г.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, Елизаветинский комитет, призрение семей мобилизованных, попечительства, благотворительность, Забайкальская область.

*E.V. SEVOSTYANOVA*

## **ORGANIZATION OF CHARITY AND PHILANTHROPY IN SELENGINSKY DISTRICT OF THE TRANS-BAIKAL REGION DURING THE FIRST WORLD WAR: INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PUBLIC**

The article considers the implementation of the policy of charity of families of mobilized in Selenga county; forms and rates of organization of urban and rural guardianship; creation, basic principles and forms of charitable activities of the Selenga County Commission of the regional Zabaikalsky Department of the

Committee of Elizaveta Fyodorovna. The total number of charitable and Trustee associations was revealed. The main trends of social care after February 1917 are defined.

**Keywords:** I World War, Elizabethan Committee, charity of mobilized families, guardianship, charity, TRANS-Baikal region.

При наличии общих условий и тенденций развития благотворительности и призрения в период Первой мировой войны, несомненно проявление и региональной специфики [15, с. 140, 165]. Как отмечали исследователи, в период войны общей тенденцией в сфере благотворительности и призрения было объединение усилий государства, общественных объединений и частных лиц, ставшее объективно необходимым условием, определявшим эффективность социального попечения. Реконструкция на локальном уездном уровне позволяет не только ввести в научный оборот новые данные, но и выявить общее и специфическое в формах социальных практик в тыловой неземской Забайкальской области. Цель статьи — анализ форм общественной благотворительности и организации призрения в уезде через призму взаимодействия властных структур и общественности. Статья является продолжением исследования локальных практик [17; 18].

Как административно-территориальная единица Забайкальской области Селенгинский уезд существовал до 1917 г. В 1914 г. численность населения в 328 населенных пунктах с центром в г. Селенгинск достигла 116 220. В состав уезда входили восемь волостей, семь станиц, две Степные Думы, три инородческих управы, 14 поселков вдоль линии Забайкальской железной дороги и безуездный г. Мысовск [20]. Населению военный губернатор объявил о мобилизации 19 июля; 20 июля разослал телеграммы о выборе попечительств, а уже 27 июля просил уездных начальников и городских голов «безотлагательно» сообщить результаты исследования нужд семейств мобилизованных запасных.

Заседание Селенгинского городского попечительства состоялось 29 июля. Избрали в него 12 человек. Председателем выбрали инспектора начального училища И.П. Воскобойникова, делопроизводителем — дьякона И. Носырева. Членами попечительства стали: настоятель Д. Малков, помощник уездного начальника И.Ф. Старков, два купца (М.А. Лушников и В.А. Малыгин), городской староста М.С. Торгашин, помощник сельского старосты Д.А. Рябов, четверо мещан (М.Н. Мельников, С.Н. Рябов, А.П. Мельников, П.В. Сотников). Первоначально для 10 солдатских семей Селенгинск («по ценам города») запросил 102 руб. 96 коп., что превышало позже установленную норму государственного пособия более чем в три раза. [10, л. 111, 117, 419, 420]

В Мысовске попечительство было избрано собранием уполномоченных 5 августа и на следующий день приступило к обследованию мате-

риального положения семей. К 13 августа в городе было выявлено 30 семей (86 лиц) подлежащих призрению, почти все они находились «в самом бедственном положении» и нуждались в немедленной помощи. К сентябрю список пополнился еще на 20 семей. Попечительство решило выдавать ежемесячно на лиц старше пяти лет по 3 руб., на членов семьи младше пяти лет — по 1 руб. 50 коп. При этом одинаковые суммы получали и венчаные, и гражданские семьи. Учитывая количество мобилизованных, попечительство сообщало, что у него нет «совершенно никаких» собственных средств и в будущем «достаточных частных пожертвований» не предвидится. В начальный период на помощь пришел военный губернатор, распорядившийся выделить 500 руб. К 1 октября общая сумма средств Мысовского попечительства составила 1 075 руб. 08 коп. (из них было выдано в пособие 337 руб. 50 коп.) [10, л. 281, 282, 285–286, 431].

В августе в уезде прошла организация сельских попечительств. Предписания власти о необходимости избрать попечителей были разосланы в конце июля — начале августа. По закону в составе сельского попечительства должно было быть не менее трех членов. В большей части волостей избранно было трое или чуть больше: в Кударобурятской — 3, Иволгинской — 4, Батуринской — 5, Турунтаевской — 5, в Орогонской — 4 человека. Были волости, где выбрали значительно больше членов: в Кабанской волости избрали 10 человек, в Посольской — 14. В Троицкой и Кударинской волостях собрать сельский сход для выборов попечителей так и не удалось. Основных причин, по мнению крестьянского начальника, было две: разгар полевых работ и обширность территории. Поэтому обследования в этих волостях проводили волостные старшина и заседатель. В редких случаях отказа сельского общества выбрать попечительство, приговоры возвращались сельским сходам для повторного обсуждения [10, л. 48, 48 об.]. В законе не было прямого указания на то, чтобы сельские попечительства обязательно выбирались из лиц крестьянского сословия, поэтому зачастую выбирали учителей и священников, мотивируя необходимость иметь в составе достаточно грамотных.

Сведения о семьях принимали четыре уездных съезда крестьянских начальников, в том числе Селенгинский. По закону пайки рассчитывали со дня явки призванных на сборный пункт (с 21 июля). При организации призрения нужно было определить, в соответствии со сложившимися местными рыночными ценами, размер казенного пайка (в Селенгинске цена за крупу была указана «приблизительно» по 8 коп. за фунт, поскольку в продаже ее не было). Областная власть торопила с подачей списков призреваемых семейств. Заседание Областного по крестьянским делам присутствия «О порядке выполнения Забайкальской областью возложенных по закону 25 июня 1912 г. обязанностей по призрению

семейств нижних воинских чинов в военное время» было назначено военным губернатором на 11 августа 1914 г. [14, л. 8].

По 1 участку уезда (четыре волости) все обследования семей мобилизованных были закончены к концу августа: по Кабанской и Кударинской волостям к 19, по Троицкой, Посольской и Кударобурятской волостям — к 23 августа. Причин для задержки сбора сведений было несколько: отъезд на дальние покосы, отъезд запасного на заработки. Семействам, проживающим на приисках, в железнодорожных поселках и в городах, требовалось время для возвращения на место причисления запасного. Неправильное составление сведений об имущественном положении семей также затягивало назначение пособий. Так Селенгинский уездный съезд крестьянских начальников 18 августа возвратил материалы имущественного положения семей для составления по «указанной съездом форме». Причиной задержки мог стать отъезд запасного в другой регион и отсутствие сведений о нем. Так, запасной Щербаков уехал в Николаевск-на-Амуре еще в 1913 г. и не подавал о себе известий. Пришлось отправлять запрос воинскому начальнику, явится ли мобилизованный на призывной пункт [10, л. 399, 416, 456].

Приказом по Забайкальскому казачьему войску № 599 от 15 августа 1914 г. предписывалось казачьим поселковым правлениям составить в трехдневный срок со дня получения приказа сведения о личном составе семей по предлагаемой форме и незамедлительно предоставить их в станичные правления [10, л.326]. По отношению к семьям, проживающим в городах и в местах «вне ведения войскового начальства» действовали особые правила. О проживающих вне казачьих станиц и поселков сведения собирали местные попечительства и предоставляли их атаману, а тот, в свою очередь, — в Особый комитет по призыванию. Сведения о казачьих семьях в Селенгинске собирало Селенгинское станичное правление.

Основное внимание как центральных, так и региональных властей было сосредоточено и на организации взаимопомощи населения семьям односельчан. Министр МВД Н.А. Маклаков в телеграмме военному губернатору от 27 июля 1914 г. указал, что, помимо помощи казны и общественных учреждений, необходимой и существенной мерой обеспечения семейств призванных является организация самопомощи сельскими сходами. Министр предписал незамедлительно «разъяснить крестьянским обществам желательность установления мирских повинностей, не стесняя их в выборе способов осуществления этой помощи». Уже 29 июля МВД затребовало сведения об организации такого вида помощи семьям. В свою очередь, военный губернатор Забайкалья 28 июля предписал крестьянским начальникам немедленно обсудить на крестьянских сходах вопрос о формах организации помощи при уборке

полей [10, л. 1, 2, 5, 15; 9, л. 158]. В казачьих поселениях старший член Войскового правления ЗКВ полковник Орлов 1 августа 1914 г. распорядился «для большей производительности работ» установить надзор со стороны поселковых атаманов и жителей, пользующихся особым уважением [6, л. 65]. Хотя в отношении семей казаков официально устанавливался особый порядок действий, было настоятельно рекомендовано при оказании помощи не разделять сельское население на крестьян и казаков: в том случае, если на территории уезда «в массу крестьянского населения вкраплено казачье» — оказывать помощь всем одинаково.

Сплошной просмотр протоколов показал, что большинство сельских обществ единогласно постановили помогать семьям призванных «деньгами или натурой» в уборочную и в весеннюю посевную. Случаи отказа, мотивированные тем, что среди семей, призванных есть вполне обеспеченные, были немногочисленны. Были единичные случаи отказа по причине «небольшой площади посева у призванных». В с. Твороговском Посольской волости помогать отказались «квиду неимения рабочих рук». В Куйтунской волости сначала отказались составлять приговор об оказании помощи, но некоторые односельчане оказывали помощь «по своему желанию», а из сельского экономического магазина нуждающимся выдали хлеб. В с. Большереченском Посольской волости выдали безвозмездно по 50 п. зерна на семью, с «раскладкой на общество». Кроме того, сельские общества выдавали, в случае надобности, семена или деньги на их приобретение. [10, л. 18, 19, 20, 30, 33, 49, 50, 51].

В Кударинской волости «по общему согласию» было решено, чтобы каждый домохозяин запахал и заборонил S десятины ушедшему на войну. Такое же решение приняли небольшие селения в Иволгинской, Батуринской, Кабанской, Александровской, Тыргетуевской волостях. В с. Красноярском Кударинской волости постановили оказывать помощь «всем крестьянским обществом в праздничные дни». В других селениях был составлен поименный список домохозяев и установлена очередь дворохозяев — кто и какой семье должен помогать. В среднем в Кабанской волости на каждую семью мобилизованного приходилось от 4 до 8 домохозяев [21, с. 9, 11, 15]. В с. Кабанское было решено, что каждые 10 домохозяев будут помогать каждой семье призванных («смотря по составу») от 3 до 8 дней [10, л. 50]. Священник Иоанно-Предтеченской церкви Кабанской волости в декабре 1914 г. писал, что в приходе на каждую семью мобилизованного приходится по 13 человек, которые помогают в молотье, подвозе дров [4, л. 21]. По обнаруженным протоколам можно установить, что в целом в Селенгинском уезде из 21 селения четырех волостей отказались организовывать общественную помощь только в одном. В 16 селениях решили оказывать помощь по очереди или нанимать поденщиков. Другие решили оказывать помощь деньга-



ми. Так в с. Юговском решили ограничиться ассигнованием по 5 руб. с домохозяина на уборку полей; в с. Шергинском Кударинской волости выделили на уборку полей 159 руб. 76 коп. По донесениям уездного начальства, наиболее согласовано мирская помощь оказывалась в Кабанской и Иволгинской волостях. Во многих селениях постановили, что за очередностью по выполнению работ на полях семейств мобилизованных будет установлено наблюдение специально выбранных крестьян, писарей или старост. В немногих случаях инициатором общественной мирской помощи становилась административная власть, вплоть до распоряжений о назначении «по 6 рабочих дней на одну ревизскую душу ратникам второго разряда».

В целом анализ материалов показывает, что мирская помощь имела определяющее значение в начальный период войны, пока количество нуждающихся семей не превышало норму, посильную для односельчан. Однако уже в уборочную страду 1915 г. в Селенгинском уезде к числу нуждающихся в помощи по уборке хлебов было причислено 948 семей, которым нужно было обработать 2 167 казенных десятин (по трем волостям сведений у нас нет). Из этого количества семьи могли обработать своими силами 682 десятины, сельчане обещали бесплатную помощь для обработки только 447 десятин. Следовательно, требовалось привлечение наемных работников для выполнения работ почти на половине площадей (на 1 038 десятинах) [Посчитано по: 4, л. 68, 69].

В первый год войны некоторые сельские и приходские попечительства считали, что нет крайней необходимости в активном сборе и накоплении благотворительных денежных средств. Так Батурицкий волостной старшина докладывал, что волостные и приходские попечительства оказывают помощь всем семействам. Приходской попечительный совет был открыт в конце 1914 г., но деятельность его, «при наличии казенного пособия и при отсутствии острой нужды» ограничена: собрали пожертвованиями хлеба 60 пудов и вещей 17 предметов [1, л. 36; 2, л. 67].

Из общероссийских благотворительных объединений в Селенгинском уезде помощь оказывали существовавший Алексеевский Главный комитет и вновь открытое «Забайкальское отделение Комитета ее Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» (ЗОКЕФ). В уезде с 1 апреля 1916 г. по 1 апреля 1917 гг. детей, не достигших 16 лет и призреваемых Алексеевским Главным комитетом, числилось 52. Общая сумма выданных пособий за год составила 416 руб. [12, л. 69]. Пособие выдавалось каждую треть года (1 апреля, 1 августа и 1 декабря). ЗОКЕФ открывало свое уездное отделение типично: военный губернатор просил должностных лиц приглашать от его имени в качестве членов «представителей всех ведомств», «наиболее уважа-



емых жителей и общественных деятелей», при этом уточнял, что членство «является вполне добровольным» и отказ не повлечет взысканий» [3, л. 29]. Селенгинский уездный начальник докладывал губернатору, что все им приглашенные «явились и выразили желание состоять членами комиссии».

Первоначально в состав уездной комиссии ЗОКЕФ вошли 14 человек, из них чиновников — 5, священников — 3, купцов — 2, врач — 1, полицейских — 3 [4, л. 10]. Председателем стал уездный начальник А.Н. Несмелов. В составе исполнительного комитета в апреле 1915 г. числились: протоиерей. Д. Малков, диакон И. Носырев, инспектор начального училища И.П. Воскобойников, помощник уездного начальника И.В. Старков, начальник почтово-телеграфной конторы Д.Р. Никитин, помощник городского старосты М.С. Торгашин, секретарь воинского присутствия В.А. Иванов, секретарь полицейского управления Н.Ф. Кожевин, купцы М. Лушников, В.А. Малыгин, полицейские приставы Д.В. Попов и Н. Бордацкий. В комиссию вошел и глава ламайского духовенства Восточной Сибири Пандито Хамбо-лама Д. Итигэлов, которого областная власть не раз просила «воздействовать на вверенную ему духовную паству в оказании посильной помощи трудом и средствами русскому населению, несущему тяготы войны» [6, л. 81, 82].

На заседании, посвященном открытию в селе Кабанское комиссии ЗОКЕФ, по приглашению пристава 1 стана явились 18 человек: учительница и инспектор высшего начального училища, начальник почтово-телеграфной конторы, волостной старшина, заведующий агрономическим пунктом, председатель волостного попечительства. На собрании пришли и представители общественных организаций: Общества народного дома; общественного собрания, хозяйственного правления еврейской молельни, кредитного товарищества [3, л. 12, 13]. В селах инициаторами часто становились священники и учителя, что было типично для Забайкалья [19, с. 186]. Так, в с. Красноярское Иволгинской волости инициировал выборы сельской комиссии ЗОКЕФ настоятель Пророко-Ильинской церкви А. Лавровский, пригласивший учителя, двух псаломщиков, сельского старосту и пятерых крестьян [4, л. 3].

Уездным комиссиям ЗОКЕФ предлагалось самим решать вопрос о необходимости организации волостных отделений, поскольку в некоторых уездах полагали, что в силу огромной территории волостей работа таких филиалов будет неэффективной. Селенгинская уездная комиссия 4 марта, обсудив предложение военного губернатора, решила открыть комиссии ЗОКЕФ во всех волостях и станицах под председательством волостных старшин и станичных атаманов [4, л. 9, 40]. По нашим данным, всего в уезде к началу 1915 г. было организовано 28 сельских и волостных попечительств, и отделений ЗОКЕФ. Из них попечительств при

волостных правлениях было семь (при Кабанском, Кударобурятском, Троицком, Посольском, Кударинском, Торейском, Иволгинском); при станичных правлениях, где размещались бурятские казацкие полки, — три (при Аракиретском, Гигетуйском, Боргойском правлениях). Церковно-приходских попечительств было восемь: Ильинское, Брянское, Колесовское, Твороговское, Посольское, Шергинское, Кударинское, Оймурское. При инородческих волостных правлениях были открыты Селенгинское, Сортольско-Армакское и Закаменское попечительства. Кроме того, попечительства были организованы при Кударинском второклассном училище, при Турунтаевском сельском училище. Комитеты Братства Кирилла и Мефодия были открыты при церквях четырех церквей: Средне-Убукунской, Турунтаевской, Батуриной, Красноярской. Комитет ЗОКЕФ был открыт в г. Мысовске [4, л. 27, 37].

Чтобы члены уездных комиссий ЗОКЕФ знали текущие нужды сельских поселений, губернатор рекомендовал им принимать участие в заседаниях сельских комиссий и вносить вклад «не только [раздачей] начальнических указаний, но и непосредственной работой на местах». Крестьянским и инородческим начальникам, чинам Переселенческого управления рекомендовалось оказывать помощь «не только своим служебным влиянием, но, главным образом, сердечным отношением» к делу благотворительности и призрения. Губернатор просил чиновников участвовать в заседаниях наравне с крестьянами, помнить, что они совершенно равны в добровольном и важном деле помощи [6, л. 26, 28].

Одной из главных задач уездных комиссий ЗОКЕФ считал сбор пожертвований на местные нужды. Когда Турунтаевская комиссия в апреле 1915 г. писала в ЗОКЕФ, что расходов за март не было, и деньги, которые удалось собрать она решила «предназначить для армии», то ЗОКЕФ в ответ просил направить деятельность, преимущественно, на оказание помощи семьям и не забывать, что «великая нужда» еще впереди [4, л. 31, 31 об.].

Хотя в целом использование благотворительных сборов зависело от местных условий, однако финансовые возможности попечительств и отделений ЗОКЕФ были крайне ограничены, а призывы увеличивать количество нуждающихся. ЗОКЕФ рекомендовал своим отделениям придерживаться строгой экономии. Так, Кударинское волостное попечительство с начала войны выдавало (с 21 июля по 1 декабря 1914 г.) по 3 руб. 18 коп. казенного пособия на взрослого члена семьи; и по 1 руб. 50 коп. на душу выдавалось из благотворительных сборов. С 1 декабря по 1 марта казенное пособие было уменьшено до 2 руб. 75 коп. Председатель попечительства А.И. Ключарев писал, что по личному его обследованию в селениях волости выявлено «самых беднейших» 574 души, и количество это превышает возможности попечительств. Потому в феврале 1915 г. просил ссуду у ЗОКЕФ из расчета («хотя бы») по 50 коп. на

человека «для улучшения пищи», однако получил отказ [5, л. 68, 69].

К декабрю 1915 г. на счетах Селенгинской уездной комиссии осталось 290 руб. Учитывая наступление благоприятного для сбора пожертвованных времени — Рождества — комиссия решила провести сбор пожертвований «по возможности» в каждом селе, деревне, булуке, поселке, урочище. Ответственными за сбор были назначены председатели участковых сельских комиссий, волостные и инородческие старшины, станичные атаманы. Пожертвования рекомендовалось собирать не только деньгами, но и зерном, скотом (особенно у бурятского населения), теплыми вещами, бельем [4, л. 147]. Любителей сценического искусства в Мысовске, Селенгинске, Кабанске просили поставить благотворительные концерты и спектакли.

Если сельские комиссии зачастую считали основным средством помощи денежные пособия, то уездная комиссия ЗОКЕФ полагала более продуктивным «безвозмездный труд окружающей среды» [Там же, л. 65, 66]. Деньги же стоило направлять на помощь «исключительно тем, кто будет лишен взаимопомощи». Деньги рекомендовалось не выдавать на руки, а оплачивать наем работников. В апреле 1915 г. Селенгинская уездная комиссия ЗОКЕФ решила просить крестьянских начальников, правительственного агронома, уездных чиновников, врача, чинов полиции во время разъездов по делам службы принять активное участие в информационной поддержке: «путем разъяснений» доводить до сельчан информацию, что установлены строгие сроки подачи ходатайств на пособие от ЗОКЕФ (к 15 мая — на вспашку паров, к 15 июня — на сенокос, к 20 июля — на уборку хлеба). При этом предупреждать семейства, что деньги нельзя направить на другие нужды, а использовать строго по назначению, иначе можно лишиться поддержки [6, л. 81 об.].

Кроме помощи семьям мобилизованных, жители уезда активно участвовали в организации других форм благотворительности. В Мысовске работал Дамский комитет попечения над беженцами, активное участие женщины принимали в кружечных всероссийских сборах в «Дни колоса ржи». В августе 1915 г. Татьянанский Комитет (Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий) инициировал особый благотворительный сбор — «Ковш зерна нового урожая» с активным привлечением сельских жителей. В Забайкалье сбор проводился с конца ноября. К его организации были привлечены должностные лица (крестьянские и инородческие начальники, атаманы, чины полиции); учителя и священники. Активное участие в сборе пожертвований принимали ширетуи дацанов. Всего в Селенгинском уезде было собрано 3 957 пудов 36 ф. зерна. Часть поступившего зерна через отделения ЗОКЕФ была роздана в мае семьям запасных на посев [7, л. 18; 11, л. 118, 119].

После Февральской революции сложившаяся практика призрения и благотворительности быстро развалилась. Хотя съезд крестьянских на-

чальников Селенгинского уезда 13 марта 1917 г. направил приветствие областному КОБу, пообещав продолжать «ответственную работу по призрению семейств, призванных по мобилизации», но условия гражданской жизни менялись кардинально [16]. В условиях инфляции казенного пайка не хватало ни в городе, ни в селе. Солдатки писали в жалобах, что «ничтожное пособие» вынуждает «если не голодать в полном смысле этого слова, то жить впроголодь» [13, л. 135]. По нашим предварительным подсчетам, всего с 1 марта по 1 июня 1917 г. в Селенгинском уезде выдавалось 14 766 пайковых казенных пособий, из них детям до 5 лет — 4 216, полных пайков (детям старше 5 лет и взрослым) — 12 658.

После Февраля 1917 г. попечительства и съезды крестьянских начальников обсуждали не только вопрос об увеличении размеров пайка, но и возможность дополнительного введения в него других продуктов (например, молока для детей, чая). Заседавшее 15 мая 1917 г. Областное по крестьянским делам присутствие признало, что размер пайка нужно повысить, по всей области, поскольку цены выросли повсеместно. Объективными причинами удорожания называли истощение хлебных запасов у сельского населения Селенгинского уезда (урожай 1916 г. был «неудовлетворительным»); начало полевых работ по вспашке и посеву (это привело к прекращению подвоза продуктов в города); наконец, «расстройство» железнодорожного транспорта [13, л. 237]. Однако Селенгинский уездный съезд крестьянских начальников на заседании 7 июня 1917 г. признал, что перечень и количество продуктов, определенных законом для пайка, «являются вполне достаточными» [Там же, л. 169]. Главным продуктом потребления служит ржаная мука и гречневая крупа и, по мнению съезда, «замена таковой муки мукой высшей по качеству и сорту не вызывается крайней необходимостью». Кроме того, необходимо учитывать, что при колоссальных расходах Государственного казначейства такая замена «трудноосуществима». Съезд решил заменить, ввиду отсутствия на рынках, постное масло коровьим, но норму пайка оставить без изменений. Кроме того, Селенгинский уездный съезд 7 августа 1917 г. обсудив цены, поданные для назначения пайков, и сравнив их по волостям, признал, что по 11 волостям они «не соответствуют действительности». Податные инспекторы полагали, что цены на хлеб взвинчены искусственно, хлеб дорожает не в связи с отсутствием, а потому что крестьяне не поставляют его на рынок, ожидая повышения цен.

В целом, Селенгинская комиссия ЗОКЕФ с момента открытия и до сентября 1917 собрала в уезде 6 949 р. 66 к. пожертвований, субсидий от ЗОКЕФ получила не менее 24 003 руб. 20 коп. Территориально отделенная от Читы комиссия, подчиненная в своих решениях и действиях областному ЗОКЕФ, тратила значительные средства на организацию деятельности: на канцелярию (940 руб. 45 коп.), на поездки представителя в Читу (301 руб. 05 коп.), на отправку телеграмм (670 руб.) [8, л. 187].

Таким образом, деятельность по призрению и благотворительной поддержке солдатских и казачьих семейств запасных, призванных по мобилизации объединяла усилия региональной и местной властей и добровольную благотворительную помощь. Хотя в целом в уезде в сфере благотворительности преобладали не общественные инициативы, а мероприятия властей, но реализоваться они могли только при широкой поддержке общественности.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 36.
2. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 7.
3. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 20.
4. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 26.
5. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 50.
6. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 57.
7. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 58.
8. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 98.
9. ГАЗК. — Ф. 94. — Оп. 1. — Д. 827.
10. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 4721.
11. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 4899.
12. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 5523.
13. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 5487.
14. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 6088.
15. Еремин Е. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Е. А. Еремин. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 277 с.
16. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. — 1917. — 15 марта.
17. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в период Первой мировой войны: специфика локальной практики / Е. В. Севостьянова // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы Межд. науч.-практ. конф., Чита, 16 мая 2019 г. — Чита : ЗабГУ, 2019. — С. 103–106.
18. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение среди казачьего населения Троицкосавского уезда Забайкалья в период Первой мировой войны: локальная специфика социальных практик / Е. В. Севостьянова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — С. 352–361.
19. Севостьянова Е. В. Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны / Е. В. Севостьянова // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита, 18 сентября 2019 г. — Чита : ЗабГУ, 2019. — С. 185–187.
20. Селенгинский уезд // Энциклопедия Забайкалья. — URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=9047>
21. Соколов В. Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и рат-

ников ополчения Забайкальской области в 1915 г. По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела / В. Н. Соколов. — Чита : Эл.тип. Бергут, сын и К., 1917. — 49 с.

### Информация об авторе

*Севостьянова Елена Васильевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, истории и философии Читинского института Байкальского государственного университета. 672000. Чита, ул. Анохина, 59, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.

### Author

*Elena V. Sevostyanova* — PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Political Science, Chita Institute of Baikal State University, 59, Anohin st., Chita, 672000, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.32

УДК 323.215

ББК 66.3(2Рос),1

*И.С. ШИРОКОВ*

## ВЫБОРЫ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Рассматриваются выборы в Иркутской области с точки зрения роста гражданской активности на основе социальных исследований, и на основе опубликованных материалов и фактов. Отражено значение трансформации традиционных выборных процедур и правил.

**Ключевые слова:** гражданская активность, Иркутская область, выборы, избиратели, государство, политический процесс, гражданское общество.

*I.S. SHIROKOV*

## ELECTIONS IN IRKUTSK REGION: GROWING OPPORTUNITIES CIVIL ACTIVITY

The elections in the Irkutsk region are examined from the point of view of the growth of civic activity based on social studies and on the basis of published materials and facts. The significance of the transformation of traditional elective procedures and rules is reflected.

**Keywords:** Irkutsk region, civic activism, elections, voters, state, political process, civil society.

Анализ политической активности граждан в государствах, возникших на постсоветском пространстве, в последние годы становится объектом изучения все большего количества исследователей. Чаще всего гражданская активность интерпретируется в либеральном смысле. Она означает гражданское действие, направленное на изменение укрепившихся институциональных практик и их нормативно-ценностных оснований, при этом выделяет ориентирование не на личные или общие интересы, не на персональную выгоду, а на общественное благо, связанное с универсальными правами и свободами. Такое основание позволяет различить индивидуальные или коллективные негражданские действия, которым присущ особый, сугубо персональный характер, с одной стороны, и гражданские действия, выражающие частные интересы общественного значения с другой [14].

Так же необходимо понимать взаимосвязь институциональных понятий, где гражданское общество отделено от негражданских сфер — экономики, государства, религии, семьи и науки, не говоря уже об общностях, конструируемых на расовых, языковых, территориальных и национально-этнических основаниях [16].

В современных условиях российский политический процесс во многом обусловлен неразвитостью реальных институтов гражданского общества, что проявляется в отсутствии четких механизмов взаимодействия власти и таких его субъектов как некоммерческие организации, органы местного самоуправления, благотворительные фонды и т.д. (существует много разногласий в области отношений государства и не коммерческих организаций из-за отсутствия подробного законодательного описания таких отношений). В сложившейся ситуации возникает потребность в выявлении всего комплекса факторов, определяющих направленность и содержание процесса становления гражданского общества, но в то же время необходимо обозначить наиболее значимый, фундаментальный для институционализации российской демократии фактор. Несмотря на то, что в советский период демократия во многом была декларативной, ее идеологические установки до сих пор влияют на характер отношений между народом и властью. В наибольшей степени это относится к реализации такого атрибута гражданского общества как гражданская активность [11].

На всей территории постсоветского пространства начали появляться новые виды гражданской активности, которые полностью реализуются в Интернете, например, карта помощи при пожарах, карта раздельного сбора отходов (интернет ресурс, показывающий места сбора отходов) карта нужд детских домов, сбор средств на конкретные цели, онлайн голосование на выборах (в тестовом режиме), мониторинг выборов по web-камерам и многое другое [12].

Российская негосударственная исследовательская организация АНО Левада-Центр провела опрос в конце 2019 и 2018 г. нацеленный на определение оценки гражданского участия среди населения России. В ходе социального исследования было опрошено 1601 респондентов [5]. Согласно полученным результатам, население готово проявить свою гражданскую активность в большей мере только через голосование на выборах за партии или кандидатов, предлагающих свой план преобразований (так ответили 67 % и 71 % опрошенных в 2019 и 2018 гг., соответственно). Логично заключить, исходя из опроса, что у населения снижается желание проявлять политическую активность на выборах. Все меньше опрошенных выражают согласие подписывать открытые письма и петиции, принимать участие в работе общественных и политических организаций, работать волонтером в общественных и политических организациях, участвовать в уличных акциях и митингах.

В 2018 году с 21 по 23 августа в преддверье выборов в законодательное собрание Иркутской области был проведен опрос с числом опрошенных респондентов 10 043 человек, схожий с предоставленным Левада-Центром. Респонденты должны были ответить на вопрос о намерении участвовать в предстоящих выборах [10].

Как видно из данных таблицы, процент жителей Иркутской области, изъявивших желание голосовать на выборах, несколько ниже всероссийских. В то же время в 2019 году на выборах в думу Иркутска седьмого созыва явка составила 26,19 %, в отличии от показателей 2014 г., где на выборах показатель достиг всего 18,33 %.

Таблица 1

**Итоги опроса о намерении участвовать в выборах  
в Законодательное собрание Иркутской области**

Мнение	Дата 23.05.2018 Соотношение ответивших респондентов, %	Дата 24.05.2018 Соотношение ответивших респондентов, %	Дата 30.05.2018 Соотношение ответивших респондентов, %
Да	59	41	41
Нет	15	17	20
Пока не решил/ На выборы не хожу	24	41	38
Иное/ Без ответа	2	1	1

Мандаты на выборах в думу распределились между кандидатами в следующем соотношении: для «Единой России» 14 мест, так же 8 для кандидатов из КПРФ и семь самовыдвиженцев. Трое представителей



«Гражданской платформы», и по одному представителю от ЛДПР и КПСС, «Справедливой России» у которых набрано равное количество голосов, среди них победитель определялся жеребьевкой.

Нужно отметить, прошедшие выборы в Иркутская область стали проблемными для правящей партии по сравнению с другими регионами. С 2015 г. область возглавлял член коммунистической партии России Сергей Левченко, который выиграл выборы у представителя правящей партии Сергея Ерощенко. Положение «Единой России» ухудшилось и в 2018 г. и в 2007 г. при потере партией большинства мандатов в Законодательном собрании области. В настоящее время 19 мандатов из 45 в региональном парламенте контролирует КПРФ, у правящей партии насчитывается только 17.

В этой ситуации муниципальные выборы в Иркутской области для партии Единая Россия имели принципиальный характер [7].

Подводя итоги выборов: число проголосовавших на выборах в думу составило 119 672 человека — это 26,19 % избирателей. Борьба за мандаты проходила среди 247 человек, где сильнее всего конкуренция проявилась на округах № 6 и № 12, на которых зарегистрировалось 11 и 10 кандидатов соответственно.

Настоящая явка (26 %) отличается от опроса, проведенного в 2018 и 2019 гг. перед единым днем голосования Левада-Центром с всероссийской выборкой. Если по предварительным данным 67 % респондентов изъявили желание прийти на выборы и проголосовать, а фактическая явка составила 26,19 %, то следует предположить, что те граждане, которые имеют желание прийти на избирательные участки, фактически в своем большинстве не принимают участия в выборах. Исключая погрешность, связанную с количеством избиратели и числом респондентов, участвовавших в опросах, в процентном соотношении такой факт имеет место быть. Официальной статистики, при ответе на вопрос: «Почему вы не пришли на избирательный участок в день голосования?», не существует.

Однако причины этому у иркутян схожи с избирателями по всей стране: это «фактическое отсутствие ответственности депутата перед избирателями, отсутствие надобности в депутате в решении конкретных проблем, а также неудобная процедура выборов и отсутствие информации о кандидате» [13].

Тем не менее по результатам выборов в думу г. Иркутска в новый созыв переизбрались 19 депутатов из прежнего состава думы и из новых депутатов в созыв вошло 16 человек [4]. Важность прошедших выборов 2019 г. заключается в том, что новоизбранному составу городской думы предстоит определять правила избрания мэра Иркутска весной 2020 г.

Особенностью прошедших выборов стало участие в них движения в защиту прав избирателей «Голос». Сторонники движения заявили о массовых нарушениях в процессе регистрации кандидатов в депутаты городской думы, следствием чего стал отказ в регистрации 21 кандидату — самовыдвиженцу. Отказы связаны с признанием недостоверности подписей избирателей, а также с самоуправством муниципальных избирательных комиссий [6].

Наряду с выборами в городскую думу Иркутска проходили выборы в состав пяти других городских дум, а также жители Приангарья избирали новых мэров городов и районов, глав сельских и городских поселений, депутатов местного уровня. Всего в списках избирателей числилось около 1,2 млн человек.

По официальной информации избирательной комиссии Иркутской области, результатами единого дня голосования (восьмого сентября) в Иркутской области стали следующие данные. Конечная явка составила 30,4 %, количество проголосовавших избирателей 491 060 человек, из этого числа досрочно проголосовало — 11 001 избирателей, что составило 0,87 %, в удаленных и труднодоступных местностях — 987. Наиболее высокая явка отмечена на выборах мэра и думы Баяндаевского района — 63,75 %. Минимальный показатель был зафиксирован на выборах в думу Слюдянского района (15,52 %).

Для сравнения стоит сказать о средней явке по стране на выборах 8 сентября, которая составила 41,2 %, тогда как в 2018 г. составляла 37,6 %. Это является свидетельством роста политической активности граждан [8].

Победителем на выборах мэра Братска стал действующий глава города Сергей Серебренников, с результатом 43,34% голосов от общего числа избирателей, при этом явка достигла 31,48 % — это 53 870 человек. Пост мэра Саянска сохранил за собой Олег Боровский, от КПРФ. За него отдали свои голоса 7 920 избирателей, или 82,95 %. В целом на выборы Саянска пришли 30,98 % избирателей. В Тулуне на выборах было зарегистрировано 32,15% избирателей это 10 962 человек. Всего из 12 мэров районов переизбраны восемь: шестеро от «Единой России» и двое от КПРФ [3].

Прошедшие выборы можно рассматривать как свидетельство роста политической активности граждан. В то же время в целом гражданская активность в регионе продолжает оставаться невысокой. По мере развития информационно-коммуникационные технологий все более очевидным становится необходимость трансформации традиционных выборных процедур и правил. Растет интерес к голосованию через интернет. По данным опроса ВЦИОМ, 66 % россиян выступают за обеспечение возможности онлайн-голосования [15]. Наличие такой возможности во всех регионах страны могло бы повысить не только гражданскую актив-

ность через увеличение процента явки в дни выборов, но также укрепить интерес к властным структурам и, как следствие, усилить обратную связь между населением и государством.

В последнее время большая работа проделана по совершенствованию законодательной базы в этой области. Так в апреле 2019 г. был принят закон № 608767–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» [2]. И еще одним шагом в этой работе стал закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. Эти правовые изменения способствуют обеспечению и реализации надежного и перманентного использования сети «Интернет» на всей территории Российской Федерации [9, с. 214].

Несмотря на это, существуют большие пробелы в законодательстве, контроль за интернет ресурсами далек от совершенства. Проблемы в этой сфере не позволяют использовать сколь-нибудь широко имеющиеся на сегодня информационные ресурсы в целях расширения возможностей гражданского общества действенным образом влиять на деятельность властных структур, что стало бы важным элементом повышения политической активности граждан.

### Список использованной литературы и источников

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. О связи : Федер. закон РФ от 07.07.2003 № 126-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Выборы глав // Избирательная комиссия Иркутской области. — 22.09.2019. — URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru> (дата обращения: 01.01.2020).
4. Выборы в Думу Иркутска. Что это было? // Твой Иркутск. — 09.09.2019. — URL: <https://www.irk.ru> (дата обращения: 01.01.2020).
5. Гражданское участие // Левада-Центр. — 12.11.2019. — URL: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/> (дата обращения: 01.01.2020).
6. Единый день голосования-2019: Лже-«Голос» // Голос. — 09.09.2019. — URL: <https://www.golosinfo.org/articles/143701> (дата обращения: 01.01.2020).
7. Ерменко Е. Выборы в Иркутске / Е. Ерменко // Коммерсантъ. — 2019. — 10 сент.
8. Замахина Т. ЦИК объявил предварительные итоги выборов / Т. Замахина, В. Кузьмин, Г. Мисливская // Российская газета. — 2019. — 9 сент.
9. Золотова О. В. Медийный фактор протестных акций в России 2019 года / О. В. Золотова, А. С. Маник // Молодой ученый. — 2019. — № 52. — С. 213-216.
10. Иркутская область перед выборами в Законодательное собрание // Центр исследований политической культуры России. — 30.08.2018. — URL: <http://cipkr.ru/> (дата обращения: 01.01.2020).
11. Клягина А. А. Гражданская активность россиян в условиях современного политического процесса : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. А. Клягина. — Ставрополь, 2012. — 26 с.

12. Ноль отходов // Greenpeace России. — 11.01.2019. — URL : <https://greenpeace.ru/projects/zero-waste/> (дата обращения 02.01.2020).

13. Почему я не голосовал? // Все новости Иркутска. — 10.12.2018. — URL : <https://irkutsk.news/novosti/2018-10-12/78617-pocemu-ja-ne-golosoval.html> (дата обращения: 09.01.2020).

14. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 418 с.

15. Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы // ВЦИОМ. — 11.10.2019. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9997> (дата обращения: 01.01.2020).

16. Alexander J. C. The Civil Sphere / J. C. Alexander. — New York : Oxford University Press, 2006. — 915 с.

### **Информация об авторе**

*Широков Иван Сергеевич* — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: [shirokov.iw@yandex.ru](mailto:shirokov.iw@yandex.ru).

### **Author**

*Ivan S. Shirokov* — Postgraduate Student, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, str. Lenin, 11, e-mail: [shirokov.iw@yandex.ru](mailto:shirokov.iw@yandex.ru).

---

# РОЛЬ КОММУНИКАЦИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.33

*Е.Н. ВОЛОСОВ*

УДК 94 (470); 656.71

ББК 63.3(2)6-2; 65.04

## АВИАКОМПАНИЯ «S7 AIRLINES»: КАК ВЫЖИТЬ ЧАСТНОЙ КОМПАНИИ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНКУРЕНТОВ

Статья посвящена особенностям бизнеса крупнейшей частной авиакомпании России — «S7 Airlines». Рассматривается история становления и развития компании в 1990-е — начале 2000-х гг., ее конкурентные преимущества в прошлом и в настоящее время. Исследована стратегия «S7 Airlines» в части оптимизации финансовой и производственной деятельности, диверсификации бизнес-проектов.

**Ключевые слова:** авиакомпания, банкротство, пассажиро-перевозки, воздушные суда, региональные маршруты, оптимизация.

*E.N. VOLOSOV*

## «S7 AIRLINES»: HOW A PRIVATE COMPANY CAN SURVIVE AMONG THE STATE COMPETITORS

The article is dedicated to the business features of the biggest private Russian airline company — «S7 AIRLINES». The author analyses the history of its formation and development in the 1990s-in the beginning of 2000s, its competitive advantages in the past and nowadays. A special attention is given to the strategy of «S7 AIRLINES» in terms of optimization of financial and production activities and diversification of its business projects.

**Keywords:** airlines, bankruptcy, passenger transportation, aircrafts, regional destinations, optimization.

Бренд «S7 Airlines» принадлежит АО «Авиакомпания «Сибирь». История авиакомпании хорошо известна. Она была создана на базе Толмачевского объединенного авиаотряда в 1992 г. В 1994 г. компания была приватизирована Российским авиационным консорциумом во главе с Татевосом Суриновым. К концу 1990-х гг. новые собственники предприятия Владислав и Наталья Филёвы присоединили практически обанкротившиеся Барнаульский, Кемеровский, Томский, Иркутский авиаотряды. В 2001 г. в состав «Сибирь» вошло ОАО «Внуковские авиалинии». Это был

один из самых привлекательных активов для собственников «Сибири»: 18 — ИЛ-86, 16 — ТУ-154, 2 — ТУ-204. К банкротству «Внуковских авиалиний» были причастны Т. Суринов, Д. Каменщик (негласный владелец аэропорта Домодедово) и владелец «Сибири» В. Филёв. Сам В. Филёв отрицает обвинения в захвате «Внуковских авиалиний», утверждая, что «Сибирь» никогда не занималась поглощением в классическом смысле или, тем более, рейдерством. Если были выгодные предложения по приобретению воздушных судов, владельцы «Сибири» этим пользовались. «Мы выступали санитарями леса, — утверждал В. Филёв, — брались за кризисные ситуации, брали на себя решение производственных и социальных проблем, договаривались с местными властями». В случае с «Внуковскими авиалиниями», на которую было истрачено около 1 млрд. руб. (по курсу 2004 г. — около 42 млн. долларов: выкуп самолетов, погашение задолженности по заработной плате перед сотрудниками, государством, аэропортами, аэронавигацией, поставщиками топлива и запасных частей и др.) [9].

В 2003 г. в авиакомпании «Сибирь» эксплуатировалось 34 ТУ-154, 12 — ИЛ-86, 2 — ТУ-204, 2 — Эйрбас-310.

Уже тогда владелец компании был уверен в необходимости отказа от закупки новых отечественных самолетов по причине их экономической неэффективности. Например, В. Филёв приводит в пример себестоимость кресло-километра (ключевого параметра эффективности самолета) у различных отечественных авиакомпаний. У ТУ-204 он равнялся 47,5 руб., Ил-86 — 14,8, ТУ-154М — 14 руб. В. Филёв был согласен эксплуатировать ТУ-204, но по его мнению, самолет должен иметь стоимость не 28 млн. долларов, а в два раза меньше. Тогда его эксплуатация будет рентабельна.

Точка зрения бизнесмена, владельца компании предельно понятна: предприятие не может работать в убыток. Если государство хочет сохранить авиастроение и парк отечественных судов, оно должно: 1) создавать условия или вкладывать средства в строительство новых, сопоставимых по эксплуатационной эффективности с иностранными судами; 2) субсидировать закупки новой, но не экономической российской техники; 3) создавать финансово-экономические условия, при которых авиакомпаниям будет выгодно эксплуатировать отечественные самолеты.

Стратегия компании на вывод из эксплуатации отечественных самолетов с их заменой на зарубежные, реализовывалась предельно оперативно. Уже к концу 2008 г. советские и российские воздушные суда были выведены из состава флота.

Первой масштабной попыткой получить парк иностранных ВС относится к 2007 г., когда авиакомпания заключила соглашение с компанией «Боинг» на покупку 15 самолетов «Boeing-787» (Дримлайнер). Рыночная

стоимость пятнадцати лайнеров составляла около 2,4 млрд. долларов. Однако из-за мирового экономического кризиса 2008 г. осложнилось финансовое положение компании и контракт был расторгнут. Возможно свою роль в отказе от «Дримлайнеров» сыграло постепенное изменение стратегии S7 в пользу среднемагистральных перевозок из-за потенциальной конкуренции на дальних перевозках с «Аэрофлотом» и «Трансаэро».

Подтверждением этому стало получение по договору операционного лизинга в 2008 г. четырех новых самолетов Airbus-320, и с начала 2009 г. еще 25 судов этого же типа.

Часть регулярных внутренних рейсов выполняется на самолетах Boeing 737-800 и Boeing 737-400 дочерней авиакомпанией «Глобус», которая сначала осуществляла только чартерные перевозки, а затем вышла на регулярные рейсы [1].

В конкуренции за комфортные условия на рынке авиaperевозок с ведущей авиакомпанией России «Аэрофлотом» и его дочерними авиапредприятиями «Победой» и «Россией», «S7 Airlines» выбрала достаточно грамотный вариант. Он включил в себя четыре позиции.

1. Определение базовых аэропортов — хабов: Домодедово (Москва), Новосибирск и беспроигрышные региональные центры, откуда летали, летают и будут летать пассажиры: Иркутск, Кемерово, Барнаул, Томск.
2. Сделана ставка на Airbus при полетах из сибирских городов в Москву. При сопоставимых ценах, компания отняла у «Аэрофлота» значительное количество пассажиров из-за минимальных преимуществ в комфорте А-319/320 в сравнении с Б-737.
3. Ориентация на регулярные рейсы до столиц и туристических центров европейских и азиатских государств на ближне- и среднемагистральных маршрутах.
4. Выбор техники, позволяющей эффективно учитывать регулярность пассажиропотока, сезонные векторы его движения, топливные и другие затраты на эксплуатацию парка ВС.

Правильно выбранная стратегия позволила компании пережить сложные периоды на рынке авиационных перевозок, сложившиеся в 2014–2017 гг. Именно в этот период оказались банкротами две хорошо известные авиакомпании «Трансаэро» и «ВИМ авиа». Более того, уход «Трансаэро», по признанию топ-менеджеров «S7 Airlines», благоприятным образом повлиял на развитие компании [5].

Причина заключалась в том, что с рынка авиационных перевозок были выведены избыточные провозные емкости и восстановился более или менее паритет между количеством мест на ВС и спросом на них со стороны потребителей.

Однако, причины значительного роста прибыли и выручки от основной деятельности заключались и в мерах компании по оптимизации своей деятельности. В частности, был осуществлен переход на новую систему гибких тарифов, в результате чего увеличилась загрузка рейсов. Компания отказалась от бизнес-класса в перелетах на близкие расстояния. Улучшение финансовых показателей авиакомпании в течение 2013–2017 гг. демонстрирует табл. № 1 [10].

Таблица 1

**Финансовые показатели авиакомпании «Сибирь»**

Показатель (млрд руб.)	2013	2014	2015	2016	2017
Выручка	62	70	82	108	117
Прибыль	0,7	0,86	0,9	2,9	4,4

Неоднозначной выглядела роль владельцев «Сибири» и в истории, связанной с банкротством «Трансаэро». Первоначально В. Филёв заявил о готовности приобрести акции «Трансаэро», поставив при этом ряд условий: 1) Кредиторы компании-банкрота (ВТБ и ВЭБ) должны отдать флот «Трансаэро» «Сибири» без обязательств с ее стороны по полному обслуживанию коммерческого долга «Трансаэро»; 2) В качестве компенсации В. Филёв предложил отдать часть акций своей компании, а часть прибыли, зарабатываемая на них, принесла банкам реальный доход; 3) Доля «Сибири» в «Трансаэро» должна быть не менее 51 процента; 4) Росавиация, как представитель государственной власти, не должна аннулировать сертификат эксплуатанта «Трансаэро», так как это почти автоматически приведет к монополизации международных и внутренних маршрутов «Аэрофлотом».

Несомненно, возникал вопрос: а зачем успешной, динамично развивающейся компании, нужен проблемный актив в лице «Трансаэро»? Объяснение причин со стороны В. Филёва не носят исчерпывающего характера. В нескольких интервью, которые дал владелец «Сибири» журналистам, его аргументы сводятся к следующему. 1) Не допустить монополизации рынка перевозок «Аэрофлотом» и его дочерними авиакомпаниями, так как это, по словам В. Филёва, приведет к фактической делиберализации авиационного и банковского сектора. Достаточно пафосно, владелец «Сибири» высказался о монополизме на рынке авиационных перевозок: «...проблема в том, что сейчас мы вместе делаем страну, в которой потом сами не захотим жить. Я уже жил в стране, в которой был один «Аэрофлот», и мне там не понравилось» [5]. 2) Попытка диверсификации авиационного бизнеса, его расширения за счет



получения дальне-магистральных международных маршрутов, ранее эксплуатируемых «Трансаэро».

Бэкграунд владельцев авиакомпании «Сибирь» Натальи и Владислава Филёвых, как и их дальнейшие действия, позволяют предположить, что вторая причина была значительно важнее с точки зрения бизнеса. А бизнес для владельца частной компании, конечно, значимее красивой риторики о «делиберализации» и «монополизации».

Что же помешало «Сибири» осуществить задуманное, и по каким причинам владельцы компании отказались от проекта? Выход из сделки по приобретению акций «Трансаэро» был объявлен 2 ноября 2015 г. По словам Н. Филевой причиной отказа стало то, что основным акционер «Трансаэро» А. Плешаков не смог найти 51 % акций, свободных от обременения. Сам А. Плешаков трактует причины отказа семьи Филевых несколько иначе. Он связал этот ход с переговорами владельцев «Сибири» с руководством «Аэрофлота», сразу после которых и последовал отказ от сделки [4].

Можно предположить, что владельцы «Сибири» не смогли добиться обещания «Аэрофлота» о передаче части маршрутов «Трансаэро» группе компаний «S7 Airlines». Чуть ранее, 26 октября 2015 г. Росавиация аннулировала сертификат эксплуатанта у компании «Трансаэро». После вышеуказанных событий спасти обанкротившуюся компанию больше не было смысла.

Схватка «Аэрофлота» и «Сибири» за «наследство» «Трансаэро» показала, что у государственной компании в современной России лоббистские возможности гораздо больше, нежели у частной. Владельцам «S7 Airlines» дали понять, что монополистом на международных авиаперевозках останется «Аэрофлот», а остальные компании будут довольствоваться теми остатками, которыми с ними поделится крупнейшая российская авиакомпания.

Именно с этого времени АО «Авиакомпания «Сибирь» начинает помимо среднемагистральных рейсов отрабатывать стратегию освоения рынка региональных и даже местных маршрутов.

В 2017 г. «S7 Airlines берет в операционный лизинг на семь лет самолеты Embraer 170 (посадочная емкость — 78 кресел) в количестве 17 штук. За основу была взята хабовая система перевозок, а первым хабом должен был стать Новосибирск [3].

Первоначально карта маршрутов бразильского самолета охватила города Западной Сибири из Новосибирска до Тюмени, Нового Уренгоя, Ноябрьска, Горно-Алтайска. Как показала двухлетняя эксплуатация воздушного судна этого типа, он экономически рентабелен, хотя и не безупречен с точки зрения технического обслуживания.

В настоящее время сетью полетов на Embraer-170 из Новосибирска охвачены все крупные города Западной и Восточной Сибири, имеющие

соответствующую ВПП: от Улан-Удэ до Тюмени. Значительная часть региональных маршрутов, выполняемых из Новосибирска, субсидируется Министерством транспорта РФ в доле с органами исполнительной власти заинтересованных субъектов Федерации [7].

Субсидии на 2020 год распространяются на 12 маршрутов из Новосибирска (Барнаул, Воронеж, Горно-Алтайск, Кемерово, Магнитогорск, Надым, Нижний Новгород, Новокузнецк, Пермь, Ульяновск, Ханты-Мансийск). Предпринята попытка через субсидию войти на региональные маршруты Дальнего Востока из Благовещенска до Нерюнгри и Комсомольска-на-Амуре, а также, из Владивостока до Анадыря.

По признанию В. Филева, низкие предельные издержки авиакомпании и субсидии на часть направлений позволили сделать региональные перевозки в целом безубыточными.

Росту пассажиропотока на региональных маршрутах способствует и грамотная тарифная политика компании. Создается ощущение, что в основе формирования тарифа лежит не только себестоимость рейса или пассажиро-кресла, но и конкурентоспособность компании в сравнении с альтернативными видами транспорта. Нами были проанализированы цены на пассажирские перевозки поездами ОАО «Российские железные дороги» и самолетами авиакомпании «S7 Airlines».

Таблица 2

**Стоимость проезда железнодорожным транспортом и самолетами авиакомпании «S7 Airlines» из Новосибирска\***

Маршрут	Стоимость авиабилета (руб.)	Время в пути ВС (час.)	Стоимость ж/д билета (руб.)	Время в пути поезда (час.)
Улан-Удэ	12000	3.10	7800	40
Иркутск	10500	2.40	7400	34
Братск	10000	2	6300	26
Красноярск	5000	1.25	3500	11.44
Томск	1200	0.50	1300	4.49
Кемерово	1200	0.55	2000	5.30
Барнаул	1200	0.50	1600	5
Омск	2400–5000	1.25	3900	8

Из содержания табл. № 2 видно, что по многим маршрутам авиакомпания фактически ведет политику лоукоста, занимая нишу, в которой ра-

\* Стоимость авиационного билета приведена на основе тарифа «Экономный Базовый». Стоимость железнодорожного билета рассчитывалась исходя из запроса на нижнюю полку в купейном вагоне.

нее уверенно чувствовало себя ОАО «Российские железные дороги», то есть среди пассажиров, любящих комфорт купейных вагонов. При сопоставимых ценах скорость доставки из пункта **А** в пункт **Б** делает воздушный транспорт весьма востребованным на региональных перевозках.

Ценовой политикой на региональных авиаперевозках «S7 Airlines» заставляет снижать стоимость билетов другие авиакомпании, летающие по аналогичным маршрутам. Например, на протяжении нескольких лет по маршруту Иркутск–Братск летал самолет АН-148 авиакомпании «Ангара». Стоимость билета составляла около 7 000 руб. Весной 2019 г. на этот же маршрут зашла компания «S7 Airlines» с воздушным судном Embraer-170 и ценой билета от 4 000 руб. В результате иркутская компания была вынуждена значительно снизить стоимость билета. В настоящее время она начинается от 3500 руб.

Еще одной важной особенностью, отличающей «S7 Airlines» от других российских авиакомпаний, является глубокая диверсификация ее деятельности. В структуре компании работают несколько предприятий, обслуживающих не только основную деятельность «S7 Airlines», но и другие авиакомпании. Понимая, что линейное и, особенно, периодическое техническое обслуживание огромного парка ВС на чужих предприятиях очень затратно, собственники компании взяли курс на создание собственной базы для всех типов ТО. Поэтому был создан специальный холдинг «S7 Technics». Он оказывает услуги по периодическому и оперативному обслуживанию воздушных судов, ремонту авиационных двигателей, инженеринговой поддержке флота, комплексной модификации, покраске ВС; ремонту компонентов и систем.

Объемы перевозок и их география позволили создать по нескольким пунктам обслуживания, покрывающих практически всю территорию страны и маршруты для среднемагистральных авиалайнеров. Например, линейное техническое обслуживание (**Transitcheck, Dailycheck, Weeklycheck, A-Check, 750 FH, 600 RH**) проводят на станциях в городах: Москве, Минеральных Водах, Новосибирске, Иркутске, Якутске, Владивостоке. Базы для периодического обслуживания (**C-Check, D-Check, 12Y, 10Y**) расположены в аэропортах городов Москва, Минеральные Воды и Новосибирск. Такое расположение станций удобно для обслуживания парка ВС авиакомпаний из Европы, Азии, Ближнего и Дальнего Востока [8].

Для обслуживания выбраны типы самолетов, которые широко используются в авиакомпаниях России и за рубежом: Boeing-737 и Airbus-320 различных модификаций, Embraer-170, Суперджет-100.

Еще один, практически уникальный для России проект связан с созданием собственного авиационного учебного центра «S7 Training». Он располагает комплексом подготовки пилотов для воздушных судов

Airbus-320 и Boeing-737, не имеющих аналогов в России. Также в учебном центре имеется современный тренажерный комплекс для проведения аварийно-спасательной подготовки, позволяющий моделировать различные типы аварийных ситуаций, возникающих на борту воздушного судна (ВС) [2].

И, наконец, по нашему мнению, самый уникальный проект компании — «S7 Space» — первая в России коммерческая компания, предоставляющая полный цикл услуг по запускам космических аппаратов с использованием ракет-носителей «Зенит» [6].

Идея объединить авиационную и космическую отрасль не нова. За рубежом производством и эксплуатацией ракетно-космической техники занимаются два производителя гражданских и военных самолетов: американские корпорации «Боинг» и «Локхид-Мартин». Они строят разгонные блоки, космические платформы, спутники, компоненты для международной космической станции.

Весной 2018 г. «S7Space» объявила о покупке комплекса проекта «Морской старт», в который входят морское судно Sea Launch Commander, платформа «Одиссей» с установленным на них оборудованием ракетного профиля, наземная техническая база в американском порту Лонг-Бич и интеллектуальные права, принадлежащие компании Sea Launch, включая товарный знак.

В настоящее время компания перебазировала свой ракетно-космический комплекс в Россию. Предполагается, что после перехода стартовая платформа будет базироваться близ порта Славянка на Японском море в 50-ти километрах от Владивостока. Для продолжения работы в российской акватории «S7 Space» получило лицензию на осуществление космической деятельности в Российской Федерации. Лицензия предоставляет компании право на участие в международном сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Одна из текущих задач компании — разработка собственных ракет или взятие в совместную эксплуатацию ракет, уже летающих.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Авиакомпания «Глобус» : офиц. сайт. — URL: <http://www.globus-airlines.ru/> (дата обращения 12.01.2020).
2. Автономная некоммерческая образовательная организация «Авиационный учебный центр «С7 Тренинг» : офиц. сайт. — URL: <https://www.s7.ru/about/our-companies/s7training.dot> (дата обращения 17.01.2020).
3. Воробьев А. Владислав Филёв: «Гражданский авиапром на сегодняшний день глубоко убыточен» (Интервью с В. Филёвым) / А. Воробьев // Ведомости. — 2019. — 3 сент.

4. Калюков Е. «Трансаэро» связала отказ Филева от сделки со встречей с «Аэрофлотом» / Е. Калюков // Крах «Трансаэро». — 03.11.2015. — URL: <https://www.rbc.ru/business/03/11/2015/563871699a794755fb0cb880> (дата обращения 08.01.2020).
5. Кузнецова Е. «Аэропорт и авиакомпании не могут дышать порознь. По крайней мере долго» (интервью с А. Ереминым) / Е. Кузнецова // Коммерсант. — 2017. — 10 мая.
6. ООО «S7 Космические транспортные системы»: офиц. сайт. — URL: <http://s7space.ru> (дата обращения 23.01.2020).
7. Об утверждении перечня субсидируемых в 2020 году маршрутов: Приказ Росавиации № 1157-П от 13.11.2019 г. — URL: <https://www.favt.ru/public/materials/c/c/2/7/c/cc27c78cc4c3b10e8c038ba647943ed1PDF> (дата обращения 21.01.2020).
8. Холдинг «S7 technics»: офиц. сайт. — URL: <https://www.s7technics.ru/> (дата обращения 30.01.2020).
9. Хренников И. «Если можно купить дешево, мы всегда купим» (Интервью с В. Филёвым) / И. Хренников // Ведомости. — 2004. — 30 июля.
10. Электронный эколог E-ECOLOG.RU // Бухгалтерская отчетность ОАО «Авиакомпания «Сибирь». — URL: <https://e-ecolog.ru/buh/20132017/5448100656> (дата обращения 03.02.2020).

### Информация об авторе

*Волосов Евгений Николаевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры технической эксплуатации и сервиса на воздушном транспорте Иркутского филиала МГТУ ГА. E-mail: [volosov@rambler.ru](mailto:volosov@rambler.ru). 664047 Иркутск, ул. Коммунаров, д. 3.

### Author

*Evgeny N. Volosov* — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Technical Operation and Service in Air Transport of the Irkutsk branch of MSTU CA, 3, Kommunarovstr, Irkutsk, 664003. E-mail: [volosov@rambler.ru](mailto:volosov@rambler.ru).

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.34

УДК 625.1

ББК 39.20(2Рос.-4Ирк.)

**С.В. ГУЗЕНКОВ**

## ПРОЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЛЕНСКОМ КРАЕ (НАЧАЛО XX В.)

Автор статьи, опираясь на источники, анализирует варианты направлений возможного строительства Ленской железной дороги.

**Ключевые слова:** транспортное освоение Ленского края, варианты строительства Ленской железной дороги, история железнодорожного транспорта Восточной Сибири, экономическая история Сибири.

S. V. CUZENKOV

## THE PROJECTS OF RAILWAY CONSTRUCTION IN LENSKY REGION (THE BEGINNING OF XX)

The author of the article, based on sources, analyzes options for possible construction of the Lena railway.

**Keywords:** transport development of the Lena region, options for the construction of the Lena railway, the history of the railway transport of Eastern Siberia, the economic history of Siberia.

В начале XX в. предприниматели, и прежде всего золотопромышленники, утвердились во мнении необходимости строительства железной дороги в Ленский край. Взяв инициативу в свои руки в 1905 г. Иркутское горное управление командировало инженера С.Ф. Малявкина для проведения барометрических изысканий от с. Тулун до Усть-Кута. По результатам изысканий Иркутское горное управление представило в Министерство торговли и промышленности обстоятельный доклад, убеждая правительственных чиновников проложить рельсовый путь. Одновременно ходатайство о проведении железной дороги Тулун — Усть-Кут поступило и от Бюро съезда золотопромышленников Ленского горного округа. За строительство дороги высказались делегаты VIII съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов, состоявшегося в Бодайбо 11–14 марта 1906 г., а затем и участники частного совещания (14 августа 1906 г.). Правительственные круги с пониманием восприняли ходатайства золотопромышленников, но не дали гарантии на строительство Ленской дороги, поскольку ожидали «убыточность ее».

Участники V секции «Общего совещания о путях сообщения Сибири» на заседании, состоявшемся 16 декабря 1906 г., заслушав доклад С.Ф. Малявкина, постановили «1. Постройка Ленской дороги за счет государства должна быть поставлена в первую очередь. 2. Принять за направление Ленской дороги [линию] Тулун — Усть-Кут. 3. Построить участок Тулун — Братский Острог широкой колеей, а участок Братский Острог — Мамырь — Усть-Кут — узкой колеей» [1, л. 25 об.]

23 декабря 1906 г. делегаты «Общего совещания» вновь вернулись к обсуждению вопроса о строительстве дороги на Лену; а по завершению приняли резолюцию: «Признавая существенно важным связать Сибирскую магистраль с р. Ленной железнодорожной линией, избрать направлением для нее линию на Усть-Кут. Что же касается пункта магистрали, от которого должна направляться означенная линия, то таковой пункт должен быть выяснен при специальных детальных исследованиях ...

железнодорожной линии, проведение... линии поставить в первую очередь» [1, л. 25 об.]

Во исполнение резолюции совещания «заинтересованные лица» приступили к «специальным детальным исследованиям», растянувшимся на несколько лет. К работе были привлечены специалисты, хорошо знающие исследуемый район. Понимая необходимость железной дороги для Ленского края, рассматривая ее как важный рычаг экономического развития, тем не менее, существовали различные мнения о вариантах строительства трассы.

Представить «мнения» — задача автора данной статьи. Автор не претендует на полноту изложения темы, а лишь намечает контуры дальнейшего исследования, которое необходимо для понимания полноты процесса транспортного освоения Приленского края в начале XX в.

Летом 1910 г. Лензото поручило инженеру путей сообщения В.А. Важеевскому «1) выяснить наиболее целесообразное направление соединения р. Лены с Сибирской железной дорогой, 2) произвести барометрические изыскания с возможно большей точностью по направлению, указанному Совещанием 1906 г., а именно по направлению Тулун — Усть-Кут с тем, чтобы выяснить технические условия проведения железной дороги, длину и стоимость ее сооружения, 3) определить существующий грузооборот по реке Лене и выяснить данные, по которым возможно судить о грузообороте проектируемой железной дороги» [3, с. 3.]

Изыскательская группа выполнила поставленные перед ней задачи. Удалось не только собрать необходимую документацию, находящуюся в Иркутске, Петербурге, пройти и описать маршрут Иркутск — Верхолениск, но и осуществить барометрическую рекогносцировку линии Тулун — Братский Острог — Мамырь, что позволило составить проект и «расценочную ведомость» линии Тулун — Усть-Кут. В.А. Важеевский, выполняя задание, опирался на «наработки» своих предшественников (инструментально снятый план вдоль дороги Большая Мамырь — Усть-Кут, план р. Ангары, снятый в 1888 г. инженером М.В. Чернцовым, план барометрической рекогносцировки участка Братский Острог — Усть-Кут, как часть рекогносцировки Северо-Байкальской железной дороги, выполненной полковником Волошиновым, профиль колесной дороги Тулун — Братский Острог — Мамырь и др.), высоко оценивая и оказавших помощь при выполнении «поручения».

Отмечалось несколько положительных факторов при характеристике «варианта» Иркутск — Верхолениск.

Во-первых, длина железнодорожного пути составит относительно не большое расстояние — 240 верст. «Совершенно ровная местность» не повлечет больших финансовых затрат. Расчеты показали, что стоимость

дороги незначительна — «с подвижным составом вероятно не дороже 40 тыс. руб. на версту пути». Возведение моста через Ангару будет выполнено на средства, выделенные из городского бюджета Иркутска.

Во-вторых, линия проходит по населенной местности и «выкинет» 272 версты почтового тракта.

В-третьих, «линия соединяет Приленский край с культурно-административным центром, к которому и сейчас имеет тяготение; ... проезжая по этому направлению в конце августа этого 1910 года, я встречал идущие на Лену от Иркутска обозы с различными грузами до 300 подвод в сутки» [3, с. 6].

Однако этот вариант не может рассматриваться, как основной. «К сожалению, все выгоды этого направления уничтожаются одним обстоятельством, имеющим огромное значение, а именно тем, что р. Лена не судоходна до г. Верхоленска, ... от Качуга река имеет сплавной характер. Летом и осенью сплав или вовсе невозможен, или возможен с неполной нагрузкой сплавных посуд, что удорожает доставку», отмечал В.А. Важеевский [Там же, с. 7].

Однако допускалась возможность «во вторую очередь» строительства железной дороги Иркутск — Верхоленск с продолжением ее до Северо-Байкальской линии, или до ветки Иркутск — Жигалово (Усть-Илга), но при условии расчистки фарватера до Усть-Кута, чтобы расширить возможности судоходства. По мнению инженера, вариант линии Тьерь — Жигалово не следует рассматривать, прежде всего потому, «что Лена от Жигалово не судоходна, а если все же допустить возможность сооружения ее, то затраты на версту — пути исключительно высоки, в том числе и потому, что потребуются сооружение моста через Ангару... Этот проект не находит себе оправдания и с точки зрения дальнейшего развития сети железных дорог», — писал Важеевский [Там же].

По мнению руководителя экспедиции, выбор ст. Тулун, «как выходного пункта с Сибирской железной дорогой на Усть-Кут», был обусловлен тем, что это направление имеет «наименьшую строительную длину». Вариант Ключинская — Братский Острог имеет перспективы развития и «вероятно потребует значительного удлинения на развитие линии», но прежде всего Тулун был определен совещанием 1906 г., как начальный пункт железной дороги», а выбор конечной станции связывали с тем обстоятельством, что Лена от Усть-Кута «судоходна все время навигации» [Там же].

Важеевский считал, что «проведение» Ленской железной дороги даст мощный толчок экономического развития «огромной территории», а «экономическое развитие Приленского края будет иметь следствием усилением политического могущества России на Дальнем Востоке» [Там же, с. 24].



Сторонники варианта Тулун — Усть-Кут полагали «1) Дорога, выходящая на Усть-Кут, соединит Сибирскую магистраль с р. Леною в таком пункте, откуда река становится в течение всего навигационного периода доступна пароходам и баржам, поднимающим не менее 20 тыс. груза и имеющим осадку не менее 5 четвертей.

При некотором улучшении фарватера и обстановке его возможно обеспечить беспрепятственный проход судам и с гораздо более глубокой осадкой.

Благодаря возможности при этих условиях передвигать грузы без перегрузки с мелкосидящих судов, уничтожатся излишние расходы, пароходство сможет работать так, как оно работает на других реках и фрахты могут быть понижены почти до размера волжских. Это даст возможность устроить сбыт из Якутской области массовых товаров. Кроме того, сдача товаров с железной дороги прямо на пароход, который доставит груз до места назначения, устраняет излишних посредников и делает возможным скорейший оборот средств.

2) Проведение дороги на Тулун даст возможность Ленскому краю получать грузы с запада по более кратчайшему направлению. Сворачивая с Сибирской магистрали, с Тулуна, грузы будут делать пробег всего в 612 верст, и достигать судоходной пристани на р. Лене. При других же вариантах грузу от Тулуна придется пройти по жел. дороге до Тырети 160 верст, до Иркутска 366 верст и затем еще гужем до Жигалово 270–376 верст и сплавом путь до Усть-Кута 327 верст, а, в общем, в 757–1 069 верст.

Пройдя таким путем на 145 до 487 верст пути более, чем по варианту Тулун — Усть-Кут, грузы, идущие на Лену с запада, должны будут совершить путь в 327 верст сплавом по воде через 20 более или менее значительных перекатов. Мелководье в этой части реки часто расстраивало все планы грузоотправителей и все расчеты грузополучателей.

Таким образом, совершив кругной путь, грузы попадут в тот же Усть-Кут, где придется их переключать на более глубоко сидящие суда или сплавлять в неуклюжей «посуде».

3) Удешевление товаров, необходимых для Ленского края вообще, и в частности, выписываемых для золотопромышленных районов, удешевит производство в крае настолько, что для эксплуатации станут доступны площади с содержанием золота менее чем в 1,5 золотника на 100 пудов породы. Благодаря этому обстоятельству откроется для выработки площадь в три раза большая, чем разрабатываемая ныне. Благодаря возможности выступлению мелким золотопромышленникам, добычи золота увеличатся сразу на 50 %. Такой эволюции золотопромышленности не может вызвать проведение дороги на Жигалово, так как необходимые грузы пойдут прежним кругным путем, доставка будет

затрудняться мелководьем участка Жигалово — Усть-Кут, не отпадает масса лишних перегрузок... Вся выгода от дороги на Жигалово выразится в удешевлении, происходящего от замены гужевой доставки пробегом по железной дороге, т. е. всего на 40 коп.

Провоз пуда товара от ст. Тулун до Бодайбо по направлению Тулун — Усть-Кут в среднем составит 43 коп. Тогда как провоз того же пуда с пробегом через Иркутск на Жигалово составит 92 коп.

4) Удешевление фрахтов пароходных и свободный доступ на Сибирскую магистраль откроет возможность вывоза мяса из Якутской области. Взамен дешевого хлеба Якутская область даст мясо, ныне приобретаемое в Монголии. Сбыт мяса не может развиваться при необходимости перегрузки на мелкоосидающие суда и транспорте через перекаты.

5) Тулун — Усть-Кутское направление гарантирует Якутскую область от последствий неурожая. В настоящее время результаты урожая выясняются, тогда, когда наступает мелководье в верховьях р. Лены. В случаях недорода Якутская область, благодаря щелям между Усть-Кутом и Жигалово, оказывается лишенной возможности получить хлеб и в результате является голод и недостаток семян. Этот риск не устраняется проведением дороги до Жигалово.

6) Рыбные богатства Ленского края не могут найти себе выхода, пока не будет соединена судоходная часть р. Лены с Сибирской магистралью. При проведении дороги на Усть-Кут рыба пойдет с низовьев Лены на Сибирскую магистраль.

7) В свою очередь развитие рыбного промысла даст толчок к возникновению добычи соли в Якутской области. Соль же, добываемая по Вилюю, может пойти на восток и вытеснит 4 мил. пуд. иностранной соли, ныне покупаемой для нужд Амурской и Приморской областей.

8) Создание дороги Усть-Кут — Тулун даст возможность в настоящее время снабдить солью из Усть-Кутских варниц всю среднюю и часть восточной Сибири.

9) Этот же путь даст толчок к развитию железного дела в пределах Нижнеудинского уезда, так как имеются все данные для развития этой промышленности: огромное количество великолепной руды, запасы топлива, обеспеченный сбыт. Н. Николаевский завод... возобновит свою деятельность... Для железа нужен выход не к западу, навстречу Уральскому железу, а к востоку.

10) Вариант Тулун — Усть-Кут, содействуя экономическому развитию Ленского края, открывая его для колонизации и облегчая доступ в него, окажет влияние в том смысле, что создаст рынок необходимый для района Иркутской губернии, ныне усиленно колонизируемой переселенцами. В частности, благодаря Тулун — Усть-Кутскому направлению, облегчит-

ся и заселение Нижнеудинского уезда, а также и Чунского района в Енисейской губернии.

11) Проведение дороги... даст возможность непосредственно воспользоваться новой дорогой большему району и большему количеству населения. Благодаря тому, что Ангара имеет течение по направлению к дороге, в сферу влияния этого пути войдут уезды Иркутский, Балаганский, Нижнеудинский и часть Киренского, тогда как восточные варианты, пересекающие Ангару выше по течению, непосредственно будут обслуживать лишь уезды Иркутский, Балаганский и Верхоленский. Правда, уезды Балаганский и Верхоленский самые хлебородные, но благодаря Ангаре и сплаву по Лене, эти уезды всегда смогут сбывать свои избытки (когда таковые создадутся) пользуясь водными путями.

12) С проведением дороги на Усть-Кут будем иметь еще новый удобный путь к Великому океану: по р. Лене и притокам до селения Нелькан на пароходах, а оттуда трактом около 200 верст до порта Аяна на берегу Охотского моря.

13) В стратегическом отношении важно, чтобы был заложен головной участок дороги, имеющей соединить прямым путем западную Сибирь с Амурской областью дорогой, которая прошла бы с запада на восток севернее Байкала. При таком направлении дороги, не страшен прорыв неприятеля около Южного края Байкала, близко расположенного около Китайской границы. Соображение это тем более имеет значение, что предстоит постройка дороги «Мысовая — Кяхта», облегчающей наступление на Сибирскую магистраль около Иркутска» [4, с. 231–233].

Мнение о вариантах строительства «о железных дорогах на Лену» высказал и В.А. Обручев. В «Комиссию для собирания сведений по вопросу об Иркутско–Ленской ж. д.» он отправил письмо, в котором высказал свою точку зрения по этому вопросу.

Ученый считал, что достоинства варианта Тыреть — Балаганск — Жигалово («более короткий путь... для грузов, идущих с запада в бассейн Лены и обратно, довольно обширный и более южный колонизационный район, возможность эксплуатации лесов /... к востоку от р. Ангары/) не «перекрывает недостатков его («выход на р. Лену в ее верхнее течение, страдающее мелководьем, отсутствие полезных ископаемых, кроме гипса и может быть поваренной соли и медных руд, ввиду того, что линия пройдет исключительно по красноцветным девонским... отложениям: два трудных для постройки перевала между Балаганском и Жигаловым) и не поддержал это направление, а полагал, что выбор может идти между вариантами Тулун — Братский Острог — Усть-Кут и Иркутск — Верхоленск — Жигалово [4, с. 20 прил.].

Подчеркивая значимость этих путей, профессор писал: «...каждый из них имеет свои большие достоинства; и выбор был бы труден, если упустить из виду следующее: все эти пути должны связать бассейн р. Лены с магистралью Сибири; если считать, что ж. д. только дойдет до р. Лены, и на этом дело станет, то первый путь, кратчайший с запада и выходящий к судоходной части р. Лены, несомненно, заслуживает предпочтение, ... хотя и он имеет недостатки: большая стоимость сооружения в виду длины линии и трудных местных условий; плохие качества земель в виду северного положения, заболоченности долин, глухой тайги, обилие насекомых (гнуса), недостаточные ископаемые богатства в виду состава почвы: ... траппы и девонские ... отложения (песчаники, мергели, глины...). Но выход к реке, по которой навигация продолжается только 4-4½ месяца, конечно, представляет только временный этап в развитии путей сообщения» [5, с. 21, прил.].

В.А. Обручев высказал уверенность в том, что «...линия должна идти дальше, к богатому приисковому району Бодайбо, куда направляется главная масса грузов и пассажиров. Этот конечный путь легче достигим при третьем варианте, ... хотя и он имеет свои недостатки: наибольший пробег грузов, идущих с запада в бассейн Лены и обратно; выход на р. Лену в ее мелководную часть ..., чем при первом: вести жел. дорогу по узкой и извилистой долине р. Лены, с массой свальных работ, особенно ниже г. Киренска, и затем вверх по долине р. Витима до Бодайбо, обойдется чрезвычайно дорого; на всем этом протяжении земель, удобных для колонизации, очень мало; полезных ископаемых, кроме соли, нет» [Там же].

Сам же В.А. Обручев стоял на позиции реализации третьего варианта, солидаризируясь с мнением Я.Д. Фризера, думой г. Иркутска и других сторонников. Он писал: «...продолжение линии к Бодайбо ответвится где-нибудь вблизи гор. Верхоленска, перевалит в долину р. Киренги, очень широкую и удобную для колонизации, выйдет к северному концу Байкала, пройдет по долине р. Верхней Ангары и перевалит к р. Витиму у Бодайбо. Это будет кратчайшее направление и по условиям сооружения значительно менее дорогое, чем путь по р. Лене: помимо этого, он оживит совершенно заброшенный край, даст два крупных колонизационных района — на р. Киренге и Верхней Ангаре, — откроет выход огромным лесным запасам и ввиду обилия метаморфических сланцев и кристаллических пород на ⅔ своего протяжения, подаст надежды на развитие горного дела, особенно золотого» [4, с. 21 прил.]. И заключает: «...нельзя не отдать предпочтение третьему варианту и пожелаем скорейшего его осуществления» [5, с. 21 прил.].

По сметным предположениям инженера Важеевского на строительство Ленской железной дороги (вариант Тулун — Усть-Кут — 586 верст)

потребуется 79 594 000 руб. При этом «строительный капитал» составит 40 879 000 руб., а облигационный — 38 715 000 руб., расходы же на версту — пути «определялись» в 3 700 руб., с учетом процента на «строительный капитал» — 3 960 руб. [3, с. 20]. Путь возможно проложить в течении четырех лет.

Определить грузооборот дороги было достаточно сложно, но инженер «осторожно» предположил, что годовой грузооборот составит 6–7 млн. пудов, а пассажироперевозки 100–150 тыс. чел. По мере «развития дороги» грузооборот будет превзойден [Там же, с. 19]. Расстояние от Тулуна до Усть-Кута грузо-пассажирский состав должен был пройти за сутки.

Проектант допускал возможность ослабления или полного прекращения товарно-пассажирского движения в зимние месяцы, когда «господствуют» низкие температуры, возможны ветра, метели. Он писал: «... в сутки предположено движение одной пары товарно-пассажирских с 17 товарными вагонами и одной пары товарных поездов с 27 вагонами. Грузоподъемность вагона — 900 пудов, считая среднюю поезда в 700 пудов, а поезда полного состава, получим, что 7 млн. пудов транзитного груза может перевезено за 230 дней. Следовательно, на остальные 135 дней — 4½ месяца зимнего времени движение может быть ослаблено до одной пары товарно-пассажирских поездов (или даже вовсе прекращено)» [Там же, с. 21].

В первые годы работы тарифы будут повышены, что следует связывать с необходимостью покрытия эксплуатационных расходов и необходимостью погашения процентов на затраченный капитал. По мере того, как показатели валового дохода и расходы по эксплуатации с учетом процента на «строительный капитал» будут абсолютно равны, то возможно понижение тарифа [3, с. 20]. При этом рассчитывался сезонный механизм сокращения стоимости провоза пуда груза [3, с. 24].

Доходы на версту — пути должны были составить 8 300 руб., а именно: 1) доход от транспортировки транзитного груза 7 000 руб.; 2) пассажирское движение (вагоны III класса) — 1 000 руб. Учитывалось возможное сокращение пар почтовых лошадей, работающих на тракте Иркутск — Жигалово — Усть-Кут, по крайней мере, наполовину; экономия почтовых расходов составит 183 350 руб. в год, а доход на версту — пути 300 руб. Эксплуатационные расходы устанавливались приблизительно в 2 500 руб. на версту — пути [3, с. 21].

Несмотря на то, что сторонники варианта Тулун — Усть-Кут, прежде всего золотопромышленники, настойчиво, аргументированно убеждали министерства и ведомства принять их доводы и оказать содействие в строительстве Ленской железной дороги, положительного решения не последовало. Правительство не откликнулось и призыв генерал-губер-

натор Югазна незамедлительно дать согласие на подготовку Устава Ленской железной дороги, прозвучавший в феврале 1917 г. в письме к министру финансов П.Л. Барку [2, л. 7-7 об.].

Сложная ситуация внутри страны, непростая международная обстановка «отодвинули» этот вопрос. Правящие круги, от которых зависело принятие положительного решения, понимали, что реализация проекта потребует значительного финансирования и не совсем ясна была «экономическая польза» от Ленской железной дороги.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 31 (Управление строительной и дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе). — Оп. 1. — Д. 245.
2. ГАИО. — Ф. 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора (1887–1917 гг.)). — Оп. 10. — Д. 1967.
3. Пояснительная записка к проекту Ленской железной дороги / сост. инженер п. с. В. А. Важеевский. — Санкт-Петербург, 1911. — 24 с.
4. Ленская дорога и ее экономическое значение / сост. заведующий работами по экономическому обследованию района изысканий жел. дор. в бассейне р. Лены А. Е. Богдановский. — Санкт-Петербург, 1911. — 296 с.
5. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск — Жигалово (Уст-Илга), вероятном грузообороте этой ж. д. и о продолжении ее до г. Бодайбо / сост. И. И. Серебренников. — Иркутск, 1912. — 202 с.

### Информация об авторе

*Гузенков Сергей Васильевич* — кандидат исторических наук, e-mail: s-guzenkov@mail.ru.

### Author

*Sergej V. Cuzenkov* — PhD in History; e-mail: s-guzenkov@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.35

**О.А. ЗАДОРЖНЯЯ**

УДК 9.93

ББК 63.3

## СОСТАВ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЧНОГО АГЕНТСТВА «ТОВАРИЩЕСТВА ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ» В ТОМСКЕ (1898–1917 ГГ.)

Анализируется процесс становления одного из ведущих производственных подразделений речной компании Обь-Иртышского водного бассейна в конце XIX – начале XX вв. Проблема менеджмента в период распростра-

нения капиталистических отношений за Уралом связана как с географическим фактором, так и с традиционными отношениями в деловом мире Сибири, сменой парадигмы для нового собственника. Спецификой работы речного агентства становился как фактор производственный, так и человеческий, так как агент выполнял функцию посредника между всеми участниками рынка.

**Ключевые слова:** речная компания, речное агентство, пристань, водный бассейн, Обь-Иртышский водный бассейн, агент, грузоперевозки.

*O. A. ZADOROZHNYAYA*

## **COMPOSITION AND ACTIVITIES OF THE RIVER AGENCY «PARTNERSHIP OF THE WEST SIBERIAN SHIPPING COMPANY AND TRADE» IN TOMSK (1898–1917)**

The article analyzes the process of formation of one of the leading production divisions of the Ob-Irtysh river company in the late XIX – early XX centuries. The problem of management in the period of the spread of capitalist relations beyond the Urals is related to both the geographical factor and traditional relations in the business world of Siberia, a paradigm shift for the new owner. The specifics of the river Agency's work became both the production factor and the human factor, since the agent served as an intermediary between all market participants.

**Keywords:** river company, river Agency, Marina, water pool, Ob-Irtysh water pool, agent, cargo transportation.

Появление в Обь–Иртышском водном бассейне крупного перевозчика «Товарищества Западно–Сибирского пароходства и торговли» (далее — Товарпар) было связано с инициативой судовладельцев Томской губернии по объединению капитала [8, с. 4–6]. Но различный подход к ведению предпринимательской деятельности, влияние финансово-кредитных учреждений поставили вопрос о расширении полномочий и функций местных подразделений. 15 речных агентств было открыто в городах по Семипалатинской, Томской и Бийской речным линиям, что не нарушало устоявшийся ранее порядок. Изменение политики Товарпара поставило перед агентствами задачи по увеличению объемов перевозок, расширению ассортимента оказываемых услуг, по выбору тактики в конкурентной борьбе и т.д. Поэтому подразделения на местах становились аккумуляторами человеческого капитала и материально-технической базы. После переезда главной конторы товарищества в Петербург наметилось несколько тенденций в развитии оставшихся структурных подразделений в Сибири:

- агентства ставились более самостоятельными как в обслуживании, так и в своей предпринимательской политике;

- объем полномочий расширялся на, что оказывали влияние авторитет руководства и профессионализм коллектива;
- складывался комплекс недвижимого имущества Товарпара;
- для каждого действующего агентства определялась конкретная роль в стратегии и тактики Правлением и т.д.

Соответственно, из-за своего географического положения Томск выступал не только крупным населенным пунктом в Обь-Иртышском вводном бассейне, но и основным распорядителем Томской речной линии для всех подразделений компании в данном регионе. Основное отличие между агентствами Семипалатинской и Томской линиями, в том, что: первая из них всегда приносила большую часть дохода, вторая — перспективное направление. После 1905 г. на городские подразделения Товарпара была переложена работа по разработке и эксплуатации рентабельных речных маршрутов. Изменение численности населения Томска с 52 210 человек (1898 г.) до 101 129 чел. (1917 г.) способствовало увеличению объемов грузопассажирских перевозок и решало проблему найма рабочих и служащих.

Отметим, что агентство в Томске ранее входило в состав компании одного из учредителей товарищества, соответственно основа и деловые связи уже была в данном регионе. Поэтому первым важным шагом для агентства Товарпара была закрепление в городе на постоянной основе и определение категорий необходимых хозяйственно-производственных объектов. В состав подразделения вошли соединенные две пристани, третью пристань оставалась самостоятельной, пристань для складирования сахара и две зимовки по Томской линии (см. табл. № 1). Но расширение производственных площадей привело к фактическому слиянию пристани для складирования сахара (складские помещения) и Черемошевской пристани в одно подразделение. Отметим, что станция Черемошки Сибирской железной дороги была соединена с пристанью на реке Томь железнодорожной ветки [3, л. 12 об. — 14 об.]. Решением Правления ближайшие к городам зимовки судов были переданы в подчинение местным агентствам, но зимовка № 3 располагалась в городской черте и впоследствии была преобразована в отдельную пристань. Отметим, что Правление Товарпара приняло такое решение по ходатайству Томского агентства и это позволило увеличить грузооборот водного бассейна.

Практически вся территория для размещения агентства в Томске была арендована у Городской Думы и местного лесничества.



Таблица 1

**Характеристика подразделений Томского агентства Товарпара  
в конце XIX — начале XX вв.**

Категория	Расположение	Площадь (кв. саж.)	Аренда в год	Стоимость помещений (рубль-коп.)	Арендодатель
Пристань № 1 и № 2	город	2 310	1 532	1 3967– 30	Томское городское общество
Пристань № 3 (зимовка № 3)	город	–	1 200	4 719–75	Томское городское общество
Пристань для склада сахара/ Черемошевская пристань	город	–	960/ 1 247	11 487– 45	Томское городское общество
Зимовка при Иштанском затоне	за городом	–	25	991–01	–
Зимовка при Сенной Курье	за городом	4 930	9	2 821–50	Нелюбинского лесничества

По данным источников, общая годовая арендная плата доходила до 4 973 руб., а по отдельным участкам колебалась от 9 до 1 532 руб. Такой разброс оплаты связан с расположением участков, их обустроенностью и наличием других претендентов на аренду: самая большая оплата взималась за береговую линию под пристанями № 1 и № 2, самая маленькая — за зимовку (см.: табл. 1 [1, л. 14–16; 3, л. 12 об.–16]). В целом механизм формирования арендных выплат будет отражать укрепляющееся финансовое положение и повышении роли Товарпара в деловом мире. Так, после 1908 г. оплата за аренду участка для пристани № 1 будет рассчитываться ежегодно: в среднем по одному рублю за квадратную сажень. Оплата за Черемошевскую пристань будет осуществляться взаимозачетом по договору о речных перевозках и размещении арестантов в помещениях и специальном арестантском дворе с навесом для теплого времени года [7, с. 8]. Для получения дополнительной прибыли Томское агентство в период неудачной навигации неиспользованные земельные участки сдавало в субаренду на короткий срок. Также арендный договор предусматривал различные дополнительные условия, например, строительство помещений, благоустройство территории пристаней, организацию временных стоянок судов и т.д. Как правило, отдельным пунктом предусматривалась безвозмездная передача построек арендодателю по

окончанию или расторжению договора. Такая политика позволяла превращать арендованные территории в привлекательное и удобное место как для пассажиров, так и заказчиков. В распоряжении Томского агентства находилось 59 объектов недвижимости разного назначения, но связанные с обслуживанием судов перевозящих пассажиров, грузы и участвующих в выполнении различных заказов (см.: табл. 2 [1, л. 14–15; 3, л. 12 об.–16]).

Таблица 2

**Состав недвижимого имущества Томского агентства Товарпара  
в конце XIX — начале XX вв.**

Категории имущества	Пристань			Зимовки		Всего
	№ 1 и № 2	№ 3	у сахарного склада/ Черемошевская пристань	Иштонский затон	Сенная курья	
Двухэтажный деревянный дом с каменным фундаментом, железной крышей	1	1				2
Двухэтажный деревянный дом с железной крышей	3		-/1			4
Двухэтажный деревянный крытый тесом					3	3
Одноэтажный деревянный дом			1/-			1
Флигель	1				1	2
Казарма				1	1	2
Изба	1					1
Флигель-караульная изба	1					1
Пакгауз деревянный крытый железом		2	2/3			7
Пакгауз на столбах	5		1/1			7
Пакгауз на плахах	2					2
Навес-пакгауз			-/1		1	1
Материальная		1		1		2

Продолжение табл. 2

Сарай					1	1
Угольник	1				1	2
Погреб	2		1/1			4
Навес	2	2	-/1			5
Арестантский двор с навесом			-/1			1
Баня					1	1
Слесарня					2	2
Кузнеца					1	1
Столярная					1	1
Конюшня и каретник с сеновалом	1					1
Конюшня	1					1
Конюшня, завозня			-/1			1
Коровник с сеновалом	1					1
Набережная с укреплением			-/1			1
Заплоты						
Всего	22	6	16	2	13	59

Все помещения компании условно можно разделить на несколько групп по выполняемым хозяйственным задачам. Первую группу составляли помещения для пассажиров и клиентов, ожидающих груз, судовых команд и наемных рабочих. Это были: девять двухэтажных деревянных домов, один одноэтажный, две казармы, флигель, изба и флигель-караульная изба. Безусловно, ценностью обладали двухэтажные дома с каменным фундаментом и железной крышей, так как это были капитальные здания, где находилась контора агентства, билетная касса и временные отделы, которые обслуживали весь Обь-Иртышский бассейн. Отметим, что на территории зимовки у Сенной Курьи было построено три больших двухэтажных крытых тесом здания для проживания судовых команд, ремонтных артелей как на время навигации, так и после нее. При технической необходимости проходящие пароходы могли остановиться на ремонт в затоне, а пассажиров и сопровождающие переводили в капитальные помещения из кают. На территории обеих зимовок для переселенцев и арестантов, перевозимых судами Товарпара были устроены флигель и две казармы. В остальное время этими помещениями, а также оборудованной баней и кухней пользовались зимующих здесь судовые и ремонтные команды.

Вторая группа помещений Томского агентства — это 25 складов различного типа, предназначенных не только для грузов, но и для хозяйственных нужд подразделения Товарпара. Наиболее значимыми для грузооборота было 14 пакаузов, где складировался груз перед навигацией и для транзитных судов. В договоре с заказчиком предусматривался вариант самостоятельного следования груза под ответственность перевозчика, который выполнял эту функцию за дополнительную плату [2, л. 33 об.–36]. Для организации быстрой разгрузки и погрузки в пакаузах устанавливалось специальное оборудование (весы, подъемник, телеги, брандмауэр) и средства пожарной безопасности. В составе Томского агентства находилось два пакауза с пристройкой-глаголем для ценного груза (см. табл. 2). На зимовке Сенной Курии располагался еще один вид пакауза с навесом, для размещения товара на несколько суток в ожидании попутного судна. Отметим, что правила перевозки грузов позволяли заказчику взять краткосрочную ссуду на период доставки. Материальня для складирования собственного оборудования, инструментария, запасных частей находилась в Иштонском затоне, а запасы продовольствия, часть ремонтно-технических средств хранились в отдельном-стоящем сарае на территории зимовки у Сенной Курии. Также на городских пристанях было устроено пять специальных навесов с простыми ограждениями для размещения объемного груза. Для хранения скоропортящегося товара и хранения продовольственных припасов использовали четыре погреба. К специальной группе хозяйственных построек относились: 2 угольники — для хранения запасов угля [4, л. 18–20].

В арендных договорах Товарпара указывалось что территория пристаней должны быть удобной для клиентов, поэтому оборудовались деревянные мостовые, набережные, за которые компания несла ответственность перед городом. Агентству приходилось проводить как косметический, так и капитальный ремонт помещений различного назначения, строить новые здания или расширять старые за счет новых пристроек.

Нередко суда из-за неблагоприятных погодных условий или из-за поломок вынуждены были останавливаться на более продолжительный срок стоянки, поэтому для пассажиров были организованы кухни и буфеты, а также мест отдыха [7, с. 7–8]. В распоряжении агентства находилось 3 конюшни с наличием лошадей, при которых была завозня (огород), каретник и коровник.

Организовав стабильную деятельность агентства по обслуживанию судов, подготовки к навигации Правление рекомендовало расширять сферу деятельности за счет оказания различных услуг местному населению. Это новое направление речной компании включало: предоставление мест для хранения, доставка груза без сопровождения в ближайшие населенные пункты, перевозку и доставку почты и т.д.

В межнавигационный период подразделения агентства — две слесарни, столярня и кузнеца принимали заказы от местного населения и промышленных предприятий по изготовлению и ремонту различных металлических изделий. Однако в отличие от Омского агентства численность потенциальных клиентов в Томске была небольшой из-за удаленности мастерских, расположенных на территории зимовки у Сенной Курьи, а также создания здесь большой базы для ремонта паровых и непаровых судов Товарпара [1, л. 16].

Важно, что помимо пристаней Томское агентство располагало ремонтно-механическими подразделениями, в которых после навигации находили работу члены судовых команд. Наличие хозяйственных, производственных и жилых помещений, значимость на речном маршруте города определяла не только функции данного подразделения, но особенности трудового коллектива.

Для обслуживания структурных частей речного агентства привлекалось несколько категорий работников:

- служащие агент, конторщик, пакагаузный (не каждый год), приказчик (6–13), служащий;
- работники, обслуживающие агентство — дворник, кучер, караульные, рассыльные;
- временные рабочие — рабочие на конторках, подручные и матросы на конторке, грузчики.

Возглавлял речное агентство, а соответственно все подразделение в Томске агент П.А. Петелин, который пользовался поддержкой главной конторы в Тюмени. Специфика данной должности была в том, что для каждого агента четко определялись персональные функции. Ранее Петелин занимал эту должность у одного из учредителей Товарпара, поэтому он располагал значительными полномочиями в коммерческой и производственной сферах деятельности. В его обязанности входило: регулирование и организация перевозки груза и пассажиров по Томской речной линии, разработка прибыльных маршрутов для речного транспорта, поиск и привлечение заказчиков, поддержание связи со старыми партнерами компании, формирование работоспособного и профессионального коллектива агентства и т.д. При этом зарплата агента в Томске доходила до 2 025 руб. в год, в то время как у конторщика — до 1 300 руб., пакагаузного и приказчика — до 700 руб., служащего — до 360 руб., кучера — до 170 руб., дворника — до 132 руб. В целом по размерам выплачиваемой заработной платы Томское агентство занимало третье место, уступая Тюмени и Семипалатинску.

Основные функции речного агентства были связаны с организацией и осуществлением погрузки, разгрузки грузов, а также с обеспечением условий по перевозки пассажиров водными путями. Успешному выполнению последних задач способствовало наличие производственной

инфраструктуры агентства и наличие квалифицированных работников. Однако на достижение стабильного положения Томского агентства компанией вкладывались значительные средства на ремонт, строительство инфраструктуры, что способствовало установлению контроля Товарпаром на Томской линии. По рейтингу затрат на профессиональную деятельность данное агентство занимало 4–5 места, например, в навигацию 1901 г. было потрачено 22 489 руб. 44 коп. (общие затраты 74 795 руб. 34 коп.), из которых на содержание агентства — 12 443 руб. 01 коп., а остальное приходилось на жалование. Отметим, что Томск входил в пятерку самых крупных агентств Товарпара вместе с Тюменью, Семипалатинском, Омском и Павлодаром.

Как правило, расходы на агентство были связаны с рентабельностью и успешностью деятельности. Грузооборот Томской линии составлял 44,16 % (1899/1900 гг.), 28,6 % (1900/1901 гг.), 19,58 % (1901/1902 гг.) от общего по компании [6]. После изменения критериев делопроизводства в Товарпаре — основой подсчета становились отдельные маршруты. Томск обслуживал шесть прибыльных маршрутов: Ирбит–Томск, Тюмень–Томск, Томск–Тюмень, Бийск–Томск, Томск–Бийск, Бийск–Томск, которые следовали через 341 населенный пункт. Общий грузооборот этих шести маршрутов составлял 336 297 руб. 71 коп. или 34,4 % от общего дохода [5]. Посредством водных путей Томск был связан с городами Барнаулом, Бийском, Ирбитом, Омском, Семипалатинском, Тюменью, в которых размещались речные агентства Товарпара.

Таким образом, ведущим подразделением речной компании в регионах выступало речное агентство. Оно, как правило, стремилось перейти из руководимого подразделения сверху в относительно самостоятельное, от деятельности которого во многом зависела прибыль Товарпара и возможности дальнейшего расширения сфер влияния. Осуществление профессиональной деятельности обеспечивалось наличием материально-технической базы и постоянного трудового коллектива. Руководство агентства заботилось об обустройстве своих подразделений, поэтому устраивали мостовые, деревянные тротуары, мостики, проводило электрическое освещение, телеграфные линии и т.д. Занималось оборудованием для пассажиров не только жилых помещений, но и мест отдыха, развлечений.

Агентство активно применяло предпринимательские технологии по расширению видов деятельности и услуг для местного населения в течение всего года. Но проблема состояла в том, что некоторые элементы традиционности в развитии этой сферы продолжали существовать. В большинстве служащие Томского агентства происходили из семей потомственных речников, например, родственники Петелина работали в Тюмени, Омске. Томское агентство представляло влиятельную речную компанию региона, которую поддерживали местные власти. В 1902 г.

было принято постановление Томской городской думы о создании пристани «для упорядочивания работы причалов». С 1910 г. начались работы по приведению в порядок береговой линии выше Томска, так как планировалось расширить городские границы.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). — Ф. 145 (Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли). — Оп. 1. — Д. 8.
2. ГАНО. — Ф. 145. — Оп. 1. — Д. 10.
3. ГАНО. — Ф. 145. — Оп. 1. — Д. 28.
4. ГАНО. — Ф. 145. — Оп. 1. — Д. 42.
5. ГАНО. — Ф. 145. — Оп. 1. — Д. 44.
6. Задорожная О. А. Структура речных перевозок в Обь-Иртышском водном бассейне в конце XIX — начало XX вв. (на примере «Товарищества Западно-сибирского пароходства и торговли») / О. А. задорожная // Исторический журнал: научные исследования. — 2018. — № 6. — С. 11–15.
7. Путеводитель по Оби и Иртышу. — Петроград : Типография М. Пивоварского, 1915. — 95 с.
8. Устав «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли». — Москва, 1899. — 47 с.

### Информация об авторе

*Задорожная Ольга Анатольевна* — к.и.н., доцент, кафедра истории России, Сургутский государственный университет, 628416 ХМАО, г. Сургут, пр. Ленина 18, кв. 19, e-mail:zadorozhniaya.olga@yandex.ru.

### Author

*Olga A. Zadorozhnyaya* — Ph. D., associate Professor, Department of Russian History, Surgut state University, 628416 KHAMAO, Surgut, Lenin Ave, 18, sq. 19, e-mail: zadorozhniaya.olga@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.36

Т.П. УРОЖАЕВА

УДК 93.656.7

ББК 63.3(2)

## ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ В 1990–2005 ГГ.

В статье анализируется состояние дел в региональной гражданской авиации. Отрасль фактически потеряла массового отечественного пассажира, постепенно приобрела статус элитарного вида транспорта. Финансовое по-

ложение аэропортов оставалось на грани банкротства. До минимума сократились рейсы в такие крупные города, как Братск, Усть-Илимск, Усть-Кут. А в Бодайбо и Киренск можно было слетать не чаще, чем раз в неделю. Без государственной поддержки и собственной прибыли устаревал парк самолетов, навигационное и другое оборудование.

**Ключевые слова:** авиапредприятие, авиаперевозки, авиапарк, банкротство, арбитражный суд, внешнее управление.

*T. P. UROZHAeva*

## CIVIL AVIATION OF THE IRKUTSK REGION IN THE CONDITIONS OF THE REFORMED ECONOMY IN 1990–2005

In the article the author analyzes the state of Affairs in the regional civil aviation. The industry has actually lost a mass domestic passenger, gradually acquired the status of an elite mode of transport. The financial situation remained on the verge of bankruptcy. Flights to such large cities as Bratsk, Ust-Ilimsk, Ust-Kut were reduced to a minimum. And in Bodaibo and Kirensk could fly no more than once a week. Without state support and their own profits outdated fleet, navigation and other equipment.

**Keywords:** airline, air transportation, fleet, bankruptcy, arbitration court, external management.

Становление и формирование современного рынка авиаперевозок началось в России в 1991 году. На фоне общего регулирования экономики, приватизации и либерализации цен, в секторе авиаперевозок за несколько лет произошел переход от плановой системы хозяйственных отношений к рыночной. Главным успехом деятельности авиапредприятия вместо выполнения плана стало получение прибыли или, что типично для кризисных периодов, минимизация убытков и выживание на рынке.

Отрасль фактически потеряла массового отечественного пассажира, постепенно приобрела статус элитарного вида транспорта: в 1998 г. объем пассажирских перевозок в РФ по сравнению с 1991 г. сократился втрое [7, с. 48]. Пассажирооборот воздушного транспорта сократился и составил в 2000 г. 53,4 млрд. пасс/км, что соответствовало уровню 1970 г.

В 2006 г. пассажирооборот составил всего лишь 53,8 % от объема перевозки пассажиров 37,2 % от уровня 1990 г. [8, с. 12]. Резко сократилось число аэропортов: в период с 1992 по 2007 г. сократилось с 1302 до 383 (в 3,4 раза, а по аэропортам местных сообщений в шесть раз) [12, с. 9].

В первой половине 1990-х гг. воздушный транспорт Иркутской области, как и большинство отраслей экономики, переживал тяжелый недуг. Разлетевшись на 17 самостоятельных авиапредприятий, стремясь вы-



рваться в «свободный полет», он сократил объемы грузовых и пассажирских перевозок в пять раз. Финансовое положение оставалось на грани банкротства. До минимума сократились рейсы в такие крупные города, как Братск, Усть-Илимск, Усть-Кут. А в Бодайбо и Киренск теперь можно было слетать не чаще, чем раз в неделю.

Без государственной поддержки и собственных прибылей устаревал парк самолетов, навигационное и другое оборудование. К примеру, в авиакомпании «Байкал» из 91 машины 53 имели нулевую остаточную стоимость. Из них 29 были изношены на 85 %. Еще хуже была картина по Братскому, Нижнеудинскому, Усть-Илимскому, Усть-Кутскому, Киренскому, Бодайбинскому авиапредприятиям.

В апреле 1997 г. инициативная группа авиарботников обратилась к губернатору Иркутской области Ю.А. Ножикову с предложением объединить в акционерное общество, «Иркутская авиагруппа», госпакеты акций авиапредприятий, находящихся на территории Приангарья. Подразделение должно было подчиняться областному руководству и координировать работу всех предприятий бывшего Аэрофлота, которые пожелали влиться в это АО. Подобные структуры действовали в Читинской области и Бурятии [11, с. 3].

В августе 2000 г. из десятка крупных и средних аэропортов в области только Иркутский аэропорт стойко держался «на плаву». Остальные авиапредприятия области находились в тяжелейшем финансовом положении, часть из них уже проходила процедуру банкротства (ОАО «Авиакомпания Байкал», ОАО «Братское авиапредприятие», ГУП «Усть-Илимское авиапредприятие»). Сокращение объемов работ делало нерентабельной работу авиапредприятий. Старение техники, выработка ресурсов, отсутствие оборотных средств привело к тому, что большая часть авиатехники простаивала, ухудшая и без того бедственное финансовое положение предприятий [13, с. 7].

Снять проблему авиационных грузоперевозок с помощью областной администрации на северных авиатрассах Приангарья в течение 1998 г. были намерены в коллективе Киренского авиапредприятия. Согласно разработанному киренскими специалистами бизнес-плану, самолет Ан-38 производства Новосибирского авиазавода стоимостью 12 млн. руб. смог окупить себя в течение 4,5–6 лет. Он мог взять на борт 27 пассажиров, причем только этот тип самолета имел сертификацию на право одновременной перевозки, как грузов, так и пассажиров. Киренские авиаторы намерены были закупить четыре Ан-38, но сделка состоялась только после согласия областной администрации выступить ее гарантом [16, с. 2].

В ноябре 2000 г. авиакомпания «Ангара» совершила первый рейс в Киренск. Хотя в Киренск летали авиакомпании «Байкал», «Даурия», но

рейсов и особенно комфорта не хватало. Теперь у киренчан появился выбор, а конкуренция заставила авиаторов снижать цены на авиабилеты, улучшить обслуживание пассажиров. «Ангара» совершала регулярные рейсы в Бодайбо, освоила трассу в Киренск [9, с. 2].

Директор Киренского авиапредприятия С. Сафронов утверждал, что до кризиса компанию довели неплатежи федеральных структур, заказы которых выполнял КАП, — лесавиабаза, «Медицина катастроф», МЧС, военкомат, санавиация и другие. Долги перед киренским предприятием накапливались с 1992 г. В итоге компания была должна различным структурам более 188 млн. руб., включая пени и штрафы. Основным кредитором — 96 % голосов — являлась УФНС России по Иркутской области, три остальных кредитора — ГП «Авиакомпания «Усть-Кутавиа», ООО «Авиатехторгснаб», ГУЭП «Облкоммунэнерго».

Возмещение расходов билетной выручкой составляло лишь 10–12 %. Лишь с 2001 г. администрация области стала выделять субсидии на компенсацию убытков от пассажирских перевозок в северные районы. Процедура банкротства ФГУП «Киренское авиапредприятие», эксплуатирующего пять аэропортов на севере области (в Киренске, Ербогачене, Казачинском, Жигалово и Качуге), началась в 2004 г. Имея кредиторскую задолженность около 240 млн руб., КАП вошел в стадию конкурсного производства.

С заявлением о признании себя банкротом Киренское авиапредприятие обратилось в арбитражный суд Иркутской области в декабре 2004 г. Весной 2005 г. ООО «Авиатехторгснаб», владеющее 2 % голосов, обратилось в арбитражный суд с ходатайством о признании авиапредприятия банкротом. В мае 2005 г. суд принял решение об открытии конкурсного производства.

Тюменская авиакомпания Utair, владеющая 76,6 % акций ОАО «Аэропорт «Усть-Кут», была заинтересована в приобретении ФГУП «Киренское авиапредприятие». Об этом генеральный директор Utair А. Мартиросов заявил журналистам после подписания соглашения о сотрудничестве между авиакомпанией и администрацией Иркутской области: «Киренск — перспективное для нас направление. Ведь там планируют работать наши ключевые клиенты — «Сургутнефтегаз», «ТНК-ВР» и «Газпром». Что позволяет нам рассчитывать на гарантированный заказ» [17, с. 2]. Utair не смущало то, что Киренское авиапредприятие находится в состоянии банкротства. У менеджмента компании был опыт выведения подобных предприятий из кризиса.

Киренское авиапредприятие находилось в ведении Федерального агентства по управлению федеральным имуществом и Минтранса РФ. Оно являлось единственным авиаперевозчиком в северных territori-

ях Иркутской области. Выполнялись пассажирские рейсы по местным воздушным линиям, полеты для «Медицины катастроф», МЧС, авиационной базы охраны лесов и других. Авиапредприятие эксплуатировало пять аэропортов — в Киренске, Ербогачене, Казачинском, Жигалово и Качуге — и 14 вертолетных площадок. Общая численность работников превышала 200 чел.

В другом городе Иркутской области — Железногорске-Илимском во второй половине 1990-х гг. аэропорт окончательно встал «на прикол». Отсутствие средств в муниципальной казне на поддержание жизнедеятельности этого объекта и убыточность авиаперевозок сделали свое дело: авиакомпании потеряли интерес к северному аэропорту, и объект пришлось законсервировать.

Возобновить авиарейсы из Железногорска-Илимского в Иркутск было намерено новое руководство ОАО «Коршуновский ГОК». В 1998 г. состоялись переговоры с авиакомпанией «Стелла», в ходе которых стороны пришли к обоюдовыгодному соглашению. Комбинат стал выкупать у «Стеллы» оптом стоимость авиарейсов и затем распределял билеты по следующей схеме: 70 % — для работников Коршуновского ГОКа, остальные 30 % предназначались жителям города и района. Таким образом, осуществлялся контроль за необходимым количеством пассажиров, а авиакомпания не несла убытки из-за того, что перевозили в основном «воздух». В аэропорту была начата работа по реконсервации, а в марте 1999 г. возобновились регулярные авиарейсы [14, с. 3].

В 2002 г. администрация Нижне-илимского района достигла предварительной договоренности с руководством 403 авиаремонтного завода о возможности запуска аэропорта в г. Железногорске-Илимском. Об этом сообщил мэр района *Б. Алексеев*. Администрация была намерена обратиться к руководителям промышленных предприятий района (Коршуновский горно-обогатительный комбинат, СП «Игирма-Тайрику», Ждановский леспромхоз) с просьбой помочь восстановить аэропорт. По мнению мэра, авиакомпании могли бы совершать через Железногорск рейсы в гг. Усть-Илимск и Киренск [20, с. 3].

Региональный аэропорт в г. Усть-Илимске был основан в 1980 г. В 1993 г. был введен в эксплуатацию новый аэровокзал на 450 пасс/час. В 1994 г. здесь впервые приземлился Боинг-757-200. В аэропорту были сданы в эксплуатацию телескопические трапы, первые и единственные на тот момент в Сибири. В 1997 г. югославскими специалистами были произведены ремонт и удлинение взлетно-посадочной полосы до 3 100 м, построен современный командно-диспетчерский пункт.

Однако в конце 1999 г. аэропорт в Усть-Илимске практически закрылся, не выполнялся ни один рейс самолетов. Авиапредприятие, доведен-

ное прежними руководителями «до ручки», оказалось банкротом. Около 40 кредиторов, которым аэропорт задолжал свыше 28 млн руб., провели совещание и решили обратиться в арбитражный суд, чтобы ввести на предприятии внешнее управление.

Начальником аэропорта в Усть-Илимске стал *И. Болдаков*. В 1998 г., когда большинство местных аэропортов стояли на грани закрытия, он предлагал создать областную ассоциацию, в которую бы вошли авиапредприятия Братска, Усть-Кута, Мамы, Нижнеудинска и других городов. Позднее о создании подобной структуры заговорили и власти.

В феврале–марте 2000 г. работа усть-илимского аэропорта оживилась. Сначала летчики начали совершать рейсы в Иркутск (дважды в неделю), а совсем недавно возобновились полеты в Красноярск, Новосибирск и Москву. Пассажиров было немного, и рейсы совершались не чаще одного раза в неделю. Обслуживали эти воздушные линии авиакомпания «Сибавиатранс» (Красноярск), у которой приемлемые цены на билеты. У новых управленцев были планы, вернуть свои вертолеты, взять в аренду и самолеты [10, с. 2].

Однако главные, финансовые вопросы не решены. В июне 2001 г. из Усть-Илимского аэропорта вылетел последний рейс в Иркутск. Отныне в молодой город на севере Приангарья не летали самолеты ни местных, ни других авиакомпаний. Долги кредиторам возрастали и превысили 40 млн. руб. В мае 2001 г. авиапредприятие признано банкротом. Главное, что волновало администрацию Иркутской области: не растащили бы этот уникальный (до сих пор государственный) комплекс по частям. Теперь на неопределенное время аэропорт был закрыт, все работники, а их около 300 чел., остались не у дел, перестали приземляться даже самолеты и вертолеты, занятые на тушении лесных пожаров [4, с. 3].

В марте 2002 г. состоялось закрытые торги по продаже имущества, принадлежащего государственному унитарному предприятию «Усть-Илимский аэропорт». Торги прошли в форме аукциона. Начальная цена объекта составила 40,2 млн. руб. [5, с. 2]. Вопрос о продаже авиапредприятия единым имущественным комплексом не снимался. Однако теперь продажа осуществлялась не на конкурсной основе [19, с. 2].

Новое авиапредприятие было организовано в форме открытого акционерного общества. Конкурсное управление на государственном Усть-Илимском авиапредприятии действовало до мая 2003 г. [15, с. 3]. Окончательно завершилась процедура банкротства.

В последующие годы здание аэровокзала и прилегающая инфраструктура сильно пострадали, их реконструкция и восстановление требовали огромных затрат. Имущество предприятия и часть объектов были реализованы, некоторые из них переданы в ведение Усть-Илимского района. Поскольку территория аэропорта не охранялась с 2002 г.,

остальное имущество за это время было расхищено. Вопрос реанимации аэропорта поднимался неоднократно, интерес к этому проявляли ряд московских компаний, Братское авиапредприятие, а также немецкая авиакомпания «Lufthansa». Так или иначе, компании отказывались от покупки аэропорта по различным причинам.

Братский аэропорт в 1990 г. в сутки принимал самолеты Ту-154 до 25 единиц, не считая стыковочных рейсов, транзитных, грузовых. На основе этой работы по финансово-экономическому положению Братское авиапредприятие вышло в категорию прибыльных. В 1996 г. ОАО «Аэро-Братск» отправил 630 тыс. пассажиров в год, транзитных 400 тыс. — за год выходило 1 млн. пассажиров, в том числе на собственном парке перевозилось около 360 тыс. чел. В 1995 г. была построена новая полоса, и братский аэропорт стал международным. Через Братск стали летать международные грузовые рейсы.

В 2000 г., после банкротства ОАО «Братское авиапредприятие» было создано новое — «Аэропорт Братск» (руководитель *В.Н. Односторонцев*). За это время удалось возобновить летную деятельность, имея три лайнера Ту-154, самолеты Як-40, вертолеты Ми-8. Братск регулярно летали по 18 маршрутам в России, выполняли чартерные рейсы, начал полеты в Анадырь, Певек, получил лицензию на линию Иркутск — Москва. Имея статус международного, значительно, он в 7,5 раза, увеличил отправку грузов и почты.

За годы своей деятельности Бодайбинское авиапредприятие (г. Бодайбо) накопило большой опыт летной работы в сложных северных условиях. Состояние материальной базы и техническое оснащение предприятия, а также высокий уровень знаний летного и технического состава позволял авиапредприятию выполнять работы высокой сложности и большого объема. Однако конец 1990-х г. характерен сокращением работ, предприятие испытывает трудности с заказами, начинается сокращение летного и личного состава. В конечном итоге в 2002 г. Бодайбинское авиапредприятие, пройдя процедуру банкротства, было преобразовано в Бодайбинское авиапредприятие ЗАО «Ленсиб» под руководством генерального директора *Н.Ф. Слепнева* и исполнительного директора *В.В. Грачева* [22, с. 3].

Усть-Кутский аэропорт осуществлял круглосуточный прием и выпуск воздушных судов. С началом политических и экономических преобразований в стране положение аэропорта сильно изменилось. Объемы работ стали резко падать. Ежегодное падение объемов авиаперевозок составляло 30–40 %.

В период с 1991 по 2001 г. годовые отправки грузов сократились в 10 раз (с 18,2 тыс. до 1,8 тыс. т). Отправки пассажиров уменьшились в 15 раз (с 111,3 тыс. до 7,2 тыс. чел.). С 1993 г. главным оператором и

эксплуатантом аэропорта стало открытое акционерное общество «Аэропорт Усть-Кут», образованное в результате акционирования и приватизации одноименного государственного предприятия.

Период дефолта, экономической разлухи и авиационного безвластия с 2000 по 2008 г. оказался самым трудным периодом за всю историю аэропорта. Объемы работ сократились до критического уровня. Доходы от обслуживания воздушных судов с трудом покрывали только мизерную заработную плату персонала аэропорта. В неделю выполнялось только три пассажирских рейса на самолетах Ан-24 из Иркутска и обратно. Наступала реальная угроза неплатежеспособности предприятия с последующим банкротством и ликвидацией аэропорта.

С 1991 по 2006 г. штат работников аэропорта сократился с 450 до 80 чел., убытки составили 15 млн. руб., объемы перевозимых грузов сократились в 10 раз. В 2006 г. аэропорт обслуживал пять рейсов Усть-Кут — Иркутск в неделю. Судходная компания «АПРОСА-Лена», которая специализировалась на перевозках грузов по бассейну Лены от Усть-Кута до Тикси, приобрела 51% акций аэропорта в 2003 г. у администрации Усть-Кутского муниципального образования. Собственниками остальных 49 % акций являлись члены трудового коллектива авиапредприятия [2, с. 3].

«Аэропорт «Усть-Кут» стал первой покупкой Utair в Иркутской области. В феврале 2003 г. авиакомпания увеличила свою долю в уставном капитале ОАО «Аэропорт «Усть-Кут» с 51 до 76,6 %, выкупив акции у менеджмента предприятия» [23, с. 2].

В 2003 г. судходная компания «АПРОСА-Лена» приобрела аэропорт у администрации Усть-Кутского муниципального образования. В августе 2006 г. актив был продан материнской компании — АК «АПРОСА» — в счет погашения задолженности дочернего предприятия [18, с.3]. Однако, по словам губернатора Иркутской области *И. Есиповского*, компания использовала предоставленные властями возможности, но ограничилась реализацией собственных планов [3, с. 2].

Держалась на уровне малая авиация Нижнеудинского авиапредприятия (директора *В.П. Рытиков* и *В.Н. Веключ*). Пилоты Нижнеудинска осуществляли перевозки и людей в Тофаларию. Нижнеудинский отряд малой авиации выполнял рейсы по району, также имел договор с авиабазой охраны лесов. На местные линии выделяли деньги администрация области. К 2002 г. сократились убытки в три раза, на 15,2 % была снижена дебиторская задолженность, на 22,6 % — кредиторская [1, с. 3].

В середине 2000-х гг. внутри-региональные авиаперевозки были убыточны. Дотации из бюджета получали АК «Сибирь» и Киренское авиапредприятие. По мнению замглавы облминистрации *А. Соболя*, проблему можно было бы решить, создав единого регионального ави-

аперевозчика. «Крупная компания могла обладать большими средствами, большими возможностями для осуществления перевозок. Оптимизировав расходы, можно решить проблему внутриобластных перевозок, как финансовую ее часть, так и часть, касающуюся обеспечения безопасности полетов», — подчеркнул А. Соболев [6, с. 2].

В своем новом качестве субъектов рыночной экономики региональные авиапредприятия вступили в конкурентные отношения друг с другом. Реакцию российских авиапредприятий на становление рынка условно можно подразделить на два типа:

1. Пассивная утрата рыночных позиций под ударами конкурентов и ухудшившейся конъюнктуры. Такое поведение было свойственно многим авиапредприятиям: проблемы, с которыми им пришлось столкнуться, оказались объективно столь велики, что неподготовленное к этому руководители не видели реального выхода из сложившейся ситуации. Отсюда вытекала дезориентация персонала и, как следствие, его пассивность.

2. Реорганизация деятельности в направлении выработки эффективной стратегии. Сразу пойти по этому пути смогло меньшинство авиапредприятий [21, с. 258].

Далеко не все авиапредприятия готовы к ведению конкурентной борьбы. Даже обладание конкурентными преимуществами не позволило многим из них эффективно реализовывать эти преимущества из-за отсутствия практики использования всего комплекса средств.

### Список использованной литературы и источников

1. Авиация Восточной Сибири расправляет крылья // СМ-номер один. — 2003. — 8 февр.
2. АЛРОСА купила у своей «дочки» акции аэропорта «Усть-Кут» // Ленские вести. — 2006. — 21 окт.
3. Арбузова Е. Разрешение на посадку Администрация Иркутской области совместно с «Интеравиа» намерена создать компанию для внутренних перевозок / Е. Арбузова // Иркутский репортер. — 2008. — 16 авг.
4. Аэропорт «вылетел в трубу» // Кстати в Усть-Илимске. — 2001. — 26 июня.
5. Аэропорт пойдет с аукциона // Усть-Илимская правда. — 2002. — 13 марта.
6. Б. Говорин подписал поручение о проведении анализа состояния аэропортов и авиапарков региональных авиапредприятий в Приангарье // СМ-номер один. — 2004. — 5 февр.
7. Бучарт Г. Воздушный транспорт России: старые проблемы и новые перспективы / Г. Бучарт, П. Смит // АТО. — 2003. — № 47.
8. Вайсберг И. Воздушный транспорт России: требуются перемены / И. Вайсберг // АвиаСоюз. — 2006. — № 1.
9. Волков Н. «Ангара» осваивает Север / Н. Волков // Восточно-Сибирская правда. — 2000. — 18 нояб.



10. Волков Н. Аэрофлот обретает крылья / Н. Волков // Восточно-Сибирская правда. — 2000. — 16 марта.
11. Волков Н. Слететься в стаю намерены авиапредприятия области / Н. Волков // Восточно-Сибирская правда. — 1997. — 27 апр.
12. Громов Н. Н. Наземная инфраструктура гражданской авиации России: состояние и прогноз / Н. Н. Громов // Вестник транспорта. — 2007. — № 9.
13. Дугаржапов Т. Иркутская область может лишиться авиации / Т. Дугаржапов // Аргументы и факты в Восточной Сибири. — 2000. — 3–10 февр.
14. Золотухин Ю. От общих собкорров / Ю. Золотухин // Газета Приилимья. — 1999. — 27 февр.
15. «Илим Палп» поможет авиаторам // Вестник Усть-Илимского ЛПК. — 2003. — 12 февр.
16. Козырев С. Примерив новые крылья / С. Козырев // Время. — 1998. — 3 сент.
17. Комарова В. Киренские авиаторы остались в полете / В. Комарова // Пятница. — 2006. — 29 июля.
18. Лисовская Е. Utair приземлился в Усть-Куте / Е. Лисовская // Ленские вести. — 2007. — 3 марта.
19. На аэропорт покупателя не нашлось // Лесохимик Усть-Илима. — 2000. — 20 марта.
20. Переговоры о восстановлении аэропорта // Газета Приилимья. — 2002. — 13 авг.
21. Проскурякова Е. А. Оценка конкурентоспособности авиапредприятия / Е. А. Проскурякова, А. Б. Проскуряков // Современные аспекты экономики. — 2005. — № 1. — С. 256–264.
22. Савченко А. Золото, которое не блестит / А. Савченко // Ленский шахтер. — 2005. — 19 мая.
23. Utair заинтересовалась Киренском // Конкурент. — 2007. — 17 марта.

### Информация об авторе

*Урожаева Татьяна Петровна* — учитель истории и обществознания МАОУ «СОШ» № 11, кандидат исторических наук, 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей 36, e-mail: [olgoy@ya.ru](mailto:olgoy@ya.ru).

### Author

*Tatiana P. Urozhaeva* — teacher of history and social studies school № 11, candidate of historical Sciences, 666683, Ust-Ilimsk, 36. Dreamers str., e-mail: [olgoy@ya.ru](mailto:olgoy@ya.ru).



---

# ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.37  
УДК 159.922  
ББК 8.5

*А.Д. КАРНЫШЕВ*

## ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РЕСУРСОВ БАЙКАЛА В ГЕОПОЛИТИКЕ КИТАЯ И РОССИИ\*

В геополитике к понятиям география и территория сводятся основополагающие аспекты отношения между государствами, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования. Именно в таком ракурсе в статье рассматривается отношение к Байкалу в истории взаимоувязанной внешней политики России и Китая. Отмечается, что монголы и маньчжуры, в свое время завоевавшие Китай, не только оказались в значительной степени ассимилированными побежденным обществом, но и со временем немалая часть их родовых территорий стали восприниматься как исконно китайская. Далеко не обоснованно это относилось и к Байкалу, хотя с давних времен явно прослеживается якутская этимология его названия, связанная с этническими предками якутов — гуннами. С давних же пор вокруг Байкала проживали буряты и эвенки, добровольно вошедшие в состав России. Для современного развития характерно «проникновение» китайцев в бизнес азиатской России. В Байкальском регионе эта направленность имеет в основном три цели: лес, чистая вода и ответственность на земельные и иные природные ресурсы. В особый ряд надо поставить проекты снабжения населения некоторых китайских территорий байкальской водой, которую планируется переправлять как в бутилированном виде, так и в перспективе через трубы.

**Ключевые слова:** федеральные территории, этноцентризм, национальный менталитет, якуты, монголы, маньчжуры, буряты, эвенки в их связи с Байкалом, пять «приманок» экономической мотивации.

---

\* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Экономический патриотизм как объект междисциплинарного исследования в психологии и ресурсы его формирования у городской и сельской молодежи (на примере населения Восточной Сибири)» (2018–2020 гг.)

A. D. KARNYSHEV

## PSYCHOLOGO-ECONOMIC AND ENVIRONMENTAL ASSESSMENT BAIKAL RESOURCES IN THE GEOPOLITICS OF CHINA AND RUSSIA

In geopolitics, the concepts of geography and territory are reduced to the fundamental aspects of relations between States, they serve as a basic method of interpreting the past, they act as the main factors of human existence, organizing all other aspects of existence around them. It is in this perspective that the article examines the attitude to Baikal in the history of the mutually linked foreign policy of Russia and China. It is noted that the Mongols and Manchus, who once conquered China, not only found themselves largely assimilated by the defeated society, but over time, a large part of their ancestral territories began to be perceived as native Chinese. Far from being justified, this also applied to Baikal, although the Yakut etymology of its name, associated with the ethnic ancestors of the Yakuts — the Huns, has been clearly traced since ancient times. Since ancient times, Buryats and Evenks who voluntarily became part of Russia have lived around Baikal. Modern development is characterized by the “penetration” of the Chinese into the business of Asian Russia. In the Baikal region, this focus has basically three goals: forest, clean water, and ownership of land and other natural resources. In a special row, it is necessary to put projects for supplying the population of some Chinese territories with Baikal water, which is planned to be transported both in bottled form and in the future through pipes.

**Keywords:** Federal territories, ethnocentrism, national mentality, Yakuts, Mongols, Manchus, Buryats, Evenks in their connection with Baikal, five “lures” of economic motivation.

Геополитика обычно рассматривается в качестве концепции, в которой важная роль в политике государства принадлежит географическим факторам — положению страны и ее регионов, ее природным ресурсам, климату и т. д. При этом геополитику подразделяют на внутреннюю и внешнюю [3]. Причем, внутренняя геополитика порой может быть достаточно непредсказуемой. К примеру, по Указу Президента РФ о включение Бурятии и Забайкальского края в состав Дальне-Восточного федерального округа, вышедшему осенью 2018 г., стало неопределенным понятие Восточной Сибири, а граница Дальнего Востока стала проходить заметно западнее от Иркутска — Тункинский и Окинский районы Бурятии. Федеральный центр готов манипулировать и другими политико-географическими факторами. Так, при обсуждении поправок в Конституцию РФ было предложено внести в основной закон понятие «федеральных территорий», требующих особого управления из федерального центра. На поправку сразу же среагировала спикер Совета Федерации

В. Матвиенко, посчитав, что в список таких территорий необходимо будет включить и озеро Байкал. Какие географические «маркеры» будут использоваться, если возникнет соответствующая ситуация — неясно, но вряд ли такое решение пойдет на пользу местным жителям. Негативный пример конфронтации населения острова Ольхон с администрацией Прибайкальского национального парка — федеральной структурой — уже имеется.

Но в данной статье нас больше интересует отношение к Байкалу в истории взаимоувязанной внешней политики России и Китая. Давая пояснения к термину «геополитика» в Википедии, известный русский философ А. Дугин отметил, что она (геополитика) основана на тезисе: «географический рельеф как судьба». В ней к географии и территории сводятся «все основополагающие аспекты человеческого существования, они служат базовым методом интерпретации прошлого, они выступают как главные факторы человеческого бытия, организующие вокруг себя все остальные стороны существования». В китайском менталитете данное явление в несколько измененном варианте получает особое звучание в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, вся мировая география рассматривается с точки зрения этноцентризма. Известный американский ученый и политик, отличный знаток этой страны Г. Киссинджер хорошо описал эти геополитические претензии имперского Китая. «Китай сотворил собственную, иерархическую и теоретически универсальную, концепцию порядка — с собой в центре... В китайской концепции понятие суверенитета в европейском понимании отсутствовало», поскольку император «воспринимался как фигура космических масштабов», он властвовал над «всею Поднебесной», был единственной «высшей точкой» человеческой иерархии [7, с. 10–11, 287, 244]. «Поднебесная» для всех китайцев выступала глобальным географическим и политическим понятием с императором в центре, а все остальные территории и страны были лишь ее провинцией.

Во-вторых, соответствующие взгляды пронизывали всю социальную иерархию самих жителей «Поднебесной», причем, чем ниже был гражданский статус человека, тем ревностней и ретивей он защищал и проповедовал эту догму. Психологически получалось, что геополитика располагалась в сознании и подсознании каждого человека, побуждая к защите главной идеи «Поднебесной». Именно с таких позиций надо смотреть на факты, когда гиды китайского туристического агентства Cassia рассказывают китайским туристам, что озеро Байкал было частью Китая в период правления династий Тан и Цин. В качестве аргументов у гидов выступают не только старые карты, но и само название Байкала, которое по-китайски звучит Бей-Хай или Пе-Хей и означает «Северное море». Что касается давних карт любой империи, то на них обычно ука-

зывались даже те ничейные земли, на которых побывал и об этом сумел рассказать хотя бы один верноподданный императора данной страны. Так что подданный Поднебесной, или их группа, во время охоты прошедшие пешком по сибирской тайге многие километры и не встретившие из-за малочисленности населения здесь других обитателей, вполне могли приписать эти земли родной империи. Карты тех лет чаще демонстрировали не *владение* приграничными и отдаленными территориями, а их *знание по опыту отдельных граждан*, или даже просто осведомленность о них.

Специфичность в восприятие данной проблемы вносит и обстоятельство, что «чистокровным» Китаем немалое время владели или управляли маньчжурские и монгольские племена, а эти «аборигены», несомненно, лучше, чем китайцы, знали озеро Байкал. И отношение монголов и маньчжуров к «священному морю» в таких случаях можно было подавать за китайское. Кстати, правящая Китаем династия Цин, которая существовала с XVII вплоть до начала XX в. и участвовала в установлении границ между Китаем и Россией, была маньчжурской. Интересное подтверждение данным тенденциям можно встретить у Г. Киссинджера: «два народа, которые завоевали Китай — монголы в тринадцатом веке и маньчжуры в семнадцатом, — вынуждены были принять основы китайской культуры, чтобы им стало проще управлять столь многочисленным населением, искренне убежденным в своем культурном превосходстве. Завоеватели в итоге оказались в значительной степени ассимилированы побежденным обществом, причем *со временем немалые части их родовых территорий стали восприниматься как исконно китайские*» [7, с. 290; курсив мой А.К.].

Исходя из приведенных фактов родства с представителями прибайкальских аборигенов, Китай не мог не делать попыток реально завладеть Байкалом, когда в мире начали успешно закреплять суверенитеты и рубежи государств в юридических документах. Когда в 1726 г. китайские и российские дипломаты в Пекине длительное время решали вопрос о границе между двумя странами, китайцы стремились вынудить посла С. Рагузинского уступить как можно больше территорий. Историк и генерал В. Андриевич в книге «Краткий очерк истории Забайкалья» так описывал некоторые «приемы» представителей Китая: «На требования китайских уполномоченных об установлении границей р. Ангары посол не мог согласиться и остался непреклонен, несмотря на угрозы и даже на лишения, которым его подвергали; ему и свите давали пить соленую воду» [1, с. 162]. После бурных переговоров и конференции на реке Буре близ Кяхты в августе 1727 года состоялся Буринский договор, согласно которому Китай прекратил любые претензии на владение землями около Байкала.

На самом деле Китай уже во времена, предшествующие Буринскому договору, ни в коем случае не мог претендовать на земли, исконно принадлежащие бурятам. Приведем значимый факт. В 1702–1703 гг. состоялась дипломатическая миссия хори-бурят к царю Петру с жалобой на русских казаков и служилых людей, которые начали захватывать «породные» — принадлежащие предкам бурят земли. 22 марта 1703 г. Петр Великий издал грамоту-указ по восстановлению справедливости. Среди земель, с которых царь потребовал в Указе уйти русским людям были угодья «по Итанце подле Байкала моря», «по правую же сторону реки Селенги Кударинская степь» [14, с. 148–151]. Шире стоит отметить, что при установлении государственной границы между двумя странами, Китаем и Россией, водоразделом между двумя державами пролегли наряду с другими территориями и рубежи земель хори-бурят, указанные в Грамоте-указе царя Петра I.

К рассмотренным претензиям китайцев к Байкалу на основе их межэтнических взаимодействий можно добавить более древние факты. Из истории известно, что войны с хуннами (сюнну в китайской транскрипции, гунны — в европейской) — прямыми предками маньчжуров, которые велись в первые тысячелетия новой эры, связывали китайцев с жителями прибайкальских земель. Государственный союз, созданный хунну, занимал пространство на востоке от Хингана до Тянь-Шаня на западе, и от Байкала и Саян на севере до Ордоса на юге. О противостоянии двух народов и их последствиях есть немало преданий. Например, в «Жизнеописании Су У» рассказывается о том, как этот полководец, попав в плен к гуннам, провел у них без малого двадцать лет. Когда, наконец, был заключен мир и ко двору гуннского хана приехал посол, он узнал о Су У и спас его с помощью хитрости. Посол сказал хану, что китайский император якобы подстрелил на охоте перелетного гуся, прилетевшего с севера. К его лапке было привязано написанное на шелку письмо, поведавшее о том, что Су У с товарищами жив и находится на отдаленном озере. Хану ничего не оставалось, как отпустить пленников. В связи с этим китайцы говорят о прибайкальских землях как о «пастбищах Су У». Когда Мао Дзе Дун в 1949 г. ехал в Москву по железной дороге, на станции вблизи Байкала в упомянутых местах он вспомнил это название. К комментарию данной информации стоит добавить следующее. Сегодня в пригороде г. Улан-Удэ ведется восстановление города гуннов, существовавшего на «стыке» старой и новой эры, минимум два тысячелетия назад. От этого города можно было плыть по течению реки Селенги к Байкалу, и расстояние — около 100 км. У Байкала по правому берегу Селенги находилась достаточно обширная степь (она в основном затоплена морскими водами и заливом Провал в 1862 г.), на которой китайский пленник Су У мог пасти гуннские стада скота. Но

такое «пастушество», если оно даже было, наоборот, отрицает возможность принадлежности Байкала китайцам.

Сегодня часто звучат предположения о китайском происхождении слова Байкал. Но эта версия, если заглянуть в историю, не столь давнего происхождения. Н. Спафарий, побывавший во время миссии в Китай на Байкале в 1675 г., ничего не пишет о китайском происхождении его имени. Он отмечает, что иноземцы — и мунгальцы, и тунгусы, и иные — называют все Байкальское море своим языком Далай. «И имя того Байкала видится что не русское, а называли его тем именем по имени некотором иноземца, который жил в тех местах» [12, с. 86]. Одним из первых сделал попытку связать имя Байкала с китайскими словами польский исследователь В. Серошевский. Он, в частности, пишет, что известность китайцам земель вокруг Байкала — северного моря (Бэй-Хай, Бай-Хай, Пе-хай) наблюдается уже во времена династии Тан в VII столетии новой эры. Причем эти места служили для ссылки важных придворных лиц [11, с. 190]. Близкую к этой китайскую версию о происхождении названия Байкала можно найти в интернете. В связи с ее актуальностью сделаем полную цитату: «Китайцы в древних хрониках именовали озеро «Ханьхай» или Бэйхай» — «северное море». В китайские хроники сведения о Северном море попали из сообщений китайских послов, которых хунну ссылали на Байкал. Позднее название озера вошло в китайские географические труды в виде «Бэйцзяэрху», где «бей» означает «раковина, богатство, сокровище, драгоценность», «цзя» — прибавлять, увеличивать, превышать», «эр» — суффикс, «хо» — озеро. В целом китайское *Бэйцзяэрху* в переводе означает «озеро, приумножающее богатство» или «озеро, увеличивающее (число) раковин» (последнее связано с тем, что раковины в Китае в древности высоко ценились и выступали в качестве денежных единиц)».

Если комментировать данную постановку вопроса, то надо иметь в виду, как минимум, три обстоятельства. Во-первых, для древних китайцев, живущих в теплом климате, северными «морями» могли быть все достаточно обширные водные территории, *покрывающиеся на определенное время льдами*. Тогда, с одной стороны, в ссылку вельмож (послов), конечно, могли направлять по Селенге и ее монгольским, близким к Китаю, притокам. Но, с другой стороны, такое же «путешествие» с не меньшим (если не с большим) успехом можно было осуществлять по рекам юго-востока Китая, затем по маньчжурским землям и Амуру; тогда «северным», *более впечатляющим*, становилось для древних китайцев нынешнее Охотское море, близ устья Амура у острова Сахалин в зимнее время покрывающееся льдами. Кстати, как отмечает известный специалист по народной топонимике Э. Мурзаев, название Охотского

моря у эвенков звучит как Ламы *байгала*. «Слово *ламу* часто встречается в донесениях русских землепроходцев, под которым понимаются тихоокеанские и ледовитые моря, Байкал и даже реки Лена и Амур» [9, с. 335]. Во-вторых, в пользу «Северного» — Охотского моря свидетельствует факт, что раковины на Байкале, как в пресноводном озере, небольшие, невзрачные и хрупкие, не как в соленых морях, и их сложно было использовать в виде денег [5].

Притязания на китайское происхождения названия Байкала предполагают необходимость анализа других источников. Из-за распространенности слова в этноязыке и легенд об «исходе» народа саха (якутов) от Байкала на север, в современные места обитания, в первую очередь, отметим якутскую этимологию, которая, как считал на основе старых литературных источников Г. Миллер, связана с этническими предками якутов — гуннами: «периферия гуннского субстрата», и одним из мест расселения которых в первом тысячелетии новой эры была восточная сторона Байкала [8, с. 472–473]. Тот же В. Серошевский в книге «Якуты», изданной в Петербурге в конце XIX в., пишет, что у якутов имя Байгал означает, прежде всего, «полярное море», куда течет река Лена; они иногда прибавляют к нему эпитет «муустаах» или «бус», т.е. ледяной. Имеется в якутском языке сочетание Байгал ырахтагы — морской царь. У Серошевского встречается интригующая и в то же время дискуссионная мысль: он отмечает, что в книге Санан-Сецена об оригинальной истории Монголии, в главе о мифических сказаниях назвал «озеро это «большою водою Байгала», омывающей гору Бурхан-Халдун (могилу Чингисхана)» [11, с. 190, 192]. Э. Мурзаев так же приводит якутскую трактовку: Байягал, Баягал — море, океан, обилие воды и увязывает с этим понятием эвенкийское *байга* — море [9, с. 66].

Непосредственно в Пекине сегодня существует естественное или рукотворное в далеком прошлом озеро, которое называется Бей-хай, и на котором есть остров. Нередко его существование демонстрируют в связи с сибирским морем. Может, в ностальгии по родине предков его построил внук Чингисхана — Хубилай, ставший в завоеванном Китае императором? Но также связь может быть с обоими вариантами (остров Ольхон на Байкале и остров Сахалин в Охотском море), и доказать сегодня верность только одного из них достаточно сложно. Не трудно понять, что информация об обоих вариантах не может нравиться современным патриотически-настроенным гражданам Поднебесной, которые не прочь говорить о соответствующей принадлежности и Байкала, и Охотского моря, и тихоокеанского Приморья в давние времена. На наш взгляд, о знании Байкала в те времена народами-соседями спорить не приходится, но вот о возможности его принадлежности древнему Китаю говорить безосновательно.



Для современного развития характерно «проникновение» китайцев в бизнес азиатской России. В Байкальском регионе эта направленность имеет в основном три цели: лес, чистая вода и собственность на земельные и иные ресурсы. В особый ряд надо поставить проекты снабжения населения некоторых китайских территорий байкальской водой, которую планируется переправлять как в бутилированном виде, так и в перспективе через трубы. Есть план с китайской стороны построить трубопровод длиной свыше тысячи километров от Култука через территорию Монголии, пустыню Гоби до города Ланьчжоу. Но пока реальных подвижек нет, вместе с тем Иркутский суд остановил строительство в Култуке китайского завода по разливу бутилированной воды. Хотя на Камчатке подобные проекты начинают реализовываться: воду вывозят в Китай танкерами. Проблема нехватки воды связана в Китае с экологическими издержками. Всего лишь несколько фактов. 1. В Китае в доступных источниках вода часто загрязнена — только в Янцзы, длиннейшую реку Азии, Китай сливает миллиарды тонн неочищенных сточных вод. Поэтому половина населения страны — от 600 до 700 млн. человек пьет воду, содержащую отходы животной и человеческой жизнедеятельности. 2. В 2008 г. Китай выпил более 19,5 млрд. литров бутилированной воды и к настоящему моменту стал, безусловно, самым быстрорастущим рынком бутилированной питьевой воды в мире; при этом в Китае выпивают только половину среднемировой подушной нормы в 30 литров, заметно отставая от США (без малого 108 литров) и лидера — Мексики (224 л.) [4, с. 214–215]. 3. Нельзя также не отметить, что в Китае встает нехватка воды для сельскохозяйственных работ. Например, водоносные горизонты, питающие пшеничные поля на севере Китая, опускаются на три метра в год, вынуждая крестьян бурить скважины до 300 метров глубиной. И это притом, что 85 % возделываемых земель северного Китая нуждается в орошении (если сравнить с США — там лишь 10 %). 4. В то же время из-за понижающегося уровня грунтовых вод под около 96 китайскими городами катастрофически проседает земля, заметно расширяется пустыня Гоби. В скором времени, как говорят компетентные лица, в стране появятся более 150 миллионов экологических мигрантов, многие из которых могут ринуться в русскую Сибирь в поисках пахотных земель». По данным российских государственных организаций, из семимиллионного населения Сибири уже сегодня 350 000 — китайцы, причем многие из них находятся в России незаконно» [4, с. 210–219]. Комментарии к такого рода фактам вряд ли нужны.

Потребности в лесе в строительной и мебельной индустрии в экономически модернизирующихся государствах так же возрастают значительными темпами. Для Китая данное обстоятельство опять-таки дополняется экологическими причинами, только иного ракурса.



Участники дискуссии «Планета Земля: будущее» отмечают в этом плане: «...Китай не только больше не теряет лесных массивов, но постепенно приобретает новые. С другой стороны, китайцы с готовностью вырубает леса в других странах, так что там дикая природа страдает из-за китайской политики охраны леса» [10, с. 103]. Если учитывать страны и территории, где ради китайской экономики «выстригаются» лесные массивы, то можно понять, насколько последний момент актуален для Байкальского региона.

Экономические баталии с «южными соседями» уже проходят и несомненно будут усугубляться и по вопросам собственности. Так, в обращении жителей прибайкальского села Листвянка в Иркутской области к властям в 2017 г. обращалось внимание на то, что около 10 % поселковой земли принадлежит китайцам. Весь поселок обклеен объявлениями на корейском и китайском языках о распродаже мускуса и других природных даров. У людей возникает мнение, что кто-то в Пекине стремится превратить Байкальский регион в китайскую провинцию. Об этом косвенным образом свидетельствуют скупка участков земли, строительство национальных отелей, отправка получаемых доходов в китайские банки — все эти факты свидетельствуют о начавшейся экспансии. Теряющая население и экономически ослабевшая в постсоветский период Восточная Сибирь все больше становится уязвимой перед последовательной и скрытной (?) китайской иммиграцией.

Китайские бизнесмены покупают турбазы и земельные участки в уникальных местах Прибайкалья и Забайкалья и создают там китайскую туристическую инфраструктуру, обслуживающую «своих» путешественников. Создаются совместные предприятия (СП) такого рода. Факты такого рода вызывают неоднозначную реакцию у местных жителей. Кто-то посчитал, что любые деньги для региона благо, кто-то всемерно против «продажи Байкала» иностранцам. Главная причина таких мнений — проявляющийся в данных случаях феномен китайского экономического патриотизма. Механизм развития этого феномена, например, в туризме включал в себя следующие составляющие:

- после кризиса 2014 г. и значительного снижения курса рубля по отношению к разным валютам произошло падение цен туров в Россию в два раза, и они стали доступными для среднего китайского гражданина;
- китайский турист чаще всего является «коллективным», т.е. приезжает в группах, а для групп существуют значительные льготы в транспорте, размещении и обслуживании, не говоря уже о безвизовом прибытии в страну;
- китайского туриста в России обслуживают в основном китайские фирмы, а последние могут дешевле нанимать транспорт, массо-

во скупать места в российских гостиницах еще в начале сезона, организовывать питание соотечественников в ресторанах и кафе «китайского бизнеса»;

- идеологические и экономические противостояния России с европейскими странами, американцами и канадцами значительно сократили потоки туристов из данных стран, и эту ситуацию надо было чем-то компенсировать; российские власти разных уровней полюбили цифры, которые показывают устойчивый приток туристов: доходы от этого бизнеса должны оживлять местную экономику.

В результате региональные бюджеты Иркутской области и Бурятии получают «крохи», а имиджу и экологии Байкала наносится существенный урон. В социально-экономическом плане негатив в организации такого туризма сказывается, прежде всего, в резком росте экологической нагрузки на байкальские территории. Между тем, из примерно 120 тыс. иностранных туристов, посетивших Иркутскую область в 2016 г. — одну треть составляют китайцы. «Свои» гостиницы и их соответствующий персонал усилят китайский протекционизм на российской земле. Соответствующий пример можно привести по другому берегу Байкала — республике Бурятия. В данном плане значим пример самого Китая: если добраться до Пекина, выясняется, что в Китае нет ни одного российского туроператора, хотя, к примеру, в соседней Японии они имеются. Иностранцы в Поднебесной не могут работать ни гидами, ни менеджерами, поскольку это лишает рабочих мест соотечественников китайских бизнесменов.

В мире нарастают тенденции, когда освоенные русскими территории Сибири и Дальнего Востока с достаточно сформированной инфраструктурой, становятся лакомым кусочком для других стран. М. Олбрайт — госсекретарь США начала 2000-х гг. известна такими высказываниями по данному вопросу: «Величайшая несправедливость, когда такими землями как Сибирь владеет одна Россия» или несколько «мягче»: «о какой мировой справедливости может идти речь, когда такая богатая территория как Сибирь принадлежит одной стране». З. Бжезинский на международном геополитическом форуме в Сиэтле в 2016 г. сказал: «Для европейцев Сибирь могла бы стать тем, чем Аляска и Калифорния, вместе взятые стали в свое время для американцев — источником огромных богатств». У западных политиков и стратегов все чаще встречается мысль, что Сибирь и Дальний Восток должны рассматриваться как «планетарные ресурсные кладовые» и иметь статус, схожий с современным статусом Антарктиды.

В середине ноября 2019 г. газета АиФ опубликовала интервью с известным немецким политологом А. Паром, кстати, позитивно относя-

щимся к России. В интервью включена обобщенная мысль: «Сибирь уходит под Азию» и дано ее конкретное пояснение. «Европейцы со времен Ивана Грозного с завистью и с большим интересом смотрели на Сибирь. Они понимают, что это потенциальная кладовая всей Европы, где есть все для ее процветания. Это ведь не только нефть и газ, но и редкоземельные металлы, минералы, чистая вода. Умные люди в Европе всегда стремились дружить с Россией, чтобы иметь доступ к этим ресурсам. А сегодня они видят, что сибирские богатства уходят под Азию, могут достаться Китаю или Японии. И азиатские страны получают огромное преимущество перед Европой. От такой перспективы у наших политиков волосы дыбом встают. Но ничего поделать они не могут. Потому что отношения с Россией сами же разрушили» [13].

Поскольку вопросы присоединения Бурятии и Забайкальского края вызвали неоднозначные мнения, «Лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований» ИГУ (далее может быть ПЭККИ) провела исследование вопроса посредством трех методов:

- а) анкетный опрос населения Бурятии и Иркутской области;
- б) контент-анализ сообщений и оценок в электронных сетях;
- в) фокус-группы в Бурятии.

Кратко остановимся на основных моментах каждого из методов. Так, в анкетном опросе удалось получить следующие данные (см. табл.)

То, что более трети респондентов считают, что от данного Указа пользы для простых людей не будет, а только для властных структур, на наш взгляд, обусловлено в основном «стремительностью» решения и его минимальной информационной проработкой. При анализе мнения двух групп респондентов: жителей Иркутской области и республики Бурятия по данному вопросу мы выявили статистически значимые различия в их мнениях по всем вариантам ответа, кроме варианта «это противопоставит жителей Иркутской области и Бурятии». Так жители Бурятии на второе место поставили проблему Байкала, который теперь оказался разделенным между двумя федеральными округами, и это может способствовать снижению эффективности мер по его защите. На третьем месте у жителей Бурятии вариант что «данные меры ничего не изменят и люди так и будут уезжать из Сибири».

Если рассмотреть позиции жителей Иркутской области, то они на первое место поставили вариант о необходимости введения аналогичных мер во всех регионах Сибири. Это неудивительно, поскольку Иркутская область так же находится в зоне риска по потере населения в связи с миграцией в западные регионы страны. И здесь люди отмечают наличие тех же проблем, что и в Бурятии. Хотя стоит отметить, что при этом есть и те, кто считает эти меры вполне действенными.

Таблица 1

**Отношение респондентов из Иркутской области и Республики Бурятия к тому, что Бурятия с осени 2018 г. перешла в состав Дальневосточного федерального округа (%)**

Вариант ответа	Вся выборка (N=1636)	Респонденты из Иркутской области (N=1125)	Респонденты из Бурятии (N=511)
Особой пользы для всех людей не будет, власти добьются выгод лишь для себя	33,0	26,0**	48,3**
Байкал оказался разделенным между двумя федеральными округами, и это снизит эффективность мер по его защите	28,4	25,5**	34,6**
Аналогичные льготы и преференции надо вводить во всех регионах Сибири	25,1	31,3**	11,4**
Это повысит стремление людей жить в родном краю, их местный патриотизм	19,1	22,9**	10,8**
Это разумный и своевременный шаг федеральных властей	17,6	20,9**	10,4**
Ничего не изменится, поскольку люди намерены выезжать из Сибири	16,1	14,1**	20,4**
Это противопоставит жителей Иркутской области и Бурятии	8,9	9,4	7,6
Другое мнение	2,6	1,5	5,1

Примечание: Критерий углового преобразования  $\phi$ -Фишера:  $p \leq 0,01^{**}$

Среди жителей Иркутской области таких мнений прозвучало значимо больше, чем среди жителей Бурятии.

Контент-анализ электронных сетей принес близкие результаты. Приведем наиболее характерные мнения. *«Авторы решения не в ладах с географией, экономикой и здравым смыслом. Например, теперешние популярные курорты Аршан и Жемчуг в Тункинском районе Бурятии, находясь западнее Иркутска, стали Дальним Востоком. Прежде всего, у нас общая забота и общее достояние — Байкал. Отныне — и это еще один абсурд — часть озера находится в одном федеральном округе, а часть — в другом. Это, конечно, затруднит совместную природоохранную и туристическую деятельность, да и все инициативы и программы, «завязанные» на Байкале.*

Часто звучат опасения, что «Байкальская природная территория скоро останется без леса, ведь присоединение региона к ДФО приведет к «китайской экспансии». И еще: «перевод в Дальневосточный федеральный округ предназначен для того, чтобы жители Китая приезжали сюда без визы и арендовали территорию».

Таким образом, контент-анализ, в отличие от анкетного опроса показал как высокий уровень недоверия к властным структурам из-за их поспешности, не обращенной к мнениям людей, так и определенную боязнь населения возможностями экспансии со стороны китайцев. Аналогичные тенденции наблюдались и на фокус-группе. Покажем это на примере ответов участников групп на два вопроса.

**Вопрос 1. Как Вы относитесь к включению Бурятии и Забайкальского края в состав ДВФО?** На этот вопрос получено много ответов «отрицательно отношусь» и «нейтрально отношусь». Главной причиной отрицательного отношения была «поспешность» и «внезапность» принятого решения, из-за которой жители оказались не готовы позитивно принять данный факт.

- Нас никто не спрашивал, и я не знаю, как к этому относиться.
- Мне понравилась эта идея — теперь нас могут и к Западу причислить, если захотят.
- Очень сильно возмущен тем, что не предупредили, а вообще отношусь нейтрально.
- По закону должен был быть референдум. Я не знаю, как бы люди проголосовали, но они хоть информацию бы получили. А так, как сделали — это вне закона, я может объединение и поддержала бы, а вот это незаконное поведение от властей — не поддерживаю.
- Нас «в темную» присоединили. Легли в Бурятии, проснулись на Востоке — потом долго так шутили!

**Вопрос 11. Попытайтесь предположить, какую оценку включение Бурятии и Забайкальского края в ДВФО может получить у наших соседей — в Китае и Монголии? Может ли это сказаться на наших отношениях? Какие конкретные проблемы, касающиеся ваших интересов, Вы видите в таких отношениях (заготовка леса, продажа воды Байкала, увеличение продукции из соседних стран и т. п.)?** Информация по данному вопросу получена размытая, жители не знают конкретных фактов, поэтому в ответах содержатся только их предположения.

- Китаю может и не выгодно, но они свое везде возьмут.
- А я думаю, Китаю выгодно. Они уже по Дальнему Востоку как свои ходили, теперь и Сибирь тоже спокойно оприходуют.

- Точно, в этом году туристов из Китая стало намного больше! Им стал свободный ход. Огромное количество! И в городе, и на Байкале! Такие не стесняются, мусорят.
- Монголам все равно. Они сами по себе живут. Никого не трогают. Свои дела тихо делают.
- Монголы от нас не зависят. Наоборот, захотят — нашу Селенгу вспять повернут. Им Путин не указ.

Таким образом, для общественного мнения свойственна неоднозначная оценка вхождения Бурятии и Забайкалья в ДВФО. Важно понимать в долгосрочной перспективе, что может перевесить — позитив или негатив. Кратко обобщим только проблемную часть полученной информации, связанную с «внутренней геополитикой».

- Разделение Байкала по двум федеральным округам;
- Очередное «разделение» бурятского народа;
- Сокращение традиционных связей между образовательными, научными и другими структурами;
- Сокращение традиционных связей между административными, экологическими и иными движениями и структурами;
- Сложности в связи со сменой идентичности;
- Размывание традиционного понятия «Восточная Сибирь».

Если вернуться к реалиям китайской геополитики, то стоит отметить ее основательную долговременность и этноцентричность. Известные мировые политики признают уникальность судьбы «Поднебесной» среди всех стран мира. «Китай предпринял самое длительное и сложное путешествие в истории — от древней цивилизации к классической империи, затем к коммунистическому режиму и, наконец, к современной великой державе; безусловно, этот курс окажет серьезное влияние на человечество в целом» [7, с. 286]. Тем более несомненно влияние Китая на своего соседа — Россию. Только каковым оно будет? В прошедшем десятилетии во Франции, а затем в РФ вышла книга А. Брюне и Ж.-П. Гишара «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения», главными «героями» которой являются лица из властных структур и бизнесмены КНР. Автор предисловия к книге профессор В. Шупер пишет: «Трудно надеяться, что в отношениях России и Китая не возникнет серьезных проблем. Правильно стараться их предвидеть и готовиться к ним, а не возлагать на Китай ответственность за отсутствие у нас стратегического видения наших собственных интересов и умения их разумно преследовать, за вопиющую неэффективность всей нашей государственной машины, за разложение нашей элиты» [3, с. 16]. Подтверждением возможных проблем служат и ответы респондентов на вопрос ВЦИОМ (опрос 2015 г.): «В связи с разворотом

России на Восток, есть ли вероятность того, что в ближайшие 5–10 лет случится следующее» — 44 % респондентов посчитали возможным вариант: «Население Дальнего Востока и Сибири будет вытеснено приезжими из Китая, Кореи и других стран Азии», а 47 % посчитали вариант невозможным. В нашем исследовании студентов Байкальского региона (2018 г.) на суждение-вопрос: «Для нашего соседа — Китая явно наступило время для мощного рывка вперед. Как Вы считаете, отразится ли это на нашем регионе?» были получены следующие ответы (N = 660):

1. Население Сибири и Дальнего Востока будет вытесняться китайскими мигрантами — 42,9 %;
2. Китай будет заинтересован экономически развивать Сибирь и Дальний Восток — 36,4 %;
3. Если мы возьмем на вооружение патриотизм китайцев, то ускорим свое развитие — 18,8 %.

Определенное сходство результатов двух исследований — российского и регионального — говорит о том, что данный вопрос надо постоянно держать в поле зрения. И хочется заострить вопрос на двух моментах. Во-первых, молодежь как можно более эффективно нужно готовить к пониманию ситуации, к конкретным случаям «проникновения» китайских позиций и действий в нашу жизнь и идеологию. Во-вторых, необходимо делать не только все возможное для закрепления молодежи в Сибирском и Дальне-Восточном регионах, но и формировать у них реальные патриотические чувства, любовь к малой и большой родине, ответственность за их будущее. Как бы это пафосно ни звучало, Сибирь и Дальний Восток **обречены на патриотизм**.

Сегодня трудно определить, какую стратегию и тактику в геополитике может избрать Китай для взаимодействия с сибирскими народами-соседами, чтобы добиться своих целей. Можно вспомнить, что еще на стыке старой и новой эры некий китайский чиновник предложил «пять приманок», с помощью которых необходимо управлять «северными дикими племенами»: «Нужно оделить их... приличным платьем и повозками, дабы соблазнить взоры; накормить их отличными яствами, дабы соблазнить уста; пусть звучит музыка и щебечут женщины, дабы соблазнить слух; нужно построить для них высокие дома и амбары и дать им рабов, дабы соблазнить чрево... а тем, кто придет поклониться, император выкажет милость, встретит их достойным приемом в своем дворце и сам станет подавать им пищу и вино, дабы соблазнить разум. Вот таковы пять приманок». Г. Киссинджер, приведший это наставление, отметил следующее: «На протяжении тысячелетий Китай чаще хитрил и искушал противников, чем пытался победить их оружием» [7, с. 288–289]. Комментарии, как говорится, излишни.

### Список использованной литературы и источников

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года / В. К. Андриевич. — Москва : Вече, 2013. — 288 с.
2. Арсеньев В. Китайцы в Уссурийском крае. В страну будущего / В. Арсеньев, Ф. Нансен. — Москва : Крифт, 2004. — 352 с.
3. Брюне А. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения / А. Брюне, Ж.-П. Гишар. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 232 с.
4. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: Как китайские потребители меняют правила игры / К. Герт. — Москва : ООО «Юнайтед Пресс», 2011. — 271 с.
5. Карнышев А. Д. Байкал: природа и люди малой родины / А. Д. Карнышев. — Иркутск : изд-во ИГУ, 2018. — 348 с.
6. Карнышев А. Д. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в Байкальском регионе / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2019. — Т. 30. — С. 75–85.
7. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. — Москва : АСТ, 2019. — 544 с.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Академия наук СССР, 1937. — 607 с.
9. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — Москва : Мысль, 1984. — 653 с.
10. Планета земля: будущее. — Санкт-Петербург : Амфора, 2008. — 319 с.
11. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — 2-е изд. — Москва : Рос. полит. энцикл., 1993. — 736 с.
12. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая / Н. Спафарий. — Чита : Экспресс-издательство, 2009. — 180 с.
13. Цепляев В. Александр Рар: у кого Россия вызывает симпатию, а у кого — истерику / В. Цепляев // Аргументы и факты. — 2019. — 13 нояб.
14. Цыбикдоржиев В. Б. Путь предков (Грамота-указ Петра Великого от 22 марта 1703 г.) / В. Б. Цыбикдоржиев. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2014. — 192 с.

### Информация об авторе

*Карнышев Александр Дмитриевич* — доктор психологических наук, профессор, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 3, e-mail: ale3441@yandex.ru.

### Author

*Alexander D. Karnyshev* — the doctor of psychological Sciences, Professor, Irkutsk state University, Karl Marx street, 3, Irkutsk, 664003, e-mail: ale3441@yandex.ru.



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.38  
УДК 630(571.5)(091)  
ББК 43(253.5)(г)

*И.В. КУРЫШОВА*

## **К ВОПРОСУ О ЛЕСНОМ ОБРАЗОВАНИИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

На основе архивных источников и опубликованных материалов показан процесс становления и развития лесного образования в Российской империи, анализируются причины создания низших лесных школ в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX веков. Делается вывод о прогрессивном опыте деятельности низших лесных школ.

**Ключевые слова:** Байкальский регион, лесное образование, Лесной институт, низшие лесные школы.

*I. V. KURYSHOVA*

## **TO FOREST EDUCATION IN THE BAIKAL REGION IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES**

Based on archival sources and published materials, the process of formation and development of forest education in the Russian Empire is shown, the reasons for creating primary forest schools in the Baikal region in the late XIX — early XX centuries are analyzed. The conclusion is made about the progressive experience of the activities of primary forest schools.

**Keywords:** Baikal region, forest education, Forest Institute, elementary forest schools.

Лесное образование в Российской империи начинает свое развитие с XIX в., одновременно с формированием основ государственной лесоохранной политики, изменением системы управления казенными лесами, оформлением идеи создания системы лесоохраны и лесовозобновления в российском законодательстве. Все эти процессы требовали квалифицированных кадров для лесного хозяйства и привели правительство к мысли о необходимости их подготовки. До начала XIX в. в Российской империи учебные заведения, предусматривающие подготовку специалистов в лесном деле, отсутствовали.

Важно отметить, что кадровая иерархия в лесном хозяйстве была достаточно сложной и состояла из нескольких групп. К самой привилегированной группе относились чины корпуса лесничих, состоящие, в свою очередь, из двух категорий: чины центральной лесной администрации (директор Лесного департамента, вице-инспекторы, старшие лесные

ревизоры) и чины местного управления (младшие лесные ревизоры, лесничие). Второй группой были лесные кондуктора, занимавшие промежуточное положение между чинами корпуса лесничих и лесной стражей. Лесная стража — третья группа — была представлена казенной лесной стражей (лесниками и объездчиками, содержащимися за счет казны) и выборными из числа крестьян (полесовщиками и пожарными старостами). Работа представителей первых двух групп требовала профессиональных знаний и навыков, и высокой квалификации, именно их формированием должны были заняться специализированные учебные заведения: высшие — подготовкой чинов корпуса лесничих, низшие — лесных кондукторов.

Первое учебное заведение, готовившее специалистов в лесном деле, появилось в 1803 г. Это было Практическое лесное училище в Царском селе, просуществовавшее до 1811 г. Курс обучения в училище был рассчитан на три года. Оно до своего реформирования успело сделать два выпуска — в 1807 и 1810 гг. В 1811 г. училище было переведено в Петербург и там объединено с лесным институтом, учрежденным в 1808 г. графом Орловым на Елагинском острове в Петербурге. Новое учебное заведение получило название Форст-институт [11, с. 22; 20, с. 18]. В 1813 г. к Форст-институту был присоединен Козельский лесной институт, основанный еще в 1804 г. в Калужской губернии, и он был переименован в Петербургский практический лесной институт. Название отражало специфику учреждения — четырехгодичный (с 1829 гг. — шестигодичный) курс обучения дополнялся летними практиками и одно-двухлетними стажировками в Учебном Лисинском лесничестве под Санкт-Петербургом. Выпускники, получившие образование за казенный счет, должны были прослужить не менее 10 лет по лесной части [2, с. 95].

Учитывая запросы государства, реагируя на приоритетные направления в развитии лесного дела Лесной институт не раз в последующие годы менял название (и содержание): Санкт-Петербургский лесной и межевой институт (в 1837–1863 гг., после присоединения к институту межевых рот гражданских топографов); Санкт-Петербургская лесная академия (в 1863–1865 гг., после присоединения к институту специальных курсов лесоводства (своего рода «курсы повышения квалификации», действовавших при нем же с 1858 г.); Санкт-Петербургский земледельческий институт (в 1865–1877 гг., после перепрофилирования и открытия в Москве Петровской земледельческой и лесной академии); Санкт-Петербургский лесной институт (в 1877–1903 гг., после перепрофилирования и перевода агрономического отделения в Петровскую академию, которая стала специализироваться на сельском хозяйстве)). Несмотря на постоянные новации, лесное направление функционировало в институте всегда, даже в бытность Земледельческого института. В 1903 г., в канун

100-летия образования Царскосельского лесного училища, Лесной институт получил новое название — Императорский лесной институт. Срок обучения в институте был четыре года. Большое внимание в преподавании уделялось изучению таких предметов, как частное и общее лесоводство, почвоведение, лесоуправление, лесоустройство, лесная таксация, лесное законодательство. Согласно Лесному Уставу, бедные студенты, прежде всего — сыны чинов корпуса лесничих и лесных кондукторов, успевающие на «отлично» и имеющие хорошее поведение, — освобождались от платы за обучение или получали стипендию в размере 360 рублей в год. Студенты, получавшие казенную стипендию, должны были прослужить в лесном ведомстве определенный срок. К 1917 г. институт выпустил 4100 ученых лесоводов [2, с. 96].

Дефицит кадров лесной отрасли, активизация лесоохранной политики государства, в том числе — в сибирских губерниях, образование сети лесничеств способствовали дальнейшему развитию лесного образования. В 1888 г. было издано Положение о низших лесных школах, а потом утверждено и устав этих школ. Низшие лесные школы (низшие относительно других типов профильных учебных заведений) имели целью подготовку лесных кондукторов, которые становились помощниками лесничих, служили в Лесном департаменте на низших должностях и состояли при лесоустроительных партиях на низших технических должностях. Заведовал школой лесничий, законоучитель (священник) и два помощника лесничего составляли преподавательский коллектив. Программа обучения в низших лесных школах (двухлетняя) включала закон Божий, русский язык, арифметику, (насколько это необходимо для уяснения основ лесоводства), съемку и нивелировку, черчение планов, лесоводство с объяснением явлений природы и древоизмерение, лесное законоведение, делопроизводство в канцелярии лесничего, строительное искусство, охоту [3, с. 12].

Большую роль в организации лесных школ в Российской империи принадлежит начальнику V отделения Лесного департамента (он ведал вопросами лесного образования, лесной статистики, учета леса, подготовкой отчетов по лесному управлению) В.А. Тихонову. Именно по его инициативе начался процесс планомерного создания низших лесных школ. Школы образовывались при лесничествах, в которых учащиеся нарабатывали практику. Успешно окончившие курс в лесных школах определялись на службу по лесному ведомству на низшие должности, а «казеннокоштные» воспитанники должны были прослужить в лесном ведомстве по полтора года за каждый год, проведенный ими в школе на казенном содержании. В 1888 г. при лесничествах европейской части Российской империи были открыты десять низших лесных школ, к 1896 г. их было уже 23 (в том числе две — за Уралом), а к 1913 г. во стране действовали 43 школы [3, с. 12].

Байкальский регион долгое время был лишен специализированного учебного заведения, которое бы осуществляло подготовку кадров для работы в лесничествах (здесь процесс их формирования начинается в 1895 г.), однако обстоятельства заставляли власти решать этот вопрос. К 1898 г. в Иркутской губернии было образовано семь лесничеств, в 1906 г. их насчитывалось уже 13, в 1914 г. на территории губернии функционировало 16 лесничеств. После включения в 1906 г. Забайкалья в состав Иркутского генерал-губернаторства там также начинается активный процесс образования новых лесничеств (путем дробление ранее образованных четырех). Все это резко увеличивало нужду в специалистах в лесном деле, которых не хватало. Анализ статистических отчетов лесничеств наглядно и убедительно демонстрирует нехватку и текучесть кадров. Чиновники Лесного департамента осознавали, что текучесть кадров во многом обусловлена попаданием в лесничества случайных людей. С целью укомплектования Лесного ведомства Иркутской губернии и Забайкальской области квалифицированными кадрами, департамент принял решение об организации в Прибайкалье низших лесных школ.

Первая низшая лесная школа в Байкальском регионе была создана при Байкальском лесничестве в 1897 г. [4, л. 61–62.]. Она располагалась в Иркутске по улице Верхней Амурской в арендованном помещении. Известно, что руководство школой осуществлял лесничий Леонид Алексеевич Ветчинкин. В педагогический коллектив школы входили С.А. Панченко, А.П. Майборода (с 1 июля 1898 г.), С.П. Бонишко (с 30 января 1899 г.) [5, л. 9; 6, л. 9.; 7, л. 21–23]. Условиями для поступления в школу были: возраст (от 16 до 18 лет), образование (свидетельство об окончании курса двухклассного сельского училища, не ниже), пол (мужской), физическое здоровье и физическая подготовка (лиц с выраженными проблемами со здоровьем — хромота, сильная близорукость и т.п. — не принимали). При поступлении необходимо было сдать экзамены по русскому языку, арифметике, географии, истории. Пять человек, показавшие лучший результат, зачислялись бесплатно и обучались за счет казенных средств, остальные должны были учебу оплачивать (130 руб. в год с учетом проживания и питания). Учащиеся могли жить при школе или приходить в школу только для обучения, проживая у родителей, родственников, знакомых [10].

Летом 1899 г. Байкальская низшая школа была переведена в Тулуновское училище, где действовала с 1900 по 1906 гг. Первоначально в ней состояло 14 учащихся, позднее их число увеличилось до 20 человек [12; 13; 14; 15; 16; 17]. Первый набор в школу осуществлялся достаточно трудно. Спустя всего два месяца после начала учебы количество воспитанников сократилось до семи, во второй класс перешло только шесть человек, а окончили курс двухлетнего обучения пять воспитанников [8, л. 21–27]. Руководителем школы с момента ее переезда в Тулун был

лесничий Тимофей Михайлович Смаковский. Он обучал воспитанников лесному законоведению и делопроизводству. Среди преподавателей школы числились А.П. Майборода и С.А. Панченко, ранее работавшие в Байкальской низшей лесной школе в Иркутске, а также Н.Н. Петров и А.К. Ахенбах. Текучесть преподавательских кадров в школе была велика, — преподаватели получали повышение по службе (чаще — назначались лесничими) и уезжали.

Своя низшая лесная школа была и в Забайкальской области. В сентябре 1911 г. Лесной департамент издал распоряжение (с ассигнованием соответствующих средств) об открытии низшей лесной школы при Илькинском лесничестве (в селе Ново-Брянском, в 12-ти верстах от станции Заиграево Забайкальской железной дороги). Школа готовила специалистов — лесных техников [1, с. 119]. Здания своего школа не имела и первоначально размещалась в частном доме. В первый год было принято 10 воспитанников, восемь из которых находились на государственном содержании (была определена сумма по 155 руб. на человека в год), их называли «казеннокоштные». А «своекоштные» воспитанники обучались платно, внося в казну полную сумму (155 руб.) или же половину (77 руб. 50 коп.), но при этом могли пользоваться только столом и помещением [9]. Школа просуществовала до 1918 г. и сделала три выпуска по 10 специалистов.

Была предпринята попытка открыть в регионе и высшее лесное учебное заведение — Лесной институт в Иркутске. В 1913 г. с такой инициативой выступило Иркутское городская дума во главе с городским головой Константином Марковичем Жбановым. Ходатайства по данному вопросу были составлены и отправлены Министру торговли и промышленности, Главно-управляющему Землеустройством и Земледелием, Иркутскому генерал-губернатору. Ответ на ходатайства был отрицательным, — вопрос об открытии Лесного института в Иркутске правительством не разрабатывался [18; 19].

Таким образом, создание низших лесных школ в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX вв. имело, безусловно, прогрессивное значение, их опыт оказался весьма удачным. Первые лесные школы в регионе хотя и назывались низшими, но давали прочные знания лесного дела и готовили работников низового звена к практической деятельности. Выпускники этих школ, применяя теоретические знания на практике, выполняя свои должностные обязанности, частично компенсировали нехватку квалифицированных кадров в лесном хозяйстве Байкальского региона в рассматриваемый период.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Бонишко С. П. Леса Прибайкалья. Материалы к изучению лесов Дальнего Востока / С. П. Бонишко — Чита : Типо-литография экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1923. — 123 с.

2. Ващук Л. Н. История управления лесами на земле иркутской: от Петра I до наших дней / Л. Н. Ващук. — Иркутск : ООО «Форвард», 2019. — 488 с.
3. Володькин О. А. Лесному образованию Пензенской области — 120 лет / О. А. Володькина, А. Н. Арефьев, А. А. Володькин // Проблемы и мониторинг природных экосистем : сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. — Пенза : Изд-во Пензенского государственного аграрного университета, 2018. — С. 11–19.
4. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО). — Ф. 176. — Оп. 1. — Д. 162.
5. ГАИО. — Ф. 176. — Оп.1. — Д. 223.
6. ГАИО. — Ф. 176. — Оп.1. — Д. 481.
7. ГАИО. — Ф. 176. — Оп.1. — Д. 1333.
8. ГАИО. — Ф. 176. — Оп.1. — Д. 2971.
9. Забайкальская Новь. — 1911. — № 1197. — 9 июля. — С. 3.
10. Иркутские губернские ведомости. — 1897. — № 31. — С. 1.
11. Лоскутова М. В. Козельский лесной институт и начало высшего лесотехнического образования в Российской империи / М. В. Лоскутова // Клио. — 2016. — № 8 (116). — С. 22–29.
12. Обзор Иркутской губернии за 1900 год. — Иркутск : Губ. тип., 1901. — Ведомость № 9. — 50 с.
13. Обзор Иркутской губернии за 1901 год. — Иркутск : Губ. тип., 1902. — Ведомость № 9. — 50 с.
14. Обзор Иркутской губернии за 1902 год. — Иркутск : Губ. тип., 1903. — Ведомость № 9. — 44 с.
15. Обзор Иркутской губернии за 1903 год. — Иркутск : Губ. тип., 1904. — Ведомость № 9. — 45 с.
16. Обзор Иркутской губернии за 1904 год. — Иркутск : Губ. тип., 1905. — Ведомость № 9. — 43 с.
17. Обзор Иркутской губернии за 1905 год. — Иркутск : Губ. тип., 1906. — Ведомость № 9. — 38 с.
18. Сибирь. — 1913. — № 201. — 11 сентября. — С. 2.
19. Сибирь. — 1913. — № 222. — 5 октября. — С. 3.
20. Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Александра I / В. В. Черных // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 2 (85). — С. 15–21.

### Информация об авторе

*Курьшова Ирина Васильевна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета, (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kiw09@mail.ru)

### Author

*Irina V. Kuryshova* — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, (664074, Irkutsk, Lermontov St., 83, e-mail: kiw09@mail.ru)

---

# МОНГОЛИЯ И КИТАЙ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СВЯЗЯХ СИБИРИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.39

*Э.В. БАТУНАЕВ*

УДК 94 (517)

ББК 63.3

## РОССИЯ И МОНГОЛИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ\*

Статья посвящена изучению российско-монгольского взаимодействия на современном этапе. В начале работы уделяется внимание развитию советско-монгольских отношений в 1921–1990-х гг. Автор приходит к выводу о необходимости углубления двусторонних отношений.

**Ключевые слова:** российско-монгольские отношения, внешняя политика, экономическое взаимодействие, трехстороннее сотрудничество.

*E. V. BATUNAEV*

## RUSSIA AND MONGOLIA AT A NEW STAGE OF INTERACTION

The article is devoted to the study of Russian-Mongolian interaction at the present stage. The work also studied the development of Soviet-Mongolian relations in the 1921–1990s. The author concluded about the need to deepen bilateral relations.

**Keywords:** Russian-Mongolian relations, foreign policy, economic interaction, trilateral cooperation.

История Монголии в XX в. неразрывно связана с российской историей. Благодаря помощи СССР Монголия стала первой азиатской страной, вставшей на путь построения социализма. СССР оказывал большую помощь в становлении монгольского государства. Двусторонние отношения укрепились после победы на р. Халхин-Гол. В МНР усилились настроения за строительство нового общества и государства [8, с. 13].

В годы Второй мировой войны 1941–1945 гг. Монголия внесла большой вклад в победу СССР над Германией и Японией. Особо сле-

---

\* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, №AAAA-A17-117021310264-4.

дует отметить материальную помощь Красной Армии в 1942–1945 гг. [9, с. 8]. Большое значение имели монгольские делегации, отправлявшиеся с подарками от монгольских аратов на советско-германский фронт. Одну из первых делегаций в декабре 1942 г. возглавлял премьер-министр МНР Х. Чойбалсан [1, с. 175–178]. Вооруженные силы Монголии также оказали большую помощь Красной Армии в разгроме Квантунской армии Японии в августе 1945 г. [12, с. 31] После окончания войны Монголия обрела юридический статус государства. В 1950 г. он был подтвержден в советско-китайском договоре [11, с. 70]. МНР получила международное признание, стала полноправным членом ООН. В послевоенные годы в МНР при поддержке СССР проходили социалистические преобразования. МНР впитывала советскую модель развития, особенно в промышленности, сельском хозяйстве, культуре [7, с. 101].

Серьезные изменения в отношениях между СССР и МНР произошли на рубеже 1980–1990-х гг. Советский Союз, вступивший в полосу кризиса, больше не мог поддерживать двусторонние отношения на должном уровне. После распада СССР начинается новый этап в российско-монгольских взаимоотношениях. Демократическая революция в Монголии привела к таким новым явлениям как рыночная экономика, многопартийность. Результаты демократизации монгольского общества нашли отражение в новой Конституции Монголии.

20 января 1993 г. был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 г. Этот договор ознаменовал начало двустороннего сотрудничества на принципиально новой основе. Для активизации сотрудничества была создана совместная российско-монгольская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). В 1992–2019 гг. состоялось 22 заседания МПК. На них рассматривались различные вопросы российско-монгольского сотрудничества.

В вопросах внешней безопасности и международных отношений Россия и Монголия имеют общее видение. Об этом свидетельствуют такие документы, как Концепция внешней политики, Концепция национальной безопасности Монголии, Концепция национальной безопасности РФ, Концепция внешней политики РФ.

Современная Монголия придерживается самостоятельной многоопорной внешней политики. Она активизировала отношения с США, Японией, ЕС, Республикой Корея, Индией и Турцией. В Монголии появилось новое понятие «третий сосед», под которым понимаются США, страны Запада, Япония. В отношениях с Россией и Китаем Монголия



проводит политику равно-удаленности. В то же время многие монгольские политики симпатизируют России [10, с. 29]

Россия поддержала стремление Монголии стать членом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), а также выражает поддержку Монголии стать участником Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Монголия является членом многих международных и финансовых организаций, имеет статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Монголия выразила признательность российской стороне за усилия по утверждению безъядерного статуса Монголии [3, с. 383]. Экологические проблемы в последнее время приобрели особую актуальность в Монголии. Ухудшается экологическая обстановка в районах разработки различных месторождений [13, с. 16]. Соответственно, и традиционное кочевое скотоводство переживает не лучшие времена [14, с. 212].

Урегулирование вопросов «большого долга» — задолженности Монголии по кредитам бывшего СССР имело большое значение в российско-монгольских отношениях. Эта проблема была решена в конце 2003 г. путем списания Россией 98 % монгольского долга (свыше 11 млрд. долл.) [10, с. 294].

Большая роль в развитии двусторонних отношений отводится приграничному сотрудничеству Монголии с российскими регионами. В деле сотрудничества с Монголией преуспевают такие регионы как Иркутская область, Алтайский и Красноярский края [5, с. 189]. В российско-монгольском приграничье центром торговли призвана стать свободная экономическая зона «Алтанбулаг» [4, с. 142]. Согласно мнению монгольских политиков и экономистов эта зона имеет хорошие перспективы и в будущем может превратиться в своеобразный полюс роста экономики Монголии и приграничных российских регионов [6, с. 171–172].

В августе 2009 г. президент РФ Д.А. Медведев совершил официальный визит в Монголию для участия в праздничных торжествах, посвященных 70-летию победы на Халхин-Голе. На переговорах между президентом РФ Д.А. Медведевым и президентом Монголии Ц. Элбэгдоржем центральное место заняли экономические вопросы. Был подписан ряд важных документов: Соглашение о создании совместной компании с ограниченной ответственностью «Дорнод уран», Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта Монголии и ОАО «РЖД» и др. [10, с. 48]. В этой связи отметим большое значение железной дороги Монголии, играющей связующую роль в региональной транспортной инфраструктуре [2, с. 103].

Развивается сотрудничество двух стран в области культуры, науки, образования и гуманитарных связей. Важную роль выполняют посольство РФ, торговые представительства и другие учреждения. Филиалы российских вузов успешно работают в Улан-Баторе. Действует программа сотрудничества между Министерством образования, науки, культуры и спорта Монголии и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации на 2018–2020 г. Российский центр науки и культуры (РЦНК) играет важную роль в деле продвижения русского языка и культуры в Монголии.

Россия и Монголия имеют тесные связи в области военного сотрудничества. Проводятся российско-монгольские военные учения «Дархан», «Селенга», в которых принимают участие крупные контингенты военнослужащих.

Большую роль в укреплении двусторонних отношений сыграли также встречи президентов стран в 2014 и 2015 г.

Активно развивается трехстороннее экономическое сотрудничество России, Монголии и Китая. 12 сентября 2014 г. в г. Душанбе на полях 14-го саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась встреча лидеров трех сопредельных государств России, Монголии и Китая. В 2015 г. на полях саммита ШОС в Уфе была утверждена «Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Монголией, КНР на среднесрочную перспективу».

В 2016 г. в Ташкенте состоялась трехсторонняя встреча лидеров России, Китая, Монголии. По итогам переговоров в присутствии глав государств были подписаны Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия и другие документы.

Политические отношения между Россией и Монголией в настоящее время существенно укрепились, встречи на высшем и высоком уровне приобрели регулярный характер. В 2017 г. на полях Восточного экономического форума состоялась официальная встреча президента Р.Ф. В.В. Путина и нового президента Монголии Х. Баттулги. В 2018 г. на саммите ШОС состоялась встреча президента РФ В.В. Путина и Президента Монголии Х. Баттулги. 3 сентября 2019 г. состоялся официальный визит президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор. По итогам визита был подписан бессрочный Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Также были подписаны 10 важнейших межправительственных соглашений в области борьбы с терроризмом, военно-технической области, энергетики, связи. Необходимо отметить, что в настоящее время Монголия установила стратегическое партнерство с пятью государствами: Россией (в 2006 г.), Японией (в 2010 г.), Китаем (в 2014 г.), Индией (в 2015 г.) и США (в 2019 г.).

В тоже время среди них можно выделить приоритетные отношения с Москвой, Пекином и Токио, которых связывают общие границы, особые экономические и политические связи.

Таким образом, Монголия на протяжении долгого времени ориентировалась на СССР и социалистическую модель общественного развития. При поддержке и помощи СССР Монголия отстаивала национальную независимость и государственность, добилась международного признания, достигла немалых успехов в развитии экономики, социальной сферы и культуры. Кроме того, СССР в советский период выступал главным союзником, защитником, донором, гарантом сохранения независимости и суверенитета Монголии.

После распада СССР и социалистической системы, произошел существенный кризис российско-монгольских отношений, вызванных объективными и субъективными причинами. Новый этап российско-монгольских отношений начинается с демократическими преобразованиями в обеих странах и началом политического диалога в новых исторических условиях. Современные российско-монгольские отношения развиваются поступательно и имеют тенденцию перехода на качественно новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства.

Препятствиями на пути развития российско-монгольских являются дисбаланс в взаимной торговле, высокие таможенные пошлины и сборы, транспортные расходы и др.

Монголия, занимающая важное геополитическое положение в Азии, превращается в арену открытого и скрытого политического и экономического соперничества ведущих держав мира. Между крупнейшими горнодобывающими и другими компаниями развернулась борьба за обладание сырьевыми ресурсами Монголии. Россия в этой ситуации должна активизировать свою деятельность, перейти к конкретным шагам и действиям в интересующих ее сферах экономики и политики.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Базаров Б. В. Монгольские делегации на Западном фронте (по материалам сборника «О фронте») / Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенов // Вестник Бурятского научного центра. — 2015. — № 4 (20). — С. 177–189.
2. Дорж Т. Роль центрального транспортного коридора Монголии в развитии экономического коридора трех стран / Т. Дорж, Б. Бурэнжаргал, Б. Д. Цыбенов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2019. — № 1 (33). — С. 95–107.
3. История Монголии XX век. — Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2007. — 448 с.

4. Курас Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» — свободная торговая зона / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2013. — № 2. — С.141–144.

5. Курас Л. В. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2013. — № 7. — С.188–192.

6. Курас Л. В. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. — 2013. — № 1 (9). — С. 159–173.

7. Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX– XXI вв. / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров, Д. Шурхуу; науч. ред. Л. В. Курас, Н. Ариунгуа. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. — 204 с.

8. Монголия в борьбе за независимость (1939–1945 гг.): от Халхин-Гола до линкора «Миссури». К 80-летию победы на реке Халхин-Гол / рук. проекта и науч. ред. Б. В. Базаров, Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — 156 с.

9. Монголия во Второй мировой войне / рук. проекта, отв. ред. Л. В. Курас, С. Ганболд; науч. ред. Б. В. Базаров, Х. Шагдар. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 224 с.

10. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. — Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2011. — 440 с.

11. Цыбенков Б. Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания / Б. Д. Цыбенков // *Известия Восточного института*. — 2015. — № 3 (27). — С. 64–72.

12. Цыбенков Б. Д. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны / Б. Д. Цыбенков // *Военно-исторический журнал*. — 2013. — № 4. — С. 28–31.

13. Энхтувшин Б. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2013. — № 10. — С. 11–16.

14. Энхтувшин Б. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. — 2013. — № 4 (12). — С. 208–223.

### Информация об авторе

*Батунаев Эдуард Владимирович* — канд. ист. наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

### Author

*Eduard V. Batunae*v — candidate of historical sciences, research worker at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6. e-mail: Batunaeveduard@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.40  
УДК 930(571.53)  
ББК 63.2 (253.7)

*И.Е. КОЗЫРСКАЯ  
Ю.В. КУЗЬМИН*

## **ИСТОРИКО-МОНГОЛОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1940–2000-е гг.)\***

Представлены основные данные об изучении истории Монголии XX в. в Байкальском государственном университете. Дан обзор исторических работ монголоведов университета: И.А. Сороковикова, Б.С. Санжиева, К.Л. Малакшанова, З.Т. Тагарова. Представлена основная информация о российских исследователях новой и новейшей истории Монголии, их краткие творческие биографии.

**Ключевые слова:** монголоведение, история, XX век, Байкальский госуниверситет, Центр изучения Монголии, И.А. Сороковиков, Б.С. Санжиев, К.Л. Малакшанов, З.Т. Тагаров.

*I. E. KOZYRSKAYA  
YU. V. KUZMIN*

## **HISTORICAL AND MONGOLIAN STUDIES AT THE BAIKAL STATE UNIVERSITY (1940S–2000S)**

The main data on the study of the Mongolia history of the twentieth century at the Baikal state University is presented. A review of the historical studies of the University specialists in Mongolian studies: I.A. Sorokovikov, B.S. Sanzhiev, K.L. Malakshanov, Z.T. Tagarov is shown. The main information about Russian researchers of the new and cotemporary history of Mongolia and their brief creative biographies are presented.

**Keywords:** Mongolian studies, history, XX century, the Baikal State University, the Mongolia study research center, I.A. Sorokovikov, B.S. Sanjiev, K.L. Malakshanov, Z.T. Tagarov.

Сибирский финансово-экономический институт (ныне Байкальский государственный университет), созданный в 1930 г., был направлен на подготовку экономистов и финансистов СССР и Монголии. Обучение монгольских студентов, аспирантов и докторантов потребовало глубоких знаний истории, экономики, политики и культуры соседней Монголии. Поэтому совсем не случайно часть преподавателей института

---

\* Грант Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОНН\_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия — Монголия — Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

специализировалась по исследованию монгольских научных проблем. В университете сложилась своеобразная научная школа по изучению экономики и истории Монголии, особенно популярной среди исследователей 1950–1980-х гг. была историко-партийная тема.

Впервые вопросы историографии монголоведных исследований в БГУ рассматривал в ряде научно-популярных работ по истории университета кандидат исторических наук, доцент Ким Лопсонович Малакшанов, известный специалист по новейшей истории Монголии, автор более 150 работ, который в 1976–1986 гг. возглавлял кафедру истории КПСС ИИНХ. В 1971–1974 гг. и 1982–1986 гг. К.Л. Малакшанов также руководил деканатом по работе с иностранными (преимущественно, монгольскими) студентами [6].

Качественная подготовка современных монгольских специалистов, особенно обучение магистрантов, аспирантов и докторантов, также требует и сегодня от профессоров и доцентов БГУ основательного знания истории, экономики, права и современного монгольского общества, а также истории российско-монгольских экономических отношений, роли СССР/России в создании современной промышленности, сельского хозяйства, научных школ, системы образования.

В 2021 г. исполняется 100 лет Монгольской национально-демократической революции, которая коренным образом изменила Монголию, превратила ее из отсталой кочевой страны в аграрно-индустриальную страну с развитой промышленностью, наукой и народным образованием. Эти преобразования произошли с помощью и при содействии СССР и России.

Последние тридцать лет в Монголии и России недостаточно изучается позитивная роль СССР, Российской Федерации в становлении и развитии независимого национального государства в Монголии, вклад советских специалистов в созидательные изменения в экономике, политике, науке и культуре XX в.

Представляется, что российская наука (историки, экономисты, политологи, культурологи, филологи) должны подготовить исследования, в которых на новом оригинальном историческом и документальном материале и концептуальном анализе будет отражена роль России и СССР в создании индустриальной базы Монголии, современного аграрного производства, системы образования, науки и культуры Монголии в XX в., чтобы предотвратить искажение и фальсификацию западными, японскими и монгольскими исследователями истории российско-монгольских отношений.

Историографический обзор проблемы относительно небольшой, количество работ, исследующих эту тему незначительно, а глубина изучения оставляет желать лучшего. Изучение темы находится, по нашему мнению, на своем начальном этапе.

Необходимо отметить публикации К.Л. Малакшанова, В.В. Свирина (ИГУ), Э.Г. Азербайева, Ю.В. Кузьмина, А.П. Суходолова, А.Ф. Манжиге-

ева, М.И. Баканова, Г.Г. Дуринова, В.П. Иваницкого, Е.И. Лиштованного, Б.В. Недашковского, В.Г. Фридмана, А.В. Шободоевой, Н.М. Токарской, Ю.Н. Шмониной, и некоторые другие статьи и тезисы докладов.

Особо необходимо выделить исследования доцента, декана по работе с монгольскими студентами К.Л. Малакшанова, издавшего книги: «Иркутский старт монгольских экономистов» (2006 г.), «Монголия в трудах ученых Байкальского государственного университета экономики и права» (2006 г.) [3;4].

Ценная информация имеется в статье А.П. Суходолова, Ю.В. Кузьмина, А.Ф. Манжигеева «Монголоведные исследования в Сибирском регионе» (2015 г.), монографии Ю.В. Кузьмина и В.В. Свинина «Иркутская школа монголоведения» (2014 г.) [1], «Монголия в научных работах К.Л. Малакшанова. Биобиблиографический указатель (2008 г.)» [6].

К 100-летию профессора Б.С. Санжиева изданы в ИГУ воспоминания коллег и учеников этого ученого «Вековой юбилей» (2013 г.). Списки монгольских студентов опубликованы в книге «Память сердца — сильней документов» (2008 г.), составленные канд. экон. наук, доцентами О.Ю. Оношко, И.Н. Щербаковой. Все указанные статьи носят обзорный характер и могут служить определенной лоцией для дальнейшей аналитической и историографической работы.

Однако, специального исследования о монголоведных исследованиях И.А. Сороковикова, Б.С. Санжиева, З.Т. Тагарова, К.Л. Малакшанова — известных ученых-исследователей истории и культуры Монголии в российской и монгольской историографии не имеется, и эта тема бесспорно нуждается в специальном историографическом, историческом изучении.

Очень знаменательно, что в институте длительное время преподавал математику монгольским студентам активный участник монгольской революции 1921 г. и деятель Коминтерна, военной разведки Иннокентий Асенкритович Сороковиков (1888–1960 гг.). И.А. Сороковиков совместно с известным сибирским писателем Г.Ф. Кунгуровым опубликовал книгу «Аратская революция», дважды переиздаваемую (1946 и 1957 гг.) [2], которая вошла в золотой фонд советской историографии, так как подготовлена она была с использованием собственных воспоминаний. Книга была написана по просьбе лидера монгольского государства Х. Чойбалсана, проездом посетившего Иркутск в 1943 г. Источниковедческий и историографический анализ двух изданий данного исследования еще также предстоит сделать ученым-монголоведам.

Политическая и творческая биография И.А. Сороковикова также заслуживает специального изучения, так как это был активный участник монгольской революции 1921 г., затем работник Коминтерна и военной разведки, создатель в 1922–1924 гг. разведывательных органов Мон-

голии и награжденный двумя орденами Боевого Красного Знамени [3, с. 104]. В монгольских архивах сохранилась автобиография И. А. Сорокикова и черновики его рукописей.

В 1953–1968 г. заведующим кафедры марксизма-ленинизма (истории КПСС) Иркутского финансово-экономического института работал известный историк партии и исследователь национальных отношений в СССР Буянто Сайнцакович Санжиев (1912–2002 гг.), который в годы Великой Отечественной войны успешно работал секретарем по идеологии в Бурятии.

Б.С. Санжиев серьезно активизировал научную работу в институте по изучению истории КПСС, истории советско-монгольских отношений, выступал редактором «Трудов ИИНХ», «Ученых записок ИИНХ. Кафедра истории КПСС», выступил автором и редактором «Очерки истории Иркутской организации КПСС» (1976 г.).

Проблемы монгольской истории нашли отражение в монографиях Б.С. Санжиева «Доржи Банзаров», «Ярослав Гашек в Сибири» (1961 г.), «Ярослав Гашек. Документальный очерк о деятельности писателя-интернационалиста в период гражданской войны» (1993 г.) [8;9]. Профессор Б.С. Санжиев — активный участник подготовки 5 тома «Истории Сибири» (1969 г.). Профессор Б.С. Санжиев изучал духовное наследие бурят-монгольского народа «Гэсэр», борьба вокруг которого отражена в книге «Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в канун и в годы Великой Отечественной войны» (1995 г.) [7].

Б.С. Санжиев привлек в Институт целую группу преподавателей, которые в дальнейшем активно занялись изучением истории Сибири и Монголии: Г.А. Вендриха, В.Г. Фридмана, К.Л. Малакшанова. Доктор исторических наук, профессор Б.С. Санжиев подготовил несколько кандидатов наук для монгольской исторической науки (Г. Лхамсурэн, Б. Цог), являлся Председателем Ученого совета по защите кандидатских и докторских диссертаций Иркутского госуниверситета, лично подготовил более 50 кандидатов и докторов исторических наук. Б.С. Санжиев является авторитетным ученым Российской Федерации в области межнациональных отношений.

Основное внимание кафедры было уделено актуальным проблемам: советско-монгольскому сотрудничеству, советско-монгольским партийным связям, формированию рабочего класса в Монголии, капиталистическому развитию кочевой страны, созданию промышленной базы в Монголии и отношений со странами социалистического блока и развивающимися странами, идущими по пути социалистической ориентации. Данными актуальными проблемами занимались преподаватели ИИНХ-БГУЭП: К.Л. Малакшанов, Г.А. Вендрих, Г.Г. Дуринов, В.П. Ивацкий, Э.Г. Азербайев [3].

Кандидат исторических наук, доцент Ким Лопсонович Малакшанов всю свою жизнь посвятил изучению новейшей истории Монголии и



истории МНРП, опубликовал более 160 научных работ по монголоведению. В 1962 г. К.Л. Малакшанов поступил в аспирантуру Иркутского финансово-экономического института, после окончания которой, был оставлен в 1966 г. на кафедре истории КПСС. В 1967 г. он организовал монголоведную секцию при научно-студенческом обществе института. Кафедра истории, руководимая К.Л. Малакшановым, по монголоведной тематике опубликовала 75 статей и брошюр [3]. Основная тема исследований — историко-партийные связи КПСС и МНРП, советско-монгольские отношения, история Сибири и Монголии в 1960–1980-е гг. К.Л. Малакшановым была подготовлена и защищена докторская диссертация, к сожалению, не утвержденная ВАК [5].

В нашем университете работает уже третье поколение семьи Тагаровых. Основатель этой династии — Зандара Тагарович Тагаров — кандидат исторических наук, доцент. Историк З.Т. Тагаров плодотворно работал в Государственном архиве Иркутской области, а затем доцентом в ИИНХ — БГУЭП, опубликовал ряд оригинальных востоковедных материалов по монгольским источникам и статьи по новой истории Монголии, которые активно используются современными исследователями истории и экономики Монголии.

Длительное время в вузе на кафедре экономической теории, а затем на кафедре мировой экономики проработал доцент Жаргал Зандараевич Тагаров — известный в мире монголоведения специалист по Кяхтинской торговле, ее роли в мировой торговле и русско-монголо-китайских отношениях. Ж.З. Тагаров опубликовал более 90 статей в российских и монгольских журналах, он хорошо известен среди востоковедов Монголии и Китая. В настоящее время династию продолжает Бато Жаргалович Тагаров — кандидат экономических наук, доцент, подготовивший к защите докторскую диссертацию.

В 2001 г. на кафедре мировой экономики БГУЭП был создан Центр восточной культуры, а в 2008 г. Центр изучения Монголии. Были изданы «Востоковедные чтения» (2001–2019 гг.), проведено девять научных конференций с изданием сборников статей, посвященных актуальным вопросам мирового и российского монголоведения.

Востоковедные конференции проведены с приглашением как известных монгольских ученых: профессоров О. Батсайхана, Ц. Жамбалсурэна, Л. Чулуунбаатара, М. Зулькафиля, Ж. Урангуа, Ц. Батбаяра, К. Дэмбэрэла, так и крупных российских монголоведов: Н.Н. Крадина, А.В. Харинского, А.Д. Цендиной, Л.Г. Скородумовой, И.В. Кульганек, М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, В.Г. Дацышена, Л.В. Кураса, В.Д. Дугарова, О.Н. Полянской и др. Главным редактором всех «Востоковедных чтений» является профессор Ю.В. Кузьмин [10].

В 2013–2017 гг. в Байкальском государственном университете были выполнены научные проекты РГНФ и РФФИ «Концептуальные вопросы

российско-монгольских отношений первой половины XX века: история, политика, экономика», «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай: проблемы, противоречия, сценарии», в реализации которых приняли участие ведущие монголоеды России и Монголии. Было опубликовано девять томов в рамках данного научного проекта [12; 13].

В настоящее время в современной Монголии, в общественной мысли и публицистике происходит искажение роли СССР и России в Монголии в XX в.: замалчивается или фальсифицируется значение и роль экономической, политической и научно-образовательной сфер. Западная и американская историография акцентирует внимание на негативных сторонах деятельности СССР в Монголии: репрессиях 1937–1939 гг., вмешательстве во внутренние дела Монголии, репрессиях против буддийской церкви.

Определенное оживление российско-монгольских отношений, надежды в Монголии на расширение российско-монгольского экономического сотрудничества и подготовку квалифицированных кадров в России, как определенный противовес влиянию Китая и западных стран, создают предпосылки для восстановления позиций современной России в Монголии.

Создание российско-монгольского Ресурсного центра в Байкальском государственном университете повысило статус университета, как одного из центров изучения экономики Монголии, новейшей истории и российско-монгольских отношений. Успешное проведение двух научных Форумов российских и монгольских ученых (2018, 2019) серьезно активизировали монголоведные исследования в регионе и университете.

В этой связи объективное изучение советского опыта сотрудничества в социалистический период развития, позитивный опыт подготовки в СССР высококвалифицированных кадров для народного хозяйства, науки и культуры диктуют необходимость основательного изучения методики и практического опыта массового обучения монгольских студентов в российских вузах, в том числе и в иркутских учебных заведениях, довольно успешно работавших в 1960–1980 гг. XX в.

Советские преподаватели увлеченно изучали историю Монголии, историю МНРП, советско-монгольские партийные связи и советско-монгольское боевое содружество, некоторые владели монгольским языком. Преподаватели активно использовали результаты своих научных исследований в образовательном процессе при подготовке монгольских специалистов.

Специальное изучение творческого наследия и практического опыта интернациональной работы советских ученых-монголоведов имеет научный и практический интерес.

Такие преподаватели, как И.А. Сороковиков, Б.С. Санжиев, З.Т. Тагаров и К.Л. Малакшанов, активно и плодотворно изучавшие историю Монголии, межпартийные связи, экономические отношения СССР и МНР, а также занимавшиеся непосредственно обучением и воспитанием монгольских студентов, аспирантов и докторантов в нашем университете, стали для следующих поколений преподавателей Байкальского университета ориентиром для проведения научных исследований и истории, и современности Монголии.

### Список использованной литературы и источников

1. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин / под ред. проф. А. П. Суходолова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 438 с.
2. Кунгуров Г. Ф. Аратская революция / Г. Ф. Кунгуров, И. А. Сороковиков. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — 208 с.
3. Малакшанов К. Л. Иркутский старт монгольских экономистов / К. Л. Малакшанов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 118 с.
4. Малакшанов К. Л. Мы все родом из БГУ / К. Л. Малакшанов, И. Н. Щербакова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 80 с.
5. Малакшанов К. Л. Исторический опыт МНРП по укреплению дружбы и углублению взаимопомощи монгольского народа с трудящимися стран социалистического содружества (1960–1980): дис. ... д-ра ист. наук / К. Л. Малакшанов. — Иркутск, 1981. — 425 с.
6. Монголия в научных работах К.Л. Малакшанова. Биобиблиографический указатель. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. — 64 с.
6. Санжиев Б. С. Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны (Странички воспоминаний: люди и события) / Б. С. Санжиев. — Иркутск : Сибирь, 1995. — 180 с.
7. Санжиев Б. С. Доржи Банзаров. Изучение научного наследия. К 175-летию со дня рождения / Б. С. Санжиев. — Иркутск; Улан-Удэ : «Сибирь», 1998. — 130 с.
8. Санжиев Б. С. Ярослав Гашек в Сибири. Документальный очерк о деятельности писателя-интернационалиста в период гражданской войны / Б. С. Санжиев. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 208 с.
9. Суходолов А. П. Российско-монгольские отношения в начале XX века (1900-1921 гг.) / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин, Б. Болдбаатар // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 6. — С. 92–99.
10. Суходолов А. П. История Монголии и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — 232 с.
11. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: Проблемы истории и историографии / под ред. проф. М. П. Рачкова / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — 318 с.

### Информация об авторах

*Козырская Ирина Евгеньевна* — кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

*Кузьмин Юрий Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

### Authors

*Irina Ye. Kozyrskaya* — PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy and Economic security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

*Yuriy V. Kuzmin* — D.Sc. in History, Professor, Department of World Economy and Economic security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.41

*Н.Н. КОРНИЕНКО*

УДК 2-475:27 (517.3)

ББК 86.3-43 (5Мон)

## ПРОПОВЕДЬ ПРАВОСЛАВИЯ В МОНГОЛИИ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАМЕТКИ

В статье анализируется исторический опыт миссионерской работы Русской православной церкви в Монголии на примере деятельности настоятеля Ургинской церкви протоиерея Милия Чефранова. Приводится краткое описание основных факторов, способствовавших низкой результативности проповеди православия в сопредельной России стране.

**Ключевые слова:** Монголия, Урга, Русская православная церковь, Милий Чефранов, миссия, миссионерство, русская колония.

*N.N. KORNIENKO*

## ORTHODOXY SERMON IN MONGOLIA: HISTORY OF SOME NOTE

The paper analyses the history of missionary work of Russian Orthodox church in Mongolia. The research is centered around the public work of Milij Chefranov, senior priest of Urgin church. The author briefly outlines all the major elements of his work that lead to the low Russian Orthodox mission efficiency in the neighbor country.

**Keywords:** Mongolia, Urga, Russian Orthodox Church, Miliy Chefranov, mission, missionary work, Russian colony.

Составной частью истории распространения христианства Русской православной церковью (РПЦ) за пределами сферы ее традиционно-го влияния являлась заграничная миссионерская деятельность, в том числе в Монголии. Православным священникам в сопредельной России стране в силу целого ряда причин так и не удалось добиться результатов, даже в малой мере сопоставимых с успехами католических и протестантских миссионеров, работавших в этой стране, и с проповедью православных миссионеров в других странах Восточной Азии (Китае, Японии и Корее), что ставит перед исследователями вполне закономерный вопрос о причинах низкой результативности православного заграничного миссионерства в Монголии.

С начала образования православной общины, постройки храма и начала богослужения в соседней России стране прошло более ста лет, но результаты проповеди остаются прежними — монголы православие не приняли, а священники занимаются лишь окормлением российских подданных в этом государстве.

В конце 1908 г. в официальном издании Пекинской духовной миссии — журнале «Китайский благовестник» была напечатана заметка протоиерея Милия Чефранова «К проповеди христианства в Монголии» [2]. С 1901 по 1913 гг. отец Милий был настоятелем Свято-Троицкого храма в Урге [1, л. 17; 3, с. 67]. Содержание этой заметки показывает реальную картину работы священника в монгольской столице и дает возможность оценить спектр проблем и трудностей, с которыми сталкивались православные проповедники в данном регионе.

Протоиерей Милий Чефранов выделяет несколько причин низкой результативности миссионеров РПЦ в Монголии. Первостепенной своей задачей отец Милий считал обычную христианскую проповедь — рассказ местному населению о православии. Правда, о ней скоро пришлось забыть. По словам священника, проповедь православной веры в Урге — «иерархическом и религиозном центре монгольского ламаизма» — видится такой же трудной и малорезультативной, как проповедь другой религии или иного ответвления христианства в «древних Киеве и Москве» [2, с. 3]. «Только еще надо принять во внимание, что древнерусские православные люди были все же народ культурно просвещенный и христианский, а монголы и Урга — это ведь тьма языческая, объятая страстью идолобесия», — многоэмоционально развивал свою мысль священник [2, с. 3]. В своей статье отец Милий рассказывает, что за семь лет своего пребывания в монгольской столице почти все знакомые монголы «простые и штатные» и некоторые из «чиновных» лам во время разговора о

религии подчеркивали, что у русских и у монголов бог один, веры различны, богослужения похожие. «В тоже время все ламы, при всей своей лицемерной любезности, очень фанатичны, и под всякими предложениями стараются не допускать, особенно русского священника, в свои храмы во время молений, осматривать идолов», — писал протоиерей Милий Чефранов [2, с. 5]. Усугубляло и без того шаткое положение православного пастыря и разговоры российских подданных, считавших, что нельзя ни при каких обстоятельствах «рассердить лам, ведь они сила в Монголии и могут возбуждать монголов против русских, дружественные отношения испортятся» [2, с. 4].

Свою миссию священник видел не только в разговорах, диспутах или даже проповедях, но и во внешних проявлениях православия, таких как православное богослужение и внешний вид самого пастыря. Кроме Божественной литургии, которую могли служить лишь в храме, остальные богослужения (таинства и молебны) протоиерей Милий Чефранов старался по возможности проводить открыто. Практически все требы для российских подданных — чин отпевания и погребения с проводами, крещение младенцев, водосвятие, окропление святой водой во время молебнов, хождение со святым крестом в дни больших церковных праздников (Пасху, Рождество Христово, Крещение Господне и День Святой Троицы), освящение начала постройки жилищ русских колонистов (закладку домов) и последующее освящение возведенного дома — совершались на глазах у монголов.

Считая, что внешний вид священника может и должен способствовать миссии, отец Милий старался всюду ходить и ездить в полной священнической одежде: подряснике, рясе, камилавке и с наперстным крестом. Даже выезжая за город или следуя на базар (покупать провизию для себя, корм для скота, дрова), протоиерей Милий одевал широкополую рясу и священнический крест. Дополнением образа православного «ламы» священник видел и в ношении длинных волос. Отец Милий писал: «Рассматривая мои волосы, рясу и крест, они спрашивают: «что это и почему?». Все это — и внешний вид мой (волосы у меня длинные), и требные богослужения — знакомит монголов и китайцев с православием и священнослужителями» [2, с. 3]. Проповедь внешней красоты православного богослужения и специфического образа самого пастыря протоиерей Милий Чефранов видел вторым и более действенным фактором своей миссии.

Важным аспектом проповеди христианства в сопредельной России стране священник считал просветительскую деятельность, которая была представлена раздачей Евангелия на монгольском и тибетском языках. Здесь отец Милий столкнулся с проблемой непонимания текста. Грамотные монголы знали тибетский алфавит, но не понимали тибетского языка и писали монгольские слова тибетскими буквами. Монгольский

алфавит (печатный и рукописный) почти никто из местных не знал, «не только простолюдины, но и ламы, даже штатные, даже чиновники» [2, с. 3]. Священник сравнивал жителей Монголии с русскими старообрядцами, разговаривающими на русском языке, но пишущими и читающими по-церковнославянски. Таким образом, для большинства монголов Евангелие («Благая весть») было одинаково недоступно ни на тибетском языке, ни на монгольском.

Среди местных жителей встречались и такие, кто знал или монгольское письмо, или тибетский язык. Они прочитывали Евангелие, держали книгу на столике около своих бурханов и номов (молитвословов и молитвенных книг), а иногда, даже передавали читать другим. Время от времени, встречаясь со знакомыми монголами, священник спрашивал о содержании текста подаренной им книги, и они пересказывали многие сюжеты из Евангелия. Правда, дальше обычного прочтения дело не шло; никто после этого в храм для крещения не приходил. Протоиерей Милий Чефранов и сам пытался освоить монгольский язык по книгам А. Бобровникова и К. Голстунского, а тибетский — по учебникам Я. Шмидта и Г. Цибилова.

Священник заботился не только о личной опрятности и благолепии православного богослужения, но и призывал русских колонистов, чтобы они своим внешним видом и внутренней гармонией показывали красоту и великолепие православной веры. «Всякий русский человек, живущий в Урге и по Монголии, должен иметь жизнь и поведение христианское, чтобы монголы, видя оные, прославляли Отца Нашего Небесного и познали пустоту своей языческой жизни и своих идолов» [2, с. 4]. Отец Милий указывал на необходимость молитвы, особенно за Божественной литургией, об обращении в православную веру «всех монголов и всех тибетцев», в среде которых временно или постоянно проживают российские подданные, в то время как сам священник «призван жить и совершать священное и пренебесное служение и таинства» в этой стране. Далее священник перечисляет, какому святому и почему именно ему следует молиться особо. В первую очередь, это святой Андрей Первозванный, традиционно считавшийся апостолом, посетившем и благословившем территорию Киевской Руси. После этого священник совершал молитвы священномученику Григорию, просветившему Армению; святому равноапостольному Аверкию, епископу Иерапольскому, распространявшему христианство в Сирии и Месопотамии, а также священномученику Милию, епископу Персидскому, проповедавшему в Персии. Протоиерей Милий Чефранов рассказывал, что во время поездок по Монголии, он останавливался в священных для местных жителей местах (обо), осенял их крестным знамением и пел псалмы, часто употреблявшиеся в православном богослужении: «Кто Бог велий яко Бог наш? Ты еси Бог творяй чудеса» (Пс. 76: 13–14) или «Бог же наш на небеси и на зем-

ли, вся елика восхоте, сотвори (Пс. 113:11), или «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко исчезает дым, да исчезнут» (Пс. 67: 1–2), или «Воскресни, Боже, суди земли: яко Ты наследилши во всех языцех» (Пс. 81:8) [2, с. 4].

В заключение своей статьи протоиерей Милий Чефранов делает вывод, что одному священнику не под силу дело проповеди православия среди монголов. Для успешной миссии по евангелизации местных жителей необходима всесторонняя помощь представителей внешнеполитических ведомств — в лице Министерства иностранных дел и Ургинского консульства и церковного руководства — в лице Святейшего Синода, Пекинской духовной миссии и Иркутской епархии.

Таким образом, анализ статьи настоятеля Свято-Троицкого храма в Урге протоиерея Милия Чефранова, прослужившего к этому времени в монгольской столице семь лет, дает возможность оценить спектр факторов, ставших причинами низкой результативности проповеди православия в сопредельной России стране. Среди них — укорененность местного населения в буддизме и всяческое противление со стороны лам проповеди православия среди монголов, неумений большинства автохтонов прочитать текст православной литературы на монгольском или тибетском языках и, самое главное, отсутствие заинтересованности российских чиновников, и в целом всей русской колонии, в миссионерской деятельности РПЦ в Монголии.

### Список использованной литературы и источников

1. Архив внешней политики Российской империи. — Ф. 188 (Миссия в Пекине). — Оп. 761. — Д. 879.
2. К проповеди христианства в Монголии // Китайский благовестник. — 1908. — Вып. 31–32. — 1 нояб. — С. 3–6.
3. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской Республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. — Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. — 560 с.

### Информация об авторе

*Корниенко Николай Николаевич* — кандидат исторических наук, кандидат богословия, кафедра теологии и религиоведения, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, e-mail: [niknik-84@mail.ru](mailto:niknik-84@mail.ru).

### Author

*Nikolay N. Kornienko* — Ph.D. in History, Ph.D. in Theology, Department of Theology and Religious Studies, Banzarov Buryat State University, 24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000, e-mail: [niknik-84@mail.ru](mailto:niknik-84@mail.ru).



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.42

УДК 94(47)+94(517)

ББК 63.3(2)612+63.3Мон

*Л.В. КУРАС*

*Н. ХИШИГТ*

*Б.Д. ЦЫБЕНОВ*

## **ОТ «РЕВОЛЮЦИИ В КОЛЧАКИИ» ДО МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА\***

В русле транснациональной истории в статье рассматривается взаимосвязь революции 1917 г. в России и гражданской войны в Сибири с Монгольской революцией 1921 г. При этом показаны совместные действия партии большевиков, Коминтерна и лидеров бурятского национального движения с монгольскими руководителями национально-освободительного движения по принесению революционных идей на монгольскую почву.

Особое место отводится идеологам и архитекторам Монгольской революции, а также монголо-тибетскому отделу секции восточных народов.

**Ключевые слова:** Советская Россия, Сибирь, Монгольская революция, транснациональная история, монголо-тибетский отдел, Б.З. Шумяцкий, Э.-Д. Ринчино, О.И. Макстенек.

*L. V. KURAS*

*N. KHISHIGT*

*B. D. TSYBENOV*

## **FROM «REVOLUTION IN KOLCHAKIA» TO THE MONGOLIAN REVOLUTION, 1921**

In the frame of transnational history the article examines the connection between the Russian revolution, 1917 with Civil war in Siberia and the Mongolian revolution, 1921. Along with it, the article reveals cooperation of Bolshevik party, Comintern and leaders of Buryat national movement with Mongolian leaders of national liberation movement for introduction of revolutionary ideas in Mongolia.

The special attention is given to the ideologists and leaders of the Mongolian revolution, and Mongolian-Tibetan department in the section of Asian peoples.

**Keywords:** Soviet Russia, Siberia, Mongolian revolution, transnational history, Mongolian-Tibetan department, B.Z. Shumyatsky, E.-D. Rinchino, O.I. Makstenek.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МиноКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004

Мы уже рассматривали предпосылки Монгольской революции 1921 г. как следствие «революции в колчакии» [3]. В свою очередь, это позволяет современной историографии взглянуть на события в Центральной Азии через призму транснациональной истории» [7]. В центре внимания такого направления стоит «изучение закономерностей, общих для всех национальных культур, а также взаимосвязей, конфликтов, войн, революций, которые невозможно объяснить как результат действий отдельного государства. Поэтому именно транснациональная история позволяет по-новому рассмотреть феномен революции» [4]. Такая «перспектива позволяет не только осветить трансграничные аспекты развития национальных движений в Сибири и Монголии, приведших среди прочего к созданию и частичной реализации национальных проектов, но и реконструировать историю национализма как глобального дискурса, оказавшего в XX веке значительное влияние на властные отношения и постимперское переустройство во всех регионах мира» [13, с. 135-136]. Именно в русле транснациональной революции эту проблему рассматривают и монгольские ученые [12].

Однако, переход от революции в России к революции в Монголии — это не парадное шествие, а полный драматических событий период, осуществление которого было под силу лишь большевикам. Чтобы понять, что колчаковский режим не был случайностью, достаточно ознакомиться с приветственными посланиями Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку с ноября 1918 по ноябрь 1919 г., коих составитель и научный редактор уникального сборника В.В. Журавлев собрал 653 (телеграммы, письма, адреса, постановления и протоколы различных собраний), а также 350 ответов на эти приветствия. Причем, поражает география документов: это не только территория, контролировавшаяся Омским правительством и другие белые регионы, но и окружающий мир, где уже начала формироваться русская эмиграция (Маньчжурия, Пекин, Шанхай, Токио, Париж, Лондон, Женева, Стокгольм), а также зарубежные государства Великобритания, Чехословакия, Франция, Сербия, Китай, Япония, САСШ. Кроме того, это почти все слои сибирского социума. Не случайно молодое Советское государство все силы направило на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией [11]. Но при этом, ни В.И. Ленин, ни большевистское руководство ни на минуту не забывали об интернациональном характере победившей революции 1917 г., когда возникла новая ситуация, в которой Советская Россия проявляла неподдельный интерес в деле восстановления связей с соседней Монголией. Это было обусловлено, прежде всего, задачей распространения революционных идей в Монголии с целью ее превращения в плацдарм революции в Азии, а также экономическим фактором, вы-

текающим из нужд России в годы Гражданской войны. Поэтому, с 1918 г. Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности к установлению равноправных дружеских отношений с Монголией, назначило своего официального представителя в Монголии О.И. Максте-нека и организовало серию поездок в страну по различным линиям. Так, в августе 1918 г., с целью выяснения обстановки в стране и настроений монголов, от Азиатского бюро при Сибирской миссии НКВД в приграничный городок Алтанбулак были командированы большевик Я.Д.Янсон и лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино. Последний в беседе с местным монгольским управляющим, говорил о готовности новой России помочь в деле борьбы за независимость Монголии. 3 августа 1919 г. последовало новое обращение Советского государства, где «... Монголия признавалась свободной и независимой страной, имеющей право непосредственно сноситься со всеми другими государствами без всякой опеки со стороны Пекина и Петрограда» [17, с. 15]. Однако, монгольские правители не дали ответа, чему способствовали интриги все еще находившего в Монголии бывшего царского консула А.А. Орлова и распространяемые китайцами слухи о большевистской опасности.

Политическая обстановка резко изменилась в конце 1919 г. С одной стороны поражение колчаковского режима стало неотвратимым. Но с другой — у Советского государства не было ни сил, ни средств для того, чтобы поддерживать автономию Монголии, основанную Тройственным Соглашением в 1915 г. И Пекинское руководство неприменуло воспользоваться этой ситуацией, оккупировав территорию Внешней Монголии. Возникла тревожная ситуация, при которой появилась реальная угроза потери Монголией собственной государственности и возникновения реальной опасности на границе Советской России.

В этих условиях праящие круги монгольского общества оказались расколотыми. Так, в Пекин была направлена депутация с просьбой смягчить оккупационный режим. Другая группа пыталась заигрывать с Японией и САСШ, которые не проявляли интереса к «монгольским делам». В этом отношении наиболее последовательными и действенными оказались кружковцы, представлявшие новые общественные силы Монголии, которые изначально сделали ставку на Советскую Россию. Именно в этот период по времени совпало национально-освободительное движение монгольского народа и изменение политического вектора Коминтерна на восток. Поэтому не случайно этому вопросу монгольская историография уделяет столь пристальное внимание [18].

В декабре 1919 г. в документе «Автономная Монголия и Революционная Россия» Восточный отдел ИККИ поставил вопрос о восстановлении автономии Монголии, рассмотрев его с двух точек зрения:

*русской* — Автономная Монголия в случае соединения ее с Баргой и Внутренней Монголией создает государственный буфер в 3500 верст, который в случае осложнения ситуации с Китаем не позволит ей быстро перебросить войска к российской границе;

*монгольской* — дальнейшая колонизация Монголии угрожала бы существованию монгольской государственности, а торгово-экономическая деятельность Китая привели бы к полному разорению монгольского хозяйства [10, с. 12].

Таким образом, в документе излагалась суть советской политики в отношении Монголии, непосредственно осуществлять которую должен был полномочный представитель НКВД РСФСР в Монголии О.И. Макстенек. Тем самым Советское руководство и Коминтерн, ставя перед собой задачи распространения мировой революции в Азии, взяли на себя ответственность поддержать революционное движение монголов.

Тем не менее, в российской историографии особая роль русского дипломата в подготовке революции в Монголии не получила должной оценки. Достаточно отметить, что его имя отсутствует даже в трехтомном дипломатическом словаре [1]. Между тем, именно он осуществлял информационное обеспечение монгольских событий 1920–1921 гг., о чем свидетельствуют документы о российско-монгольском военном сотрудничестве [14, ч. I, с. 106, 107, 126–128, 134, 142, 160, 177, 206; ч. II, с. 208, 213, 220, 225]. Именно он, наряду с главным идеологом Монгольской революции Б.З. Шумяцким и руководителем монголо-тибетской секции Дальневосточного секретариата ИККИ, о деятельности которого высоко отзывался Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев [5, с. 175], проводником идеологии панмонголизма Э.-Д. Ринчино, сыграл значительную роль в истории Монголии XX в. Достаточно подчеркнуть, что О.И. Макстенек был первым официальным лицом, принимавшим монгольскую делегацию в Троицкосавске, стоявших у истоков Монгольской революции — С. Данзан, Х. Чойбалсан, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол, чьей основополагающей работе посвящены научные произведения как в российской [2], так и в монгольской историографии [19]. Именно он осуществлял экономическое, финансовое, политическое и оперативное обеспечение ее нахождения на территории ДВР и переезд в Иркутск. Эти сведения мы находим в «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа» Х. Чойбалсана [16, с. 58, 63–65]. О.И. Макстенек также способствовал укреплению контактов с монгольскими революционерами, налаживанию их связей с представителями Советской власти и Коминтерна в Сибири [15, с. 27–28], а в его квартире фактически был создан настоящий штаб по подготовке Монгольской революции [17, с. 20].

Однако существовала серьезная проблема, касающаяся внутриполитической борьбы в Монголии: руководство Советской России и РКП(б) до определенного момента от нее дистанцировалась. И тому были веские причины. Во-первых, революционный процесс в Монголии рассматривался лишь в связи с революционным процессом в Китае. Это соответствовало сложившемуся в руководстве России отношению к Монголии как составной части Китая. А, во-вторых, хотя экспорт революции предполагал наступательную политику первого в мире пролетарского государства, тем не менее, Россия вынуждена была считаться со сложившейся в мировом сообществе дипломатической практикой и действовать с максимальной осторожностью. Однако, эта проблема неожиданно разрешилась сама собой. 2 ноября 1920 г. на востоке, в местности Гилбэр, с вехом Богдо-хана монгольскую границу пересекла так называемая «Азиатская конная дивизия» барона Унгерна. Известно, что когда Унгерн подступил к Урге, местное китайское командование обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР. Советское правительство тогда приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й Армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Унгерна, в которой предусматривался переход монгольской границы. 10 и 27 ноября нарком НКВД Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев. Но ответа от центрального китайского правительства не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, Советское правительство в 1920 г. не решилось на ввод своих войск в Монголию.

Тем временем Унгерн при помощи монголов 4 февраля 1921 г. освободил Ургу от китайских войск. Победа Унгерна над китайцами во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. В результате была восстановлена монгольская автономия, но в стране хозяйничал барон Унгерн, считавшийся в первое время освободителем Монголии. К нему стремились разрозненные белогвардейские части, отошедшие на территорию Монголии, а на севере сконцентрировались китайские войска. Сложившаяся ситуация в Монголии вынудила оставшихся в Иркутске делегатов МНП обратиться 2 ноября 1920 г. в Секцию восточных народов и через нее к российским властям с просьбой о введении советских войск в Монголию для борьбы против оккупантов. При этом председатель Сибревкома И.Н. Смирнов был против ввода частей Красной Армии и ДВР в Монголию.

17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совместное совещание советских и монгольских революционеров. На нем было принято решение о подготовке вооруженной борьбы против китайских войск в Монголии.

Перед революционерами были поставлены задачи: провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов, вести пропаганду среди монгольского населения о необходимости вооруженной борьбы против иноземных захватчиков, проводить работу по объединению сил национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию [3, с. 117].

В конце ноября 1920 г. Советское правительство для текущей работы в Монголии передало в распоряжение Монголо-Тибетского отдела 150 т серебра, из которых С. Борисову было передано 40 т, и 100 тыс. долл., оружие, провиант, обмундирование. Благодаря этому в конце 1920 г. у монгольского народа для борьбы за свободу и национальную независимость появились реальные возможности. В этих условиях, учитывая нахождение в стране многотысячных сил китайских и белогвардейских банд, МНП приступила к организации вооруженных сил. Первые четыре полка в составе менее 400 чел., вступивших в ряды вооруженных отрядов из Кяхты и близлежащих трех караулов, хошунов Сумьяа-бэйсэ и Эрдэнэ-вана Тушэту-хановского аймака положили начало созданию вооруженных сил для борьбы за освобождение страны. На этот процесс большое влияние оказали ярко выраженные антикитайские настроения местного населения, деятельность добровольческих отрядов на местах, связи и деятельность бывших военнослужащих, личное руководство Д. Сухэ-Батора.

Тем самым, события, происходившие в 1920 г. в России и Монголии, были связаны между собой, а в их развитии и расширении большую роль сыграли города ДВР, политические руководители и бурятская передовая интеллигенция. Национальное движение в Монголии осуществлялось в обстановке оккупации китайскими милитаристами и русскими белогвардейцами во главе с Унгерном [6, с. 79]. Монгольский мир в условиях революционного подъема первой четверти XX в. все более проникался всеобъемлющим влиянием глобальных революционных и национальных идей [9, с. 184].

Тем не менее, руководство Советской России в 1920 г. медлило с решением монгольского вопроса, поскольку политическая обстановка для этого была не самой подходящей. В то же время, советские власти решили оказать поддержку монгольским революционерам. Спустя некоторое время, после захвата Урги бароном Унгерном, становится ясно, что монгольские революционеры могут стать самостоятельной силой в своей стране. В резиденции О.И. Макстенка в Троицкосавске образовался связующий центр между монгольскими революционерами, советскими и коминтерновскими структурами. Приближалась весна 1921 г., а вместе с ней и победоносная Монгольская народная революция.

**Список использованной литературы и источников**

1. Бат-Очир Л. Дамдингийн Сүхбаатар. Намтар / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1973.
2. Дипломатический словарь. В 3-х т. — Москва : Гос. изд-во политической лит-ры, 1960–1964.
3. Жабаева Л. Б. Э.-Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ, 2001. — 39 с.
4. Курас Л. В. «Революция в колчакии» и предпосылки Монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 76–81.
5. Курас Л. В. Бурятская национальная автономия 1917 года в транснациональной истории / Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 84–88.
6. Курас Л. В. Место и роль Иркутска в осуществлении политики Коминтерна / Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2016. — Т. 16. — С. 173–182.
7. Курас Л. В. Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира первой четверти XX века / Л. В. Курас // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2016. — № 3 (23). — С. 71–81.
8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас / рук. Проекта ; отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
9. Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным (Письмо ЦК РКА (большевиков) к организациям партии) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 46–63.
10. Лиштованный Е. И. Монгольский мир в условиях транснациональной истории первой четверти XX в. / Е. И. Лиштованный // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2017. — № 3 (27). — С. 182–184.
11. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929) / науч. ред. / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. — 527 с.
12. Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему Адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г. Сб. документов / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 560 с.
13. Пунсалдулам Б. 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын туух бичлэгтгйн тойм) / Б. Пунсалдулам, Н. Хишигт. — Улаанбаатар, 2007. — 208 с.
14. Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. В. Саблин // Первая мировая война в «восточном измерении». — Москва : ИВ РАН, 2014. — С. 135–155.
15. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов: в 2 ч. — Москва–Улан-Удэ : Изд-во ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008.
16. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.) / С. К. Роцин. — Москва : ИВ РАН, 1999. — 325 с.



17. Чойбалсан Х. Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх уусэж байгуулагдсан тови туух (Хоёрдахь удаагийн хэвлэл) / Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид. — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1979. — 310 х.

18. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой российской революции», посвященной 100-летию революционных событий в России и периоду гражданской войны и иностранной интервенции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 14–23.

19. Хишигт Н. К вопросу о Монголо-Российских отношениях периода монгольской революции 1921 г. / Н. Хишигт // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. — Т. IV. Улан-Удэ, 2000. — С. 151–156.

20. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). / Н. Хишигт. — Улаанбаатар : Бэмби Сан, 2011. — 299 с.

### Информация об авторах

*Курас Леонид Владимирович* — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведа-ния, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

*Норовсамбуу Хишигт* — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и этнологии Монгольской академии наук. Монголия, 13330. г. Улаанбаатор, район Баянзурх, проспект Мира 55. Раб. тел. 8-10976-11341925; сот. тел. 8-10976-99861505. E-mail: khishigt\_58@yahoo.com.

*Цыбенев Базар Догсонович* — кандидат исторических наук отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведа-ния, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

### Authors

*Leonid V. Kuras* — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation tel.: 8(9025) 65-51-37; e-mail: kuraslv@yandex.ru.

*Norovsambuу Khishigt* — Ph. In History, academic secretary at Institute of History and Ethnography of Mongolian academy of sciences. E-mail:khishigt\_58@yahoo.com.

*Bazar D. Tsybenov* — Ph.D. in Histoty, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: bazar75@mail.ru.



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.43

*Л.В. КУРАС*

УДК 94

ББК 63.3

**ГРАНТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РГНФ/РФФИ —  
МИНОКН (МОНГОЛИЯ) КАК ИНСТРУМЕНТ  
«МЯГКОЙ СИЛЫ»  
(НА МАТЕРИАЛАХ ИМБТ СО РАН)\***

Понятие «мягкая сила» становится наиболее действенным инструментом последнего десятилетия во внешней политике, экономике, образовании, науке и культуре.

На материалах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) показан реальный механизм «мягкой силы» современной России по отношению к Монголии, действенным инструментом которого стала политика грантов РГНФ/РФФИ — МиноКН (Монголия).

**Ключевые слова:** гранты РГНФ/РФФИ, «мягкая сила», Россия, Монголия, ИМБТ СО РАН.

*L. V. KURAS*

**GRANT ACTIVITIES OF RFH/RFBR —  
MINISTRY OF EDUCATION,  
CULTURE AND SCIENCE (MONGOLIA) AS THE  
INSTRUMENT OF «SOFT POWER»  
(BASED ON THE MATERIALS OF IMBT SB RAS)**

The notion of «soft power» is becoming an effective instrument in foreign policy, economics, education, science and culture during last decade.

Based on the materials of Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS (IMBT SB RAS) grants of RFH/RFBR — Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia have become one of the effective instruments of «soft power», also the mechanism of this policy maintained by modern Russia toward to Mongolia.

**Keywords:** grants RFH/RFBr, «soft power», Russia, Mongolia, IMBT SB RAS.

В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» [«soft power»] стало важнейшей составляющей современных международных отношений. Эту категорию в научный оборот ввел американский политолог Джозеф

---

\* Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ — МиноКН (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

Най [2; 7; 6]. Именно он, первым понял, что «мягкая сила» была и является сегодня наиболее действенным механизмом внешней политики ведущих мировых держав, способных добиваться желаемых результатов на основе привлекательности и добровольного участия, в отличие от «жесткой силы», которая предпочитает силовое воздействие. Фактически, благодаря Дж. Наю, «мягкая сила» возведена рядом экспертов в доктрину, а США является ее оплотом. Это объективно обусловлено тем, что США за последние 70 лет создали два «мирных» фактора своей мощи: господство над международной валютной системой и систему свободной торговли. Однако особую роль сыграл третий фактор — привлекательность, или «soft power» — «мягкая сила»: «Действительно, ученые считают США кузницей нобелевских лауреатов, женщины — оплотом феминизма, болельщики поклоняются американскому спорту, киноманы — Голливуду, дети — Диснейленду, интернетчики — родине Интернета и глобальных социальных сетей» [11, с. 24]. Не случайно в современно мировом сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира (в числе разработчиков рейтингов находится и «Сколково»), которые рассчитываются по таким параметрам как «культура», «политические ценности», «дипломатия», «образование», «бизнес/инновации», что находит отражение в современной российской историографии [5; 4], в том числе и на диссертационном уровне [8; 16; 11; 1].

Конечно, в этих рейтингах позиции России более, чем скромные, что обусловлено системным кризисом 1990-х годов и тотальным отказом российских властей в начале 2000-х годов от стратегии «мягкой силы», полагая ее пережитком коммунистического прошлого. Именно тогда все программы распространения русской культуры были приостановлены или находились в упадочническом состоянии. Более того, к началу двухтысячных годов Россия практически лишилась всего потенциала «мягкой силы» не только в мире, но даже в зоне своего прямого влияния и в частности в Монголии. «Принципиально сменилась парадигма внешнеполитических отношений с соседними странами с привлечения на свою сторону, так или иначе свойственного советскому режиму, на достаточно жесткую политику «кнута и пряника». В частности, это проявлялось в «энергетических войнах» с европейскими странами, полем боя которых стали Украина и Белоруссия, а также в постоянных дипломатических конфликтах с балтийскими странами. Военные столкновения на Кавказе лишь усугубляли ситуацию [3].

Между тем, в этой части у России богатое прошлое, которое восходит к временам её влияния на обширные пространства стран Варшавского договора, нынешнее СНГ, а также страны на других континентах, с которыми СССР осуществляло тесное сотрудничество по линии СЭВ. Сегод-

ня это прекрасно осознает руководство Российской Федерации. Поэтому не случайно 9 июня 2012 г. Президент России В.В. Путин на совещании послов и постоянных представителей по теме **«Россия в меняющемся мире: преюмственность приоритетов и новые возможности»** поставил задачу усиления эффективности «мягкой силы» в национальных интересах России.

Но наиболее ярко «мягкая сила» советской политики проявлялась в отношении Монголии и, особенно в части экономических связей: внешняя торговля, сельское хозяйство, транспорт и особенно Улан-Баторская железная дорога, экономическое сотрудничество в рамках СЭВ, о чем красноречиво свидетельствуют документы о 30-летних двухсторонних экономических связях за 1955–1985 гг. [13]. Это стало конкретным выражением эволюции российско-монгольских отношений в XX – начале XXI вв.

К сожалению, сегодня наработанные при социализме позиции в сфере экономики, практически утеряны. Все попытки российской стороны принять участие в осуществлении крупных монгольских экономических проектов, заканчиваются фиаско. Все это вызывает досаду и недоумение. Тем не менее, России удалось сохранить, хотя и не в полной мере свои позиции в социальной сфере: образование, наука, искусство, здравоохранение и ветеринария.

Сегодня Россия старается вернуть себе былую славу и влияние великой державы на региональном и мировом уровне. Конечно, этому существенно мешает проблема негативного имиджа. Тем не менее, решение этой проблемы постепенно находит решение в нормативно-правовом закреплении «мягкой силы» во внешней политике России, институциональном подходе к использованию инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике [1] и наличию «цифровой дипломатии», то есть, интернет-каналов как инструментов «мягкой силы» России [4, с. 401].

Сейчас вопросами укрепления имиджа России и формирования активов «мягкой силы» занимается Федеральное агентство по делам СНГ (Россотрудничество), которое занято не только продвижением своего продукта в странах СНГ, но и проблемой международного гуманитарного сотрудничества (имеет представительства в 76 странах мира). В рамках Россотрудничества на первом месте стоит русский язык как ресурс «мягкой силы», соотечественник за рубежом как потенциал «мягкой силы» и глобальные сети как резерв «мягкой силы» [12]. В стенах Агентства была разработана собственная Концепция российской «мягкой силы», согласно которой, российская «мягкая сила» не должна противопоставляться общепризнанным правам человека, нормам и принципам международного права, защищающим базовые демократические стандарты

гражданина в XXI веке. При этом он предложил три «столпа», на которых может базироваться уникальная российская концепция «мягкой силы» — это сотрудничество, безопасность, суверенитет [1, с. 247].

Эта проблема находится также в сфере интересов Российского центра науки и культуры (РЦНК). При этом особый упор делается на совместные научные изыскания, обмен техническим опытом и культурным достоянием. В этой связи реальным проявлением концепции «мягкой силы» является сотрудничество Российской академии наук и Академии наук Монголии.

11 апреля 2001 г. в Москве Президентом Российской академии наук, академиком Ю.С. Осиповым и Президентом Академии наук Монголии, академиком Б. Чадраа было подписано «Соглашение о научном сотрудничестве между двумя академиями» [10], в соответствии с которым было выражено стремление к расширению многолетних традиционных научных связей обеих сторон, осуществление совместных научных экспедиций, командирование ученых на основе безвалютного эквивалентного обмена, совместные научно-исследовательские работы по основным фундаментальным направлениям включая прямые межинститутские связи.

В Республике Бурятия реализация этого документа началась 31 октября 2003 г. подписанием Председателем Президиума БНЦ СО РАН, член-корреспондентом РАН И.В. Гордиенко и Президентом Академии наук Монголии, академиком Б. Чадраа «Соглашения о научном и научно-техническом сотрудничестве между Бурятским научным центром СО РАН и Академией наук Монголии», целью которого было «создание благоприятных условий для развития научного и научно-технического потенциала в Республике Бурятия Российской Федерации и Монголии и формирование единой, научной, научно-технической и инновационной политики» [13]. При этом важнейшей составляющей Соглашения БНЦ СО РАН и АНМ является координация деятельности научных организаций по выполнению обязательств международного научного и научно-технического сотрудничества, а также осуществление подготовки совместных научно-исследовательских проектов.

Реальным же проявлением концепции «мягкой силы» по отношению к Монголии в области гуманитарной науки стало подписание 9 января 2004 г. «Соглашения о сотрудничестве между Российским гуманитарным научным фондом и Министерством образования, культуры и науки Монголии», в котором было прописан механизм реального сотрудничества в следующих формах: «выполнение проектов по совместным научным исследованиям, совместное проведение научных мероприятий (конференции, семинары, круглые столы), совместные экспедиционные и экспериментально-лабораторные исследования, издание матери-

алов совместной научной деятельности» [14]. А 13 сентября 2008 г. в Улан-Баторе Председатель Совета РГНФ Ю.Л. Воротников и вице-министр образования, культуры и науки Монголии С. Тумур-Очир подписали протокол РГНФ-МиноКН (Монголия) о добавлении еще одного вида конкурса — издательского [9].

С 2006 г. в русле этой политики начинает активно работать Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). С 2006 по 2017 гг., т.е. до слияния Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) с Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) ИМБТ СО РАН выиграл и успешно реализовал 27 грантов РГНФ — МиноКН (Монголия).

Таблица 1

**Гранты РГНФ-МиноКН (Монголия),  
полученные ИМБТ СО РАН**

№ п/п	Название гранта	Сроки исполнения	Руководитель
1	1. Историко-культурный атлас монгольских народов	2006–2008 гг.	Б.В. Базаров
2	2. Монголия: от древних кочевников к современному миру	2006–2008 гг.	М.Н. Балдано
3	3. Монгольские народы: этногенез и этническая история	2006–2008 гг.	Б.Р. Зориктуев
4	4. Л.Б. Монголия и Коминтерн. 1921–1943	2006–2008 гг.	Л.Б. Жабаяева
5	5. Трансформация монгольских этносов на постсоциалистическом пространстве: общественно-политические и этнокультурные особенности (на материалах РБ и Монголии)	2006–2008 гг.	Л.В. Бадмаева
6	1. Императивы России в развитии транспортной системы во Внутреннюю Азию	2007–2009 гг.	Л.В. Курас / Н. Хишигт
7	2. Российский фактор в становлении монгольского суверенитета	2007–2009 гг.	С.Д. Тубчинов, В.Ц. Ганжуров, Б.Д. Цыбенков / О. Батсайхан
8	3. Археологическая экспедиция по изучению хуннских городов Монголии	2007 г.	С.В. Данилов / А. Очир
9	1. Селенга — река без границ	2008 г.	Б.В. Базаров
10	2. Археологическая экспедиция по изучению хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин	2008 г.	С.В. Данилов
11	3. Международная конференция «Кочевые империи монгольских степей: от хунну до державы Чингис-хана»	2008 г.	Б.В. Базаров

Продолжение табл. 1

12	1. Протяжные песни монголоязычных народов как культурно-духовный феномен	2009–2011 гг.	Б.В. Базаров
13	2. От Халхин-гола до линкора «Миссури»	2009–2011 гг.	В.Ц. Ганжуров Л.В. Курас
14	3. Этнонимы кочевников Центральной Азии: происхождение и семантика»	2009–2011 гг.	Б.Р. Зориктуев
15	4. Археологическая экспедиция по исследованию элитного кургана киданьской знати Шороон дов	2009 г.	С.В. Данилов
16	Современное бытование протяжных песен монголоязычных народов	2009 г.	Л.С. Дампилова
17	1. Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии»	2010–2012 гг.	С.В. Данилов
18	2. Современное состояние словообразовательной системы монгольских языков	2010–2012 гг.	Г.А. Дырхеева
19	3. Археологическая экспедиция по исследованию кургана Туулын Шорон дов в Булганском аймаке Монголии»	2010 г.	С.В. Данилов
20	1. Народы Монгольского Алтая и Прихубсугуля в динамике транснациональной истории	2011–2013 гг.	Б.З. Нанзатов
21	2. Международная научная конференция «Демографическое пространство Восточной Азии в XX–XXI вв.» (2011 г.)	2011 г.	Б.В. Базаров
22	3. Оседлые традиции в кочевой культуре бурят Монголии	2011	Б.Б. Дашибалов
23	1. Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы»	2012–2014 гг.	Б.В. Базаров
24	2. Новые религиозные движения и традиционные религии в глобализирующемся мире: российско-монгольское трансграничье	2012 г.	Э.А. Николаев
25	Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык	2015–2017 гг.	Б.Р. Зориктуев
26	1. Монголия во Второй мировой войне	2015–2017 гг.	Л.В. Курас
27	2. Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX — XXI вв.	2015–2017 гг.	Б.В. Базаров

В этом же русле также следует выделить позитивную деятельность Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), который на протяжении 13 лет активно сотрудничает с Министерством образо-

вания, науки, культуры и спорта Монголии. За этот период в Российской Федерации было поддержано и реализовано более 300 совместных научных проектов.

В настоящее время ИМБТ СО РАН активно сотрудничает с РФФИ в рамках программы РФФИ-МинОКН (Монголия).

Таблица 2

**Гранты РФФИ-МинОКН (Монголия),  
полученные ИМБТ СО РАН**

№ п/п	Название гранта	Сроки выполнения	Руководитель
1	1. Геополитическое взаимодействие в Азии и месторождения полезных ископаемых (стратегические интересы России и национальная безопасность Монголии)	2007 г.	Б.В. Базаров
2	2. Кочевые оленеводческие сообщества севера Центральной Азии и Якутии»	2007 г.	Л.С. Дампилова
3	1. Миряне и ламы: буддийские идеи и практики в трансформирующихся обществах России и Монголии»	2017–2019 гг.	Л.Л. Абаева
4	1. История и культура монгольских народов в период правления императора Канси (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»	2018–2020 гг.	Б.В. Базаров
5	2. Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая	2018–2020 гг.	Л.С. Дампилова
6	1. Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)	2019–2021 гг.	Л.В. Курас

В рамках этого сотрудничества, как реального инструмента «мягкой силы», реализуется совместный грант РФФИ (Россия) — МинОКН (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», в рамках которого и подготовлен настоящий материал. На наш взгляд, это тем более важно, что образовательные и научные программы, основанные на богатейшей истории России и совместной истории двух стран и народов, играют ключевую роль в стратегии «мягкой силы». Поэтому ИМБТ СО РАН и его политика, направленная на по-

лучение поддержки научных фондов, как раз и являются инструментом этой стратегии.

Таким образом, стратегия «мягкой силы» становится важнейшей составляющей современной геополитики и мировых дипломатических отношений, а из представленного анализа научной сферы, в части многолетнего сотрудничества РГНФ/РФФИ — МиноКН (Монголия) на примере ИМБТ СО РАН как инструмента «мягкой силы», следует отметить положительную динамику этих отношений. Более того, именно это сотрудничество «дает возможность снизить негативное влияние последствий глобализации» [17].

### Список использованной литературы и источников

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / В. Д. Агеева. — Санкт-Петербург, 2016. — 28 с.
2. Nye Jr. Soft Power: The Means To Success In World Politics / Jr. Nye [Най Дж. С. «Мягкая сила». Путь успеха в мировой политике]. — Public Affairs, 2009. — 208 p.
3. Болдырев Р. Вода камень точит. Феномен «мягкой силы» на современной политической арене. Стратегия «мягкой силы» как одна из основ внешней политики / Р. Болдырев // Роль информации в человеческом обществе. Сегодня, вчера и возможно завтра. — 03.07.2017. — Режим доступа: <http://infosplanet.info/obshhestvennye-otnosheniya/mjagkaja-sila-segodnja>.
4. Гасилин Н.А. Понятие и сущность «мягкой силы» / Н.А. Гасилин // Молодой ученый. — 2019. — № 22(60), май. — С. 399–401.
5. Горлова И. В. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И. В. Горлова, О. И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 18. — С. 268–272.
6. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. — Москва : Тренд, 2006. — 397 с.
7. Най Дж. Мягкая сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // Свободная мысль. — 2004. — № 10. — С. 34–36.
8. Панова Е. П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. П. Панова. — Москва, 2012. — 29 с.
9. Протокол встречи представителей Российской и Монгольской комиссии международного конкурса «РГНФ-МиноКН Монголии», г. Улаанбаатар, 13 сентября 2008 г. // Текущий архив ИМБТ СО РАН.
10. Распоряжение Президиума РАН «О сотрудничестве Российской академии наук и Академии наук Монголии» от 18 мая 2001 г. № 10107-350 // Текущий архив ИМБТ СО РАН.
11. Саломатин А. Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России: автореф. дис... канд. филолог. наук / А. Н. Саломатин. — Москва, 2014. — 31 с.
12. Смирнов А. И. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А. И. Смирнов, И. Н. Кохтюлина. — Москва : ВНИИгосистем, 2012. — 280 с.



13. Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг. : сборник документов / отв. ред. А. В. Юрасов ; отв. сост. Е. Р. Курапова ; сост. В. С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. — Москва : Фонд «Связь Эпох», 2019. — 744 с.

14. Соглашение о научном и научно-техническом сотрудничестве между Бурятским научным центром Сибирского отделения Российской академии наук и Академией наук Монголии от 31 октября 2003 г. // Текущий архив ИМБТ СО РАН.

15. Соглашение о сотрудничестве между Российским гуманитарным научным фондом и Министерством образования, культуры и науки Монголии от 9.01. 2004 г. // Текущий архив ИМБТ СО РАН.

16. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Г. Ю. Филимонов. — Москва. 2013. — 50 с.

17. Эрдэнэбаяр Г. Взаимодействие Монголии и России в области образования и науки / Г. Эрдэнэбаяр // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». — 2017. — Вып. 9, № 2. — С. 184–193.

### Информация об авторе

*Курас Леонид Владимирович* — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведа-ния, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, тел. 8(9025) 655137, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

### Author

*Leonid V. Kuras* — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation tel.: 8(9025) 65-51-37; e-mail: kuraslv@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.44

УДК 94:917.3

ББК 63.3

Ц.С. ОЧИРОВ

## МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 Г. В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ\*

Статья посвящена изучению работ некоторых китайских исследователей, затрагивавших вопросы монгольской революции 1921 г., а также и проблеме независимости Монголии. Автор приходит к выводу, что труды китайских

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-59-44004\19 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)

историков можно разделить на две группы: 1) не признающие монгольский суверенитет; 2) согласующиеся с традиционным советским и монгольским видением новейшей истории Монголии. Особое внимание в работе уделено и ряду других вопросов, связанных с историей Монголии в конце XIX — первой половине XX вв.

**Ключевые слова:** Монгольская народная революция, китайские историки, независимость, Советская Россия, Монгольская народная партия.

*TS.S. OCHIROV*

## THE MONGOLIAN PEOPLE'S REVOLUTION OF 1921 IN THE WORKS OF SOME CHINESE SCIENTISTS

The article is devoted to the problem of the Mongol revolution of 1921 and the independence of Mongolia for modern China. In Russian historiography, this problem is not adequately addressed, although in fact the events of the Mongol revolution of 1921 and its consequences were of great importance for China. Undoubtedly, the independence of Outer Mongolia declared after the revolution is a great territorial loss for China, which is clearly expressed in the present position of the PRC. Therefore, in this work, much attention is paid to the works of Chinese authors.

**Keywords:** Mongolian people's revolution, Chinese historians, independence, Soviet Russia, Mongolian People's Party.

В отношениях между КНР и Монголией в последнее время наблюдается «оттепель» после непростого периода взаимодействия этих стран в XX в. Основные причины разногласий и споров упирались в вопрос независимости Внешней Монголии. После Монгольской народной революции 1921 г. под руководством Сухэ-Батора и поддержки Советской Россией была провозглашена независимость Монголии. Этот момент до сих пор вызывает множество вопросов со стороны китайских властей, политиков и интеллигенции. Поэтому в данной статье проанализированы некоторые, доступные нам, работы китайских специалистов, описывающих проблематику монгольского суверенитета, причины и последствия Монгольской народной революции 1921 г. для Китая.

С момента образования МНР играла особую стратегическую роль для СССР и в последующем для современной России. Она являлась «буфером» между СССР и КНР в период их непростых взаимоотношений. Существенной была помощь Монголии советскому народу в годы Второй мировой войны [10]. Так, Монголия одной из первых зарубежных стран выразила готовность помочь Советскому Союзу сразу же после начала Великой Отечественной войны, а ее разнообразная помощь была сравнима по объему с ленд-лизом [20, с. 463].

В настоящее время позиции КНР в мире усилились. Отношения между Россией и КНР характеризуются взаимовыгодным партнерством в экономике и альянсе против США. В то же время не стоит исключать вероятность территориальных претензий со стороны КНР. Одним из самых острых вопросов, где сталкиваются интересы двух сверхдержав, безусловно, является Монголия. Заметим, что в ряде китайских источников для обозначения Монголии используется термин «Внешняя Монголия», наглядно показывающий отношение китайских властей к этому вопросу. Проблема независимости Монголии, тесно связанная с Монгольской народной революцией 1921 г., на протяжении долгого времени явилась неразрешимым краеугольным камнем в китайско-монгольских отношениях. До сих пор появление суверенного Монгольского государства вызывает множество вопросов со стороны китайской общественности. Прежде всего, внимание обращается на имеющиеся место разногласия и противоречия в интерпретации событий в Монголии в начале XX в., в частности, на особенности революционного и национально-освободительного движения монголов. По мнению китайского исследователя Жун Цзюкуня, после распада СССР и улучшения отношений между Россией и КНР у китайских историков появилась возможность для проведения объективных исторических исследований. Основой для этого должны стать рассекреченные российские архивы. Особенно важны в этом плане архивные документы, содержащие сведения по советско-монгольским отношениям в начале XX в. [2].

Национально-освободительное движение монголов в начале XX в., по мнению китайского историка Кан Цзиань, было связано с деятельностью ведущих держав того времени, прежде всего царской России. Во времена правления Николая II была сформулирована доктрина Желтороссии, главной задачей которой была ослабление позиций Китая и усиление своего влияния в азиатском регионе. Также важными были планы России вернуть якобы свои территории, начинающиеся с гор Чогори, Синьцзяна и до Владивостока [4]. Поэтому с 1896 г. Россия усилила свое влияние в Монголии и начала принимать меры к созданию Желтороссии. В этом проекте были задействованы различные слои российского общества. Затем царская Россия вынудила Цинское правительство подписать ряд договоров, чтобы получить доступ на добычу полезных ископаемых и другие привилегии в Монголии [4]. В конце XIX — начале XX вв. уровень российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества был высоким, филиалы российских торговых учреждений были открыты в Урге, Улясутае, Кобдо [7, с. 188]. Далее Кан Цзиань отмечает, что в такой враждебной обстановке Цинское правительство было вынуждено усилить свое военное присутствие в Монголии. Это привело к массовым беспорядкам и недовольству монгольского населения. Ситуация в Китае

в начале XX в. все более ухудшалась. К тому же в мире получила широкое распространение идея империализма, которая не обошла стороной и Монголию. Заручившись поддержкой царской России, монголы хотели образовать Великую Монгольскую Империю, куда входили бы также Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тибет. Однако как царской России, так и западным державам было невыгодно иметь в Азии столь сильное государство. После окончания Первой Мировой войны идеи империализма еще глубже проникают в страны Востока. Этот момент сильно повлиял на дальнейшее развитие сепаратистских настроений в Монголии. Они еще более усилились после событий Октябрьской революции в России [4].

Другой китайский исследователь Цинской пишет, что после Синьхайской революции 1911 г. и падения Цинской империи Китай находился в состоянии хаоса и внутренней раздробленности. Этим положением воспользовалась царская Россия, спровоцировавшая сепаратистские настроения у монголов. В последующем при ее полной поддержке была объявлена независимость Монголии от Китая. Царская Россия не хотела останавливаться на достигнутом, постепенно пробираясь и во Внутреннюю Монголию. В результате была объявлена независимость Хулун-Буира. Только в 1916 г. Юань Шикаю удалось стабилизировать обстановку во Внутренней Монголии [12]. В этой связи интерес вызывает упоминание Цинсюем независимости Хулун-Буира. Известно, что после изгнания китайских властей в феврале 1912 г. амбань Хулун-Буира принял решение о вхождении региона в состав Монголии. По мнению некоторых исследователей, Хулун-Буир в 1912–1915 гг. являлся частью Монголии [14, с. 205–206]. Некоторые деятели — выходцы из Хулун-Буира — принимали активное участие в общественно-политической жизни теократической монархии, участвовали в переговорах на Кяхтинской тройственной конференции [13, с. 269–270].

Возвращение контроля Китая над Монголией, как отмечает Кан Цзиань, началось почти сразу после начала Первой Мировой Войны, когда все мировые державы были втянуты в длительное противоборство. В связи с этим Монголия осталась без влияния и поддержки царской России. В дальнейшем Монголия постепенно была возвращена в состав Китая. 28 октября 1919 г. генерал Аньхойской милитаристской клики Сюй Шучжэн ввел 4-тысячную армию в Ургу и заставил монгольских лидеров подчиниться центральному правительству Китая. По данным Кан Цзианя, «17 ноября 1919 г. Монголия вернулась в состав Родины» [4].

Дальнейшую историю монгольских событий описывает китайский ученый Жун Цзикунь. По его словам, после Октябрьской революции Советская Россия начала поддерживать Сухэ-Батора и Чойбалсана, создавших Монгольскую народную партию. В 1921 г. под их руководством были изгнаны китайские войска. В мае 1921 г. Красная Армия проникла

в Монголию, и начался новый период для Китая, при котором, как пишет Жун Цзикунь: «Наша великая страна потеряла 1750000 квадратных километров территории» [2]. В последующем СССР использовал Монголию как буферную зону по сдерживанию КНР. Далее китайский автор эмоционально отмечает, что «хотя прошли годы, и современные отношения с Россией стали дружескими, но в наших сердцах и памяти никогда не забыть столь большую утрату как Монголию» [2].

Согласно данным вышеотмеченного китайского автора Цинсюй, после создания своего правительства Монгольская народная партия выполняла требования Москвы. Монгольское правительство создало новый политический режим. Советские войска находились на территории Монголии в целях безопасности границ Советской России и отстаивания монгольских границ. В случае необходимости могли быть передислоцированы дополнительные силы для уничтожения врага [12]. Эти сведения Цинсюй согласуются с работой Кан Цзианя. Он отмечает, что после успеха революции 1921 г. и захвата власти Монгольской народной партией, Советская Россия вторглась во Внешнюю Монголию. Она претворяла в жизнь свои важные стратегические задачи. К этому времени китайское правительство начало положительно относиться к Советской России, даже ввелись переговоры по вопросу временного нахождения войск Советской России на территории Монголии. С этого момента были созданы хорошие дипломатические отношения между двумя странами [4]. Необходимо заметить, что в этот период статус Монголии до конца не был определен и монгольский вопрос приобрел неоднозначный двойственный характер [16, с. 64–65].

В целом, изученные нами китайские историки придерживаются твердых позиций непризнания суверенитета Монголии. Они считают, что Монгольская народная революция 1921 г. имела характерные особенности «оранжевой революции», прежде всего, благодаря активному вмешательству царской России, а затем и Советской России. Китайские историки убеждены в том, что «монгольский вопрос» более важен и актуален для Китая, нежели для России. По их мнению, «исторически эта территория была исконной частью китайской империи. Монголия стала независимой во время тяжелого периода раздробленности Китая. Относительно недавно эта священная земля была неотъемлемой частью империи, и на данный момент это воспоминание остается вечной болью утраты для граждан Китая» [2; 4; 12].

С другой стороны, в Китае имеются исторические работы, где описание Монгольской народной революции 1921 г. во многом согласуется с традиционными советскими и монгольскими разработками. Так, в статье китайского историка Лю Динаня, революционное движение монголов в начале XX в. связывается с классовой борьбой. Согласно его работе, 10 июля 1921 г. Монголия провозгласила независимость. В то время

монгольские лидеры и Монгольская народная партия совместными усилиями создали Монгольское народно-революционное правительство. Примечательно, что Лю Динань приводит речь Мао Цзэдуна, который первоначально выступил с поддержкой революционной борьбы монгольского народа. Приведем некоторые выдержки из речи Мао Цзэдуна: «Да здравствует независимость Монголии. Работа среди крестьянских и рабочих масс на границе с Китаем также имеет большое значение для нашей партии. Наша партия должна обратить внимание на особое положение Монголии, их экономические интересы и культурные проблемы. Монгольские скотоводы на протяжении столетий управлялись монархом Монголии, одураченные ламаизмом и эксплуатируемые китайским коммерческим капиталом. Китайские крестьяне также подвергались притеснениям со стороны китайских и монгольских помещиков. Хотя эти люди были политически и культурно отсталыми, развитие национального революционного движения должно вовлечь монгольский народ в политическую борьбу. Революционная работа среди монгольских народов должна быть направлена на объединение китайских крестьян и монгольских скотоводов для противостояния общим врагам: помещикам, князьям, империалистам, милитаристам и др.» [9, с. 79].

В этой связи интерес вызывают и мнения историков, монголов по национальности. Так, Аюдал Очир в своей статье пишет: «Монгольская революция 1921 г. имела огромное значение для монгольского народа, идеи социализма и коммунизма пробудили у монголов национально-освободительное движение, было построено огромное количество учебных заведений, создавались институты изучения монгольского языка и культуры, истории. Поэтому монгольская революция 1921 г. имеет большое значение не только для Внешней Монголии, но и для Внутренней Монголии. Она характеризовалась развитием национального самосознания и подъемом монгольского духа [1]. Статья Аюдал Очира издана в научном журнале Цзилиньского университета в 2013 г., его имя стоит близко к имени известного монгольского историка, этнографа Аюдайн Очира. Поэтому, мы предполагаем, что автором статьи может быть Аюдайн Очир. Он является доктором исторических наук, профессором Международного института изучения кочевых цивилизаций в г. Улан-Батор.

Для более объективного анализа позиций Китая по данной проблематике стоит обратить внимание на публикации современных монгольских и российских авторов. Основной причиной революционного движения монголов в первой половине XX в. монгольские историки считают национально-освободительное движение против китайского гнета. В монографии «История Монгольской народной революции» отмечается, что «...предпринимались активные действия китаизации Внешней Монголии. Планы Китая по превращению скотоводческих пастбищ в земледельческие угодья вызвали бурную реакцию монголов» [3, с. 142]. В

отличие от китайских историков монгольские исследователи полагают, что их национальное движение было связано с усилением патриотических чувств, вызванным экспансией Китая на протяжении многих сотен лет [Там же, с. 163]. Как известно, Китай и Монголия имеют различные культурные ценности. В отличие от оседлого и земледельческого Китая, монгольская культура определяется традиционной культурой кочевников [17, с. 11]. Население Монголии по-прежнему продолжает отдавать предпочтение кочевому скотоводству и кочевой культуре [19, с. 221]. С другой стороны, как показывают современные данные, вероятная утрата культурных ценностей кочевой цивилизации ныне является одной из актуальных проблем Монголии [18, с. 240–241].

Некоторые российские историки полагают, что одной из основных причин возникновения независимой Монголии явились последствия Синьхайской революции. Как отмечает исследователь Л.В. Курас: «... мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию... Революции 1905–1911 гг. в Иране, младотурецкая революция 1905–1906 гг. и особенно Синьхайская революция в Китае 1911–1913 гг. оказали большое влияние на страны Востока...» [6, с. 36]. Отдельные российские специалисты, в частности В.И. Терентьев, полагают, что «...до знакомства с коммунистическими идеями монголы в 1910-е гг. находились «в состоянии, близком к хаосу... единый народный порыв был чаще всего направлен против экономической эксплуатации китайцев и не являлся борьбой за общенациональные ценности» [11, с. 55]. Знакомство с революционными идеями и большевиками, делегации монгольских революционеров в Дальневосточную Республику и Советскую Россию положили начало вооруженной борьбе против китайских милитаристов. Особую роль в зарождении Монгольской народно-революционной армии и деятельности Монгольской народной партии сыграл г. Кяхта (Троицкосавск). В годы гражданской войны Кяхта стала стратегически важным центром разных сил и пережила череду драматических событий [15, с. 47–48]. 18 марта 1921 г. части Монгольской народно-революционной армии под командованием Сухэ-Батора заняли стратегически важный пункт — Маймачен [5, с. 141]. Китайские войска и гражданское население покинули Маймачен. Спустя некоторое время восточнее китайского Маймачена был построен приграничный поселок Алтанбулаг [8, с. 161].

Монгольские историки также выделяют влияние Японии на Монголию в начале XX в. По их мнению, Япония принимала активное участие в борьбе за свои сферы влияния в Монголии и прежде всего в Китае. После победы Октябрьской революции Япония активно проводила антибольшевистскую пропаганду в Монголии и Китае. Японцами были выделены огромные денежные средства монгольским феодалам и белогвардейцам в борьбе против большевизма. Единственно, монголы были



недовольны тем, что японцы активно помогали и китайским повстанческой армии, которая, как и весь Китай, не признавала независимость Внешней Монголии» [3, с. 153].

Таким образом, в настоящей статье мы осветили работы отдельных китайских, российских и монгольских историков, уделив особое внимание современным китайским публикациям. Выясняется, что в Китае продолжают считать объявленную после Монгольской народной революции 1921 г. независимость большой утратой китайского народа. Напротив, для Монголии этот период явился переломным, была обретена независимость и создано суверенное государство. Следует заметить, что эти вопросы, связанные с революцией и суверенитетом Монголии, остаются важными и для преемницы СССР — современной России. Монголия на протяжении многих десятков лет была и остается верным союзником России. Российской Федерации ныне необходимо приложить усилия для усиления своего влияния в Монголии.

### Список использованной литературы и источников

1. Аюдал О. Краткая историография истории Монголии (1921–1996) / О. Аюдал // Журнал археологического исследовательского центра Цзилинского университета. — 2013. — № 871. — URL: <https://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/6028.pdf>. (на кит. яз.)
2. Жун Цзикунь. Исследование политики, проводимой Советской Россией по отношению к Внешней Монголии (1918–1921 гг.) / Жун Цзикунь // Исследование Китайской республики. — 2018. — № 33. — URL: <https://new.qq.com/rain/a/20180611A171GY00> (на кит. яз.)
3. История Монгольской народной революции / сост. Б. Ширэндэв; отв. ред. Д. Гонгор. — Улан-Батор : Ин-т истории МАН, 1999. — 357 с.
4. Кань Цзиань. Монголия — большой шрам для территориальных владений Китая / Кань Цзиань // Сэгэн — 2017. — URL: [http://www.sohu.com/a/126989235\\_439623](http://www.sohu.com/a/126989235_439623) (на кит. яз.)
5. Курас Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» — свободная торговая зона / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 2. — С. 141–144.
6. Курас Л. В. Монгольский мир в начале XX в. в условиях революционного подъема. Современная российской-монгольская историография / Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2015. — Т. 12. — С. 55–77.
7. Курас Л. В. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 7. — С. 188–192.
8. Курас Л. В. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 1 (9). — С. 159–173.
9. Лю Динань. Внешняя Монголия в 1920-е и 1930-е годы / Лю Динань // Новая Монголия. — 2013. — Т. 5, № 77. — С. 77–83. (на кит. яз.)



10. Монголия во Второй мировой войне / рук. проекта, отв. ред. Л. В. Курас, С. Ганболд; науч. ред. Б. В. Базаров, Х. Шагдар. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 224 с.
11. Терентьев В. И. Поиски монгольской нации в освободительном движении 1911–1921 гг. / В. И. Терентьев // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 1 (39) — С. 53–60.
12. Цинской. Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1921 году / Цинской // Voxup. — 2005. — URL: [https://boxun.com/news/gb/z\\_special/2005/07/200507110640.shtml](https://boxun.com/news/gb/z_special/2005/07/200507110640.shtml) (на кит. яз.)
13. Цыбенков Б. Д. Дауры в Монголии периода правления Богдо-гэгэна / Б. Д. Цыбенков // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития : материалы межд. научной конф. «Улымжиевские чтения –Х». — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2019. — С. 268–271.
14. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. — С. 201–210.
15. Цыбенков Б. Д. Кяхта в огне гражданской войны (с 1917 по январь 1920 г.) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Кяхта — национальное достояние России : материалы межд. науч.-практ. конф. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2018. — С. 45–49.
16. Цыбенков Б. Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания / Б. Д. Цыбенков // Известия Восточного института. — 2015. — № 3 (27). — С. 64–72.
17. Энхтувшин Б. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 10. — С. 11–16.
18. Энхтувшин Б. Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Гуманитарный вектор. — 2013. — № 4 (36). — С. 235–243.
19. Энхтувшин Б. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 4 (12). — С. 208–223.
20. Эрдэнэбаяр Г. Россия — Монголия: по пути стратегического партнерства / Г. Эрдэнэбаяр // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 462–476.

### Информация об авторе

*Очиров Цыден Солбонович* — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

### Author

*Tsyden S. Ochirov* — postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoyst., Ulan-Ude, 6670041, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.45

Б.Д. ЦЫБЕНОВ

УДК 94 (510)

ББК 63.3 (5 Кит)

## ДАУРЫ РАЙОНА БУТХА И СОЗДАНИЕ ОТРЯДА САМООБОРОНЫ (КОНЕЦ 20-Х — НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)\*

Статья посвящена изучению этно-территориальной группы дауров, проживающих в районе Бутха. Выяснено, что в конце 1920-х гг. бутхаские дауры создали отряд самообороны для защиты от нападений китайских милитаристских групп и бандитских шаяк. Автор освещает ухудшающееся положение бутхаских дауров в изучаемый период и ряд сражений даурского отряда самообороны с китайскими милитаристами.

**Ключевые слова:** дауры, район Бутха, китайские милитаристы, отряд самообороны, Ян Денбу, охотники.

B.D. TSYBENOV

## THE DAUR PEOPLE OF BUTEHA REGION AND CREATION OF A SELF-DEFENSE SQUAD (THE MIDDLE OF THE 20S — THE BEGINNING OF THE 30S XX C.)

The article is devoted to the study of the ethno-territorial group of Daur people, who living in the Buteha region. The work studied the creation of a self-defense detachment in the late 1920s. The purpose of its creation was to protect against attacks by Chinese militarists and bandits. The author described a series of battles of the self-defense detachment of Daur people with the Chinese militarists.

**Keywords:** Daur, Buteha, Chinese militarists, self-defense detachment, Yan Denbu, hunters.

После образования Китайской Республики и последующего разделения его территории милитаристскими группировками жизнь простого народа чрезвычайно ухудшилась. Не стали исключением и земли, населенные даурами. В отличие от других районов Северо-Востока Китая, в даурских землях китайские милитаристы столкнулись с вооруженным отпором местного населения. В настоящей работе мы освещаем вопрос создания даурами вооруженного отряда и его последующую

---

\* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, №AAAA-A17-117021310264-4.

борьбу с китайскими милитаристами. Статья целиком основана на материалах «Краткой истории даурского народа» (1989) с дополнениями из других источников: работ отечественных историков, сведений даурских краеведов.

Дауры проживают в ряде районов Хулун-Буира, входящего в состав Внутренней Монголии, и провинции Хэйлунцзян — одной из трех северо-восточных провинций Китая. Они делятся по месту жительства на хайларских, цикикарских, бутхаских и синьцзянских дауров. Помимо них имеются и малочисленные локальные группы дауров в районе Амура, Хулана. Традиционно основой даурских земель считается район Бутха. Именно отсюда шло переселение дауров в Хайлар и Синьцзян в XVIII в. Само название «Бутха» в переводе с маньчжурского языка означает «охота, охотиться», т.е. можно понять его как район охоты, охотников. Район Бутха расположен на стыке Хулун-Буира и провинции Хэйлунцзян. В русских источниках конца XIX — начала XX вв. Бутха обычно включается в состав Западной или Северной Маньчжурии. В настоящее время возникают трудности с точным определением места этого района, поскольку на его территории расположены другие, современные административно-территориальные единицы. И все же, можно с большей долей уверенности включить в состав Бутха современный даурский автономный хошун Морин-Дава, часть хошунов Арун и Чжалантунь городского округа Хулун-Буир, а также часть уезда Нэхэ провинции Хэйлунцзян. Другими словами, район Бутха расположен на восточных горно-таежных склонах хребта Большой Хинган. Дауры и эвенки-солоны, проживавшие здесь издавна, платили дань цинскому двору соболями и другой ценной пушниной. Поставляли дичь и рыбу, принимали участие в облавных охотах, устраиваемых цинским императором. В первой трети XX в. ситуация в Китае, и в частности, на северо-востоке страны начала коренным образом меняться. Начался период национально-освободительного движения монгольских народов. В 1912 г. хайларскими даурами и баргутами была провозглашена независимость Хулун-Буира [7, с. 204–206]. В 1914 г. цикикарские дауры подняли антифеодальное восстание во главе с Шоуланом и Дайфу. Восстание продолжалось более семи лет, в 1920-х гг. предводители были схвачены китайскими милитаристами и казнены [6, с. 119–120]. Казнь Шоулана и Дайфу восстание не закончилось, очаг борьбы переместился из земель цикикарских дауров в соседнюю Бутху. Фэнтяньский милитарист Чжан Цзолинь, став военным инспектором трех северо-восточных провинций Китая, принял меры по усилению военного надзора над территориями. Назначив гражданским и военным губернатором провинции Хэйлунцзян своего сподвижника У Цзюньшэна, он передислоцировал контингент милитаристских сил в район Бутха. Чжан Цзолинь и У Цзюньшэн создали т.н. отряды «сферы

самозащиты», которым было приказано захватить территории, принадлежащие даурским селениям. Поскольку сюда входили леса, горы, пастбища, появились ограничения в заготовке леса, выпасе скота и др. [6, с. 120]. Район Бутха в то время был относительно малонаселен, хотя и сюда проникали китайские крестьяне-переселенцы. Свободных земель, до введения ограничения, было достаточно. Выгодным занятием наряду с традиционным земледелием было разведение скота. За исключением бедняков, все даурские семьи района Бутха имели дойных коров [9, с. 113]. Поэтому нововведения китайских милитаристов, в первую очередь, были направлены против большинства даурского населения.

Чжан Цзолинь, очевидно, сам не занимался делами районного масштаба (речь идет о районе Бутха — *авт.*), поручив их губернатору провинции Хэйлуцзян У Цзюньшэну. Неординарная личность Чжан Цзолиня и его гибель до сих пор притягивают внимание историков. Так, тайваньские исследователи считают его национальным героем, до конца защищавшим интересы Китая [2, с. 191], что противоречит мнению ряда китайских историков, отзывающихся о нем как о продажном милитаристе. С другой стороны, известно, что Чжан Цзолинь, как и ряд других милитаристских предводителей, был приверженцем конфуцианской идеологии и собирался построить храм — памятник Конфуцию [1, с. 52]. Гибель Чжан Цзолиня и У Цзюньшэна в результате подрыва поезда 4 июня 1928 г., вошедшая в историю как «хуангутуньский инцидент», до недавней поры считалась делом рук офицеров квантунской армии [2, с. 190]. Ныне появились сведения о советском следе в деле убийства Чжан Цзолиня. В 2001 г. была опубликована монография, где говорилось об устранении Чжан Цзолиня советской разведкой. Причем, были упомянуты имена советских разведчиков, непосредственно занимавшихся подготовкой теракта [3]. После гибели Чжан Цзолиня власть перешла к его сыну Чжан Сюэляну. Политика Чжан Сюэляна в отношении даурского района Бутха осталась без изменений. Он был занят другими делами. Подстрекатель Чан Кайши, Чжан Сюэлян развязал конфликт на КВЖД в 1929 г., закончившийся поражением китайских милитаристов от частей Красной Армии.

Тем временем в районе Бутха ситуация продолжала обостряться. Наряду с простыми китайскими крестьянами появились и отряды бандитов (хунхузов). Они не были обыкновенными бандитами, в прямом смысле этого слова. Все обстояло гораздо сложнее. Эти криминальные подразделения были так или иначе связаны с различными имущими слоями — торговцами, помещиками, буржуазией. Китайские милитаристы, силы гоминьдана порой использовали их в своих интересах [5]. Поддерживая контакты с местными властями и милитаристами, банды хунхузов занимались грабежами даурского населения. Поскольку закон

о восьми-знаменной маньчжурской системе, юридически защищавший национальные меньшинства, был упразднен, милитаристские власти занимались своеволием. К примеру, даурам было запрещено разговаривать на родном языке. Были введены различные налоги, ставшие непосильным бременем для населения. Заметим, что справедливая оценка данного периода истории Китая содержится в документах Коминтерна. Например, в одном из них, под названием «Тезисы по китайскому вопросу. VI расширенный пленум ИККИ. 2 марта 1926 г.», говорится, что «...изнуряющая система непосильных налогов с установившейся практикой взимания их за многие годы вперед; широко развившийся бандитизм и грабежи со стороны регулярных войск... все это превращает крестьянство в колоссальный резервуар революционной энергии, которая может быть обрушена на виновников всех этих бедствий крестьянства, на милитаристские клики и иностранных капиталистов» [4, с. 72].

Переселение китайских крестьян, внедрявших на новых землях передовой опыт земледелия, с другой стороны, имело негативные последствия для дауров. Рушилось традиционное комплексное хозяйство дауров, состоявшее из симбиоза земледелия, скотоводства и подсобных промыслов (охота, сплав леса, рыболовство). В отличие от них китайских земледельцев интересовали только пашни, под которые распахивались все прилегающие территории, включая пастбища, леса, целинные земли. В результате этого многие даурские семьи стали переселяться с р. Нэмэр и левого берега р. Нонни в район Западной Бутхи [6, с. 121]. Даурские историки-краеведы в целом выделяют четыре крупных переселения дауров в XVIII–XX вв. Один из них был связан с китайской колонизацией и грабежами хунхузов в годы Китайской Республики [11].

Дауры района Бутха для сопротивления китайским милитаристам и защиты своих земель в конце 1929 г. создали национальные вооруженные силы под названием «большой отряд самообороны в гористой местности» (далее в тексте как отряд самообороны — *авт.*). Отряд самообороны был разделен на три части по названиям крупных рек — Нэмэр, Нонни (на даур. яз. «Наун»), Номин: нэмэрчен, наунчен и номинчен, и имел в общей сложности более 300 чел. В его состав вошли охотники района Бутха. Они составили ядро отряда. Воины, вступившие в отряд, приходили со своими лошадьми и оружием. Командиром отряда стал известный охотник Ян Денбу. Он происходил из рода аола, проживал в селении Куилчен. В селении Курулчи, находящемся в местности Мориндава, стал располагаться главный штаб отряда. Накануне инцидента «18 сентября 1931 г.» из педагогической школы монгольских хошунов Мукдена (совр. г. Шэньян) вернулись на родину даурские учащиеся Го Дунбу, Ао Юшан, Ао Диншен. Собрав группу молодежи, они создали т.н. «войско порядка» [10, с. 166]. Здесь следует отметить традиционное

стремление дауров к получению образования. По данным администрации Западной Бутхи, в 1923 г. работали семь казенных и пять частных школ. В 1925 г. в них обучались 362 ученика [8, с. 366]. Наиболее способные учащиеся после окончания школы отправлялись на учебу в крупные города Китая, после чего они возвращались на родину и принимали активное участие в защите своего района.

Известно, что Ян Денбу высказывался по поводу создания т.н. «революционного войска» для совместного сопротивления китайским милитаристам. Вероятно, предполагалось объединить эти отряды в единую силу. Однако они так и не были объединены: один из них, под руководством Ян Денбу, был, по-прежнему, отрядом самообороны; другой отряд, возглавляемый Руй Шу, состоял в основном из учащейся молодежи. Руй Шу происходил из рода онон, уроженец селения Бокорчен.

Военные власти провинции Хэйлунцзян опасались усиления национальных вооруженных сил и неоднократно посылали войска для их уничтожения. В начале зимы 1930 г. более 30 чел. из группы номинчен, входящей в состав отряда самообороны, были окружены в местности Анугийн Поутай (территория селения Мэрдэнчен). Окруживший их батальон насчитывал в своих рядах более тысячи пехотинцев. Возглавлял их командир батальона Суй Чжихэ. Завязался длительный бой, во время которого меткие даурские охотники успевали отливать из свинца пули и сразу же отстреливаться. Под руководством Ян Денбу они смогли выбраться из окружения и перебраться на западный берег р. Номин. Спустя некоторое время другая группа, входящая в состав отряда самообороны, также попала в окружение преследовавших ее войск милитаристов. О накале сражения свидетельствуют тот факт, что оно продолжалось с утра до ночи [10, с. 167]. Ночью они сумели вырваться из окружения. Помог в этом даур, служивший у китайских милитаристов. Дело в том, что не все дауры находились в отряде самообороны и «войске порядка». Имелись дауры по разным причинам служившие в составе милитаристских сил. Одним из них был Су Дихай, командир отряда охраны порядка Западной Бутхи. Он происходил из рода судур, селения Чуаргал. Движимый патриотическими чувствами и искренне страдая за свой народ, он в глубине души поддерживал отряд самообороны. Так и теперь, приказав своим солдатам зажечь большую кучу дров перед укреплениями осажденных, он крикнул по-даурски: «Используя освещение, быстрее выходите из окружения!». Тогда бойцы отряда самообороны сумели найти слабое место в цепи милитаристов и прорвав его, выбрались из окружения и ушли в сторону гор Мориндава.

В начале зимы 1931 г. войска милитаристов под командованием Суй Чжихэ снова атаковали даурские отряды. При этом пострадало мирное даурское население с. Курулчи. Кроме нескольких девушек, все мужчи-

ны и женщины были убиты, дома и амбары сожжены. В историю даурского народа это событие вошло как «черное дело в Курулчи». Ян Денбу, узнав об этом, встретил войска Суй Чжихэ в горном ущелье и нанес ему тяжелое поражение. После этого войска Суй Чжихэ больше не приходили в район Западной Бутхи [10, с. 168]. Руководимый Ян Денбу отряд самообороны оказывал серьезное сопротивление войскам китайских милитаристов, защищая свои родные земли.

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. район Бутха, населенный даурами, испытал тяжесть гнета и произвол китайских милитаристов, сопровождаемый грабежами бандитских групп. Возмущение даурского народа выразилось в создании двух отрядов самообороны, которые самоотверженно боролись против превосходящих сил китайских милитаристов. Благодаря вооруженному отпору дауры района Бутха, очевидно, сумели предотвратить другие, более масштабные негативные явления, связанные с засильем китайских милитаристов.

### Список использованной литературы и источников

1. Каретина Г. С. Идеино-политическая ориентация представителей китайского милитаризма 10–20 годов XX в. / Г. С. Каретина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2011. — № 1 (155). — С. 46–53.
2. Каретина Г. С. Современные исследования Фэнтяньской группировки китайских милитаристов в Шэньяне / Г. С. Каретина // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44, № 1. — С. 187–195.
3. Колпакиди А. Внешняя разведка России / А. Колпакиди, Д. Прохоров. — Санкт-Петербург : Нева, Олма-Пресс, 2001. — 512 с.
4. Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы / отв. ред. М. Л. Титаренко. — Москва : Изд-во «Наука», 1986. — 325 с.
5. Сухачева Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. — 1992. — № 1. — С. 92–102.
6. Цыбенков Б. Д. Вопросы истории даурского народа в первой четверти XX в. / Б. Д. Цыбенков // Сибирь в годы Великой Российской революции : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 118–126.
7. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 201–210.
8. Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в XIX — начале XX века / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — С. 362–370.
9. Цыбенков Б. Д. Развитие земледелия и скотоводства в даурских районах в первой трети XX века / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — С. 108–116.
10. Дагур үндүсүтөн-ү тобчи теүке [Краткая история даурского народа] / найрагүлән биçикү дүүйиланг найрагүләба; Men Di Dun, Üljeyitü, Bayar. — Кцкеqота : Цьцг Mongyol-un arad-un kebel-ьн qorig-a, 1989. — 300 с. (на старописъм. монг. яз.).

11. Morindabaya дауур ьндьсьтен-ь цьъртеgen jasaqu қолғиун-у toyimu bayidal [Обозрение Морин-Дава даурского автономного хошуна] / найрағулун биçикү дуууыланг найрағулба. Jamsu, Bürinsayin орçиулба. Erdenijab орçиулға-yi qinaba. — Кькеqота : Цьър Mongyol-un arad-un keblel-ьн қорғи-а, 1988. — 269 с. (на старописьм. монг. яз.)

### Информация об авторе

*Цыбенов Базар Догсонович* — кандидат исторических наук отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

### Author

*Bazar D. Tsybenov* — Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: bazar75@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.46

**В.Э. ЦЫРЕМПИЛОВА**

УДК 94(5)

ББК 63.3(0)64

## ПОЛИТИКА РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ КНР И СТРАТЕГИЯ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Одним из важных механизмов политики реформ и открытости является экономическая стратегия «Один пояс, один путь», которая вместе с другими проектами объединяет многие страны. В статье раскрываются основные политические изменения, которые оказали влияние на современное социально-экономическое развитие Китая, а также становление стратегии «Один пояс, один путь».

**Ключевые слова:** политика реформ и открытости, «Один пояс, один путь», Китай, Россия.

**V.E. TSYREMPILOVA**

## POLICY OF REFORM AND OPENNESS OF CHINA AND STRATEGY «ONE BELT, ONE ROAD»

One of the mechanisms of policy of reform and openness is economic strategy «One belt, One road», which with other projects unite many countries. The article examines political changes that influence on modern social-economic



development of China, also the formation of strategy of «One belt, One road» strategy.

**Keywords:** policy of reform and openness, «One belt, one road», China, Russia.

На международном форуме в Китае «Один пояс, один путь» 25 мая 2017 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что Россия «полностью поддерживает» создание Великого шелкового пути 2.0, заявив, что «необходимо снимать инфраструктурные ограничения для интеграции и создавать систему современных связанных транспортных коридоров. Россия с ее уникальным географическим положением готова к такой совместной работе», — заявил глава государства. Он также отметил, что проект «Один пояс, один путь» вкпе с проектами в рамках ЕАЭС, а также развитием Северного морского пути «способны создать принципиально новую транспортную конфигурацию Евразийского континента» [10].

В экспертной среде все более утверждается мнение, что огромная транспортная магистраль, способная генерировать многомиллиардные прибыли регионам, по территории которых она пройдет, должна внести весомый вклад в развитие регионов Сибирского федерального округа.

Что же представляет новая стратегия и каково ее место в политике реформ и открытости современного Китая?

В начале XXI в. КНР становится одной из ведущих держав на международной арене с наиболее динамичным экономическим развитием. Одна из причин этого феномена — научно обоснованная внутренняя политика китайского руководства, для которого приоритетом являются интересы граждан и строительство социализма с китайской спецификой. Основным механизмом реализации политики реформ и открытости становятся изменение партийных установок развития экономики КНР. Так, в начале 2000-х гг. Председатель КНР Цзян Цзэминь во время рабочей поездки в провинцию Гуандун впервые объявил о концепции «трех представительств» [кит. 三个代表 «саньгэдайбяо» — три представительства], в соответствии с которой КПК должна представлять интересы передовых производительных сил, передовой китайской культуры и широких слоев китайского населения [17].

Во время совещания партийных работников, посвященного 80-летию со дня образования КПК, Цзян Цзэминь выступил с докладом «Слава принадлежит КПК и китайскому народу — Чествование 80-летия со дня образования КПК», в котором прозвучала идея о «трех представительствах» [16].

Состоявшийся с 8 по 15 ноября 2002 г. XVI съезд ЦК КПК в Пекине имел огромное значение в жизни КНР. На нем начинается переход вла-

сти от третьего поколения руководителей КНР к четвертому во главе с Ху Цзиньтао, который занял должность Генерального секретаря ЦК КПК, а на первом пленуме ВСНП 16-го созыва в 2003 г. был избран Председателем КНР. На съезде Цзян Цзэминь выступил с докладом «Всестороннее строительство общества «сяокан», в котором были поставлены новые задачи, в том числе увеличение ВВП к 2020 г. в 4 раза.

Следующим важным изменением в политической жизни КНР стало включение концепции «научного развития», выдвинутой Председателем КНР Ху Цзиньтао, которая стала обобщением опыта модернизации, реформ и открытости в Китае за более чем за 20-летний период» [12].

Состоявшийся в 2007 г. XVII съезд партии (15–21 октября) стал самым многочисленным по числу делегатов за всю историю партии (2270 делегатов), в связи с увеличением членов партии до 73 млн человек. На съезде с докладом «Высоко держать знамя строительства социализма с китайской спецификой, идти к новой победе в ходе всестороннего строительства общества «сяокан»» выступил Ху Цзиньтао, отметив достижения в политике реформ и открытости, строительстве общества средне-зажиточного достатка, увеличение экономической мощи — ежегодный рост ВВП составил 10 %, повышения уровня жизни граждан [23].

Под влиянием модернизации политической системы меняется и экономическая сфера в Китае. В 2008 г. мировое сообщество сотрясает финансовый кризис, повлияв на экономику Китая: в четвертом квартале 2008 г. наметился спад ВВП до 6,8 %, что ниже в сравнении с тем же периодом в 2007 г. В отчете после четвертого пленума ЦК 17-го созыва Ху Цзиньтао отмечал, что мировой финансовый кризис поспособствовал появлению новых вызовов и возможностей для Китая [15]. В декабре 2008 г. Госсовет КНР принимает программу, направленную на поддержание экономической ситуации в стране в связи с мировым финансовым кризисом [18]. Важнейшие направления программы: реализация либеральной монетарной политики, содействие стабильному росту кредитов, ускорение строительства многоуровневой рыночной системы, распределение ресурсов на рынке, поддержка в проведении политики налогообложения, укрепление возможностей финансового сектора и углубление финансовых реформ, укрепление финансовой безопасности. Итоги 11-й пятилетки показали эффективность принятых мер. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП составили: 2006 г. — 12,7 %, 2007 г. — 14,2 %, 2008 г. — 9,6 %, 2009 г. — 9,2 %, 2010 г. — 10,3 % [3, с. 2–3].

На четвертом съезде ВСНП 11-го созыва в марте 2011 г. была принята 12-я пятилетка, которая открыла новые возможности для развития китайской экономики, появления новых отраслей, совершенствования структуры сферы услуг, а также стала точкой опоры для продвижения экономической политики китайского руководства. Тем самым, перед пя-

тым поколением руководителей стояла задача дальнейшего реформирования политической системы, которая позволит расширить реформы. Фактически с 2012 г. у руля партии и КНР становится пятое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином. В 2013 г. на пленарном заседании ВСНП он был избран Председателем КНР и Председателем военного совета КНР, а Чжан Дэцзян – Председателем ПК ВСНП. Тем самым завершился переход к пятому поколению руководителей, которые начинают свой путь дальнейшего строительства социализма с китайской спецификой.

В ноябре 2012 г. Си Цзиньпин во время посещения выставки «Путь к возрождению» в Национальном музее Китая (г. Пекин) официально объявил о концепции «китайская мечта», которая должна стать новым инструментом в развитии национальной идеи КНР [19]. Дальнейшее продвижение «китайской мечты» происходит во время XVIII съезда, где она становится ведущей концепцией и включает в себя планы развития КНР на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Тем самым, концепция выступила как базовый элемент, объединяющий всю нацию. Что касается внешнеполитического курса, то с 2003 г. в официальных документах подчеркивалось «мирное возвышение» как укрепление международного статуса КНР посредством сотрудничества с мировыми центрами [1, с. 8]. Позднее тезис «мирное возвышение» был преобразован в тезис «мирное развитие».

В 2005 г. КНР провозгласила идею «построения гармоничного мира», которая опиралась на конфуцианские понятия «гармония» и «золотая середина» [2, с. 40]. Впервые она была озвучена на Афро-Азиатском форуме в Джакарте в апреле 2005 г. Её суть выражалась в стремлении «способствовать становлению дружеских отношений между разными культурами, вести диалог на равных, укреплять развитие, вместе общими силами строить гармоничный мир» [20].

Одним из инструментов реализации идеи «гармоничного мира» стала политика «мягкой силы», цель которой заключалась в наращивании совокупной государственной мощи и содействии построению социализма с китайской спецификой. Значительное развитие эта политика получила на VI пленуме ЦК КПК (октябрь 2011 г.) [13, с. 63]. Примером политики «мягкой силы» Китая является деятельность Института Конфуция, который занимается пропагандой китайской культуры и занимает важное место во внешнеполитическом курсе. Например, проведение международного студенческого конкурса по китайскому языку и культуре «Китайский мост», финал которого ежегодно проводится в Пекине, а целью конкурса является распространение китайского языка по всему миру.

После XVIII съезда КПК внешнеполитический курс выстраивался следующим образом: 1) Китай будет развивать отношения с развитыми странами, расширяя сферу сотрудничества, разумно устраняя разногласия и продвигая создание нового типа отношений между крупными

государствами, характеризующихся длительным, стабильным и здоровым развитием; 2) Китай будет по-партнерски относиться к сопредельным странам, укрепляя с ними отношения дружбы и добрососедства, углублять взаимовыгодное сотрудничество; 3) Китай будет укреплять сотрудничество с многочисленными развивающимися странами, вместе с ними охранять их законные права и интересы, поддерживать их в стремлении стать активными игроками на мировой арене с правом голоса при решении международных вопросов, оставаться их надежным партнером; 4) Китай будет принимать активное участие во всевозможных делах, стимулируя развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении» [22].

Огромное внимание Китай уделяет региональной политике по следующим направлениям: 1) Северо-Восточная Азия: Япония, КНДР, Республика Корея, Монголия, куда можно включить российскую часть Сибири и Дальнего Востока; 2) Юго-Восточная Азия: Индонезия, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Камбоджа, Мьянма, Лаос, Бруней; 3) Центральная Азия: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан; 4) Южная Азия: Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка и др. Также отмечается регион Среднего Востока с Ираном, Афганистаном, Пакистаном и др. странами [7, с. 100–101].

По-прежнему важным стратегическим партнером для Китая остается Россия. За последние 15 лет китайско-российские отношения достигли уровня всестороннего сотрудничества, которое оказывает влияние на внутреннее развитие обеих стран, а также в мире в целом. Современные китайско-российские отношения строятся на основе заключенного в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (с последующими пятилетними продлениями) [6]. Что касается торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем, то при Ху Цзиньтао объем торговли вырос с 30 млрд долл. в 2005 г. до 83,5 млрд долл. в 2011 г. Была создана система сотрудничества в наукоемких отраслях производства. Например, «дорожная карта» российско-китайского сотрудничества в области атомной энергетики между государственной корпорацией «Росатом» и Агентством по атомной энергии Китая [4, с. 146]. Следует отметить проведения года России в Китае (2006 г.) и года Китая в России (2007 г.), которые способствовали культурному обмену обеих стран [14]. Участие в различных международных организациях также оказывает влияние на укрепление двусторонних отношений: расширение деятельности ШОС и особенно развитие сотрудничества в рамках стратегии «Один пояс, один путь» и др.

В последние годы отмечается развитие трехстороннего сотрудничества между Китаем, Монголией и Россией. Так, в 2015 г. был создан «Экономический коридор Китай-Монголия-Россия», целью которого яв-

ляется обеспечение условий для развития и расширения трехстороннего сотрудничества между КНР, Монголией и Россией путем реализации совместных проектов, нацеленных на увеличение торгового оборота, обеспечение конкурентоспособности продукции, облегчение трансграничных перевозок, развитие инфраструктуры [9].

В настоящее время один из самых крупных проектов Китая, охватывающий многие страны, является стратегия «Один пояс, один путь», разработанная в начале 2010-х гг. и включающая в себя два проекта — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века». О реализации этого проекта было объявлено Си Цзиньпином во время государственных визитов в Казахстан и Индонезию в 2013 г.

Первый проект представляет собой создание нескольких сотен инфраструктурных проектов: железнодорожных и шоссейных дорог, энергетических объектов, промышленных парков, образование нескольких экономических пространств на территории Китая. Он охватывает территории: Республика Корея — Китай — страны Азии — Турция — страны Южной Европы [5, с. 21–22]. В ходе осуществления второго проекта подразумевается создание двух морских маршрутов: побережье Китая через Южно-Китайское море в Южно-Тихоокеанский регион; соединение приморских районов КНР и Европейских стран через Южно-Китайское море и Индийский океан.

Китайское руководство уделяет огромное внимание реализации этого проекта, основным механизмом которого является укрепление двустороннего сотрудничества и осуществление многоканальных и многоуровневых консультаций, усиление роли существующих механизмов международного сотрудничества (ШОС, Китай+АСЕАН, АТЭС, Форум «Азия-Европа» и др.) и кооперация субрегиональных платформ. Проект уже имеет ряд результатов: 1) более ста стран приняли участие в реализации этого проекта; 2) расширение двусторонних связей Китая со странами-участницами и подписание соответствующих соглашений; 3) создание 56 зон торгово-экономического сотрудничества в рамках проекта; 4) углубление финансового сотрудничества — создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути [8].

Состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд КПК фактически «открыл» двери всему миру [11]. С докладом «Добиться решающей победы в полном построении средне-зажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» выступил Председатель КНР Си Цзиньпин, в котором были выделены 13 направлений, призванных «держатъ решающую победу в полном построении средне-зажиточного общества, начать новый поход к всестороннему построению модернизированного социалистического государства» [21].

Особое место в докладе отводилось внешней политике, где особая роль отводится инициативе «Один пояс, один путь», которая призвана стимулировать международное сотрудничество, в котором важное место отводится пограничным территориям сибирского региона.

Таким образом, внутренние и внешнеполитические изменения КНР в рамках политики реформ и открытости, начиная с 2002 г. имеют важное историческое значение. И важнейшим компонентом политики реформ и открытости выступает стратегия «Один пояс, один путь».

### Список использованной литературы и источников

1. Арсентьева И. И. Внешняя политика КНР: реалии и тенденции развития / И. И. Арсентьева // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2014. — № 4. — С. 6–14.
2. Ахмадева Я. М. Развитие внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики с 1949 г. по начало XXI в. / Я. М. Ахмадева // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — Т. 9, №1. — С. 33–44.
3. Баженова Е. С. Китай на пороге 12-й пятилетки / Е. С. Баженова // Азия и Африка сегодня. — 2011. — № 7. — С. 2–9.
4. Базаров В. Б. Россия, Монголия, Китай: восточноазиатский треугольник / В. Б. Базаров // Власть. — 2012. — № 8. — С. 146–149.
5. Гельбрас В. Г. Геоэкономическая стратегия Китая (опыт реконструкции) / В. Г. Гельбрас // Азия и Африка сегодня. — 2016. — № 1. — С. 15–25.
6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, 2001 г. // Министерство иностранных дел РФ : офиц. сайт. — URL: [http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset\\_publisher/WhKWb5DVbQKA/content/id/576870](http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVbQKA/content/id/576870) (дата обращения: 31.03.2019).
7. Лузянин С. Г. КНР: Внешнеполитический «транзит». Обновление теории и практики / С. Г. Лузянин // Полис. Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 97–107.
8. Один пояс, один путь. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/ydylzt.htm>(дата обращения: 20.03.2019).
9. Программа создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия // Минпромторг России : сайт. — URL: <http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf> (дата обращения: 01.04.2019); 中华人民共和国、俄罗斯联邦、蒙古国发展三方合作中期路线图 [КНР, РФ и Монголия подписали дорожную карту среднесрочного трехстороннего сотрудничества]. 人民日报, 第三版, 2015年07月10日.
10. Путин В.В. // Клуб регионов. — URL: <http://club-rf.ru/theme/492>
11. Съезд КПК в Пекине проходит в обстановке большей открытости // ТАСС. ру. — 20.10.2017. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4663246> (дата обращения: 16.03.2019).
12. Феоктистов Ю. Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978–2008 гг.) / Ю. Феоктистов, С. Цыплаков // Вестник института экономики РАН. — 2008. — № 4. — С. 272–293.
13. Шевелева Т. Н. «Мягкая сила» во внешней политике КНР / Т. Н. Шевелева, О. А. Тимофеев // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. — 2014. — № 14. — С. 63–68.

14. 中国“俄罗斯年”活动成果丰硕 [Мероприятия в рамках года России в Китае успешно завершились]. 人民日报, 第四版, 2006年10月26日.; 携手共筑美好明天 [Взявшись за руки, чтобы строить вместе лучшее завтра]. 人民日报, 第七版, 2007年11月07日.

15. 中国共产党第十七届中央委员会第四次全体会议公报. 中国共产党新闻网[Официальное сообщение 4-го пленума ЦК КПК 17-го созыва. Сайт КПК.]. –URL: <http://src.people.com.cn/GB/64093/64094/10080626.html> (дата обращения: 20.03.2019).

16. 光荣属于中国共产党和中国人民——庆祝中国共产党成立80周年[Слава принадлежит КПК и китайскому народу — Чествование 80-летия со дня образования КПК]. 人民日报, 第一版, 2001年07月01日.

17. 兰红光. 江泽民在广东考察工作强调紧密结合新的历史条件加强党的建设: 始终带领全国人民促进生产力的发展 [Лань Хунгуан. Председатель КНР Цзянь Цзэминь во время рабочей поездки в пров. Гуандун отметил: усиление строительства партии тесно связано с новыми историческими условиями, вести народ всей, способствовать развитию производительных сил]. 人民日报, 第一版, 2000年02月26日.

18. 国务院办公厅关于当前金融促进经济发展的若干意见 [Мнения Госсовета КНР по вопросам ускорения финансовой обстановки]. 国办发(2008)126号.

19. 张烁. 承前启后继往开来, 朝着中华民族伟大复兴目标奋勇前进 [Чжан Шо. Продолжать традиции прошлого и открывать новые пути для будущего, мужественно идти вперед к цели великого возрождения китайской нации]. 人民日报, 第一版, 2012年11月30日.

20. 推动建设持久和平、共同繁荣的和谐世界[Способствовать всеми силами развитию мира всеобщего процветания и гармонии]. — URL: <http://theory.people.com.cn/GB/40557/350432/350806/index.html> (дата обращения: 03.03.2019).

21. 新时代要有新气象更要有新作为中国人民生活一定会一年更比一年好 [Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху]. 人民日报, 第二版, 2017年10月26日.

22. 胡锦涛在中共第十八次全国代表大会上所作报告 [Отчет Председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК]. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1117/c1024-19611447.html> (дата обращения: 20.03.2019).

23. 高举中国特色社会主义伟大旗帜, 为夺取全面建设小康社会新胜利而奋斗 [Высоко держать знамя строительства социализма с китайской спецификой, идти к новой победе в ходе всестороннего строительства общества «сяокан»]. 人民日报, 第二、三版, 2007年10月16日.

### Информация об авторе

*Цыремпилова Виктория Эдуардовна* — магистр международного образования, образовательный центр «Hello», 670000, г. Улан-Удэ, ул. Балтахинова, 17, e-mail: [vikaliv21@yandex.ru](mailto:vikaliv21@yandex.ru).

### Author

*Viktoria E. Tsyrempilova* — Master of International education, educational center «Hello», 17, Baltakhinova str., Ulan-Ude, 670000, e-mail: [vikaliv21@yandex.ru](mailto:vikaliv21@yandex.ru).



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.47

*А.А. БУРМАТОВ*

УДК 314

ББК 60.7

### СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.

В статье рассматривается эволюция смертности населения в Новосибирской области накануне и в период радикальных экономических реформ. Это период обвального роста смертности, резкого снижения продолжительности жизни до 1994 г., и постепенного роста ожидаемой продолжительности жизни в 1995–1998 г.

**Ключевые слова:** Новосибирская область, смертность, младенческая смертность, средняя продолжительность жизни.

*A. A. BURMATOV*

### MORTALITY IN THE NOVOSIBIRSK REGION IN THE 1990 S

The article examines the evolution of population mortality in the Novosibirsk region on the eve and during the period of radical economic reforms. This is a period of dramatic growth in mortality, a sharp decline in life expectancy until 1994, and a gradual increase in life expectancy in 1995–1998.

**Keywords:** Novosibirsk region, mortality, infant mortality, average life expectancy.

В конце 1980-х гг. начался новый рецидив смертности. С 1988 по 1990 г. число умерших в области возросло на 7,8 %. Рост числа погибших насильственной смертью составил четверть всего их количества [2, с. 32]. С 1992 г. в стране было начато реформирование всех сторон жизни. Либерализация цен, осуществленная 2 января 1992 г., привела к значительному их росту. Это вызвало падение уровня жизни населения и не могло не отразиться на показателях смертности. С 1992 г. начался «обвальный» рост смертности. Он продолжался до февраля 1995 г., после чего стал существенно снижаться.

Огромный скачок смертности в мирное время (табл. 1) свидетельствовал о резком ухудшении социально-экономической обстановки. На число умерших действовал и структурный фактор. Значительные под-



вижки в возрастной структуре привели к увеличению числа смертей на 7 %. Если в 1989 г. лиц в возрасте 60 лет и старше во всем населении было 14,6 %, то к 1995 г. их удельный вес возрос до 16,4 %. В городах он составлял соответственно 14,1 и 15,7%, в селах — 15,9 и 18,3 %. К 1997 г. доля старых и пожилых людей возросла до 16,8 %, а к 1999 г. — до 17,7 % [5, с. 15; 7, с. 23; 8, с. 23; 9, с. 23].

Таблица 1

**Смертность населения в 1990–1999 гг., в %**

Год	Общая смертность			Младенческая смертность		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1990	10,8	10,5	11,6	18,9	17,8	21,5
1991	10,8	10,7	11,4	19,3	16,6	25,8
1992	11,6	11,4	12,2	19,1	18,4	20,7
1993	14,3	14,3	14,4	20,6	18,7	24,6
1994	15,7	15,7	15,8	18,7	17,4	21,5
1995	14,1	13,9	14,5	15,9	13,4	21,3
1996	13,8	13,5	14,6	16,9	15,5	20,2
1997	13,1	12,8	14,1	17,2	16,2	19,3
1998	12,8	12,5	13,5	15,0	13,7	17,6
1999	13,5	13,2	14,5	15,5	14,2	18,4

Сост. по: [3, с. 66–69; 10, с. 7, 8, 34; 11, с. 12, 17, 33; 12, с. 16, 21, 24, 40; 13, с. 14, 24; 14, с. 13, 23, 37; 15, с. 13, 18, 37; 16, с.13, 23; 17, с. 23, 38; 18, с. 23, 28].

Прирост повозрастных показателей смертности сменился их снижением. Последнее произошло вследствие адаптации населения к трудным условиям жизни, а также из-за вымирания «биологически слабых» индивидов. Снижение смертности началось и было более значительным в возрастах старше 50 лет. В возрасте 30–49 лет снижение отмечено позднее. В возрастах 15–29 лет смертность стабилизировалась. В двух последних группах иногда отмечается рецидив роста смертности. Это вызвано малой приспособленностью данных возрастных групп к нынешней трудовой жизни, более частой гибелью их представителей при попытке сменить свою общественную страту и борьбой внутри данных групп «за место под солнцем». Адаптация к новым социально-экономическим условиям у них проходила медленно и болезненно, с большим количеством убийств и самоубийств, развитием алкоголизма и наркомании. Поэтому повозрастные показатели смертности у них выше, чем у предшествующих им поколений. У мужчин в возрасте 15–19 лет смертность в 1991 г. составила в городах области 1,5 %, в 1994 г. — 2,4 %, т. е. выросла на 60%. В селах за этот период произошел рост с 1,4 до 2,7 %, т. е. в 2 раза [11, с. 28; 13, с. 32; 15, с. 31]. Действие случайных факторов могло оказать дестабилизирующее

влияние на широту и спектр диапазона смертности по причинам у мужчин сельской местности в возрасте 15–19 и 20–24 г.

Общая тенденция просматривается четко — значительный и быстрый, скачкообразный, рост смертности был сосредоточен на относительно коротком отрезке времени и коснулся в основном самых жизнеспособных возрастных групп. Фактически рост смертности в 2–3 раза пришелся на молодые, трудоспособные возрасты и лишь частично затронул послерабочие возрасты. В последних рост был более коротким и менее значительным. В старших возрастах адаптация к трудным условиям жизни наступила быстрее. С 1995 г. в средних возрастах началось отчетливое снижение показателей смертности, что и обеспечило основной прирост продолжительности жизни для всего населения. Процесс снижения смертности протекает медленно и растянут во времени. В 1997 г. отмечено значительное снижение смертности 30–34-летних — с 3,9 до 3,4 % (на 14 %). У 5–14-летних снижения смертности почти не наблюдается. В сельской местности показатели смертности выше, но происходит быстрое их снижение.

Смертность в трудоспособных возрастах в области к 1997 г. заметно уменьшилась, но оставалась выше, чем по РСФСР в 1989 г. В 1998 г. в рабочих возрастах умирает людей в области на 8,8 % больше, чем в 1980 г., на 14,8 % больше, чем в 1985 г., и на 29,2 % больше, чем в 1990 г. [16, с. 60]. Общее число умерших в рабочих возрастах в 1998 г. составило 27 % всех смертей в области (табл. 2) и по абсолютному показателю равно численности жителей пос. Красноозерское. Смертность в этих возрастах снижается быстрее, чем у всего населения. В 1996 г. доля умерших в трудоспособных возрастах составляла 30 % от всего числа умерших.

Таблица 2

**Смертность в трудоспособных возрастах**

Год	Абсолютные данные, чел			На 1000 жителей данного возраста		
	Всего	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин
1991	7692	6013	1679	4,8	7,4	2,2
1992	8679	7024	1655	5,5	8,6	2,1
1993	11996	9713	2283	7,6	11,9	3,0
1994	14189	11487	2702	9,1	14,2	3,6
1995	12066	9798	2268	7,7	12,1	3,0
1996	11404	9256	2148	7,2	11,3	2,8
1997	9854	7891	1963	6,2	9,6	2,6
1998	9384	7501	1883	5,8	9,1	2,4
1999	10108	7988	2120	6,2	9,6	2,6

Сост. по: [10, с. 40; 11, с. 29; 12, с. 36; 13, с. 33; 14, с. 32; 15, с. 33; 16, с. 33; 17, с. 33; 18, с. 33]. Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

В детских возрастах к концу 1990-х гг. ситуация сложилась лучше, чем в их начале. Показатели смертности детей до 1 года в 1998 г. опустились ниже уровня 1995 г. Это произошло, несмотря на ужесточение требований к признанию плода мертворожденным. Общее ухудшение здоровья матерей не могло не отразиться на числе умерших детей, младенческая смертность остается выше общероссийской. Повышенной остается смертность от отравлений и травм. В 1998 г. младенческая смертность достигла самого низкого уровня за всю историю области — 15,0 %.

Снижение смертности в 1995–1998 гг. было существенным и затронуло большинство возрастов. Повышенная смертность стариков и инвалидов практически себя исчерпала. Происшедший ранее «естественный отбор» несколько улучшил показатели смертности. Однако данная ситуация нестабильна, о чем свидетельствует тот факт, что в отдельных старших возрастных группах отмечено новое повышение смертности. Несмотря на то, что адаптация к трудным условиям жизни уже не вызывает сомнений и ранее накопившийся запас ослабленных здоровьем людей исчерпан, уровень смертности к концу 90-х гг. на четверть выше начала 1990-х гг. Постарением населения можно объяснить лишь 7–9 % прироста смертности.

О резком ухудшении показателей смертности можно судить по ее структуре по причинам. Возросла смертность от инфекционных заболеваний. Наиболее значителен рост числа умерших (почти в 3 раза) от туберкулеза. В некоторых районах по заболеваемости превышен эпидемический порог (свыше 103 больных на 10 000 жителей). Уровень смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы остается близким к 50% всех смертей. Реально колеблются лишь абсолютные числа умерших от этой причины. Удельный вес онкологических заболеваний, имевший тенденцию к падению, вновь стал возрастать. Тенденция роста объясняется тем, что число умерших от этой причины стабильно, тогда как от других причин уменьшается. Снижается число умерших от заболеваний органов дыхания и пищеварения. Доля их в общей смертности стабильна. Число и доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм к 1994 г. выросли на 50 %, после чего заметно сократились, но остаются выше, чем в 1991 и 1992 гг. В абсолютном исчислении таких смертей на одну треть больше, чем в начале 90-х гг. Абсолютное число умерших младенцев сократилось, понизилась материнская смертность. Доля умерших от прочих причин стабилизировалась на уровне 11–12 %.

Таблица 3

## Смертность населения по основным причинам смерти

Год	Всего умерших	В том числе от причин						
		Инфекционных и паразитарных заболеваний		Новообразований	Болезней системы кровообращения	Болезней органов дыхания	Болезней органов пищеварения	Внешних причин
		всего	Из них туберкулез					
Абсолютные данные, чел.								
1990	30558	420	297	5346	15197	1519	702	3509
1991	29880	424	327	5596	15118	1521	691	3760
1992	31872	472	354	5793	15755	1654	802	4309
1993	39371	636	516	5916	19825	2032	900	6212
1994	43210	741	612	5937	21932	2212	1043	6959
1995	38756	753	632	5733	19464	1979	1081	5641
1996	37833	897	814	5755	18852	1914	1019	5226
1997	36118	786	723	5838	18086	1684	900	4870
1998	35147	812	731	5839	17608	1409	900	4982
1999	37165	1057	962	5917	18993	1642	955	4951
В процентах ко всему числу умерших								
1990	100	1,4	1,0	17,5	49,7	5,0	2,3	11,5
1991	100	1,4	1,1	18,7	50,6	5,1	2,3	12,6
1992	100	1,5	1,1	18,2	49,4	5,2	2,5	13,5
1993	100	1,6	1,3	15,0	50,4	5,2	2,3	15,8
1994	100	1,7	1,4	13,7	50,8	5,1	2,4	16,1
1995	100	1,9	1,6	14,8	50,2	5,1	2,8	14,9
1996	100	2,4	2,2	15,2	49,8	5,1	2,7	13,8
1997	100	2,2	2,0	16,2	50,1	4,7	2,5	13,5
1998	100	2,3	2,1	16,6	50,1	4,0	2,6	14,2
1999	100	2,8	2,6	15,9	51,1	4,4	2,6	13,3

Сост. по: [2, с. 31; 10, с. 38; 11, с. 30; 12, с. 37; 13, с. 34; 14, с. 33; 15, с. 33; 16, с. 34; 17, с. 34; 18, с. 34.]

Средняя продолжительность жизни, достигнув минимума в 1994 г., стала заметно возрастать. В 1994 г. она составляла 63,2 года и была ниже средней по России на 1 год, в 1998 г. показатель в Новосибирской области составил 67,8 года, и превысил общероссийский на 0,8 года.

Максимальный прирост в области на 2,2 года пришелся на 1995 г. Значительно увеличивалась продолжительность жизни и в последующие годы — на 0,7–0,9 года ежегодно. Таким образом, снижение смертности после 1994 г. в Новосибирской области было более существенным, чем в России. С 1994 по 1998 г. в области она снизилась с 15,7 до 12,8 %, или на 18,5 %. Продолжительность жизни возросла на 4,6 года (табл. 4). В РФ снижение составило 12,5 %, а продолжительность жизни возросла на 2,8 года.

Таблица 4

**Ожидаемая средняя продолжительность жизни  
при рождении, лет**

Год	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.
1989–1990	69,3	63,9	74,3	69,6	64,2	74,4	68,5	62,8	74,1
1991	69,2	63,9	74,1	69,5	64,2	74,2	68,4	63,0	73,7
1992	68,4	62,7	74,0	68,7	63,2	73,8	67,7	61,6	74,2
1993	64,98	58,84	71,54	65,05	58,88	71,51	64,84	58,85	71,56
1994	63,17	56,92	70,15	63,19	56,81	70,17	63,10	57,22	70,09
1995	65,37	59,10	72,15	65,57	59,27	72,25	64,86	58,66	71,93
1996	66,04	60,02	72,42	66,33	60,25	72,65	65,26	59,48	71,82
1997	66,96	61,14	73,04	67,31	61,57	73,10	65,93	59,96	72,86
1998	67,77	62,08	73,54	68,04	62,33	73,66	67,03	61,49	73,14
1999	66,87	61,17	72,74	67,34	61,68	72,98	65,52	59,82	71,92

Сост. по: [2, с. 35; 3, с. 37; 6, с. 96–98; 7, с. 84–86; 8, с. 97; 1, с. 114].

Темпы снижения смертности в Западной Сибири оказались выше, чем по стране в целом. В 1997–1998 гг. средняя продолжительность жизни в Западной Сибири была выше, чем по России. В Новосибирской области средняя продолжительность жизни выше, чем по Российской Федерации и в большинстве регионов Западной Сибири. Как видно, продолжительность жизни в городах выше, чем в селах. Это характерно как для мужчин, так и для женщин. В последние 2–3 года XX века разрыв между регионами Западно-Сибирского экономического района уменьшается. Однако темпы прироста продолжительности жизни сокращаются. Рост показателя — процесс долгожданный, но оказался кратковременным. С 1994 г. в Новосибирской области увеличение составило 4,6 года, что составляет 66 % от величины сокращения продолжительности

жизни с 1987–1994 г., т. е. полной компенсации не наблюдается. Более значительное, чем в целом по России, снижение смертности в области отчасти связано с молодой возрастной структурой населения. Кроме того, действует целый ряд факторов — от климатических до качества питания. Подъем смертности в начале 1990-х гг. совпал с засильем в магазинах импортного продовольствия и алкоголя. Основными продуктами питания жителей области в настоящее время являются те, что выращены ими в личных подсобных хозяйствах и на садовых участках. При всей несбалансированности рациона, он, по-видимому, более прогрессивен, чем в регионах с большой долей импортного продовольствия (меньше нитратов, нитритов, химических добавок и т. д.).

В 1990-е годы климатические условия (более продолжительный, чем обычно, теплый период и относительно мягкие зимы) способствовали понижению смертности. Несколько уменьшилась в области смертность алкоголиков. Отсроченная в годы перестройки их гибель произошла в 1993–1995 г. Уровень смертности от алкоголизма у мужчин трудоспособных возрастов остается высоким. Адаптация к трудным условиям жизни привела к сокращению смертности от самоубийств. В 1994 г. в области покончили с собой 1 129 чел., в 1995 г. — 1 108, в 1996 г. — 1 047, в 1997 г. — 977, в 1998 г. — 859 чел. Количество убийств имело тенденцию к сокращению. В 1994 г. было убито 932 чел., в 1995 г. — 752, в 1996 г. — 655, в 1997 г. — 564, в 1998 г. — 542 чел. [13, с. 36; 15, с. 37; 17, с. 37.]. Только из-за снижения числа умерших от этих двух причин смертность уменьшилась на 670 чел., что обеспечило 12 % снижения общей смертности.

В 1998–1999 г. стала снижаться смертность от туберкулеза. Это стало возможным в связи с принятием срочных и энергичных мер со стороны всех общественных структур. В районах и городах были созданы специальные комиссии по борьбе с этим недугом. Снижение смертности от ишемической болезни сердца произошло за счет сокращения внезапных смертей алкоголиков, а также вследствие уменьшения потребления жиров и мясной пищи. Отмечается рост смертности от диабета, что свидетельствует об увеличении стрессовых ситуаций в обществе. Роста потребления сахаросодержащих продуктов не регистрируется.

В 1998 г. в январе-феврале число смертей в области уменьшилось по сравнению с аналогичным периодом 1997 г. на 14 % [16, с. 34]. Однако в связи с резким ухудшением экономической обстановки во второй половине года, общее снижение смертности в 1998 г. было незначительным — около 2 %. В 1999 г. число умерших возросло на 6 % (до 13,5 %).

Экологическая обстановка в области противоречива и контрастна. Специалистами она оценивается как относительно удовлетворительная. В области отмечены территории с высокими уровнями экологиче-

ского неблагоприятия. Мошковский район, где отмечаются наивысшие показатели смертности в области (они выше в 1,5–1,7 раза средне-областного показателя в течение полутора десятков лет). В Искитиме расположен цементный завод. Здесь отмечаются высокие показатели смертности от заболеваний органов дыхания, рака легкого, трахеи и бронхов.

Одним из основных факторов, влияющих на природную среду и население региона, стали последствия ядерных испытаний. На Новосибирскую область в основном повлияло выпадение радиоактивных осадков вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Кроме того, на территории области встретились три потока радиоактивных аэрозолей, распространившиеся после аварии на Чернобыльской АЭС. Под прямое воздействие испытаний ядерного оружия Новосибирская область попадала как минимум 23 раза, Новосибирск — 14 раз. На территории области имеются несколько ярко выраженных полос загрязнения стронцием-90 и цезием-137. Каждая из полос имеет ширину 150–200 км. Крупнейшие из них по линии Сузун — Новосибирск — Болотное и Здвинск — Убинское. На западе области находится еще одна зона загрязнения: Усть-Тарка — Венгерово. Максимальная степень загрязнения наблюдалась в сентябре 1996 г. Население не было предупреждено о последствиях ядерных взрывов.

Вследствие загрязнения окружающей среды резко увеличилось число онкологических заболеваний. Среди городов с высокой заболеваемостью и смертностью от онкологических причин выделяются Бердск, Искитим, Татарск и Куйбышев, а среди районов — Баганский, Северный, Сузунский, Татарский, Маслянинский, Мошковский, Кыштовский, Усть-Тарковский, Черепановский, Чистоозерный. За период с 1951 по 1984 г. число онкологических больных выросло в 16 раз. После 1984 г. оно продолжало увеличиваться, а смертность от онкологических причин превысила среднюю по стране на 31 %. По данным Минздрава, заболеваемость лейкемией, раком легкого, трахеи и бронхов, пищеварительной системы свидетельствуют о радиоактивном загрязнении территории [4, с. 96–99]. Снижение смертности блокируется высокими показателями числа умерших от рака легкого, трахеи и бронхов, пищеварительной системы. Кроме новообразований, рост смертности определяют сердечно-сосудистые болезни и внешние причины.

При наличии существенных отклонений от стандартов происходит структурный сдвиг по причинам смертности. Уменьшается доля умерших от экзогенных причин (связанных с воздействием на организм человека внешней среды) и повышается роль эндогенных причин, обусловленных особенностями самого человеческого организма (врожденные пороки развития, наследственность, старение и т. д.). Согласно принятой в де-

мографии классификации, развивающаяся структура смертности относится к прогрессивной, но доля умерших от внешних воздействий очень высока. В отдельные периоды она имела тенденцию к росту. Аналогичные тенденции развивались в целом по России. Особенностью было уменьшение доли умерших от онкологических заболеваний в структуре смертности. Это было связано с повышением темпов прироста числа умерших по другим причинам.

Решение накопившихся проблем может быть только комплексным. По мнению специалистов, требуется оздоровление среды обитания, от которой зависят многие параметры нашей жизни. Необходимо уделять больше внимания профилактике заболеваний, санитарному просвещению и пропаганде здорового образа жизни, оптимизировать витальное поведение россиян, отлаживать новую систему медицинской помощи населению.

### Список использованной литературы и источников

1. Демографический ежегодник России. 2001. — Москва : Госкомстат РФ, 2001. — 403 с.
2. Естественное движение населения Новосибирской области. — Новосибирск : Облстат, 1991. — 43 с.
3. Основные показатели экономического и социального развития городов и районов Новосибирской области за 1985–1990 гг. — Новосибирск : Облстат, 1991. — 80 с.
4. Савицкий И. М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е — первая половина 1990-х гг.) / И. М. Савицкий // Гуманитарные науки в Сибири. — 1999. — № 2. — С. 95–100.
5. Состав населения Новосибирской области по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). — Новосибирск : Облстат, 1990. — 133 с.
6. Численность и половозрастной состав населения городов и районов области. — Новосибирск : Облстат, декабрь 1995. — 86 с.
7. Численность и половозрастной состав населения городов и районов области. — Новосибирск : Облстат, ноябрь 1996. — 101 с.
8. Численность и половозрастной состав населения городов и районов области. — Новосибирск : Облстат, ноябрь 1998. — 103 с.
9. Численность и половозрастной состав населения городов и районов области. — Новосибирск : Облстат, сентябрь 1999. — 103 с.
10. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1991 году. — Новосибирск : Облстат, июнь 1992. — 50 с.
11. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1992 году. — Новосибирск : Облстат, май 1993. — 45 с.
12. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1993 году. — Новосибирск : Облстат, июнь 1994. — 57 с.
13. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1994 году. — Новосибирск : Облстат, май 1995. — 63 с.



14. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1995 году. — Новосибирск : Облстат, апрель 1996. — 73 с.

15. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1996 году. — Новосибирск : Облстат, апрель 1997. — 71 с.

16. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1997 году. — Новосибирск : Облстат, май 1998. — 71 с.

17. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1998 году. — Новосибирск : Облстат, май 1999. — 72 с.

18. Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1999 году. — Новосибирск : Облстат, 2000. — 67 с.

### Информация об авторе

*Бурматов Александр Анатольевич* — кандидат исторических наук, Куйбышевский филиал ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»; Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. E-mail: al-burmatov@yandex.ru.

### Author

*Alexander A. Burmatov* — Candidate of Historical Sciences, Kuibyshev Branch of the Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, 632387, Novosibirsk region, city of Kuibyshev, ul. Youth, 7. Institute of History SB RAS, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8. E-mail: al-burmatov@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.48

А.В. ЗАДОРИН

УДК 314.156

ББК 66.5

## КОНФЛИКТНЫЙ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ\*

В статье представлены результаты мониторинга этно-конфессиональной ситуации в Красноярском крае в ноябре-декабре 2019 г. Анализируется конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в регионе.

**Ключевые слова:** Красноярский край, мониторинг этно-конфессиональной ситуации, межэтнические отношения, миграционные отношения, Сибирский федеральный университет.

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России, реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

A. V. ZADORIN

## CONFLICTION AND INTEGRATION POTENTIAL OF INTERETHNIC AND MIGRATION RELATIONS IN KRASNOYARSK REGION TODAY

In this paper the results of monitoring of ethno-confessional situation in Krasnoyarsk region in November and December 2019 are showed. Confliction and integration potential of interethnic and migration relations is analyzed.

**Keywords:** Krasnoyarsk region, monitoring of ethno-confessional situation, interethnic relations, migration relations, Siberian Federal University.

Распад СССР, депопуляция и снижение трудовой мобильности россиян коренным образом изменили ситуацию в отечественной экономике. Постепенно для российского общества и рынка труда одним из основных стал «мигрантский фактор». Как отмечает новосибирская исследовательница Н.Н. Аблажей, «сегодня межгосударственная миграция влияет практически на все сферы жизни России и ее регионов. Уникальность нынешней миграционной ситуации для России состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов, но в их стремительной и устойчивой динамике» [1, с. 3]. В этой связи жизненно важным национальным интересом Российской Федерации признается использование миграционных процессов в интересах социально-экономического развития. От того, как будут решены проблемы миграции, во многом зависит траектория развития России.

В ноябре и декабре 2019 г. в Красноярском крае проводилось исследование общественного восприятия миграции и мигрантов. В ходе работы опрашивалось 200 студентов 18 лет и старше [4]. Ровно половину их составляли гуманитарии, другую половину — студенты инженерно-технических специальностей. Наименьший приоритет отдавался выпускным курсам. Маршруты (опросные участки) выбирались таким образом, чтобы в результате исследования получить адекватное представление об изучаемом явлении в условиях региона. Всего было выбрано 14 маршрутов.

Опрос проводился в Сибирском федеральном университете (СФУ), крупнейшем вузе восточной части России [5]. Студенты-гуманитарии опрашивались в Институте управления бизнес-процессами и экономики. Студенты инженерно-технических специальностей опрашивались в двух институтах СФУ: Институте горного дела, геологии и гео-технологий, в Институте цветных металлов и материаловедения.

В ходе исследования выяснилось, что во время переписи 2020 г. 51 % опрошенных будут отвечать письменно через Интернет, 27 % будут

отвечать по телефону. Меньшинство выбрало привычные, проверенные временем способы участия в переписи: 11 % респондентов будут отвечать переписчику у себя дома, 5 % посетят переписной участок у себя в районе. Показатель 5 %, в общем-то, соответствует действительности: на переписные участки является небольшое количество человек (знаю это как участник двух переписей). А вот 11 %, которые будут отвечать переписчику у себя дома, вызывают сомнение. Скорее всего, цифра будет гораздо больше (если не сказать, что таковых будет большинство).

Более половины студентов (61 %) считают, что при переписи у людей нужно спрашивать, какие языки они знают. 32 % считают, что спрашивать не нужно, остальные затруднились ответить. Для половины опрошенных понятие «родной язык» не носит политической окраски: 49 % респондентов указали, что родной язык — это язык детства, семьи, родственников. 32 % сказали, что это язык постоянного использования, 6 % — что это язык страны, региона, государственный язык. Только 4 % респондентов считают родным языком национальный (этнический) язык, столько же (4 %) написали: «это русский язык».

Подавляющее большинство студентов (79 %) отождествляет национальность с принадлежностью к народу, 19 % — с гражданством. В данном случае большинство склоняется к самому распространенному определению понятия «национальность» — это принадлежность к определенной исторической общности, биологическая наследственность. Но, с другой стороны, национальность предоставляет человеку государственную юрисдикцию и защиту со стороны государства; права и обязанности граждан варьируются от государства к государству, т.е. государственную составляющую большинство респондентов не берут во внимание.

Три четверти студентов (76 %) считают, что при переписи нужно спрашивать у людей, откуда они приехали, 20 % считают: не нужно. Таким образом, пятая часть студентов придерживается либеральных взглядов по вопросу миграции: вроде того, какая разница, откуда человек приехал? Конечно, можно иметь разные мнения (в современном российском обществе, как известно, политический и идеологический плюрализм), но такая позиция очень затрудняет изучение миграции.

Ежегодно в край приезжает более ста тысяч трудовых мигрантов [9, с. 2]. Так, например, в 2016 г. на учет было поставлено 180 тыс. иностранных граждан, 2/3 которых являлись выходцами из Средней Азии: из Таджикистана (29 %), Узбекистана (20 %) и Кыргызстана (14 %) [2, с. 411]. По всей видимости, большинство гастарбайтеров неплохо знает русский язык, хотя недопонимание случается. У 71 % опрошенных студентов не было проблем, если мигрант плохо знает русский язык, 22 % сказали, что проблемы были.

Проблема языкового барьера не стоит остро, но в последнее время в регион начали приезжать люди, родившиеся после распада СССР. Они хуже, чем предыдущее поколение, знают русский язык и культуру. Это делает их еще более «чужими» в глазах местного населения. Чтобы иностранца воспринимали россиянином, он должен, прежде всего, хорошо знать русский язык (52 % респондентов). 36 % считают, что «должен получить гражданство РФ» и столько же: «должен много лет прожить в России» (было возможно несколько ответов).

Как видим, знание русского языка первично. Хотя, с другой стороны, проживи иностранец много лет в России, можно и русский хорошо выучить. И все же для части респондентов иностранец никогда не станет россиянином. Комментарии такие: «не буду воспринимать его россиянином», «иностранцы не россияне», «Россия для русских» и т.п.

В то же время услугами трудовых мигрантов пользуется подавляющее большинство студентов (82 %). Преобладают услуги в общественных местах (71 % ответов) — это уборка и благоустройство территории, медицинские услуги, услуги в магазинах, на рынках, общественном транспорте, кафе, ресторанах, гостиницах. Далее идут услуги смешанного типа (23 % ответов): жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и пр., ремонт жилья/автомобиля, охрана жилья, парковок и пр. Персональными услугами трудовых мигрантов пользуется только 6 % респондентов — это работа на даче, приусадебном участке, работа по дому, уход за детьми, больными, престарелыми. Такие услуги стоят дороже всего, поэтому наименее востребованы. И, скорее всего, ими пользуются не сами студенты, а их родители: вряд ли у молодых людей есть собственная дача или дом.

Как можно видеть, красноярские студенты в принципе готовы допустить мигрантов в любую из сфер занятости, но более уместной считают работу на общественном транспорте (66 % опрошенных), в магазинах, на рынках (55 %). Значительное преобладание услуг в общественных местах объясняется рядом факторов. Сложно, например, не воспользоваться услугами мигрантов на транспорте, если они занимают много рабочих мест водителей и кондукторов. Кроме того, в сфере услуг часто не требуется профессионального образования, и необходимую квалификацию можно приобрести в процессе работы. Поэтому туда устремляется много гастарбайтеров.

Трудовую деятельность мигрантов большинство респондентов лично для себя оценивают нейтрально или неопределенно (в среднем 69 % ответов). Видимо, эта неопределенность связана с отсутствием достаточного жизненного опыта: большинство опрошенных студентов трудовую деятельность еще не начинало. Им сложно было сказать, как повлияла

работа, которую выполняют мигранты, на их трудоустройство, заработок, пенсию и иные выплаты, на здоровье, безопасность.

По телевизору, в Интернете, газетах циркулирует различная информация о мигрантах. По мнению половины респондентов (52 %), в СМИ больше информации о криминале, 20 % считают, что больше о культуре, 24 % затруднились ответить. 5 % респондентов дали другие ответы, суть которых можно свести к двум суждениям: не читаю новости, не смотрю телевизор либо информация о культуре и криминале представлена одинаково. Был и такой ответ: «больше информации о политике». На основании ответов можно говорить о некоторой однобокости в подаче информации о мигрантах. Журналистов больше интересуют преступления мигрантов, чем культура стран их происхождения. Кроме того, в криминальной хронике акцент нередко делается на национальности или гражданстве преступников (если они иностранцы). А когда сообщают о преступлениях местных жителей, их национальность и гражданство, как правило, не указывается (зачем? они «свои»).

Это чревато ростом ксенофобии — у местных жителей может сложиться впечатление, что из-за приезда мигрантов растут цены на продукты, растёт безработица, приезжие чаще совершают преступления, мало уважают местные традиции. Но, по мнению большинства респондентов (71 %), цены никак не связаны с мигрантами; они растут по другим причинам (один студент написал: из-за «зажравшихся политиканов»). 44 % респондентов считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места; по мнению 32 %, имеет место и то, и другое. Лишь 14 % считают, что приезжие отнимают работу у местных жителей. Большинство (62 %) респондентов не видят особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности, 22 % считают, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители, 15 % затруднились ответить.

Не является откровением, что большое количество мигрантов создаёт угрозу для этнокультурной безопасности принимающей территории. Этнические мигранты склонны к созданию объединений, диаспор, и, таким образом, несмотря на нахождение на иной территории, они не включены в культуру этой территории и действуют в рамках закрытого национального сообщества. Как хорошо приезжие уважают местные традиции? Половина респондентов (48 %) считают, что мало уважают, 28 % придерживаются противоположного мнения, 20 % затруднились ответить. 6 % респондентов дали свои ответы вроде «это зависит от человека», «есть, кто уважает, а есть, кто нет».

В целом можно сказать, что молодежь настроена на сотрудничество с мигрантами. 62 % опрошенных нейтрально относятся к совместному

обучению своих детей и внуков с мигрантами, положительно — 25 %, и только 8 % — отрицательно. Лишь 7 % респондентов заявило о готовности поддержать антимигрантские митинги, хотя почти четверть (22 %) затруднились с ответом. Скорее всего, данная группа, в случае возникновения реального повода к протесту по миграционной тематике, может легко присоединиться к числу респондентов, уже готовых реализовать свои антимигрантские настроения. Иначе говоря, в данном случае, каждый пятый житель региона, затруднившийся с ответом, — это переходная, колеблющаяся группа, чье мнение в отношении приезжих может относительно легко склониться как в положительную, так и отрицательную сторону, в зависимости от развития событий и конкретных обстоятельств. Среди колеблющихся есть, конечно, равнодушные (комментарии «мне будет все равно», «проигнорирую», «нейтрально»), но часть из них наверняка примкнет демонстрантам и погромщикам. Как показывает практика, «в случае вероятного межнационального конфликта наиболее угрожающим с точки зрения общественной безопасности являются не локальные националистические акты, предпринимаемые немногочисленными фанатично настроенными людьми, но отношение неопределенной части населения к данному рода действиям» [7, с. 86].

Красноярцы уважают местные традиции и ожидают того же от приезжих, даже если это соотечественники из других регионов РФ (71 % респондентов). И вместе с тем из края больше уезжают, чем приезжают. Так, за период 2003–2015 гг. в результате миграционного обмена с другими регионами РФ Красноярский край потерял 48 606 человек [3, с. 323]. Уезжали в основном русские в европейскую часть страны. В дальнейшем эти тенденции сохранились. В январе–сентябре 2019 г. из других субъектов РФ в край прибыло 25 103 человек, выбыло 30 107. Таким образом, в результате межрегиональной миграции край потерял 5 004 человек [6].

Как правило, из других российских регионов в Красноярский край приезжают не на заработки, а на постоянное место жительства. Поэтому будет правильнее сказать: *переезжают*, а не приезжают. Существует внутрикраевая трудовая миграция, когда рабочие уезжают на несколько дней/недель/месяцев на вахту либо трудящиеся работают в краевом центре, а живут в пригороде (маятниковая миграция).

В вопросе о способах информирования мигрантов о местных традициях и культуре, подавляющее большинство опрошенных студентов, высказывается в поддержку такого информирования. Только 7 % от опрошенных считают, что в сфере информирования мигрантов «ничего не нужно делать». Среди тех, кто дал другой ответ (12 %), преобладает установка на самостоятельное изучение («они сами должны об этом читать», «должны сами узнавать», «должны искать информацию сами»

и т.п.) Высказывалось и такое мнение: изучать традиции и культуру нашей страны мигрантам должны помогать их коллеги или работодатели («люди, с которыми они работают»).

Большинство респондентов сошлось во мнении, что информировать мигрантов должны, прежде всего, общественные организации (69 % опрошенных) и власти (32 %). Также, по мнению, студентов этим должны заниматься СМИ, в т.ч. электронные (через Интернет и социальные сети). Преобладает представление о необходимости привлекать мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях (67 % студентов). Только за информирование приезжих посредством раздачи информационных листовок, высказываются 12 % студентов. Почти столько же (11 %) считают, что ничего не нужно делать. Среди прочих ответов (2 %) можно выделить две точки зрения: мигранты должны приезжать, уже имея представления о местной культуре, традициях и зная русский язык, либо учить язык здесь.

подавляющая часть респондентов (77 %) считает, что миграционные центры должны информировать иностранных мигрантов о российской культуре, 14 % опрошенных ответили отрицательно, 7 % затруднились ответить, 3 % дали другой ответ («не должны, но было бы очень полезно», «не обязательно», «скорее да, чем нет»).

Впрочем, многие местные студенты и сами желают что-то знать о традициях и культуре мигрантов. Таковых оказалось 46 %. Однако много респондентов (30 %) считают, что местные жители не должны знать о традициях и культуре мигрантов. 19 % опрошенных затруднились ответить, 7 % дали другой ответ. В комментариях этих 7 % содержится много здравого смысла. Так, одна студентка написала: «было бы неплохо, но не обязательно, так как мигрантов много и все запомнить будет трудно». В другом комментарии говорилось, что местные жители должны знать о традициях и культуре мигрантов, «если лично общаются с ними». И действительно, реально ли местным жителям запомнить все традиции, если на территории края проживают представители 159 национальностей? И есть ли в этом необходимость, если вы лично не общаетесь с мигрантами?

За последние несколько лет 41 % респондентов стали больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов. Неплохой результат, но еще больше не пополнило багаж таких знаний (45 %). Пополнять, однако, придется, ибо в Красноярске уже сформировалось мульти-культурное общество. На улице, в общественных пространствах помимо доминирующего русского нередко можно услышать разговор на азербайджанском, киргизском и других языках. Здесь часто бывают туристы и деловые люди из-за рубежа, поэтому английская, китайская и другая речь тоже звучит в публичных местах города.



Около трети студентов (31 %) при общении используют другой язык, кроме русского (чаще всего английский). Родной язык указали все респонденты, при этом 6 % сказали, что у них два родных языка. 95 % назвали родным русский язык. Были также названы киргизский язык, хакасский, татарский и др.

Судя по ответам, в крае сложился благоприятный климат межэтнических отношений. Большинство опрошенных (76 %) не испытывают проблем в общении на родном языке и лишь 1 % испытывают. 91 % респондентов не приходилось испытывать за последний год негативное к себе отношение из-за родного языка, национальности, религии.

Одним из главных направлений профилактики этнического экстремизма в крае стало создание развернутой сети переговорных площадок, как то: Дом дружбы народов Красноярского края, Красноярский межнациональный культурный центр при Дворце Труда и Согласия и другие. Но за «дружбу народов» приходится платить, и платить немало. Так, например, расходы из краевого бюджета на государственную программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» в 2015–2017 гг. составили 240 млн. руб. Плюс 39 млн руб. федеральных субсидий за 2016–2017 гг. [2, с. 412]. А поскольку ресурсы ограничены, средства на поддержание «благоприятного климата» отрываются от других социальных программ.

Помимо культурно-языкового позиционирования, большое значение имеет гражданская идентичность, а также способность воспринимать своих соседей других национальностей как равноправных сограждан. По поводу идентичности мнения респондентов распределились следующим образом: большая часть респондентов считает, что их в повседневной жизни нужно воспринимать как граждан страны — 73 %. На втором месте вариант «как жителя определенного региона» — 17 % респондентов. На третьем месте мнение о том, что воспринимать их окружающие должны как представителей отдельной национальности — 10 % респондентов. 7 % затруднились ответить и столько же дали другой ответ: «как человека», «как отдельную личность», «как человека мира».

Только 17 % опрошенных студентов оценили свое материальное положение за последний год как хорошее, еще 50 % выбрали вариант ответа «в целом нормальное». Но 20 % определили свое материальное положение как «затруднительное», а еще 9 % как «тяжелое». Респондентов, которые выбрали определители «затруднительное» и «тяжелое» следует отнести к той группе, которую статистики определяют как «долю людей с доходами ниже прожиточного минимума». Согласно данным официальной статистики, таких людей в крае в 2018 г. было 491,9 тыс. человек, или 17,1 % от общей численности населения [8]. Среди опро-



шенных студентов «бедных» и «нищих» оказалось 29 %, что в 1,7 раз выше краевого показателя.

Немного о происхождении респондентов и их планах. Большинство из них проживает в регионе свыше десяти лет — 67 %. 65 % — проживают с рождения. 33 % — приезжие из других регионов, 3 % — приезжие из других государств. 19 % планируют уехать в другой регион России, 21 % — в другую страну, 28 % сомневаются, и только 32 % хотят остаться. Для краевого центра, где концентрируется львиная доля финансовых ресурсов региона, реализуется много инвестиционных проектов, это низкий показатель.

Большинство респондентов (83 %) дали ответ о своей этнической принадлежности, хотя были предупреждены, что могут отвечать по желанию. По своей самоидентификации к русским отнесли себя 84 % респондентов, татарам — 4 %, хакасам — 4 %, украинцам — 3 %, немцам — 2 %, киргизам — 2 %, тувинцам — 2 %, армянам — 1 %. 3 % опрошенных отнесли себя к славянам. Две национальности или более указали 19 % респондентов.

Аттестат общеобразовательной школы имеют 97 % опрошенных студентов, диплом училища или техникума — 3 %. 90 % опрошенных в настоящее время учатся, 9 % учатся и работают.

Таким образом, можно констатировать в общем благоприятную обстановку в Красноярском крае для проживания и работы мигрантов, как из других регионов РФ, так и ближнего и дальнего зарубежья. В большей или меньшей степени красноярские студенты готовы допускать гастарбайтеров в любую из сфер занятости, но более приемлемыми вариантами считают работу на общественном транспорте, в магазинах и на рынках. Большинство студентов не считают, что рост цен на продукты связан с мигрантами, что приезжие отнимают работу у местных жителей, чаще совершают преступления. В то же время почти половина респондентов отмечает, что приезжие мало уважают местные традиции.

В принципе молодежь настроена на сотрудничество с мигрантами. Только 8 % против совместного обучения своих детей и внуков с мигрантами. Лишь 7 % респондентов готовы поддержать антимигрантские митинги (хотя 22 % затруднились с ответом). Подавляющее большинство студентов за информирование мигрантов о местных традициях и культуре, и этим должны заниматься не только общественные организации и власти, но и миграционные центры. Положительным фактом является также ориентация респондентов на привлечение приезжих к местной общественной жизни (т.е. взаимодействию, общению с ними), а не просто информирование о культуре нашей страны. Это является важнейшей предпосылкой бесконфликтной интеграции мигрантов.

### Список использованной литературы и источников

1. Аблажей Н. Н. Миграционная безопасность восточных регионов России / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск : НГУ, 2011. — 124 с.
2. Задорин А. В. Адаптация мигрантов как фактор развития экономики Красноярского края / А. В. Задорин // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — С. 410–415.
3. Задорин А. В. Влияние внешней миграции на экономическую ситуацию в Красноярском крае в 1992–2017 гг.: некоторые аспекты / А. В. Задорин // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века : сб. ст. по материалам V Всеросс. науч. конф. (с междунар. участием). — Барнаул : Пять Плюс, 2018. — С. 321–327.
4. Личный архив автора. Комплект заполненных анкет и учетных листов опроса студентов.
5. Онлайн-буклет про СФУ. — URL: <http://sfu-kras.ru/landings/sibfu2019/>
6. Социально-экономическое положение Красноярского края в январе–октябре 2019 года: доклад, № 1.37.2. — Красноярск : Красноярскстат, 2019. — URL: <https://krasstat.ru/doklad/12/dok.htm#02-1>.
7. Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / К. С. Григорьева, Ю. Б. Епихина, И. М. Кузнецов [и др.]; отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2017. — 336 с.
8. Численность населения Красноярского края с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. — URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/329179>.
9. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта. — Красноярск, 2019. — 31 с.

### Информация об авторе

*Задорин Артём Викторович* — старший преподаватель, кафедра истории России, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, e-mail: [artemzadorin@rambler.ru](mailto:artemzadorin@rambler.ru).

### Author

*Artem V. Zadorin* — master student, Chair of Global History, Senior Lecturer, Chair of History of Russia, Siberian Federal University, 82, Svobodnyi avenue, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: [artemzadorin@rambler.ru](mailto:artemzadorin@rambler.ru).

---

## ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.49

*В.А. ПАРХОМОВ*

УДК 947

ББК 633 (2)

### СУДЬБА ЛЮДЕЙ И МАШИН

Предпринята попытка связать с одним источником судьбу человека, рожденного на прииске Крутой и погибшего в фашистском плену и историю машины, существование которой закончилось на прииске, созданной на Николаевском железодельательном заводе, директором строительства которого был Иван Антонович Бароцци де Эльс.

**Ключевые слова:** Прииск Крутой, останки локомотива, семья потомков генерал-майора Бароцци де Эльс, трагедия семьи Кушковых, лагерь военнопленных Шталаг I A Штаблак.

*V.A. PARKHOMOV*

### THE FATE OF PEOPLE AND MACHINES

An attempt was made to relate to one source the fate of a man born at the Krutoy mine and who died in fascist captivity and the history of a machine whose existence ended at the mine created at the Nikolaev Ironworks, the construction director of which was Ivan Antonovich Barozzi de Els.

**Keywords:** The Krutoy mine, the remains of a locomobile, the family of the descendants of Major General Barozzi de Els, the tragedy of the Kushkov family, the prisoner of war camp Stalag I A Stack.

Странно сводить воедино рассуждения о судьбе людей и машин. Вряд ли можно отнести к машине одно из словарных понятий судьбы: фортуна, фатум, рок, предопределение, перст божий или колесо фортуны. По толкованию Ожегова: «Судьба человека — это стечение обстоятельств, не зависящих от его воли» [7]. А вот понятие судьбы как истории существования чего-либо можно применить и к машинам. Попытаемся исследовать неожиданные исторические факты в жизни людей и истории машины, и найти общий источник в их судьбах.

Тема нашего повествования возникла случайно после получения письма одним из авторов от энтузиаста-краеведа Александра Мурзакова из Братска, который заинтересовался историей Николаевского железодельательного завода, сыгравшего большую роль в освоении Сибири и

ее промышленном развитии в середине XIX — начале XX в. Он решил собрать все возможные материалы, отражающие создание, реконструкцию и деятельность завода и, разместив их на своей странице в фейсбуке, обеспечить доступ к ним всем желающим [6]. В своем письме Александр сообщил, что прочел статьи, посвященные истории и начальнику строительства завода, а затем управляющему генерал-майору корпуса горных инженеров Ивану Антоновичу Бароцци де Эльс, и просит разрешения на размещение статей и материалов на своей странице. На Интернет-странице представлены, кроме статей разных авторов, интересные фотографии. Особое внимание привлекает снимок останков парового котла (основной части локомотива) на прииске Крутой. Над топчанной дверцей котла на шильдике хорошо читается отлитая, но слегка поврежденная надпись: «Николаевский завод братьев Бутиных».

Свидетельством, подтверждающим нахождение останков машины на прииске, может служить и топографический план, находящийся на той же странице в фейсбуке. На плане обозначено точное место нахождения котла. Автором фотографии плана является другой энтузиаст-краевед, горный инженер Сергей Иванов [4]. Далее попытаемся описать историю — судьбу локомотива — время создания, возможный способ доставки, использование на промывке золота и списание в связи с появлением на прииске новой техники.

Фотография останков паровой машины на прииске Крутом, созданной на Николаевском заводе, напомнили нам о том, что на этом же прииске жила семья внучки начальника строительства и первого управляющего Николаевским заводом Ивана Антоновича Бароцци де Эльс Марии Николаевны. Ее муж Кушков Михаил Тимофеевич работал в управлении прииска бухгалтером. В семье было 5 детей. Последним на прииске в 1909 г. родился сын Николай. Об этом сохранилась запись в паспортной книжке Марии Николаевны.

Совпадение названий мест жизни и работы Кушковых, рождения Николая и последнего пристанища машины, вызвало мысль рассмотреть общность и странность судеб людей и машины. На наш взгляд, странность совпадения можно объяснить общим историческим источником. Таким источником можно считать Ивана Антоновича Бароцци де Эльс. Прежде всего, он дед Марии Николаевны и прадед ее сына Николая. Он же основатель завода, где была сделана машина, генерал-майор корпуса горных инженеров России. После 13 лет службы управляющим одним из главных оборонных предприятий Российской империи — Каменск-Уральским металлургическим заводом, он в 1846 г. был назначен Министерством финансов директором строительства Николаевского чугунолитейного и железоделательного завода в Иркутской губернии, а после пуска завода стал его управляющим. В первые годы завод выплавлял

чугун, выпускал полосовое железо, сельскохозяйственные орудия и металлическую посуду [9].

После коренной реконструкции завода в 1874 г. новыми хозяевами братьями Бутиными, на заводе стали производить сложные промышленные устройства. Завод стал выпускать паровые котлы и паровые машины-локомобили. Паровые котлы устанавливались на пароходы. Было построено 11 пароходов, которые доставляли товары по Байкалу, сибирским рекам и Амуру [8].

Локомобили отправлялись на прииски, где они выполняли разные функции. Локомобиль — это единый агрегат, состоящий из парового котла и поршневой части, приводящей в движение маховик — большое колесо. Локомобили давали тепло, механическую и электрическую энергию. Такие машины были нужны на приисках для привода насосов на промывочных машинах, буровых станков, пилорам и создания первых электростанций. Локомобили применяли и при добыче рудного золота из шахт, где без механизации никак не обойтись. Один из первых локомобилей был выпущен на Николаевском заводе в 1874 г., но трудно утверждать, что на прииске Крутом найдены останки именно этой машины.

Нельзя не сказать о проблеме доставки локомобиля — многотонной машины по бездорожью в Бодайбо, а затем к месту назначения на прииск Крутой. Расстояние от завода до прииска 1400 км и о дорогах тех лет говорить, даже сейчас, нет особого смысла. Их просто не существовало. Летом тяжелую технику можно было доставлять пароходами, построенными на заводе, а зимой по замерзшим руслам рек и зимникам. Один из возможных самоходных способов был заложен в конструкции машины. Локомобиль был установлен на колесное шасси и для передвижения многотонной машины необходимы были хорошие дороги. Но дорог, кроме грунтовых в Сибири не было и в помине, поэтому огромную машину транспортировали зимой специальной командой. Можно предполагать, что локомобиль на прииске Крутом использовался достаточно интенсивно, выработал свой ресурс и был отправлен на свалку после прибытия новой техники для горных работ.

Теперь перейдем к описанию трагической судьбы семьи Кушковых отца, матери и сына.

Михаил Тимофеевич выходец из крестьян Вятской губернии. Ему удалось окончить церковно-приходскую школу, коммерческое училище и получить специальность бухгалтера. В этой должности он и работал на Ленских приисках. Отец Марии служил на Тихоно-Задонском прииске горным исправником. Пребывание Марии на прииске подтверждается документом. Это запись в книге римско-католической церкви г. Иркутска о крещении: «1900 года 20 дня июля месяца на Тихоно-Задонском прииске Ленского Золотопромышленного Товарищества крещен младенец по имени

Бернард Мирослав Викарием Ирк-ой Р.-К. церкви Кс. М. Венцлав во время разъезда его по приходу со всеми обрядами Таинства. Восприемниками были: Станислав и Леокадия. Герман, присутствовали Адам Александр Левандовский и Мария Николаевна Бароцци де Эльс» [3].

Вероятно, здесь и познакомились Михаил и Мария. После годового знакомства Михаил сделал Марии предложение. Однако семья была недовольна браком Марии, считая его мезальянсом, поскольку Мария была наследственная дворянка, а Михаил выходцем из крестьянской семьи. Но Марию поддержала, вероятно, только горячо любимая сестра Александра. Родители вынужденно согласились на брак дочери, и они поженились в 1896 году. Согласно Устава о паспортах Российской империи [10] социальное положение жены определялось по социальному происхождению мужа, поэтому в паспорте Марии Николаевны записано «Крестьянка, Вятской губернии, Яринского уезда, Ильинской волости». Но это был брак по любви. Михаил сменил место работы на Тихоно-Задонском прииске и стал работать бухгалтером на прииске Крутой. К этому времени в семье было четверо детей — два мальчика и две девочки. Сохранился паспорт Марии Николаевны с записью всех ее детей: Зоя (16.03.1902), Нина (19.09.1905), Иннокентий (02.10.1903), Георгий (26.11.1907). Здесь 25 мая 1909 года родился и последний ребенок в семье — сын Николай.

В 1910 г. семья обосновалась в Иркутске, но Михаил Тимофеевич продолжал работать на приисках. Мария Николаевна навещала мужа на прииске. И один из этих визитов закончился трагически. Мария возвращалась домой и ямщик, предположив, что с прииска она везет золото (которого не было и в помине) ее убил. Это было зимой. Весной на обочине дороги нашли труп женщины, подходящей по возрасту, но на опознание никто не выезжал. По воспоминаниям потомков, предположительно это произошло в период между 1924–1926 гг. Эта трагедия заставила Михаила оставить работу на приисках и вернуться к детям. Он нашел работу на Алтае, и семья переехала в г. Рубцовск.

А в 1931 г. настали черные времена для главы семьи. По ложному доносу М.Т. Кушков был арестован и отбывал срок в лагерях на Алтае. Приводим фрагмент из книги памяти Алтайского края.

«Кушков Михаил Тимофеевич: 1871 года рождения.

Место рождения: Вятская губ.; русский; бухгалтер;

место проживания: г. Рубцовск.

Арест: 11.01.1931

Осужд. 19.02.1931 особая тройка при ПП ОГПУ по Запсибкраю. Обв. по ст. 58-10

Приговор: к 5 годам высылки» [8].

Михаил Тимофеевич реабилитирован прокуратурой Алтайского края 18 октября 1989 г. Ему удалось выжить, и он вернулся к родным после

смерти Сталина. Вот превратности судьбы! Он, несмотря на то, что был арестован и приговорен, отбыл заключение и ссылку, выжил, вернулся домой, а жена и сын погибли. Умер Михаил Тимофеевич в 1956 г. в Новосибирске.

Теперь о судьбе Николая. Дата его рождения приведена в паспортной книжке матери. А вот место рождения указано в анкете, заполненной в немецком концлагере. Дадим перевод анкеты.

«Анкета № 813, Oflag 57. Кушков Николай. Дата рождения 20.04.2009 (*ошибка в месяце рождения*). Место рождения — Прииск Крутой. Имя отца — Михаил. Девичья фамилия матери — Бароцци. Гражданство — СССР. Звание — техник-интендант 2 ранга. Место службы — 465 полевой госпиталь, хозяйственник. Место пленения Вскоды. Дата — 18.10.1941» [11].

Более детальная информация содержится на сайте электронной книги памяти Калининградской области [1], где приведен список захороненных и фотографии интернационального кладбища узников лагеря военнопленных Шталаг 1А Штаблак.

«Кушков Николай Михайлович. Начальник обозно-вещевого снабжения СибВО. Место рождения прииск Крутой. Попал в плен 18.10.1941. Место пленения село Вскоды, Смоленская область. Согласно анкете, на момент пленения служил в 465-м полевом госпитале. Умер в лазарете Штаблак лагеря для военнопленных Шталаг 1А. «Первичное захоронение (место выбытия): Клайн Дексен, кладбище лагеря военнопленных Шталаг I А Штаблак. Захоронен (**не увековечен**): Интернациональное кладбище узников лагеря военнопленных Шталаг 1А Штаблак, Багратионовский городской округ, п. Нагорное, в 1,5 км юго-западнее поселка» [2].

По имеющимся сведениям, память защитника Отечества не увековечена.

Вот на этой грустной ноте мы заканчиваем описание трагических судеб семьи потомков человека, руководившего созданием завода, на котором была создана машина. Машина закончила свой путь на прииске, где жила семья и родился будущий воин. Волею судьбы Николаю выпала длинная дорога от прииска в Сибири до Пруссии, где закончился его короткий жизненный путь.

**Эпилог. Вместо официального увековечивания письмо двоюродной племянницы от 09.05.2019 г.**

«Прошла вчера первый раз с бессмертным полком, с портретом двоюродного деда, Кушкова Николая Михайловича. Какое море народу — кажется половина Новосибирска принимает участие!!! Добирались в метро в полдесятого, за полтора часа до начала шествия, а как будто в час пик. Все с портретами. Очень много молодежи. Как хорошо, что мы не забываем своей истории и своих героев! Марина».

### Список использованной литературы и источников

1. Военнопленные // Центр документации. ДРЕЗДЕН. — URL: <https://ru.stsg.de/cms/node/11118?page=2504&suchwort=%D0%9A> (дата обращения 10.06.2019).
2. Вторая мировая война. База данных воинов, захороненных и увековеченных на территории Калининградской области // Электронная книга памяти Калининградской области. — URL: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=148420> (дата обращения 15.12.2019).
3. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 297 (Иркутский римско-католический костел). — Оп. 4. — Д. 1. — Л. 4 (Запись № 71 от 20.07.1900 г.).
4. Иванов С.А. Личная страница в одноклассниках. — URL: <https://ok.ru/profile/312414611447> (дата обращения 15.12.2019)
5. Книга памяти Алтайского края // Жертвы политического террора в СССР. — URL: [https://ru.openlist.wiki/\\_\(1871\)](https://ru.openlist.wiki/_(1871)) Дата обращения 15.06.2019
6. Мурзаков А. И. Николаевский железодобывающий завод. Личная страница / А. И. Мурзаков // Старый Братск. — URL: [https://www.facebook.com/pg/ckaski.starogo.ostroga/photos/?tab=album&album\\_id=83873435309](https://www.facebook.com/pg/ckaski.starogo.ostroga/photos/?tab=album&album_id=83873435309) (дата обращения 12.12.2019)
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : «АЗЪ» Ltd., 1992. — 955 с.
8. Пархомов В. А. Иван Антонович Бароцци де Эльс — геолог, металлург, берг-инспектор / В. А. Пархомов // Известия Лаборатории древних технологий. — 2016. — № 2 (19). — С. 62–74.
9. Пархомов В. А. О становлении черной металлургии в Иркутской губернии и ее основателе И.А. Бароцци де Эльс / В. А. Пархомов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2011. — С. 75–81.
10. Устав о паспортах (Свод Законов, т. XIV): по офиц. изд. 1903 г., с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приведением доп. узаконений и правил / сост. Д.М. Гольденов. — Санкт-Петербург : Издание Юридического Книжного Магазина И. П. Анисимова, 1905 (Типография Н. Н. Клобукова). — 203 с. — URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&to=open&catid=79&id=1875> (дата обращения 15.11.2019)
11. Центральный архив Министерства обороны : офиц. сайт. — URL: [https://archive.mil.ru/archival\\_service/central/contacts.htm](https://archive.mil.ru/archival_service/central/contacts.htm) (дата обращения 10.05.2019).

### Информация об авторе

*Пархомов Владимир Александрович* — доктор физико-математических наук, профессор, кафедра математики и информатики Байкальского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: [pekines\\_41@mail.ru](mailto:pekines_41@mail.ru).

### Author

*Vladimir A. Parkhomov* — PhD mathematics and physics, professor, Irkutsk, e-mail: [pekines\\_41@mail.ru](mailto:pekines_41@mail.ru).



DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.50  
УДК 352.075.1(571.53)(092)  
ББК Х620.612.292.0(2Р-4Ир)

*С.А. ШАЛАМОВА*

**ВКЛАД РУДАКОВА АЛЕКСАНДРА  
ВАСИЛЬЕВИЧА (1905–1969)  
В БЛАГОУСТРОЙСТВО Г. ИРКУТСКА**

В статье анализируются материалы из личного фонда А.В. Рудакова (1905–1969 гг.) — председателя Иркутского городского Совета депутатов трудящихся, отложившихся в Государственном архиве Иркутской области. Автор рассматривает основные этапы биографии и жизнедеятельности А.В. Рудакова, характеризует его вклад в развитие городского строительства и благоустройства г. Иркутска в 30–50-е гг. XX века.

**Ключевые слова:** А.В. Рудаков, председатель, Иркутский городской Совет депутатов трудящихся, благоустройство, народное хозяйство, личный фонд.

*S.A. SHALAMOVA*

**DEPOSIT OF ALEXANDER VASILIEVICH  
RUDAKOV (1905–1969)  
IN THE IMPROVEMENT OF IRKUTSK**

The article analyzes the materials from the personal fund of A.V. Rudakova (1905–1969) — Chairman of the Irkutsk City Council of Workers' Deputies, deposited in the State Archives of the Irkutsk Region. The author considers the main stages of the biography and life of A.V. Rudakova, characterizes his contribution to the development of urban construction and improvement of the city of Irkutsk in the 30s–50s. XX century.

**Keywords:** A.V. Rudakov, chairman, Irkutsk City Council of Workers' Deputies, beautification, national economy, personal fund.

12 декабря 2019 г. исполнилось 50 лет со дня смерти известного Иркутского политического и общественного деятеля, хозяйственника и руководителя, почетного гражданина г. Иркутска — Рудакова Александра Васильевича, председателя Иркутского городского Совета депутатов трудящихся, который внес немалый вклад в благоустройство и хозяйственное развитие города в 1930–1950-е гг.

В Государственном архиве Иркутской области, в личном фонде Рудакова А.В. на хранении имеются документальные материалы, позволяющие охарактеризовать его жизнедеятельность на разных этапах советской истории, а также истории города Иркутска. Все это позволяет

по-новому взглянуть на события тех лет, а также роль Рудакова А.В. в развитии городской инфраструктуры в сложный период предвоенного, военного и послевоенного времени советского государства.

Впервые материалы из личного архива Рудакова А.В. поступили в ГАИО в начале 80-х гг. XX века и были подвергнуты экспертизе и научно-технической обработке. Документы личного происхождения Александра Васильевича, отложившиеся в ГАИО немногочисленны, но разнообразны по своему составу и содержанию. Личный фонд А.В. Рудакова насчитывает 2 единицы хранения за 1924–1967 гг. и содержит 24 фотодокумента за 1917–1963 гг. Основу биографических материалов Рудакова А.В. составили: автобиографии, характеристики, удостоверения, наградные и служебные документы за 1924–1967 гг., а также вырезки из газет и журналов советского периода: «Восточно-Сибирской правды», «Ударной вахты» и др. за 1947–1951 гг., а также фотодокументы.

В данной публикации внимание автора будет акцентировано на характеристике и анализе отдельных материалов из личного фонда А.В. Рудакова для оценки его роли в развитии городского хозяйства в советский период. Немаловажная информация о его руководящей и хозяйственной деятельности содержится в автобиографии автора, как в рукописи, так и в машинописных ее вариантах. Следует отметить основные вехи его биографии.

Рудаков А.В. родился 15 апреля 1905 года на прииске Гадаликан Бодайбинского района Иркутской области в семье служащего десятника горных работ, мать являлась домохозяйкой. Вся трудовая деятельность его отца была связана с прииском «Лензолото». До 1922 г. Александр Васильевич жил с родителями. С 1922 года, по словам автора, начал самостоятельную взрослую жизнь, учился в вечерней школе г. Черемхово, которую окончил в 1926 г. и одновременно работал кононом на одной из шахт Черембасса.

В Черемхово он вступает в ряды Ленинского комсомола, активно участвует в жизни комсомольских организаций города. В 1926 г. по командировке Президиума Черемховского Окружкома Союза горнорабочих и Губпрофсовета был командирован в Иркутский Экономический Институт. В 1930 г. окончил факультет промышленности и труда Иркутского Экономического Института с присвоением специальности инженера-экономиста [1, л. 1].

По окончании института с декабря 1930 г. находился на руководящей работе, работал заведующим отделом экономики труда и технического нормирования в Усольском солеваренном тресте. С декабря 1931 г. по октябрь 1936 г. был ответственным секретарем, а затем председателем Краевого межсекционного бюро инженеров и техников в г. Иркутске.

В период с октября 1936 г. по август 1937 г. работал в областном Совете профсоюзов в должности ответственного секретаря, затем по январь 1940 г. — заведующим отделом легкой промышленности Иркутского облисполкома. С января 1940 г. по октябрь 1942 г. был заместителем председателя исполкома Иркутского городского Совета депутатов трудящихся, а с октября 1942 г. по январь 1951 г. — председателем исполкома Иркутского городского Совета депутатов трудящихся [1, л. 1 об.].

Рудаков А.В. избирался депутатом Иркутского горсовета, депутатом областного Совета депутатов трудящихся, членом бюро Иркутского горкома и членом Иркутского обкома партии. В 1947 г. был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. В январе 1951 г. на первой сессии областного Совета депутатов трудящихся 3-го созыва он был утвержден заместителем председателя областного Совета, в должности которого работал по апрель 1961 г. Был освобожден от должности в связи с уходом на пенсию. Рудаков А.В. являлся «Почетным гражданином города Иркутска», имел награды: орден «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль «За освоение целинной земли». Умер Александр Васильевич 12 декабря 1969 г.

Для современного поколения иркутян и исследователей важно знать и помнить, что благодаря инициативе Рудакова А.В. Иркутск получил водопровод, появились трамвайные линии, велось активное строительство в городе, улучшалось его благоустройство. В годы ВОВ при его участии была учреждена стипендия Горно для членов семей, чьи отцы погибли на фронте, было улучшено обслуживание семей военнослужащих, организовано трудоустройство демобилизованных бойцов и офицеров из РККА, развернута работа по обеспечению города топливом. При нем впервые в Иркутске зародилась инициатива создания депутатской комнаты при Советах [1, л. 113].

Работая в должности председателя городского Совета с 1942 г., Рудаков А.В. развернул большую работу по благоустройству Иркутска: асфальтированию улиц, проведению канализации, появлению трамвая и ремонту зданий. Крупнейший памятник В. И. Ленину в центре Иркутска является тоже его заслугой [1, л. 5].

В материалах личного фонда Александра Васильевича, содержатся многочисленные положительные отзывы и характеристики о его деятельности на руководящих постах в городе. Характеризуя А.В. Рудакова, председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся А. Гриценко высоко оценивал его организаторские способности, требовательность к себе и своим подчиненным. Среди работников торговли и местной промышленности Облисполкома Рудаков А.В. пользовался авторитетом, т.к. хорошо знал эти отрасли работы. В выполнении директив

вышестоящих органов — был настойчив, в решении вопросов — принципиален, принимал активное участие в общественно-политической работе» [1, л. 6]. Благодаря личным качествам, целеустремленности, трудолюбию, ответственности, организаторскому таланту, а также любви к Иркутску, Александру Васильевичу удалось смело реализовать нужные и полезные начинания.

В своих воспоминаниях о Рудакове А.В. научный сотрудник института эпидемиологии С. Бункус также выделял его особые организаторские способности, чуткость, отзывчивость по отношению к людям, которыми он обладал. В частности, Бункус С. отмечал, что «в 1939 г., когда ему пришлось достраивать и оборудовать областную клиническую больницу на улице 8-й Советской, то большую помощь в этом строительстве ему оказал т. Рудаков со стороны Облисполкома. В результате через 3 месяца больница была уже открыта и оборудована новейшей по тем временам медицинской техникой, лучшей не только в Иркутской области, но и в Сибири. Благодаря личному участию А. В. Рудакова санитарки областной больницы, а также профессор Шершнев смогли своевременно получить жилье в принадлежащем областной больнице доме» [2, л. 2].

Большую помощь в материально-техническом снабжении Иркутской городской больницы оказал А.В. Рудаков, будучи председателем Горсовета в годы ВОВ. По воспоминаниям главного врача Иркутской городской больницы А. Демидовой Рудаков неоднократно помогал ремонтировать больницу. Было выделено 210 тыс. руб. на ее ремонт, заново оборудовано паровое отопление, был реконструирован главный служебный коридор, отремонтирована прачечная, улучшилось санитарное состояние внутри больницы и снабжение ее топливом (углем). В результате в 1945 г. Иркутская городская больница получила переходящее Красное знамя Облисполкома, чему немало способствовал А.В. Рудаков [2].

Иркутск остро нуждался в развитии системы городского хозяйства, сети водоснабжения, канализации. В 1907 г. в Иркутске появился первый водопровод. До революции на весь город имелось 3 водоразборных будки с длинными очередями и водовозами. После Октябрьской революции сеть водоснабжения в городе расширилась. Было выстроено 7 водоразборных будок, на 5 км. была проложена магистральная проводка, вступил в действие новый водопровод в Свердловском предместье. Но, несмотря на это, большинство населения города услугами водоснабжения не пользовалось. Только накануне ВОВ в Иркутске началось капитальное строительство водопровода. Несмотря на условия военного времени (нехватку людей, материалов, денежных средств и т.д.), Рудаков А.В. развернул оперативное строительство водопровода. Уже к 1947 г. было проложено 35 тыс. метров водопровода, появилась мощная во-

до-насосная башня, вода появилась и на окраинах города (в Рабочей Слободе, в Маратово, в Свердлово). В итоге в Иркутске насчитывалось 23 водо-разбора и 30 колонок [2, л. 9]. Конечно, по отзывам жителей этого еще было недостаточно для такого города, воды не хватало в Нагорном районе, в Рабочем и Маратовском предместьях. Но, работы по расширению водопроводной сети при Рудакове А.В. не прекращались.

Инженер комбината «Востсибуголь» Н.Артемов отмечал, что после войны в конце 1945 г. Иркутск начал активно благоустраиваться. Началось строительство трамвая, ремонт зданий, прокладка канализации, упорядочение водопровода, асфальтирование улиц и тротуаров. Особенно радовала укладка в городе трамвайной линии. Иркутск не имел централизованных фондов на материалы для проводки трамвая, но при поддержке коллективов городских предприятий и учреждений укладка трамвайной линии первой очереди к началу 1946 г. в основном была закончена. Мечта иркутян — связать окраины города с центром хорошим транспортом — сбывалась, благодаря инициативе А.В. Рудакова.

Большую заботу А.В. Рудаков проявлял о семьях, эвакуированных в Иркутск рабочих из центральной России в годы ВОВ. По воспоминаниям сотрудницы обувной фабрики А. Чудаковой, уроженки Днепропетровска, эвакуированной с семьей в Иркутск и коллективом из 400 человек: «Они получили полную поддержку и заботу со стороны Горсовета и лично товарища Рудакова» [2]. Он обеспечил их топливом, всех детей школьного возраста распределил по школам, дошкольников по детским садам и яслям. Благодаря поддержке А.В. Рудакова — 40 семей эвакуированных фронтовиков на протяжении войны снабжались одеждой, топливом, продуктами, деньгами, большую материальную и социальную поддержку получали со стороны Горсовета семьи погибших фронтовиков. После войны демобилизованные сибиряки получили трудоустройство, большинство жилье, материальную поддержку при содействии А.В. Рудакова.

Следует отметить, что по инициативе председателя Иркутского городского Совета депутатов трудящихся А.В. Рудакова в годы ВОВ был создан для обеспечения нуждающихся школьников стипендиальный фонд, который составлял весьма крупную сумму в 1,5–2 млн. руб. в год. Такую инициативу широко поддержала общественность и предприятия города. Многие предприятия и учреждения города ежемесячно выделяли средства для данного стипендиального фонда, образованного путем проведения воскресников, целевых спектаклей, концертов и др. мероприятий. Многие артисты драмтеатра (Прокофьев, Жулина) не только выплачивали ежемесячные стипендии, но и одевали и обували патронированных детей, заботились об их воспитании [2].

Не случайно, работая на руководящих постах А.В. Рудаков заслужил признание, уважение и почет иркутян, доверие и поддержку жителей города в период выборов в депутаты Верховного Совета РСФСР.

По отзывам Иркутских архитекторов Б. Кербеля, В. Валаева Александр Васильевич обладал незаурядными качествами опытного и умелого руководителя и хозяйственника, с перспективой смотрел на будущее, он душой болел за культурное развитие и благоустройство Иркутска. После войны А.В. Рудаков организовал большое строительство в городе, занимался вопросами планировки и архитектурного оформления города. По его настоянию площадь им. Кирова была оформлена в виде ансамбля из многоэтажных красивых зданий. Именно здесь, между улицами Ленина и Красной Звезды (ныне ул. Сухэ-Батора) был выстроен Дом Советов (ныне здание Администрации Иркутской области), а на противоположном конце здание комбината Востсибуголь. Немало усилий он приложил по оформлению и архитектурной планировке улиц Чкалова и Доронина (ныне ул. Росийская) [2]. Таковы лишь некоторые моменты богатой и многогранной биографии А.В. Рудакова.

Исходя, из вышесказанного следует, что А.В. Рудаков внес значительный вклад в развитие благоустройства и инфраструктуры города Иркутска в советское время, что документально подтверждается имеющимися материалами его личного архива, воспоминаниями современников. Однако следует подчеркнуть, что данные сведения не лишены некоторых недостатков, т.к. были представлены близкими к Рудакову А.В. людьми и содержат в основном положительные отзывы о его деятельности. Но, в совокупности с другими источниками представляют не малый интерес для исследователей и общественности.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. Р-3176. — Оп. 1. — Д. 1.
2. ГАИО. — Ф. Р-3176. — Оп. 1. — Д. 2.

### Информация об авторе

*Шаламова Светлана Александровна* — кандидат исторических наук, главный архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций, Государственный архив Иркутской области: 664047, г. Иркутск, ул. Байкальская, 79; e-mail: Swetlana15x@ya.ru.

### Author

*Svetlana A. Shalamova* — candidate of historical sciences, chief archivist of the department for the use of documents and work with citizens and organizations, State Archive of Irkutsk Region: 664047, Irkutsk, ul. Baikal, 79; e-mail: Swetlana15x@ya.ru.

---

# ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.51

УДК 340[(47)+(51)](091)

ББК Х2(2)51

*Т.Л. КУРАС*

*С.Л. КУРАС*

## ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ

Исследуются памятные книжки как источник изучения судебных органов и органов тюремного ведомства Российской империи второй половины XIX–начала XX вв. Проанализированы количественный и персональный состав должностных лиц указанных органов, их изменения с годами. Выявлены существенные отличия размещения информации о служащих данных органов в памятных книжках различных губерний и областей.

**Ключевые слова:** памятные книжки, суд, судебная палата, тюрьма, тюремное ведомство.

*T.L. KURAS*

*S.L. KURAS*

## COMMEMORATIVE BOOKS OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A HISTORICAL LEGAL DOCUMENT

The author examines commemorative books as a source of study of the judiciary and the prison authorities of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries. The quantitative and personal composition of the officials of these bodies, their changes over the years are analyzed. Significant differences have been revealed in the placement of information about employees of these bodies in the commemorative books of various provinces and regions.

**Keywords:** commemorative books, court, court chamber, prison, prison department.

Памятные книжки губерний и областей Российской империи –официальные универсальные справочные издания, содержащие обобщающие сведения о губернии (области) за определенный год. Категория «памятная книжка» объединяет издания, выходявшие под различными названиями. Наиболее распространенными были заглавия, начинавшиеся со слов «памятная книжка», «справочная книга», «календарь», «адрес-календарь». Они выпускались в основном местными официаль-

ными лицами и учреждениями Министерства внутренних дел. Эти издания представляют для исторической науки особую ценность. Выявление и введение в научный оборот информации из памятных книжек как основных местных печатных источников по истории Российской империи является актуальной научной задачей.

Памятные книжки изменялись во времени и в каждой губернии имели свои особенности. В полном виде они включали в себя четыре раздела: адрес-календарь (перечень губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом); административный справочник (сведения об административном делении губернии, о почтовых и телеграфных учреждениях, маршрутах сообщения, о промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях, библиотеках, книжных лавках и типографиях, периодических изданиях губернии и т.д.); статистический обзор (статистические таблицы населения, сельского хозяйства, данные по статистике судебной, медицинской, фабрично-заводской, образования и т.д.); научно-краеведческий сборник (источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы). Эти разделы придают памятным книжкам значение комплексных первоисточников для исторических исследований в соответствующей области. Они позволяют изучить особенности жизни губерний, областей, населенных пунктов; выявить сведения о составе и занятиях жителей, состоянии экономики, культуры, быта; проанализировать ежегодные изменения.

Памятные книжки, среди прочего, являются важными источниками изучения судебных органов, функционировавших на территории Российской империи в соответствии с Судебными уставами 1864 г. Так, исследуемые источники позволяют определить количественный и персональный состав должностных лиц судов, проанализировать, как он изменялся с годами. В частности, во всех памятных книжках имеется информация о служащих судебных палат, занимавших весьма высокое место в судебной иерархии. Кроме того, данные источники позволяют проследить процесс создания и реформирования тюремного ведомства страны.

Судебные палаты начали функционировать в Российской империи в результате проведения судебной реформы 1864 г. Они являлись апелляционной инстанцией для окружных судов и рассматривали по первой инстанции важнейшие категории дел, указанные в законе. Палаты возглавляли судебные округа, на которые была поделена территория государства. К началу XX вв. было открыто 14 судебных палат: Санкт-Петербургская, Московская, Харьковская, Одесская, Казанская, Саратовская, Киевская, Виленская, Варшавская, Тифлисская, Иркутская, Омская,



Ташкентская, Новочеркасская [6, с. 308–310]. По закону палаты возглавлял старший председатель, в их составе работали гражданские и уголовные департаменты. Они рассматривали соответствующие дела, состояли из председателя и определенного штатами числа членов. При палатах состоял прокурор, его товарищи, секретарь. В палатах были канцелярии, где работали секретари, их помощники, чиновники и писцы. Также при палатах состояли судебные приставы, кандидаты на судебные должности и иные лица.

Сведения о судах и органах тюремного ведомства по-разному освещались в памятных книжках различных губерний Российской империи. Так, при характеристике судов в некоторых изданиях только кратко размещался состав судей и должностных лиц прокурорского надзора с указанием их чинов, в других же публиковалась детальная информация обо всех служащих.

К примеру, в памятных книжках Санкт-Петербургской губернии излагалась информация о служащих Санкт-Петербургской судебной палаты [17, с. 16]. В них содержались сведения (фамилия, имя, отчество и чин) о старшем председателе палаты, председателях ее департаментов, членах палаты, ее секретарях и помощниках, судебных приставах, прокуроре, его товарищах и секретаре при нем.

Ценность таких сведений для служащих государственных органов того времени и иных лиц заключалась, в частности, в возможности почерпнуть сведения о данных должностного лица, чтобы правильно обратиться к нему в письме, жалобе, заявлении и т.д. Современному исследователю сведения о служащих судов, излагавшиеся в памятных книжках ежегодно, позволяют проанализировать, среди прочего, какой период времени служило то или иное лицо в данном суде, насколько часто имели место перемещения судей и должностных лиц прокурорского надзора в другие судебные органы.

По данным памятных книжек можно сравнить численный состав сотрудников тюремного ведомства разных губерний. Так, адрес-календарь Московской губернии содержит сведения составе служащих в тюремном отделении Московского губернского правления, таковых числилось 15 человек [1, с. 7]. По данным же сибирских тюремных отделений численный состав каждого тюремного замка составлял не более трех служащих.

При характеристике судебных органов в некоторых памятных книжках, помимо общих сведений о служащих судов, содержалась дополнительная информация о кандидатах на судебные должности. В частности, такие данные размещались в памятных книжках области Войска Донского, содержащих информацию о **Новочеркасской** судебной палате. Так, в издании 1905 г. был размещен список из четырех кандида-

тов, работавших на тот момент в палате [16, с. 231–232]. Отметим, что кандидатура на судебные должности — важный институт, созданный при проведении судебной реформы второй половины XIX в. Он был направлен на подготовку профессиональных судейских кадров. Кандидаты некоторое время должны были отработать в суде, получить необходимый опыт и быть в дальнейшем назначенными на должности судей. Положение кандидатов регламентировалось в «Учреждении судебных установлений». Кандидаты состояли при судебных палатах и окружных судах. Старшие председатели и прокуроры палат назначали их для работы в соответствующие канцелярии палат, руководили ими и контролировали [5, с. 59–60]. Анализ памятных книжек позволяет выявить служащих судебного ведомства, которые прошли весь нелегкий путь от кандидатов на судебные должности до таких высоких должностей, как председатели и прокуроры судебных палат. К примеру, такой судебный деятель, как Александр Николаевич Гессе, начинал кандидатом на судебные должности [12, с. 33–34]. За длительный период работы в судебной системе он дослужился до прокурора Варшавской судебной палаты, а затем и сенатора [8, с. 69–71]. В целом анализ памятных книжек и других источников позволяет сделать вывод, что несмотря на некоторые недостатки правовой регламентации и практики реализации закона институт кандидатов на судебные должности обладал значительными достоинствами, позволял молодым людям получить практические навыки, продвигаться по службе.

При характеристике тюремного ведомства в отдельных памятных книжках содержались сведения не только об его должностных лицах, но и о сотрудниках вспомогательных служб. Так, в соответствующем издании Енисейской губернии в составе служащих тюремного замка были указаны заведующий больницей тюремного замка и священник тюремной церкви. Содержалась информация, что в Красноярском тюремном замке больницей заведует врач Гинцбург Я.Л., а церковью руководит священник Фигуровский А.В. Причем деятельность священника распространялась и на тюрьму Енисейска [11, с. 28]. Эти сведения являются важным источником для современных исследователей в деле изучения структуры, полномочий лиц, служащих при тюремном ведомстве [2, с. 146].

Интересно, что в ряде памятных книжек, помимо кратких сведений о фамилии, имени, отчестве и чине должностных лиц содержались сведения об их адресах. Представляется, что такая информация была предназначена, к примеру, для случаев, когда необходимо было направить письмо служащему суда на личный адрес. Анализ ежегодно издававшихся памятных книжек позволяет выявить, насколько стабильной была жизнь должностных лиц судов и их семей, жили ли они длительный период по одному адресу или им приходилось часто переезжать по

каким-то объективным причинам. В среднем служащие судебных палат жили по одному адресу по 3–4 года. Однако, встречались и крайности. Так, к примеру, член Киевской судебной палаты Полиновский А.М. по данным памятных книжек на 1892, 1893, 1894 г. ежегодно проживал по разным адресам [13, с. 40–41; 14, с. 34; 15, с. 47–48]. Несомненно, наличие обстоятельств, при которых члены палат со своими семьями были вынуждены ежегодно менять место жительства, существенно осложняло их деятельность, не позволяло полноценно сосредоточиться на служебных обязанностях.

Примечательно, что адреса служащих судов, помимо их фамилии, имени, отчества, также позволяют выявить родственников, которые служили по судебному ведомству. К примеру, в 1906 г. в Виленской судебной палате должность товарища прокурора занимал Сергей Николаевич Ястребцов. В этой же палате исполняющим обязанности помощника секретаря работал, по всей видимости, его сын — Владимир Сергеевич Ястребцов. Они не были просто однофамильцами, поскольку в памятной книжке у них был указан один и тот же домашний адрес: ул. Вилейская, 28, кв. 2 [10, с. 53, 299]. Такая преемственность позволяла старшему поколению передавать молодым людям накопленные знания и опыт службы в пореформенных судах, способствовала укреплению авторитета судебной власти.

Интерес представляют и случаи, которые можно выявить при изучении памятных книжек, когда служащие одного суда, не являвшиеся родственниками, тем не менее, проживали в одном жилом доме. Так, к примеру, старший председатель Виленской судебной палаты Лавр Иванович Карнович и член данной палаты Яков Яковлевич Прокопович проживали в одном доме по адресу: г. Вильна, ул. Садовая, дом Шпора [9, с. 84–86, 368, 396]. Такое совместное расселение председателя палаты и судьи этого суда следует оценить негативно. К 80-м гг. XIX в. повышение по службе нередко осуществлялось не по трудовым заслугам, не по оценке юридических знаний, а по представлению председателей судов, которые пользовались доверием министра юстиции. Это развило в среде судейского сословия дух карьеризма. В лице председателей судов видели рычаг, посредством которого можно добиться перевода, повышения, награды, других благ [3, с. 34–35]. Исходя из этого, расселение председателя суда и судьи данного суда в одном доме несомненно следует расценивать как недопустимое нарушение принципа независимости судей.

Интересные сведения содержали памятные книжки отдельных губерний. В них, помимо информации, изложенной в других памятных книжках, описывалась такая важная сторона работы представителей судебных палат, как общественная деятельность. Судьи, прокуроры и их

товарищи выполняли важнейшие функции по осуществлению правосудия и прокурорского надзора, работая на высоких и ответственных должностях в ситуации высокой служебной нагрузки, небольшого размера материального обеспечения, нередко неблагоприятных географических и климатических условиях, как, к примеру, в Иркутской судебной палате [4, с. 121–122]. Несмотря на сложности, представители судебных палат не ограничивались выполнением служебных обязанностей, участвуя в деятельности общественных, благотворительных и других подобных организаций, работая на благо государства и общества. Информация об общественной деятельности служащих судебного ведомства содержалась, к примеру, в памятных книжках Саратовской губернии. Так, по данным на 1872 г. указывалось, что прокурор судебной палаты Сергей Степанович Жихарев и член палаты Николай Николаевич Галкин-Враский являлись вице-президентами губернского попечительного о тюрьмах комитета, состоявшего при канцелярии губернатора [18, с. 45–46]. Отметим, что «Попечительное о тюрьмах общество» было образовано в 1819 г. под покровительством Александра I, имея целью нравственное исправление содержащихся преступников, улучшение состояния заключенных, проводя идею человеколюбия и заботы о них [7]. По памятным книжкам как уникальным источникам можно увидеть, в частности, взаимосвязь в деятельности тюремного и судебного ведомств. Так, в городе Канске Енисейской губернии председательствующим директором отделения попечительного Общества о тюрьмах был судья окружного суда, что несомненно давало возможность качественного взаимодействия двух ведомств [11, с. 28]. Также и в городе Енисейске членом окружного отделения Попечительного общества о тюрьмах был судья окружного суда.

Таким образом, памятные книжки являются важными источниками изучения судов, созданных в Российской империи в соответствии с Судебными уставами 1864 г., а также органов тюремного ведомства. Данные источники позволяют определить количественный и персональный состав должностных лиц судов и органов тюремного ведомства, проанализировать, как он менялся с годами, сравнить состав указанных органов в различных губерниях и областях страны. Также памятные книжки помогают выявить, что должностные лица судов, помимо службы, занимались общественной деятельностью. Это демонстрировало их активную жизненную позицию, способствовало повышению авторитета судебной власти.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Адрес-календарь Московской губернии на 1895 г. — Москва :Типография Губернского правления, 1895. — 241 с.
2. Курас С. Л. Дисциплина труда в системе Главного тюремного управления дореволюционной России / С. Л. Курас // Власть. — 2017. — № 4. — С. 144–149.

3. Курас Т. Л. Вопросы реализации принципа независимости судей в пореформенной России второй половины XIX — начала XX в. / Т. Л. Курас // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 4 (57). — С. 31–37.
4. Курас Т. Л. История Иркутской судебной палаты (1897 — февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 2002. — 330 с.
5. Курас Т. Л. Кандидаты на должности по судебному ведомству при судебных палатах Российской империи: общая характеристика, правовое положение / Т. Л. Курас // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 7. — С. 58–63.
6. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика / Т. Л. Курас // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2011. — № 10. — С. 308–310.
7. Лачина В. О. Создание «Попечительного о тюрьмах общества» как попытка гуманизации российской пенитенциарной системы начала XIX в. / В. О. Лачина // История государства и права. — 2009. — № 5. — URL: // <http://www.center-bereg.ru/480.html/> (дата обращения: 21.02. 2020)).
8. Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1911 г. — Варшава : Губернская типография, 1911. — 486 с.
9. Памятная книжка Виленской губернии на 1899 г. / под ред. Г. А. Чирикова. — Вильна : Губернская типография, 1898. — 752 с.
10. Памятная книжка Виленской губернии на 1906 г. — Вильна : Губернская типография, 1906. — 299 с.
11. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. — Санкт-Петербург : типография Иосифа Огризко, 1863. — 319 с.
12. Памятная книжка Киевской губернии на 1890 г. Издание Киевского губернского стат. комитета. Под ред. Д.И. Навротского. — Киев : Киевская губернская типография, 1890. — С. 33–34.
13. Памятная книжка Киевской губернии на 1892 г. Издание Киевского губернского статистического комитета / под ред. Д. И. Навротского. — Киев : Киевская губернская типография, 1892. — 338 с.
14. Памятная книжка Киевской губернии на 1893 г. Издание Киевского губернского статистического комитета / под ред. Д. И. Навротского. — Киев : Киевская губернская типография, 1893. — 349 с.
15. Памятная книжка Киевской губернии на 1894 г. Издание Киевского губернского статистического комитета / под ред. Д. И. Навротского. — Киев : Киевская губернская типография, 1894. — 355 с.
16. Памятная книжка области Войска Донского на 1905 год. — Новочеркасск : Областная в.Д. типография, Частная Донская типография и типография П.В. Болдырева, 1905. — 514 с.
17. Памятная книжка области Санкт-Петербургской губернии на 1882 год. Издана по распоряжению начальника губернии. — Санкт-Петербург : Губернская типография, 1882. — 117 с.
18. Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Издание статистического комитета. — Саратов, 1872. — 516 с.

### Информация об авторах

*Курас Татьяна Леонидовна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: tanya\_kuras@mail.ru.

*Курас Софья Леонидовна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail kuras@list.ru.

### Authors

*Tatyana L. Kuras* — Candidate of Historical Sciences, associate professor, the department of Justice, Law Institute, Irkutsk state university, 664003, Irkutsk, K. Marx St., 1, e-mail: tanya\_kuras@mail.ru.

*Sofia L. Kuras* — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Customs Affairs and Jurisprudence, the Irkutsk State Transport University, Chernyshevsky St., 15, Irkutsk, 664074, e-mail: kuras@list.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.52

**В.В. ТКАЧЕВ**

УДК 94(57):75.044

ББК 63.3(253)

## ПРОТОКОЛЫ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ В 1937–1938 ГГ., КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В статье анализируются протоколы правления и общих собраний Иркутского областного союза советских художников за 1937–1938 гг. Рассматривается история Союза, принятие программных документов, устава, организация и проведение выставок, составление смет и планов, принятие новых членов и исключение старых. В работе представлена экономическая история творческого объединения через протоколы Иркутского областного союза советских художников в 1937–1938 гг. Через официальные документы определены финансовые трудности, материальное обеспечение членов союза, поднимается вопрос о контрактации, определяются сметы и планы.

**Ключевые слова:** история Сибири; источниковедение; историческая живопись; союз художников.

V.V. TKACHEV

## PROTOCOLS OF THE IRKUTSK REGIONAL UNION OF SOVIET ARTISTS IN 1937–1938 AS A SOURCE FOR STUDYING THE ECONOMIC HISTORY OF THE CREATIVE ASSOCIATION

The article analyzes the protocols of the board and general meetings of the Irkutsk Regional Union of Soviet Artists for 1937–1938. The history of the Union, the adoption of program documents, the charter, the organization and holding of exhibitions, the preparation of estimates and plans, the adoption of new members and the exclusion of old ones are considered. The paper presents the economic history of the creative association through the protocols of the Irkutsk Regional Union of Soviet Artists in 1937–1938. Through official documents, financial difficulties and material support for the members of the union are identified, the question of contracting is raised, estimates and plans are determined.

**Keywords:** history of Siberia; source study; historical painting; union of artists.

*История создания Иркутского областного союза советских художников: выставочная, общественная деятельность.* Идея об объединении иркутских художников возникла с первых выставок в музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Намерение о сплочении в «кружок» было объявлено в программе выставки 1909 г. Во время проведения 3-й музейной выставки в 1911 г. вновь заговорили о «кружке художников». Однако ни одно из этих намерений не было реализовано, как и не был создан при музее ВСОИРГО художественный отдел. В 1909 г. было создано Томское общество любителей художеств. Объединение организовало «Первую сибирскую передвижную выставку картин томских художников». После ее проведения в Иркутске (28 апреля — 9 мая 1910 г.) в среде местных художников появилась мысль об объединении по подобию томичей. К осени 1914 г. был разработан устав общества. Он был рассмотрен губернской администрацией и 19 декабря 1914 г. иркутское общество художников было «внесено в реестр обществ и союзов под № 84» [7, с. 154–177].

Членами-учредителями общества стали пять человек: любители искусств — ветеринарный врач И.Ф. Астраханцев, служащий К.К. Грюнберг и художники — А.В. Овчинников, К.И. Померанцев, Н.М. Чистяков. Общество стремилось объединить сибирских художников и любителей искусства, распространить художественные идеи в широкой публике (организация выставок, лекций, экскурсий, чтение докладов) и изучение художественного творчества местного населения. В своей дея-



тельности новое объединение опиралось на опыт Томского общества любителей художеств.

Первая выставка иркутского общества художников состоялась 20–29 марта 1915 г. в помещении гимназии Е.А. Горцейт по Большой улице. На ней было представлено около 300 картин. Кроме нескольких иркутян (И.В. Булатов, Н.В. Лодейщиков, А.В. Овчинников, К.И. Померанцев и Н.М. Чистяков) ее участниками были томичи В.Д. Вучичевич-Сибирский, Д.И. Ильин, В.И. Лукин, М.М. Поляков, З.А. Рокачский, Н.Ф. Смолин, Н.П. Ткаченко, П.Ф. Федоровский, алтаец Г.И. Гуркин, семипалатинский художник В.Н. Белослюдов, красноярец А.Ф. Ефремов, а также множество членов Петроградского общества художников. Эта была первая выставка, которая проводилась самостоятельно от музея Географического общества. Вторая выставка проходила с 9 по 17 апреля 1916 г., в которой приняли участие иркутяне (И.В. Булатов, А.Ф. Вербов, В.А. Гончаревский, Е.И. Лифшиц, Н.В. Лодейщиков, Н.Ф. Николаев, А.В. Овчинников, И.С. Осипов, К.И. Померанцев), томичи (Н. Игнатовская, Д.И. Ильин, В.И. Лукин, Е. Мако-Тюменцева, М.М. Поляков, Н.Ф. Смолин) и красноярцы (А.Ф. Ефремов, Д.И. Каратанов, А.Г. Попов, А.С. Сергеев, И.Г. Шешунов) [4, с. 8]. Также на выставке присутствовали картины Г.И. Гуркина и В.Н. Белослюдова.

В целом было представлено 25 авторов, представивших 205 живописных, графических и скульптурных произведений. 30 марта — 14 апреля 1917 г. в 1-м Общественном собрании состоялась третья выставка общества и в связи с революционными событиями не была освещена в прессе. Ее авторский состав расширился. В ней участвовало 36 художников из Иркутска, Верхоленска, Красноярска, Томска, Саратова, Казани и Алтая, выставивших 230 картин и рисунков. Выставочная деятельность Иркутского общества художников не ограничилась устройством ежегодных коллективных выставок. 24 сентября — 9 октября 1916 г. была организована персональная выставка проезжего художника И.Л. Калмыкова. Члены общества участвовали в выставках Томска и Красноярска. И.В. Булатов, Н.В. Лодейщиков, А.В. Овчинников, К.И. Померанцев были участниками VI, VII, VIII и IX периодических выставок Томского общества любителей художеств, проходивших с декабря 1913 по январь 1917 г. В Красноярске иркутяне (И.В. Булатов, Н.В. Лодейщиков, А.В. Овчинников, К.И. Померанцев) участвовали в «Первой Сибирской передвижной выставке» в феврале — марте 1916 г [5, с. 15].

Активность действий Иркутского общества художников в 1916 г. не получила достойного продолжения в следующем году из-за происшедших в стране событий: сокращалось количество выставок и художников, которые входили в общество. В 1920 г. прошла персональная выставка В. Федорова. В 1922 г. в последний раз представители общества совместно выставляли свои работы. В 1923 г. было создано ли-



тературно-художественное объединение «ИЛХО», организовавшее выпуск литературно-художественного журнала «Красные зори». Осенью 1927 г. появилось объединение художников, литераторов, артистов и музыкантов «ХЛАМ» под руководством С.Д. Бигос, К.И. Мозылевский, Д.А. Болдарев-Казаринов [6, с. 18].

Именно иркутские художники первыми выразили идею совместной работы во всесибирском масштабе, предприняв организацию всесибирской выставки в 1925 году. Инициатором этого события был Б.И. Лебединский, который письмами и через газету обратился с приглашением к художникам Новониколаевска, Омска, Томска, Красноярска, Кузнецка, Барнаула и Мариинска. В 1927 г. состоялся съезд сибирских художников, в работе которого от Иркутска участвовали Б.И. Лебединский, Н.А. Андреев, И.Л. Копылов. Многие предложения, выдвинутые делегатами съезда, были утопичны, предлагаемый размах творческой деятельности не имел государственной поддержки, во взглядах художников не было единства, не существовало также жизнеспособной организационной структуры.

В центральной части России, после утверждения советской власти, создания государственных органов и структур по разным направлениям деятельности, в том числе и культуре, была предпринята организация объединения художников. Первая выставка общества «Союз Советских художников» открылась 15 апреля 1931 года в Москве в помещении выставочного зала товарищества «Художники». Союзы советских художников в союзных и автономных республиках, краях, областях и городах образовались в разное время на основе постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 «О перестройке литературно-художественных организаций» [10, с. 31]. После принятия постановления, многие художники были воодушевлены перспективой «нового, свободного» искусства. 14 апреля 1933 г. прошла I краевая конференция художников. В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. в Иркутске был организован Иркутский Союз Советских художников, избрано оргбюро, в мае избрано правление ССХ в составе Радихина, Н.А. Андреева, Тушинского, Дубинского, Каратониса. В состав ревизионной комиссии вошли Герман и Гвоздев. Председателем был избран сначала Радихин, а с 5 ноября — Н.А. Андреев. Членами Иркутского отделения в 1933 г. были 34 человека, из них 20 — члены Союза Советских художников и 14 кандидаты. В феврале 1933 г. был проведен отчет правления и проведены перевыборы. Первым шагом в работе Иркутского городского союза стала подготовка к созданию Восточно-Сибирского Краевого Союза советских художников (ВСКРССХ) [9, с. 23].

В этом году была создана новая организация с Иркутским, Красноярским, Улан-Удэнским и Читимским филиалами. Председателем краевого правления был избран художник А.И. Вологдин. В 1937 г. в связи с ад-

министративно-территориальным делением Восточной Сибири, ликвидацией края и проведением конференции художников Восточно-Сибирского края, был преобразован в Иркутский областной Союз советских художников. 15 ноября 1937 г. на общем собрании художников Иркутской области было избрано правление Иркутского областного Союза советских художников. Председатель правления Союза — Востоков К.П. Правление Союза — Бортников, Маличенко, Востоков К.П., Лига-чев А.И., Гулецкий В.В., Развозжаев и Дудин Г.И. Ревизионная комиссия: Жибинов А.П., Бройдо С.А., Серянов И.А. К 4 января 1938 г. в Иркутском отделении Союза советских художников состояло 338 человек [8, с. 5].

*Протоколы заседаний правления и общих собраний Иркутского областного союза советских художников в 1937–1938 гг.* Протоколы — официальные документы Иркутского областного союза советских художников, подтверждающие организацию и проведение собраний иркутских художников. Документы сопровождают деятельность иркутских художников: выставочную, общественную, просветительскую. Протоколы за первый период существования объединения 1937–1938 гг. сохранились в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области в фонде Р-2802 Иркутского отделения Союза художников РСФСР. В фонде с общей численностью 514 ед. хр. с 1937 по 1998 гг. представлены протоколы общих собраний организации, заседаний правления, Уставы Союза и областной организации (1938, 1957, 1992), планы работы, отчеты о работе Союза, его правления и секций, о выполнении постановления обкома КПСС «О работе Иркутского отделения Союза художников РСФСР» (1968). Сохранились личные дела творческих работников, известных художников, таких как Б.И. Лебединский. В фонде находится протокол конференции сибирских художников в г. Новосибирске с участием иркутских художников (1946), списки работ иркутских художников, представленных на выставке в Москве (1966) [11, с. 24].

За 1937 г. составлено 18 протоколов Восточно-Сибирским Краевым Союзом советских художников и 4 протокола Иркутским отделением Союза советских художников. Историю Союза в 1937 г. можно поделить на две половины, так как 15 ноября 1937 г. на общем собрании художников Иркутской области было избрано правление Иркутского областного Союза советских художников. 4 января 1938 г. на основании программных документов Москвы был принят устав Союза. Руководящим органом Союза было правление. Правление состояло из председателя, секретариата и общего состава. Оно организовывало деятельность Союза и осуществляло выполнение решений общего съезда, устанавливало принципы и нормы представительства на общем съезде, вносило изменения в структуру с последующим утверждением на общем съезде, рассматривало и утверждало отчеты Секретариата. Возглавлял правление Союза председатель. С 1933 по 1937 гг. председателем Восточно-Си-

бирского краевого Союза советских художников был Вологдин А.И. В 1938 г. председателем был избран Востоков К.П. [1].

Протоколы состояли из нескольких частей: вводной (дата проведения, председатель, присутствующие, повестка дня), основной (выступление руководителей и членов собрания), заключительной (принятие решения, планы организации, подписи). В 1937–1938 гг. протоколы составлялись по общим собраниям членов Союза и заседаниям правления. Собрания и общие заседания правления проходили каждый месяц по случаю важности вопросов, проблем, повестки дня, предстоящих событий. Так в марте 1937 г. было организовано первое собрание по вопросам: «творческие задачи художников», «о контрактации», «разные». Председатель собрания был Радихин, секретарем — Богданов. В апреле 1937 г. проведено 2 собрания по вопросам: «информация о контрактации», «информация об общем состоянии Союза и Кооператива художников и их работе», «Смета и план», «о картинной галерее», «по проработке нового устава Союза художников». В мае 1937 г. было проведено совещание актива-членов Союза советских художников Восточно-Сибирской области по докладу Председателя Союза художников Вологдина А.И. и текущим вопросам работы художников о подготовке к выставке «20 лет Октября». В июне 1937 г. проведено 3 собрания по вопросу о проведении выставки «20 лет Октябрьской революции». В июле 1937 г. организовано 2 собрания по вопросам: «о работе Союза за 1937 г.», «принятие и исключение членов Союза», «летняя работа и подготовка к выставке». В сентябре 1937 г. проведено одно собрание. В октябре 1937 г. проведено 6 собраний по вопросам: «о подготовке к выставке 20-летнего юбилея Октябрьской революции», «об избрании оргбюро по делам Иркутского областного Союза советских художников», «информация о подготовке выставочном организации материальной части выставки». В ноябре 1937 г. проведено 5 собраний по вопросам: «Доклад Председателя Оргбюро Жибинова А.П. о деятельности Союза», «Содоклад технического секретаря Богданова о финансах Союза», «выборы правления Союза Советских художников», «доклад художника из Москвы Быковского». 8 декабря проведено последнее собрание за 1937 г. [2].

За 1938 г. Иркутским отделением Союза советских художников составлено 21 протоколов. В январе 1938 г. было проведено 3 собрания по вопросам: «рассмотрение и принятие нового устава Иркутской области Союза советских художников», «о творческой работе членов Союза и товарищества», «утверждение сметы на 1939 г.», «об итогах контрактации художников», «выборы комиссии по перерегистрации». 3 февраля 1938 г. проведено общее собрание художников по вопросу: «о подготовке к юбилейной выставке 20 лет Красной Армии». 1 апреля 1938 г. проведено заседание правления Союза советских художников Иркутской области

по текущим делам. Остальная часть собраний и заседаний проведена во второй половине 1938 года по вопросам: «о работе художников в Иркутском товариществе художников», «о работе студии», «текущие дела» [3].

Таким образом, за 1937–1938 г. Иркутским отделением Союза советских художников и Восточно-Сибирским Краевым Союзом советских художников составлено 43 протокола. Документы раскрывают деятельность Союза за 1937–1938 гг.: выставочная, общественная, просветительская. Протоколы поднимали вопросы: по организацию и проведение выставок, финансовые расходы, принятие новых членов и исключение старых, принятие программных документов, Устава Союза и другие. Документы фиксируют актуальные вопросы по разным направлениям и поднимают проблемы Союза: недостаток бюджета, организация выставок, взаимодействие с разными художниками и т.д. Через официальные документы определены финансовые трудности, материальное обеспечение членов союза, поднимается вопрос о контрактации, определяются сметы и планы.

### Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). — Ф. Р-2802. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 44.
2. ГАНИО. — Ф. Р-2802. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 62.
3. ГАНИО. — Ф. Р-2802. — Оп. 2. — Д. 41. — Л. 65.
4. Буторина В. П. Партийное руководство литературой и искусством Сибири в 1919–1932 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. П. Буторина. — Новосибирск, 1973. — 19 с.
5. Драница Т. Г. Иркутские художники 1920–1930 гг.: К вопросу о типологии художественного образа / Т. Г. Драница // Развитие изобразительного искусства Советской Сибири (V зональная конф., посвящ. 70-летию Вел. Окт. Соц. революции) : тез. докл. — Красноярск, 1967. — 116 с.
6. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю. П. Лыхин. — Иркутск : Б. и., 2002. — 336 с.
7. Маджаров А. С. История России в теории цивилизации / А. С. Маджаров ; [под ред. Л. М. Дамешека]. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. — 211 с.
8. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. / П. Д. Муратов. — Ленинград : Художник РСФСР, 1974. — 144 с.
9. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX начала XXI века / Т. Г. Ларева. — Иркутск : Принт Лайн, 2015. — 615 с.
10. Музей в культурном пространстве Сибири. Коллекции, меценаты, выставки // Сукачевские чтения — 2015 : материалы науч. конф. — Вып. 13. — Иркутск, 2016. — 88 с.
11. Традиции и современность. Художественная жизнь Иркутска XIX — начала XXI века // Сукачевские чтения — 2012 : материалы науч. конф. — Вып. 11. — Иркутск, 2012. — 106 с.

### Информация об авторе

*Ткачев Виталий Викторович* — магистрант 2 года обучения, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2; e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru.

### Author

*Vitaliy V. Tkachev* — 2-year graduate student, Department of Russian History, Faculty of History, Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, ul. Chkalova, 2; e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.53

*Ш.Ц. ЦЫДЭНЭ*

УДК 930 (571.54)

ББК 63.2 (2Р54)

## ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ

С включением бурят в состав Российского государства появилась настоятельная необходимость создания механизмов управления и приобщения бурят к русской культуре. Данная необходимость стала предметом изысканий специалистов в области государственного строительства, которые в течение XIX в. сформировали теоретический фундамент.

В статье освещены вопросы образования и развития историографии по истории местного самоуправления бурят.

**Ключевые слова:** самоуправление, повинность, метод, исторический источник, историография.

*SH.TS. TSYDENE*

## PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN BURYAT

With the inclusion of Buryats in the Russian state, the need arose to create management mechanisms and inclusion are of the Buryats in Russian culture. This need became the subject of research by theoreticians of scientific thought and state building, which formed over the 19th century, the historiographic foundation. The article highlights the issues formed and the development of historiography on the history of local self-government.

**Keywords:** self-government, obligation, method, historical source.

Отечественная историческая наука имеет давние традиции изучения истории и культуры коренных народов начиная с XVIII–XIX вв. Среди них присутствуют как классики научной мысли, так и чиновники, оказавшиеся по долгу службы или по воле судьбы в Сибири. Всем исследователям была присуща общая идея: способствовать благоустройству государственных и общественных дел в Сибирском крае. При этом научные изыскания не раз меняют приоритеты в рассмотрении культурных и исторических аспектов жизнедеятельности народов Сибири, из которых ученые наиболее часто выделяют тунгусов, якутов и бурят [9, с. 4], подчеркивая жизнестойкость якутов и бурят в суровых условиях жизни Сибири [11, с. 586].

Сначала необходимо остановиться на периодизации, предложенной С.С. Шашковым, которая, по нашему мнению, является наиболее обоснованной при рассмотрении истории местного самоуправления бурят. Автор провел границу в качественном изменении состава и причин осуществления самоуправления. Явственное различие периодов автор представил в двух понятиях обозначающих коренное население Сибири но различных по содержанию: «иноверец» — за которым закреплялись подати и повинности, образовавшиеся в ходе истории и приведённые в регламентированное состояние в результате деятельности комиссии капитана А. Щербачева; «инородец», отношения которого регламентировались в соответствии со статьями Устава об управлении инородцами от 1822 г. (далее «устав»), являющегося результатом усилий комиссии М.М. Сперанского [11, с. 652].

Данная периодизация дает возможность рассматривать как эволюцию местного самоуправления бурят, так и исследовательские традиции отечественной исторической науки.

Так, дореволюционная историография закономерно положила начало научным изысканиям по теме местного самоуправления бурят. Вполне объяснимо, что первые сведения были получены благодаря этнографии. Среди таких исследований выделяется работа И.Г. Георги, в которой описан быт бурят [6]. Несмотря на определенную скудность описания, нам представлены саамы первые и несомненно ценные сведения. Автор описывает административное образование бурят как основанное на родовой принадлежности. Вместе с тем он подчеркивает наличие административных единиц, образованных на основании географии расселения и расположения относительно русских поселений. Дальнейшее развитие поставленная проблема получила в работе А.Ф. Раева, содержащая новый взгляд на административно-племенное образование самоуправления с использованием топографии и лингвистики, что отражает желание автора систематизировать имеющиеся знания о бурятах [9, с. 4, 9]. Внутреннюю структуру управления из описаний И.Г. Георги

можно представить в последовательности «хотон» — «род» (аймак) — «малое племя» (табун), которые существуют в рамках общей традиции по сохранению и образованию базовых единиц управления — хотон, на постоянной основе в составе до 12 семей [6, с. 25]. Однако в авторском тексте имеются разночтение в административном делении. Так, автор указывает на «аймак» как составную часть «табуна». Но для управления «табуна» отправлялись «шуленги», избиравшиеся для нескольких «хотонов», руководителем которых был «засуль». Отсюда можно предположить, что «шуленги» являются руководителями «аймаков». Однако прямого указания на это в работе мы не находим и потому место «аймака» в административной вертикали остается не ясным.

Более убедительны указания автора о порядке занятия должностей как основанном на выборности и производящемся в процедуре избрания на должности, из «своего дворянства» а также необходимости данной кандидатуры или кандидатур быть утверждёнными губернским правлением. Эта процедура распространялась на должности «шуленги, зайсана, ехэ толгой» или наследовавшего эту должность «тайши». При этом любопытно отсутствие прямого указание на необходимость подтверждения в должности «зассуль» [6, с. 25]. И здесь, вышеупомянутая неясность проявилась снова с отсутствием в описании четкой связи между должностями и органами самоуправления, что существенно вредит смысловой целостности текста. Несмотря на это многое из описаний И.Г. Георги остается актуальным и особенно это касается должностных инструкций управителей. Автор подчеркивает, что «блюстителю законов, содержат свои общества в совокупности, решают распри, по обычаям располагают и собирают подати», а подотчётны были сборщикам, приемщикам подати, комиссарам или начальникам [6, с. 25]. Кроме того, автор описывает практику вознаграждений: отличившимся вручали кинжалы и кортики. Ценность такой похвалы отмечается в работах М.К. Кюхельбекера и Н.С. Щукина [7, с. 47; 13, с. 430–434].

Неизменность состава органов самоуправления у бурят подтвердил М.М. Геденштром в начале 1830-х гг. В работе «Отрывки о Сибири» автор возводит начало официальной истории бурятского самоуправления к «пограничным инструкциям» от 1727 г., С.В. Лукич-Рагузинского, когда бурятские учреждения получили общее название — степные конторы [5, с. 66–67]. В данном оформлении они продолжали существовать вплоть до 1822 г. Тогда же было подтверждено аристократическое происхождение старшин, а также уточнялись традиции выборности «народом, который избирает на убылые старшинские места», другими словами за неимением приемника [5, с. 20]. В подтверждение позиции М.М. Геденштрома в 1859 г., высказался А.Ф. Раев, акцентировав внимание на судебной работе степных контор [9, с. 12]. Помимо прочего, М.М. Ге-



денштром понимал опасность такой обширной власти, которую он назвал «величайшее попользование к угнетению народа», дополнив «тем свободнее, что запрещено вмешиваться во внутренние распоряжения инородцев», указав этим на неправильность ограждения бурятского самоуправления от вмешательства администрации [5, с. 67–68]. Однако описанное не идет ни в какое сравнение с политической волей, имевшейся у бурятских правителей до прибытия русских, описание которому представлено в 1849 г., Н.С. Щукиным в статье «Буряты». Автор исследования сибиряк, родом из Иркутска, расширил понимание фигуры тайши определением «безспредельна...» [13, с. 430]. Вместе с тем, указав на случаи свержения тайши другими родовыми предводителями, уже после прибытия русских. Однако это действие не имело популярности. Разумеется, можно было обжаловать действие тайши. Но декабрист Н.А. Бестужев тонко указал на последствия для жалобщиков [1, с. 129].

Таким образом, отечественная историография пополнилась работой М.М. Геденштрома, осуществившего наиболее полное описание состава и порядка функционирования степных контор: «Их начальники суть один главный Тайша, несколько Тайшей, товаришей главному, и множество подчинённых Шуленгов и Зайсанов...Главный Тайша получает предписание от Земского начальства и передает их через свой Дзургань... к исполнению Шуленгам и Зайсанам» [5, с. 66]. Помимо этого, автор приведены интересные сведения о порядке освобождения старшин от несения повинностей и основаниях фамилий претендовать на должности [5, с. 67]. В 1870-х гг. в историографии сместился фокус исследований от описания и восстановления прошлого к его объяснению и интерпретации. Отсюда вытекает заключение В.И. Вагина об основных изменениях в положении бурятского самоуправления после приведения в русское подданство «утратив свободу политическую... в значительной степени сохраняли гражданскую свободу» [2, с. 260]. В таком состоянии самоуправление бурят подошло к комиссии А. Щербачева. Однако, эта ревизия не имела целей существенно изменять управление коренным населением. Однако исследователи подчеркивают ее плодотворность для дела пресечения злоупотреблений по отношению к иноверцам. Сущность этой проблемы В.И. Вагин видел в статусе самоуправления, приравненном к положению волости, которая находилась в непосредственном подчинении земской полиции, главного источника злоупотреблений. Помимо этого, автор считает, что в глазах правительства положение местных руководителей преувеличено [2, с. 260]. Такая двойственность в рассуждениях может быть интересной для анализа.

Помимо изучения состава самоуправления и порядка взаимодействия с администрацией, исследователи подтвердили актуальность и сохранность обязательств, закрепленных еще в XVII в., за коренными



народами в ходе их присоединения, и подтвержденных в 1763 г. Однако это не говорит об отсутствии самоуправления. М.М. Геденштром указал на необходимость произвести перерасчет установленного оклада, ввиду изменений в демографии и экономических условиях жизни населения [5, с. 20–21]. Детальный анализ сложившейся к началу XIX в. ситуации осуществил С.С. Шашков, который представил фактический материал о бедственном положении коренного населения, связав его с системными ошибками администрации и злоупотреблениями на местах [11, с. 571]. Вместе с тем была отмечена гибкость комиссии А. Щербачева при определении способов сдачи ясачного сбора [10, с. 31]. В дополнение к этому П.А. Словцов, приятель М.М. Сперанского, и некогда директор Иркутской гимназии, указал на возможность согласования оклада с родоначальниками. Но более популярной была практика одностороннего определения суммы в соответствии с числом ясачных и по состоянию промыслов. Также родоначальники могли способствовать улучшению жизни своих соплеменников, согласовывая места сдачи ясака «в казначействе или при суглане, где принимается ясак чрез земских чиновников или казаков», тут же автор подчеркивает связанные с этим неудобства в определении качества зверя и его оценке [10, с. 31]. Не менее важной обязанностью старшин был контроль за исполнением натуральной повинности и подводной гоньбы. Тему злоупотреблений при их исполнении раскрыл С.С. Шашков [11, с. 550].

Таким образом досоветская отечественная историография определила состав бурятского самоуправления как сформированный в соответствии с традициями самого народа. Кроме того, важным является заключение исследователей о сохранении изначальных принципов воспроизводства и функционирования самоуправления без существенных изменений с момента признания их в 1727 г. и в течение целого столетия.

Вторая группа исследований, посвященная «уставу», более обширна, совпадение с первой группой ожидаемы, ввиду закономерного расширения спектра задач историографии, которые в итоге охватили весь хронологический период существования бурятского самоуправления в русском подданстве. Однако, этот процесс будет постепенным, так первые публикации были сконцентрированы на принципах осуществления инородческого управления, учрежденного комиссией М.М. Сперанского. В этой части первым является исследование М.К. Кюхельбекера [7]. Оно носит обзорный характер, однако в тексте имеется интересный комментарий, из которого следует, что автор не видит существенных различий между новыми и старыми учреждениями [7, с. 39]. Более полную картину структуры самоуправления в 1854 г. представил Ю. Гагемейстер [4], где определил главный принцип образования новых учреждений в сохранении родового устройства.

Таким образом, для инородцев стало возможным организовать собственное представительство в лице старосты, при условии численности более 20 человек. Все же большая часть инородцев, переведённых в состояние оседлых, формировали собственные крестьянские волости, во главе с сельским старостой. Однако администрация могла отказать им в этом праве, указав на недостаточное количество населения [4, с. 15]. Простота управления оседлых инородцев была обусловлена их полной интеграцией в структуру русской администрации.

Кардинально противоположной является ситуация с управлением кочевых инородцев, которое имело несколько ступеней: а) родовое управление — «частное по каждому стойбищу, улусу или роду», в 15 семей, которых возглавлял староста при 1 или 2 помощниках; б) инородная управа — «улусам, наслегам, волостям и родам соединенным», возглавленная лицами в должности Тайши, Князца, Улусного Головы с выборными, и письмоводителем [4, с. 55]; в) степная дума — «для многих родов соединенных» под руководством главного родоначальника, «как то Тайша» вместе с заседателями: «Тайши, Зайсаны, Шуленги», численность которых зависела от традиции и состава старшин инородных управ, за которыми было закреплено место заседателей [4, с. 56–57].

Детальное определение получили обязательства и права инородных управ и степных дум. Юрисдикция управы распространялась на:

1) полицейские мероприятия: а) исполнение предписаний высшего начальства; б) санитарно-эпидемиологический контроль; в) отчетность по происшествиям;

2) хозяйственно-организационную работу: а) раскладка ясака и повинностей; сбор и взнос их, сбор недоимок; б) размножение хлебопашества; в) устройство хлебных магазинов; г) выпечение о продовольствии хлебом и солью; д) составление ведомостей;

3) судопроизводство: а) пополнение определений высших мест по делам гражданским; б) таковое же по уголовным; в) суд в маловажных по делам уголовным [4, с. 56–57]. Роль самоуправления в судебных разбирательствах раскрыта с практической стороны в работе А.П. Щапова, где инородцы оседлые и кочевые, а также русские крестьяне кооперируются для отстаивания своих интересов с целью смягчить тяжесть повинностей через суд, объединяясь в группы до 10 человек [12, с. 41]. Однако такая сплоченность встретила отторжение у администрации, которая лишила инородцев возможности прямо обратиться в суд, закрепив это право за не заинтересованными родовыми старшинами. Помимо того порядок судопроизводства у бурят имел интересную процедуру присяги, которая различалась по содержанию: а) очистительная; б) свидетельская; в) клятвенная, а также по форме исполнения в зависимости от культуры присягнувшего [9, с. 22–24]. Так можно вспомнить о замечаниях

А.Ф. Раева о солидарности бурят, проявления которой он видел в судебных разбирательствах между русскими и бурятами [Там же, с. 24]. В определении функций думы мнения А.Ф. Раева и Ю. Гагемейстера оказались одинаковы: а) народоисчисление; б) раскладка сборов; в) правительственный учет всех сумм и общественного имущества; г) ходатайство у Высшего начальства о пользе родовичей; д) распространение земледелия [4, с. 14].

Однако позднее исследователи перейдут от рассмотрения содержания «устава» к фигуре самого реформатора. Анализ действий генерал-губернатора М.М. Сперанского и его ближнего круга должен был привести к более глубокому пониманию тех принципов, которые он попытался вложить в свое учреждение. В этом направлении выполнены работы М.А. Корфа и В.И. Вагина, опубликованные в 1861 и в 1872 гг. В биографии М.М. Сперанского в работе М.А. Корфа в плоскости его связей с инородцами упоминается о разъездах генерал-губернатора по Забайкалью, о том же упоминает В.И. Вагин с указанием целей путешествия: ознакомиться с традициями управления бурят и оценить возможность расширение миссионерской деятельности [8, с. 213; 2, с. 266]. 5 марта 1820 г. на обратном пути и из Нерчинска в Верхнеудинск М.М. Сперанский собрал родоначальников хоринских бурят и привел их к немедленному исполнению предписаний, которые в будущем легли в основу «устава». Это ограничение поборов, ввод бюджета с целью обеспечить контроль за расходованием и сбором средств для самоуправления [2, с. 267]. Помимо этого, ограничивались дополнительные сборы «и другие противозаконные расходы» [2, с. 267–268]. Была объявлена свобода торговых операций для всех инородцев. В защиту рядовых инородцев от эксплуатации была объявлена не только мера пресечения в виду отрешения от должности, но и уголовное наказание, за содеянное злоупотребление или допущения таковых. Предписания коснулись и чисто делопроизводственных моментов, в аспектах разбирательства жалоб и приобретения управителями личных печатей [Там же, с. 268]. В заключении приводится предписание о смягчении подводной гоньбы в соответствии с которым лица, претендующие на подвод, ограничивались в их количестве, или были вынуждены платить [Там же, с. 269]. Отсюда исходит базовое видение порядка в инородческом самоуправлении, который, по мнению М.М. Сперанского, предполагалось образовать путем определения должностных инструкций, пресечения внутренних и внешних злоупотреблений и смягчении тяжести повинностей. Во втором томе своего труда В.И. Вагин определил подчиненное положение инородной управы по отношению к земской полиции и степной думы — к окружному управлению [3, с. 261]. Однако именно здесь поздние исследователи увидели несоответствие стремлений М.М. Сперанского и реаль-

ного положения дел. Н.М. Ядринцев так резюмировал нововведения: «Древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался», а «инородческая волость явилась подчиненною на деле одним земским заседателям, власть которых явилась бесконтрольною» [14, с. 205]. Таким образом, создается впечатление бессмысленности реформ М.М. Сперанского ввиду невозможности бурят освободиться от злоупотреблений земской полиции, что очевидно подразумевалось при установлении непосредственного контакта между степной думой и окружным начальством. Не менее противоречивая сторона реформ М.М. Сперанского была обнаружена и описана в работе С.С. Шашкова. Автор увидел упущение «устава» в не разработанности критериев и в грубом разделении инородческого населения на разряды, учет уровня гражданского образования и развития промыслов, по мнению автора, были недостаточны. Не состоятельность произведенного разделения на разряды, прежде всего, отразилась на оседлых инородцах, образ и уровень жизни которых по задумке реформатора должны были стать притягательными и конечными для всех инородцев. Однако в действительности в это состояние попало большое количество лиц, не имевших возможности исполнять закрепленные за ними повинности [11, с. 561]. Кроме того, автор указывает на частые попытки администраторов приписывать недоимки с русского населения на инородцев при определении их в оседлые [11, с. 563–564]. В совокупности это привело к плачевному положению оседлых. Целые рода пытались жаловаться на нарушение их древних прав на земли и образ жизни. А при понимании невозможности повлиять на положение дел легально инородцы пытались подкупить чиновников с целью перевестись в состояние кочевых [11, с. 567].

Таким образом, дореволюционная историография прошла путь от изучения положений «устава» к рассмотрению обстоятельств его утверждениями и пришла к его критике. После данного этапа историография перейдет к разработке других направлений, базирующихся на истории самоуправления инородцев, однако ставящих качественно другие задачи перед исследователями, а именно: поиск лучших форм управления Сибирью в будущем.

### **Список использованной литературы и источников**

1. Бестужев Н. А. Бурятское хозяйство / Н. А. Бестужев // Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. — С. 57–63.
2. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т. 1 / В. И. Вагин. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. — 801 с.

3. Вагин В. И. Историческая сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. Т.2 / В. И. Вагин. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. — 753 с.
4. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. — Санкт-Петербург : в Тип. 2 Отд. Собственной Е.И.В. канцелярии, 1854. — Ч. 3. — 109 с.
5. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири / М. М. Геденштром. — Санкт-Петербург : в Тип. Мед. Деп. МВД, 1830. — 166 с.
6. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / И. Г. Георги. — Санкт-Петербург : Импер. акад. наук, 1799. — Ч. 4. — 388 с.
7. Кюхельбекер М. К. Краткий очерк Забайкальского края / М. К. Кюхельбекер // Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд., 1975. — С. 25–53.
8. Корф М. А. Жизнь Графа Сперанского / М. А. Корф. — Т. 2. — Санкт-Петербург : Изд. Импер. пуб. библ-ки, 1861. — 388 с.
9. Раев А. Ф. Буряты / А. Ф. Раев // Вестник Императорского русского географического общества. — Санкт-Петербург : в Тип Морск. Мин., 1858. — Ч. 24 — С. 1–41.
10. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Т. 2. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1886. — 370 с.
11. Шашков С. С. Исторические очерки Исторические этюды / С. С. Шашков. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1898. — 669 с.
12. Щапов А. П. Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине, бурятской улусной, оседло-земледельческой и русско-крестьянской / А. П. Щапов // Сборник историко-статистических сводок о Сибири и сопредельных ей странах. — Т. 2, вып. 1. — Санкт-Петербург, 1876. — С. 1–41.
13. Щукин Н. С. Буряты / Н. С. Щукин // Журнал МВД. — 1849. — № 4, ч. 25. — С. 424–448.
14. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. — 308 с.

### Информация об авторе

*Цыдэнэ Ширап Цыденович* — аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; 6700047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: sosoronov@hotmail.com.

### Author

*Shirap Ts. Tsydene* — Postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Academy of Sciences; 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: sosoronov@hotmail.com.

---

## ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.54

УДК 930:330

ББК 65.03

*Ю.В. КУЗЬМИН*

*А.В. ШАЛАК*

### **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д.Я. МАЙДАЧЕВСКОГО: К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Статья посвящена краткому обзору основных направлений научных поисков ведущего российского специалиста в области экономической историографии, кандидата экономических наук, доцента Байкальского государственного университета Д.Я. Майдачевского, который отметил в феврале 2020 года 60-летний юбилей.

**Ключевые слова:** экономическая историография, историко-экономические чтения памяти В.Н. Шерстобоева, научная школа, интеллектуальная биография.

*YU. V. KUZMIN*

*A. V. SHALAK*

### **ECONOMIC HISTORIOGRAPHY IN RESEARCHES OF D.Y. MAYDACHEVSKY: THE 60TH ANNIVERSARY**

This article is devoted to the review of scientific searches of the leading Russian specialist in the field of economic historiography, candidate of economic sciences, associate professor of Baikal State University D.Y. Maydachevsky, who celebrated his 60th anniversary in February 2020.

**Keywords:** economic historiography, historical and economic readings in memory of V.N. Sherstoboev, scientific school, biography.

В феврале 2020 года Дмитрию Ярославовичу Майдачевскому исполнилось 60 лет.

Д.Я. Майдачевский — известный в Сибири и России экономист и историк, специалист в области экономической историографии и историографии экономической науки России, основатель и долгие годы главный редактор научного журнала «Историко-экономические исследования», инициатор издания «Иркутского историко-экономического ежегодника» и проведения историко-экономических чтений, посвященных памяти выдающегося сибирского экономиста-историка Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963).

Экономическая историография — сложное направление научных исследований, которое требует глубоких знаний конкретной истории и истории экономики страны и региона, основных тенденций развития научной мысли, творческой биографии ученого, научной среды исследователя и его окружения. Традиционно подобные исследования проводятся в столичных городах, крупных научных центрах, поэтому создание в Иркутске Регионального центра научных исследований экономической истории России является нестандартным явлением исследовательской деятельности. Подобные научные центры и исследования под силу крупному лидеру в науке, всецело посвятившего себя данному направлению. Это в полной мере касается научной деятельности кандидата экономических наук, ведущего доцента кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета Дмитрия Ярославовича Майдачевского.

Издание авторитетного научного журнала «Историко-экономические исследования», признанного в научных кругах и имеющего «свое лицо» требует колоссальных и невидимых усилий редактора. Ежегодные Историко-экономические чтения, памяти В.Н. Шерстобоева чрезвычайно популярны в Сибири, привлекают к участию не только ведущих экономистов и историков региона, но и географов, социологов, философов, политологов, психологов. Проведение научных конференций в течение более чем 20-ти лет (начиная с 1999 года), высокий уровень научных дискуссий, привлечение специалистов смежных специальностей свидетельствует не только о научной значимости данной конференции, но и о создании в Байкальском университете оригинальной историко-экономической научной школы. Последняя отражает различные грани экономической истории и историографии Сибири и России: географические, социально-экономические, демографические, этнографические, востоковедные, экологические, культурные. Подобные научные мероприятия держатся на подвижной деятельности отдельных ученых, одним из которых является Д.Я. Майдачевский.

Дмитрий Ярославович — выпускник инженерно-экономического факультета Иркутского института народного хозяйства, затем десять лет он работал преподавателем политической экономии медицинского института. В 1985 г. Д.Я. Майдачевский поступил в аспирантуру на кафедру политической экономии Московского финансового института (ныне Финансовый университет). В 1991 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию. Качественное профессиональное образование и атмосфера перемен в стране позволили в дальнейшем адаптироваться к изменившимся условиям экономики и образования, смене учебных курсов и их содержательному наполнению.

В 1995 году Д.Я. Майдачевского пригласили на новую кафедру истории, экономических и политических учений Иркутской государственной экономической академии (заведующий кафедрой — доктор экономических наук, профессор М.П. Рачков) для чтения нового учебного курса «История экономики», который он уже на протяжении нескольких лет читал в частном университете Иркутска. Дмитрий Ярославович успешно освоил и другие новые курсы по истории мировой экономики, истории экономических учений. Был создан Региональный центр научных исследований экономической истории России, организованы Шерстобоевские чтения, стал издаваться журнал «Историко-экономические исследования». Успешное научное содружество с доктором экономических наук, профессором М.П. Рачковым, доктором исторических наук, профессором А.В. Шалаком, кандидатом исторических наук, профессором В.М. Левченко, а также поддержка дружного коллектива кафедры истории, экономических и политических учений, затем — истории и международных отношений позволили реализовать эти сложные творческие проекты. Однако и роль научного лидера также не отменяется, с ней успешно справился Дмитрий Ярославович.

Двадцать пять лет (1995–2020 гг.) успешной и творческой работы Д.Я. Майдачевского в университете наполнены серьезными научными поисками, архивными разысканиями, теоретическими размышлениями и обобщениями. Изданы монографии «Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей» (2006), «Меняющееся пространство экономической историографии: от “расширенной библиографии” к дисциплинарной истории» (2012), учебные пособия — «История экономики: От эпохи палеолита до XX века» (2004, 2007), «История экономики в вопросах и ответах» (2006), «История бизнеса и международные деловые отношения» (2019), которые отражают основные этапы научно-исследовательской и педагогической деятельности юбиляра.

Значительное число научных публикаций Д.Я. Майдачевского посвящено научному наследию и творческой биографии В.Н. Шерстобоева, рассматриваемой в широком историческом контексте. Капитальный научный труд профессора В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (Т. 1, 1949 г., Т. 2, 1957 г.) получил в его публикациях всестороннее источниковедческое и историографическое изучение. Изучены научная переписка ученого, рецензии на его издания, реакция научной общественности Иркутска и страны в целом, определено его место в изучении экономики Сибири. Опубликованы крупные статьи: «Мои научные интересы не вполне совпадают с моей научной работой в Иркутске» (В.Н. Шерстобоев как историк-экономист» (2000), «В.Н. Шерстобоев: теоретическое осмысление фактов эмпирической истории экономики Сибири XVII–XVIII



вв.» (2004), «Экономист в тоге историка. В.Н. Шерстобоев и его “Илимская пашня”» (2007), «...Я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В.Н. Шерстобоев и сообщество местных историков, 1950-е гг.» (2007), «...Считайте меня Вашим преданным почитателем”: по страницам переписки В.Н. Шерстобоева с В.К. Яцунским» (2008), «Творчество В.Н. Шерстобоева в контексте послевоенного этапа развития отечественной историко-экономической науки» (2009), «В.Н. Шерстобоев: “внутренняя” история Великой Северной экспедиции» (2014), «Злоключения концептуальной схемы сибирской истории В.Н. Шерстобоева» (2016) и др.

Исследовательское внимание Дмитрия Ярославовича привлекали творческие биографии и вклад в историческую и экономическую науку, как широко известных деятелей науки, так и малоизвестных специалистов или незаслуженно забытых исследователей: Н.А. Рожкова, Н.Н. Козьмина, П.П. Маслова, А.А. Кауфмана, И.М. Кулишера, А.А. Богданова, Л.С. Личкова, П.Б. Струве, В.Ф. Левитского, В.С. Войтинского, И.К. Бабста, В.К. Яцунского и многих других. Всегда материал о них носил оригинальный характер, читатель узнавал уже известных исследователей с совершенно новой стороны. Несомненной заслугой Д.Я. Майдачевского можно считать публикацию архивных материалов сибирских ученых или переиздание редких статей, незаслуженно забытых современной экономической историографией. Экономическая историография позволяет сохранять преемственность и поступательность научного знания, его новое осмысление. Внимание к личности исследователя — важный и ценный элемент понимания логики развития научной мысли. Неслучайно, одна из статей Д.Я. Майдачевского посвящена самооценке ученого: «Автобиография как историко-научный источник и жанр историко-экономического исследования» (2015).

Значительное место в научном наследии Д.Я. Майдачевского занимают концептуальные и методологические проблемы экономической историографии: сущность дефиниций «экономическая история», «история экономики», «историческая экономика» и др. Об этом убедительно свидетельствуют публикации Д.Я. Майдачевского: «Историко-экономическая наука: между историей и теорией» (2003), «Историография экономической науки: от «методологического континуума» к «методологическому выбору» (2011), «Метаморфозы дисциплинарной структуры экономической науки: случай «Истории труда», 1920-е гг.» (2007), «Экономическая историография: история формирования и уроки предметной области» (2009), «Плюрализм подходов в истории экономической науки: интеллектуальная история» (2011), «Начало экономической истории в свете историко-научного подхода в историографии экономической на-

уки» (2012), «И.К. Бабст и начало «исторической экономики в России» (2013) и др. Данные публикации свидетельствуют о высоком научном потенциале ученого, его глубоком интересе к мировой и российской экономической историографии.

Дмитрий Ярославович внимательно следит за книжными новинками в сфере своих профессиональных научных интересов, нередко откликается на наиболее важные и интересные для него книги рецензиями в научных журналах.

Широкая эрудиция позволила Д.Я. Майдачевскому сформировать собственное видение прошлого и настоящего историко-экономической науки в Сибири и России. Он является одним из немногих специалистов в данной области знания. Его исследования отличаются добротным содержанием, оригинальными выводами и заключениями, являются существенным вкладом в науку.

Дмитрий Ярославович находится в прекрасной творческой форме, полон планов и новых идей. Добрый, ироничный, иногда и саркастичный, он, как истинный интеллигент, предъявляет к себе высокие требования, самокритичен и полон сомнений, преодолеть которые ему позволяет лишь чувство юмора. Кафедра международных отношений и таможенного дела, коллеги и друзья по университету желают Дмитрию Ярославовичу доброго здоровья, дальнейших творческих успехов и реализации задуманного.

### Информация об авторах

*Кузьмин Юрий Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

*Шалак Александр Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

### Authors

*Yuriy V. Kuzmin* — D. Sc. in History, Professor, Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

*Alexander V. Shalak* — D.Sc. in History, Professor, Head of Department International Relations and Customs, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail:ShalakAV@bgu.ru.

**Список основных печатных трудов Д.Я. Майдачевского  
(2010–2019)\***

**[2009]**

106. Экономическая историография: история формирования и уроки развития предметной области // Историко-экономические исследования. — 2009. — Т. 10, № 3. — С. 5–40.

**2010**

107. Сибирские «университеты» В.С. Войтинского // ЭКО. — 2010. — № 11. — С. 167–178.

108. Нить Ариадны историка Н.А. Рожкова // Историко-экономические исследования. — 2010. — Т. 11, № 3. — С. 145–162.

109. Социально ответственный интеллеktуал. К 125-летию со дня рождения В.С. Войтинского // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». — 2010. — № 2 (5). — С. 164–169.

110. Первый рецензент «Илимской пашни», или История с географией // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2010. — С. 41–53.

111. Книга была и остается главным путеводителем в моей жизни : беседа с доцентом Байкал. гос. ун-та экономики и права канд. экон. наук Д.Я. Майдачевским / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2010. — С. 573–590.

112. «Куда идет экономика Иркутска?» (из истории одной научной дискуссии периода Первой мировой войны) // Сибирский город XVIII–XX веков : сб. статей. — Иркутск, 2010. — С. 132–142.

113. Плоды древа экономического знания России: Путеводитель по редкому фонду Научной библиотеки БГУЭП. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2010. — С. 3–6, 9–10, 13–14, 16–17, 20, 22, 25, 27–28, 30–31, 33–34, 36–38, 43, 46–48.

114. Человек «эпохи возрождения» русского книговедения: П.К. Казаринов, Иркутск, 1920-е годы // Земля Иркутская. — 2010. — № 2 (37). — С. 95–100.

115. Экономическая история как наука в восприятии национальной библиотечно-библиографической классификации // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / редкол. : М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. — Москва, 2010. — С. 285–287.

---

\* Продолжение. Публикации за 1995–2009 гг. см.: Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2010. — С. 580–590.

116. Экономическое объяснение истории : учеб.-практ. пособие. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 224 с.

Публ.: Войтинский В.С. Общественные работы как мера трудовой помощи беженцам (1916) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». — 2010. — № 2 (5). — С.170–174.

Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века (1915) // Историко-экономические исследования. — 2010. — Т. 11, № 3. — С. 163–207.

Ред.-сост.: Историко-экономические исследования. — 2010. — Т. 11, № 1. — 210 с.; № 2. — 182 с.; № 3. — 216 с.

Плоды древа экономического знания России: Путеводитель по редкому фонду Научной библиотеки БГУЭП / А. М. Курышов [и др.] ; авт. вступ. ст. Д. Я. Майдачевский, А. Л. Федорова ; ред. Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 48 с.

## 2011

117. Историография на страницах учебных изданий по экономической истории: формирование дисциплинарного самосознания // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 2. — С. 25–29.

118. О «шумпетерианской традиции» в историографии экономической науки // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 6. — С. 32–37.

119. Историография экономической науки: от «методологического континуума» к «методологическому выбору» // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 2. — С. 85–104.

120. П.Б. Струве: от «исторической экономики» к «экономической истории» // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 2. — С. 107–109.

121. Плюрализм подходов в историографии экономической науки: интеллектуальная история // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 3. — С. 5–15.

122. В.Ф. Левитский: экономическая история в структуре наук о народном хозяйстве // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 3. — С. 77–87.

123. Еще одна история с географией, или О том, как «исчезла» илимская пашня // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2011. — С. 4–17.

124. Историко-экономическая география: В.В. Покшишевский и В.Н. Шерстобоев // Историческая география: пространство человека

vs. человек в пространстве : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. — Москва, 2011. — С. 321–323.

125. Великая реформа и рождение науки русской экономической истории // Экономическая история. Обзорение. Материалы Междунар. науч. конф. «Экономические реформы в России XIX–XX вв. Новые подходы, методы и технологии исследования» / под ред. Л. И. Бородкина. — Вып. 16. — Москва, 2011. — С. 80–85.

126. Провинциальная историография на переломе: Иркутск, 1920-е гг. // Иркутску 350 лет — история и современность : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения» (Иркутск, 12–13 октября 2011 г.). — Иркутск : Оттиск, 2011. — С. 107–113.

127. Войтинский Владимир Савельевич, Личков Леонид Семенович, Маслов Петр Павлович, Рожков Николай Александрович, Шерстобоев Вадим Николаевич // Иркутск: Историко-краеведческий словарь. — Иркутск : Сибирская книга, 2011. — С. 96–97, 306, 322–323, 433, 564–565.

128. Кауфман Александр Аркадьевич, Личков Леонид Семенович // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Вып. 1 / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. — Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. — С. 44–46, 69–71.

*Публ. прим:* Струве П.Б. Теория политической экономии и история хозяйственного быта. Речь на диспуте 10-го ноября 1913 г. // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 2. — С. 110–119.

Левитский В.Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Введение (1914) // Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 3. — С. 88–100.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2011. — Т. 12, № 1. — 190 с.; № 2. — 204 с.; № 3. — 191 с.

## 2012

129. Меняющееся пространство экономической историографии: от «расширенной библиографии» к дисциплинарной истории: монография. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 152 с.

130. Историография экономической науки: от плюрализма подходов к господству «мейнстрима»? // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10, № 2. — С. 66–73.

131. Начало экономической истории в свете историко-научного подхода в историографии экономической науки // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2012. — № 2 (40). — С. 123–128.

132. Куда ведут историю экономической мысли новые историографические подходы? // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 13–18.

133. Историография экономической науки: в поисках не лучшей, но своей доли // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 4. — С. 28–33.

134. Проблема начала экономической истории с позиций историко-мыслительного подхода в историографии экономической науки // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 6. — С. 5–9.

135. «Живая» и «настоящая» история А.А. Кауфмана // Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 2–3. — С. 103–120.

136. История как хранилище опыта, или Обращение к истокам местной народной агротехники // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2012. — С. 5–15.

137. Астырев Николай Михайлович, Шерстобоев Вадим Николаевич // ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Вып. 2 / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. — Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2012. — С. 7–9, 104–107.

138. Экономическая история: кризис «жанра» или утрата дисциплинарного статуса? // Актуальные вопросы экономического развития: теория и практика : сб. науч. ст. Вып. 1, ч. 2. — Гомель, 2012. — С. 55–58.

139. Историографическая «ловушка» междисциплинарности историко-экономического знания: случай В.Н. Шерстобоева // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века : материалы III Всерос. науч. конф. 29 июня — 1 июля 2012 г., Барнаул / под ред. Е. В. Демчик. — Барнаул : АКППРО, 2012. — Т. 2. — С. 121–123.

140. Памятник «последнему из могикиан» иркутского краеведения // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2012. — С. 580–583. — Рец. на кн. : Манассеин В. С. История с библиографией: сб. статей / публ., сост., предисл., статья, коммент. А. Н. Гаращенко, статья Е. Ш. Соломон. — Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2010. — 300 с., ил.

141. Книга о городах, превративших географическую территорию в экономическое пространство // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2012. — С. 588–591. — Рец. на кн.: Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири): монография. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

*Публ., прим:* Гольцев В.А. Движение русской экономической науки (1885) // Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 1. — С. 97–126.

Кауфман А.А. «Живая история» общины и ее значение (1908) // Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 2–3. — С. 121–164.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2012. — Т. 13, № 1. — 194 с.; № 2–3. — 210 с.

### 2013

142. Злоключения «экономической истории» в высшей школе современной России // Высшее образование в России. — 2013. — №10. — С. 39–44.

143. Исследовательская программа «живой истории» русской общины: «статистика» против «истории» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — Вып. 5, ч. 1. — С. 116–124.

144. И.К. Бабст и начало «исторической экономики» в России // Историко-экономические исследования. — 2013. — Т. 14, № 1–2. — С. 33–42.

145. «Точка невозврата»: научная конференция 1960 г. в интеллектуальной биографии В.Н. Шерстобоева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2013. — С. 6–20.

*Публ.:* Шерстобоев В.Н. О историческом районировании Сибири (1961) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2013. — С. 20–24.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2013. — Т. 14, № 1–2. — 196 с.; № 3. — 180 с.

### 2014

146. «Статистический эксперимент» А. А. Кауфмана: рождение исследовательской области количественной экономической истории в России // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 5 (97). — С. 5–12.

147. Проблемная область экономической истории отдельного промышленного предприятия: «история» против «статистики» // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 335–348.

148. История бизнеса: программа курса и учебные материалы // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 4. — С. 767–837.

149. В.Н. Шерстобоев: «внутренняя» история Великой Северной экспедиции // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2014. — С. 5–14.

150. История борьбы за историю // За десять лет: указатель содержания журнала «Историко-экономические исследования» (2002–2012 гг.) / сост. : Т. Н. Волкова [и др.]; редкол. : А. Л. Федорова, Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2014. — С. 3–5.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 1. — С. 1–232; № 2. — С. 233–432; № 3. — С. 433–640.

За десять лет: указатель содержания журнала «Историко-экономиче-

ские исследования» (2002–2012 гг.) / сост. : Т. Н. Волкова [и др.]; редкол. : А. Л. Федорова, Д. Я. Майдачевский; вступ. ст. Д. Я. Майдачевского. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — 46 с. — (Наука БГУЭП в библиографическом отражении; вып. 10).

## 2015

151. «Статистический эксперимент» А. А. Кауфмана: количественная экономическая история как прикладная экономика // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 5. — С. 794–802. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).794-802.

152. Автобиография как историко-научный источник и жанр // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 137-150. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(1).137-150.

153. «Монографическая» история сибирской промышленности Н.Н. Козьмина // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 765–776. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(4).765-776.

154. «Заземленная» история: В.Н. Шерстобоев и исследовательский проект изучения истории земледелия в СССР // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2015. — С. 17–29.

155. Экономическая история в поисках дисциплинарной идентичности: В.Н. Шерстобоев и проект изучения истории земледелия в СССР // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века: сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции, Барнаул, 26–27 июня 2015. В 2-х т. / под ред. Е.В. Демчик. — Барнаул: МЦ ЭОР, 2015. — Т. 2. — С. 100–111.

*Публ., прим.:* Кауфман А.А. Автобиография (1921) // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 151–180.

Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение (1928) // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 777–788.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 1–212; № 2. — С. 213–408; № 3. — С.409–620; № 4. — С. 621–818.

## 2016

156. «Прагматический поворот» траектории развития высшей школы: уроки истории // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 2. — С. 167–174. — Соавт.: Суходолов А. П. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(2).167-174.

157. Высшая школа региона: «храм науки» против «фабрик кадров»



(1920–1930-е годы) // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26, № 4. — С. 525–533. — Соавт.: Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(4).525-533.

158. Высшая школа региона: «храм науки» против «фабрик кадров» (1920–1930-е годы) // Известия Байкальского государственного университета. — 2016. — Т. 26, № 5. — С. 693–704. — Соавт.: Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).693-704.

159. «Labor history»: between economic history and Marxist historical political economy // Siberian Studies. — 2016. — N 1. — P. 74–78. — на кит. яз.

160. Земская статистика как экономика: к истории качественных экономических исследований в России // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 4. — С. 699–720. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).699-720.

161. Злоключения концептуальной схемы сибирской истории В.Н. Шерстобоева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск: изд-во БГУ, 2016. — С. 7–14.

*Публ., прим.:* Попов И.И. Восточная Сибирь на всероссийской выставке 1896 г. (Лекция помощника заведующего сибирским отделом И.И. Попова) (1896) // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 544–550.

Красин Л.Б. Судьбы капитализма в Сибири (1896) // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 551–577.

Попов И.И. Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л.Б. Кр-ну) (1896) // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 578–616.

Майнов И.И. Предвзятый пессимизм. (По поводу статьи «Судьбы капитализма в Сибири») (1896) // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 617–632.

Красин Л.Б. Письмо в редакцию (1897) // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 633–637.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 1. — С. 1–212; № 2. — С. 213–410; № 3. — С.411–638; № 4. — С. 639–796.

## 2017

162. «Храм науки» или «фабрика кадров»: к историческим предпосылкам дискуссии об опорном университете Байкальского региона. — Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. — 92 с.: ил. — Соавт.: Суходолов А.П.

163. Экономическое образование России и региона: ответ на модернизационные вызовы середины XX века // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 1. — С. 5–10. — Соавт.: Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(1).5-10.

164. Экономическое образование России и региона: ответ на модернизационные вызовы середины XX века // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 123–130. — Соавт. : Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).123-130.

165. «Большая и грустная ошибка»: газета «Деловая Сибирь» и полемика по «университетскому» вопросу, 1916–1917 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : изд-во БГУ, 2017. — С. 33–39.

166. Н.Н. Козьмин как историк науки [Электронный ресурс] // Восьмые востоковедные чтения БГУ : сб. науч. тр. / [отв. ред. Ю. В. Кузьмин]. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 264–271. — Режим доступа : <http://lib-catalog.bgu.ru>.

*Вступит. заметка и подгот. к публ.:* Коммерческое образование в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XX века в отражении ретроспективной библиографии // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 443–464. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(3).443-464.

*Ред.-сост.:* Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 1–236; Т. 18, № 2. — С. 237–416; № 3. — С. 417–592.

## 2018

167. Осмысливая опыт войны и революции, или «Экономическая наука из Читы»: П. П. Маслов, 1918–1922 // Экономическая история. — 2018. — Т. 14, № 1. — С. 73–87. DOI: 10.15507/2409-630X.040.014.201801.073-087.

168. В.Н. Шерстобоев и его «Илимская пашня» в терниях позднесталинской эпохи // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : изд-во БГУ, 2018. — С. 16–30.

## 2019

169. И.М. Камов — энтузиаст и деятель практико-ориентированного образования в Иркутске // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 9–22. — Соавт. : Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).9-22.

170. И.М. Камов — энтузиаст и деятель практико-ориентированного образования в Иркутске // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 3. — С. 331–365. — Соавт. : Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(3)331-365.

171. И.М. Камов — энтузиаст и деятель практико-ориентированного образования в Иркутске // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 539–571. — Соавт. : Суходолов А. П. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(4).539-571.

172. Между «университетом в русском смысле» и политехникумом: дискуссия 1912 г. о желательном типе высшего учебного заведения для Иркутска // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. — Иркутск : изд-во БГУ, 2019. — С. 300–307. DOI: 10.17150/978-5-7253-3001-4.39.

173. История бизнеса и международные деловые отношения : учеб. пособие / Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — 60 с. — URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.55

УДК 929(420)

ББК 63.1

*С.В. КОВРИГИНА*

*В.Н. МАКСИМОВА*

*Г.А. ЦЫКУНОВ*

### **ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ: К ЮБИЛЕЮ В.В. КУДРЯШОВА**

Статья посвящена В.В. Кудряшову, кандидату исторических наук, доценту Братского государственного университета. Приведены некоторые факты биографии, представлены основные направления научной и педагогической деятельности.

**Ключевые слова:** Восточная Сибирь, государственный университет, политическая ссылка.

*S.V. KOVRIGINA*

*V.N. MAKSIMOVA*

*G.A. TSYKUNOV*

### **THE PERSON IS ON HIS PLACE: TO THE ANNIVERSARY OF V. V. KUDRYASHOV**

The article is devoted to PhD in Historical Sciences, Associate Professor Bratsk state University V.V. Kudryashov. The author reviews the main facts of his biography, his main pedagogical and scientific activity.

**Keywords:** Eastern Siberia, State University, political exile.

Замечательно родиться в известном культурно-историческом центре, в интеллигентной семье, насчитывающей несколько поколений, там, где есть свои традиции, интересы и особая ценность знаний. Но это начало классической, в общем-то, биографии ученого не подходит для нашего юбиляра.

Василий Васильевич Кудряшов родился 15 февраля 1960 г. в молодом таежном, в те годы знаменитом на всю страну городе Братске.

Собственно с момента присвоения рабочему поселку статуса города прошло всего пять лет, город городом еще не стал, он только строился среди приангарской тайги.

Все было новым: и горожане, приехавшие из разных концов необъятной Родины, их новые дома, улицы и поселки. Не исключением была и семья Кудряшовых, конечно же, строителей, а как иначе? Стройка была везде и всюду. Дух романтики покорителей Ангары, которым было все по плечу, дух дружбы и взаимовыручки — вот та атмосфера, в которой вырос В.В. Кудряшов.

Детство было веселым и светлым, в молодых семьях и новых домах было много детворы. Дружили родители, дружили и дети, с утра до ночи всей улицей играя в нехитрые детские игры, не забывая при этом выполнять все наказания матерей.

В 1967 г. наш юбиляр поступил в школу. Хочется отметить, что в те годы учителями в новый город стремились попасть по комсомольским путевкам лучшие выпускники педагогических вузов страны. С учителями, безусловно, повезло! Талантливые, молодые, ищущие, творческие они открывали новые миры своим воспитанникам. Большое влияние на формирование будущего ученого оказали учителя истории, их было несколько, они менялись в силу разных причин, но любовь к предмету оставалась неизменной. И уже в девятом классе Василий решил, что быть ему историком. Да и все задатки для этого были: активист, комсомолец, участник всевозможных конкурсов и литературно-музыкальных композиций, приуроченных к памятным датам в школе и городе.

В 1978 г., выдержав конкурс, В.В. Кудряшов поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета. И здесь его организаторские способности, ответственность были востребованы — его назначили старостой группы. Учились увлеченно, в студенческой группе сформировалось то студенческое братство, которое внесло свою лепту в становлении будущего исследователя. Ну, а свободное время, конечно, было посвящено спорту, особенно футболу. Об итогах матчей, разных соревнованиях оперативно информировала стенная печать на факультете.

Большую роль в формировании Василия Васильевича как профессионального историка сыграли ведущие преподаватели исторического факультета ИГУ: С.Ф. Коваль, Н.К. Струк, А.Д. Агеев, В.И. Дятлов, В.М. Андреев, В.П. Олтаржевский и многие другие.

Научно-исследовательская деятельность на историческом факультете университета предоставляла широкие возможности для самореализации студентов. Интерес к политической жизни страны, активное участие в общественной жизни университета, любовь к родному горо-

ду обусловили выбор темы дипломной работы — «Роль газеты «Красное знамя» (г. Братск) в патриотическом воспитании трудящихся». Руководителем дипломной работы стал тогда молодой ученый кандидат исторических наук Ю.А. Петрушин. Позднее судьбы В.В. Кудряшова и Ю.А. Петрушина не раз пересекались.

После окончания университета В. Кудряшов получил распределение на север Иркутской области в Бодайбинский район в среднюю школу небольшого поселка энергетиков Мамакан. Молодого и энергичного педагога вскоре пригласили на работу в Бодайбинский горком ВЛКСМ в качестве второго секретаря. Комсомольская работа дала неоценимый опыт взаимодействия с людьми и способствовала развитию организаторских способностей.

Тем временем родной город Братск рос и развивался, его мощные предприятия и учреждения требовали высококвалифицированных специалистов. В 1980 г. на базе филиала Иркутского политехнического института возник самостоятельный вуз — Братский индустриальный институт. А в 1994 г. в техническом вузе было создано гуманитарное направление, что являлось несомненной заслугой заведующего кафедрой доктора исторических наук, профессора В.И. Сверчкова и первого декана ГПФ кандидата наук, доцента С.А. Солдатова, тоже выпускника ИГУ.

На вновь созданную выпускающую кафедру истории и был приглашен Василий Васильевич. Сомнений в принятии решения не возникло, семья Кудряшовых перебралась в Братск. Новым было все: и только формирующийся молодой коллектив кафедры, и учебные планы, и преподавательская деятельность. Для вновь прибывших специалистов были выделены квартиры в преподавательском доме на территории университетского городка.

В первые годы работы остротенность на кафедре была невысока, для повышения качества преподавания в Братск часто приглашали профессоров иркутских вузов. Так и произошла знаковая встреча с профессором Н.Н. Щербаковым, известным специалистом по истории политической ссылки в Сибири. В период учебы студента В. Кудряшова в ИГУ Николай Николаевич находился в длительной научной командировке, поэтому встреча и личное знакомство состоялись позднее. В 1999 г. В.В. Кудряшов поступил в аспирантуру ИГУ, где по совету и под руководством Н.Н. Щербакова приступил к изучению роли ссыльных меньшевиков в общественной жизни в Восточной Сибири. Именно Н.Н. Щербаков оказал решающее влияние на формирование научных взглядов начинающего ученого. Советы и рекомендации, а, порой, и жесткие требования Николая Николаевича помогли В.В. Кудряшову получить первый большой опыт научных изысканий. Осуществляя научный поиск, аспирант

взаимодействовал как со своими бывшими преподавателями, так и с товарищами по студенческой скамье. Они также способствовали становлению исследователя.

В 2004 г. в диссертационном совете Иркутского государственного университета В.В. Кудряшовым была защищена кандидатская диссертация по теме «Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907 – февраль 1917 гг.)». В ней на основе новых подходов обобщался большой пласт архивных документов, раскрывались роль и место меньшевиков в революционном движении России. На основе диссертации была издана монография, получившая затем одобрение в историческом сообществе.

Конкретно-историческая проблематика политической ссылки в Сибирь стала для Кудряшова научным полем приложения исследовательских сил. Ученого привлекают новые, ранее недоступные архивные источники и рассекреченные документы репрессивной политики России. На их основе он публикует статьи, выступает на научных конференциях, читает лекции, занимается научно-методической работой. Еще на заре своей научной деятельности В.В. Кудряшов стал сотрудничать с «Историко-экономическим ежегодником» и редакцией сборника «Сибирская ссылка» и постепенно превратился в их постоянного автора. Теперь сложно представить эти сборники без статьи В. Кудряшова.

Изучая опыт участия социал-демократов в избирательных кампаниях в Государственную думу, В. Кудряшов обратил внимание на тот факт, что в Иркутске депутатами всегда становились меньшевики. Это привело его к личности В.Е. Мандельберга, первого депутата Государственной думы от города Иркутска. Определенную поддержку и помощь при изучении биографии ссыльного социал-демократа В. Кудряшов получил от известного специалиста, доктора исторических наук, профессора А.А. Иванова. В результате изучения материалов центральных и местных архивов, периодической печати начала XX века исследователь существенно расширил представления о деятельности Мандельберга, показал его роль в истории Иркутска, в истории революционного движения в Восточной Сибири и РСДРП. Ученый впервые подробно проанализировал деятельность В. Мандельберга как депутата II Государственной думы, раскрыл позицию делегата от сибирского социал-демократического союза по ключевым вопросам на II съезде РСДРП.

В то же время В.В. Кудряшов занимается и разработкой методических вопросов. В 2015 г. из-под его пера вышло первое издание учебного пособия «История политической ссылки в Сибири». В нем автор, опираясь на достижения коллег по ссыльной тематике, обобщил накопленный материал о сибирской ссылке, расширил фактическую сторону вопроса, включая период ссылки советского периода. В 2018 г. учебное пособие

в соавторстве с коллегой по ссыльной тематике В.Н. Максимовой было дополнено и переиздано.

В 2018 г. вышло в свет учебное пособие «История политических партий в России», ставшее результатом многолетнего изучения материалов становления и развития партий в дореволюционный и постсоветский периоды. Автор постарался раскрыть причины создания партий, особенности формирования их социальной базы, тактики действий и роли в истории страны. Для В.В. Кудряшова как ученого и гражданина в целом характерно критическое отношение к современным партиям и движениям, к оценкам некоторых событий нашего общего исторического прошлого.

Результатом научных публикаций и учебно-методических работ стало присвоение В.В. Кудряшову ученого звания доцента по специальности 07.00.02 Отечественная история.

В 2007 г. Василий Васильевич возглавил кафедру истории и политологии Братского государственного университета, и его главной заботой стало повышение научно-педагогической квалификации кадров за счет создания максимально благоприятных условий для научной работы, в том числе для написания и защиты кандидатских и докторских диссертаций.

За эти годы многие выпускники кафедры защитили диссертации и сегодня работают не только в Братском государственном университете, но и в вузах Восточной Сибири. В школах, музеях, архивах Братска и за его пределами успешно работают историки, выпускники БрГУ. Они с благодарностью вспоминают своего преподавателя, считают себя воспитанниками Василия Васильевича. Разбросанные по всей России и за ее пределами они не забывают поздравить своего учителя с праздниками.

Следует отметить краеведческую деятельность ученого. Коренной братчанин, он много делает для пропаганды исторических знаний в городе. Кафедра под руководством В.В. Кудряшова выступает главным организатором значимых для города научно-практических конференций, посвященных памятным датам в истории Братска и страны.

Нельзя не отметить человеческие качества В.В. Кудряшова: научную принципиальность, бескомпромиссность и доброжелательность, восприимчивость к новациям и уважение к работам предшественников, демократичность в общении с коллегами. Привлекает в юбиляре его скромность. Он не распространяется о том, что его сын Федор является известным футболистом, игроком сборной России. Хотя многие коллеги знают об этом, интересуются и следят за его успехами. Многие далекие от футбола люди стали футбольными болельщиками благодаря Кудряшовым.

Сегодня сибирское историческое сообщество знает В.В. Кудряшова как признанного специалиста в изучении социально-политической истории, истории революционного движения и ссылки в Восточной Сибири в начале XX в., истории г. Братска и Братского района. Коллеги отмечают его научную основательность, владение методикой источниковедческого анализа, историческую эрудицию. Пожелаем юбиляру новых творческих успехов, долголетия и личного счастья.

### **Библиография некоторых работ В.В. Кудряшова**

1. Кудряшов В. В. *Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907 — февраль 1917 г.): монография* / В. В. Кудряшов. — Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2008. — 176 с.
2. Братск: азбука романтиков / В. В. Кудряшов, Л. М. Салахова, Г. А. Цыкунов и др. — Братск : Изд-во БрГУ, 2011. — 155 с.
3. История политической ссылки в Сибири : учебное пособие / сост. Кудряшов В. В., Максимова В. Н. — 2-е дополн. изд. — Братск : БрГУ, 2018. — 202 с.
4. История политических партий в России : учебное пособие / сост. Кудряшов В. В. — Братск : Изд-во БрГУ, 2018. — 171 с.
5. Кудряшов В. В. *Ссылные меньшевики и мировая война* / В. В. Кудряшов // *Сибирская ссылка : сб. науч. ст.* — Вып. 5 (17) — Иркутск : «Оттиск», 2009. — С. 388–403.
6. Кудряшов В. В. *Политический ссылный В. Мандельберг в истории Иркутска* / В. В. Кудряшов // *Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович.* — Вып. 7 (19). — Иркутск : «Оттиск», 2013. — С. 491–504.
7. Кудряшов В. В. *Доктор медицины В.Е. Мандельберг* / В. В. Кудряшов // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015.* — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — С. 528–535.
8. Кудряшов В. В. *Воспоминания В.Е. Мандельберга о II Государственной думе* / В. В. Кудряшов // *Труды БрГУ. Серия: Гуманитарные науки.* — 2015. — С. 118–122.
9. Кудряшов В. В. *Депутат II Государственной думы Виктор Мандельберг* / В. В. Кудряшов // *Проблемы социально-экономического развития Сибири.* — 2016. — № 4 (26). — С. 121–127.
10. Кудряшов В. В. *Виктор Мандельберг на II съезде РСДРП* / В. В. Кудряшов // *Сибирская ссылка : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. А. Иванов, С. И. Кузнецов.* — Вып. 9 (21). — Иркутск : «Оттиск», 2019. — С. 367–381.

### **Информация об авторах**

*Ковригина Снежана Валерьевна* — к.ист.н., доцент базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40. e-mail: sarapylova@bk.ru.

*Максимова Валентина Николаевна* — к.ист.н., доцент базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40. e-mail: maksimova\_v\_n@mail.ru.



*Цыкунов Григорий Александрович* — доктор исторических наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsykunovga@gmail.com.

### **Authors**

*Snezana V. Kovrigina* — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709, e-mail: sarapylova@bk.ru.

*Valentina N. Maksimova* — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709, e-mail: maksimova\_v\_n@mail.ru.

*Grigory A. Tsykunov* — doctor of historical sciences, professor, Chair of theory of law and socio-legal disciplines, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: tsykunovga@gmail.com.

---

## РЕЦЕНЗИИ

---

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.56

*Ю.П. ВАХРУШЕВ*

УДК 94(571.5)

ББК 63.3 (253.5)

### **БАРГУЗИНСКИЙ ОСТРОГ ВО ВРЕМЕНИ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ\***

Вниманию специалистов-историков и всем заинтересованным читателям представлена полноценная монография, объектом исследования которой стала история возникновения и развития одного из старейших поселений на путях расширения границ Российской государственности.

**Ключевые слова:** история, острожное поселение, село, поселок, город, население, территориально-административные реформы.

*YU.P. VAHRUSHEV*

### **BARGUZIN OSTROG IN TIME AND ADMINISTRATIVE SPACE**

This monograph is presented to the historians and all interested readers, the object of study, which was the history of the emergence and development of one of the oldest settlements in the way of expansion of Russian statehood.

**Keywords:** history, settlement, village, town, city, population, territorial and administrative reforms.

Библиотека литературы, посвященной освоению Сибири, пополнилась новой работой, авторы которой, Т.С. Бреславская и Т.С. Филиппова, свой труд скромно наделили статусом книги. Тем не менее, заинтересованный читатель получает полноценную монографию, объектом исследования которой стала история возникновения и развития одного из старейших поселений на путях расширения границ Российской государственности. Именно так, трудами казаков первопроходцев, в 1648 г. и был основан Баргузинский острог, ставший одним из первых опорных пунктов в Байкальской Сибири. В 1661 г. государевы слуги основывают Иркутский острог, в 1666 г. — Верхнеудинский. Путем строительства больших и малых крепостиц осваивались обширные сибир-

---

\* Рец. на: Бреславская Т. С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927) / Т. С. Бреславская, Т. С. Филиппова. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 508 с.

ские пространства, но по мере их обживания, место и роль острожных поселений менялась. Из их общего числа, благодаря более удачному транспортно-географическому расположению, только менее трети всех военно-административных поселений получили возможность для дальнейшего развития и превращения со временем в крупные города. Судьбы остальных поселений, в силу разных причин, складывалась по-разному, но до наших дней в большинстве своем, они сохранились как административные единицы на картах страны.

Баргузинский острог и его почти 400 летняя история дает нам пример возникновения и развития такого рода поселений, значимость которых определялась не только численностью населения, но и, в первую очередь, важностью административно-хозяйственных задач, стоявших перед конкретным центром государственности на определенной территории.

Авторы монографии, анализируя историю основания Баргузинского острога с момента его основания, детально изучая перипетии его дальнейшей многовековой судьбы, воссоздают пример такой эволюции. Возникнув первоначально как военно-административный пункт, Баргузинский острог в 1783 г. становится уездным городом Баргузинского уезда Нерченской области Иркутского наместничества. Видимым проявлением повышения статуса нового города стало присвоение ему в 1790 г. именного герба. Однако в рамках очередного территориально-административного переустройства Байкальской Сибири в 1822 г. Баргузин становится заштатным уездным городом Верхнеудинского округа и причисляется по управлению к разряду малолюдных городов. В 1851 г. с образованием Забайкальской области он включается в ее состав. В 1856 г. становится окружным городом. В 1870 г. в его подчинение входят Баргузинский и Селенгинский округа. В 1901 г. в рамках территориальных реформ уточняется состав и границы Баргузинского уезда, с которыми город Баргузин вступает в бурное XX столетие, наложившее на него свой отпечаток.

Возникшая в ходе бурных революционных событий на просторах бывшей Российской империи, новая Российская Советская Республика в ходе гражданской войны, исходя из сложной военно-политической обстановки, была вынужденно пойти на создание буферного государства — Дальневосточной Республики (ДВР), в состав которой в ноябре 1920 года включается Баргузинский уезд Прибайкальской губернии. Однако с ликвидацией в 1922 г. этого своеобразного государства уже в следующем году город Баргузин с уездом передается в новое национально-государственное образование — Бурят-Монгольскую АССР, с преобразованием его в Баргузинский аймак. Но в 1927 г. Баргузин утрачивает статус города и становится на 40 лет селом, и только в 1973 г.

приобретает статус поселка городского типа. Но после радикальных общегосударственных политических преобразований 1990-х гг. и их тяжелых социально-экономических последствий, поселок Баргузин вновь становится селом.

В своем исследовании Т.С. Бреславская и Т.С. Филиппова, не опуская особенностей возникновения и раннего периода жизнедеятельности сторожевого поселения, основное внимание уделяют периоду с 1783 по 1927 гг., когда Баргузин имел статус города. Они используют широкий круг источников, архивные документы, летописные источники, работы современных историков, которые в той или иной мере затрагивали вопросы деятельности первопроходцев по освоению Сибирских пространств, дневниковые записи путешественников, посещавших город в разные годы того периода времени, записи и материалы, хранимые в личных архивах их современных потомков. Авторы, опираясь на все эти материалы, реконструировали достаточно точные картины практически всех сфер материальной и духовной жизни города во всем ее многообразии, со всеми ее достоинствами и недостатками за почти 140 летнее существование Баргузина в статусе города. Им удалось детально проанализировать процесс постепенного формирования города не только как внешней среды обитания: с обустроенными улицами, тротуарами, различными постройками частного и общественного назначения городского типа, но и выявить постепенную эволюцию психологического настроения населения Баргузина, которое со временем во все большей мере стало ощущать себя уже не просто жителями осторожного поселения, а горожанами, создающими и воспроизводящими новые для себя традиции и обычаи, становясь, таким образом, носителями городского образа жизни. Это требовало для своего существования и развития наличия, прежде всего, не просто грамотных, но и достаточно образованных людей. Авторы отмечают, что в этом отношении городу и его округе можно сказать «повезло», так как еще с середины XVII века государство постепенно превращало весь край в место ссылки, именно поэтому многие ссыльнопоселенцы и их потомки во многом способствовали формированию культурной среды города. Позднее, сохраняя эту традицию, наиболее активные члены городского сообщества на добровольной основе поддерживали школьное образование, были инициаторами создания городской общедоступной библиотеки, создавали ее художественный и научно-популярный фонд.

Большое влияние на формирование общей интеллектуальной атмосферы города, особенно в первое десятилетие прошлого века, оказали те ссыльнопоселенцы, которые были носителями не только различных политических идей, но и пропагандистами и умелыми организаторами. Присутствие их в городской среде активизировало общественные умунастро-

ения, которые довольно быстро само-организовались, первоначально, в культурно-просветительские организации, но со временем их деятельность приобрела ярко выраженную политическую окраску. Как отмечают авторы, наиболее ярко в этом отношении проявила себя еврейская часть городского населения, создав в 1918 г. Баргузинский еврейский общинный совет, представители которого приняли активное участие в работе Всесибирского съезда еврейских общин. Поддерживая идею передачи Палестины еврейскому народу, Баргузинская община перечислила 1 000 рублей в его Национальный фонд. В 1918 г. в городе создается первый Совет рабочих и крестьянских депутатов и Баргузинский военно-революционный комитет. В это же время для защиты общепрофессиональных интересов, для успешного осуществления общественно-политической и культурно-просветительской деятельности был создан Баргузинский союз служащих правительственных, общественных и частных учреждений. Все эти организации, в очень сложное время, но, каждая по-своему, стремились сохранить, улучшить жизнь города и его населения.

Материалы того времени показывают: что революция, гражданская война и ее последствия разрушили устоявшиеся в городе и его округе формы хозяйственной жизни. Это, в конечном счете, и поставило перед уже оставшимся немногочисленным его населением, вопрос о дальнейших перспективах своего организационного существования, так как утрата экономической базы: сокращение работы золотодобывающих приисков, уменьшение рыбопромысловой деятельности, общее снижение торгово-хозяйственной деятельности делало для населения чрезвычайно затруднительным содержание городского хозяйства. Именно поэтому, объективно оценивая свои возможности, граждане Баргузина, подводя итоги общих собраний 5 апреля 1925 г. обратились в правительство Бурят-Монгольской АССР с просьбой присвоить Баргузину статус села. Постановлением центрального правительства от 25 сентября 1927 г. на карте страны появляется село Баргузин, которое уже в новом качестве продолжает свою жизнь во времени и в административном пространстве, становясь то поселком городского типа, то снова селом, создавая свою многовековую историю.

Оценивая объемный труд коллектива авторов, можно сказать, что специалист-историк, читатель, заинтересованный историей освоения Байкальской Сибири, современный житель села Баргузин найдет в книге много интересного и ранее неизвестного.

### **Информация об авторе**

*Вахрушев Юрий Петрович* — кандидат философских наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

**Author**

*Vahrushev Yu.P.* — PhD in Philosophy, Associate professor of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Lenin str., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.57

***В.Н. КАЗАРИН***

УДК 016(571.54/.55)(091)

ББК 016:Т3(2Р54)

**ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ  
В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ\***

Дана рецензия на учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование», профиль «История». Отмечено системное рассмотрение автором ключевых проблем развития восточного Забайкалья с середины XVII в. до настоящего времени. Сделан вывод о том, что материалы пособия могут быть использованы для изучения как истории России нового и новейшего периодов в целом, так и ее стратегически важного региона.

**Ключевые слова:** Высшая школа, историческое образование, власть, общество, восточное Забайкалье.

***V.N. KAZARIN***

**HISTORY OF EAST TRANSBAIKALIA  
IN THE MANUAL FOR THE HIGHER SCHOOL**

The review of the manual for students of the higher educational institutions training on a direction of preparation «Pedagogical formation (education)», a structure «History» is given. System consideration by the author of key problems of development of east Transbaikalia from middle XVII is marked in till now. The conclusion that materials of the grant can be used for studying as histories of Russia of the new and newest periods as a whole, and its strategically important region is made.

**Keywords:** The higher school, historical education, authority, a society, east Transbaikalia.

---

\* Рец. на: Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.): учебное пособие / В. И. Мерцалов; Забайкальский государственный университет. — Чита: ЗабГУ, 2019. — 158 с.

Принято считать, что учебники и учебные пособия, в отличие от монографий, не содержат научной новизны, а лишь обобщают уже написанное ранее. Возможно, это и так, хотя, если вспомнить, например, курсы лекций и учебники русской истории В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, то высказанное суждение будет, очевидно, не таким категоричным. Учебные пособия — очень ответственная форма научно-педагогического труда, воплощающая, как правило, результат чтения лекций и проведения семинарских занятий в течение длительного времени. Это предполагает не только знание историографии вопроса по рассматриваемым темам, но и проектирование дидактической составляющей будущего учебного пособия или раздела учебника. К тому же, учебное пособие создает основу для изучения общих или специальных курсов студентами высших учебных заведений. А здесь необходимо выделить узловые темы курса, определить теоретико-методологические подходы к изложению материала, правильно рассчитать количество часов, отводимых на изучение разделов и тем, продумать контрольные и проверочные задания. Те из наших коллег, кто давно работает в профессии, хорошо знают, что, если раньше пособие могло быть изданным переработанным материалом защищенной диссертации или нескольких статей без должной учебно-методической проработки, то теперь этого будет явно недостаточно. Требования к учебным пособиям значительно возросли.

Еще раз подчеркнем: монография, в частности, по исторической проблематике, может быть ограничена относительно небольшим периодом времени и исследованием конкретной проблемы, в изучение которой автор призван по определению внести что-то новое. Например, научная монография, посвященная истории Забайкалья, охватывающая историю западной его части за 40 лет, и концентрирующая внимание на вопросах сылки, экономического развития и политическим перипетиям первых десятилетий XX в. [1].

Перед учебным пособием стоят другие задачи: изложить весь учебный курс или его часть конкретному адресату в целях его профессиональной подготовки. А это требует от автор(ов) высокой квалификации, четкого видения структуры курса, умения работать с огромным количеством изданной литературы, а в редких случаях, и с архивными источниками.

Перед нами учебное пособие профессора В. И. Мерцалова «Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII — начало XXI в.)», изданное Забайкальским государственным университетом. В. И. Мерцалов — доктор исторических наук, один из опытных преподавателей высшей школы, много десятилетий посвятивший себя научно-педагогическому труду, автор монографий [5, 6], многочисленных журнальных статей, в том числе новейшей, написанной на весьма актуальную тему

[4], а также статей в авторитетном издании «Малая энциклопедия Забайкалья». В Библиографическом списке, составившем источниковую основу пособия, указаны 122 наименования, из них 16, написанные автором. Рецензентами пособия выступили хорошо известные в профессиональных кругах д-р ист. наук, профессор Н. В. Гордеев, и канд. ист. наук, доцент, ведущий архивист государственного архива Забайкальского края Т. А. Константинова.

Пособие состоит из четырех разделов, хронологически охватывающих эпоху «Русской Сибири» — с середины XVII в., т. е. с момента появления первых острожных поселений на территории нынешнего Забайкальского края, и до наших дней. Критерий, который положен автором в основу деления на разделы — уровень индустриального развития региона. Соответственно: доиндустриальное общество (середина XVII в. — середина XIX в.), прединдустриальное общество и вхождение его в индустриальную эпоху (вторая половина XIX в. и до начала Первой мировой войны, индустриальная эпоха (1914–1991 гг.), и наконец, эпоха глобальных перемен (1991–2018 гг.). Необходимо отметить, что такое деление носит авторский характер. Правда, последний раздел несколько выбивается по названию из предложенного критерия деления. Возможно, это постиндустриальный период, или деиндустриальный? Все же вектор перемен относительно привязки к общему критерию можно было обозначить.

Традиционно Забайкалье рассматривается в исторической литературе либо в общем контексте истории Восточной Сибири, либо деления его на западное (современная Республика Бурятия) и восточное (Забайкальский край). Последнее время, в связи с реформатированием конфигурации федеральных округов, Забайкалье, вошедшее в Дальневосточный округ, возможно, будет больше рассматриваться с общими тенденциями развития российского Дальнего Востока. И это может скорректировать историографическую традицию. Автор же, обозначив в заглавии «Забайкалье», излагает в основном историю именно восточной его части, административно-территориально охватывающей современный Забайкальский край. При этом автор отходит от привычного изложения «западное–восточное Забайкалье», а освещает взаимодействие севера и юга Забайкалья. И в этом определенная новизна в пространственных подходах к рассмотрению темы изложения материала.

Основная задача автора учебного пособия, охватывающего продолжительный хронологический период, четко расставить «опорные точки» событийного ряда. Каковы же они? В.И. Мерцалов выделяет: «острожный» период, т. е. возникновение первых поселений, служащих базой дальнейшего освоения громадного края, реализация государственной политики по сбору ясака с автохтонного населения, роль ад-



министрации региона в создании «опорного края» державы, в развитии дипломатических отношений с соседней Цинской империей. Последовательно и информативно прописано автором индустриальное освоение региона, начиная от сереброплавильного производства, до создания промышленно-транспортного комплекса на территории Читинской области в советский период. В.И. Мерцалов очень хорошо владеет этим материалом, и ему удалось показать, все экономические (хозяйственные) реформы, их непростую реализацию, результаты для развития края.

В силу суровых природно-климатических условий, территория за Байкалом никогда не являлась развитым аграрным регионом страны. Но и здесь были земельные противоречия, осуществлялась продрозверстка и новая экономическая политика в деревне, проводилась коллективизация, хрущевские преобразования на селе. Все это также нашло отражение в пособии.

Специфика региона, даже в обще сибирском и дальневосточном контексте истории XIX–XX вв., это проведение военно-оборонной политики государства, особенности политической истории, связанной с событиями Гражданской войны и существованием Дальневосточной республики. Этому автор обоснованно уделяет значительное внимание. Убедителен автор и в анализе после февральской ситуации 1917 г. в восточном Забайкалье и борьбы за власть между различными военно-политическими силами, его оценками режима атамана Семенова и его роли в событиях Гражданской войны, и прямого вмешательства других стран в войну на территории бывшей Российской империи.

В.И. Мерцалов справедливо отмечает, ту роль, которую сыграли события на Халхин-Голе в 1939 г. в плане срывов милитаристских кругов Японии в отношении СССР. Тем более, что в публицистической литературе можно найти и «рассуждения» о «мало значимости этого небольшого конфликта» в условиях мирового военно-политического кризиса 1939–1941 гг. Достоинно показана и роль забайкальского тыла и одновременно потенциального рубежа обороны в годы Великой Отечественной войны.

Автор заканчивает изложение событиями 2018 г., т. е. кратко, насколько позволяют источники и уровень обобщения в научной литературе современных процессов, постсоветскую и современную историю региона. Очевидно, что эта составная часть нашей истории еще предстоит быть осмысленной в будущем.

В пособии много имен первопроходцев, общественных и политических деятелей, передовиков производства, как говорили ранее, деятелей культуры. При этом, что необходимо еще раз подчеркнуть, все события тесно увязаны с рассмотрением процессов, происходивших в центральной России, отчасти в Восточной Сибири. Таким образом, заявленный

в названии «контекст российской истории» постоянно поддерживается автором. В конце всех разделов пособия автором сформулированы контрольные вопросы и задания.

Анализ текста учебного пособия позволяет высказать некоторые суждения. Выше уже отмечалось, что в основу хронологического деления положен уровень индустриального (промышленного) развития региона. Вместе с тем, не вполне, на наш взгляд, обоснованно выделение в первом разделе двух параграфов: эпохи Великих географических открытий, ограниченных автором 1653–1689 гг., и эпохи Просвещения (1700–1850 гг.). Такое деление, вызывает, во-первых, вопрос, куда же исчезли 11 лет конца XVII в., а, во-вторых, более серьезные суждения. Стоит ли в условиях современной науковедческой ситуации, когда преодолеваются подходы калькирования европейско-американского модерна на всемирную историю, и на нашу российскую историю, привязывать к ним эти конструкты? Тем более, понятие «эпоха Просвещения» более всего подходит к указанию на развитие научной мысли, прежде всего социально-гуманитарной. Да и верхняя хронологическая граница эпохи далеко не всеми авторами определяется серединой XIX в. Можно ли полтора столетия всемирной истории уложить в название этой эпохи, тем более, применяя ее в истории Забайкалья, в котором тогда не было даже университета? Может быть стоило пойти хорошо испытанным традиционным путем: за основу взять проблемно-хронологический принцип, который дает прекрасную возможность увязать деление на значимые периоды времени, выделяя в них развитие сфер социальной жизни (индустриальное, аграрное, демографическое развитие, образование, культура и др.). В этом отношении такой подход представляется весьма удачным в коллективной монографии, посвященной истории Иркутской губернии/области [3].

Возможно, автору стоило обратить больше внимания на социальное развитие края, изменению социального положения его населения, используя для этого материалы монографии [7], в которой освещены эти вопросы. Говоря об основных тенденциях послевоенного развития, можно было обоснованно уделить больше внимания превращению бывшей пограничной азиатской периферии империи в один из регионов, обладающий научно-образовательным потенциалом. Эти тенденции также нашли отражение в сибирской историографии [2].

Отмечено, что современные студенты слабо знают персоналии, чьи имена связаны с историей региона. В этой связи было бы желательно, в тексте указать не только фамилии и инициалы, но и имена и отчества руководителей края, видных общественных деятелей, наиболее ярких представителей культуры, науки, образовательных учреждений, а в конце составить алфавитный словарь. Можно было составить и терминологи-

ческий словарь, в котором, к примеру, указать, такие термины, как «дети боярские», «ясачные инородцы», «неясачные инородцы», «волость», «уезд» и множество других. Практика свидетельствует, что для поколения современных студентов, родившихся на рубеже прошлого и XXI в., эти и другие понятия воспринимаются очень даже приблизительно. Можно было составить также список рефератов для более детального изучения отдельных тем по истории региона.

В целом, рецензируемое учебное пособие В. И. Мерцалова по охвату рассматриваемых вопросов, по цельному хронологическому периоду, по выделению автором и анализу базовых событий, определивших развитие восточного Забайкалья почти за 400 лет, явилось заметным явлением в учебной литературе по истории Сибири и Дальнего Востока. Изучение студентами истории Забайкалья в контексте истории Отечества позволит лучшему освоению курса истории России, и, что очень важно в современных условиях развития нашей государственности, патриотическому воспитанию молодежи.

### Список использованной литературы и источников

1. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880– 1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас ; отв. ред. Б. В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2012. — 300 с.
2. Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). / В. Н. Казарин. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1998. — 308 с.
3. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. : [коллект. моногр.]. — Иркутск : ВостСибкнига, 2012. — 800 с.
4. Мерцалов В. И. Политическое «лицо» атамана Семенова (к истории Гражданской войны на Дальнем Востоке) / В. И. Мерцалов // Российско-китайские исследования. — 2018. — Т. 2, № 3–4 (3). — С. 257–168.
5. Мерцалов В. И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. / В. И. Мерцалов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Чита : ЗабГУ, 2015. — 258 с.
6. Мерцалов В. И. Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг. : предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири) / В. И. Мерцалов. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 266 с.
7. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 356 с.

### Информация об авторе

*Казарин Виктор Николаевич* — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт ИГУ, ФГБОУ ВО «ИГУ», (664003, г. Иркутск, Российская Федерация, ул. К. Маркса, 1, тел. +7 3952 52-11-82); e-mail: kazarinvik@yandex.ru. Тел. 89148723067.

### Author

*Victor N. Kazarin* — Doctor of History, Professor, Chair of Constitutional Law and the Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, the Russian Federation, 664003, phone +7 3952 52-11-82); e-mail: kazarinvik@yandex.ru. 89148723067.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.58

*A.A. РАСПОПИНА*

УДК 94(571.6)

ББК 63.3(255.3)

## МЕМУАРЫ ПАРТИЗАН О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ПРИАМУРЬЕ\*

Анализируется сборник воспоминаний участников партизанской борьбы в Приамурье в период Гражданской войны и интервенции.

**Ключевые слова:** Приамурье, Гражданская война, интервененты, белогвардейцы, партизанское движение.

*A.A. RASPOPINA*

## MEMOIRS OF PARTISANS ABOUT THE CIVIL WAR IN THE AMUR REGION

The article analyzes a collection of memoirs of participants in the partisan struggle in the Amur region during the Civil war and intervention.

**Keywords:** Amur region, Civil war, interventionists, white guardsmen, partisan movement.

Уже сто лет минуло со времени одной из самых трагических страниц истории нашей страны — Гражданской войны, но раны, нанесенные той, братоубийственной войной не зажили и по сей день. Сложно преодолеть войну в умах, мы и сегодня никак не можем прийти к окончательному пониманию, осмыслению и объяснению, как самой Гражданской войны, так и того, что ей предшествовало, выработать общие оценочные суждения. На страницах научных статей и монографий разворачиваются бурные дискуссии о событиях прошлого. Весьма многочисленна и разнопланова источниковая база, предлагающая массу материала для исследователей, но это вовсе не облегчает задачу. Среди всего разноо-

---

\* Рец. на: Партизанскими тропами: Воспоминания участников партизанского движения в Амурской области в 1918-1920 годах / сост. В. Игнатенко. — Иркутск: Оттиск, 2018. — 368 с.

бразия источников отдельно хочется выделить мемуарную литературу.

Именно к этому виду источников можно отнести опубликованные В. Игнатенко воспоминания четырех участников партизанского движения в Амурской области в 1918–1920 гг.: Ивана Тимошенко, Евлампия Ефимова, Евсея Воропаева и Ильи Безродных. В предисловии к изданию В. Игнатенко поясняет, как именно возникла идея подготовки этой книги и в связи с чем, под одной обложкой были объединены воспоминания именно этих людей. Так, Виктор Игнатенко пишет, что все началось с рукописи Ивана Ивановича Тимошенко, которую просто планировали издать отдельной книжкой, но в то время, пока шло редактирование мемуаров, в Государственном архиве Хабаровского края неожиданно обнаружилась стенограмма воспоминаний еще одного участника партизанского движения в Амурской области — Евлампия Ефимова. Чуть позже к двум впервые публикуемым воспоминаниям решено было добавить воспоминания еще двух активных участников партизанского движения на территории Амурской области в годы Гражданской войны, которые хотя и издавались ранее, но всего один раз. В предисловии к изданию В. Игнатенко представляет биографии всех четырех участников партизанского движения и дает небольшую характеристику их мемуарному творчеству. Таким образом, получился любопытный сборник исторических источников одного вида.

Сами по себе мемуары являются интереснейшим историческим источником. Это ни в коем случае не научная литература, их сложно отнести исключительно к документальной или художественной литературе. Это весьма специфический жанр, позволяющий увидеть в первую очередь человека на фоне тех или иных исторических событий, точнее смотреть глазами самого рассказчика на окружающую его действительность, воспринимать все через его ментальность и чувства, что часто может служить самым настоящим ключом к пониманию отдельных исторических периодов через их повседневность, такую понятную и обыденную для самого автора. Далек не каждый берется за перо, чтобы запечатлеть события, свидетелем которых он был или зафиксировать свою повседневную и часто совершенно обычную жизнь. Эпистолярный век, когда ежедневное ведение дневников и обширная достаточно регулярная переписка были для отдельных групп населения явлением совершенно будничным, остался далеко в прошлом. Но это вовсе не говорит о том, что мемуарная литература исчезла как вид, либо стала чрезвычайной редкостью. Человек и в XX веке и сегодня берется за перо, ручку или использует клавиатуру, когда у него возникает потребность зафиксировать свое личное участие в тех или иных исторических событиях, или донести до потомков с фотографической четкостью или мастерством живописца то, что имело для него важность, возможно это

просто взгляд обывателя на повседневность. Но тем интереснее читать нам, живущим сегодня, о событиях прошлого, даже не такого далекого.

Мемуары можно назвать воплощением духа эпохи. Такие исторические источники личного происхождения дают интересную пищу для размышлений. Но работать с подобными источниками надо чрезвычайно осторожно, используя разнообразные методы и это не только классические — анализ, синтез и интерпретация, но по возможности и дополнительные методы, позволяющие на междисциплинарном уровне, используя методы разных гуманитарных наук получить как можно более полную информацию. Чрезвычайно важен может быть анализ языка текста, который позволит определить социальный статус автора текста. В мемуарной литературе советской эпохи интересно наблюдать процесс усвоения и использование «новояза», что является своеобразной приметой времени. Масса таких примеров и в воспоминаниях партизан Амурской области. В них удивительным образом переплетается органический крестьянский язык и язык газетных передовиц и политинформаций, канцелярщины. В воспоминаниях Ивана Тимошенко «Партизанскими тропами» есть замечательный сюжет о встрече в д. Ярославка (Амурской области) с одним старичком лет восьмидесяти, который поведал о народных приметах, связанных с погодой (с. 108–109). Это фрагмент разительно отличается от остального текста и, в нем нет ничего от официального документа.

Многие исследователи сегодня обращаются к методу контент-анализа текста. Применяя этот метод к мемуарной литературе, перед исследователем могут открыться новые дополнительные возможности для анализа материалов. Можно разглядеть подлинный интерес автора к каким-то определенным событиям, отделив его от показного. Не всегда авторы мемуарной литературы советского периода могли выразить свое истинное отношение к определенным темам и событиям, однако вряд ли легко было оставаться абсолютно беспристрастным. Даже табуирование определенных тем рассказчиком говорит само за себя. В этом плане контент-анализ может помочь извлечь латентные характеристики текстов, которые могут быть даже не совсем явными и для самих авторов мемуаров, а также реконструировать систему ценностей мемуаристов.

Воспоминания всех четырех авторов сборника «Партизанскими тропами» посвящены описанию только тех событий, в которых пришлось участвовать им самим. Это не полноценные жизнеописания, а скорее стремление запечатлеть свое участие в работе партизанских отрядов, действовавших в Амурской области в годы Гражданской войны.

Открывают сборник воспоминания Ивана Ивановича Тимошенко — «Партизанскими тропами», давшие название и всему сборнику. В партизанский отряд Иван Тимошенко пришел, когда ему было 25 лет. Его био-

графия похожа на сотни других биографий его современников, которым довелось жить в то переломное время и не только увидеть, но и принять непосредственное участие в событиях Первой мировой, революции, Гражданской войны, коллективизации, индустриализации и конечно Великой Отечественной войны. Наш автор — это крестьянин, закончивший двухлетнее земское училище, воевавший на фронтах Первой мировой в составе 13-го Сибирского стрелкового полка и получивший контузию, в 1918 г. вернулся в родные края, где вновь, как и до войны, продолжил работать в Амурском пароходстве, но с окончанием навигации Иван Тимошенко принял решение уйти к партизанам. Его основной задачей в партизанском отряде было осуществление связи между разными отрядами нескольких партизанских районов. Воспоминания, написанные Тимошенко о деятельности отрядов достаточно подробно, основываются на его дневниковых записях, которые он вел в годы Гражданской войны. В последствие записи были существенно доработаны, но при жизни автора они так и не издавались. Его рассказ чрезвычайно насыщен именами и фамилиями участников партизанского движения, групп подпольщиков, просто жителей деревень Амурской области.

Он подробно рассказывает о полученном им задании по созданию подпольных повстанческих групп в деревнях Песчано-Озерской и Максимовской волостей, что удалось осуществить в течение одного месяца. Иван Тимошенко обращает внимание, что «основную роль в организации подпольных групп играли солдаты-фронтовики, обстрелянные в боях с германцами и не раз ходившие в штыковую атаку. Большинство из них возвратилось с фронта с оружием в руках, которое временно было ими припрятано» (с. 18). Будучи в сентябре 1919 г. по очередному заданию уже в Благовещенске, он отмечает поразивший его достаточно серьезный уровень конспирации, использовавшийся для передачи различных сообщений (с. 184–187).

На страницах «Воспоминаний» просматриваются интересные типы местно-русского населения. Осуществляя связь между партизанскими отрядами, Ивану Тимошенко пришлось много ходить по амурской тайге и притаенным деревням. На его пути попадались и бедняцкие и относительно богатые деревни, бывал он и в деревне староверов — Домикан на р. Бурее (с. 99–100). Интересны его зарисовки, касающиеся сельского быта и таежных маршрутов. Читая «Воспоминания» можно получить представление о структуре и организации партизанского меж-отрядного взаимодействия.

Все четверо авторов мемуаров пишут, что на время посевной и уборочной работы многие партизаны, т.к. они были из местных крестьян, отправлялись в свои деревни или на заимки, чтобы помочь своим семьям и это нередко сковывало деятельность партизанских объединений.

Следующее произведение — это «Воспоминания бывшего красного партизана», написанные Евлампием Ефимовым, точнее это стенограмма рассказа Е. Ефимова, составленная в 1931 г. Это уже несколько иной вид источника. Ряд исследователей считает, что лицо, ведущее беседу или стенограмму, оказывает некоторое влияние на мемуариста. Принято считать, что бумаге человек склонен больше доверять своих мыслей и чувств, нежели человеку, ведущему с ним беседу. Сегодня уже неизвестно, задавались ли какие-то вопросы Евлампию Ефимову, ставились ли перед ним какие-то цели относительно его повествования, исходила ли инициатива записи воспоминаний от него самого. Полностью его воспоминания никогда не издавались, за исключением некоторых страниц, которые, как отмечает В. Игнатенко, редакторы использовали, вставив их в текст воспоминаний другого участника партизанского движения — Е. Воропаева.

В воспоминаниях, которые охватывают только 1919 г., Евлампий Ефимович пишет о слабости партизанского отряда как воинского подразделения, прежде всего из-за плохой дисциплины партизан. Из обычной героики повествований выделяется свидетельство о партизанах-мародерах. Упоминается и о том, что в составе партизанских отрядов были не только русские, но нередко и китайцы, встречались и такие, которые не брезговали мародерством (с. 243). На страницах воспоминаний вновь можно увидеть названия уже знакомых деревень и среди них — староверческий Домикан, со своим жизненным укладом и неприятием к партизанам и советской власти (с. 235–239). Такая староверческая деревня была далеко не единственная. Именно в Домикане родился Евлампий Ефимов, позже он работал в подпольной группе Благовещенска, а после того, как группа была раскрыта, присоединился к партизанскому отряду Евсея Воропаева. На страницах воспоминаний отмечается, что обеспечение партизан продовольствием происходило за счет местного населения. В этой связи представляет интерес упоминание об отпуске партизан-крестьян на время весенне-полевых работ, сбора урожая и сенокоса. Партизаны говорили, что если не вернуться домой на посевные работы, то их семьи будут обречены голодную жизнь, а организация помощи семьям партизан коллективными усилиями не представлялась возможной, главным образом, из-за лесистой местности, которая не позволяла коллективно обрабатывать малые площади посевов (с. 222). Часть отряда, в котором состоял Евлампий Ефимов, была распущена по домам и на время празднования Пасхи, но известно, что Пасха в 1919 г. приходилась на 28 апреля, а значит это не только значимый церковный праздник, но и начало полевых работ, на которые отправилось около половины партизанского отряда. В связи с этим партизанские отряды были достаточно уязвимы в силу того,



что участники отрядов были местными жителями и, уходя в тайгу, воюя с японскими гарнизонами или белоказаками, оставляли в тылу у врага свои семьи. В деревнях процветал шпионаж, проплаченные японцами корейские шпионы ходили по амурским деревням под видом скупщиков продуктов и скота, внимательно за всем наблюдая, собирая информацию и выявляя партизан (с. 223). Евлампий Ефимович пишет о том, что партизанские формирования были не слишком многочисленны. На страницах мемуаров можно увидеть и возникавший порой среди партизан пессимистический настрой относительно того, что такими немногочисленными силами вряд ли можно победить японцев.

Небольшие по объему воспоминания, названные «За свободу!» принадлежат перу командира одного из партизанских отрядов, родившегося в семье казака — Евсею Яковлевичу Воропаеву. Несмотря на наличие большого количества заслуг, в 1936 г. он был репрессирован. События, описываемые Воропаевым, охватывают временной период конца 1918 — 1919 гг.: от его побега из Благовещенской тюрьмы, до организации вооруженного отпора японцам силами партизанских отрядов. Воспоминания Е. Воропаева не случайно в этом сборнике идут следом за текстом Е. Ефимова. Ефимов находился в отряде Воропаева и на многие события мы можем взглянуть с разных ракурсов, что существенно дополняет картину происшедшего. Мы имеем возможность сопоставить оценки и взгляды двух разных людей — командира отряда и рядового партизана. Их отряд действовал на территории Бурейского района Амурской области. Евсей Яковлевич рассказывает, как создавался отряд, какова была его численность, как организовывалось снабжение продовольствием. Пишет он и об общем настрое сельчан, отмечая, что в связи с началом деятельности партизанских отрядов, деревенские жители разделялись на три группы. К первой относились кулаки, зажиточные и староверы, которые активно содействовали белым и японцам. Вторую группу составляла деревенская беднота. Именно они, как правило, были основными участниками партизанских отрядов или помогали им с продовольствием. Самой опасной группой Евсей Яковлевич называл, как он сам писал, «подкулачников». Они часто содействовали партизанам, когда те появлялись, но стоило власти смениться — активно переходили на другую сторону, предавая вчерашних сторонников (с. 262).

Представляет интерес упоминание о тактике интервентов-японцев и о контрабандном промысле спирта, практиковавшегося вдоль амурской границы (с. 256). Интересно сравнение боевых качеств партизан-фронтовиков с нефронтовиками. Нередко необстрелянные на фронте партизаны, в ходе боя первыми переставали слушать команду, начинали беспорядочную перестрелку, могли стрелять без всякой цели до последнего патрона, а потом могли покинуть место боя (с. 272–273). Евсей Яковле-

вич отмечает то, к каким последствиям приводила недисциплинированность неопытных партизан для боевой работы. Учитывая, что рукопись Евсея Яковлевича была опубликована в 1935 г. в литературно-художественном сборнике воспоминаний руководителей и рядовых участников борьбы на всем Дальнем Востоке «Таежные походы», а в 1936 г. он был репрессирован, можно с некоторой долей вероятности предположить, что правдивое описание партизанских будней, возможно могло сыграть свою роль в дальнейшей судьбе Евсея Яковлевича.

Воспоминания Ильи Безродных «Амур в огне» предстают наиболее емкими и информативными из всех. Это связано с профессионализмом автора как кадрового военного — выпускника Иркутской школы прапорщиков, направленного по окончании школы летом 1917 г. на фронт. В феврале 1918 г. он вернулся в Амурскую область, где принял активное участие в деятельности Ивановской подпольной организации, а затем работе партизанского отряда.

И. Безродных дает качественный обзор особенностей вооружения партизан. Он пишет, что у партизан было «вооружение всех наций и всех периодов, начиная от крымской войны и до начала наших дней включительно: трехлинейки, берданы, игольчатки, штуцера, немецкие и австрийские винтовки, японские «арисака» обоих выпусков, винчестеры, маузеры и бесконечный ряд других каких угодно систем винтовок и револьверов до дробовых ружей с приготовленными к ним свинцовыми орехами до ста граммов включительно» (с. 278). Упоминаются невооруженные партизаны, именно они были больше всего подвержены панике. И. Безродных подробно описывает бои, которые вел его партизанский отряд с японцами, попутно анализируя расположение войск своих и противника, использование артиллерии обоими сторонами. Так, очень детально описав бой под Виноградовской заимкой, автор пришел к выводу, что несмотря на «ничью», «вести войну с недисциплинированной, не исполняющей в бою распоряжения командования, слабой вооруженной партизанской армией — задача не из легких» (с. 287). Поздно подходило пополнение, не хватало скоординированности действий, так, пришлось отменить наступление на г. Благовещенск, т.к. взять город силами только партизанских соединений без поддержки городских организаций было невозможно. Честно упомянуты провокаторы среди партизан.

Автором сделан вывод о малой результативности «большой» войны в первом периоде партизанского движения. Интересно уже то, что в тексте воспоминаний используется исследовательский подход и, партизанское движение в Амурской области подразделяется на периоды с основными их характеристиками. (с. 294–296). В воспоминаниях о первом периоде партизанского движения описывается Ивановский погром 22 марта 1919 года (разорение и сожжения японскими интервентами деревни Ивановки). Во

втором периоде партизанской деятельности, отмечает И. Безродных, появляются достаточно крупные объединения (отдельные партизанские отряды сводились в армии) с единым центром для всей области. Читая мемуары, действительно важно знать кем был человек, оставивший записи о тех или иных событиях. Так, зная о том, что Илья Безродных был кадровым военным (хотя и окончившим в ускоренном порядке школу прапорщиков уже во время Первой Мировой войны), совсем иначе воспринимается написанная им фраза: «После первой кампании, когда приказ командования не всегда был законом, отрадно было наблюдать строгий порядок вытянувшихся флажков в соответствии с разработанным планом» (с. 298). За этой фразой стоит понимание значения военной тактики, умение работать со штабными картами и отражать на них текущее положение дел.

Представляется интересным упоминание маневрирования партизанами артиллерийским огнем из захваченной у японцев артиллерийской батареи. Наибольшая результативность признаётся автором за партизанским движением второго этапа — малая война и «капитальный ремонт» Амурской железной дороги (с. 297). По существу, деятельностью партизан работа железной дороги была дезорганизована, что было чувствительно, прежде всего, для японских интервентов. Такие приёмы дезорганизации железной дороги, как отсечение целых участков пути по местам мостовых переходов и ломание пути «спиралью» следует признать наиболее эффективными. По существу, автором описан прообраз «рельсовой войны» против гитлеровцев в Великую Отечественную войну.

Илья Безродных завершает свое повествование февралем 1920 г., когда японцы вынуждены были оставить Амурскую область.

Завершают сборник воспоминаний несколько приложений: фотографии отдельных партизан и партизанских отрядов; список членов подпольных групп Песчано-Озерской волости Амурской области (1918–1920 гг.); список личного состава партизанского отряда «Украина»; список членов подпольных групп в районе действия Архаринского партизанского отряда (1918–1920 гг.); список личного состава Архаринского партизанского отряда (1918–1920 гг.) и список погибших подпольщиков и партизан архаринского отряда (1918–1920 гг.). В этих списках не просто перечислены имена и фамилии участников, интересно то, что указан их социальный статус, а также то, какую роль играл в структуре подпольных и партизанских соединений тот или иной человек.

Все четыре мемуарных произведения, размещенные в сборнике, дополняют друг друга и позволяют читателю представить события более объемно. Было бы замечательно, если бы в приложении или на форзаце книги разместили карты описываемых территорий, что могло позволить наглядно представить масштаб событий, разворачивавшихся сто лет назад в Амурском крае.

Сегодня издаются мемуары участников Гражданской войны как красных, так и белых. У той и у другой стороны своя правда, свой взгляд, свое отношение к тем, для нас уже давним событиям, на которое влияло множество составляющих. Но, даже используя принцип социального подхода в истории, нам, живущим сегодня, очень сложно понять и действительно прочувствовать, что же это было за время — время революции и Гражданской войны. Гражданская война — это война не с внешним противником, захватчиком, на защиту от которого встает весь народ, это война близких и родных людей друг с другом, а с привлечением сил интервентов она становится поистине непостижимой катастрофой. На разных поворотах истории нашей страны менялось и отношение к ее участникам: то воспевались красные, то наоборот — белые. Не утихают научные дискуссии и просто споры и сегодня, словно мы говорим на разных языках, нам сложно прийти к одному мнению.

### Информация об авторе

*Распопина Алена Александровна* — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: alen\_a77@mail.ru.

### Author

*Alena A. Raspopina* — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University; Lenin str., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: alen\_a77@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.59

**Е.В. РОЩУПКИНА**

УДК 336.71(571.53)(091)

ББК 65.262.10(253.5)-03

## ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА РОССИИ\*

В статье дается обзор монографии Н.И. Гавриловой, В.П. Шахерова «Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания», в которой на обширном архивном

---

\* Рец. на: Гаврилова Н. И. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания [монография] / Н. И. Гаврилова, В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — 372 с.

фактическом материале рассматривается история образования и развития Иркутского отделения Банка России.

**Ключевые слова:** Государственный банк России, Иркутское отделение Банка России, история банковского дела Иркутской области.

*E. V. ROSHUPKINA*

## THE IRKUTSK HISTORY OF THE STATE BANK OF RUSSIA

The article considers review of the N.I. Gavrilova's and V.P. Shaherova's monograph «The state bank in Irkutsk: from the Russian Empire to the present. To celebrate the 150th anniversary of the founding». The author analyzes the history of foudantion and development of Irkutsk department of the Bank of Russia on the basis of extensive archival material.

**Keywords:** The State Bank of Russia, Irkutsk department of the Bank of Russia, the history of banking in Irkutsk region.

В истории банковского дела в России XIX в. является важнейшим рубежом. Как известно, в середине XIX в. Российскую империю охватил глубокий финансово-экономический кризис, который проявился в расстроеном денежном обращении, огромном государственном долге, слабых кредитных учреждениях, технической отсталости в промышленности и застое в торговле. Все это обусловило объективную необходимость проведения Александром II реформ, получивших название «Великих». Центральным звеном финансовой реформы явилось создание Государственного банка Российской империи, Указ об учреждении которого был подписан 31 мая 1860 г. Александром II. Новый банк стал правопреемником упраздненных государственных Заемного и Коммерческого банков, Сохранной казны и приказов общественного призрения.

Новому государственному банку была уготована длинная история и славная судьба. Он не только положил начало формированию в России новой банковской системы, отвечающей экономическим потребностям пореформенного периода, но и стал важнейшим участником всех исторически значимых для нашей страны событий и инструментом модернизационных реформ, вплоть до сегодняшнего времени.

Одним из первых шагов деятельности нового банка стали мероприятия по увеличению числа учреждений на территории всей России, и прежде всего, в наиболее крупных торгово-промышленных городах и губернских центрах. Масштабный план открытия отделений стал реализовываться достаточно быстро, и уже в 1865 г. отделение Госбанка было открыто в Иркутске.

Таким образом, в 2015 г. исполнилось 150 лет со дня основания Иркутского отделения Государственного банка России (сегодня — Отделение по Иркутской области Сибирского главного управления Центрального банка Российской Федерации). Этому знаменательному событию посвящена, опубликованная в 2019 г., книга иркутских ученых-историков Н.И. Гавриловой и В.П. Шахерова «Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания».

По мнению самих авторов, книга представляет собой «серьезное научное исследование, восстанавливающее основные вехи становления и развития Иркутского подразделения Государственного банка России, неразрывно связанные с историей нашего государства и региона. Материалы книги убедительно показывают вклад банка в экономическую жизнь Иркутской области, а на отдельных этапах его развития — и всей Восточной Сибири, выделяют основные тенденции развития банка в разные периоды его существования» (с. 4).

На наш взгляд, содержание работы иркутских ученых, основанное на привлечении огромного количества архивных материалов, выходит далеко за рамки «узковедомственного» подхода к освещению темы. В работе не только анализируется деятельность Иркутского отделения Госбанка на протяжении всей его истории: его организационная структура, функции, цели и задачи, инструменты осуществления денежно-кредитной политики российских властей, но и показана целостная картина основных этапов экономической истории Байкальского региона. Развитие Иркутского отделения исследуется в широком контексте исторически значимых для страны и региона событий, в которых задействованы конкретные общественно-политические силы и исторические персонажи. Иными словами, это юбилейное издание является комплексным исследованием многообразной и весьма насыщенной истории Байкальского региона XIX – начала XXI вв. сквозь призму развития банковского дела.

Рассматриваемая книга совсем не проста для жанра «отзыв-рецензия». Обилие фактического материала, интересные сюжетные повороты делают практически невозможным полноценный охват и анализ реальных событий 150-летней истории Госбанка в Иркутске.

В то же время, хотелось бы остановиться на основных положениях авторов, отражающих значимые этапы зарождения и функционирования Иркутского подразделения банка.

Изложение материала в монографии строится по проблемно-хронологическому принципу, согласно которому в истории Иркутского отделения Государственного банка условно можно выделить три основных этапа:

1. имперский (1865–1917 гг.);
2. советский (1917–1990 гг.);
3. современный (с 1990 г.).

Структура работы состоит из пяти глав. В первой главе «Создание Иркутского отделения Государственного банка Российской Империи и его деятельность в дореволюционный период» показана история становления кредитных операций и учреждений Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX вв., зарождение Иркутского отделения Госбанка России, его деятельность в 1865–1917 гг.

Авторы убедительно показывают, что зарождение кредитных операций и учреждений в Иркутской губернии начинается в XVIII-начале XIX вв. и первоначально было частной инициативой купцов-предпринимателей. Зарождение кредитного дела в этот период связано с процессом формирования местных сибирских торговых связей, вызванных развитием промысловой колонизации, ростом городских поселений, близостью к границам Средней Азии, Монголии и Китая. Но, несмотря на значительный рост торгово-предпринимательской деятельности в Иркутской губернии, ее масштабы сдерживались общим недостатком капиталов. В этих условиях особую роль начинает играть частный кредит, в котором в качестве кредиторов выступали, прежде всего, сами купцы.

Первый частный банк в Сибири появился в Иркутске в 1837 г. при сиропитательном доме Е. Медведниковой, вдовы крупного иркутского купца. С него начинается история становления кредитного дела в городе (с. 12).

Но первые городские банки, которые имели своей целью в первую очередь содержание социальных учреждений, а также бюрократические преграды и непоследовательная политика царского правительства, не могли соответствовать коммерческим интересам предпринимателей.

Ситуация коренным образом изменилась во второй половине XIX в. Возрастающая потребность в кредите для торговых и промышленных целей вызвала учреждение в 1860 г. Государственного банка России. Основной целью деятельности банка согласно ст.1 Устава являлось «оживление торговых оборотов и упрочение денежной кредитной системы» (с. 16). Главными операциями Государственного банка как банка краткосрочного коммерческого кредита стали учет векселей, покупка и продажа золота и серебра, прием вкладов и выдача ссуд. Важной особенностью учрежденного нового банка было то, что он был основан и функционировал до 1897 г. как депозитный, а не эмиссионный банк.

В 1865 г. открылось отделение банка в Иркутске. «Датой открытия Иркутского отделения Государственного банка считается 1 ноября 1865 г. — именно в этот день была проведена первая операция» (с. 20). С момента своего открытия, Иркутское отделение, включилось в вы-

полнение задач, стоящих перед Государственным банком. Как пишут авторы, «в условиях развития депозитного банка... на провинцию возлагалась надежда пополнения привлеченных средств через вкладную операцию. Уже в 1870-х гг. рядом российских экономистов справедливо отмечалось, что банк служил своеобразным насосом для перекачки ресурсов из провинции в столицы» (с. 20–21).

Таким образом, на первых этапах «политика банка в Восточной Сибири была двойственной. С одной стороны, он расширял возможности получения кредита для местных предпринимателей, а с другой — ставил границы их развитию. Накапливая значительные средства клиентов на текущих счетах и вкладах и направляя имеющиеся средства в Европейскую Россию, банк неохотно осуществлял кредитные операции» (с. 21).

В конце XIX в. реформы министра финансов С.Ю. Витте по развитию промышленности и укреплению финансовой системы, коснулись и Государственного банка. Так, в 1894 г. был принят новый Устав Госбанка, который был направлен на создание условий для финансирования промышленных предприятий и «содействию посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству». Более того, Государственный банк наделялся монопольным эмиссионным правом (эмиссия кредитных билетов под обеспечение золотом).

Поскольку Госбанк в этот период стал единственным монопольным покупателем золота в России, и на него возлагалась задача поддержания золотой валюты в стране, значение и роль Иркутского отделения банка значительно возросли. Отделению в Иркутске, под контролем которого находился богатый золотоносный Лено-Витимский район, было разрешено предоставлять кредиты золотопромышленным предприятиям. Иркутское подразделение банка стало контролировать деятельность компаний и приисков, объемы добываемого золота, финансовые схемы, отчеты золотопромышленников, погашение взятых кредитов.

После денежной реформы 1895–1897 гг. Государственный банк превратился в банк банков Российской империи. Он все более и более становился центральным банком в полном смысле этого слова. А Иркутское отделение в 1897 г. в связи с высокими объемами производимых операций получил статус отделения I (высшего) разряда (с. 28). Уже в начале XX в. Иркутское отделение контролировало все банковские операции приписанных к нему казначейств, причем не только Иркутской губернии, но и Якутской области, а также отделений Госбанка вплоть до Владивостока включительно.

Последующие главы книги, а именно со второй по четвертую, знакомят читателя с историей Иркутского отделения банка в годы революций и Гражданской войны, причинах его реформирования в период утверждения Со-



ветской власти и начала социалистического строительства, с особенностями деятельности подразделения в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления и активного развития хозяйства Иркутской области.

Итак, второй исторический этап начинается с Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и последующей за ними Гражданской войны. Архивные материалы этого периода зачастую предоставляли авторам весьма противоречивую информацию, а в ряде случаев иллюстрировали информационные лакуны, связанные с утратой документов банка в годы политических потрясений 1917–1920 гг. Как признаются сами авторы, «о деятельности и изменениях в жизни Иркутского отделения в сложный и переломный для страны период 1917–1919 гг. известно очень немного. Эта страница его истории, как, впрочем, и всей экономической жизни региона, изучена крайне поверхностно. До сих пор нет серьезных исследований не только о событиях этого периода и динамично меняющихся процессах, связанных с неоднократной сменой политической власти в Сибири, но и о становлении советской экономической и финансовой политики в регионах. В результате в истории банковского дела Иркутской губернии присутствуют существенные пробелы и противоречивые оценки» (с. 102).

Процесс реорганизации Иркутского отделения банка в этот период шел в соответствии с Декретами от 08.12.1917 г. «Об упразднении Дворянского земельного банка и Крестьянского поземельного банка», от 14.12.1917 г. «О национализации банков». В результате была введена государственная монополия на банковское дело. Национализация банков привела к упразднению всех акционерных банков и их слиянию с Государственным банком. С конца 1918 г. Государственный банк был переименован в Народный банк Российской республики, а затем — Народный банк РСФСР. Основными функциями всех подразделений Народного банка, в том числе и Иркутского, стало кредитование национализированных предприятий, наиболее распространенной формой которого, был подтоварный кредит (кредит под будущую продукцию).

К концу 1918 г. в результате политики правительства большевиков банку перешли функции Министерства финансов, а банковские операции были сведены к минимуму. В результате, в январе 1920 г., главный банк страны был упразднен с передачей всех активов и пассивов Центральному бюджетно-расчетному управлению Наркомата финансов.

В октябре 1921 г. на X съезде РКП(б) была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), главной задачей которой стало внедрение в промышленность Советской республики «государственного капитализма». Для целей НЭПа Государственный банк был воссоздан как Государственный банк РСФСР, а после образования СССР переименован

в Государственный банк СССР. Началось создание его региональных отделений. 6 апреля 1922 г. открылось Иркутское отделение, которое сыграло заметную роль в экономическом и социальном развитии Иркутского края в последующие годы.

В июне 1929 г. был принят новый Устав Государственного банка СССР, по которому он становился органом регулирования денежного обращения и кредитования согласно общему плану развития народного хозяйства СССР. В дальнейшем, в результате кредитной реформы, проведенной в 1930-х гг., деятельность Госбанка окончательно утратила коммерческий характер, и сформировались его основные функции по плановому кредитованию хозяйства, организации денежного обращения и расчетов, кассовому исполнению государственного бюджета.

В рассматриваемый период все усилия Иркутского отделения и его территориальных контор были направлены на организацию кредитной работы по подъему местной промышленности и коллективизации сельского хозяйства Иркутской области. Другими задачами стали развитие промыслового хозяйства и товарооборота в регионе, мобилизация денежных средств у населения через систему сберегательных касс (с. 184–185).

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. поставила перед Иркутской областной конторой Госбанка СССР новые задачи. В условиях военного времени главными задачами стали «борьба за мобилизацию внутренних ресурсов хозяйствования, за экономное и бережное расходование материальных и денежных средств, усиление контроля за выполнением производственных планов промышленности, сельского хозяйства и торговли, активное воздействие кредитом на увеличение выпуска товаров» (с. 216).

В послевоенное время Иркутской областной конторе Госбанка СССР и ее филиалам довелось сыграть колоссальную роль сначала в восстановлении хозяйства Иркутской области, а затем в его активном развитии в 1950–1970 гг. Именно в этот период в области начинается бурный рост производительных сил, направленный на освоение богатых природных ресурсов и создание современного промышленного потенциала региона. Начинается создание ангарского каскада гидроэлектростанций, строительство крупнейших металлургических, горно-обогатительных и нефтехимических комбинатов, возведение линий электропередач и новых участков железной дороги. В области растут новые города (Ангарск, Братск, Усть-Илимск, Саянск), открываются предприятия легкой и пищевой промышленности. Столь масштабное развитие различных отраслей хозяйства Иркутской области требовало существенных финансовых вложений и инвестиций, что стало одним из приоритетных направлений в деятельности областной конторы Госбанка.

С деятельностью Иркутского отделения в обозначенный второй период связано и возникновение специального финансово-кредитного образования в регионе. Как пишут авторы, «нехватка квалифицированных специалистов в этой сфере всегда ощущалась в Иркутске» (с. 201). Переломными в этом направлении стали 1930–1931 гг. В августе 1930 г. на базе финансового отделения Иркутского госуниверситета был создан Сибирский финансово-экономический институт. Позднее он был переименован в Иркутский финансово-экономический институт (ныне — Байкальский государственный университет). В 1931 г. был открыт финансово-экономический техникум для подготовки кадров среднего звена финансово-кредитной сферы, а с 1937 г. заработал Учебный комбинат для подготовки и переподготовки работников всех видов банковской системы.

К сожалению, со вторым этапом связана и самая трагическая страница в истории Иркутского отделения — потеря сотрудников банка в результате массовых репрессий 1937–1938 гг. и призыва в ряды Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Авторы пишут, «за 1937 – начало 1938 г. было арестовано органами НКВД 26 человек, в том числе 14 из самой конторы. Кроме того, за этот же период было уволено в порядке чистки аппарата еще 18 специалистов... Таким образом, репрессии затронули 44 человека» (с. 197). В годы же Великой Отечественной войны «по неполным данным из ушедших на фронт из банковской системы области более 200 человек 17 работников погибло, 26 человек вернулись с фронта... Судьба остальных пока неизвестна» (с. 223).

Последняя, пятая глава книги, посвящена реорганизации банковской системы нашей страны и изменениям роли и функций Госбанка в период перестройки и экономических преобразований конца XX – начала XXI вв.

Третий, современный этап в истории областного отделения Госбанка связан с принятием в 1990 г. Законов РСФСР «О Центральном банке РСФСР (Банке России)», «О банках и банковской деятельности».

В 1992 г. был осуществлен процесс передачи функций кассового исполнения бюджета вновь созданному Федеральному казначейству, а Центральный банк РСФСР был переименован на Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

Начало 1990-х гг. характеризуется быстрым увеличением количества создаваемых коммерческих банков. В этих условиях видоизменились и функции Иркутского отделения. Бурное развитие банковской системы обусловило необходимость регулирования деятельности банков и создания системы банковского надзора и валютного контроля в регионе.

С 2003 г. деятельность регионального подразделения Банка России связана также с созданием и функционированием системы обязатель-

ного страхования банковских вкладов, внедрением и совершенствованием Международных стандартов финансовой отчетности в банковской системе, развитием ипотечного кредитования и кредитования реального сектора экономики области.

Сегодня Иркутское отделение Банка России является важнейшим органом государства в реализации задач по проведению единой государственной денежно-кредитной политики, регулирующим и надзорным органом всей финансовой системы Байкальского региона, повышения благосостояния и качества жизни его граждан.

Таким образом, книга иркутских ученых убедительно показывает, что на протяжении всего периода своего исторического развития Государственный банк был особой заботой всех российских властей. Они определяли его основные цели, задачи, функции и инструменты осуществления денежно-кредитной политики, исходя из особенностей текущего исторического момента. Иркутское отделение, как структурное подразделение Государственного банка, было проводником деятельности банка в Восточной Сибири, наполняя ее региональной спецификой.

От внимательного читателя не ускользнут и любопытные сюжеты книги, в которых рассказывается о численности сотрудников отделения в разные годы, их оплате и условиях проживания, о выборе проектов и мест для строительства двух зданий банка, которые и сегодня составляют гордость архитектурного облика Иркутска.

Проведенное исследование строится на новых, как отмечают сами авторы, ранее неизвестных архивных материалах, впервые введенных в научный оборот. Кроме того, документальное построение работы основано на материалах музея банка, многочисленной периодической и мемуарной литературе минувших лет.

Книга Н.И. Гавриловой и В.П. Шахерова представляет собой сочетание строгого научного исторического анализа и хорошего литературного языка. Это прекрасно выполненное и оформленное издание на замечательной бумаге большого формата с большим количеством фотографий, факсимиле оригинальных документов, государственных кредитных билетов, облигаций, плакатов.

Авторы продумали все до мелочей. Так, например, через всю книгу сквозным порядком даются фотографии (если таковые сохранились) и биографии всех управляющих Иркутским отделением банка за весь период его существования, начиная с 1865 г. и до наших дней.

Подводя итоги, необходимо отметить, что востребованность исследования иркутских историков не подлежит сомнению. В свет вышла отличная, добротная, востребованная книга. Она, без сомнения, станет заметным явлением в современной отечественной историографии.

Эта монография из тех работ, к которым и специалисты, и все «просто» интересующиеся историей родного Иркутского края и историей России будут обращаться не одно десятилетие.

### **Информация об авторе**

*Рощупкина Елена Викторовна* — кандидат экономических наук, доцент, кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

### **Author**

*Elena V. Roshupkina* — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.60

УДК 378.963

ББК 74.484.7 (2Рос-4Ирк)

**Г.А. ЦЫКУНОВ**

## **ОТ СИБИРСКИХ ПОЛЕЙ ДО МИНИСТЕРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ\***

Рецензируется книга В.И. Покорского, посвященная выпускникам Иркутского государственного института (аграрного университета им. А.А. Ежевского), их профессиональной и общественной деятельности. Прослеживаются биографии сотен людей, для которых высшее учебное заведение определило их судьбу, причастность к трудовым свершениям в советскую и современную эпоху.

**Ключевые слова:** Иркутский аграрный университет им. А.А. Ежевского, выпускники, руководители, колхозы, совхозы.

**G.A. TSYKUNOV**

## **FROM SIBERIAN FIELDS TO MINISTERIAL POSTS**

Review of the book by V.I. Pokorsky, which is dedicated to graduates of the Irkutsk State Institute (Ezhevsky Agrarian University), their professional and

---

\* Рец. на Покорский В. И. Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского: Галерея золотой россыпи выпускников (1934-219 гг.). — Иркутск : Изд-во Иркутского ГАУ им. А.А. Ежевского, 2019. — 240 с.

social activities. The book traces the biographies of hundreds of people for whom a higher educational institution determined their fate, involvement in labor achievements in the soviet and modern periods.

**Keywords:** Ezhevsky Irkutsk Agrarian University, graduates, heads, kolkhoz, sovkhaz.

Пожалуй, ни один из иркутских вузов не располагает наличием такого числа литературы об истории учебного заведения как Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского. За последнее десятилетие изданы книги, посвященные истории создания и развития университета, его профессорско-преподавательского состава, героям войны и трудового фронта. Основным автором этих произведений является Покорский Владимир Ильич, доцент кафедры философии, социологии и истории, бессменный заведующий университетского музея «Боевой и трудовой славы». Владимир Ильич более 50 лет трудится в старейшем сельскохозяйственном вузе Восточной Сибири, совмещая преподавательскую деятельность с активной научно-исследовательской работой. Именно его усилиями написано большое количество научных работ, в том числе восемь книг, посвященных истории сельскохозяйственного вуза и сельского хозяйства Восточно-Сибирского региона. Уроженцу Осинского района Иркутской области, сыну известного сельскохозяйственного руководителя Приангарья, Героя Социалистического Труда Покорского Ильи Николаевича, с детских лет пришлось постигать нелегкий крестьянский труд, осознавать проблемы сельского хозяйства.

Вышедшая в 2019 г. очередная книга В.И. Покорского «Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского: Галерея золотой россыпи выпускников (1934–2019 гг.)» продолжает повествование о жизни и деятельности выпускников сельскохозяйственного института, ставших признанными организаторами и специалистами не только регионального, но и всероссийского масштаба. В книге отражается краткая история сельскохозяйственного вуза, развитие его материально — технической базы и научно — исследовательской работы. С особой гордостью подчеркивается, что за прошедшие 85 лет было подготовлено 51 110 специалистов для сельского хозяйства Сибири, Дальнего Востока и других регионов. Среди них свыше 600 выпускников — граждане Монголии, Болгарии, Афганистана, Сирии и других зарубежных государств (с. 9).

Отмеченные в книге выпускники представляют все шесть факультетов университета: агрономический, механизации сельского хозяйства, зоотехнический и ветеринарный, экономический, электрификации и автоматизации сельского хозяйства. Большая часть выпускников связала свою судьбу с сельскохозяйственной отраслью, став крупными органи-

затолами, руководителями колхозов и совхозов. Однако среди выпускников было немало партийных и советских работников, нынешних глав муниципальных образований, депутатов различных законодательных органов, членов Совета Федерации, писателей и общественных деятелей. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что Иркутский аграрный университет им. А.А. Ежевского является уникальной «кузницей» кадров для различных сфер экономики, государства и общества.

В числе выдающихся выпускников ИСХИ называются Герои Социалистического Труда А.А. Ежевский и И.С. Баширин. Уроженец Иркутской губернии, выпускник сельскохозяйственного института 1939 г. А.А. Ежевский по праву возглавляет галерею золотой россыпи выпускников. Участник Великой Отечественной войны, крупный руководитель машиностроительных предприятий, министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР, он до конца своей жизни был связан с Иркутской областью и родным институтом. Присвоение его имени Иркутскому аграрному университету — это признание выдающихся заслуг А.А. Ежевского перед советским и российским государством, благодарная память о замечательном иркутянине. Фронтовик И.С. Баширин начинал свою профессиональную деятельность после окончания Великой Отечественной войны в качестве водителя в одной из областных организаций. Без отрыва от производства закончил экономический факультет ИСХИ в 1969 г. Более 30 лет работал директором учебно-опытного хозяйства «Оекское», на полях и фермах которого проходили производственную практику студенты сельскохозяйственного института. И.С. Баширину удалось внедрить внутренний хозяйственный расчет, что обеспечивало устойчивое финансовое развитие хозяйства. В учебном хозяйстве успешно применялись последние научно-технические достижения, внедрялись новые зерновые, кормовые и овощные культуры. За досрочное выполнение плановых заданий одиннадцатой пятилетки в 1985 г. И.С. Баширину было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Как видно из книги В.В. Покорского, большинство выпускников ИСХИ — ИГАУ им. А.А. Ежевского связали свою жизнь с сельским хозяйством, став руководителями колхозов и совхозов, районных управлений сельского хозяйства, возглавляли областной агропромышленный комплекс. Среди этой когорты руководителей выделяется И.А. Сумарков — выпускник факультета механизации сельского хозяйства 1959 г. Он стоял у истоков создания крупных сельскохозяйственных комплексов в Иркутской области. В течение 40 лет возглавляет Усольский свинокомплекс — известный далеко за пределами региона как многопрофильное предприятие по производству мясной продукции. Производствен-

ный цикл здесь начинается с выращиванием собственных зерновых и кормовых культур, откорма животных, переработки продукции до ее реализации населению через собственную торговую сеть. Благодаря подобной организации производства в свинокомплекс вошли сельские населенные пункты, началась распашка заброшенных пахотных земель, сотни селян получили рабочие места и уверенность в будущее. И.А. Сумароков был народным депутатом Верховного Совета СССР, депутатом Иркутского областного Совета, а ныне — депутат Законодательного собрания региона.

В книге обстоятельным образом описана профессиональная деятельность председателей колхозов и директоров совхозов — главного звена в руководстве сельским хозяйством. В их числе — Ф.В. Кукарин, выпускник агрономического факультета. В комсомольском возрасте он был назначен директором образованного совхоза «Комсомольский» Иркутского района. В течение десяти лет ему удалось создать высокопрофессиональный коллектив, развернуть широкое социальное строительство на селе. Дальнейшая деятельность Ф.В. Кукарина была связана с областным объединением «Сельхозхимия», в исполнительном комитете Иркутского областного Совета народных депутатов.

При анализе деятельности руководителей совхозно-колхозной системы определенное место отводилось тем людям, которые поднимали сельское хозяйство после губительных так называемых рыночных реформ. Среди них — Ю.М. Ширяев, который с 1992 г. возглавляет ЗАО «Ширяевские семена» в Иркутском районе. Это хозяйство обеспечивает высококачественными семенами зерновых культур, многолетних трав, картофеля сельскохозяйственные организации различных форм собственности не только в Иркутской области, но и соседних регионов. Ю.М. Ширяев наследовал такое качество советского руководителя как забота о сельских тружениках, что нашло подтверждение в широком жилищном строительстве на селе, достойной для крестьянского труда заработной платы. Многолетний труд Ю.М. Ширяева на благо Иркутской области отмечен советскими и российскими наградами.

Другим представителем современных руководителей, отмеченных в книге, является А.Н. Иванов — генеральный директор СХ ЗАО «Приморский» Нукутского района. Как отмечает В.И. Покорский: «Апполон Николаевич оказался в числе тех руководителей, которые постоянно находятся в поиске новых технологий производства и организации передовых форм хозяйствования. Внедрил почвозащитную систему земледелия, безотвальный метод вспашки в условиях Нукутских степей» (с. 101). В сельскохозяйственном кооперативе «Приморский» производится переработка зерна в муку, выпечка хлебобулочных изделий, изготовление мясных полуфабрикатов и даже получение собственного меда. Вся



эта продукция имеет большой спрос в городах и районах области. Не смотря на большую занятость в сельском хозяйстве А.Н. Иванов активно участвует в общественной жизни, в разные годы является депутатом Думы Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, депутатом Законодательного собрания Иркутской области.

Выпускники сельскохозяйственного института (университета) на протяжении многих лет возглавляли Иркутское областное производственное управление сельского хозяйства — главное управление сельского хозяйства администрации Иркутской области — министерство сельского хозяйства Иркутской области. Из руководителей советского периода выделяется выпускник ИСХИ 1951 г. Н.А. Левада, который прошел путь от рядового инженера — механика до руководителя сельского хозяйства области. Прекрасным организатором сельскохозяйственной отрасли и видным ученым зарекомендовал себя М.Е. Вильчинский, который несколько лет работал проректором по учебной работе ИСХИ. В числе первых министров сельского хозяйства Иркутской области была И.В. Бондаренко, до этого успешно руководившая ЗАО «Агрофирма Ангара» Усть-Илимского района, победительница Всероссийского конкурса 2003 г. «Женщина — директор года»

В своем труде В.И. Покорский описывает большую группу выпускников, ставшими партийными и советскими работниками, руководителями современных муниципальных образований различного уровня Иркутской области. Уроженец Аларского района, выпускник агрономического факультета 1960 г. А.П. Мосягин был секретарем Иркутского обкома КПСС по сельскому хозяйству, первым заместителем председателя исполнительного комитета Иркутского областного Совета народных депутатов. После успешной работы на посту руководителей сельскохозяйственных организаций были выдвинуты на партийную работу М.М. Панафидин — первым секретарем Осинского райкома КПСС (затем — Нижнеудинского горкома КПСС), В.А. Бердников — первым секретарем Тулунского райкома КПСС.

Следующий массовый приход выпускников сельскохозяйственного вуза в местные органы власти пришелся на постсоветское время. По сведениям, взятыми из книги, свыше 20 выпускников возглавляли и возглавляют районные муниципальные образования. Почти все главы ранее были связаны профессиональной деятельностью с различными сферами сельскохозяйственного производства. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что выпускники всех факультетов университета получили хорошие знания не только по специальности, но и по управлению персоналом, принципам муниципального управления, психологии управленческой деятельности. Это подтверждается и созданием в последнее время новых кафедр, обеспечивающих подготовку

специалистов по новым направлениям. Почти все главы муниципальных образований получили второе высшее образование экономического, юридического, управленческого направления.

Большую школу руководителей сельскохозяйственного производства прошел А.П. Табинаев — мэр Баяндаевского района. В книге особо отмечается, что, обладая огромным опытом работы в сельском хозяйстве, А.П. Табинаев в условиях сложного финансового положения оказывает большую помощь руководителям сельскохозяйственных предприятий, главам крестьянско-фермерских хозяйств в организации и ведении производства (с. 148). Бывшими руководителями совхозов были А.Ф. Фурторный — мэр Аларского района, П.И. Козлов — мэр Качугского района, С.Г. Гомбоев — мэр Нукутского района, А.А. Ташлыков — мэр Тулунского района, Ю.П. Шапенков — мэр Черемховского района и другие. Выпускник факультета механизации сельского хозяйства 1982 г. А.А. Прокопьев начинал свою трудовую деятельность в колхозе им. Чапаева Боханского района, затем прошел школу комсомольской работы от окружного до областного комитетов ВЛКСМ. В последние годы А.А. Прокопьев является заместителем губернатора Иркутской области — руководителем администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

В.И. Покорский упоминает в своем труде выпускников иркутского вуза, которые связали свою судьбу с сельскохозяйственной наукой, став известными учеными. Среди них наибольших научных высот достигла А.В. Гончарова — выпускница агрономического факультета. Ее научная деятельность началась в Тулунской селекционной станции, а затем творчески продолжалась в Сибирском НИИ растениеводства и селекции СО ВАСХНИЛ г. Новосибирска. Доктором сельскохозяйственных наук А.В. Гончаровой выведены более 20 сортов кормовых трав, которые были районированы во многих регионах России. А.В. Гончарову избрали членом-корреспондентом РАН. Известным ученым, доктором сельскохозяйственных наук стала другая выпускница агрономического факультета Э.В. Климова, которая долгие годы трудилась в Забайкальском НИИ сельского хозяйства и филиале ИрГСХА в г. Чите. Из выпускников последних десятилетий выделяется Р.А. Сагитова, которая в 2000-х гг. входила в число самых молодых докторов сельскохозяйственных наук. В настоящее время она успешно трудится на преподавательской работе, ведет научные исследования в родном вузе.

Иркутский сельскохозяйственный институт вправе гордится таким выпускником как Г.Ф. Куцев, доктором философских наук, крупным руководителем высшей школы РФ. В его послужном списке отмечены различные сферы профессиональной и общественной деятельности: главный агроном колхоза, первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ, ректор Тюменского государственного университета, заместитель мини-

стра высшего и среднего специального образования СССР. На примере этого авторитетного человека можно говорить об уникальных возможностях получения профессиональной и общественной подготовки в университете для карьерного роста выпускников.

Содержание книги знакомит читателей с теми выпускниками, которые достигли различных должностей в федеральных структурах государственной власти. Так, профессиональная деятельность А.А. Хутанова была связана с законодательными органами регионального и федерального уровня. В 2000-е гг. он руководил Думой Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, был избран членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Выпускник факультета охотоведения 1986 г. В.Г. Малеев был главой администрации Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, затем вошел в состав Совета Федерации Федерального Собрания РФ. В списках известных выпускников ИСХИ особое место занимает биолог–охотовед В.И. Фертиков, который в 1992-2001-х гг. был начальником государственного комплекса «Завидово» Федеральной службы охраны РФ. Общеизвестно, что на территории комплекса находится загородная резиденция президента РФ «Русь». В.И. Фертиков имеет воинское звание полковника и ученую степень доктора биологических наук, является лауреатом Государственной премии в области науки и техники.

В.И. Покорский заостряет внимание на выпускниках охотоведческого факультета, посвятивших себя религии. Это известные обществу священник, правозащитник Г.П. Якунин и доктор богословия А.В. Мень. В книге отмечается противоречивая деятельность Г.П. Якунина, его экстремистские взгляды, за что он решением Священного Союза Русской Православной Церкви был лишен духовного сана. Выпускники ИСХИ оставили яркий след в литературе, казавшейся далекой от профиля вуза. Прежде всего — это Ю.Е. Черных, известный на всю страну детский писатель, поэт, член Союза писателей СССР. Познавательной тематике о природе были посвящены многочисленные издания ученого, охотоведа, писателя С.К. Устинова, который является членом Союза писателей России.

В заключительной части книги приводятся интересные сведения о полученных выпускниками аграрного университета государственных наград и почетных званий. Героями Социалистического Труда стали 2 человека, Орденом Ленина награждено 7 человек, Орденом Трудового Красного Знамени — 27, Орденом Знак Почета — 28, Орденом Почета — 4, Орденом Дружбы Народов — 8, Орденом Октябрьской революции — 2, Орденом Отечественной войны 1-й степени — 1, Орденом Отечественной войны 2-й степени — 31, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.» — 30, медалью «За до-

блестный труд в годы Великой Отечественной войны. 1942–1945 гг.» — 20 человек. 10 выпускников вуза были награждены орденами Российской Федерации, около 130 человек получили звание заслуженного работника РФ в различных отраслях народного хозяйства.

Рецензируемая книга В.И. Покорского позволяет сделать вывод, что автором проделана огромная работа по сбору архивных и периодических материалов, личному общению с выпускниками. Данный труд будет представлять большой интерес не только у современных читателей, но и у будущих поколений — наследников героев этой книги.

### **Информация об авторе**

*Цыкунов Григорий Александрович* — доктор исторических наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsykunovga@gmail.com.

### **Author**

*Grigory A. Tsykunov* — doctor of historical sciences, professor, Chair of theory of law and socio-legal disciplines, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: tsykunovga@gmail.com.

---

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

**Ануфриев Александр Валерьевич** — старший преподаватель кафедры истории России Иркутского государственного университета, секретарь иркутского регионального отделения Российского военно-исторического общества

**Батунаев Эдуард Владимирович** — к.и.н., научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Белозерцев Сергей Михайлович** — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВСИ МВД России

**Борисова Татьяна Александровна** — к.и.н., доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

**Бурматов Александр Анатольевич** — к.и.н., доцент кафедры психологии и педагогики Куйбышевского филиала Новосибирского педагогического университета

**Вахрушев Юрий Петрович** — к.филос.н, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Волосов Евгений Николаевич** — д.и.н., профессор кафедры технической эксплуатации и сервиса на воздушном транспорте Иркутского филиала МГТУ ГА

**Гузенков Сергей Васильевич** — кандидат исторических наук

**Журавлев Денис Максимович** — к.э.н., ведущий специалист Управления информации и медиакоммуникаций Московского государственного университета

**Задорин Артём Викторович** — старший преподаватель кафедры истории России Сибирского федерального университета

**Задорожня Ольга Анатольевна** — к.и.н., доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета

**Зуляр Юрий Анатольевич** — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

**Ильиных Владимир Андреевич** — д.и.н., зав. сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

**Ищенко Роман Владимирович** — соучредитель и член Совета общественной организации «Интеллектуальный деловой клуб "Байкаль-

ские стратегии"», Председатель Иркутского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

**Казарин Виктор Николаевич** — д.и.н., профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета

**Кальмина Лилия Владимировна** — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Канн Сергей Константинович** — к.и.н., младший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

**Карнышев Александр Дмитриевич** — д. психол. н., профессор Иркутского государственного университета

**Ковригина Снежана Валерьевна** — к.и.н., доцент базовой кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

**Козырская Ирина Евгеньевна** — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности Байкальского государственного университета

**Корниенко Николай Николаевич** — к.и.н., кандидат богословия, кафедры теологии и религиоведения Бурятского государственного университета

**Кудашкин Вячеслав Александрович** — к.и.н., доцент базовой кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

**Кудряшов Василий Васильевич** — к.и.н., доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

**Кузьмин Юрий Васильевич** — д.и.н., профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности Байкальского государственного университета

**Курас Леонид Владимирович** — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Курас Софья Леонидовна** — к.и.н., доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения

**Курас Татьяна Леонидовна** — к.и.н., доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

**Кургузов Павел Владимирович** — независимый исследователь, Республика Бурятия

**Курышов Андрей Михайлович** — к.и.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Курышова Ирина Васильевна** — к.и.н., доцент кафедры теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета

**Кушнарева Маргарита Дмитриевна** — д.и.н., доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета

**Лапердин Вячеслав Борисович** — к.и.н., научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

**Лебедева Надежда Николаевна** — к.и.н., доцент кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

**Люстрицкий Дмитрий Георгиевич** — Журналист, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета

**Лях Татьяна Анатольевна** — магистрант кафедры истории России Иркутского государственного университета

**Максимова Валентина Николаевна** — к.и.н., доцент базовой кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

**Меньшагин Александр Евгеньевич** — эксперт Министерства культуры РФ по наградам, холодному и огнестрельному оружию.

**Меньшагин Евгений Витальевич** — заведующий Отделом истории МБУК «Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова», эксперт Министерства культуры РФ по холодному и огнестрельному оружию, наградам и монетам

**Мотревич Владимир Павлович** — д.и.н., профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета

**Олейников Илья Васильевич** — к.и.н., доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

**Очиров Цыден Солбонович** — аспирант отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Пархомов Владимир Александрович** — доктор ф.-м. н., профессор кафедры математики и информатики Байкальского государственного университета

**Перевозников Вадим Юрьевич** — директор книготорговой группы «ПродаЛитЪ»

**Петров Алексей Викторович** — к.полит.н., доцент, президент клуба молодых учёных «Альянс»

**Плотникова Елена Владиславовна** — аспирант кафедры истории России Иркутского государственного университета

**Распопина Алена Александровна** — к.и.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Рогачевская Майя Антоновна** — к.э.н., доцент кафедры финансов и кредита Сибирского института управления, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

**Рощупкина Елена Викторовна** — к.э.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Санжиева Татьяна Ефремовна** — д.и.н., профессор кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

**Севостьянова Елена Васильевна** — к.и.н., доцент кафедры экономической теории, истории и философии Читинского института Байкальского государственного университета

**Семина Снежана Александровна** — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Восточно-Сибирского института экономики и права

**Синиченко Владимир Викторович** — д.и.н., профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВСИ МВД России

**Скращук Владимир Владимирович** — журналист, редактор альманаха «Прогулки по старому Иркутску»

**Соснерж Кристина Александровна** — магистрант исторического факультета Иркутского государственного университета

**Ткачев Виталий Викторович** — магистрант кафедры истории России Иркутского государственного университета

**Токарева Галина Сергеевна** — преподаватель кафедры общеправовой подготовки ВСИ МВД России

**Урожаева Татьяна Петровна** — к.и.н., учитель истории и обществознания школы № 11 (г. Усть-Илимск)



**Федотов Андрей Николаевич** — к.э.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Фомина Юлия Анатольевна** — к.и.н., преподаватель Байкальского государственного университета

**Хишигт Норовсамбуу** — к.и.н., ученый секретарь Института истории и этнологии Монгольской академии наук

**Цыбенов Базар Догсонович** — к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Цыдэнэ Ширав Цыденович** — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

**Цыкунов Григорий Александрович** — д.и.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета

**Цыремпилова Виктория Эдуардовна** — магистр международного образования образовательного центра «Hello» г. Улан-Удэ

**Шалак Александр Васильевич** — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Шаламов Владимир Александрович** — к.и.н., доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета

**Шаламова Светлана Александровна** — к.и.н., главный архивист Отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области

**Шахеров Вадим Петрович** — д.и.н., профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета

**Широков Иван Сергеевич** — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

**Щепина Светлана Владиславовна** — старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и сервиса Байкальского государственного университета

---

## СОДЕРЖАНИЕ

---

К читателю .....	3
------------------	---

### РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<b>Борисова Т.А.</b> Социально-экономическое развитие России и концепция «культурного капитализма» в сибирских работах Н.А. Рожкова (1910–1917) .....	5
<b>Зуляр Ю.А.</b> Вузы Иркутска в годы Великой Отечественной войны .....	17
<b>Ильиных В.А.</b> Функционирование колхозной системы в Западной Сибири в конце 1930-х гг. ....	33
<b>Кальмина Л.В.</b> Эволюция форм торговли в уездном сибирском городе на рубеже XIX–XX вв. (на примере Верхнеудинска) .....	42
<b>Кушнарера М.Д.</b> Освоение ресурсов золота фирмой «М.А. Коковин и И.А. Басов» в северо-восточной Сибири в начале XX в. по материалам купеческой переписки .....	49
<b>Мотревич В.П.</b> Машинно-тракторный парк совхозов Восточной Сибири в первые послевоенные годы (по данным сводных годовых отчетов) .....	57
<b>Шалак А.В.</b> Колчак и «союзики» в Сибири: оценки антибольшевистских политиков.....	70
<b>Шахеров В.П.</b> Попытки решения кадровых проблем в первые годы создания советской финансово-кредитной системы в Иркутской губернии .....	83

### ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

<b>Канн С.К.</b> Комитет Сибирской железной дороги и научное обеспечение переселенческого дела .....	93
<b>Кургузов П.В.</b> Из истории расквартирования 20-го Восточно-Сибирского полка в Троицкосавске в 1908 году .....	103
<b>Курышов А.М.</b> К вопросу о предпосылках трансформации системы традиционного хозяйства эвенков Прибайкалья в XVII – начале XX вв. ....	113

<b>Плотникова Е.В.</b> Деятельность Иркутского отделения Русско-Китайского банка в 1898–1910 гг. ....	126
<b>Рогачевская М.А.</b> Николай Христианович Бунге о преодолении изоляционизма Сибири. ....	133
<b>Синиченко В.В., Токарева Г.С.</b> Рост контрабанды акцизных товаров на востоке Российской империи в начале XX в. ....	143
<b>Соснерж К.А.</b> Земельная реформа как средство инкорпорации бурятского населения в состав Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) ....	150

### ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

<b>Кудашкин В.А.</b> Социальное положение малочисленных народов Восточной Сибири в 1985–1991 гг. ....	158
<b>Лапердин В.Б.</b> Хлебозаготовки и продовольственное положение западно-сибирской деревни в 1930-е гг. ....	162
<b>Санжиева Т.Е.</b> Кадровые проблемы треста «Бурмонголлеса» в годы Великой Отечественной войны. ....	170
<b>Семина С.А.</b> Новые тенденции в развитии кустарной промышленности Иркутской губернии во второй половине 1920-х гг. ....	178
<b>Синиченко В.В., Токарева Г.С.</b> «Твердые цены» на сахар на востоке России в годы Первой мировой и гражданской войны. ....	185
<b>Фомина Ю.А.</b> О мероприятиях центральных и местных органов власти, направленных на улучшение работы местной промышленности Иркутской области накануне Великой Отечественной войны. ....	189
<b>Шаламов В.А.</b> Эвакуация Временного главного управления Российского общества Красного Креста из Омска в Иркутск осенью 1919 года. ....	197

### СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

<b>Журавлев Д.М.</b> Модель социально-экономического развития региона (на примере Сибирского федерального округа) ....	205
--	-----

- Олейников И.В.** Процессы глобализации и деглобализации  
в международном сотрудничестве региона  
(на примере Иркутской области) ..... 214
- Федотов А.Н., Щепина С.В.** Роль торговой инфраструктуры  
потребительского рынка в повышении качества жизни  
населения Иркутской области ..... 220

### ГОСУДАРСТВО И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ: ИДЕИ БОЛЬШИХ ПРОЕКТОВ

- Ищенко Р.В., Ануфриев А.В., Петров А.В.**  
Первичное освоение Сибири на условиях  
государственно-частного партнерства ..... 229
- Ищенко Р.В., Скращук В.В., Люстрицкий Д.Г.** Индустриализация  
Сибири: замысел, реализация, последствия ..... 242

### ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

- Белозерцев С.М.** Преступления китайцев на горных  
приисках Восточной Сибири и Дальнего Востока  
на рубеже XIX–XX вв. .... 259
- Кудряшов В.В.** Журнал «Сибирские вопросы» о выборах  
в III и IV Государственные думы в Сибири (1907–1912 гг.) ..... 265
- Лебедева Н.А.** Система национальных школ  
ВПИ Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. .... 271
- Лях Т.А.** Состояние преступности в г. Братске  
в 1955–1991 гг. по материалам прокуратуры ..... 277
- Меньшагин А.Е., Меньшагин Е.В., Перевозников В.Ю.**  
К вопросу о наградах и наградной системе ДНР и ЛНР  
в 2014–2019 гг. .... 285
- Севостьянова Е.В.** Организация призрения  
и благотворительности в Селенгинском уезде  
Забайкальской области в годы Первой мировой войны:  
взаимодействие власти и общественности ..... 291
- Широков И.С.** Выборы в Иркутской области:  
возможности роста гражданской активности ..... 302

## РОЛЬ КОММУНИКАЦИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ

- Волосов Е.Н.** Авиакомпания «S7 AIRLINES»: как выжить частной компании среди государственных конкурентов ..... 309
- Гузенков С.В.** Проекты железнодорожного строительства в Ленском крае (начало XX в.)..... 317
- Задорожня О.А.** Состав и направления деятельности речного агентства «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» в Томске (1898–1917 гг.) ..... 326
- Урожаева Т.П.** Гражданская авиация Иркутской области в условиях реформируемой экономики в 1990–2005 гг. .... 335

## ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

- Карнышев А.Д.** Психолого-экономическая и экологическая оценка ресурсов Байкала в геополитике Китая и России ..... 345
- Курышова И.В.** К вопросу о лесном образовании в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX вв. .... 361

## МОНГОЛИЯ И КИТАЙ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СВЯЗЯХ СИБИРИ

- Батунаев Э.В.** Россия и Монголия на новом этапе взаимодействия..... 367
- Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В.** Историко-монголоведные исследования в Байкальском государственном университете (1940–2000-е гг.)..... 373
- Корниенко Н.Н.** Проповедь православия в Монголии: история одной заметки..... 380
- Курас Л.В., Хишигт Н., Цыбенков Б.Д.**  
От «революции в колчакии» до Монгольской революции 1921 года ..... 385
- Курас Л.В.** Грантовая деятельность РГНФ/РФФИ – МинОКН (Монголия) как инструмент «мягкой силы» (на материалах ИМБТ СО РАН)..... 393
- Очиров Ц.С.** Монгольская народная революция 1921 г. в работах китайских исследователей..... 401

<b>Цыбенков Б.Д.</b> Дауры района Бутха и создание отряда самообороны (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.).....	410
<b>Цыремпилова В.Э.</b> Политика реформ и открытости КНР и стратегия «Один пояс, один путь» .....	416

### ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<b>Бурматов А.А.</b> Смертность населения Новосибирской области в 1990-е гг. ....	424
<b>Задорин А.В.</b> Конфликтный и интеграционный потенциал межэтнических и миграционных отношений в Красноярском крае в настоящее время.....	433

### ИСТОРИЯ СИБИРИ В ЛИЦАХ

<b>Пархомов В.А.</b> Судьба людей и машин .....	443
<b>Шаламова С.А.</b> Вклад Рудакова Александра Васильевича (1905–1969) в благоустройство г. Иркутска .....	449

### ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<b>Курас С.Л., Курас Т.Л.</b> Памятные книжки Российской империи как историко-правовой документ.....	455
<b>Ткачев В.В.</b> Протоколы Иркутского областного союза советских художников в 1937–1938 гг., как источник по изучению экономической истории творческого объединения.....	462
<b>Цыдэнэ Ш.Ц.</b> Дореволюционная историография истории органов местного самоуправления бурят .....	469

### ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

<b>Кузьмин Ю.В., Шалак А.В.</b> Экономическая историография в исследованиях Д. Я. Майдачевского: к 60-летию со дня рождения .....	478
Список основных печатных трудов Д.Я. Майдачевского (2010–2019).....	483
<b>Ковригина С.В., Максимова В.Н., Цыкунов Г.А.</b> Человек на своем месте: к юбилею В.В. Кудряшова .....	491

**РЕЦЕНЗИИ**

<b>Вахрушев Ю.П.</b> Баргузинский острог во времени и административном пространстве.....	498
<b>Казарин В.Н.</b> История Восточного Забайкалья в учебном пособии для высшей школы.....	502
<b>Распопина А.А.</b> Мемуары партизан о гражданской войне в Приамурье.....	508
<b>Рощупкина Е.В.</b> Иркутская история Государственного банка России.....	516
<b>Цыкунов Г.А.</b> От сибирских полей до министерских должностей.....	525
<b>Сведения об авторах</b> .....	533

Научное издание

**ИРКУТСКИЙ  
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ  
ЕЖЕГОДНИК**

**2020**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 18.03.20 г. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0. Тираж 500 экз. Заказ 4403.

Издательство Байкальского государственного университета  
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Изготовлено в типографии «Репроцентр+»  
г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1  
Тел. (395-2) 540-940. [www.printrepro.ru](http://www.printrepro.ru)